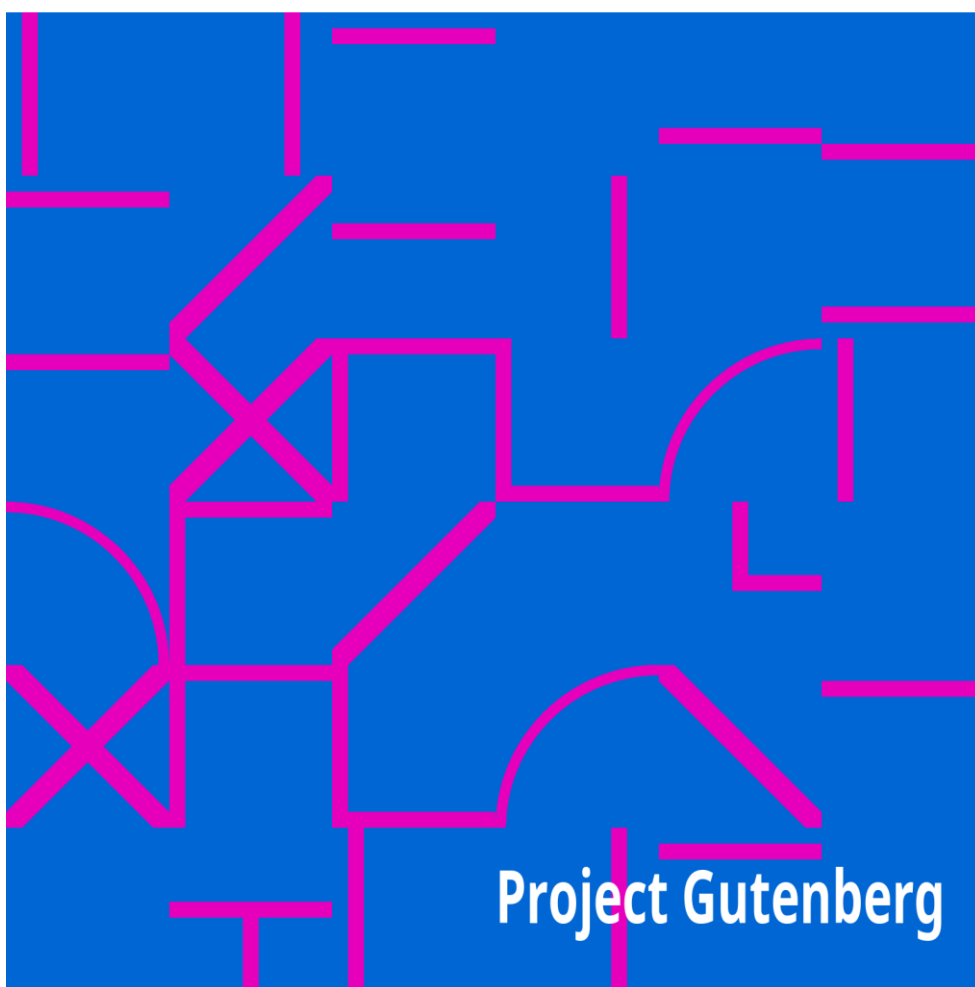

Французская революция - Том 2

Ипполит Тэн

The French Revolution - Volume 2

Hippolyte Taine

The Project Gutenberg eBook of The French Revolution - Volume 2.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Французская революция - Том 2

Автор: Ипполит Тэн

Аннотация: Свенд Ром

Переводчик: Джон Дюран

Дата выхода: 22 июня 2008 [eBook #2579]

Последнее обновление: 10 января 2013 г.

Язык: Английский

Кредиты: Продюсеры: Свенд Ром и Дэвид Видгер

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE FRENCH REVOLUTION - VOLUME 2 ***

ИСТОКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ, ТОМ 3

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ТОМ 2.

Ипполит А. Тэн

Примечание переводчика: Нумерация томов, книг, глав и разделов соответствует нумерации во французском языке.

и разделов соответствует французскому, а не американскому изданию.

Примечания транскриптора инициализированы SR.

Свенд Ром, апрель 2000 г.

Примечание HTML-продюсера: Нумерация сносок была изменена на качестве префикса к оригинальному номеру сноски добавлены номера книги и номера глав. Добавлено оглавление с активными

ссылками.

Дэвид Уиджер, июнь 2008 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ:

КНИГА ПЕРВАЯ. ЯКОБИНЦЫ.

ГЛАВА I. СОЗДАНИЕ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ОРГАНА.

- I.-Принцип революционной партии.
- II.-Якобинцы.
- III.-Психология якобинца.
- IV.-Что обещает теория.

ГЛАВА II. ЯКОБИНЦЫ

- I.-Формирование партии.
- II.-Спонтанные объединения после 14 июля 1789 года.
- III.-Как они относятся к свободе печати.
- IV.-Основные пункты их сплочения.
- V.-Малое число якобинцев.

КНИГА ВТОРАЯ. ПЕРВЫЙ ЭТАП ЗАВОЕВАНИЯ.

ГЛАВА I. ЯКОБИНЦЫ ПРИХОДЯТ К ВЛАСТИ.

- I.- Их осадные операции.
- II.- Обиды и опасности публичных выборов.
- III.- Друзья порядка, лишённые права на свободное собрание.
- V.- Запугивание и уход консерваторов.

ГЛАВА II. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

- I.-Состав Законодательного собрания.
- II.-Степень и качество их интеллекта и культуры.
- III.-Аспекты их заседаний.
- IV.-Партии.
- V.-Средства их действия.
- VI.- Парламентские маневры.

ГЛАВА III. ПОЛИТИКА СОБРАНИЯ

- I.-Политика Собрания.-Состояние Франции в конце 1791 года.
- II.-Собрание, враждебное угнетенным и благосклонное к угнетателям.
- III.- Война.
- IV.-Тайные мотивы лидеров.
- V.-Влияние войны на простой народ.

ГЛАВА IV. ДЕПАРТАМЕНТЫ.

- I.-Прованс в 1792 году.-Раннее господство якобинцев в Марселе.
- II.-Экспедиция в Экс.
- III.-Конституционалисты в Арле.
- IV.- Якобинцы в Авиньоне.
- V.-Другие департаменты.

ГЛАВА V. ПАРИЖ.

- I.-Давление Собрания на короля.
- II.-Плавающее и бедное население Парижа.
- III.-Ее лидеры,-Ее комитет,-Методы возбуждения толпы.
- IV.- 20 июня.

ГЛАВА VI. РОЖДЕНИЕ УЖАСНОЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ.

- I.- Возмущение конституционалистов.
- II.-Давление на короля.
- III.- Жирондисты работают на благо якобинцев.
- IV.- Тщетные попытки жирондистов подавить его.
- V.- Вечер 8 августа.
- VI.- Ночи 9 и 10 августа.
- VII.- 10 августа.
- VIII.- Состояние Парижа в период междуцарствия.

КНИГА ТРЕТЬЯ. ВТОРОЙ ЭТАП ЗАВОЕВАНИЯ.

ГЛАВА I. ТЕРРОР

- I.-Правительство банд во времена анархии.
- II.-Развитие идей убийств в партийной массе.
- III. Террор - их спасение.
- IV.-Дата его определения.-Действующие лица и их роли.
- V. Отречение и оцепенение.
- VI. Якобинская резня.

ГЛАВА II. ДЕПАРТАМЕНТЫ.

- I. Суверенитет народа.
- II.- В нескольких департаментах он устанавливается заранее.
- III.- Каждая якобинская группа - диктатор в своем районе.
- IV.-Ординарная практика якобинской диктатуры.
- V.-Компании путешествующих добровольцев.
- VI.-Поездка по Франции в кабинете министра внутренних дел.

ГЛАВА III. ВТОРОЙ ЭТАП ЯКОБИНСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

- I.- Второй этап якобинского завоевания.
- II.- Выборы.
- III.-Состав и тон вторичных собраний.
- IV.-Состав Национального конвента.
- V.- Якобинцы, образующие в одиночку суверенный народ.
- VI.-Состав партии.
- VII. Якобинские вожди.

ГЛАВА IV. ШАТКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

- I.-Преимущества якобинцев.
- II. Ее парламентские рекруты.
- III. Физический страх и моральная трусость.
- IV. Победа якобинцев над жирондистским большинством.
- V. Насилие якобинцев над народом.
- VI. Тактика якобинцев.
- VII. Центральный якобинский комитет у власти.
- VIII. Права или не права моя страна.

ПРЕДИСЛОВИЕ:

В этом томе, как и в предыдущих, и в последующих, вы найдете только историю государственных органов. Другие будут писать о дипломатии, о войне, о финансах, о церкви; моя же тема ограничена. Однако, к моему большому сожалению, эта новая часть заполняет целый том; и последняя часть, посвященная революционному правительству, будет такой же длинной.

Мне снова приходится сожалеть о неудовольствии, которое, как я предвижу, эта работа вызовет у многих моих соотечественников. Мое оправдание в том, что почти все они, более удачливые, чем я, имеют политические принципы, которые служат им в формировании их суждений о прошлом. У меня их не было; если у меня и был какой-то мотив, чтобы взяться за эту работу, то это был поиск политических принципов. К настоящему времени я достиг едва ли более одного; и этот принцип настолько прост, что покажется грубым, и я едва ли осмелюсь его выразить. Тем не менее я придерживаюсь его, и в том, что читатель собирается прочесть, все мои суждения вытекают из него; его истинность является мерилom их истинности. Она полностью состоит в следующем наблюдении: человеческое общество, особенно современное.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО, ОСОБЕННО СОВРЕМЕННОЕ, - ЭТО ОГРОМНАЯ И СЛОЖНАЯ ВЕЩЬ.

Отсюда трудность его познания и постижения. По этой же причине нелегко хорошо справиться с этой темой. Отсюда следует, что культурный ум способен сделать это гораздо лучше, чем некультурный, а человек, обладающий особой квалификацией, - лучше, чем тот, кто ею не обладает. Из этих двух последних истин вытекает множество других следствий, которые, если читатель соизволит поразмыслить над ними, ему будет нетрудно определить.

Н. А. Taine, Paris 1881.

КНИГА ПЕРВАЯ. ЯКОБИНЦЫ.

ГЛАВА I. СОЗДАНИЕ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ОРГАНА.

В этом дезорганизованном обществе, в котором страсти народа являются единственной реальной силой, власть принадлежит той партии, которая умеет льстить и использовать их в своих интересах. Поскольку законное правительство не может ни подавить, ни удовлетворить их, возникает незаконное правительство, которое санкционирует, возбуждает и направляет эти страсти. В то время как первое дремлет и разваливается на части, второе крепнет и совершенствует свою организацию, пока, став законным, не займет место другого.

I.- Принцип революционной партии.

Его применение.

В качестве оправдания этих народных вспышек и нападений мы с самого начала обнаруживаем теорию, которая не является ни импровизированной, ни дополненной, ни поверхностной, но теперь прочно укоренилась в общественном сознании. Она долгое время подпитывалась философскими дискуссиями. Это своего рода прочный, долгоживущий корень, из которого выросло новое конституционное дерево. Это догма народного суверенитета.^{1101 1101} В буквальном толковании она означает, что правительство - это всего лишь низший клерк или слуга. Мы, народ, создали правительство; и с тех пор, как и до его организации, мы являемся его хозяевами. Между ним и нами нет бесконечного или долговременного "контракта". "Ни один из них не может быть расторгнут по взаимному согласию или из-за неверности одной из двух сторон". Что бы он ни предусматривал, мы ничем не связаны с ним; он полностью зависит от нас. Мы остаемся свободными "изменять, ограничивать и возобновлять по своему усмотрению власть, хранителем которой мы его сделали". Благодаря изначальному и неотъемлемому праву собственности содружество принадлежит нам и только нам. Если мы передаем это в руки правительства, то это подобно тому, как короли передают власть на время министру, который всегда склонен к злоупотреблениям; наше дело - следить за ним, предупреждать его, проверять, обуздывать и, если необходимо, смещать. Мы должны особенно остерегаться хитростей и маневров, с

помощью которых он под предлогом сохранения закона и порядка свяжет нам руки. Закон, превосходящий все, что он может создать, запрещает ему вмешиваться в наш суверенитет; и он вмешивается в него, когда берется препятствовать, мешать или мешать его осуществлению. Собрание, даже Учредительное, узурпирует власть, когда обращается с народом как с лентяем, когда подчиняет его законам, которые он не ратифицировал, и когда лишает его возможности действовать иначе, чем через своих представителей. ¹¹⁰² Сам народ должен действовать непосредственно, должен собираться вместе и обсуждать государственные дела. Они должны контролировать и осуждать действия тех, кого они избрали; они должны влиять на них своими резолюциями, исправлять их ошибки своим здравым смыслом, компенсировать их слабость своей энергией, стоять у руля рядом с ними и даже применять силу и выбрасывать их за борт, чтобы спасти корабль, который в их руках дрейфует на скале. ¹¹⁰³ Такова, по сути, доктрина народной партии. Эта доктрина вводится в действие 14 июля и 5 и 6 октября 1789 года. Лустало, Камиль Десмулен, Фрерон, Дантон, Марат, Петийон, Робеспьер неустанно провозглашают ее в политических клубах, в газетах и в собраниях. По их мнению, правительство, будь то местное или центральное, повсюду нарушает закон. Почему, свергнув одну деспотию, мы должны устанавливать другую? Мы освободились от ига привилегированной аристократии, но все еще страдаем от "аристократии наших представителей". ¹¹⁰⁴ Уже в Париже "население - ничто, а муниципалитет - все". Он посягает на наши неотъемлемые права, отказываясь позволить району по своему усмотрению отозвать пять членов, избранных представлять его в Отель-де-Виль, принимая постановления без одобрения избирателей, не позволяя гражданам собираться там, где им заблагорассудится, прерывая собрания клубов на открытом воздухе в Пале-Рояле, откуда "патриотов выгоняют патрули". Мэр Бейли, "содержащий ливрейных слуг, выдающий себе жалованье в 110 000 ливров", распределяющий капитанские комиссионные, заставляющий торговцев носить металлические значки и принуждающий газеты ставить подписи под своими статьями, - не только тиран, но и мошенник, вор и "виновник национального преступления" - еще хуже злоупотребления Национального собрания. Клясться в верности конституции, как это только что сделал этот орган, навязывать нам свою работу, заставляя нас принести аналогичную клятву, игнорируя наши главные права наложить вето или ратифицировать их ^{решения} ¹¹⁰⁵, значит "пренебрегать и презирать наш суверенитет". Подменив волю 1200 человек волей народа, "наши представители не смогли отнестись к нам с уважением". Это не первый случай, и он не будет последним. Часто они превышают свои полномочия, разоружают, калечат и затыкают рот своему законному суверену, принимают указы против народа от имени народа. Таково их военное положение, специально придуманное для "подавления восстания граждан", то есть единственное средство, оставшееся у нас против заговорщиков, монополистов и предателей. Такой декрет, запрещающий публиковать любые совместные плакаты или петиции, является декретом "недействительным" и "представляет собой грубейшее посягательство на права нации". ¹¹⁰⁶ Особенно к ним относится избирательный закон, который, требуя небольшого квалификационного налога для избирателей и большего - для тех, кто имеет право голоса, "освящает аристократию богатства". Бедняки, исключенные декретом, должны считать его недействительным, регистрироваться по своему усмотрению и голосовать без колебаний, потому что естественное право имеет приоритет над писаным. Будет просто "справедливым возмездием", если в конце сессии миллионы граждан, недавно несправедливо лишенных права голоса, схватят узурпировавшее большинство за шиворот и скажут им:

"Вы отрезали нас от общества в своей палате, потому что вы там самые сильные; мы, в свою очередь, отрезаем вас от живого общества, потому что мы самые сильные на улице. Вы убили нас граждански - мы убьем вас физически".

Соответственно, с этой точки зрения, все бунты легитимны. Робеспьер с [трибуны](#)¹¹⁰⁷ оправдывает жакеев, отказывается называть разбойниками поджигателей замков, оправдывает повстанцев Суассона, Нанси, Авиньона и колоний. Десмулен, ссылаясь на двух повешенных в Дуэ, утверждает, что это сделали народ и солдаты вместе взятые, и заявляет: "Отныне - я без колебаний говорю это - они узаконили восстание"; они были виновны, и их следовало повесить.¹¹⁰⁸ Лидеры партии не только оправдывают убийства, но и провоцируют их. Десмулен, "генеральный прокурор Фонаря, настаивает на том, чтобы каждому из 83 департаментов угрожало хотя бы одно повешение на фонарном столбе". (Это прозвище Десмулен получил за то, что он выступал за уличные казни: жертв революционных страстей часто вешали на ближайшем фонаре, в то время в Париже подвешивали через дорогу на веревках или цепях. Тем временем Марат, руководствуясь принципами, постоянно бьет тревогу в своем дневнике:

"Когда общественная безопасность находится под угрозой, народ должен вырвать власть из рук тех, кому она доверена... Посадить в тюрьму эту австрийскую женщину и ее шурина... Схватить министров и их клерков и заковать их в кандалы... Позаботьтесь о мэре и его лейтенантах; держите в поле зрения генерала и арестуйте его подчиненных... Наследник престола не имеет права на обед, в то время как вам нужен хлеб. Организуйте отряды вооруженных людей. Маршируйте к Национальному собранию и требуйте, чтобы вам немедленно выдали продовольствие из национальных запасов... Требуйте, чтобы беднякам было обеспечено будущее за счет национального вклада. Если вам откажут, вступайте в армию, забирайте землю и золото, которые закопали негодяи, желающие голодом принудить вас к согласию, и делите их между собой. Снять головы с министров и их подчиненных, ибо время пришло; с Лафайета и всех негодяев из его штаба, с каждого непатриотичного батальонного офицера, включая Байи и этих муниципальных реакционеров - всех предателей в Национальном собрании!"

Марат, действительно, до сих пор слывет яростным болтуном среди людей, обладающих определенным интеллектом. Но при всем том вот в чем суть его теории: она устанавливает в политическом истеблишменте, над головами делегированных, регулярных и законных властей анонимную, имбецильную и ужасающую власть, чьи решения абсолютны, чьи проекты постоянно принимаются, а вмешательство носит кровожадный характер. Эта власть - толпа, свирепый, подозрительный султан, который, назначая своих визирей, держит руки свободными, чтобы руководить ими, и скимитар наготове, чтобы отрубить им головы.

II.- Якобинцы.

Формирование якобинцев.- Общие человеческие элементы его

Общие человеческие элементы его характера.- Коварство и догматизм чувствительны и

восстание в каждом обществе.-Как сдерживаются во всех

хорошо устроенных обществах.- Их развитие в новом порядке

вещей.-Влияние среды на воображение и

амбиции.-Стимуляторы утопизма, злоупотребление речью и

смена должностных лиц; интересы, играющие на
на чувствах и их извращение.

То, что спекулянт в своем чулане должен был придумать такую теорию, вполне объяснимо; бумага принимает все, что на нее кладут, а абстрактные существа, полые симулякры и философские куклы, которые он придумывает, приспособлены к любым комбинациям. -То, что сумасшедший в своей камере должен принять и проповедовать эту теорию, также понятно; он одержим фантомами и живет вне реального мира, и, более того, в этой вечно возбужденной демократии он является вечным доносчиком и подстрекателем каждого бунта и убийства; именно он под именем "друга народа" становится вершителем судеб и настоящим государем. -То, что народ, обложенный налогами, несчастный и голодающий, внушаемый ораторами и софистами, должен был принять эту теорию и действовать в соответствии с ней, вполне объяснимо; необходимость не знает законов, и там, где есть угнетение, верна та доктрина, которая служит для снятия угнетения.

Но то, что государственные люди, законодатели и государственные деятели, наконец, министры и главы правительства, должны были сделать эту теорию своей собственной;

* что они должны были с большей нежностью держаться за нее по мере того, как она становилась все более разрушительной;

* что ежедневно в течение трех лет они должны были видеть, как общественный порядок по частям рушится под ее ударами, и не признавать ее орудием столь огромного разрушения;

* что в свете самого катастрофического опыта, вместо того чтобы считать его проклятием, они должны были прославлять его как благо;

* что многие из них - целая партия, почти все члены Ассамблеи - должны были почитать ее как религиозную догму и доводить ее до крайности с энтузиазмом и строгостью веры;

* что, загнанные ею в узкий пролив, становившийся все более и более узким, они должны были продолжать сокрушать друг друга на каждом шагу;

* что в конце концов, достигнув виденного ими храма так называемой свободы, они должны были оказаться на скотобойне и в ее стенах стать поочередно мясником и скотиной;

* что своими максимами о всеобщей и совершенной свободе они должны были основать деспотию, достойную Дагомеи, трибунал, подобный инквизиции, и воздвигнуть человеческие гекатомбы, подобные тем, что были в древней Мексике;

* что среди своих тюрем и эшафотов они должны были упорно верить в праведность своего дела, в свою человечность, в свою добродетель и, пав, считать себя мучениками - это, конечно, странно.

это, конечно, странно. Такое интеллектуальное отклонение, такое чрезмерное самомнение встречаются нечасто, и для его возникновения необходимо было стечение обстоятельств, подобных которому в мире не встречалось ни разу.

Экстравагантное самомнение и догматизм, однако, не являются редкостью в человеческом роде. Эти два корня якобинского интеллекта существуют во всех странах, подземные и неистребимые. Везде им не дает прорасти сложившийся порядок вещей; везде они стремятся опрокинуть старые исторические устои, которые давят на них. Сейчас, как и в прошлом, студенты живут в мансардах, богема - в ночлежках, врачи - без пациентов,

адвокаты - без клиентов в одиноких конторах, столько Бриссо, Дантонов, Маратов, Робеспьеров и Сен-Жюстов в зародыше; только из-за недостатка воздуха и солнца они никогда не достигают зрелости. В двадцать лет, когда молодой человек вступает в общество, его суждения и гордость чрезвычайно чувствительны. Во-первых, пусть его общество будет таким, каким оно будет, оно для него - скандал против чистого разума: ведь оно не было организовано философом-законодателем в соответствии со здравым принципом, а является работой одного поколения за другим, в соответствии с разнообразными и меняющимися потребностями. Это продукт не логики, а истории, и новоиспеченный мыслитель пожимает плечами, глядя вверх и видя, что представляет собой древний дом, фундамент которого произволен, архитектура запутана, а многочисленные ремонты хорошо видны. Во-вторых, какой бы степени совершенства ни достигли предшествующие институты, законы и обычаи, они не получили его одобрения; другие, его предшественники, выбрали за него, его заранее приучают к моральным, политическим и социальным формам, которые им понравились. Понравились они ему или нет - не имеет значения. Подобно лошади, рыскающей между жердями повозки в упряжи, которую случайно надели на ее спину, он вынужден довольствоваться тем, что есть. - Кроме того, какой бы ни была организация, поскольку по сути это иерархия, он почти всегда подчиненный в ней, и должен всегда оставаться таковым, будь то солдат, капрал или сержант. Даже при самой либеральной системе, при которой высшие классы доступны всем, на каждые пять-шесть человек, которые берут на себя роль лидера или командуют другими, сто тысяч должны следовать за ними или быть под их командованием. Поэтому напрасно говорить каждому призывнику, что он носит в своем мешке маршальский жезл, когда в девятистах девяноста девяти случаях из тысячи он, порывшись в своем мешке, слишком поздно обнаруживает, что жезла там нет, - неудивительно, что у него возникает искушение бить по социальным барьерам, в которые, хочет он того или нет, его зачисляют и которые определяют его подчинение. Неудивительно, что, выйдя из-под традиционного влияния, он должен принять теорию, которая подчиняет эти порядки его суждению и дает ему власть над начальством. Тем более что нет доктрины более простой и лучше приспособленной к его неопытности, это единственная, которую он может постичь и которой он может управлять без посторонней помощи. Вот почему молодые люди по окончании колледжа, особенно те, кому предстоит пройти свой путь в мире, становятся в большей или меньшей степени якобинцами - это расстройство взросления.¹¹⁰⁹ В хорошо организованных сообществах этот недуг полезен и быстро излечивается. Если общественное устройство основательно и тщательно охраняется, недовольные вскоре обнаруживают, что у них недостаточно сил, чтобы его разрушить, и что, вступая в спор с его стражами, они не получают ничего, кроме ударов. После некоторого ворчания они тоже входят в ту или иную дверь, находят себе место, пользуются его преимуществами или примиряются со своей участью. Наконец, либо по подражанию, либо по привычке, либо по расчету, они охотно становятся частью того гарнизона, который, защищая общественные интересы, защищает и свои частные интересы. Как правило, по прошествии десяти лет молодой человек получает свое место в строю, где он продвигается шаг за шагом в своем собственном купе, которое он уже не думает разрывать на куски, и под взглядом полицейского, которого он уже не думает осуждать. Иногда он даже думает, что полицейский и купе ему полезны. Если он подумает о миллионах людей, которые пытаются подняться по социальной лестнице, каждый из которых стремится опередить другого, его может осенить, что худшим из бедствий было бы отсутствие барьеров и опекунов.

Здесь же изъеденные червями барьеры разом треснули, а их покладистые, робкие, неспособные опекуны позволили всему идти своим чередом. Общество, соответственно, распалось и превратилось в бурлящую, кричащую толпу, каждый толкается и толкается, все одинаково перевозбуждены и поздравляют друг друга с тем, что наконец-то получили место

для локтя, и все требуют, чтобы новые барьеры были такими же хрупкими, а новые опекуны - такими же слабыми, такими же незащищенными и такими же инертными, как только возможно. Именно это и было сделано. Естественным следствием этого стало то, что те, кто занимал первые места, были оттеснены на последние; многие были сбиты с ног в драке, а в этом постоянном состоянии беспорядка, которое прикрывается прочным порядком, элегантную обувь продолжают штамповать сапогами с копытами и деревянными башмаками - фанатики и неистовые эгоисты теперь могут дать себе волю. Они больше не подчиняются ни древним институтам, ни вооруженной силе, способной их сдержать. Напротив, новая конституция своими теоретическими декларациями и их практическим применением приглашает их отпустить себя на свободу. Как следствие, все законы подвергаются поверхностным комментариям рассуждающих и спорящих, которые будут как толковать, так и нарушать их в соответствии с [принципами1110](#). -С другой стороны, по сути дела, она отдает все государственные полномочия выборам и предоставляет клубам контроль над властью, что является премией для самонадеянности амбициозных людей, которые выдвигают себя, потому что считают себя способными, и которые порочат своих правителей специально, чтобы сместить их. -Каждое государственное ведомство, организация или административная система подобны теплице, которая служит для благоприятствования одним видам человеческого растения и увядания других. Эта система - лучшая для распространения и быстрого роста политиков в кофейнях, клубных ораторов, ораторов на пнях, уличных глашатаев, диктаторов комитетов - словом, революционеров и тиранов. В этой политической теплице необузданные мечты и тщеславие принимают чудовищные размеры, и через несколько месяцев пылкие мозги становятся горячими головами.

Давайте проследим, как эта чрезмерная, нездоровая температура влияет на воображение и амбиции. Старый дом разрушен, фундамент нового еще не заложен, общество приходится создавать заново, сверху донизу. Всех желающих просят прийти и помочь, и, поскольку при составлении плана достаточно одного простого принципа, первый пришедший может добиться успеха. Отныне политические идеи роятся на районных собраниях, в клубах, в газетах, в брошюрах, в каждом устремленном ввысь, авантюрном мозгу.

"Нет ни одного купеческого клерка, воспитанного чтением "Новой Элоизы" [1111](#), ни одного школьного учителя, переведшего десять страниц Ливия, ни одного художника, пролиставшего Роллина, ни одного эстета, превращенного в журналиста путем заучивания загадок "Социального договора", который не составил бы конституции... Поскольку нет ничего проще, чем довести до совершенства дневную мечту, все взволнованные умы собираются и возбуждаются в этом идеальном царстве. Они начинают с любопытства и заканчивают энтузиазмом. Человек с улицы бросается на это предприятие так же, как скупец на фокусника, обещающего сокровища, и, по-детски увлеченный, каждый надеется сразу найти то, чего никогда не видели даже самые либеральные правительства: вечное совершенство, всеобщее братство, возможность приобретать то, чего не хватает, и жизнь, состоящую исключительно из удовольствий".

Одним из таких удовольствий, причем очень ярким, является дневная мечта. Человек парит в пространстве. С помощью восьми или десяти готовых предложений, содержащихся в шестипенсовых катехизисах, которые тысячами распространяются в стране и на окраинах [городов1112](#), сельский прокурор, таможенник, театральный служащий, сержант солдатской столовой становятся законодателями и философами. Он критикует Малуэ, Мирабо, министерство, короля, Собрание, церковь, иностранные кабинеты, Францию и всю Европу. И вот по этим важным вопросам, которые всегда казались ему запретными, он предлагает резолюции, читает обращения, произносит речи, получает аплодисменты и поздравляет

себя с тем, что так хорошо и многословно аргументировал. Держать удар по непонятным вопросам - теперь занятие, предмет гордости и выгоды.

"За один день, - говорит [очевидец1113](#), - в одном парижском квартале произносится больше, чем за год во всех швейцарских политических собраниях, вместе взятых. Англичанин потратил бы шесть недель на изучение того, что мы обсуждаем за четверть часа".

Повсюду, в ратушах, на народных собраниях, в секционных ассамблеях, в винных лавках, на общественных променадах, на углах улиц тщеславие воздвигает трибуну многословия.

"Подумайте о неисчислимой деятельности такой машины в болтливой нации, где страсть быть кем-то доминирует над всеми другими привязанностями, где тщеславие имеет больше фаз, чем звезд на небосводе, где репутация уже стоит не больше, чем труд настаивать на ее заслуженности, где общество разделено между посредственностями и их трубачами, восхваляющими их как божеств; где так мало людей довольны своей участью, где бакалейщик на углу гордится своим эполетом больше, чем Великий Конде своим маршальским жезлом, где вечная агитация без цели и средств, где от полового тряпки до драматического актера, от академика до простака, запутавшегося в вечерней газете, от остроумного придворного до его философствующего лакея, каждый пересматривает Монтескье с самодостаточностью ребенка, который, учась читать, считает себя мудрым; где самолюбование, выражающееся в спорах, кривляниях и утонченности, уничтожает всякий разумный разговор; где никто не произносит ни слова, кроме как для того, чтобы поучать, не представляя себе, что для того, чтобы учиться, нужно молчать; где триумфы нескольких сумасшедших выманивают каждого сумасшедшего из его логова; где, имея две бессмысленные идеи, взятые вместе из непонятной книги, человек предполагает иметь принципы; где мошенники говорят о морали, женщины легкого поведения о цивилизованности, а самые позорные существа о достоинстве рода; где разряженный камердинер великого синьора называет себя Брутом!" - В действительности он Брут в собственных глазах. Придет время, и он станет таким на полном серьезе, особенно против своего покойного хозяина; все, что ему нужно сделать, - это нанести ему удар своей пикой. Пока он не исполняет роль, он изрекает ее и возбуждается от собственных тирад; его здравый смысл уступает место напыщенному жаргону революции и декламации, которая завершает утопический спектакль и освобождает его мозг от последнего балласта.

Новый режим нарушил не только идеи, но и чувства. "Власть переходит от Версальского замка и придворных прихожих, без посредников и противовесов, к пролетариату и его льстецам". [1114](#) Весь состав старого правительства грубо отброшен, а на его место в результате всеобщих выборов грубо назначен другой, причем должности отдаются не способностям, стажу и опыту, а самодурству, интригам и преувеличениям. Не только юридические права сведены к общему уровню, но и естественные ранги перенесены; социальная лестница, низвергнутая, вновь устанавливается снизу вверх; Первым эффектом обещанного возрождения является "замена в управлении общественными делами мелких фокусников на магистратов, простых граждан на кабинет министров, бывших соотечественников на бывших дворян, деревенщин на солдат, солдат на капитанов, капитанов на генералов, куры на епископов, викариев на куры, монахов на викариев, маклеров на финансистов, эмпириков на администраторов, журналистов на политэкономов, ораторов на законодателей, а бедных на богатых". "Это зрелище стимулирует все виды жадности. Обилие должностей и ожидание вакансий "возбуждает жажду командования, стимулирует самолюбие и разжигает надежды самых неумелых". Грубое и мрачное самомнение заставляет глупцов и невежд не осознавать своей ничтожности. Они считали

себя способными на все, потому что закон наделял государственные функции лишь способностями. Перед каждым возникла амбициозная перспектива; солдат думает только о том, чтобы сместить своего капитана, капитан - о том, чтобы стать генералом, клерк - о том, чтобы сместить начальника своего отдела, новоиспеченный адвокат - о том, чтобы быть принятым в высший суд, куратор - о том, чтобы быть рукоположенным в епископы, мелкий писака - о том, чтобы занять место в законодательном органе. Должности и профессии, освободившиеся в результате назначения стольких выскочек, предоставляют, в свою очередь, обширное поле для честолюбия низших классов" - так, шаг за шагом, благодаря перемене социальных позиций, наступает всеобщая интеллектуальная лихорадка.

"Франция превращается в игорный стол, где рядом с недовольным горожанином, предлагающим свои ставки, сидит, дерзкий, крикливый, с брожением в мозгу, претенциозный подчиненный, бряцающий костями... При виде чиновника, поднимающегося из ниоткуда, даже душа сапожника замирает от подражания" - ему нужно только пробиваться вперед и работать локтями, чтобы получить билет "в этой огромной лотерее народной удачи, преференций без заслуг, успеха без таланта, апофеозов без добродетелей, бесконечного числа мест, распределяемых народом оптом и получаемых народом в деталях". - Политические шарлатаны стекаются сюда со всех сторон, причем во главе стоят те, кто, будучи наиболее искренним, верит в силу своего нострума и нуждается во власти, чтобы навязать его рецепт обществу; все они спасители, все места принадлежат им, и особенно самые высокие. Они осаждают их добросовестно и филантропически; если нужно, они берут их штурмом, удерживают силой и, насильно или иным способом, вводят свою панацею в человеческий род.

III.- Психология якобинца.

Его интеллектуальный метод.- Тирания формул и подавление фактов.-Психическое равновесие нарушено.-Признаки это в революционном языке.-Сфера и выражение Якобинский интеллект.- В каком отношении его метод озорной.-Как он успешен.-Иллюзии, порожденные он.

Таковы наши якобинцы, рожденные из социального разложения, как грибы из компоста. Давайте рассмотрим их внутреннюю организацию, ведь она у них есть, как раньше у пуритан; нам нужно только проследить за их догмой до ее глубин, как за звуковой линией, чтобы достичь психологического слоя, в котором нормальный баланс способностей и чувств нарушен.

Когда государственный деятель, не совсем недостойный этого великого имени, находит на своем пути абстрактный принцип, как, например, принцип народного суверенитета, он

принимает его, если вообще принимает, в соответствии со своим представлением о его практическом значении. Соответственно, он начинает с того, что представляет себе его применение и действие. На основе личных воспоминаний и той информации, которую он может получить, он формирует представление о какой-то деревне или городе, каком-то сообществе умеренного размера на севере, на юге или в центре страны, для которого он должен принять законы. Затем он представляет себе, что его жители действуют в соответствии с его принципом, то есть голосуют, выставляют стражу, взимают налоги и управляют своими делами. Ознакомившись с десятью или дюжиной подобных групп, которые он рассматривает в качестве примеров, он делает вывод по аналогии с другими и остальными на этой территории. Очевидно, что это трудный и неопределенный процесс; чтобы быть точным или почти точным, требуются редкие способности к наблюдению и на каждом шагу - большой такт, поскольку приходится делать хорошие расчеты на заданных величинах, несовершенных установленных и несовершенных отмеченных!1115 Любой политический лидер, который делает это успешно, делает это благодаря самому зрелому опыту, который ассоциируется с гением. И даже тогда он держит руку на стержне, продвигая свое новшество или реформу; он почти всегда осторожен; он применяет свой закон лишь частично, постепенно и условно; он хочет убедиться в его действии; он всегда готов приостановить его действие, изменить его или модифицировать, в соответствии с хорошими или плохими результатами эксперимента; состояние человеческого материала, с которым ему приходится иметь дело, никогда не ясно для его ума, даже когда он превосходит его, до тех пор, пока не произойдут многочисленные и неоднократные прощупывания.1115 Якобинец придерживается прямо противоположного курса. Его принцип - это аксиома политической геометрии, которая всегда несет с собой свое доказательство; ибо, подобно аксиомам обычной геометрии, она формируется из комбинации нескольких простых идей, и ее доказательство сразу же навязывает себя всем умам, способным охватить одним понятием два термина, совокупным выражением которых она является. Человек в целом, права человека, общественный договор, свобода, равенство, разум, природа, народ, тираны - вот примеры этих основных понятий: точные или нет, они заполняют мозг нового сектанта. Часто эти термины - просто туманные и грандиозные слова, но это не имеет значения; как только они встречаются в его мозгу, из них рождается аксиома, которая может быть мгновенно и абсолютно применена по любому поводу и к любой ситуации. Человечество как оно есть его не волнует. Он не наблюдает их, не требует наблюдать их; с закрытыми глазами он накладывает свой собственный шаблон на управляемую им человеческую субстанцию; ему не приходит в голову мысль составить какое-либо прежнее представление об этом сложном, многообразном, колышущемся материале - современных крестьянах, ремесленниках, горожанах, куриях и дворянах, за их плугами, в их домах, в их магазинах, в их пасторальных, в их особняках, с их закоренелыми убеждениями, стойкими наклонностями и сильными волями. Ничто из этого не входит в его разум и не задерживается в нем; все его пути пресекаются абстрактным принципом, который процветает там и полностью заполняет его. Если действительный опыт через глаза или уши насильно насаждает в его сознании какую-нибудь нежелательную истину, она не может там ужиться; как бы шумно и неумолимо она ни звучала, абстрактный принцип изгоняет ее1116; если нужно, он искажает и душит ее, считая клеветницей, поскольку она опровергает принцип, который сам по себе истинен и неоспорим. Очевидно, что такой ум нездоров; из двух способностей, которые должны гармонично сочетаться, одна вырождается, а другая зарастает; факты не могут перевесить чашу весов против теории. Заряженный с одной стороны и пустой с другой, якобинский ум жестоко переворачивается на ту сторону, к которой он склоняется, и в этом его неизлечимая немощь.

В самом деле, посмотрите на подлинные памятники якобинской мысли: "Журнал сторонников конституции", газеты Лустало, Десмулена, Бриссо, Кондорсе, Фрерона и Марата, памфлеты и речи Робеспьера и Сен-Жюста, дебаты в Законодательном собрании и в Конвенте, речи, обращения и доклады жирондистов и монтаньяров, короче говоря, сорок томов выдержек, собранных Буше и Ру. Никогда еще не было сказано так много и так мало; вся правда, которая произносится, тонет в однообразии и раздувании пустого словоблудия и громкой напыщенности. Достаточно одного опыта в этом направлении. [1117](#) Историк, который обращается к этой массе мусора в поисках точных сведений, не находит ни одного из них; напрасно он читает километры: едва ли он встретит там хоть один факт, хоть одну поучительную деталь, хоть один документ, который представит его глазам отчетливую личность, который покажет ему истинные чувства деревенского жителя или дворянина, который живо обрисует интерьер отеля-де-виль, солдатской казармы, муниципальной палаты или характер восстания. Чтобы определить пятнадцать или двадцать типов и ситуаций, из которых складывается история этого периода, нам приходилось и придется искать их в других местах - в переписке местных администраторов, в показаниях под присягой в уголовных делах, в конфиденциальных отчетах [полиции1118](#) и в рассказах [иностранцев1119](#), которые, будучи подготовлены к этому другим образованием, за словами ищут дела и видят Францию за пределами "Contrat Social". Эта кишашая Франция, эта грандиозная трагедия, которую двадцать шесть миллионов игроков разыгрывают на сцене в 26 000 квадратных лье, потеряна для якобинца. Его литература, как и его мозг, содержит лишь бессодержательные обобщения, вроде тех, что были приведены выше, выливающиеся в простую игру идей, иногда в сжатых выражениях, когда автор - профессиональный рассудитель, как Кондорсе, но чаще всего в запутанном, узловатом стиле, полном рыхлых и несвязных сетей, когда выразитель - импровизированный политик или философский тироль, как рядовые депутаты Собрания и ораторы клубов. Это педантичная схоластика, изложенная с фанатичной яростью. Весь его словарный запас состоит примерно из сотни слов, а все идеи сводятся к одной - человек сам по себе: человеческие единицы, одинаково равные и независимые, впервые соединившиеся вместе. Такова их концепция общества. Ни одна из них не может быть более краткой, поскольку, чтобы прийти к ней, человек должен быть сведен к минимуму. Никогда еще политические мозги не были так сознательно высушены. Ведь именно попытка систематизировать и упростить приводит к их обнищанию. В этом отношении они идут по методам своего времени и по следам Жан-Жака Руссо: их взгляд на жизнь - это классический взгляд, который, и без того узкий у поздних философов, теперь стал еще более узким и ожесточенным. Лучшими представителями этого типа являются [Кондорсе1120](#) среди жирондистов и Робеспьер среди монтаньяров, оба просто догматики и чистые логики, причем последний - самый замечательный и с совершенством интеллектуальной стерильности, никогда не превзойденной. - Несомненно, что в том, что касается формулирования прочных законов, то есть приспособления социального механизма к личностям, условиям и обстоятельствам, их менталитет, конечно, самый бессильный и вредный. Он органически близорук, и, ставя свои принципы между ним и реальностью, они закрывают горизонт. За пределами своей толпы и клуба он ничего не различает, а в неясности и путанице расстояния воздвигает полые идола своей утопии. Но когда власть нужно захватить штурмом и произвольно установить диктатуру, механическая несгибаемость такого ума скорее полезна, чем вредна. Его не смущает и не тормозит, как государственного деятеля, обязанность наводить справки, уважать прецеденты, изучать статистику, заранее просчитывать и проследивать в разных направлениях ближайшие и отдаленные последствия своей работы, поскольку она затрагивает интересы, привычки и страсти различных классов. Все это теперь устарело и излишне: якобинец на месте знает правильную форму правления и хорошие законы. Как для строительства, так и для

разрушения его прямолинейный метод является самым быстрым и энергичным. Ведь если для того, чтобы понять, что устраивает двадцать шесть миллионов живых французов, требуется спокойное размышление, то для того, чтобы понять желания абстрактных людей их теории, достаточно одного взгляда. Действительно, согласно теории, все люди сформированы по одному образцу, и им не остается ничего, кроме элементарной воли; таким образом, философский робот требует свободы, равенства и народного суверенитета, поддержания прав человека и соблюдения "Социального договора". Этого достаточно: отныне воля народа известна, причем известна заранее; консультации граждан перед началом действий не обязательны; нет необходимости ожидать их голосов. В любом случае, ратификация народом несомненна; если же этого не произойдет, то это будет вызвано его невежеством, пренебрежением или злым умыслом, и в этом случае его реакция заслуживает того, чтобы считаться недействительной. Поэтому лучше всего, предостерегая народ от того, что для него плохо, диктовать ему то, что для него хорошо". Здесь якобинец может быть искренен; ведь люди, от имени которых он требует прав, - это не французы из плоти и крови, какими мы видим их на улицах и в полях, а люди вообще, какими они должны быть, выйдя из рук природы или следуя учениям Разума. В отношении первых нет нужды быть скрупулезным, потому что они одержимы предрассудками и их мнения - сущий вздор; в отношении вторых - как раз наоборот: преисполненный уважения к тщеславным образам собственной теории, к призракам, порожденным его собственным интеллектуальным устройством, якобинец всегда будет склоняться перед ответами, которые он сам дал, ибо созданные им существа в его глазах более реальны, чем живые, и именно на их голос он рассчитывает. Соответственно, если смотреть на вещи в худшем свете, против него нет ничего, кроме сиюминутной антипатии ослепленного поколения. Чтобы компенсировать это, он пользуется одобрением человечества, полученным им самим; одобрением потомства, которое его деяния возродили; одобрением людей, которые благодаря ему снова становятся теми, кем они никогда не должны были перестать быть. Поэтому, отнюдь не считая себя узурпатором или тираном, он считает себя естественным представителем настоящего народа, полномочным исполнителем общей воли. Маршируя в процессии, сформированной для него этой воображаемой толпой, поддерживаемой миллионами метафизических волей, созданных им самим по своему образу и подобию, он получает их единодушное согласие и, подобно хору триумфальных криков, наполняет внешний мир внутренним эхом своего собственного голоса.

IV.- Что обещает теория.

Как она льстит уязвленному самолюбию.

Якобинца. Проявляется как в стиле, так и в поведении.

добродетелен в своей собственной оценке, в то время как его противники

Соответственно, они должны быть убраны с дороги.

Совершенство этого характера. Здравый смысл и моральное чувство
извращены.

Когда идеология привлекает людей, это связано не столько с ее изощренностью, сколько с обещаниями, которые она дает. Она апеллирует скорее к их желаниям, чем к их интеллекту; ведь если сердце иногда может быть душой головы, то последняя гораздо чаще бывает душой первой. Мы принимаем систему не потому, что считаем ее истинной, а потому, что истина, которую мы в ней находим, нас устраивает. Политический или религиозный фанатизм, любое теологическое или философское русло, по которому течет истина, всегда имеет своим источником некое пламенное желание, некую тайную страсть, некое скопление сильных, болезненных желаний, которым теория дает выход. В якобинце, так же как и в пуританине, есть источник такого описания. У пуритан этот источник питается тревогами беспокойной совести, которая, формируя для себя некое представление о совершенной справедливости, становится жесткой и умножает заповеди, которые, по ее мнению, провозгласил Бог; будучи вынужденной послушаться их, она восстает и, чтобы навязать их другим, становится тиранической, вплоть до деспотизма. Первым усилием пуританина, однако, полностью внутренним, является самоконтроль; прежде чем стать политиком, он становится моральным. У якобинца, напротив, первая заповедь - не моральная, а политическая; он преувеличивает не свои обязанности, а свои права, а его доктрина, вместо того чтобы уколоть его совесть, льстит его [гордыне](#)¹¹²¹. Какой бы огромной и ненасытной ни была человеческая гордыня, теперь она удовлетворена, ибо никогда прежде ей не было так много пищи. -В программе секты не ищите ограниченных прерогатив, проистекающих из самоуважения, которые гордый человек требует для себя, таких как гражданские права, сопровождаемые теми свободами, которые служат часовыми и стражами этих прав - безопасность жизни и собственности, стабильность закона, честность судов, равенство граждан перед законом и при налогообложении, отмена привилегий и произвола, выборы представителей и управление общественными фондами. В общем, драгоценные гарантии, которые делают каждого гражданина неприкосновенным сувереном на его ограниченной территории, которые защищают его личность и имущество от всех видов государственного или частного угнетения и поборов, которые сохраняют его спокойствие и выдержку как перед конкурентами, так и перед противниками, прямо и уважение в присутствии магистратов и в присутствии правительства.

Малуэ, Мунье, Малле дю Пан, приверженцы английской конституции и парламента, могут довольствоваться такими ничтожными дарами, но якобинская теория ценит все это дешево и, если понадобится, растопчет в пыль. Независимость и безопасность для частного гражданина - это не то, что она обещает, не право голосовать каждые два года, не умеренное влияние, не косвенный, ограниченный и периодический контроль над содружеством, а политическое господство в полном и окончательном владении Франции и французского народа. В этом вопросе нет никаких сомнений. По словам самого Руссо, "Социальный договор" предписывает "полное отчуждение обществу каждого члена и всех его прав", каждый индивид отдает себя полностью, "таким, каким он может быть на самом деле, он сам и все его силы, частью которых является его имущество", так что государство, не только признанный собственник имущества, но и умов и тел, может насильственно и законно навязать каждому своему члену такое образование, форму вероисповедания, религиозную веру, мнения и симпатии, какие оно сочтет наилучшими.¹¹²² Теперь каждый человек, исключительно потому, что он человек, по праву является членом этого деспотического суверенитета. Каково бы ни было мое состояние, моя некомпетентность, мое невежество, моя незначительность в той карьере, которую я проделал, я имею полный контроль над судьбами, жизнями и совестью двадцати шести миллионов французов, являясь соответственно царем и папой в соответствии с моей долей власти... Но если я строго придерживаюсь этой доктрины, я все же больше, чем требует моя доля. Эта королевская прерогатива, которой я наделен, дается только тем, кто, подобно мне, подписывает

Общественный договор в полном объеме; другие, просто потому, что они отвергают некоторые его пункты, несут потери; никто не должен пользоваться преимуществами договора, некоторые из условий которого отвергнуты; более того, поскольку этот договор основан на естественном праве и является обязательным, тот, кто отвергает его или выходит из него, становится этим актом преступником, общественным преступником и врагом народа. Когда-то были преступления королевского величества, теперь есть преступления народного величества. Такие преступления совершаются, когда делом, словом или мыслью отрицается или оспаривается любая часть более чем королевской власти, принадлежащей народу. Догма, с помощью которой провозглашается народный суверенитет, на деле приводит к диктатуре немногих и запрету многих. Вне секты вы находитесь вне законов. Мы, пять или шесть тысяч якобинцев Парижа, являемся законным монархом, непогрешимым понтификом, и горе тем, кто отказывается от своих убеждений, всем правительственным агентам, всем частным лицам, духовенству, дворянам, богачам, купцам, торговцам, равнодушным из всех классов, которые, упорно сопротивляясь или проявляя неуверенность, осмеливаются усомниться в нашем неоспоримом праве.

Одно за другим эти следствия выходят на свет, и очевидно, что, пусть логический механизм, с помощью которого они разворачиваются, будет таким, каким он может быть, ни один обычный человек, если только он не обладает исключительным тщеславием, не примет их полностью. Он должен иметь возвышенное мнение о себе, чтобы считать себя сувереном иначе, чем по результатам голосования, вести государственные дела не более безопасно, чем свои частные, прямо и насильственно вмешиваться в них, ставить себя, себя и свою клику, в качестве проводников, цензоров и правителей своего правительства, убеждать себя в том, что, с его посредственным образованием и средним умом, с его немногими обрывками латыни и сведениями, почерпнутыми в читальнях, кофейнях и газетах, без всякого опыта, кроме клубного или муниципального совета, он может мудро и хорошо рассуждать об огромных, сложных вопросах, которые высшие люди, специально посвященные в них, не решаются брать на себя. Поначалу это самомнение существовало в нем лишь в зародыше, и в обычное время оно осталось бы, за неимением питания, как сухая гниль или ползучая плесень, но сердце не знает, какие странные семена оно содержит! Любому из них, слабенькому и, казалось бы, не приметному, нужны лишь воздух и солнце, чтобы превратиться в вредоносный нарост и колоссальное растение. Будь то адвокат третьего или четвертого класса, советник, хирург, журналист, куратор, художник или писатель, якобинец подобен пастуху, который только что нашел в углу своей хижины множество старых пергаментов, дающих ему право на трон. Какой контраст между ничтожностью его призвания и важностью, которой наделяет его теория! С каким восторгом он принимает догму, которая возносит его так высоко в его собственной оценке! Усердно конспектируя Декларацию прав, Конституцию, все официальные документы, наделяющие его столь славными прерогативами, заряжая ими свое воображение, он тут же переходит на тон, подобающий его новому положению. **1123 Ничто не** может превзойти надменности и высокомерия этого тона. Он с самого начала заявляет о себе в речах клубов и петициях в Учредительное собрание. Лустало, Фрерон, Дантон, Марат, Робеспьер, Сен-Жюст всегда используют диктаторский язык, язык секты, который в конце концов становится жаргоном их самых подлых приспешников. Вежливость и терпимость, все, что обозначает уважение к другим, не находят места ни в их высказываниях, ни в их действиях; чванливое, тираническое самомнение создает для себя язык по своему образу и подобию, и мы видим не только главных действующих лиц, но и их мелких соратников, возвышающихся на своей величественной платформе. Каждый из них в своих собственных глазах - римлянин, спаситель, герой и великий человек.

"Я стоял на трибуне дворца, - пишет Анархарсис Клуц, [1124](#) - во главе иностранцев, выступая в качестве посла человеческого рода, а министры тиранов смотрели на меня с ревнивым и смущенным видом".

Школьный учитель в Труа по случаю открытия клуба в этом городе советует женщинам "учить своих детей, как только они смогут произносить слова, что они свободны и имеют равные права с самыми могущественными владыками вселенной". [1125](#) Рассказ Петиона о поездке в королевской карете по возвращении из Варенна следует прочесть, чтобы понять, как далеко может завести самодовольство педанта и самодовольство бездельника. [1126](#) В своих мемуарах и вплоть до эпитафий Барбару, Бузо, Петион, Ролан и мадам [Ролан](#)[1127](#) выдают себя за добродетелей и, если бы мы могли поверить им на слово, сошли бы за образцовых героев Плутарха. - Это увлечение, от жирондистов домонтаньяров, продолжает расти. Сен-Жюст в возрасте двадцати четырех лет, будучи всего лишь частным лицом, уже поглощен подавленным честолюбием. Марат заявляет:

"Я считаю, что исчерпал все возможности человеческого интеллекта в отношении морали, философии и политической науки".

Робеспьер от начала и до конца революции всегда, в собственных глазах, остается Робеспьером уникальным, единственным чистым человеком, непогрешимым и безупречным; ни один человек никогда не воскурял себе фимиам собственной похвалы так постоянно и так непосредственно... На этом уровне тщеславие может выпить теорию до дна, как бы ни были отвратительны остатки и как бы ни был смертелен ее яд даже для тех, кто не поддается его тошноте ради того, чтобы проглотить его. И поскольку это добродетель, никто не может отказаться от нее, не совершив преступления. Таким образом, теория делит французов на две группы: одна состоит из аристократов, фанатиков, эгоистов, развращенных, короче говоря, плохих граждан, а другая - из патриотов, философов и добродетельных, то есть из тех, кто принадлежит к секте. [1128](#) Благодаря такому сокращению огромный моральный и социальный мир, с которым они имеют дело, находит свое определение, выражение и представление в готовой антитезе. Теперь цель правительства ясна: злые должны подчиниться добрым, или, что еще короче, злые должны быть подавлены. Для этого давайте применим конфискацию, тюремное заключение, изгнание, утопление и гильотину в широких масштабах. Все средства оправданы и заслужены против этих предателей; теперь, когда якобинец канонизировал свою бойню, он убивает через филантропию - так завершается формирование его личности, подобно тому, как богослов становится инквизитором. Для ее построения собраны необычайные контрасты: безумец, который логичен, и чудовище, которое притворяется, что у него есть совесть. Под давлением веры и эгоизма у него развились две деформации - головы и сердца; здравый смысл исчез, а нравственное чувство полностью извращено. Зациклившись на абстрактных формулах, он больше не способен видеть людей такими, какие они есть. Самодовольство заставляет его считать противников и даже соперников преступниками, заслуживающими смерти. На этом пути ничто не останавливает его, потому что, давая вещам обратную квалификацию, чем их истинное значение, он нарушает в себе драгоценные понятия, которые возвращают нас к истине и справедливости. Ни один свет не достигает глаз, которые считают слепоту ясным зрением; ни одно угрызение совести не затрагивает душу, которая возводит варварство в патриотизм, а убийство оправдывает долгом.

1101 (возвращение)

[Ср. "Древний режим", стр. 242. Цитаты из "Социального договора" - Buchez et Roux, "Histoire Parlementaire", XXVI. 96. Декларация прав, прочитанная Робеспьером в Якобинском клубе 21 апреля 1793 года и принятая клубом как своя собственная. "Народ - суверен, правительство - его дело и его собственность, а государственные чиновники - его клерки. Народ может смещать свои мандаты и менять свое правительство, когда ему заблагорассудится"].

1102 (возвращение)

[Ленин, Сталин, Мао, Пол Пот и другие подобные диктаторы также организовывали выборы и считали себя народом, говорили и действовали от его имени, а значит, имели право делать все, что им заблагорассудится (СР)].

1103 (возврат)

[Правильно, наверное, подумал Ленин, когда впервые прочитал этот текст. В дальнейшем, под его и Сталина руководством, партия, руководимая первым секретарем ЦК, при поддержке тайной полиции, должна проникнуть во все дела, постепенно распространяя свою власть или влияние на весь мир через своих тайных членов партии, взаимно обеспечивая их продвижение на высшие посты, партия в конце концов придет к управлению миром. (SR).]

1104 (возврат)

[Buchez and Roux, III, 324... (Статья Лусталота, 8 сентября 1789 г.). Там же, с. 331
Предложение округа Кордельеров, под председательством Дантона.- Там же, 239.
Денонсация муниципалитета Маратом.- V., 128, Vi. 24-41 (март 1790 г.). Большинство округов требует постоянной власти округов, то есть суверенных политических собраний].

1105 (возвращение)

[Buchez et Roux. IV. 458. Заседание 24 февраля 1790 г., статья Лусталота.- III 202. Речь Робеспьера на заседании 21 октября 1789 года. Там же. 219. Резолюция округа Сен-Мартен, объявляющая, что военное положение не должно применяться. Там же. 222. Статья Лустало].

1106 (возврат)

[Buchez et Roux, X. 124, статья Марата.-X. 1-22, речь Робеспьера на собрании 9 мая 1791 г. - III. статья Лустало. III. 217, речь Робеспьера на заседании 22 октября 1789 года. Там же, с. 431, статья Лустало и Десмулена, ноябрь 1789 г. -VI. 336, статьи Лустало и Марата, июль 1790 г.].

1107 (возврат)

[Эрнест Гамель, "Histoire de Robespierre", passim, (I.436). Робеспьер предлагал предоставить политические права неграм. 264 (март 1791 г.)].

1108 (возвращение)

[Buchez et Roux, V. 146 (март 1790 г.); VI. 436 (26 июля 1790 г.); VIII. 247 (декабрь 1790 г.); X. 224 (июнь 1791 г.)].

1109 (возвращение)

[Гюстав Флобер. "Tout notaire a rêvé des sultanes". (Все адвокаты мечтают быть султанами!) ("Мадам Бовари"). "Frédéric trouvait que le bonheur mérité par l'excellence de son âme tardait à venir." (Фредерик обнаружил, что счастье, которого он заслуживал благодаря своей гениальности, наступило нескоро). ("L'Education sentimentale")].

1110 (возвращение)

[Таковы же были последствия аналогичных деклараций, содержащихся в конституциях Организации Объединенных Наций, Европейского сообщества, а также многих отдельных государств. Все, что требовалось от международного коммунистического движения, - это ждать медленного продвижения тайных членов партии, направленных на карьеру в различных юридических администрациях, чтобы в один прекрасный день увидеть все высшие суды укомплектованными их людьми. (SR).]

1111 (возврат)

[Mallet du Pan, "Correspondance politique", 1796].

1112 (обратно)

["Entretiens du Père Gérard", автор Collot d'Herbois.- "Les Etrennes au Peuple", автор Barrère.- "La Constitution française pour les habitants des campagnes", etc.- Позже "L'Alphabet des Sans-Culottes, le Nouveau Catéchisme républicain, les Commandements de la Patrie et de la République (in verse), etc."].

1113 (возвращение)

["Меркюр де Франс", статья Малле дю Пана, 7 апреля 1792 г. (Подведение итогов 1791 года)].

1114 (обратно)

["Меркюр де Франс", см. номера от 30 декабря 1791 года и 7 апреля 1792 года. (Обратите внимание на фразу, она близка к утверждению Маркса в 1850 году "что классовая борьба обязательно ведет к диктатуре пролетариата". СР.)].

1115 (возвращение)

[Фокс, прежде чем принять решение о какой-либо мере, советовался с мистером Х.-, одним из самых невлиятельных и даже узколобых членов Палаты общин. Выразив некоторое удивление по этому поводу, он ответил, что считает мистера Х.- идеальным образцом способностей и предрассудков деревенского джентльмена и использует его в качестве

термометра. Наполеон также заявлял, что, прежде чем принять важный закон, он представлял себе, какое впечатление он произведет на ум грузного крестьянина].

1116 (возвращение)

[Подобно тому, как сильное влияние на современную аудиторию оказывают модные принципы и "жужжащие" слова, внедряемые средствами массовой информации. (SR)].

1117 (обратно)

[Увы! Это явление должно повториться с бесконечными речами Ленина, Сталина, Гитлера, Кастро, Мао и всех других наследников якобинского вероучения. (CP)].

1118 (возврат)

["Tableaux de la Révolution Française", by Schmidt (особенно доклады Дютара), 3 vols].

1119 (возврат)

["Корреспонденция Гувернера Морриса", "Мемуары Малле дю Пана", Джон Мур].

1120 (возврат)

[См. в "Progrès de l'esprit humaine" превосходство, присужденное республиканской конституции 1793 года. (Книга IX.) "Принципы, на основе которых были созданы конституция и законы Франции, чище, точнее и глубже, чем те, что управляли американцами: они более полно избежали влияния всякого рода предрассудков и т. д."].

1121 (возврат)

[Камиль Десмуленс, ужасный ребенок Революции, признает эту, а также другие истины. Приведя в пример революции XVI и XVII веков, "которые черпали свою силу из совести и имели ее корни, которые поддерживались фанатизмом и надеждами на другой мир", он заключает: "Наша революция, чисто политическая, целиком коренится в эгоизме, в собственнических чувствах каждого, в комбинациях которых и кроется общий интерес". ("Brissot dévoilé", Camille Desmoulins, январь 1792 г.) - Bouchez et Roux, XIII, 207.)).

1122 (возвращение)

[Идея Руссо о всемогуществе государства - это также идея Людовика XIV и Наполеона... Любопытно наблюдать развитие той же идеи в сознании современного буржуа, например Ретифа де ла Бретонна, наполовину литератора, наполовину выходца из народа ("Nuits de Paris", XVe nuit, 377, о сентябрьской резне) "Нет, я не жалею этих фанатичных священников; они причинили стране слишком много зла. Что бы ни желало общество или его большинство, это правильно. Тот, кто противится этому, кто призывает к войне и мести народу, - чудовище. Порядок всегда достигается при согласии большинства. Меньшинство всегда виновно, повторяю, даже если оно морально право. Не нужно ничего, кроме здравого смысла, чтобы понять эту истину" - Там же. (О казни Людовика XVI), с. 447. "Имела ли нация

право осудить и казнить его? Ни один мыслящий человек не может задать такой вопрос. Нация - это все само по себе; ее власть - это то, чем бы обладал весь человеческий род, если бы только одна нация, одно единственное правительство управляло земным шаром. Кто же осмелится оспаривать силу человечества? Именно эту неоспоримую власть, которой обладает нация, чтобы повесить даже невинного человека, ощущали древние греки, из-за которой они изгнали Аристотеля и предали смерти Фокиона. "О истина, непризнанная нашими современниками, какое зло возникло из-за забвения ее!".

1123 (возвращение)

[Moniteur, XI. 46. Речь Иснара в Собрании, 5 января 1792 г. "Народ теперь осознает свое достоинство. Они знают, согласно конституции, что девиз каждого француза таков: "Жить свободным, равным всем и одним из общего суверенитета"" - Гюйон де Монлеон, I. 445. Речь Шалье в Центральном клубе Лиона, 21 марта 1793 года. "Знайте, что вы короли, и даже больше, чем короли. Разве вы не чувствуете, как в ваших жилах циркулирует суверенитет?"]

1124 (обратно)

["Moniteur", V. 136. (Празднование федерации, 14 июля 1790 г.)].

1125 (обратно)

[Albert Babeau, "Histoire de Troyes pendant la Révolution", I. 436 (10 апреля 1790 г.)].

1126 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, "Histoire de la Terreur", I. 353. (Рассказ Петиона об этом путешествии.) Этот прохвост не умеет даже писать: он пишет aselle вместо aisselle и т. д. Он убежден, что мадам Елизавета, сестра короля, хочет соблазнить его, и она делает ему знаки внимания: "Если бы мы были одни, я полагаю, она упала бы в мои объятия, и пусть бы природные порывы взяли свое". Однако он выставляет себя напоказ и становится только более высокомерным, беседуя с королем, молодым дофином и дамами, которых он привозит обратно].

1127 (возвращение)

["Записки мадам Ролан" - шедевр того самомнения, которое должно быть так тщательно скрыто, чтобы не бросаться в глаза, и никогда не сходить со своих свай. "Я красива, я ласкова, я чувствительна, я внушаю любовь, я отвечаю взаимностью, я остаюсь добродетельной, мой ум превосходен, а мужество неукротимо. Я философ, государственный деятель и писатель, достойный наивысшего успеха", - постоянно звучит в ее голове и всегда ощутимо в ее фразеологии. Настоящая скромность никогда не проявляется. Напротив, многие непристойные вещи она говорит и делает из хвастовства, чтобы поставить себя выше своего пола. Ср. "Мемуары Мирс. Хатчинсона", которые представляют собой большой контраст. Мадам Ролан пишет: "Я не вижу в обществе роли, которая мне подходит, кроме роли Провидения". То же самое самомнение проявляется в других, менее утонченных претензиях. Депутат Руайе обращается к королю со следующим письмом, найденным среди бумаг железного шкафа: "Я все сопоставил, изучил и предусмотрел. Все, что я прошу для осуществления моих благородных целей, - это то руководство силами, которое закон

возлагает на вас. Я осознаю опасность и храбрюсь перед ней; слабость уступает, а гений преодолевает ее. Я обратил свое внимание на все дворы Европы и уверен, что смогу принудить их к миру". Роберт, безвестный памфлетист, просит Дюмурье назначить его послом в Константинополь, а Луве, автор "Фобласа", заявляет в своих мемуарах, что свобода погибла в 1792 году, потому что он не был назначен министром юстиции].

1128 (возвращение)

["Moniteur", p. 189. Речь Колло д'Эрбуа на митральезах в Лионе. "Мы тоже обладаем чувствительностью! Якобинцы обладают всеми добродетелями; они сострадательны, гуманны и великодушны. Однако эти добродетели присущи патриотам, которые являются их братьями, но никогда - аристократам" -Мейян, "Мемуары", с. 4. "Однажды Робеспьер восхвалял человека по имени Десфье, известного своей непорядочностью, которого он в конце концов принес в жертву. "Но, - сказал я ему, - ваш человек Десфье известен как негодяй". - "Неважно, - ответил он, - он хороший патриот". - "Но он мошенник-банкрот". - "Он хороший патриот". - "Но он вор". - "Он хороший патриот". Я не мог добиться от него больше, чем этих трех слов"].

ГЛАВА II.

I.- Формирование партии.

Ее рекруты - они редки в высшем классе и среди масс. - Они многочисленны в низшем буржуазном классе и в высших слоях народа. образование, которые зачисляют человека в партию.

Подобные личности встречаются во всех классах общества; ни положение, ни жизненная позиция не защищают человека от дикой утопии или бешеного честолюбия. Среди якобинцев мы находим Барраса и Шатонеф-Рандона, двух дворян из старейших семей; Кондорсе, маркиза, математика, философа и члена двух знаменитых академий; Гобеля, епископа Лидды и суфрагана епископа Баля; Эро де Сешель, ставленника королевы и генерального прокурора парижского парламента; Лепеллетье де Сен-Фаржо, главного судью, председателя суда; Эро де Сешель, ставленника королевы и генерального прокурора парижского парламента. Фаржо, верховный судья и один из богатейших землевладельцев

Франции; Шарль де Гессе, генерал-майор, выходец из королевской семьи; и, наконец, принц крови и четвертая персона в королевстве, герцог Орлеанский. - Но, за исключением этих редких дезертиров, ни потомственная аристократия, ни высшая магистратура, ни высшие представители среднего класса, ни землевладельцы, живущие в своих поместьях, ни руководители промышленных и торговых предприятий, никто из представителей администрации, никто из тех, кто является или заслуживает считаться общественным авторитетом, не поставляют партии рекрутов. Все они слишком заинтересованы в том, чтобы политический истеблишмент, как бы он ни был разбит, был разрушен, чтобы желать его полного уничтожения. Их политический опыт, как бы краток он ни был, позволяет им сразу понять, что пригодный для жилья дом не строится простым начертанием его плана на бумаге в соответствии с теоремами школьной геометрии. - С другой стороны, среди простого сельского населения идеология не находит, если только ее не превратить в легенду, слушателей. Пайщики, мелкие фермеры и крестьяне, ухаживающие за своими участками земли, крестьяне и ремесленники, которые слишком много работают, чтобы думать, и чей ум никогда не выходит за пределы деревенского горизонта, занятые только тем, что приносит им хлеб насущный, находят абстрактные доктрины непонятными; если догмы нового катехизиса привлекают их внимание, происходит то же самое, что и со старым, они не понимают их; та умственная способность, с помощью которой достигается абстракция, еще не сформирована в них. Когда их ведут в политический клуб, они засыпают; они открывают глаза только тогда, когда кто-нибудь объявляет, что десятины и феодальные привилегии должны быть восстановлены; на них можно рассчитывать только в драке и шалаше; впоследствии, когда их зерно облагается налогом или отбирается, они оказываются такими же непокорными при республике, как и при монархии.

Верующие в эту теорию приходят из других кварталов, из двух крайностей - нижнего слоя среднего класса и верхнего слоя низшего класса. Опять же, в этих двух смежных группах, сливающихся друг с другом, нельзя не упомянуть тех, кто, поглощенный своими повседневными занятиями или профессиями, не имеет времени и не думает о государственных делах, кто достиг справедливого положения в социальной иерархии и не склонен рисковать, почти все они состоявшиеся, устойчивые, зрелые, женатые люди, которые посеяли свой дикий овес и которых жизненный опыт сделал недоверчивыми к себе и к теориям. Чрезмерное самомнение в большинстве случаев свойственно среднему человеку, поэтому спекулятивные идеи у большинства людей будут лишь непрочной, преходящей и слабой опорой. Кроме того, в этом обществе, которое на протяжении многих веков состоит из людей, привыкших к тому, что ими управляют, наследственный дух - буржуазный, то есть привыкший к дисциплине, любящий порядок, спокойный и даже робкий... Остается меньшинство, очень [небольшое](#)¹²⁰¹, новаторское и беспокойное. Это были, с одной стороны, люди, недовольные своим призванием или профессией, поскольку занимали в ней второстепенное или подчиненное положение.¹²⁰² Некоторые из них были дебютантами, не получившими полного образования, а другие - претендентами на еще не начатую карьеру. С другой стороны, среди них были люди с неустойчивым характером и все те, кого сместили огромные потрясения: в церкви - из-за подавления монастырей и раскола; в судебной системе, в администрации, в финансовых ведомствах, в армии, в различных частных и общественных карьерах - из-за реорганизации учреждений, новизны новых средств и занятий, а также из-за беспорядков, вызванных изменением отношений между покровителями и клиентами. Многие из тех, кто в обычное время оставался бы спокойным, становятся таким образом кочевниками и экстравагантными в политике. Среди них преобладают те, кто, получив классическое образование, может воспринять абстрактное предложение и вывести его последствия, но, не имея специальной подготовки к этому и ограничиваясь узким кругом местных дел, не способен составить точное представление об

огромной, сложной социальной организации и условиях, которые позволяют ей существовать. Их талант заключается в том, чтобы произносить речи, писать передовицы, сочинять памфлеты и составлять отчеты в более или менее напыщенном и догматическом стиле; по признанию жанра, некоторые из них, одаренные, становятся красноречивыми, но не более того. Среди них - адвокаты, нотариусы, судебные исполнители, бывшие мелкие провинциальные судьи и поверенные, которые составляют ведущие актеры и две трети членов Законодательного собрания и Конвента: Хирурги и врачи в маленьких городках, такие как Бо, Левассер и Бодо, литераторы второго и третьего сорта, такие как Баррер, Луве, Гарат, Манюэль и Ронсен, профессора колледжей, такие как Луше и Ромме, школьные учителя, такие как Леонард Бурдон, журналисты, как Бриссо, Десмулен и Фрерон, актеры, как Колло д'Эрбуа, художники, как Сержан, [ораторы1203](#), как Фуше, капуцины, как Шабо, более или менее секуляризованные священники, как Лебон, Шасле, Лаканаль и Грегуар, студенты, едва окончившие школу, как Сен-Жюст, Моне из Страсбурга¹²⁰³. Жюст, Моне из Страсбурга, Русселлин из Сент-Альбена и Жюльен из Дрома - словом, плохо засеянные и плохо возделанные умы, на которые теории достаточно было упасть, чтобы заглушить хорошее зерно и прорасти, как крапива. Добавьте к этим шарлатанам и другим людям, живущим своим умом, провидцев и больных всех мастей, от Фанше и Клуца до Шалье и Марата, всю эту нуждающуюся, болтливую, безответственную толпу, вечно кишащую в больших городах, проветривая свои мелкие замыслы и несостоятельные притязания. Еще дальше на заднем плане стоят те, чье скудное образование позволяет им лишь наполовину понять абстрактный принцип и несовершенно вывести его следствия, но чей отшлифованный инстинкт компенсирует слабость грубой аргументации. Из корысти, зависти и злобы они видят за теорией богатое пастбище, и якобинские догмы становятся для них дорожкой, потому что воображение видит несметные сокровища за туманом, которым они окутаны. Они могут, не засыпая, слушать клубную агитацию, аплодировать его тирадам в зале заседаний, предлагать резолюцию в сквере, кричать на трибунах, писать показания под присягой при арестах, сочинять приказы дня для национальной гвардии и предоставлять свои легкие, оружие и сабли тому, кто за них попросит. Но на этом их возможности заканчиваются. В эту группу входят купеческие и нотариальные клерки, такие как Эбер и Анрио, Винсент и Шометт, мясники, как Лежандр, почтмейстеры, как Друэ, боцманы, как Дюпле, школьные учителя, как тот Бушо, который стал министром, и многие другие в том же роде, привыкших записывать мысли, имеющих смутные представления об орфографии и умеющих говорить,¹²⁰⁴ старшины, подпрапорщики, бывшие нищие монахи, разносчики, трактирщики, лавочники, рыночные торговцы и городские служащие, начиная с Гушона, оратора с флигеля Св. Антуана до Симона, сапожника из Тампля, от Тринчарда, присяжного Революционного трибунала, до бакалейщиков, портных, сапожников, тапстеров, официантов, парикмахеров и прочих лавочников и ремесленников, которые делают свою работу на дому и которым еще предстоит выполнить работу сентябрьской бойни. Добавьте к этому поганые остатки всех народных восстаний и диктатур, хищных зверей вроде авиньонского Журдена и американца Фурнье, женщин вроде Теруань, Розы Лакомб и трикотеусов Конвента, не имеющих пола, амнистированных бандитов и других птиц виселицы, которые, за неимением полиции, имеют широкий диапазон, уличные бродяги и бродяжки, бунтари против труда и дисциплины, весь тот класс в центре цивилизации, который сохраняет инстинкты дикарей и утверждает суверенитет народа для удовлетворения естественного аппетита к свободе, лени и свирепости. -Это партия, набранная в результате процесса вербовки, который забирает своих подданных из всех слоев общества, но собирает их огромными кучами и объединяет в две группы, к которым естественно принадлежат догматизм и самомнение. Здесь образование подводит человека к порогу, даже к сердцу общих идей; следовательно, он чувствует себя стесненным в узких рамках своей профессии или занятия и стремится к чему-

то большему. Но поскольку его образование осталось поверхностным или рудиментарным, следовательно, за пределами своего узкого круга он чувствует себя не в своей тарелке. У него есть восприятие или проблеск политических идей, и поэтому он полагает, что у него есть способности. Но его восприятие доверено формуле, и он видит их тускло, как сквозь облако; отсюда его неспособность, и причина, по которой его умственные пробелы, равно как и его достижения, способствуют тому, что он становится якобинцем.

II.- Спонтанные ассоциации после 14 июля 1789 года.

Как они распадаются.

занятий.- Количество отсутствующих на выборах.- Рождение и увеличение числа якобинских обществ.- Их влияние на их приверженцев, их маневры и деспотизм.

Люди, настроенные таким образом, не могут не сближаться друг с другом, не понимать друг друга и не объединяться; ведь в принципе народного суверенитета у них есть общая догма, а в завоевании политического господства - общая цель. Благодаря общей цели они образуют фракцию, а благодаря общей догме - секту, причем союз между ними легче осуществить, поскольку они одновременно являются и фракцией, и сектой.

Поначалу их объединение не выделяется среди множества других объединений. Политические общества возникают со всех сторон после взятия Бастилии. Необходимо было создать какую-то организацию вместо свергнутого или колеблющегося правительства, чтобы обеспечить насущные общественные нужды, обеспечить защиту от хулиганов, получить провизию и защититься от вероятных махинаций двора. В ратушах создавались комитеты, а добровольцы формировали ополчение: сотни местных органов власти, почти независимых, возникали на месте почти уничтоженного центрального правительства.¹²⁰⁵ В течение шести месяцев все занимались делами, представлявшими общий интерес, каждый человек становился публичной персоной и нес свою долю государственной нагрузки: тяжелой во все времена, но еще более тяжелой во времена анархии; так, по крайней мере, считает большинство, но не все. Вследствие этого среди тех, кто взял на себя этот груз, возникает раскол, образуются две группы, одна огромная, инертная и распадающаяся, другая маленькая, компактная и энергичная, каждая из которых выбирает один из двух путей, расходящихся друг с другом и продолжающих расходиться все больше и больше.

С одной стороны - обычные, здравомыслящие люди, те, кто занят, кто в какой-то степени не слишком совестлив и не слишком самонадеян. Власть находится в их руках, потому что они находят ее распростертой, брошенной на улице; они держат ее лишь временно, потому что заранее знают или вскоре обнаруживают, что не подходят для этой должности, а она одна из тех, которые, чтобы быть правильно заполненными, требуют определенной подготовки и соответствия. Человек не становится законодателем или администратором в один день, так

же как он не становится вдруг врачом или хирургом. Если несчастный случай вынуждает меня действовать в этом качестве, я уступаю, но против своей воли, и делаю не больше, чем необходимо, чтобы спасти моих пациентов от причинения им вреда, Мой страх, что они умрут во время операции, очень велик, и, как только найдется другой человек, который займет мое место, я ухожу домой. [1206](#) Я был бы рад, как и все остальные, иметь свой голос при выборе этого человека, и, среди кандидатов. Я должен в меру своих возможностей выбрать того, кто кажется мне самым способным и добросовестным. Однако, выбрав и назначив его, я не должен пытаться диктовать ему; его кабинет - личный, и я не имею права постоянно бегать туда и задавать ему вопросы, как будто он ребенок или находится под подозрением. Не мне указывать ему, что делать; он, вероятно, знает о деле больше, чем я; в любом случае, чтобы сохранить твердую руку, ему нельзя угрожать, а чтобы сохранить ясную голову, его нельзя беспокоить. Меня тоже нельзя беспокоить: мой кабинет и книги, мой магазин, мои клиенты тоже должны быть под присмотром. Каждый должен заниматься своим делом, а тот, кто будет заниматься и своим, и чужим, портит и то, и другое". Такой образ мыслей преобладает у большинства здоровых умов к началу 1790 года, у всех, чьи головы не вскружили безумные амбиции и мания теоретизирования, особенно после шести месяцев практического опыта и знания опасностей, просчетов и досады, которым подвергается человек, пытающийся руководить нетерпеливым, перевозбужденным населением. -Как раз в это время, в декабре 1789 года, по всей стране устанавливается муниципальное право; почти сразу же избираются все мэры и муниципальные чиновники, а в последующие месяцы - все управляющие округами и департаментами. Длительное междуцарствие подошло к концу. Появляются законные органы власти с легитимными и четко определенными функциями. Разумные, честные люди с радостью передают власть тем, кому она принадлежит, и уж тем более не мечтают о ее возвращении. Все временные объединения сразу же распускаются за неимением цели, а если и создаются другие, то только для защиты сложившихся институтов. Такова цель Федерации, и в течение шести месяцев люди обнимают друг друга и обмениваются клятвами верности. После этого, 14 июля 1790 года, они уходят в частную жизнь, и я не сомневаюсь, что с этого дня политические амбиции значительной части французского народа удовлетворены, ибо, хотя они все еще цитируют обличения Руссо в отношении социальной иерархии, в основе своей они желают лишь подавления административной жестокости и государственного [фаворитизма](#)[1207](#). Все это получено, а также множество других вещей, кроме того, - августейший титул государя, уважение государственных властей, почести всем, кто владеет пером или произносит речь, и, что еще лучше, фактический суверенитет при назначении на должности всех местных земских администраторов; народ избирает не только своих депутатов, но и всех видов чиновников всех степеней, коммун, округов и департаментов, офицеров национальной гвардии, гражданских и уголовных магистратов, епископов и священников. Опять же, чтобы обеспечить ответственность избранных перед своими избирателями, срок полномочий, установленный законом, был коротким, [1208](#) избирательная машина, призывающая государя к осуществлению своего суверенитета, срабатывала примерно раз в четыре месяца.[1208](#) Это было хорошо, и слишком много, как вскоре обнаруживает сам государь. Голосование так часто становится невыносимым; так много прерогатив в итоге превращаются в рутину. В начале 1790 года и после этой даты большинство отказывается от привилегии голосовать, и число отсутствующих становится огромным. В Шартре в мае 1790 [года](#)[1209](#) 1 447 из 1 551 избирателя не присутствуют на предварительных собраниях. В Безансоне в январе 1790 г. на выборах мэра и муниципальных служащих из 3200 зарегистрированных избирателей 2141 не явились на выборы, а в ноябре следующего года - 2900. [1210](#) В Гренобле в августе и ноябре этого года из 2500 зарегистрированных избирателей более 2000 были признаны отсутствующими. [1211](#) В Лиможе из примерно такого же числа избирателей только 150. В

Париже из 81 400 избирателей в августе 1790 года 67 200 не голосуют, а три месяца спустя число отсутствующих составляет 71 408 человек¹²¹².

Таким образом, на каждого избирателя, который голосует, приходится четыре, шесть, восемь, десять и даже шестнадцать тех, кто воздерживается от голосования. - На выборах депутатов дело обстоит точно так же. На первичных собраниях 1791 года в Париже из 81 200 зарегистрированных имен более 74 000 не откликнулись. В Дубах трое из четырех избирателей остаются в стороне. В одном из кантонов Кот-д'Ор к концу голосования при подсчете голосов остается только одна восьмая часть избирателей, а на вторичных собраниях дезертиров не меньше. В Париже из 946 выбранных выборщиков только 200 отдают свои голоса; в Руане из 700 выборщиков осталось 160, а в последний день голосования - только 60. Короче говоря, "во всех департаментах, - говорит оратор на трибуне, - едва ли один из пяти выборщиков второй степени выполняет свой долг".

Таким образом, большинство подает в отставку. По инерции, непродуманности, вялости, отвращению к предвыборной суете, отсутствию политических предпочтений или неприязни ко всем политическим кандидатам, оно уклоняется от выполнения задачи, которую возлагает на него конституция. И уж точно ему не по вкусу кропотливое бремя участия в лиге (прав человека). Люди, которые не могут найти время раз в три месяца, чтобы опустить бюллетень в урну, не будут приходить три раза в неделю на заседания клуба. Далекие от вмешательства в дела правительства, они отрекаются от него, а поскольку они отказываются его избирать, они не могут взять на себя обязательство управлять им.

С другой стороны, с выскочками и догматиками, которые серьезно относятся к своим королевским привилегиям, все обстоит как раз наоборот. Они не только голосуют на выборах, но и намерены держать делегированную им власть в своих руках. В их глазах каждый чиновник - одно из их созданий и подотчетен им, ибо по закону народ не может расстаться со своим суверенитетом, а на деле власть оказалась столь сладкой, что они не склонны с ней расставаться.¹²¹³ За шесть месяцев, предшествующих очередным выборам, они узнали, поняли и испытали друг друга; они проводят тайные встречи; достигается взаимопонимание, и отныне, когда другие ассоциации исчезают, как мимолетный цветок, их¹²¹⁴ энергично поднимаются на брошенной почве. В конце 1789 года в Марселе создается клуб; в течение первых шести месяцев 1790 года в каждом крупном городе появляется свой клуб: в феврале - в Эксе, в марте - в Монпелье, в апреле - в Ниме, в мае - в Лионе, в июне - в Бордо.¹²¹⁵ Но наибольший их рост происходит после праздника Федерации. Именно тогда, когда местные собрания сливаются с собраниями всей страны, сектанты-якобинцы держатся в стороне и создают свои собственные лиги. В Руане 14 июля 1790 года два хирурга, печатник, капеллан в тюрьме, овдовевшая еврейка и четыре женщины или ребенка, живущие в доме, - всего восемь человек, чистых, которых не следует путать с **массой**¹²¹⁶, - объединяются и образуют отдельную ассоциацию. Их патриотизм высшего качества, и они с особым вниманием относятся к общественному **договору**¹²¹⁷; присягая на верность конституции, они оставляют за собой права человека и намерены не только поддерживать уже проведенные реформы, но и завершить только что начатую революцию. - В течение Федерации они приветствовали и обучали своих братьев, которые, покидая столицу или крупные города, становятся носителями инструкций в маленьких городках и деревушках; им объясняют, что такое клуб и как его создать, и повсюду возникают народные ассоциации по тому же плану, с той же целью и под тем же названием. Через месяц действуют шестьдесят таких ассоциаций, через три месяца - сто, в марте 1791 года - двести двадцать девять, а в августе 1791 года - почти **четыреста**¹²¹⁸. После этой даты происходит резкий рост, вызванный двумя одновременными импульсами, которые

рассеивают свои семена по всей территории. С одной стороны, в конце июля 1791 года все умеренные люди, друзья закона и порядка, которые еще сдерживают клубы, все конституционалисты, или фельяны, выходят из них и оставляют их для преувеличения или банального выдвигания предложений; политический тон сразу же падает до уровня кабака и караулки, так что везде, где есть то или другое, есть и политический клуб. С другой стороны, в тот же день проводится созыв избирательного органа для избрания нового Национального собрания и обновления местных органов власти; добыча уже на виду, и повсюду формируются охотничьи партии для ее захвата. За два [месяца](#)¹²¹⁹ возникает шестьсот новых клубов; к концу сентября их число достигает тысячи, а в июне 1792 года - двенадцати сотен - столько же, сколько городов и окруженных стеной районов. После падения трона и во время паники, вызванной вторжением Пруссии, в период анархии, равный июлю 1789 года, клубов было, по словам Редерера, почти столько же, сколько коммун, - 26 000, по одному на каждую деревню, где жили пять или шесть вспыльчивых, буйных парней, или грубиянов, (*tape-durs*), с клерком, способным написать петицию.

После ноября 1790 [года](#)¹²²⁰ "каждая улица в каждом городе и деревне, - пишет журнал, выходящий большим тиражом, - должна иметь свой клуб. Пусть какой-нибудь честный ремесленник пригласит своих соседей к себе домой, где при общей свече он сможет читать вслух постановления Национального собрания, которые он и его соседи смогут комментировать. Перед закрытием собрания, чтобы оживить компанию, которая может почувствовать себя немного взволнованной из-за статей Марата, пусть он прочтет патриотические клятвы в "Père Duchesne"¹²²¹. Совету последовали. На собраниях в клубе читают вслух памфлеты, газеты и катехизисы, присланные из Парижа, "Gazette Villageoise", "Journal du Soir", "Journal de la Montagne", "Père Duchesne", "Révolutions de Paris" и "Laclos' Gazette". Поют революционные песни, а если среди присутствующих оказывается хороший оратор, бывший монах (оратор), юрист или школьный учитель, он сыплет фразами, рассказывая о греках и римлянах, провозглашая возрождение человеческого рода. Один из них, обращаясь к женщинам, хочет увидеть

"Декларацию прав человека, развешанную на стенах их спален в качестве главного украшения, и, если начнется война, эти добродетельные сторонницы, марширующие во главе наших армий, как новые вакханки со струящимися волосами, с жезлом Бахуса в руке".

Крики аплодисментов приветствуют эти чувства. Умы слушателей, охваченные этим шквалом декламации, перегреваются и воспаляются от взаимного контакта; подобно полусгоревшим уголькам, которые потухли бы, если бы их оставили в покое, они разгораются, когда собираются в кучу, - их убеждения при этом набирают силу. Ничто так не помогает укорениться убеждениям, как дружеская компания. В политике, как и в религии, вера порождает церковь, а та, в свою очередь, питает веру. В клубе, как и в частном религиозном собрании, каждый черпает авторитет из общего единодушия, каждое слово и действие целого стремится доказать правоту каждого. Тем более что догма, которая остается неоспоримой, в итоге кажется неопровержимой; поскольку якобинец живет в узком кругу, тщательно охраняемом, к нему не проникают противоположные мнения. Публика в его глазах - это двести человек; их мнение весит для него без всякого противовеса, и, кроме их убеждения, которое является и его убеждением, всякое другое убеждение абсурдно и даже преступно. Более того, через эту постоянную систему проповедей, которая есть не что иное, как лесть, он узнает, что он патриот, умный, добродетельный, в чем он не может сомневаться, потому что, прежде чем его приняли в клуб, его гражданские добродетели были проверены, и он носит в кармане печатный сертификат о них. Клуб [Понтарлье](#)¹²²² с самого начала запрещает своим членам использовать общепринятые формы вежливости.

"Члены клуба должны воздерживаться от приветствия своих сограждан, снимая шляпу, и избегать фраз "Имею честь быть" и других, подобных по значению, при обращении к людям".

Правильное представление о своей значимости просто необходимо.

"Разве знаменитая трибуна якобинцев в Париже не внушает страх предателям и самозванцам? И разве антиреволюционеры не обращаются в прах, увидев ее?"

Все это верно, как в провинции, так и в столице, ибо едва только организуется клуб, как он начинает работать на население. В большинстве крупных городов, в Париже, Лионе, Эксе и Бордо, существуют два [клуба](#)¹²²³, один из которых более или менее респектабельный и парламентский, "состоящий частично из членов различных ветвей администрации и специально посвященный целям общей пользы", а другой - практический и активный, состоящий из политиков в барах и клубных завсегдатаев, которые внушают рабочим, садоводам и остальным представителям низшего буржуазного класса. Последний является филиалом первого и в экстренных случаях снабжает его бунтовщиками.

"Мы находимся среди народа, - говорит один из членов этого подчиненного клуба, - читаем ему декреты, лекциями и советами предостерегаем его от публикаций и интриг аристократов. Мы выискиваем и отслеживаем заговорщиков и их махинации. Мы принимаем и консультируем всех жалобщиков; мы приводим в исполнение их требования, если они справедливы; наконец, мы, в некотором роде, следим за всеми деталями".

Благодаря этим вульгарным помощникам, но чьи легкие и руки сильны, партия вскоре становится доминирующей; она обладает силой и использует ее, и, отрицая, что у ее противников есть какие-либо права, она восстанавливает все привилегии для своей собственной [выгоды](#)¹²²⁴.

III.- Как они относятся к свободе печати.

Их политические действия.

Рассмотрим их действия в одном случае и на ограниченном поле - свободе печати.¹²²⁵ В декабре 1790 года инженер М. Этьенн, которого Марат и Фрерон в своих периодических изданиях обличали как шпиона, подал на них в полицейский суд. Номера, содержащие клевету, были конфискованы, печатники вызваны в суд, а М. Этьенн потребовал публичного опровержения или возмещения убытков в размере 25 000 франков с издержками. На это оба журналиста, считаящие себя непогрешимыми и освобожденными от ареста, возмущаются.

"Крайне важно, - пишет Марат, - чтобы информатор не подлежал судебному преследованию, поскольку он отвечает перед обществом только за то, что говорит и делает для общественного блага".

М. Этьенн (по фамилии Лангедок), следовательно, предатель: "Месье Лангедок, я советую вам держать язык за зубами; если я могу вас повесить, я это сделаю". Месье Этьенн, тем не менее,

упорствует и добивается первого решения в свою пользу. Марат и Фреон сразу же изрыгают огонь и пламя:

"Господин Торильон, - восклицает Фреон комиссару полиции, - вы будете наказаны и послужите примером для народа; это позорное решение должно быть отменено". "Граждане, - пишет Марат, - идите все вместе в Отель-де-Виль и не позволяйте ни одному из стражников войти в зал суда". - В день суда, в самом снисходительном духе, в зал пускают только двух гренадеров. Однако и их оказывается слишком много, и из толпы якобинцев раздаются крики: "Выгоните их! Мы здесь правим", после чего два гренадера уходят. С другой стороны, триумфально заявляет Фреон, в зале суда находились "шестьдесят человек из числа победителей в Бастилии во главе с храбрым Сантерром, которые намеревались вмешаться в процесс" - и они действительно вмешались, причем сначала против истца. На месье Этьена нападают при входе в зал суда и чуть не сбивают с ног. Он подвергается такому жестокому обращению, что вынужден искать убежища в караульном помещении. В него плюют и "пытаются отрезать ему уши". Его друзья получают "сотни пинков", а он убегает, и дело откладывается... Его снова вызывают несколько раз, так что судьям приходится сдерживаться. Некий Мандарт, автор памфлета "Народный суверенитет", вскочил на ноги и, обращаясь к Бейли, мэру Парижа и председателю трибунала, бросил вызов суду. Как обычно, Бейли уступает, пытаясь прикрыть свою слабость благородным предложением: "Хотя судья может быть оспорен только сторонами иска, мне достаточно обращения одного гражданина, и я покидаю скамью". Остальные судьи, которых также оскорбляют и угрожают, уступают и с помощью софизма, прекрасно иллюстрирующего время, обнаруживают в притеснениях, которым подвергается истец, юридический прием, с помощью которого они могут придать справедливый оттенок своему отказу в правосудии. Мсье Этьенн сообщил им, что ни он, ни его адвокат не могут присутствовать в суде, поскольку их жизни угрожает опасность, и суд постановляет, что мсье Этьенн, "не явившись лично или с адвокатом, не является в суд" - победные крики сразу же раздаются со стороны двух журналистов, а их статьи по этому делу, распространяемые по всей Франции, создают прецедент, содержащийся в решении. После этого любой якобинец может безнаказанно обличать, оскорблять и клеветать на кого ему заблагорассудится, защищенный от действий судов и стоящий выше закона.

Посмотрим, с другой стороны, какую свободу они предоставляют своим противникам. За две недели до этого к Малле дю Пану, писателю больших способностей, который в лучшем периодическом издании того времени неделю за неделей обсуждает вопросы, свободные от всяких личностей, самому независимому, прямому и благородному из людей, самому красноречивому и рассудительному защитнику общественного порядка и истинной свободы, приходит депутация из [Пале-Рояля1226](#), состоящая примерно из дюжины хорошо одетых людей, достаточно вежливых и не слишком плохо настроенных, но вполне уверенных, что они имеют право вмешаться. Завязавшийся разговор показывает, до какой степени нынешнее политическое кредо вскружило людям голову.

"Один из них, обращаясь ко мне, сообщил, что он и его товарищи - депутаты клубов Пале-Рояля и что они вызваны, чтобы уведомить меня, что я должен изменить свои принципы и прекратить нападки на конституцию, иначе ко мне будет применено крайнее насилие. Я ответил, что не признаю никаких авторитетов, кроме закона и судов; закон - ваш и мой господин, и нельзя проявлять уважение к конституции, посягая на свободу прессы".

"Конституция - это общая воля, - продолжал представитель. Закон - это власть сильнейшего. Вы подчиняетесь сильнейшему и должны подчиняться. Мы извещаем вас о воле нации, и это закон".

Малле дю Пан заявил им, что он не является сторонником древнего режима, но одобряет королевскую власть.

"О! - воскликнули все вместе, - мы должны сожалеть о том, что у нас нет короля. Мы уважаем короля и поддерживаем его власть. Но вам запрещено выступать против господствующего мнения и против свободы, установленной Национальным собранием".

Малле дю Пан, видимо, знает об этом больше, чем они, ведь он швейцарец по происхождению и уже двадцать лет живет при республике. Но это их не волнует. Они продолжают в том же духе: пять или шесть человек говорят одновременно, неверно истолковывая смысл употребляемых ими слов и противореча друг другу в деталях, но все согласны навязать ему молчание:

"Вы не должны идти вразрез с народной волей, ибо этим вы проповедуете гражданскую войну, ставите под сомнение постановления собрания и раздражаете народ".

Очевидно, что для них они составляют нацию или, в большей или меньшей степени, представляют ее. Благодаря этой самоинвентаризации они одновременно являются магистратами, цензорами и полицией, в то время как ругаемый журналист только рад, что в его случае они ограничиваются запретами. За три дня до этого ему сообщили, что группа бунтовщиков в его районе "угрожает поступить с его домом, как с домом месье де Кастриса", в котором все было разбито и выброшено из окон. В другой раз, когда речь зашла об отлагательном или абсолютном вето, "четверо дикарей пришли к нему в дом, чтобы предупредить его, показывая пистолеты, что если он посмеет написать от имени мсье Мунье, то ответит за это жизнью". Таким образом, с самого начала,

"как только нация начинает пользоваться неоценимым правом на свободу мысли и свободу слова, тираны-фракционеры не теряют времени, чтобы лишить граждан этого, объявляя всем, кто сохранит целостность своей совести: Трепещите, умирайте или верьте, как мы!".

После этого, чтобы заставить замолчать тех, кто выражает то, что оскорбляет, толпа, клуб, секция, постановляют и исполняют, каждый по своему [усмотрению1227](#), обыски, аресты, нападения и, в конце концов, убийства. В течение июня 1792 года Малле дю Пан переживает "три декрета об аресте и пятнадцать доносов, два акта о наложении печатей, четыре гражданских вторжения в его помещения и конфискацию всего, что принадлежало ему во Франции". Он проводит четыре года, "не зная с уверенностью, ложась спать, выйдет ли он из нее утром живым и свободным". Впоследствии, если он и избежит гильотины и фонаря, то только благодаря изгнанию. 10 августа на улице расправляются с консервативным журналистом Суло - это показывает, как партия относится к свободе прессы. По ее посягательствам на эту сферу можно судить о других свободах. Закон, в его глазах, недействителен, когда он является препятствием и когда он предоставляет защиту противникам; следовательно, нет такого излишества, которое он не санкционировал бы для себя, и нет такого права, в котором он не отказал бы другим.

От тирании клубов нет спасения. "Марсельский клуб заставил городских чиновников уйти в [отставку1228](#); он вызвал муниципальный орган, чтобы предстать перед ним; он игнорировал власть департамента и оскорблял администраторов закона. Члены Орлеанского клуба держали под наблюдением национальный Верховный суд и принимали участие в его заседаниях. Члены клуба в Кане оскорбляли магистратов, захватили и сожгли протоколы судебных процессов, начатых против разрушителей статуи Людовика XIV. В Альби они силой изъяли из архива бумаги, касающиеся суда над убийцей, и сожгли их". Клуб в Кутансе дает понять депутатам своего округа, что "не должно быть никаких отблесков на законы народа".

Клуб Лиона останавливает артиллерийский обоз под предлогом того, что действующее министерство не пользуется доверием народа - так клуб повсюду управляет или готовится к управлению. С одной стороны, на выборах он выдвигает или поддерживает кандидатов; он один голосует или, по крайней мере, контролирует голосование. Короче говоря, клуб является выборной властью и практически, если не юридически, пользуется привилегиями политической аристократии. С другой стороны, он претендует на роль стихийной полицейской коллегии; он составляет и распространяет списки, в которых указываются недоброжелатели, подозрительные и слабовольные; он подает сведения на дворян, чьи сыновья эмигрировали; на неприсягнувших священников, которые все еще проживают в своих прежних приходах, и на монахинь, "чье поведение неконституционно". Она подсказывает, направляет и обличает местные власти; она сама является дополнительной, высшей и узурпирующей властью... Все здравомыслящие люди сразу же осознают ее характер и протестуют против нее.

"Орган, организованный таким образом, - говорится в одной из [петиций1229](#), - существует исключительно для того, чтобы вооружить одного гражданина против другого..... Там происходят дискуссии и делаются доносы под печатью неприкосновенной тайны..... Честные граждане, поддавшись жесточайшей клевете, уничтожаются без возможности защититься. Это настоящая инквизиция. Это центр подстрекательских публикаций, школа кабалы и интриг. Если гражданам приходится краснеть при выборе недостойных кандидатов, то все это происходит благодаря этому классу ассоциаций... Состоящий из возбужденных и подстрекателей, из тех, кто стремится управлять государством", клуб повсеместно стремится

"овладеть народным мнением, помешать муниципалитетам, вклиниться между ними и народом", узурпировать правовые формы и стать "колоссом деспотизма".

Напрасные жалобы! Национальное собрание, вечно встревоженное по собственному почину, защищает народный клуб и оказывает ему благосклонность или потворство. Один из партийных журналов рекомендовал "народу объединиться в небольшие взводы". Эти взводы, один за другим, растут. В каждом районе теперь есть местная олигархия, вербованная и управляющая группа. Чтобы создать армию из этих разрозненных групп, просто необходим штаб и центральный пункт сбора. Центральный пункт и штаб уже давно готовы в Париже, это ассоциация "Друзья Конституции".

IV.- Их пункты сплочения.

Происхождение и состав Парижского якобинского клуба.
связи с провинциальными клубами.- Его лидеры.-
Фанатики.- Интриганы.- Их цель.- Их средства.

Ни одно объединение во Франции не имеет более давних истоков и такого же престижа. Она родилась еще до революции, 30 апреля 1789 г.[1230](#) На ассамблее Генеральных штатов в Бретани депутаты от Квимпера, Эннебона и Понтиви увидели, как важно голосовать сообща,

и едва они достигли Версаля, как вместе с другими наняли зал и, вместе с Мунье, секретарем Генеральных штатов Дофины, и другими депутатами от провинций, сразу же организовали союз, которому суждено было просуществовать долго. До 6 октября в нем не было никого, кроме депутатов; после этой даты, после переезда в Париж, в библиотеку якобинцев, в монастырь на улице Сент-Оноре, были приняты многие известные выдающиеся люди, такие как Кондорсе, а затем Лахарп, Шенье, Шамфор, Давид и Тальма, среди самых выдающихся, с другими писателями и художниками, в целом около тысячи известных личностей. - Ни одно собрание не может быть более внушительным - на его скамьях заседают две или три сотни депутатов, а его правила и подзаконные акты, кажется, специально разработаны для того, чтобы собрать превосходное тело людей. Кандидатуры для вступления предлагали десять членов, а затем голосовали по ним. Чтобы присутствовать на одном из собраний, требовалось получить пропуск. В одном случае членом комитета из двух человек, назначенного для проверки этих карточек, оказался молодой герцог Шартрский. Есть комитет по управлению и президент. Обсуждения проходили с парламентскими формальностями, и, в соответствии с его статусом, вопросы, рассматриваемые в нем, были теми, которые обсуждались в Национальном собрании.¹²³¹ В нижнем зале в определенные часы рабочие получали наставления и им объясняли конституцию. Если смотреть издали, то ни одно общество не кажется более достойным направлять общественное мнение; вблизи дело обстоит иначе. Однако в департаментах, где расстояние придает очарование и где преобладают старые обычаи, насаждаемые централизацией, это общество принимается в качестве руководства, поскольку его резиденция находится в столице. Его уставу, его правилам, его духу подражают; он становится alma mater других ассоциаций, а они - его приемными дочерьми. Он публикует в своем журнале список всех клубов вместе с их доносами; он настаивает на их требованиях; отныне каждый якобинец в самом отдаленном районе чувствует поддержку и одобрение не только своего местного клуба, но и великого клуба, многочисленные ответвления которого охватили всю территорию и который оказывает всемогущую защиту самому незначительному из своих приверженцев. В обмен на эту защиту каждый ассоциированный клуб повинует приказу, отданному в Париже, и от центра до самых отдаленных районов постоянная переписка поддерживает установленную гармонию. Таким образом, создается огромная политическая машина, машина с тысячами рычагов, все они работают одновременно под единым импульсом, а рычаг, который приводит их в движение, находится в руках нескольких хозяев-духовников на улице Сент-Оноре.

Ни одна машина не может быть более эффективной; никогда еще не было такого хорошо продуманного механизма для создания искусственного, насильственного общественного мнения, для создания видимости общенациональных, спонтанных настроений, для наделения правами молчаливого большинства громогласного меньшинства, для принуждения к капитуляции правительства.

"Наша тактика была очень проста", - говорит Грегуар¹²³². "Было понятно, что один из нас должен воспользоваться первым благоприятным случаем и предложить в Национальном собрании какую-нибудь меру, которая наверняка вызовет аплодисменты небольшого меньшинства и крики большинства. Но это ничего не меняло. Предложивший требовал, чтобы его передали в комитет, в котором его противники надеялись его похоронить. Тогда за дело взялись парижские якобинцы. Был издан циркуляр, после чего в их журнале была напечатана статья об этой мере, которая обсуждалась в трех или четырех сотнях клубов, объединившихся вместе. Через три недели после этого в Собрание посыпались петиции со всех сторон с требованием принять декрет, который был отвергнут в первый раз и который

теперь принят подавляющим большинством, потому что его обсуждение вызвало общественное мнение".

Другими словами, Ассамблея должна идти вперед, иначе ее будут подгонять, а в этом процессе самые худшие методы оказываются самыми лучшими. Те, кто руководит клубом, будь то фанатики или интриганы, полностью согласны в этом вопросе.

Во главе первого класса стоит Дюпор, некогда советник парламента, который после 1788 года знал, как обратить бунты в свою пользу. Первые революционные консультации проходили в его доме. Он хочет пахать глубоко, и его методы закапывания лемеха таковы, что Съезд, радикал, если таковой вообще существовал, назвал их "политикой пещер" ¹²³³. 28 июля 1789 года Дюпор организует Комитет по розыску, с помощью которого все благосклонно настроенные информаторы или шпионы формируют в его руках надзорную полицию, которая быстро превращается в полицию провокации. Он находит рекрутов в нижнем зале якобинского клуба, куда каждое утро приходят рабочие, чтобы пройти катехизацию, а двум его лейтенантам, братьям Лоретт, приходится черпать из того же источника ревностный персонал для отбора своих инструментов. "Десять надежных людей ежедневно получают там [приказы1234](#) ; каждый из них, в свою очередь, передает свои приказы еще десяти, принадлежащим к разным батальонам в Париже. Таким образом, каждый батальон и секция получают одни и те же приказы о восстании, одни и те же доносы на официальные власти, на мэра Парижа, на президента департамента и на командующего Национальной гвардией", и все это происходит тайно. Это темные дела: сами лидеры называют это "субботником" и вместе с фанатиками привлекают к работе ряженых. "Они распространяют слух, что в определенный день произойдет великое волнение с убийствами и грабежами, которому предшествует выплата денег, раздаваемых из рук в руки подчиненными офицерами среди тех, на кого можно положиться, и что эти группы должны собраться, как объявлено, в радиусе тридцати или сорока лиг". ¹²³⁵ - Однажды, чтобы спровоцировать беспорядки, "полдюжины людей, которые все это устроили, образуют небольшую группу, в которой один из них решительно выступает; тут же вокруг них собирается толпа примерно из шестидесяти человек. На другой день "около сорока фанатиков с мощными легкими и четыре-пять сотен платных людей" разбредаются по Тюильри, "неистово кричат" и, собираясь под окнами Ассамблеи, "выносят резолюции об убийстве". "Наши привратники, - говорит депутат Собрания, - которым вы приказали подавить эти беспорядки, слышали неоднократные угрозы принести вам головы тех, кого толпа желает проскрибировать". В тот же вечер в Пале-Рояле "я слышал, как один из подчиненных лидеров этой раскольничьей группы хвастался, что поручил вашим помощникам взять этот ответ обратно, добавив, что у всех добропорядочных граждан еще достаточно времени, чтобы последовать его совету". Их жалованье составляет двенадцать франков в день, и, находясь в бою, они заключают договоры на месте по этой ставке. "Из нескольких показаний, взятых офицерами Национальной гвардии и в мэрии", выясняется, что двенадцать франков в день предлагали "честным людям присоединиться к тем, кого вы, возможно, слышали кричащими, и некоторые из них действительно получали эти двенадцать франков в руки". - Деньги поступают из казны герцога Орлеанского, и они свободно расходуются; после его смерти, при имуществе в 114 000 000 франков, его долги составляют 74 000 000. ¹²³⁶ Будучи одним из членов фракции, он участвует в ее расходах, и, будучи самым богатым человеком в королевстве, он вносит вклад пропорционально своему состоянию. Не потому, что он лидер партии, ибо он слишком слабыхарактерный, слишком нервный; но "его мелкий совет" ¹²³⁷ , и особенно один из его личных секретарей, Лаклос, лелеют в отношении него большие планы, их цель - сделать его генерал-лейтенантом королевства, затем регентом и даже королем, ¹²³⁸ чтобы они могли править от его имени и

"делить доходы". "В то же время они используют его прихоти по максимуму, особенно Лаклос, который является своего рода подчиненным Маккиавелли, способным на все, глубоким, развратным и долго предающимся своей страсти к чудовищным комбинациям; никто никогда так круто не восхищался неописуемыми соединениями человеческой порочности и разврата. В политике, как и в романтике, его кафедра - "Les Liaisons Dangereuses". Раньше он маневрировал как любитель с проститутками и грубиянами модного мира; теперь он маневрирует всерьез с проститутками и грубиянами тротуаров. 5 октября 1789 года его, "одетого в коричневое пальто" ¹²³⁹, видят первым среди женщин, отправляющихся в Версаль, а его ^{рука} ¹²⁴⁰ заметна "в деле Ревейона, в поджоге барьеров и замков" и в широко распространенной панике, которая подняла всю Францию против мнимых бандитов. Его операции, говорит Малуэ, "оплачивались герцогом Орлеанским"; он вступал в них "за свой счет, а якобинцы - за свой"; в это время их союз становится очевидным для всех. 21 ноября 1790 года Лакло становится секретарем клуба, заведующим отделом переписки, титулярным редактором его журнала, а также невидимым, активным и постоянным руководителем всех его предприятий. Будь то действительные демагоги или движимые честолюбием, будь то платные агенты или искренние революционеры, каждая группа работает на свой собственный счет, обе согласованно, обе в одном направлении и обе посвящены одному и тому же делу - завоеванию власти всеми возможными средствами.

V.-Малое число якобинцев.

Источники их силы... - Они образуют лигу... - У них есть вера... Их беспринципность... Власть в партии принадлежит той группе, которая в наибольшей степени отвечает этим условиям.

На первый взгляд их успех кажется сомнительным, ведь они находятся в меньшинстве, причем очень незначительном. В Безансоне в ноябре 1791 года революционеры всех оттенков мнений и степеней, будь то жирондисты илимонтаньяры, составляют около 500 или 600 человек из 3000 избирателей, а в ноябре 1792 года - не более такого же числа из 6000 и 7000. ¹²⁴¹ В Париже в ноябре 1791 года в списках значится 6 700 человек из более чем 81 000; в октябре 1792 года - менее 14 000 из 160 000. ¹²⁴² В Труа в 1792 году из 7 000 избирателей обнаруживается только 400 или 500, а в Страсбурге - столько же из 8 000 избирателей. ¹²⁴³ Таким образом, революционерами является лишь десятая часть избирателей, а если отбросить жирондистов и полуконсерваторов, то их число сокращается вдвое. К концу 1792 года в Безансоне на 25-30 тысяч населения приходится едва ли более 300 чистых якобинцев, а в Париже из 700 тысяч жителей только 5 тысяч якобинцев. Несомненно, что в столице, где царит наибольшее возбуждение и где их больше, чем в других местах, никогда, даже во время кризиса, когда платят бродягам и вербуют бандитов, их не бывает больше 10 000. ¹²⁴⁴ В таком большом городе, как Тулуза, представитель народа на миссионерской службе одерживает победу только над 400 людьми. ¹²⁴⁵ Считая по пятьдесят человек в каждом маленьком городе, по двадцать в каждом большом округе и по пять-шесть в каждой деревне, мы обнаруживаем, что в среднем на пятнадцать выборщиков и

национальных гвардейцев приходится один якобинец, а если взять всю Францию, то все якобинцы вместе взятые не достигают и 300 000 человек. [1246](#) Это небольшое число для порабощения шести миллионов трудоспособных мужчин и для установления в стране с населением в двадцать шесть миллионов более абсолютного деспотизма, чем у азиатского государя. Сила, однако, не измеряется числом; они образуют группу посреди толпы, и в этой неорганизованной, инертной толпе - группу, которая полна решимости пробивать себе дорогу, как железный клин раскалывает бревно.

И от смуты изнутри, и от завоеваний извне нация может защититься только благодаря деятельности своего правительства, которое предоставляет необходимые инструменты для совместных действий. Стоит ему потерпеть неудачу или ослабнуть, и подавляющее большинство, не определившееся с тем, что ему делать, вялое и занятое чем-то другим, перестает быть корпусом и распадается в пыль. Из двух правительств, вокруг которых могла бы сплотиться нация, первое, после 14 июля 1789 года, лежит на земле и медленно рассыпается. Теперь его призрак, который возвращается, еще более одиозен, потому что он приносит с собой те же бессмысленные злоупотребления и невыносимые бремена, а в дополнение к ним - вопящую стаю претендентов и обвинителей. После 1790 года она появляется на границе более произвольно, чем когда-либо, во главе грядущего нашествия разгневанных эмигрантов и жадных до власти иностранцев. - Другое правительство, только что созданное Учредительным собранием, так плохо устроено, что большинство не может им пользоваться. Оно не приспособлено к его руке; никогда еще не было такого громоздкого и беспомощного политического инструмента одновременно. Чтобы привести его в движение, требуются огромные усилия; каждый гражданин обязан уделять ему около двух дней труда в неделю. [1247](#) Запущенное с таким трудом, но работающее наполовину, оно плохо справляется с возложенными на него задачами - сбором налогов, поддержанием общественного порядка на улицах, оборотом товаров, обеспечением безопасности совести, жизни и имущества. Опрокинутая собственными действиями, она поднимает другую, незаконную и исправную, которая занимает ее место и стоит. В силу того, что французы были ведомы, они приобрели привычку позволять собой [руководить](#) [1248](#). Жители провинций невольно обращают свои взоры к столице, а при наступлении кризиса выбегают к почтальону, чтобы узнать, какое правительство пало, большинство принимает его или подчиняется ему, - потому что, во-первых, большинство изолированных групп, которые хотели бы его свергнуть, не решаются вступить в борьбу: оно кажется слишком сильным; по въедливой рутине они представляют себе за ним ту великую, далекую Францию, которая под его напором раздавит их своей [массой](#) [1249](#). Во-вторых, если несколько изолированных групп предпримут попытку свергнуть ее, они не в состоянии продолжать борьбу: она слишком сильна. Более того, они еще не организованы, пока это в полной мере так, благодаря послушному набору чиновников, унаследованному от свергнутого правительства. При монархии или республике правительственный клерк каждое утро регулярно приходит в свой кабинет, чтобы разослать переданные ему распоряжения. [1250](#) При монархии или республике полицейский ежедневно совершает обход, чтобы арестовать тех, на кого у него есть ордер. Пока указания поступают сверху, в иерархическом порядке вещей, им подчиняются. Таким образом, от одного конца территории до другого машина с ее сотней тысяч орудий эффективно работает в руках тех, кто захватил рычаг в центральной точке. Решимость, дерзость, грубая энергия - вот все, что необходимо для того, чтобы заставить рычаг действовать, и ничего этого у якобинцев нет". [1251](#)

Во-первых, у него есть вера, а вера во все времена "двигает горы" [1252](#). "Возьмите любого рядового партийного рекрута, адвоката, второсортного юриста, лавочника, ремесленника, и представьте себе, если сможете, необычайное воздействие этой доктрины на ум, столь

плохо подготовленный к ней, столь узкий, столь несоразмерный с гигантской концепцией, овладевшей им. Созданный для рутины и ограниченных взглядов человека в его положении, он внезапно увлекается целой системой философии, теорией природы и человека, теорией общества и религии, теорией всеобщей истории, [1253](#) выводами о прошлом, настоящем и будущем человечества, аксиомами абсолютной правоты, системой совершенной и окончательной истины, сконцентрированной в нескольких жестких формулах, как, например:

"Религия - суеверие, монархия - узурпация, священники - самозванцы, аристократы - вампиры, а короли - многочисленные тираны и чудовища".

Эти идеи захлестывают ум такого человека, как огромный поток, низвергающийся в узкое ущелье; они расстраивают его и, уже не имея самостоятельного направления, сметают его. Человек теряет голову. Простой буржуа, простой рабочий не может безнаказанно превратиться в апостола или освободителя рода человеческого, ибо он хочет спасти не свою страну, а весь род. Ролан, незадолго до 10 августа, восклицает "со слезами на глазах: если свобода погибнет во Франции, она навсегда потеряет весь остальной мир! Надежды философов погибнут! Вся земля поддастся жесточайшей тирании!" [1254](#) - Грегуар на заседании Конвента добился принятия декрета об отмене королевской власти и казался побежденным при мысли о том огромном благе, которое он оказал роду человеческому.

"Должен признаться, - говорил он, - что в течение нескольких дней я не мог ни есть, ни спать от избытка радости!"

Однажды один якобинец на трибуне заявил: "Мы станем нацией богов!" Подобные радости приводят к помешательству или, во всяком случае, порождают болезни. "Некоторые люди целыми днями находятся в лихорадке, - говорит один из спутников Сен-Жюста, - у меня она продолжалась двенадцать лет..." [1255](#) Позже, "когда они продвигаются по жизни и пытаются проанализировать свои переживания, они не могут их понять" [1256](#). Другой рассказывает, что в его случае, когда "наступал кризис, между разумом и безумием был лишь волосок". "Когда Сен-Жюст и я, - говорит Бодо, - разрядили батареи в Висенбурге, нас очень благодарили за это. В этом не было никакой заслуги; мы прекрасно знали, что выстрел не мог причинить нам никакого вреда". - Человек в этом возвышенном состоянии не замечает препятствий и, в зависимости от обстоятельств, поднимается выше или опускается ниже себя, свободно проливая как свою, так и чужую кровь, геройски, как солдат, и зверски, как гражданский; ему нельзя сопротивляться ни в ту, ни в другую сторону, ибо его сила возрастает во сто крат благодаря его ярости, и, когда он дико рвется по улицам, люди уходят с его пути, как при приближении бешеного быка.

Если же они не отпрыгивают в сторону по собственной воле, он бросается на них, ибо он беспринципен и неистов... В любой политической борьбе определенные действия запрещены; в любом случае, если большинство разумно и хочет действовать честно, оно отвергает их для себя. Оно не нарушит ни одного конкретного закона, поскольку, если нарушается один закон, это ведет к нарушению других. Он против свержения установленного правительства, потому что любое безвременье - это возврат к варварству. Она выступает против элемента народного восстания, потому что в этом случае государственная власть отдается на откуп иррациональности жестоких страстей. Она выступает против превращения правительства в машину для конфискации и убийств, поскольку считает естественной функцией правительства защиту жизни и собственности. [1257](#) Соответственно, большинство, противостоящее якобину, который позволяет себе все это, подобно безоружному человеку, противостоящему полностью вооруженному. [1258](#) Якобинец, в принципе, презирает закон, поскольку единственный закон,

который он признает, - это произвол толпы. Он без колебаний выступает против правительства, потому что в его глазах правительство - это клерк, которого народ всегда имеет право сместить. Он приветствует восстание, потому что с его помощью народ возвращает себе суверенитет без каких-либо ограничений. ¹²⁵⁹ "Пусть лучше погибнут колонии, - восклицает якобинец в Учредительном собрании, - чем мы пожертвуем принципом". "Если настанет день, - говорит Сен-Жюст, - когда я убежусь, что невозможно наделить французов мягкими, энергичными и рациональными способами, неспигаемыми против тирании и несправедливости, в этот день я зарежу себя". А пока он гильотинирует остальных. "Мы превратим Францию в кладбище, - восклицает Каррьер, - вместо того чтобы возродить ее по-своему!" ¹²⁶⁰ Они готовы рискнуть кораблем, чтобы захватить штурвал. С самого начала они организуют уличные беспорядки и стачки в сельских районах, выпускают на волю проституток и грубиянов, мерзких и диких зверей. На протяжении всей борьбы они пользуются самыми грубыми и разрушительными страстями, слепотой, доверчивостью и яростью увлеченной толпы, голодом, страхом перед бандитами, слухами о заговоре и угрозами вторжения. Наконец, захватив власть в результате всеобщего переворота, они удерживают ее с помощью террора и казней. - Напрягая волю до предела, не имея никаких сдерживающих факторов, твердо веря в свою правоту и презирая права других, используя фанатичную энергию и уловки негодяев, меньшинство может, используя такие силы, легко овладеть и подчинить себе большинство. Так же верно и то, что в самой фракции победа всегда на стороне группы с наиболее сильной верой и наименьшими угрызениями совести. Четыре раза в период с 1789 по 1794 год политические игроки садились за стол, где ставкой была верховная власть, и четыре раза подряд "импартийцы", "фельяны", "жирондисты" и "дантониисты" составляли большинство и проигрывали игру. Четыре раза подряд большинство не желает нарушать общепринятые правила или, в крайнем случае, посягать на общепринятые нормы, полностью пренебрегать опытом, буквой закона, заповедями гуманности или советами жалости - меньшинство, напротив, заранее настроено на победу любой ценой; его взгляды и мнение верны, и если правила противоречат этому, то тем хуже для правил. В решающий момент оно приставляет пистолет к голове своего противника, переворачивает стол и забирает ставки.

1201 (возвращение)

[См. рисунки далее.]

1202 (возврат)

[Mallet du Pan, II. 491. Дантон, в 1793 году, сказал однажды одному из своих бывших собратьев, адвокату Совета: "Старый режим совершил большую ошибку. Он воспитал меня на стипендию в коллеже Плесси. Я воспитывался среди дворян, которые были моими товарищами и с которыми я жил в хороших отношениях. По окончании учебы у меня ничего не было; я был беден и пытался получить место. Парижская адвокатура была очень дорогой, и чтобы быть принятым, требовались большие усилия. Я не мог попасть в армию, не имея ни чина, ни покровительства. В церкви для меня не было места. Я не мог найти работу, потому что у меня не было ни цента. Мои старые товарищи отвернулись от меня. Я оставался без положения, и только через много долгих лет мне удалось приобрести должность адвоката в Королевском совете. Наступила революция, и я, и все подобные мне, бросились в нее. Древний режим вынудил нас к этому, обеспечив нам хорошее образование, но не дав

раскрыться нашим талантам". Это относится к Робеспьеру, К. Десмулену, Бриссо, Верньо и другим].

1203 (возвращение)

[Религиозный орден, основанный в Риме в 1654 году святым Филиппом Нери и посвятивший свои усилия проповеди и воспитанию детей. (SR)]

1204 (возврат)

[Dauban, "La Demagogie à Paris en 1793" и "Paris in 1794". Прочитайте в этих двух работах приказы генерала Анрио, отданные в тот день. Comperton, "Histoire du Tribunal Révolutionnaire de Paris", письмо Тринчарда, I. 306 (которое здесь приводится в оригинале из-за орфографии): "Si tu nest pas toute seule et que le compagnon soit a travailler tu peus ma chaire amie ventir voir juger 24 mesieurs tous si devient président ou conseilier au parlement de Paris et de Toulouse. Je t'ainvite a prendre quelque chose aven de venir parcheque nous naurons pas fini de 3 hurres. Je t'embrace ma chaire amie et épouge."-Ibid. II. 350, осмотр Андре Шенье.-Wallon, "Hist. Du Trib. Rév.", I, 316. Письмо Симона. "Je te coitte le bonjour mois est mon est pousse"].

1205 (возвращение)

[Ср. "Революция", с. 60].

1206 (возврат)

[Ср. по этому поводу признания честного Байи ("Mémoires", passim)].

1207 (обратно)

[Rétif de la Bretonne: "Nuits de Paris", 11éme nuit, p. 36. "Я прожил в Париже двадцать пять лет, свободный как воздух. Все могли пользоваться такой же свободой, как я, двумя способами: жить честно и не писать памфлетов против министерства. Все остальное было разрешено, и на мою свободу никто не покушался. Только после революции какому-то негодяю удалось дважды арестовать меня"].

1208 (возвращение)

[Ср. "Революция", т. I. с. 264].

1209 (обратно)

["Moniteur", IV. 495. (Письмо из Шартра, 27 мая 1790 г.)].

1210 (обратно)

[Sauzay, I.147, 195 218, 711.]

1211 (возврат)

["Меркюр де Франс", номера от 7, 14, 26 августа и 18 декабря 1790 г.].

1212 (возврат)

[Там же, номер от 26 ноября 1790 года. Петион избран мэром Парижа 6 728 из 10 632 избирателей. "На выборах выборщиков, избирающих депутатов в законодательное собрание, обнаруживается только 7 000 избирателей. В такой же пропорции бездействуют первичные и муниципальные собрания" - Moniteur, X. 529 (номер от 4 декабря 1791 года). Мануэль избран прокурором Коммуны 3 770 из 5 311 избирателей" -Ibid. XI. 378. На выборах муниципальных чиновников в Париже 10 и 11 февраля 1792 года присутствуют только 3 787 избирателей; Дюссо, получивший наибольшее количество голосов, набирает 2 588; Сержан получает 1 648.-Buche et Roux, XI. 238 (заседание от 12 августа 1791 г.). Речь Шапелье; "Archives Nationales", F.6 (carton), 21. Первичное собрание от 13 июня 1791 года, кантон Беж (Кот-д'Ор). Из 460 активных граждан присутствуют 157, а при окончательном голосовании - 58. -Ibid., F7, 3235, (январь, 1792). Лозерр: "На первичных собраниях голосовало не более 1 000 граждан из 25 000. В Сен-Шели, столице округа, нескольким вооруженным грубиянам удается сформировать первичное собрание и подменить своими выборами выборы в восьми приходах, перепуганные жители которых ушли с них... В Лангогне, главном городе кантона и округа, из более чем 400 активных граждан не более 22 или 23 человек - именно столько, как можно было предположить, когда их присутствие оттолкнуло остальных - в одиночку сформировали собрание"]].

1213 (возвращение)

[Эта власть, с ее выгодами, показана таким образом, Beugnot, I. 140, 147. "После опубликования декретов от 4 августа комитет наблюдения Монтиньи, усиленный всеми патриотами страны, обрушился, как поток, на баронство Шуазель и истребил всех зайцев и куропаток... Они выловили все пруды. В Мандресе мы обнаружили в лучшей комнате постоянного двора дюжину крестьян, собравшихся вокруг стола, уставленного стаканами и бутылками, среди которых мы заметили чернильницу, ручки и что-то похожее на реестр. "Не знаю, что они делают, - сказала хозяйка, - но они там с утра до вечера, пьют, ругаются и на всех набрасываются, и говорят, что они комитет"]].

1214 (возвращение)

[Альбер Бабо, I. 206, 242.- Первое заседание революционного комитета Труа на кладбище Сен-Жюль, август 1789 года. Этот комитет становится единственным органом власти в городе после убийства мэра М. Юэза (10 сентября 1790 г.)].

1215 (возврат)

["Французская революция", т. I. стр. 235, 242, 251.-Buche et Roux, VI, 179.-Guillon de Montléon, "Histoire de la Ville de Lyon pendant la Revolution", I. 87.-Guadet, "Les Girondins"].

1216 (возвращение)

[Michelet, "Histoire de la Révolution", II.47.]

1217 (обратно)

[Правила Парижского клуба гласят, что его члены должны "трудиться над созданием и укреплении конституции в соответствии с духом клуба"].

1218 (обратно)

["Mercure de France", Aug. 11, 1790.-"Journal de la Société des Amis la Constitution", Nov. 21, 1790.-Ibid., March, 1791.-Ibid., March, 1791.-Ibid., Aug. 14, 1791 (речь Родерепа)-Buche et Roux, XI. 481.]

1219 (возвращение)

[Michelet, II. 407.-Moniteur, XII 347 (11 мая 1792 г.), статья Мари-Жозефа Шенье, согласно которой на эту дату существует 800 якобинских клубов.-Ibid., XII. 753 (речь М. Дельфо на заседании 25 июня 1792 года).-Редерер, предисловие к его переводу Гоббса].

1220 (возвращение)

["Парижские революции", Прюдомм, № 173].

1221 (возврат)

[Constant, "Histoire d'un Club Jacobin en Province", passim (Клуб Фонтенбло, основанный 5 мая 1791 г.); -Albert Babeau, I. 434 и следующие страницы (основание клуба Труа, октябрь 1790 г.); -Sauzay, I 206 и следующие страницы (основание клуба Безансона 28 августа 1790 г.); -Ibid., 214 (основание клуба Понтарлье, март 1791 г.).]

1222 (возвращение)

[Sauzay, I. 214 (2 апреля 1791 г.).]

1223 (возврат)

["Journal des Amis de la Constitution", I. 534 (письмо клуба "Café National" из Бордо, 29 января 1791 г.). Guillon de Monthléon, I. 88.- "The French Revolution", vol. I. 128, 242].

1224 (возвращение)

[Здесь мы имеем полную систему пропаганды и организационной тактики, идентичную той, которую используют нацисты, марксисты-ленинцы и другие "дети" первоначальных коммунистов-якобинцев. (СР.)]

1225 (возврат)

[Eugène Hatin, "Histoire politique et littéraire de la presse", IV. 210 (с текстом Марата в "L'Ami L'Ami du peuple" и Фрерона в "l'Orateur du peuple")].

1226 (возвращение)

["Меркюр де Франс", 27 ноября 1790 г.].

1227 (возврат)

["Меркюр де Франс", 3 сентября 1791 г. (статья Малле дю Пана). "На основании доноса, авторы которого были мне известны, люксембургский участок 21 июня, в день отъезда короля, направил комиссаров и военный отряд в мое жилище. Этой миссии не предшествовал ни судебный приговор, ни постановление полицейского суда или мирового судьи, ни какая-либо экспертиза... Служащие этого участка перебрали мои бумаги, книги и письма, переписав некоторые из них, и унесли копии и оригиналы, наложив печати на остальные, которые были оставлены на попечение двух стрельцов"]].

1228 (возвращение)

["Меркюр де Франс", 27 августа 1791 г. (отчет Дюпор-Дютерра, министра юстиции). Там же, ср. номера от 8 сентября 1790 г. и 12 марта 1791 г.].

1229 (возвращение)

[Sauzay, I.208. (Петиция офицеров национальной гвардии Безансона и замечания муниципального органа, 15 сентября 1790 г. Петиция 500 национальных гвардейцев, 15 декабря 1790 г.). Замечания окружной директории, которая, разрешив клуб, заявляет, что "три четверти" национальной гвардии и часть других граждан "настроены весьма враждебно по отношению к нему". Аналогичные петиции против местного клуба в Даксе, Шалон-сюр-Сон и т.д.].

1230 (возвращение)

["Письма" (рукопись) М. Рулле, депутата от Понтиви, к своим избирателям (1 мая 1789 г.)].

1231 (обратно)

[Правило ассоциации гласит: "Цель ассоциации - предварительное обсуждение вопросов, которые должны быть решены Национальным собранием, ... и переписка с ассоциациями того же характера, которые могут быть образованы в королевстве"]].

1232 (возврат)

[Grégoires, "Mémoires", I. 387].

1233 (возврат)

[Malouet, II. 248. "Я видел, как советник Дюпор, который был фанатиком и неплохим

человеком, вместе с двумя или тремя такими же, как он, восклицал: "Террор! Террор! Какая жалость, что это стало необходимым!"].

1234 (возвращение)

[Лафайет, "Mémoires" (в отношении месье де Ламета и их друзей).- По словам одного сквиба того времени: "Что думает Дюпор, говорит Барнав и делает Ламет" - эта троица была названа Триумвиратом. Мирабо, человек из правительства и человек, которому был противен грубый беспорядок, назвал ее Triumgueusat (Троица дряхлых парней)].

1235 (возврат)

["Moniteur", V.212, 583. (Доклад и речь Дюпона де Немура на заседаниях 31 июля и 7 сентября 1790 г.) - Бродяги и грубияны начинают играть свои роли в Париже 27 апреля 1789 г. (дело Ревейона). Уже 30 июля 1789 г. Ривароль писал: "Горе тому, кто будоражит отбросы нации! Век Просвещения не коснулся народа!"- В предисловии к своему будущему словарю он ссылается на свои статьи этого периода: "Там можно увидеть меры предосторожности, которые я предпринял, чтобы не позволить Европе приписать французскому народу ужасы, совершенные толпой негодяев, которых Революция и золото великого человека привлекли в столицу". "Письмо депутата к своим избирателям", опубликованное Дюпрезом в Париже в начале 1790 года (цитируется М. де Сегюром в "Ревю де Франс" от 1 сентября 1880 года). В нем говорится о маневрах, направленных на то, чтобы заставить голосовать за конфискацию имущества духовенства. "В течение всего Дня всех святых (1 ноября 1789 года) били в барабаны, чтобы созвать группу, известную здесь как "Кoadъюторы революции". Утром 2 ноября, когда депутаты отправились в Собрание, они обнаружили, что соборная площадь и все проспекты к архиепископскому дворцу, где проходили заседания, заполнены бесчисленной толпой народа. Это войско насчитывало от 20 до 25 тысяч человек, из которых большая часть не имела ни обуви, ни чулок; шерстяные шапки и лохмотья составляли их униформу, а вместо оружия у них были дубинки. Они осыпали церковных депутатов оскорблениями, когда те проходили мимо, и кричали, что без пощады расправятся со всеми, кто не проголосует за лишение духовенства... Около 300 депутатов, выступавших против этого предложения, не осмелились присутствовать на собрании... Толпы ряженных в окрестностях зала, их замечания и угрозы возбуждали опасения, что этот зверский проект будет осуществлен. Все, кто не чувствовал в себе достаточно мужества, чтобы пожертвовать собой, избегали посещать Собрание". (Декрет был принят 378 голосами против 346)].

1236 (возвращение)

[Ср. "Древний режим", с. 51.]

1237 (возвращение)

[Malouet, 1.247, 248 - "Переписка (рукопись) М. де Стаэля, шведского посла, с его двором, скопированная из архива в Стокгольме М. Леузон-ле-Дюком. Письмо М. Стаэля от 21 апреля 1791 года: "М. Лаклос, тайный агент этого несчастного принца, (является) умным и тонким интриганом". 24 апреля: "Его агентов следует опасаться больше, чем его самого. Своим дурным поведением он скорее доставляет неприятности, чем приносит пользу своей партии"]].

1238 (возвращение)

[Особенно после бегства короля в Варенн и во время инцидента на Марсовом поле. Петиция якобинцев была составлена Лакло и Бриссо].

1239 (возвращение)

[Расследование в Шатле, показания графа д'Абсака де Терне].

1240 (обратно)

[Malouet I. 247, 248. Это свидетельство неопровержимо. "Кроме того, что я видел сам, - говорит Малуэ, - мсье де Монморен и мсье Делессар передали мне все полицейские отчеты за 1789 и 1790 годы"].

1241 (обратно)

[Sauzay, II. 79 (муниципальные выборы, 15 ноября 1791 г.).-III. 221 (выборы мэра, ноябрь 1792 г.). Умеренные полумеры получили 237 голосов, а санкюлоты - 310].

1242 (возвращение)

["Меркюр де Франс", 26 ноября 1791 г. (Петион был избран мэром 17 ноября 6728 голосами из 10 682 избирателей). (4 октября 1792 года Петион был избран мэром 13 746 голосами из 14 137 избирателей. Он отказывается от участия в выборах. 21 октября д'Ормессан, умеренный, который отказывается от участия в выборах, тем не менее, получает 4 910 голосов. Его конкурент, Луийе, чистый якобинец, получает только 4 896 голосов.)].

1243 (возвращение)

[Альбер Бабо, II. 15. (На 32 000 жителей Труа приходится около 7 000 выборщиков. В декабре 1792 года Жаке избирается мэром 400 голосами из 555 избирателей. Поразительное совпадение: в это время в клубе Труа было 400 членов.)-Карно, "Мемуары", I. 181. "Доктор Болльманн, проезжавший через Страсбург в 1792 году, рассказывает, что из 8000 квалифицированных граждан явилось только 400 избирателей"].

1244 (возвращение)

[Mortimer-Ternaux, VI. 21. В феврале 1793 года Паш избирается мэром Парижа 11 881 голосом - Парижский журнал, № 185. 2 июля 1793 года Анрио избирается главнокомандующим национальной гвардией Парижа, набрав 9 084 голоса против 6 095 голосов, отданных за его конкурента Раффе. В это время национальная гвардия насчитывает 110 000 зарегистрированных членов, а также 10 000 жандармов и федератов. Многие из сторонников Анрио, опять же, голосовали дважды. (См. о выборах и численности якобинцев в Париже в главах XI и XII данного тома)].

1245 (возвращение)

[Michelet, VI. 95. "Почти все (представители миссионеров) были поддержаны лишь самым незначительным меньшинством. Бодо, например, в Тулузе в 1793 году, имел всего 400 человек"].

1246 (возвращение)

[Например, "Archives Nationales", Fl 6, carton 3. Петиция жителей Арней-ле-Дюка королю (апрель 1792 г.), очень оскорбительная, с использованием самых привычных выражений; около пятидесяти подписей -Sauzay, III. ch. XXXV. и XXXIV. (подробности о местных выборах).- Ibid., VII. 687 (письмо Грегуара, 24 декабря 1796 г.).-Malouet, II. 531 (письмо Малуэ, 22 июля 1779 г.). Малуэ и Грегуар согласны с цифрой 300 000. Мари-Жозеф Шенье (Moniteur, XII, 695, 20 апреля 1792 г.) доводит ее до 400 000].

1247 (возврат)

[Ср. "Французская революция", т. I. кн. II. гл. III].

1248 (обратно)

[Ср. "Древний режим", с.352].

1249 (возврат)

["Воспоминания мадам де Сапино", с. 18. Ответ М. де Сапино крестьянам Вандеи, которые хотели, чтобы он стал их генералом: "Друзья мои, это глиняный горшок против железного горшка. Что мы можем сделать? Один департамент против восьмидесяти двух, мы должны быть разбиты!"].

1250 (возвращение)

[Malouet, II. 241. "Я знал одного клерка в одном из бюро, который в эти печальные дни (сентябрь 1792 года) никогда не пропускал, как обычно, переписывания и сложения своих реестров. Министерская переписка с армиями и провинциями шла своим чередом в обычных формах. Парижская полиция заботилась о снабжении и следила за точильщиками, в то время как на улицах лилась кровь."- См. об этой механической необходимости и введливой привычке получать приказы от центральной власти в Mallet du Pan, "Mémoires", 490: "Солдаты Дюмурье говорили ему: "Ф-, папа-генерал, заставьте Конвент приказать нам идти на Париж, и вы увидите, как мы сделаем фарш из тех, кто в Собрании!""].

1251 (возвращение)

[С большим интересом читал эти строки любой начинающий радикальный политик, будь то немецкий социалист, у которого Гитлер так многому научился, или Ленин во время своего долгого пребывания в Париже около 1906 года. Возможно, Тэн думал, что вооружает достойных людей, чтобы они лучше понимали и защищали республику от нового якобинского натиска, а на самом деле он снабдил их точным рецептом повторения революции. (SR).]

1252 (возвращение)

[Ат. Матфей, 17:20 (SR.).]

1253 (возврат)

[Buchez et Roux, XXVIII 55. Письмо Брюн-Лафона, гренадера национальной гвардии, от 14 июля 1793 г. другу в провинции, в оправдание 31 мая. Это письмо требует прочтения целиком. В нем можно найти обычные идеи якобинца по отношению к истории: "Можно ли игнорировать, что именно народ Парижа своими ропотами и праведными восстаниями против деспотической системы многих наших королей заставил их проникнуться более мягкими чувствами в отношении облегчения положения французского народа, и прежде всего земледельцев?... Без энергии Парижа Париж и Франция были бы теперь населены одними рабами, а эта прекрасная земля представляла бы такой же дикий и пустынный вид, как турецкая империя или Германия", что побудило нас "придать еще больший блеск этой революции, восстановив на земле древние афинские и другие греческие республики во всей их чистоте". Различий между первыми людьми Земли не существовало; ранние семейные узы связывали вместе людей, не имевших ни древних основателей, ни происхождения; в их республиках не было других законов, кроме тех, которые, так сказать, внушали им те чувства братства, которые они испытывали в колыбели первобытного населения"].

1254 (возвращение)

[Barbaroux, "Mémoires" (Ed. Dauban), 336.- Grégoire, "Mémoires", I. 410].

1255 (возвращение)

["La Révolution Française", by Quinet (выдержки из неопубликованных "Mémoires" Бодо), II. 209, 211, 421, 620.-Guillon de Montléon I. 445 (речь Шалье в Центральном клубе Лиона, 23 марта 1793 г.). "Говорят, что санкюлоты будут и дальше проливать свою кровь. Это всего лишь болтовня аристократов. Можно ли добраться до санкюлота в этом квартале? Разве он не неуязвим, как боги, которых он заменяет на этой земле?" - Речь Давида в Конвенте, посвященная Барре и Виале: "При столь прекрасном правлении женщина будет рожать без боли" - Мерсье "Новый Париж", I. 13. "Я слышал, как (оратор) воскликнул в одной из секций, чему я свидетель: "Да, я бы взял свою собственную голову за волосы, отрезал ее и, подав ее деспоту, сказал бы ему: Тиран, посмотри на поступок свободного человека!"]].

1256 (возвращение)

[Сейчас, сто лет спустя, рассматривая десятки тысяч западных интеллектуалов, которые в старости, кажется, не могут понять своего давнего увлечения Лениным, Сталиным и Мао, я не могу не думать о том, что история, возможно, готовит нам подобные сюрпризы в будущем. (SR).]

1257 (возвращение)

[На протяжении всей моей жизни наши якобинцы, коммунисты, включили в свой реестр искажения, ложь и клевету как обычный инструмент своего ремесла. (SR).]

1258 (обратно)

[Лафайет, "Mémoires", I.467 (о якобинцах от 10 августа 1792 года). "Эта секта, уничтожения которой желали девятнадцать-двадцать процентов Франции" - Дюран-Майян, 49. Неприязнь к якобинцам после 20 июня 1792 года была всеобщей. "Коммуны Франции, повсеместно уставшие и недовольные народными клубами, с радостью избавились бы от них, чтобы больше не находиться под их контролем"].

1259 (возвращение)

[Слова Леклерка, депутата Лионского комитета в Якобинском клубе в Париже 12 мая 1793 года. "Должно быть установлено народное макиавелианство... Все нечистое должно исчезнуть с французской земли... Меня, несомненно, будут считать разбойником, но есть один способ опередить клевету, и это - истребить клеветников"].

1260 (возвращение)

[Buchez et Roux, XXXIV. 204 (свидетельство Франсуа Ламейри). "Собрание подлинных документов для истории революции в Страсбурге", II. 210 (речь Бодо, 19 февраля II года, в клубе якобинцев в Страсбурге). "Эгоисты, беспечные, враги свободы, враги всей природы не должны считаться ее детьми. Разве все, кто выступает против общественного блага или не разделяет его, не находятся в том же положении? Так давайте же уничтожим их... Если бы их было миллион, разве не пожертвовал бы человек двадцать четвертой частью себя, чтобы избавиться от гангрены, которая может заразить все остальное тело?..." По этим причинам оратор считает, что каждый человек, который не предан республике полностью, должен быть предан смерти. Он заявляет, что Республика должна одним ударом привести к мгновенному исчезновению всех друзей королей и феодализма". М. д'Антонель, "как и большинство революционных клубов, считал, что для создания республики необходимо установить приблизительное равенство собственности, а для этого следует подавить треть населения" - "Такова была общая идея фанатиков Революции". "Жан Бон Сент-Андре... предлагал, что для прочного основания республики во Франции население должно быть сокращено наполовину", - Ларевельер-Лепо, "Мемуары", I.150. Его резко прерывает Ларевельер-Лепо, но он продолжает и настаивает на этом. Гуффруа, депутат от Па-де-Кале, предложил в своем журнале еще большую ампутацию; он хотел сократить Францию до пяти миллионов жителей].

КНИГА ВТОРАЯ. ПЕРВЫЙ ЭТАП ЗАВОЕВАНИЯ.

ГЛАВА I. ЖАКОБИНЫ ПРИХОДЯТ К ВЛАСТИ.

Выборы 1791 г. - доля мест, полученных в результате выборов.

В июне 1791 года и в течение пяти последующих месяцев класс активных [граждан](#)²¹⁰¹ созывается для избрания своих представителей, которые, как мы знаем, согласно закону, бывают разного рода и степени. Прежде всего, это 40 000 членов избирательных коллегий второй степени и 745 депутатов. Далее, половина администраторов 83 департаментов, половина администраторов 544 округов, половина администраторов 41 000 коммун, и, наконец, в каждом муниципалитете - мэр и синдик-адвокат. Затем в каждом департаменте они должны избрать председателя уголовного суда и прокурора, а по всей Франции - офицеров национальной гвардии; короче говоря, почти весь состав агентов и хранителей законной власти. Гарнизон общественной цитадели должен быть обновлен, что происходит уже во второй и даже в третий раз с 1789 г. - каждый раз якобинцы пробирались туда небольшими группами, но на этот раз они входят большими группами. Петион становится мэром Парижа, Мануаль - прокурором-синдикалистом, Дантон - депутатом Мануэля. Робеспьер избирается прокурором по уголовным делам. В первую же неделю [2102 года](#) 136 новых депутатов вносят свои имена в реестр клуба. В Собрании партия насчитывает около 250 членов. Обойдя все посты крепости в целом, мы можем оценить, что осаждающие занимают треть из них, а возможно, и больше. Осада велась в течение двух лет с безошибочным инстинктом, представляя собой необыкновенное зрелище целой нации, законно побежденной отрядом повстанцев.²¹⁰³

I.- Их осадные операции.

Средства, используемые ими для отталкивания большинства избирателей и консервативных кандидатов.- Частота выборов.-
Обязанность принимать присягу.

С одной стороны, под предлогом лучшего обеспечения народного суверенитета выборы так умножаются и проводятся так близко друг к другу, что требуют от каждого активного гражданина одной шестой части его времени; такое обложение очень велико для

трудолюбивых людей, имеющих ремесло или какое-либо занятие,²¹⁰⁴ что характерно для огромной массы; во всяком случае, для полезной и здравомыслящей части населения. Поэтому, как мы видели, она не приходит на избирательные участки, оставляя поле для бездельников и фанатиков.²¹⁰⁵ С другой стороны, в соответствии с конституцией, гражданская присяга, которая включает в себя церковную присягу, налагается на всех избирателей, поскольку, если кто-либо приносит первую и не приносит вторую, его голос выбрасывается: в ноябре в Дубе муниципальные выборы в тридцати трех коммунах были признаны недействительными только под этим предлогом.²¹⁰⁶ Таким образом, не только сорок тысяч священнослужителей лишаются присяги (*insermentés*), но и все добросовестные католики теряют право голоса, причем больше всего их в Артуа, Дубе и Юре, в районе Нижнего и Верхнего Рейна²¹⁰⁷, в двух Севрах и Вандее, в Нижней Луаре, Морбиане, Финистерре и Кот-д'ю-Нор, в Лозере и Ардеше, не говоря уже о южных департаментах²¹⁰⁸. Таким образом, с помощью закона, который они сделали невыполнимым, якобинцы, с одной стороны, заранее избавляются от всех здравомыслящих избирателей, исчисляемых миллионами; а с другой стороны, с помощью закона, который они сделали нетерпимым, они избавляются от голосов католиков, исчисляемых сотнями тысяч. Таким образом, попадая в избирательные списки, благодаря этому двойному исключению, они оказываются перед лицом лишь самого незначительного числа избирателей.

II.- Досады и опасности публичных выборов.

Избиратели, исключенные из законодательного органа.

Теперь необходимо приступить к борьбе с ними, и первое средство состоит в том, чтобы лишить их кандидатов. Обязанность приносить присягу уже частично обеспечила это: в Лозере все чиновники скорее подадут в отставку, чем принесут присягу²¹⁰⁹; здесь есть люди, которые не будут кандидатами на предстоящих выборах, ибо никто не жаждет места, которое он был вынужден покинуть; в общем, подавление всех партийных кандидатур достигается не иначе, как тем, что должность магистрата становится невыгодной. -Якобинцы успешно придерживаются этого принципа, поощряя и возглавляя бесчисленные бунты против короля, чиновников и клерков, против дворян, церковников, торговцев кукурузой и землевладельцев, против всех видов государственной власти, независимо от ее происхождения. Повсюду власти вынуждены терпеть или оправдывать убийства, грабежи и поджоги, или, в крайнем случае, мятежи и неповиновение. В течение двух лет мэр рискует быть повешенным, объявив военное положение; капитан не уверен в своих людях, выступая в поход для защиты налогового сбора; судье на скамье подсудимых угрожают, если он осудит мародеров, опустошающих национальные леса. Магистрат, чья обязанность - следить за соблюдением закона, постоянно вынужден напрягать закон или позволять его напрягать; если он отказывается, суммарный удар, нанесенный местными якобинцами, заставляет его законную власть подчиниться их незаконному диктату, так что ему приходится смириться с тем, что он либо их сообщник, либо их марионетка. Такая роль непереносима для человека с

чувством и совестью. Поэтому в 1790 и 1791 годах почти все видные и уважаемые люди, которые в 1789 году занимали места в гостиницах-де-вилль или командовали Национальной гвардией, все деревенские джентльмены, кавалеры Святого Людовика, старые парламентарии, представители высшей буржуазии и крупные землевладельцы уходят в частную жизнь и отказываются от общественных функций, которые больше не могут выполнять. Вместо того чтобы предложить себя общественному голосованию, они избегают его, и партия порядка, далекая от избрания магистратуры, больше не находит даже кандидатов в нее.

В июне 1779 года, даже после того, как непримиримые разошлись с "правыми", в Собрании все еще оставалось около 700 членов, которые, придерживаясь конституции, но решив подавить беспорядки, могли бы составить разумный законодательный орган, если бы были переизбраны. Все они, за исключением очень небольшой группы революционеров, научились кое-чему на собственном опыте, и в последние дни их сессии два серьезных события, бегство короля и беспорядки на Марсовом поле, заставили их осознать недостатки своего механизма. Продержав в руках этот исполнительный инструмент три месяца, они видят, что он разболтан, что все шатается и что их самих сбивают с ног фанатики и толпа. Они, соответственно, пытаются отступить, а некоторые даже думают повторить свой путь.²¹¹⁰ Они отделяются от якобинцев; из трех или четырехсот депутатов, внесенных в список клуба на улице Сент-Оноре²¹¹¹, остается только семь; остальные образуют в Фельянах отдельный оппозиционный клуб, во главе которого стоят первые основатели, Дюпор, два Ламета, Барнав, авторы конституции, все отцы нового режима.²¹¹² В последнем декрете Учредительного собрания они громогласно осуждают узурпацию народных ассоциаций и запрещают им не только любое вмешательство в административные или политические дела, но и любые коллективные петиции или [депутации](#)²¹¹³.-Здесь друзья порядка могут найти кандидатов, чьи шансы велики, ибо в течение двух лет и более каждый из них в своем округе является самым заметным, самым аккредитованным и самым влиятельным человеком; он пользуется хорошей репутацией у своих избирателей благодаря популярности конституции, которую он составил, и весьма вероятно, что его имя соберет для нее большинство голосов.²¹¹³ Якобинцы, однако, предвидели эту опасность: За четыре месяца до [этого](#)²¹¹⁴ они с помощью Суда, который никогда не упускал случая погубить себя и все [остальное](#)²¹¹⁵, максимально использовали недовольство консерваторов и усталость Собрания. Уставшее и отвращенное, в приступе ошибочного бескорыстия, Собрание, воодушевленное и захваченное врасплох, принимает закон, объявляющий всех его членов не имеющими права быть избранными в следующее Собрание, заранее увольняя лидеров партии джентльменов.

III.- Друзья порядка лишены права на свободные собрания.

Жестокое обращение с их клубами в Париже и
Законодательное недопущение консервативных ассоциаций.

Если последние (честные люди правых), несмотря на столько недостатков, пытаются бороться, их арестовывают на первом же шагу. Ведь для того, чтобы начать избирательную кампанию, необходимы предварительные собрания, чтобы посоветоваться и понять друг друга, а возможность создания ассоциации, которую закон предоставляет им как право, фактически отнимается у них их противниками. Вначале якобинцы улюлюкали и "забрасывали камнями" членов "Правых" [2116](#), проводивших свои собрания во Французском салоне на улице Руаяль, и, согласно сложившемуся правилу, полицейский трибунал, "считая, что это собрание является причиной беспорядков, что оно производит сборища на улице, что для его защиты могут быть использованы только насильственные средства", приказывает его распустить. [2117](#) В августе 1790 года организуется второй клуб, на этот раз состоящий из самых мудрых и либеральных людей. Во главе его стоят Малуэ и граф Клермон-Тоннерр. Он носит название "Друзья монархической конституции" и стремится восстановить общественный порядок, поддерживая достигнутые реформы. Все формальности со стороны организации были соблюдены. В Париже уже насчитывается около 800 членов. В его казну поступают подписки. Провинции присылают многочисленные приписки, и, что хуже всего, хлеб раздается ими по сниженным ценам, что, вероятно, умиротворит народ. Вот центр мнений и влияния, аналогичный якобинскому клубу, который якобинцы не могут терпеть. [2118](#) Мсье де Клермон-Тоннерр, арендовав летний Воксхолл, сообщает его владельцу, что если он сдаст его в аренду, патриоты Пале-Рояля придут к нему в полном составе и закроют его; опасаясь, что здание будет повреждено, он аннулирует аренду, а муниципалитет, опасаясь стычек, приказывает приостановить собрания. Клуб подает жалобу и принимает меры, но буква закона настолько очевидна, что в конце концов выдается официальное разрешение на деятельность клуба. После этого якобинские газеты и ораторы дают волю своей ярости против будущего соперника, угрожающего оспорить их империю. 23 января 1791 года Барнав, выступая в Национальном собрании, используя метафорический язык, который можно было бы использовать как предсмертный крик, обвиняет членов нового клуба в том, что они "дают народу хлеб, который несет в себе яд". Через четыре дня после этого жилище месье Клермон-Тоннерра атакует вооруженная толпа. Малуэ, выходящего из него, чуть не вытаскивают из кареты, а толпа вокруг него кричит: "Идет ублюдок, который осудил народ!" Наконец, основатели клуба, которые из соображений муниципалитета ждали два месяца, нанимают другой зал на улице Маленьких Экуров и 28 марта начинают свои заседания. "Придя туда, - пишет один из них, - мы обнаружили толпу, состоящую из пьяниц, кричащих мальчишек, оборванных женщин, солдат, возбуждающих их, и особенно этих страшных гончих, вооруженных крепкими, узловатыми дубинами длиной в два фута, которые отлично проламывают черепа" [2119](#). Сначала их было всего три-четыре сотни, через десять минут - пять-шесть сотен; через четверть часа со всех сторон стекается, пожалуй, четыре тысячи; словом, все, как полагается при восстании. "Жители квартала уверяли, что не узнали ни одного лица". Шутки, оскорбления, подзатыльники, удары дубинками и саблями - членов клуба, "согласившихся прийти без оружия", разгоняют, а нескольких сбивают с ног, таскают за волосы, еще дюжина или пятнадцать ранены. Чтобы оправдать нападение, демонстрируются белые кокарды, которые, как утверждается, были найдены в их карманах. Мэр Бейли приезжает только тогда, когда все уже закончилось, и в качестве меры по поддержанию "общественного порядка" муниципальные власти заставляют клуб конституционных монархистов закрыться навсегда.

Вследствие этих бесчинств фракции при попустительстве властей таким же образом подавляются и другие подобные клубы. Их очень много, причем в самых крупных городах - "Друзья мира", "Друзья страны", "Друзья короля, мира и религии", "Защитники религии, личности и имущества". Членами общества обычно становятся магистраты и офицеры, самые культурные и воспитанные люди, словом, элита места. Раньше собрания проводились

для бесед и дебатов, и, будучи давно существующим, клуб естественным образом переходит от литературы к политике.²¹²⁰ С улицы Сент-Оноре мы приводим слова, направленные против всех этих провинциальных клубов. "Они - центры заговора, и за ними нужно немедленно присматривать", и они должны быть немедленно уничтожены.²¹²¹ Однажды, как в Кагоре, отряд национальной гвардии, возвращаясь из экспедиции против соседнего дворянства, врывается в клуб, "выбрасывает мебель из окон и разрушает дом".²¹²¹ В другой раз, как в Перпиньяне, возбужденная толпа окружает клуб, танцует фанданго и кричит, к фонарю! Здание клуба разграблено, а восемьдесят его членов, покрытые синяками, для безопасности заключены в цитадель.²¹²² В другой раз, как в Эксе, якобинский клуб оскорбляет своих противников в их собственном помещении и провоцирует потасовку, после чего муниципалитет заставляет замуровать двери клуба, подвергшегося нападению, и выдает ордера на арест его членов.²¹²² За любое насилие, которому они подвергаются, их всегда ожидает наказание. Само их существование кажется преступлением. В Гренобле они едва успевают собраться, как их уже разгоняют. Дело в том, что их подозревают в "инцивизме"; возможно, их намерения не совсем верны; в любом случае, они вызывают разделение места на два лагеря, и этого достаточно. В департаменте Гард все их клубы уничтожены по приказу департамента, потому что "они являются очагами злобы". В Бордо муниципалитет, учитывая, что "поступают тревожные сообщения о возвращении в город священников и привилегированных лиц", запрещает все собрания, кроме якобинского клуба. Таким образом, "при системе свободы самого возвышенного рода, при наличии знаменитой Декларации прав человека, которая узаконивает все, что не является незаконным", и которая постулирует равенство как принцип французской конституции, тот, кто не является якобинцем, лишается общих прав. Нетерпимый клуб возводит себя в ранг святой церкви и запрещает другим, не получившим от него "ортодоксального крещения, гражданского вдохновения и способности к языкам". Только ей принадлежит право собираться и принимать прозелитов. Консервативным, здравомыслящим людям во всех городах королевства запрещено создавать избирательные комитеты, иметь трибуну, фонд, подписчиков и приверженцев, бросать вес своих имен и общей силы на весы общественного мнения, собирать вокруг своего постоянного ядра разрозненные толпы здравомыслящих людей, которые хотели бы спастись от Революции, не скатываясь к старому режиму. Пусть они шепчутся между собой по углам, и их еще можно терпеть, но горе им, если они покинут свое одинокое убежище, чтобы действовать сообща, агитировать избирателей и поддерживать кандидата. До самого дня голосования они должны оставаться в присутствии своих объединенных, активных и упорных противников, рассеянных, бездеятельных и немых.

IV. Суматоха выборов 1790 года.- Выборы 1791 года.- Последствия бегства короля.- Доминиканские визиты.- Монтань в период выборов.

Смогут ли они хотя бы в этот день свободно проголосовать? Они не уверены в этом, и, судя по событиям прошлого года, это сомнительно. В апреле 1790 года в Буа д'Айси, в Бургундии, месье де Буа д'Айси, депутат, который вернулся из Парижа, чтобы сдать свой [голос](#)²¹²³, подвергся публичной угрозе. Ему сообщили, что дворяне и священники не должны принимать участия в выборах, а многие в его присутствии говорили, что для предотвращения этого лучше было бы его повесить. Неподалеку, в Сте-Коломбе, месье де Вито был изгнан из избирательного собрания, а затем после трехчасовых пыток предан смерти. То же самое произошло в Семюре; два господина были сбиты с ног дубинками и камнями, еще один спасся с трудом, а один куратор умер после шести ножевых ранений - предупреждение для священников и господ: им лучше не голосовать, и тот же добрый совет можно дать торговцам зерном, землевладельцам и всем другим подозрительным лицам. Ведь именно в этот день народ возвращает себе суверенитет; буйные считают, что имеют право делать то, что им

выгодно, и нет ничего более естественного, чем заранее исключить кандидатов, которым не доверяют, или выборщиков, которые голосуют не так, как положено. - В Вилленеве-Сент-Жорже, близ Парижа, [21 Жорж](#), недалеко от [Парижа 2124](#), барристер, человек со строгим и энергичным характером, собирается быть избранным судьей районными избирателями; пролетариат, однако, не доверяет судье, который может осудить мародеров, и сорок или пятьдесят бродяг собираются вместе под окнами и кричат: "Мы не хотим, чтобы его избирали". Куратор Кросна, председатель избирательного собрания, тщетно объясняет им, что собравшиеся выборщики представляют 90 коммун, почти 100 000 жителей, и что "40 человек не должны преобладать над 100 000". Крики усиливаются, и выборщики отказываются от своего кандидата. В По патриоты из [ополчения 2125](#) насильно освобождают одного из своих заключенных лидеров, распространяют список проскрипций, нападают на выборщика с кулаками, а затем с саблями, пока проскрипции не скрываются; на следующий день "никто не желает присутствовать на избирательном собрании"... В 1791 году дела обстоят гораздо хуже. В июне, как раз во время открытия первичных собраний, король бежал в Варенн, Революция кажется скомпрометированной, гражданская и внешняя война маячат на горизонте, как два призрака; Национальная гвардия повсюду взяла в руки оружие, а якобинцы используют всеобщую панику в своих интересах. Оспаривать их голоса - уже не вопрос; нехорошо быть на виду: среди стольких буйных сборищ народная казнь скоро закончится. Самое лучшее сейчас для роялистов, конституционалистов, консерваторов и умеренных всех мастей, для друзей закона и порядка - это оставаться дома, и хорошо, если им позволят остаться там, на что согласится вооруженный сброд, при условии, что они будут часто наносить им визиты.

Рассмотрим их положение в течение всего избирательного периода в спокойном районе и по этому уголку судим об остальной Франции. В [Мортанье 2126](#), небольшом городке с населением в 6 тысяч душ, до самой поездки в Варенн сохранялся похвальный дух 1789 года. Среди сорока или пятидесяти знатных семей было немало либералов. Здесь, как и везде среди дворянства, духовенства и среднего класса, философское образование XVIII века возродило старый провинциальный дух инициативы, и весь высший класс ревностно и безвозмездно взялся за выполнение общественных обязанностей, которые он один мог хорошо исполнять. Президенты округов, мэры и муниципальные чиновники выбирались из числа церковников и дворян; три главных офицера Национальной гвардии были кавалерами Сент-Луиса, а на другие должности назначались ведущие люди общества. Таким образом, в результате свободных выборов власть перешла в руки вышестоящих в обществе, новый порядок вещей опирался на законную иерархию условий, образования и способностей... Но в течение шести месяцев клуб, сформированный из "дюжины вспыльчивых, буйных парней под председательством и в руках некоего Ратье, бывшего повара", действовал на население и сельские округа. Сразу же после получения известия о бегстве короля якобинцы "распространяют информацию о том, что дворяне и священники снабдили его деньгами на отъезд, чтобы совершить контрреволюцию". Одна семья дала столько-то, другая столько-то; в этом нет сомнений; приводятся точные цифры, причем для каждой семьи в соответствии с известными ей средствами. Вскоре "главные клубисты, связанные с сомнительной частью Национальной гвардии", распространяются по улицам в отрядах: захватываются дома дворян и других подозреваемых лиц. Все оружие, "ружья, пистолеты, сабли, охотничьи ножи и шпаги", уносят с собой. Обшаривают все дыры и углы; заставляют открывать секретеры и гардеробные в поисках боеприпасов, причем обыск распространяется "даже на дамские туалетные столики". В целях предосторожности "они ломают палочки поматума надвое, предполагая, что в них спрятаны мушкетные шарики, и забирают порох для волос под предлогом, что это либо цветной, либо замаскированный порох". Затем, не распускаясь, отряд отправляется в окрестности и в деревню, где с той же быстротой действует в замках,

так что "в один день все честные граждане, те, у кого больше всего имущества и мебели, которые нужно защищать, остаются без оружия на милость первого попавшегося разбойника". Разоружению подвергаются все аристократы. Таковыми считаются те, кто "не одобряет энтузиазма дня, или не посещает клуб, или укрывает какого-нибудь неприсягнувшего церковника", и, в первую очередь, "офицеры Национальной гвардии, которые являются дворянами, начиная с командующего и всего его штаба". "Последние позволяют отнять у себя шпаги без сопротивления, проявляя терпение и патриотизм, примером которых повсюду служат их собратья, "они обязаны оставаться на своих постах, чтобы не дезорганизовывать армию, надеясь, что этому безумию скоро придет конец", довольствуясь тем, что подают жалобу в департамент. Но департамент напрасно приказывает вернуть им оружие. Клубисты отказываются отдать его до тех пор, пока король отказывается принять Конституцию; между тем они без колебаний заявляют, что "при первом же выстреле на границе они перережут глотки всем дворянам и неприсягнувшим священникам". После принесения королевской присяги на Конституции департамент снова настаивает, но на это не обращают внимания. Напротив, национальная гвардия, таща за собой пушки, специально становится перед особняками безоружных дворян; за дамами их семейств по улицам ходят ежи, которые поют им в лицо ÇA [IRA2127](#), а в последнем припеве называют их по имени и обещают им фонарь; "ни один из них не может пригласить на ужин дюжину своих друзей, не подвергаясь риску поднятия беспорядков". - Под влиянием этого старые вожди Национальной гвардии уходят в отставку, и якобинцы используют эту возможность для отчета. В нарушение закона весь офицерский состав обновляется, и, поскольку мирные люди не смеют отдать свои голоса, новый состав "состоит из маньяков, взятых по большей части из самого низкого класса". С этим очищенным ополчением клуб изгоняет монахинь, изгоняет неприсягнувших священников, организует экспедиции по окрестностям и доходит до того, что очищает подозрительные муниципалитеты. [2128](#) Столько актов насилия, совершаемых в городе и деревне, делают город и деревню непригодными для жизни, и для элиты собственников или для воспитанных людей больше нет убежища, кроме Парижа. После первого разоружения там укрываются семь-восемь семей, а после угрозы перерезать горло к ним присоединяются еще десяток-пятнадцать; после религиозных преследований туда массово устремляются неприсягнувшие церковники, остатки дворянства и бесчисленные горожане "даже с небольшими средствами". Там, по крайней мере, человек теряется в толпе; там он защищен инкогнито от бесчинств простонародья; там он может жить как частное лицо. В провинции не существует даже гражданских прав; как же там можно пользоваться политическими правами? "Всех честных граждан удерживают от участия в первичных собраниях угрозами или грубым обращением... Поле битвы на выборах остается за теми, кто платит сорок пять су налогов, причем более половины из них занесены в список бедных" - таким образом, выборы predetermined заранее! Бывший стряпчий разрешает или создает кандидатуры, а на выборах депутатов департамента в уездном городе избранные выборщики, как и он сам, являются истинными [якобинцами2129](#).

V.- Запугивание и уход консерваторов.

Народные волнения в Бургундии, Лионне, Провансе и Избирательные процессы якобинцев;
примеры в Эксе, Даксе и Монпелье.- Агитаторы остаются безнаказанными - доносы по именам.- Маневры с крестьянством.-Общая тактика якобинцев.

Таково давление, под которым проходит голосование во Франции летом и осенью 1791 года. Повсеместные визиты²¹³⁰ и разоружение заставляют дворян и церковников, землевладельцев и культурных людей покидать свои дома, искать убежища в крупных городах и эмигрировать²¹³¹ или, по крайней мере, строго ограничиваться частной жизнью, воздерживаться от всякой пропаганды, от всякой кандидатуры и от всякого голосования. Было бы безумием видеть в стольких кантонах, где обыски заканчиваются бунтом; в Бургундии и Лионне, где грабят замки, где пожилых господ избивают и оставляют умирать, где только что убили мсье де Гильена. де Гильен только что был убит и разрублен на куски; в Марселе, где лидеры консервативной партии заключены в тюрьму, где полка швейцарских гвардейцев под оружием едва хватает, чтобы привести в исполнение приговор суда, который выпускает их на свободу, где, если какой-нибудь неосторожный человек выступает против резолюций якобинцев, ему затыкают рот, сообщая, что он будет похоронен заживо; в Тулоне, где якобинцы расстреливают всех консерваторов и регулярные войска, где м. де Босера, капитана флота, убивают выстрелом в спину, где клуб, поддерживаемый нуждающимися, матросами, штурманами и "бродячими торговцами", поддерживает диктатуру по праву завоевания; в Бресте, в Тюле, в Кагоре, где в этот самый момент на улице расправляются с господами и офицерами. Неудивительно, что честные люди отворачиваются от избирательной урны, как от центра головорезов... Тем не менее, пусть приходят, если хотят; от них легко избавиться. В Эксе заседателю, чья обязанность - зачитывать имена избирателей, сообщили, что "имена должны произноситься незапятнанными устами, что, будучи аристократом и фанатиком, он не может ни говорить, ни голосовать", и без дальнейших церемоний вывели его из зала.²¹³² Этот процесс - достойный восхищения способ превращения меньшинства в большинство, но есть и другой, еще более эффективный: в Даксе фельяны, взявшие себе титул "друзей французской конституции", разошлись с якобинцами²¹³, и, кроме того, они настаивают на исключении из Национальной гвардии "иностранцев без имущества и положения", пассивных граждан, которых принимают в нее вопреки закону, которые узурпируют право голоса и "ежедневно оскорбляют спокойных жителей". В день выборов в церкви, где проходит собрание, двое из фельянов, Лоред, бывший сборщик виньетов, и Брюнаш, стекольщик, предлагают исключить нарушителя, слугу, получающего жалованье. Якобинцы тут же бросаются вперед. Лореда прижимают к тазу со святой водой и ранят в голову; при попытке вырваться его хватают за волосы, бросают вниз, протыкают руку штыком, сажают в тюрьму, а вместе с ним и Брюнаша. Через восемь дней после этого на втором собрании нет никого, кроме якобинцев; естественно, "все они избраны". Они образуют новый муниципалитет, который, несмотря на приказ департамента, не только отказывается освободить двух заключенных, но и бросает их в темницу.- В Монпелье задержка в операции больше, но она лишь более полная. Голоса сданы на хранение, урны закрыты и опечатаны, и консерваторы получают большинство. После этого якобинский клуб с обществом "железных клубов", называющий себя исполнительной властью, силой является на собрания секций, сжигает одну из урн, применяет огнестрельное оружие и убивает двух человек. Для восстановления порядка муниципалитет размещает каждую роту Национальной гвардии у дверей своего капитана.

Умеренные среди них, естественно, подчиняются приказам, но буйные - нет. Они захватывают город, насчитывающий около 2 000 жителей, входят в дома, убивают трех человек на улице или в их жилищах и заставляют административный орган приостановить свои избирательные собрания. Кроме того, они требуют разоружения "аристократов", и, не дождавшись этого, убивают ремесленника, который шел по улице со своей матерью, отрубая ему голову, торжественно несут ее и подвешивают перед его жилищем. Власти убеждены в этом и, соответственно, принимают решение о разоружении, а победители проходят по улицам в полном составе. В порыве восторга или из предосторожности они стреляют по окнам подозрительных домов и случайно убивают еще одного мужчину и женщину. В течение трех последующих дней шестьсот семей эмигрируют, а власти сообщают, что все идет хорошо и что порядок восстановлен. "Выборы, - говорят они, - теперь проходят самым спокойным образом, так как злонамеренные добровольно держатся от них подальше, многие покинули город". ²¹³⁴ Вокруг урны образуется пустота, которую называют единодушием избирателей... Эффект от таких убийств велик, а их требуется совсем немного; особенно если они остаются безнаказанными, что всегда и происходит. Отныне якобинцам остается только угрожать; люди больше не сопротивляются им, поскольку знают, что противостоять им слишком дорого. Они не желают посещать избирательные собрания, где их подстерегают оскорбления и опасности; они признают поражение с самого начала. Разве у якобинцев нет неотразимых аргументов, не считаясь с ударами? В ^{Париже}²¹³ Марат в трех последовательных номерах своей газеты только что осудил по имени "негодяев и воров", которые агитируют за кандидатов на выборах, не дворян и священников, а простых граждан, адвокатов, архитекторов, врачей, ювелиров, канцеляристов, печатников, Каждое имя приводится полностью с указанием профессии, адреса и одной из следующих квалификаций: "лицемер (tartufe), безнравственный, бесчестный, банкрот, доносчик, ростовщик, мошенник", не говоря уже о других, которые я не могу записать. Следует отметить, что этот клеветнический список может стать проскрипционным, и что в каждом городе и деревне Франции подобные списки постоянно составляются и распространяются местным дублем, что позволяет нам судить, насколько честной является борьба между ним и его противниками". Что касается сельских избирателей, то у нее есть подходящие средства для их убеждения, особенно в бесчисленных кантонах, разоренных или находящихся под угрозой жакеров, или, например, в Коррезе, где "весь департамент охвачен восстаниями и опустошениями, и где никто не говорит ни о чем, кроме как о повешении офицеров, которые подают бумаги ²¹³⁶".²¹³⁶ На протяжении всей избирательной кампании заседания Дуба носят постоянный характер; "избирателей постоянно созывают на его заседания"; на каждом из них "главным вопросом является уничтожение рыбных прудов и арендной платы, а их главные ораторы резюмируют все это тем, что ни один из них не должен быть оплачен". Большинство избирателей, состоящее из деревенских жителей, оказывается чувствительным к подобным речам; все кандидаты в депутаты обязаны высказываться против рыбных прудов и арендной платы; депутаты и прокурор выдвигаются на основании этого исповедания веры; другими словами, чтобы быть избранными, якобинцы обещают жадным арендаторам доходы и имущество их владельцев.-Мы уже видим в процедурах, с помощью которых они получили треть должностей в 1791 году, зародыш методов, с помощью которых они получают все должности в 1792 году; в этой первой избирательной кампании их действия указывают не только на их максимы и политику, но и на состояние, образование, дух и характер людей, которых они ставят у власти как на местах, так и в столице.

2101 (возвращение)

[Закон от 28, 29 мая 1791 г. (согласно официальным заявлениям, общее число активных граждан составляло 4 288 360 человек).- Законы от 23 июля, 12 сентября, 29 сентября 1791 г. - Buchez et Roux, XII. 310.]

2102 (возвращение)

[Buchez et Roux, XII. 33.-Mortimer-Ternaux, "Histoire de la Terreur", II. 205, 348.-Sauzay, II. ch. XVIII- Альберт Бабо, I. ch. XX.]

2103 (возвращение)

[Ленин повторил этот спектакль в 1917 году, а Сталин попытался сделать то же самое в остальном мире. (СР)].

2104 (обратно)

[Следующее письмо Камиля Десмулена (3 апреля 1792 г.) сразу показывает, сколько времени отнимали государственные дела, как они притягивали и каких людей отвлекали от дел. "Я вернулся к своей старой профессии юриста, которой я уделяю почти все время, которое мне позволяют мои муниципальные и избирательные функции, а также клуб якобинцев, то есть очень мало. Мне очень неприятно опускаться до ведения буржуазных дел после того, как я управлял интересами такой важности и делами правительства перед лицом всей Европы"]].

2105 (возвращение)

[Я не могу не думать об умышленном увеличении числа праздных функционеров, пенсионеров и других получателей государственных средств, которые сегодня голосуют за партию, представляющую их интересы. (СР.)]

2106 (возвращение)

[Sauzay, II. 83-89 и 123. Резолюция жителей Шалеза, которые во главе со своими муниципальными служащими единогласно объявляют себя "нонконформистами" и требуют "права пользоваться храмом для отправления своих религиозных культов, принадлежащим им и построенным на их средства" На основании этого муниципальные служащие Шалеза получают хорошую оценку от районной администрации, которая, таким образом, заявляет, каковы их принципы: "Свобода, неограниченная для частного лица, должна быть ограничена для общественного человека, чьи мнения должны соответствовать закону: в противном случае... он должен отказаться от всех общественных функций"]].

2107 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3,253 (письмо директории департамента от 7 апреля 1792 года). "25 января в своем докладе Национальному собранию мы констатировали почти всеобщее противодействие, которое исполнение законов, касающихся духовенства, встретило в этом департаменте... девять десятых, по крайней мере, католиков отказываются признавать

присяжных священников. Учителя под влиянием своих старых кураторов или викариев готовы принести гражданскую присягу, но они отказываются признавать своих законных пасторов и посещать их службы. Поэтому мы вынуждены отстранить их от должности и подыскать других на их место. Жители многих коммун, упорствуя в доверии к ним, не оказывают никакой помощи в избрании новых; в результате мы вынуждены, выбирая этих людей, поручать это дело лицам, которых мы почти не знаем и которые едва ли более известны справочникам округа. Поскольку они избираются против воли граждан, они не завоевывают их доверия и получают жалование из казны коммуны, не принося никакой пользы общественному образованию"]].

2108 (возвращение)

["Меркюр де Франс", 3 сентября 1791 г.. "Право посещать первичные собрания имеет каждый гражданин, который платит налог в три ливра; из-за насилия, которому подвергаются мнения, более половины французов вынуждены держаться подальше от этих собраний, которые покидают лица, менее всего заинтересованные в поддержании общественного порядка и обеспечении стабильности законов, обладающие наименьшим имуществом и платящие наименьшие налоги"]].

2109 (возвращение)

["Французская революция", т. I. с. 182 и последующие страницы].

2110 (обратно)

["Переписка М. де Стаэля" (рукопись), шведского посла, с его двором, 4 сентября 1791 г. "Перемена в образе мыслей демократов необычайна; теперь они, кажется, убеждены, что невозможно заставить Конституцию работать. Барнаве, насколько мне известно, заявил, что влияние собраний в будущем должно быть ограничено советом знати и что вся власть должна быть у правительства"]].

2111 (возвращение)

[Там же. Письмо от 17 июля 1791 г.. "Все члены Собрания, за исключением трех или четырех, приняли решение отделиться от якобинцев; их число составляет около 300 человек"; семь депутатов, остающихся в Якобинском клубе, - Робеспьер, Петион, Грегуар, Бузо, Короллер и аббат Ройер].

2112 (возвращение)

["Les Feuillants" - политический клуб, состоявший из конституционных монархистов и проводивший свои собрания в бывшем монастыре Фейян в Париже с 1791 по 1792 год. (SR)].

2113 (возврат)

[Декрет от 29, 30 сентября 1791 г. с докладом и инструкциями Комитета по конституции].

2114 (возврат)

[Декрет от 17 мая 1791 г. - Малуэ, XII. 161. "Нам ничего не оставалось, как совершить одну большую ошибку, что мы и не преминули сделать"].

2115 (возвращение)

[Через несколько месяцев после этого, на выборах мэра Парижа, суд проголосовал против Лафайета и за Петиона].

2116 (обратно)

[М. де Монлозье, "Мемуары", II. 309. "Что касается меня самого, то правда заставляет меня сказать, что я получил по голове только тремя морковками и двумя капустами" - Архивы префектуры полиции (решения полицейского суда от 15 мая 1790 г.). Moniteur, V. 427. "Быстрая явка членов в час собрания, несмотря на улюлюканье и ропот толпы, казалось, убедила народ, что это был еще один заговор против свободы"].

2117 (возврат)

[Это то, что сегодня, в 1998 году, происходит всякий раз, когда какая-либо политическая фракция, нелюбимая социалистами, пытается организовать собрание. (СР)].

2118 (обратно)

[Malout, II. 50.-Mercure de France, 7 января, 5 февраля и 9 апреля 1791 г. (письмо члена Монархического клуба)].

2119 (возвращение)

[Ferrières, II. 222. "Якобинский клуб послал пять или шесть сотен надежных людей, вооруженных дубинками", а также "около сотни национальных гвардейцев и несколько проституток из Пале-Рояля"].

2120 (возврат)

["Journal des Amis de la Constitution". Письмо Национального кафе! Клуб в Бордо, 20 января 1791 г. - Письма "Друзей Конституции" в Бриве и Камбрэ, 19 января 1791 г.].

2121 (возврат)

["Французская революция", I. стр. 243, 324].

2122 (обратно)

["Mercure de France", 18 декабря 1790 г., 17 января, 8 июня и 14 июля 1791 г. - "Moniteur", VI. 697.- "Archives Nationales", F7, 3,193. Письмо Директории департамента Авейрон, 20 апреля 1792 г. Рассказ о событиях после конца 1790 г. - 22 мая 1791 г. клуб "Друзей порядка и мира"

сожжен якобинцами, пожар продолжался всю ночь и часть следующего дня. (Официальный отчет Директории Мильо, 22 мая 1791 г.)).

2123 (возврат)

["Французская революция", I. 256, 307].

2124 (обратно)

["Меркюр де Франс", 14 декабря 1790 г. (письмо Вильнёва-Сент-Жоржа от 29 ноября)].

2125 (возврат)

["Archives Nationales", II. 1,453. Корреспонденция М. Берчени. Письмо из По, 7 февраля 1790 года. "Никто не имеет ни малейшего представления о настоящем положении дел в этом некогда восхитительном городе. Люди режут друг другу глотки. За 48 часов произошло четыре дуэли, и десять или дюжина добропорядочных граждан вынуждены были скрываться уже три дня"].

2126 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3,249. Мемориал о фактическом состоянии города и района Мортань, департамент Орн (ноябрь 1791 г.)].

2127 (возврат)

[Революционная песня с припевом: "Les aristocrates, à la lanterne, tous les aristocrates on les pendra" (все аристократы будут повешены). (SR)]

2128 (возвращение)

[15 августа 1791 года мать-настоятельница больницы Hôtel-Dieu насильно увозят и помещают в таверну в полулиге от города, а остальных монахинь изгоняют и заменяют восемью молодыми девушками из города. Среди других мотивов, требующих внимания, - враждебность двух аптекарей, принадлежащих к клубу; в Отель-Дье монахини держали аптеку, из которой продавали лекарства по себестоимости, и тем самым вступали в конкуренцию с этими двумя аптекарями].

2129 (возврат)

[Ср. "Archives Nationales", DXXIX. 13. Письмо муниципальных чиновников и знати Шампоэля администраторам Сены-и-Уазы по поводу выборов, 17 июня 1791 г. Аналогичные письма из других приходов, в том числе из Шаркона, 16 июня: "Они имеют честь сообщить вам, что во время предыдущих первичных собраний они подверглись величайшей опасности; что куратор Шаркона, их пастор, был неоднократно заколот штыком, следы которого он унесет с собой в могилу. Мэр и несколько других жителей Шаркона с трудом избежали той же опасности" - Там же, письма администраторов Верхних Альп в Национальное собрание (сентябрь 1791 г.), о беспорядках в избирательном собрании Гапа, 29 августа 1791 г.].

2130 (возвращение)

[Полицейские обыски в частных домах. (SR).

2131 (обратно)

["Французская революция", с. 159, 160, 310, 323, 324.- Ловернь, "Histoire du département du Var", (23 августа)].

2132 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3,198, показания Верана-Икара, курфюрста в Арле, 8 сентября 1791 г. -Там же, F7, 3,195. Письмо администраторов округа Тараскон, 8 декабря 1791 года. На муниципальных выборах в Барбантане столкнулись две партии: одна, возглавляемая аббатом Шабо, братом одного из авиньонских разбойников, состоящая из трех-четырёх горожан и "самых бедных в стране", и другая, в три раза более многочисленная, включающая всех землевладельцев, крупных меценатов и ремесленников, а также всех, "кто более всего заинтересован в хорошей администрации". Вопрос в том, должен ли аббат Шабо стать мэром. Выборы состоялись 5 декабря 1791 года. Вот официальный отчет исполняющего обязанности мэра: Мэр: "Мы, Пьер Фонтен, мэр, обратились к бунтовщикам, чтобы побудить их соблюдать мир. В этот самый момент упомянутый Клод Гонтье, он же Баок, ударил нас кулаком по левому глазу, что сильно ушибло нас, и из-за этого мы почти ослепли, и, вместе с другими, набросился на нас, повалил нас и тащил за волосы, продолжая наносить нам удары, от двери церкви до двери ратуши"]].

2133 (возвращение)

[Там же, F7, 3,229. Письма М. де Лореде, 18 июня 1791 г.; из директории департамента, 8 июня, 31 июля и 22 сентября 1791 г.; из муниципалитета, 15 июля 1791 г. Муниципалитет "оставляет освобождение заключенных в подвешенном состоянии" на шесть месяцев, поскольку, по его словам, народ склонен "восстать против их освобождения". Письмо многих членов национальной гвардии, в котором говорится, что фракции составляют лишь ее часть].

2134 (возврат)

["Mercure de France", Dec. 10, 1791, письмо из Монпелье от 17 ноября 1791 г. - "Archives Nationales", F7, 3 223. Выдержки из писем о происшествиях 9 и 12 октября 1791 года. Петиция господ Тери и Девона, 17 ноября 1791 года. Письмо, адресованное ими министру, 25 октября. Письма М. Дюпена, синдикального адвоката департамента, министру, 14 и 15 ноября и 26 декабря 1791 г. (с официальными отчетами). Среди убитых 14 и 15 ноября - ювелир, адвокат, плотник и красильщик. "Эта болезненная сцена, - пишет адвокат синдика, - восстановила спокойствие в городе"]].

2135 (возврат)

[Buche et Roux, X. 223 (l'Ami du Peuple, 17, 19, 21 июня 1791 г.)].

2136 ([возврат](#))

["Archives Nationales", F7, 3204. письмо М. Мелона де Траду, королевского комиссара в Тюле, 8 сентября 1791 г.] 2136 (обратно)

ГЛАВА II.

I.- Состав Законодательного собрания.

Социальное положение депутатов. Их неопытность, некомпетентность и предрассудки.

Если верно, что нацию должны представлять ее лучшие люди, то Франция во время Революции была представлена странным образом. От одного собрания к другому мы видим, что уровень неуклонно снижается; особенно велико падение от Учредительного до Законодательного собрания. Актеры, имеющие право выступать, уходят, как только начинают понимать свои роли; более того, они сами устраняются из театра, а сцена сдается их заместителям.

"Предыдущая Ассамблея, - пишет один из [послов2201](#) , - состояла из людей с большим талантом, крупным состоянием и почетным именем - сочетание, которое оказывало внушительное воздействие на народ, хотя он яростно выступал против личных различий. На самом деле Ассамблея - это не более чем совет юристов, собранный из всех городов и деревень Франции".

На самом деле из 745 депутатов "400 юристов принадлежат, в основном, к отбросам профессии"; есть около двадцати конституционных священников, "столько же поэтов и литераторов, не имеющих особой репутации, почти все без состояния", большинству из них меньше тридцати лет, шестидесяти - меньше двадцати шести, [2202](#) почти все они воспитаны в клубах и народных собраниях". Нет ни одного дворянина или прелата, принадлежащего к древнему режиму, ни одного крупного [землевладельца2203](#) , ни одного главы службы, ни одного выдающегося специалиста в дипломатии, в финансах, в административном или военном искусстве. Зато там можно найти трех генеральных офицеров, причем самого низкого [ранга2204](#) , один из которых занимает свой пост всего три месяца, а двое других совершенно неизвестны. Во главе дипломатического комитета стоит Бриссо, странствующий журналист, в последнее время путешествовавший по Англии и Соединенным Штатам. Предполагается, что он компетентен в делах обоих миров; на самом

же деле он один из тех самонадеянных, нищих, болтливых парней, которые, живя в мансарде, читают лекции в иностранных кабинетах и перестраивают всю Европу. Для них, кажется, все так же просто, как слова и предложения: в один [день2205](#) , чтобы склонить англичан к союзу с Францией, Бриссо предлагает отдать в их руки два города, Дюнкерк и Кале, в качестве гарантии; в другой день он предлагает "напасть на Испанию и в то же время отправить флот на завоевание Мексики". "Ведущим членом комитета по финансам является Камбон, купец из Монпелье, хороший бухгалтер, который в более поздний период должен упростить бухгалтерский учет и регулировать Grand Livre государственного долга, что означает государственное банкротство. Между тем он всеми силами торопит его, побуждая Собрание начать разорительную и ужасную войну, которая продлится двадцать три года; по его словам, "денег больше, чем нужно для нее".[2206](#) На самом же деле гарантия ассигнаций израсходована, а налоги не поступают. Они живут только на выпущенные ими бумажные деньги. Цессионарии теряют сорок процентов, а установленный дефицит на 1792 год составляет четыреста миллионов.[2207](#) Но этот революционный финансист полагается на конфискации, которые он провоцирует во Франции и которые должны быть введены в Бельгии; здесь кроется все его изобретение, систематический грабеж в огромных масштабах внутри и вне королевства.

Что касается законодателей и изготовителей конституций, то у нас есть Кондорсе, хладнокровный фанатик и систематический нивелировщик, удовлетворенный тем, что математический метод подходит для социальных наук, питающихся абстракциями, ослепленных формулами и самым химерическим извращенным интеллектом. Никогда еще человек, знающий толк в книгах, не был более невежественным в отношении человечества; никогда еще любитель научной точности не преуспевал в изменении характера фактов. Именно он за два дня до 20 июня, в условиях жесточайшего общественного возбуждения, восхищался "спокойствием" и рациональностью толпы; "учитывая то, как люди интерпретируют события, можно предположить, что они уделяли несколько часов в день изучению анализа". Именно он, спустя два дня после 20 июня, перевозносит красный колпак, в который была закутана голова Людовика XVI. "Эта корона так же хороша, как и любая другая. Марк Аврелий не стал бы ее презирать".[2208](#) [Таковы](#) проницательность и практические суждения лидеров; по ним можно составить мнение о пастве. Она состоит из новичков, прибывших из провинций и принесших с собой принципы и предрассудки газеты. Столь удаленные от центра, не знающие ни общих дел, ни их единства, они на два года отстают от своих собратьев из Учредительного собрания. Малуэ описывает их следующим [образом2209](#).

"Большинство из них, не решив против монархии, решили против двора, аристократии и духовенства, постоянно представляя себе заговоры и полагая, что защита состоит исключительно в нападении. Среди них было еще много талантливых людей, но без опыта; им не хватало даже того, что получили мы. Наши депутаты-патриоты в большинстве своем осознавали свои ошибки, а новички - нет, они были готовы начать все сначала".

Более того, у них есть свои политические пристрастия, ведь почти все они - противники нового режима. В их рядах мы находим 264 управляющих департаментами, 109 управляющих округами, 125 судей и прокуроров, 68 мэров и городских чиновников, а также около двадцати офицеров Национальной гвардии, конституционных епископов и куре. Все это составляет 566 избранных функционеров, которые в течение последних двадцати месяцев осуществляли управление страной под руководством своих избирателей. Мы видели, как это делалось и на каких условиях, с какими уступками и с каким соучастием, с каким почтением к шумному мнению, с какой покорностью в присутствии бунтовщиков, с каким подчинением

приказам толпы, с каким потоком сентиментальных фраз и банальных абстракций. Отправленные в Париж в качестве депутатов, по выбору или попустительству клубов, они несут с собой свою политику и свою риторику. В результате получается сборище узких, извращенных, поспешных, надутых и слабых умов; на каждом ежедневном заседании двадцать словесных мельниц вращаются без всякой цели, и величайшая из общественных сил сразу же превращается в мануфактуру глупостей, школу экстравагантностей и театр декламации.

II.-Степень и качество их интеллекта и культуры.

Возможно ли, чтобы серьезные люди до самого конца слушали такую странную чепуху?

"Я - землепашец, - говорит один депутат,²²¹⁰ - и теперь смею говорить об античном благородстве моего плуга. Когда-то ярмо волов представляло собой чистых, неподкупных законников, перед которыми мои добрые предки заключали свои контракты, подлинность которых, гораздо лучше записанная на земле, чем на хлипком пергаменте, защищена от любых революций".

Можно ли представить себе, чтобы автор закона, который собирается сослать или посадить в тюрьму сорок тысяч священников, использовал в качестве аргумента такую глупую напыщенность, как следующая?²²¹¹

"Я видел в сельской местности гимнический факел, распространяющий лишь бледные и мрачные лучи, или, превращенный в пламя фурий, отвратительный скелет суеверия, восседающий даже на брачном ложе, помещенный между природой и брачующимися, и арестовывающий, etc..... О Рим, доволен ли ты? Неужели ты уподобился Сатурну, которому ежедневно требовались новые жертвы?... Уходите, творцы раздора! Почва свободы устала терпеть вас. Вдохнете ли вы атмосферу Авентинской горы? Национальный корабль уже готов принять вас. Я слышу на берегу нетерпеливые крики команды; я вижу, как бриз свободы раздувает его паруса. Подобно Телемаху, ты отправишься по водам на поиски своего отца; но никогда тебе не придется бояться ни сицилийских скал, ни соблазнов эвхариек".

Любезности педантов, риторические олицетворения и инвективы маньяков - вот преобладающий тон. Тот же самый недостаток характеризует и лучшие речи, а именно: перевозбужденный мозг, страсть к высокопарным терминам, постоянное использование ходулей и неспособность видеть вещи такими, какие они есть, и так их описывать. Талантливые люди, Иснар, Гваде, сам Верньо, увлекаются пустопорожними звучными фразами, как корабль, на котором слишком много холста для балласта. Их умы стимулируются сувенирами школьных уроков, современный мир открывается им только через латинские реминисценции. Франсуа де Нант негодует по поводу папы, "который держит в рабстве потомство Катона и Скуаволы". "Ру настаивает на том, чтобы император (Австрии) дал удовлетворение до 1 марта; "в подобном случае римский народ установил бы срок отсрочки; почему бы французскому народу не установить его?..." "Круг Попилиуса" должен быть очерчен вокруг этих мелких, колеблющихся немецких князей. Когда требуются

деньги на создание лагерей вокруг Парижа и крупных городов, Ласурс предлагает распорядиться национальными лесами и удивляется любым возражениям против этой меры. "Солдаты Коесаря, - восклицает он, - полагая, что древний лес в Галлии священен, не смели зарубить его топором; неужели мы должны разделять их суеверное почтение?" [2212](#) - [Добавьте](#) к этим коллежским преданиям философские отбросы, вложенные во все умы великим софистом, который был тогда в моде. Ларивьер читает в "Трибуне" [2213](#) ту страницу "Социального договора", где Руссо заявляет, что государь может изгонять членов "необщественной религии" и наказывать смертью "того, кто, публично признав догматы гражданской религии, ведет себя так, будто не верит в них". На это другой шипящий попугай, мсье Филасье, восклицает: "Я облакаю предложение Ж. Ж. Руссо в форму предложения и требую голосования по нему". Подобным образом предлагается предоставить очень молодым девушкам право выходить замуж вопреки их родителям, заявляя, согласно "Нуэль Элоиз".

"что девушка тринадцати-четырнадцати лет начинает вздыхать о союзе, который диктует ей природа. Она борется между страстью и долгом, и если побеждает, то становится мученицей, что редко встречается в природе. Бывает, что молодой человек предпочитает безмятежный позор поражения изнурительной восьмилетней борьбе".

Развод вводится для того, чтобы "сохранить в браке тот счастливый душевный покой, который делает чувства более живыми". [2214](#) Отныне это будет не цепью, а "выполнением приятного долга, который каждый гражданин должен своей стране... Развод - это защитный дух брака" [2215](#).

На фоне классического педантизма, имея лишь смутные и узкие представления об обычном обучении, не имея точной и содержательной информации, льется поток непристойностей и расширенных общих мест, обтянутых мифологической марлей, изрекаемых длинными тирадами, как афоризмы из революционного пособия. Такова поверхностная культура и словесная аргументация, из которых формируется вульгарный и опасный интеллект новых [законодателей](#) [2216](#).

III.- Аспекты их заседаний.

Сцены и зрелища в клубе, сотрудничество зрителей.

Из этого мы можем представить, что представляли собой их заседания. "Более бессвязные и особенно более страстные, чем заседания Учредительного собрания" [2217](#), они представляют те же, но усиленные характеристики. Аргументация слабее, инвективы яростнее, а догматизм более неистовый. Негибкость перерастает в наглость, предрассудки - в фанатизм, близорукость - в слепоту. Беспорядок превращается в беспорядок, а постоянный шум - в беспорядки. Предположим, говорит очевидец,

"Класс, в котором сотни учеников ссорятся и каждый миг готовы схватить друг друга за волосы. Их одежда небрежна, взгляды злобны, с внезапными переходами от криков к улюлюканью... это зрелище трудно себе представить, и с ним ничто не может сравниться".

В нем нет ничего такого, что превратило бы его в клуб самого низкого вида. Здесь, заранее, мы созерцаем пути будущей революционной инквизиции. Они приветствуют бурлескные доносы, вступают в мелкие полицейские расследования, разбирают болтовню носильщиков и сплетни служанок, посвящают всю ночь секретам пьяницы.²²¹⁸ Они вносят в свой официальный отчет без всякого порицания прошение мсье Юре, "живущего в Пон-сюр-Йонне, который за своей подписью предлагает сто франков и свою руку, чтобы стать убийцей тиранов". Многократные и многократные "ура" и аплодисменты с поздравлениями президента - это санкция на скандальный или нелепый частный проступок, стремящийся проявить себя под прикрытием государственной власти. Анахарсис Клуцц, "маскариль с официальной печатью", предлагающий всеобщую войну и разглагольствующий о картах Европы, заранее разрезанных на департаменты, начиная с Савойи, Бельгии и Голландии "и далее до Полярного моря", получает благодарность и место на скамьях [Ассамблеи](#)²²¹⁹. Комплименты делаются викарию Сент-Маргерит, его жене предоставляется место в Ассамблее, и он, представляя "свою новую семью", громогласно выступает против безбрачия духовенства.²²²⁰ Толпам мужчин и женщин разрешается пройти через зал, издавая политические крики. Всевозможные непристойные, детские и подстрекательские шествия допускаются в зал заседаний.²²²¹ Сегодня это "парижские горожане", желающие пройти военную подготовку и иметь в качестве командиров "бывших французских гвардейцев"; завтра приходят дети и выражают свой патриотизм с "трогательным простодушием", сожалея, что "их дрожащие ноги не позволяют им маршировать, нет, лететь против тиранов"; "Рядом с ними идут осужденные из Шато-Вье в сопровождении шумной толпы; в другое время - артиллеристы Парижа, тысяча человек, с барабанами; делегаты из провинций, фобургов и клубов постоянно прибывают со своими яростными речами и властными обращениями, своими требованиями, угрозами и повестками.-В перерывах между более громким шумом слышен непрерывный гул [трибун](#)²²²². На каждом заседании "представители подвергаются нападкам со стороны зрителей; народ на галерее судит народ в зале"; он вмешивается в дебаты, заставляет ораторов замолчать, оскорбляет президента и приказывает докладчику по законопроекту покинуть трибуну. Один перерыв или простой ропот - это еще не все; за час их бывает двадцать, тридцать, пятьдесят, они шумят, топают, кричат и оскорбляют друг друга. После бесчисленных бесполезных уговоров, после неоднократных призывов к порядку, "встреченных улюлюканьем", после десятка "постановлений, которые принимаются, пересматриваются, отменяются и вывешиваются", как бы лучше доказывая бессилие закона, властей и самого Собрания, узурпации этих злоумышленников продолжают расти. Вот уже десять месяцев они кричат: "Долой гражданские списки! Долой министров! Долой эти проклятия! Молчать, рабы!". 26 июля сам Бриссо должен явиться на заседание и получить по лицу две сливы. "Три или четыре сотни человек, не имеющих ни собственности, ни титула, ни средств к существованию... стали помощниками, просителями и третейскими судьями Законодательного собрания", и их платная жестокость полностью уничтожила все, что еще оставалось от разума [Собрания](#)²²²³.

IV.- Партии.

"Правые", "Центр", "Левые", взгляды и настроения жирондистов. Их союзники из крайнего "левых".

В собрании, составленном и окруженном таким образом, легко предвидеть, на чью сторону повернется равновесие.²²²⁴ Сквозь сети избирательной системы, которую якобинцы раскинули по всей стране, смогли пройти и образовать партию "правых" около ста благонамеренных людей из простонародья, достаточно здравомыслящих и достаточно решительных, Матье Дюма, Дюмолар, Беке, Горгеро, Вобланк, Бюгно, Жирарден, Рамонд, Жокур. Из четырехсот депутатов, занимающих места в центре, сто шестьдесят четыре записаны в списки клуба "Feuillants", а остальные, под названием "Независимые", делают вид, что не принадлежат ни к какой партии²²²⁵. Кроме того, все эти четыреста человек, в силу монархических традиций, уважают короля; робкие и благоразумные, они не приемлют насилия. Они не доверяют якобинцам, боятся неизвестности, хотят быть верными Конституции и жить в мире. Тем не менее, напыщенные догмы революционного катехизиса все еще пользуются у них авторитетом; они не могут понять, как Конституция, которая им нравится, порождает анархию, которую они ненавидят; они "достаточно глупы, чтобы оплакивать последствия, клянясь поддерживать их причины; совершенно лишенные духа, союза и смелости", они мечутся взад и вперед между противоречивыми желаниями, а их предрасположенность к порядку лишь ожидает неуклонного толчка энергичной воли, чтобы повернуть ее в противоположном направлении. - На таком послушном материале "левые" могут работать эффективно. Правда, в ее состав входят лишь сто тридцать шесть зарегистрированных якобинцев и еще около сотни тех, кто почти во всех случаях голосует вместе с партией²²²⁶; однако твердость убеждений с лихвой компенсирует недостаток численности. В первом ряду - Гваде, Бриссо, Генсонне, Вейньо, Дюко и Кондорсе, будущие вожди жирондистов, все они юристы или писатели, увлеченные дедуктивной политикой, абсолютные в своих убеждениях и гордые своей верой. По их мнению, принципы истинны и должны применяться безоговорочно²²²⁷; тот, кто остановится на полпути, лишен мужества или ума. Что касается их самих, то они твердо намерены идти до конца. С самоуверенностью юности и теоретиков они делают собственные выводы и обнимают себя, твердо веря в них. "Эти джентльмены, - пишет один внимательный наблюдатель,²²²⁸

"с большим презрением относились к своим предшественникам, избирателям, считая их недалекими и предвзятыми людьми, неспособными извлекать пользу из обстоятельств".

"На замечания мудрости, причем бескорыстной мудрости²²²⁹, они отвечали презрительной улыбкой, свидетельствующей о сухости, проистекающей из самодовольства. Один из них изнурял себя напоминанием о событиях и выведением из них причин; другой поочередно переходил от теории к опыту и от опыта к теории, чтобы показать им их тождество, а когда они снисходили до ответа, то отрицали самые достоверные факты и оспаривали самые простые наблюдения, противопоставляя им несколько банальных сентенций, хотя красноречиво выраженных. Каждый считал, что только он один достоин быть услышанным, каждый подбадривал другого мыслью, что любое сопротивление их взгляду на вещи - это пассионарность".

В их собственных глазах только они способны и только они патриоты. Поскольку они читали Руссо и Мабли, поскольку их язык развязан, а перо легко ходит, поскольку они умеют

обращаться с книжными формулами и рассуждать об абстрактных предложениях, они воображают себя государственными деятелями.²²³⁰ Поскольку они читали Плутарха и "Le Jeune Anacharsis", поскольку они стремятся построить совершенное общество на основе метафизических концепций, поскольку они находятся в брожении по поводу грядущего тысячелетия, они воображают себя столь возвышенными духами. Они не сомневаются в этих двух пунктах даже после того, как все рухнуло из-за их промахов, даже после того, как их услужливые руки были запятнаны грязной хваткой грабителей, которых они первыми подстрекали, и палачей, соучастниками которых они являются.²²³¹ В такой степени самообман является худшим из софистов. Убежденные в своем высшем просвещении и чистоте своих чувств, они выдвигают теорию, что правительство должно находиться в их руках. Следовательно, они завладевают им в законодательном органе таким образом, что это обернется против них в конвенте. Они берут в союзники худших демагогов крайних "левых", Шабо, Кутона, Мерлена, Базьера, Тьюрио, Лекуантра, а за их пределами - Дантона, Робеспьера, самого Марата, всех нивелировщиков и разрушителей, которых они считают полезными для себя, но орудием которых являются они сами. Предложения, которые они выдвигают, должны пройти любой ценой, и, чтобы обеспечить это, они напускают на своих противников низкую, визжащую толпу, которую другие, еще более разъяренные, завтра напустят на них.

V.-Средства их действия.

Рассеяние клуба фельянов.

трибунов на Собрание. Уличные толпы.

Таким образом, во второй раз мнимые борцы за свободу добиваются власти, смело применяя силу.²²³² Они начинают с подавления собраний клуба фельянов. Против них затевается обычный бунт, после чего начинаются беспорядки, бурные крики и потасовки; мэр Петион жалуется на свое положение "между мнением и законом" и пускает все на самотек; наконец, фельяны вынуждены покинуть место своего собрания.²²³² Внутри Собрания они предоставлены наглости галерей. Напрасно они возмущаются и протестуют. Дюкастель, ссылаясь на декрет Учредительного собрания, запрещающий любое проявление одобрения или неодобрения, встречает его ропотом. Он настаивает на том, чтобы декрет зачитывался при открытии каждого заседания, и "ропот начинается снова".²²³³ "Разве не скандально, - говорит Вобланк, - что представители нации, выступающие с трибуны, подвергаются улюлюканьям, подобным тем, которыми награждают актера на сцене!", после чего галереи дают ему еще три залпа. "Поверят ли потомки, - говорит Кватремер, - что акты, касающиеся чести, жизни и судьбы граждан, должны быть подчинены, подобно играм на арене, аплодисментам и шипению зрителей!" "Ближе к делу!" - кричат с галерей. "Если когда-либо, - продолжает Кватремер, - важнейший из судебных актов (обвинительный акт) может быть подвергнут этой скандальной проституции аплодисментов и угроз..." "Ропот вспыхивает с новой силой"... Всякий раз, когда необходимо провести в жизнь кровавую или подстрекательскую меру, самые яростные и продолжительные крики останавливают

выступления ее противников: "Долой оратора! Отправьте в тюрьму автора этого законопроекта! Долой! Долой! Иногда лишь около двадцати депутатов аплодируют или улюлюкают вместе с галереями, а иногда оскорблению подвергается вся Ассамблея. Кулаки пускают в ход перед лицом президента. Все, что теперь остается, - это "созывать галереи для принятия декретов", - с иронией предлагает один из "правых" [2234](#).

Однако, как бы ни была велика эта узурпация, меньшинство, чтобы подавить большинство, приспособляется к ней, якобинцы в палате объединяются с якобинцами на галереях. Нарушителей порядка не следует выгонять; "это означало бы исключить из наших обсуждений, - говорит Гранженев, - то, что принадлежит, по сути, народу". На требование одного из депутатов принять меры по принуждению к молчанию "Торне требует, чтобы это предложение было передано на рассмотрение Португальской инквизиции". Шудье "заявляет, что это может исходить только от депутатов, которые забыли о том уважении, которое полагается народу, его суверенному судье". [2235](#) Действия галерей, - говорит Лекуэнт-Пюраиво, - это вспышка патриотизма". Наконец, тот же Шудье, с несравненной дерзостью извращая и переворачивая все права, хочет предоставить законодательные привилегии публике и требует декрета против депутатов, которые, повинные в народном безрассудстве, осмеливаются жаловаться на тех, кто их оскорбляет. [2235](#) Другая часть деспотического механизма, еще более энергичная, действует снаружи, на подступах к Собранию. Как и их предшественники из Учредительного собрания, члены "Правого" "не могут покинуть здание, не столкнувшись с угрозами и поношениями разъяренной толпы. Крики "к фонарю!" доносятся до ушей Дюмолара, Воблана, Раукура и Лакретеля так же часто, как и до ушей аббата Мори и Монлозье". [2236](#) Осыпав оскорблениями президента Матье Дюма, они оскорбляют его жену, которая была признана в зарезервированной галерее. [2237](#) В Тюильри всегда стоит толпа, слушая драчунов, которые по именам обличают подозреваемых депутатов, и горе тому, кто встанет на этот путь, направляясь в палату! Его встречает шквал оскорблений. Если же депутат оказывается фермером, они восклицают: "Посмотрите на этого странного старого аристократа - старая крестьянская собака, которая смотрела за коровами!" Однажды Хуа, поднимаясь по ступеням террасы Тюильри, был схвачен за волосы старой лисицей, которая сказала ему: "Склони голову перед своими государями, народом, ты, ублюдок депутата!" 20 июня один из патриотов, проходя через зал Собрания, шепчет ему на ухо: "Ты, мерзавец депутат, ты никогда не умрешь, кроме как от моей руки!" В другой раз, когда он защищал судью-де-па Ларивьера, у дверей посреди ночи его поджидает "толпа черномазых, которые теснятся вокруг него и тычут ему в лицо кулаками и дубинами"; к счастью, его друзья Дюма и Давергольт, два военных офицера, предвидя опасность, подают свои пистолеты и освобождают его, "хотя и с некоторым трудом". 10 августа наступает время открытой агрессии. Воблану за то, что он защищал Лафайета, не хватает только того, чтобы его трижды изрубили на куски при выходе из Собрания; с шестьюдесятью депутатами поступают так же: их бьют, обливают грязью и угрожают смертью, если они посмеют вернуться назад. [2238](#) С такими союзниками меньшинство очень сильно. Благодаря двум средствам воздействия оно отнимает у большинства нужные ему голоса и либо террором, либо хитростью добивается принятия всех необходимых ему декретов.

VI.- Парламентские маневры.

Злоупотребления срочностью. -Голосование по принципу. -Вызов по имени.
-Запугивание "центра". -Противники бездействуют.
Большинство, наконец, избавляется от него.

Иногда это удастся скрытно, путем поспешного проведения. Поскольку "никакого порядка дня заранее не сообщается и, во всяком случае, никто не обязан его придерживаться" ²²³⁹, собрание оказывается захваченным врасплох. "Первый же плут среди "левых" (это выражение, говорит Хуа, я не вычеркиваю, потому что среди этих джентльменов их было много) принес готовую резолюцию, заготовленную накануне вечером какой-то кликой. Мы не были к этому готовы и потребовали передать ее в комитет. Однако вместо этого резолюция была объявлена срочной, и, хотим мы того или нет, обсуждение должно было состояться немедленно". ²²⁴⁰ - "Были и другие не менее вероломные приемы, которыми особенно пользовался Тьюрио. Этот великий негодяй вставал и предлагал не проект закона, а то, что он называл принципом; например, принять декрет о конфискации имущества эмигрантов... или установить особый надзор за неприсягнувшими [священниками](#) ²²⁴¹... В ответ ему сказали, что его принцип - это основа закона, сам закон; поэтому пусть его обсуждают, передав его в комитет, который должен сделать доклад о нем. - Вовсе нет - дело срочное; комитет может устанавливать статьи по своему усмотрению; они ничего не стоят, если принцип не соответствует здравому смыслу". Благодаря такому оперативному методу дискуссия затухает. Якобинцы намеренно не дают Ассамблее рассмотреть этот вопрос. Они рассчитывают на его недоумение. Во имя разума они отбрасывают его, насколько это возможно, и торопят голосование, потому что их декреты не выдерживают анализа. В другое время, особенно по торжественным случаям, они заставляют голосовать. В общем, голосование проводится либо сидя, либо стоя, и для четырехсот депутатов "Центра", подвергающихся ругани со стороны возмущенных галерей, это довольно тяжелое испытание. "Часть из них не встает или встает вместе с "левыми" ²²⁴² Если "правые" получают большинство, "это оспаривается недобросовестно, и требуется созыв палаты". Теперь "созыв палаты, благодаря невыносимым злоупотреблениям, всегда публикуется; якобинцы заявляют, что народу полезно знать своих друзей от врагов". Смысл этого заключается в том, что список оппозиции вскоре станет списком преступников, в который робкие не склонны записывать себя. Результатом этого становится немедленное дезертирство в тяжелых батальонах "Центра"; "это положительный факт, - говорит Хуа, - свидетелями которого мы все были; мы всегда теряли сотню голосов по призыву палаты". "В конце концов они сдаются и больше не протестуют, разве что уходят: 14 июня, когда рассматривался вопрос об отмене всей системы феодального кредита, присутствовали только крайне левые; остальная часть "зала собрания была почти пуста"; из 497 присутствовавших депутатов 200 покинули [заседание](#) ²²⁴³. Ободренные на мгновение видом возможной защиты, они дважды оправдывают генерала Лафайета, за спиной которого видят [армию](#) ²²⁴⁴, и отваживаются деспотов Ассамблеи, клубов и улиц. Но за неимением военного вождя и опоры видимое большинство дважды вынуждено уступать, молчать, бежать или отступать под диктатурой победившей фракции, которая напрягает и принуждает законодательную машину, пока она не становится разрозненной и не разрушается. ²²⁴⁵

2201 (возвращение)

["Переписка (рукопись) барона де Стаэля с его двором в Швеции. 6 октября 1791 г.].

2202 (обратно)

["Сувениры", Паскье (Этьен-Деннис, герцог), канцлер Франции, в VI томах, Библиотека Плон, Париж 1893 г. - Дюмурье, "Mémoires", III. гл. V: "Партия якобинцев, имевшая отделения по всей стране, использовала свои провинциальные клубы для контроля над выборами. Избирались все наркоманы, все подстрекатели, все агитаторы... очень мало просвещенных и благоразумных людей, и еще меньше дворян" - Moniteur, XII. 199 (заседание 23 апреля 1792 года). Речь М. Лекуэнта-Пюйраво. "Нам нет нужды преувеличивать; более того, мы с гордостью можем сказать, что этот законодательный орган состоит из людей небогатых"].

2203 (возвращение)

[Матье Дюма, "Мемуары", I. 521. "Волнение в избирательных собраниях было очень велико; аристократы и крупные землевладельцы воздерживались от участия в них" - Correspondance de Mirabeau et du Comte de la Mark, III. 246, Oct. 10, 1791. "Девятнадцать двадцатых членов этого законодательного собрания не имеют другого транспорта (turn-out), кроме галош и зонтиков. Было подсчитано, что все эти депутаты вместе взятые не имеют 300 000 ливров твердого дохода. Большинство членов этой ассамблеи не получили никакого образования"].

2204 (возвращение)

[Они имеют звание лагерного маршала, соответствующее званию бригадного генерала. Это Дюпюи-Монбрен (умер в марте 1792 года), Дескром-д'Эстре, слабый и изможденный старик, которого его дети заставили войти в Законодательное собрание, и, наконец, Матье Дюма, консерватор и единственный видный деятель].

2205 (возврат)

["Correspondance du Baron de Staël", Jan. 19, 1792. Гувернер Моррис (II. 162, 4 февраля 1792 г.) пишет Вашингтону, что мсье де Варвиль, член дипломатического комитета, предложил уступить Дюнкерк и Кале Англии в качестве залога верности Франции в любом соглашении, которое она может заключить. По этому можно судить о мудрости и добродетели фракции, к которой он принадлежит - Buchez et Roux, XXX 89 (защита Бриссо, 5 января 1793 г.) "Бриссо, как и все шумные, безрассудные, амбициозные люди, пустился во все тяжкие с самыми странными парадоксами. В 1780 году в своих "Философских изысканиях о праве собственности" он писал следующее: "Если 40 крон достаточно для поддержания существования, то владение 200 000 крон - это явная несправедливость и грабеж... Исключительное владение - это настоящее преступление против природы... Наказание за грабеж в наших институтах - это акт добродетели, который предписывает сама природа"].

2206 (возвращение)

["Moniteur", речь Камбона, заседания 2 февраля и 20 апреля 1792 г.].

2207 (возврат)

[Там же, (заседание 3 апреля). Речь мсье Кайяссона. Имущество, принадлежащее нации, проданное и подлежащее продаже, оценивается в 2 195 миллионов, а уже выпущенные ассигнации составляют 2 100 миллионов. См. "Mercure de France", 17 декабря 1791 г., р. 201; 28 января 1792 г., р. 215; 19 мая 1792 г., р. 205. 296, и 339, 340, 344, 346.- "Камбон, буйный сумасшедший, без образования, гуманных принципов или честности (публики), посредник, невежда, и очень легкомысленный. Он говорит мне, что ему остается одно средство - захватить всю монету в Бельгии, все тарелки, принадлежащие церквям, и все денежные вклады... что, разорив бельгийцев, доведя их до того же состояния страдания, что и французов, они обязательно разделят с ними их судьбу; что тогда они будут приняты в члены Республики, с перспективой всегда продвигаться вперед, проводя ту же линию политики; что декрет от дек. 15 декабря 1792 года как нельзя лучше благоприятствует этому, поскольку ведет к полной дезорганизации, и что самое удачное, что может случиться с Францией, - это дезорганизация всех ее соседей и приведение их к такому же состоянию анархии". (Этот разговор между Камбоном и Дюмурьезом происходит в середине января 1793 года.)- Moniteur, XIV. 758 (заседание от 15 декабря 1792 г.). Доклад Камбона].

2208 (возвращение)

["Парижская хроника", 4 сентября 1792 года. "Печальна и ужасна ситуация, вынуждающая народ, от природы любезный и великодушный, к такой мести!" - Ср. очень острую статью Сент-Бёва о Кондорсе в "Causeries du Lundi", - Хуа (коллега Кондорсе по Законодательному собранию), "Mémoires", 89. "Кондорсе в своем журнале регулярно подтасовывал факты, причем с непревзойденной дерзостью. Мнения "правых" были так изуродованы и извращены на следующий день в его журнале, что мы, произнесшие их, едва ли могли их узнать. На его жалобы и обвинения в вероломстве философ лишь улыбнулся"].

2209 (обратно)

[Malouet, II. 215.-Dumouriez, III. ch. V. "Они были избраны, чтобы представлять нацию и защищать, по их словам, ее интересы против вероломного суда"].

2210 (возвращение)

["Moniteur", X. 223 (заседание от 26 октября 1791 г.). Речь мсье Франсуа Дюваля... - Великодушие - порядок дня на первом же заседании. 1 октября 1791 года двенадцать стариков, маршируя в процессии, отправляются за конституционным актом. "Месье Камю, хранитель протоколов, с невозмутимым видом и опущенными глазами, входит размеренным шагом", неся в обеих руках священный документ, который он прижимает к груди, а депутаты встают и обнажают головы. "Народ Франции, - говорит оратор, - граждане Парижа, все великодушные французы, и вы, наши сограждане, - добродетельные, умные женщины, вносящие свое нежное влияние в святилище закона, - держите в руках гарантию мира, которую вам представляет Законодательное собрание!" - Мы словно становимся свидетелями последнего акта оперы].

2211 (возвращение)

[Там же, XII. 230 (заседания 26 апреля и 5 мая). Доклад и речь Франсуа де Нанта. Всю речь, комическое сокровище от начала до конца, следовало бы процитировать: "Скажите мне, понтифик Рима, каковы будут ваши чувства, когда вы будете приветствовать ваших достойных и верных сотоварищей? Я вижу ваши священные руки, готовые запустить те папские молнии, которые и т.д... Пусть принесут мангал Скуэволи, и, протянув ладони над горящими углями, мы покажем, что нет такого вида пытки, нет такого мучения, которое могло бы вызвать хмурый взгляд того, кого любовь к отечеству превозносит над человечностью!" - Предположим, что в этот момент под его руку поднесли зажженную свечу].

2212 (обратно)

["Moniteur", XI. 179 (заседание от 20 января 1792 г.).-Там же, 216 (заседание от 24 января).-XII. 426 (9 мая)].

2213 (возвращение)

[Там же, XII. 479 (заседание 24 мая).-XIII. 71 (заседание 7 июля, речь Ласурса).-См. XIV. 301 (заседание 31 июля) цитата из Вольтера, приведенная в связи с подавлением монастырей].

2214 (возвращение)

["Moniteur". Речь Обера Дюбайера, заседание 30 августа].

2215 (обратно)

[Речь Шометта, прокурора коммуны, к новобрачным (Mortimer-Ternaux, IV. 408)].

2216 (обратно)

[Класс, к которому они принадлежали, был изображен в жизни М. Руа-Колларом (Сент-Бёв, "Nouveaux Lundis", IV. 263): "Молодой парижский адвокат, поначалу принятый в нескольких домах на Иль-Сен-Луи, он вскоре удалился из этого низкого мира адвокатов и мелких мошенников, тон которых угнетал его. Сама мысль о том, какое впечатление произвела на него эта галантная и крайне вульгарная посредственность, до сих пор внушала ему отвращение. Он предпочитал, если нужно, разговаривать с грузчиками, чем с этими надушенными представителями закона"].

2217 (возврат)

[Этьен Дюмон, "Mémoires", 40.-Mercure de France, 19 ноября 1791; 11 февраля и 3 марта 1792. (статьи Малле дю Пана)].

2218 (возврат)

["Moniteur", 17 декабря (осмотр в суде дома Рауха, притворного подрядчика, которого вынуждены выслать оправданным). Раух говорит им: "У меня нет денег, и я не могу найти место, где я мог бы спать меньше чем за 6 су, потому что я мочусь в постель" - Moniteur, XII.

574. (заседание от 4 июня), доклад Шабо: "Торговец из Мортани говорит, что один из жителей Кобленца сообщил ему, что отряд собирается увести короля и отравить его, чтобы свалить злобу на Национальное собрание". Бернассе де Пуатье пишет: "Вчера вечером один храбрый горожанин сказал мне: "Я был у одной служанки, живущей у одного дворянина. Она уверяла меня, что ее хозяин отправляется сегодня ночью в Париж, чтобы присоединиться к 30 000, которые примерно через месяц намерены перерезать глотки Национальному собранию и поджечь все уголки Парижа!" - "Месье Жерар, шорник из Амьена, пишет нам, что Людовику XVI в его бегстве будут помогать 5 000 эстафет, и что после этого они собираются обстрелять Национальное собрание раскаленными пулями"]].

2219 (возврат)

["Mercure de France", 5 ноября 1791 г. (заседание от 25 октября).-Ibid., 23 декабря.-Moniteur, XII. 192 (заседание от 21 апреля 1792 г.).-XII. 447 (обращение Клоотца к французам): "Бог вывел порядок из первобытного хаоса; французы выведут порядок из феодального хаоса. Бог могущественен и проявил свою волю; мы могущественны и проявим свою волю... Чем обширнее очаг войны, тем скорее и удачнее решится дело плебеев против дворян... Нам нужны враги... Савойя, Тоскана, и быстро, быстро!"]].

2220 (возвращение)

[Ср. Moniteur, XI. 192 (заседание от 22 января 1792 г.). "Месье Бурнет, капеллан национальной гвардии, представляется в баре дома с англичанкой по имени Лидия Киркхэм и тремя маленькими детьми, один из которых у нее на руках. М. Бернет объявляет, что она его жена и что ребенок на ее руках - плод их любви. Сославшись на силу естественных чувств, которым он не мог противиться, проситель продолжает: "Однажды я встретил одного из этих священных вопрошателей. Несчастный, - сказал он, - в чем ты виновен? В том, что у меня есть ребенок, сэр; и я женился на этой женщине, которая является протестанткой, и ее религия не имеет ничего общего с моей... Смерть или моя жена! Таков вопль, который природа отныне и всегда будет внушать мне" - проситель получает почести от Собрания] (Ibid., XII 369).

2221 (возвращение)

["Гротеск" - это часто фарс. "Месье Пиорри, от имени бедных, но добродетельных граждан, преподносит две пары пряжек с таким девизом: "Они служили для того, чтобы удерживать ремешки на моих ногах; они будут служить для того, чтобы подмять под себя, с отпечатком и характером истины, всех тиранов, выступающих против конституции" (Moniteur, XII. 457, заседание 21 мая)"-Ibid., XIII. 249 (заседание от 25 июля). "Молодая горожанка предлагает лично сразиться с врагами своей страны"; и президент с галантным видом отвечает: "Сделанное скорее для успокоения, чем для борьбы с тиранами, ваше предложение и т. д."].

2222 (возврат)

["Moniteur", XL 576 (заседание 6 марта); XII. 237, 314, 368 (заседания 27 апреля, 5 и 14 мая)].

2223 (возврат)

["Mercure de France". 19 сентября 1791 г., 11 февраля и 3 марта 1792 г. - Buchez et Roux, XVI 185 (заседание от 26 июля 1792 г.)].

2224 (возвращение)

["Mémoires de Mallet du Pan", 1433 (таблица трех партий, с особыми сведениями)].

2225 (возврат)

["Buchez et Roux", XII. 348 (письмо депутата Шерона, президента клуба фельянов). Депутаты Законодательного собрания, зарегистрированные в Клубе фельянов, насчитывают 264 человека, помимо большого числа депутатов в Учредительном собрании. По данным Малле дю Пана, так называемые независимые насчитывают 250 человек].

2226 (обратно)

[Эти цифры подтверждены решительными подсчетами (Mortimer-Ternauz, II. 205, 348.)].

2227 (обратно)

[Moniteur, XII. 393 (заседание 15 мая, речь Иснара): "Учредительное собрание лишь наполовину осмелилось сделать то, что имело право сделать. Оно оставило на ниве свободы, даже вокруг самых корней молодого конституционного дерева, старые корни деспотизма и аристократии... Она привязала нас к стволу конституционного дерева, как бессильных жертв, отданных на растерзание врагам" -- Этьен Дюмон хорошо видел недостатки образования, свойственные партии. Он говорит о мадам Ролан: "Я нашел в ней слишком много того недоверчивого деспотизма, который принадлежит незнанию мира... В ее интеллектуальном развитии не хватало более глубокого познания мира и общения с людьми более высокого мнения, чем она сама". Сам Роланд не отличался широтой интеллекта, а все, кто бывал в ее доме, никогда не поднимались выше предрассудков вульгарного общества"]].

2228 (возврат)

["Сувениры", Паскье (Этьен-Деннис, герцог), канцлер Франции. в VI томах, Librairie Plon, Paris 1893].

2229 (возврат)

[Мадам де Сталь, "Рассуждения о французской революции", III часть, гл. III.- Мадам де Сталь беседовала с ними и судит о них в соответствии с проницательным восприятием светской женщины].

2230 (возвращение)

[Луве, "Мемуары", 32. "Я принадлежал к числу смелых философов, которые до конца 1791 года сетовали на судьбу великой нации, вынужденной остановиться на полпути к свободе",

и, на странице 38 - "Нужен был министр юстиции. Четыре министра (Роланд, Серван и др.) положили на меня глаз... Дюрантон был предпочтен мне. Это была первая ошибка республиканской партии. Она дорого за нее заплатила. Эта ошибка стоила моей стране много крови и слез". Позже он считает, что обладает достаточными качествами для должности посла в Константинополе].

2231 (возвращение)

[Buzot, "Mémoires" (Ed. Dauban), pp.31, 39. "Рожденный с гордым и независимым духом, который никогда не склонялся ни перед чьим повелением, как я мог принять идею о том, что человек должен быть священным? С сердцем и головой, одержимыми великими существами древних республик, которые являются величайшей честью для человеческого рода, я с ранних лет практиковал их максимы и питался изучением их добродетелей... Притворная необходимость монархии... не могла соединиться в моем сознании с великими и благородными представлениями о достоинстве человеческого рода, сформированными мной. Надежда обманула меня, это правда, но моя ошибка была слишком величественной, чтобы я мог раскаяться в ней". Самолюбование - это также ментальный субстрат мадам Ролан, Ролана, Петиона, Барбару, Луве и т.д. (см. их труды). Малле дю Пан хорошо сказал: "Читая мемуары мадам Ролан, можно обнаружить актрису, репетирующую перед сценой". Ролан - административная марионетка и потенциальный оратор, которого жена дергает за ниточки". В нем есть странная, скучная черта, свойственная только ему. Например, в 1787 году (Guillon de Montléon, "Histoire de la ville de Lyon, pendant la Révolution", 1.58) он предлагает утилизировать мертвых, превратив их в нефть и фосфорную кислоту. В 1788 году он предлагает Академии Вильфранша поинтересоваться, "не будет ли полезно для общества учредить трибуналы для суда над мертвыми?" в подражание египтянам. В своем докладе от 5 января 1792 года он предлагает план учреждения общественных празднеств "в подражание спартанцам", а в качестве девиза берет "Non omnis moriar" (Baron de Girardot, "Roland and Madame Roland". I. 83, 185)].

2232 (возвращение)

[Политический клуб, объединяющий умеренных и конституционных монархистов. Свое прозвище они получили потому, что проводили свои собрания в старом монастыре, ранее использовавшемся фельянами, ветвью цистерцианцев, которые во главе с Лабаррьером откололись в 1577 году. Клуб фельянов был распущен в 1791 году. (SR).]

2233 (возвращение)

[Moniteur, XI. 61 (заседание 7 января 1792 г.).-Ibid., 204 (25 января); 281 (1 февраля); 310 (4 февраля); 318 (6 февраля); 343 (9 февраля); 487 (26 февраля).-XII. 22 (2 апреля). Отчеты всех сессий необходимо прочитать, чтобы оценить силу давления. См. особенно сессии 9 и 16 апреля, 15 и 29 мая, 8, 9, 15 и 25 июня, 1, 2, 5, 9, 11, 17, 18 и 21 июля и, после этой даты, все сессии.-Lacretelle, "Dix Ans d'Epreuves", p. 78-81. "Законодательное собрание работало под началом якобинского клуба, сохраняя при этом фальшивую видимость независимости. Прогресс, которого страх добился во французском характере, был очень велик, в то время как все было поставлено в самый острый ключ... Большинство, если судить по намерениям, было за консерваторов; фактическое большинство было за республиканцев"].

2234 (возвращение)

["Moniteur", XIII. 212, заседание от 22 июля].

2235 (обратно)

[Moniteur, XII. 22, заседание 2 апреля.- Мортимер-Терно, II. 95.-Moniteur, XIII. 222, заседание 22 июля].

2236 (возвращение)

[Lacretelle, "Dix Ans d'Epreuves", 80.]

2237 (возврат)

[Mathieu Dumas, "Mémoires", II. 88 (23 февраля).- Хуа, "Mémoires d'un Avocat au Parlement de Paris", 106, 121, 134, 154. Moniteur, XIII. 212 (заседание 21 июля), речь М. - "На аллеях к этому зданию ежедневно собирается толпа людей, оскорбляющих представителей нации"].

2238 (возвращение)

[De Vaublanc, "Mémoires", 344.-Moniteur, XIII. 368 (письма и речи депутатов, заседание 9 августа)].

2239 (возвращение)

[Hua, 115.-Ibid., 90. 3 из 4 депутатов Сены-и-Уазы были якобинцами. "Мы собирались раз в неделю, чтобы обсудить дела департамента. Мы были вынуждены изгнать бродяг, которые даже за столом говорили только об убийствах"].

2240 (обратно)

["Moniteur", XII. 702. Например, 19 июня 1792 года, по неожиданному предложению Кондорсе, департаменты были уполномочены сжечь все дворянские титулы в различных хранилищах - принято сразу и единогласно].

2241 (возвращение)

[В дальнейшем Сталин и его преемники должны были инвестировать ООН и другие международные организации, чтобы косвенно предложить и обеспечить принятие новой конвенции о правах человека, правах детей, правах беженцев и т.д. Во многих случаях они становились основой национального законодательства, которое сегодня доставляет проблемы многим западным демократиям. (SR).]

2242 (возвращение)

[Hua, 114.]

2243 (возвращение)

[Moniteur, XII. 664.-Mercure de France, 23 июня 1792 г.].

2244 (возврат)

[Hua, 141.-Mathieu Dumas, II. 399: "Примечательно, что Лафон де Ладебат, один из наших самых надежных друзей, был избран президентом 23 июля 1792 года. Это свидетельствует о том, что большинство в Собрании все еще сохранялось; но оно было достигнуто только благодаря тайному голосованию при выборе кандидатов. Те же люди, которые повиновались своей совести, руководствуясь чувствами справедливости и приличия, не могли противостоять опасности, которая окружала их под угрозами фракций, когда их призывали голосовать, вставая или садясь"].

2245 (возвращение)

[Это описание и другие, относящиеся к тому же периоду, несомненно, были тщательно изучены тысячами социалистов и подающих политические надежды, которые, во всяком случае, использовали подобную тактику для захвата тысяч руководящих комитетов, учреждений и организаций. (CP)].

ГЛАВА III.

I.-Политика Собрания.-Состояние Франции в конце 1791 года.

Беспомощность закона.

Если бы депутаты, которые 1 октября 1791 года так торжественно и с энтузиазмом поклялись в верности Конституции, открыли глаза, они бы увидели, что эта Конституция постоянно нарушается, как по букве, так и по духу, на всей территории страны. Как обычно, в силу авторского тщеславия, М. Туре, последний председатель Учредительного собрания, в своем заключительном докладе скрыл неприятную правду под напыщенными и обманчивыми фразами; но достаточно просмотреть ежемесячные отчеты, чтобы убедиться, что, как он гарантировал, "декреты были добросовестно исполнены во всех частях империи". "Где же

это добросовестное исполнение?" - спрашивает Малле дю Пан.²³⁰¹ "Неужели в Тулоне, среди убитых и раненых, расстрелянных в лицо изумленному муниципалитету и Директории? В Марселе, где двух частных лиц сбили с ног и расправились с ними как с аристократами" под предлогом "того, что они продали детям отравленные сахарные сливы, с помощью которых можно было начать контрреволюцию?" Это в Арле, "против которого в данный момент маршируют 4000 человек из Марселя, посланных клубом?" В Байе, "где сеньор Фоше, на которого выписан ордер на арест, помимо того, что он находится под запретом политической недееспособности, только что был избран депутатом Законодательного собрания?" Это в Блуа, "где комендант, обреченный на смерть за попытку исполнить эти декреты, вынужден отослать верный полк и подчиниться развратным войскам?" В Ниме, "где полк Дофине, покидающий город по приказу министра, получает приказ от народа" и клуба "ослушаться министра и остаться?". В тех ли полках, чьи офицеры с пистолетами у груди вынуждены уходить и уступать место любителям? В Тулузе, "где в конце августа административные власти приказывают всем неprisягнувшим священникам покинуть город в течение трех дней и удалиться на расстояние четырех лье?" В предместьях Тулузы, "где 28 августа после драки с применением оружия на фонаре был повешен муниципальный чиновник?" В Париже, где 25 сентября ирландский колледж, тщетно защищаемый международным договором, только что подвергся нападению толпы; где католиков, слушающих ортодоксальную мессу, выгоняют и тащат к разрешенной мессе в окрестностях; где одну женщину вырывают из исповедальни, а другую изо всех сил пороли?²³⁰²

Эти неприятности, говорят, преходящи; после провозглашения Конституции порядок восстановится сам собой. Хорошо, конституция проголосована, принята королем, провозглашена и передана в Законодательное собрание. Пусть Законодательное собрание рассмотрит, что будет сделано в первые несколько недель. В восьми департаментах, окружающих Париж, в каждый базарный день происходят беспорядки; на фермы вторгаются и выкупают земледельцев банды бродяг; мэра Мелена изрешетили шарами и вытащили из рук толпы, залитой **кровью**²³⁰³. В Бельфоре - бунт с целью удержания каравана с монетой, и комиссару Верхней Рейны грозит смерть; в Буксвиллере - нападение на владельцев недвижимости со стороны бедных национальных гвардейцев и солдат Сальм-Сальма, взлом домов и разграбление подвалов; в Мирекуре - стадо женщин бьет в барабаны и в течение трех дней держит на осадном положении Отель-де-Виль.--В один из дней в Рошфоре вспыхивает восстание, и рабочие гавани заставляют муниципалитет развернуть красный флаг.²³⁰⁴ На следующий день это Лилль, жители которого, "не желая обменивать свои деньги и ассигнаты на бумажные тряпки, называемые *billets de confiance*, собираются в толпы и угрожают, в то время как целый гарнизон необходим для предотвращения взрыва". 16 октября - Авиньон во власти бандитов, с отвратительной резней в Глясьере. 5 ноября в Кане восемьдесят два джентльмена, горожане и ремесленники, сбиты с ног и потащены в тюрьму за то, что предложили муниципалитету свои услуги в качестве специальных констеблей. 14 ноября в Монпелье грубияны торжествуют; восемь мужчин и женщин убиты на улицах или в домах, а все консерваторы разоружены или обращены в бегство. К концу октября это гигантский столб дыма и пламени, внезапно поднимающийся вверх из недели в неделю и распространяющийся повсюду, перерастающий на другом берегу Атлантики в гражданскую войну в Сент-Доминго, где дикие звери не могут устоять перед лицом войны. Доминго, где дикие звери выпущены на волю против своих хозяев; 50 000 негров выходят на поле боя, и в самом начале 1000 белых убиты, 15 000 негров зарублены, 200 сахарных заводов разрушены, а ущерб нанесен на сумму 600 000 000; "колония, которая сама по себе стоит десяти провинций, почти уничтожена".²³⁰⁵ В Париже Кондорсе пишет в своем журнале, что "эти новости недостоверны, в них нет никакой цели, кроме создания французской империи за морями для короля, где будут хозяева и рабы". Капрал Парижской

национальной гвардии по собственной инициативе приказывает королю оставаться в помещении, опасаясь, что он может сбежать, и запрещает часовому выпускать его на улицу после девяти часов [вечера2306](#) ; в Тюильри ораторы под открытым небом обличают аристократов и священников; в Пале-Рояле царит столпотворение публичных возлияний и поджигательских [речей2307](#). Во всех кварталах - очаги беспорядков, "столько же грабежей, сколько квартальных часов, и ни один грабитель не наказан; полиции нет; суды переполнены; преступников больше, чем тюрем для их содержания; почти все частные особняки закрыты; годовое потребление в одном только фобуре Сен-Жермен сократилось на 250%. Жермен уменьшилось на 250 миллионов в год; 20 000 воров с клейменными спинами коротают время в домах с дурной репутацией, в театрах, в Пале-Рояле, в Национальном собрании и в кофейнях; тысячи нищих заполнили улицы, переходы и площади. Повсюду образ глубочайшей нищеты, которая не вызывает жалости, поскольку сопровождается наглостью. Стаи оборванных торговцев предлагают всевозможные бумажные деньги, выпущенные любым, кто решил пустить их в обращение, разрезанные на кусочки, проданные, подаренные и возвращающиеся в лохмотьях, более грязных, чем те жалкие существа, которые ими торгуют."[2308](#) На 700 000 жителей приходится 100 000 бедняков, из которых 60 000 стекаются из [департаментов2309](#) ; среди них 30 000 нуждающихся ремесленников из национальных мастерских, которых выписали и отправили домой в предыдущем июне, но которые, вернувшись через три месяца, снова погружаются в великую раковину бродяжничества, бросая свою плавучую массу на безумную конструкцию государственной власти и создавая силы для мятежа. Директории противодействуют министерским приказам. Здесь муниципалитеты храбрятся перед приказами своей Директории; там общины окружают своего мэра со шпагой. В других местах солдаты и матросы арестовывают своих офицеров. Обвиняемые оскорбляют судью на скамье подсудимых и заставляют его отменить приговор; толпы облагают налогами или грабят пшеницу на рынке; национальные гвардейцы препятствуют ее распределению или захватывают ее на складах. Нет никакой безопасности ни для имущества, ни для жизни, ни для совести. Большинство французов лишены права исповедовать свою веру и голосовать на выборах. Ни днем, ни ночью нет безопасности для элиты нации, для церковников и дворян, для офицеров армии и флота, для богатых купцов и крупных землевладельцев; нет защиты в судах, нет доходов из общественных фондов; изобилуют доносы, высылки, изгнания в глубь страны, нападения на частные дома; нет права на свободные собрания, даже для исполнения закона по приказу законных [властей2310](#). Противоположностью этому и контрастом являются привилегии и иммунитет секты, сформированной в политическую корпорацию, "которая распространяет свои филиалы на все королевство и даже за границу; которая имеет свою казну, свои комитеты и свои подзаконные акты; которая управляет правительством, которая судит правосудие "[2311](#) и которая, от столицы до деревни, узурпирует или направляет управление. Свобода, равенство и величие закона не существуют нигде, кроме как на словах. Из трех тысяч декретов, рожденных Учредительным собранием, самые хваленые, те, что лучше всего украшены философским крещением, образуют массу мертворожденных аборт, местом погребения которых является Франция. То, что действительно существует под ложной видимостью права, провозглашаемого и клянувшегося снова и снова, - это, с одной стороны, угнетение высших и культурных классов, у которых отняты все права человека, и, с другой стороны, тирания фанатичного и жестокого сброда, присвоившего себе все права суверенитета.

II.- Собрание, враждебное угнетенным и благосклонное к угнетателям.

Декреты против дворян и духовенства, амнистия для дезертиров, каторжников и бандитов, анархические и уравнильные максимы.

Напрасно честные люди Собрания протестуют против этого скандала и ниспровержения. Не делая никакого различия между вооруженными сборищами в Кобленце, которые оно имело право наказывать, и беженцами, втрое более многочисленными, стариками, женщинами и детьми, столькими равнодушными и безразличными людьми, не только дворянами, но и [плебеями](#)²³¹², которые покинули землю, только чтобы спастись от народных возмущений, оно конфискует имущество всех эмигрантов и приказывает его [продать](#)²³¹³. В результате нового ограничения паспорта те, кто остался, привязаны к своим местожительствам, их свобода передвижения, даже во внутренних районах, зависит от решения каждого якобинского муниципалитета.²³¹⁴ Он довершает их разорение, лишая их без компенсации всех доходов от их недвижимости, всех сеньориальных прав, которые Учредительное собрание объявило законными.²³¹⁵ Он упраздняет, насколько может, их историю и их прошлое, сжигая в общественных хранилищах их генеалогические титулы.²³¹⁶ Для всех неприсягнувших церковников, составляющих две трети французского духовенства, он лишает хлеба, небольшой пенсии, выдаваемой им на питание, которая является выкупом их конфискованного [имущества](#)²³¹⁷; он объявляет их "подозреваемыми в бунте против закона и в дурных намерениях против страны"; он подвергает их особому надзору; он разрешает им высылку без суда местными правителями в случае беспорядков; он постановляет, что в таких случаях они должны быть [изгнаны](#)²³¹⁸. Он подавляет "все светские общины мужчин и женщин, как церковных, так и лаиков, даже те, которые полностью посвящены больничной службе, лишит 600 000 детей возможности учиться читать и писать".²³¹⁹ Он налагает запреты на их одежду; выставляет на продажу епископские дворцы, а также здания, которые еще занимают монахи и монахини.²³²⁰ Она приветствует аплодисментами женатого священника, который представляет свою жену Собранию.²³²⁰ Собрание не только разрушительно, но и оскорбительно; авторы каждого принятого им постановления добавляют к его громовым раскатам град собственных оскорблений и клеветы.

"В детей, - говорит один из депутатов, - общины вливают яд аристократизма и фанатизма"²³²¹.

"Очистите сельские районы от паразитов, которые их пожирают!" - "Все знают, - говорит Иснар, - что священник настолько же труслив, насколько и злопамятен... Пусть эти вредители будут отправлены обратно в римские и итальянские лазареты. Что это за религия, которая по своей природе необщительна и бунтарна в принципе?"

Будь то негласно, будь то на деле или в чувствах, "крупные собственники, богатые купцы, лжеконсерваторы"²³²² - все они являются открытыми заговорщиками или скрытыми врагами. Все общественные бедствия вменяются им в вину. "Причиной бедствий, - говорит Бриссо,²³²³ - которые опустошают колонии, является адское тщеславие белых, которые

трижды нарушали договор, который они трижды клялись соблюдать". Нехватка работы и низкие урожаи объясняются их хитрой злонамеренностью.

"Многие богачи, - говорит Франсуа де Нант²³²⁴, - позволяют своей собственности истощаться, а полям лежать под паром, чтобы наслаждаться, видя страдания народа".

Франция разделилась на две партии: с одной стороны, аристократия, которой приписывают все пороки, и, с другой стороны, народ, которому приписывают все добродетели²³²⁵.

"От защиты свободы, - говорит Ламарк²³²⁶ - каждый день подло отказываются богачи и бывшие дворяне, которые надевают маску патриотизма только для того, чтобы обмануть нас. Не в этом сословии, а только в сословии граждан, которых презрительно называют народом, мы находим чистые существа, те пылкие души, которые действительно достойны свободы" - Еще один шаг, и все будет позволено добродетельным против порочных; если несчастье постигнет аристократов, тем хуже для них. Те офицеры, которых побивают камнями, мсье де ла Жайль и другие, "не лучше ли им не заслуживать быть принесенными в жертву народной ярости?"²³²⁷ Иснар восклицает в трибуне: "Именно долгое пребывание преступников в неприкосновенности сделало народ палачами. Да, разгневанный народ, как и разгневанный Бог, слишком часто является ужасным дополнением к молчаливым законам".²³²⁸ Иными словами, преступления оправданы, а убийства по-прежнему провоцируются против тех, кого убивали на протяжении последних двух лет.

Вынужденный вывод: если жертвы - преступники, то их палачи - честные люди, и Собрание, которое жестко выступает против первых, оставляет все свое снисхождение для вторых. Оно восстанавливает на службе многочисленных дезертиров, оставивших свои знамена до 1 января 1789 года²³²⁹; оно выплачивает им по три су за лигу пробега и возвращает их в свои дома или в свои полки, чтобы они вместе со своими братьями, чье дезертирство было более поздним, стали либо вождями, либо рекрутами для толпы. Он освобождает с галер сорок швейцарских гвардейцев Шатору, которых их собственные кантоны пожелали держать там; он разрешает этим "мученикам за свободу" проехать по улицам Парижа в триумфальной машине²³³⁰; он допускает их в коллегию палаты и, приняв формальное голосование, оказывает им почести на сессии²³³¹. Наконец, как будто это их особое дело - выпускать на волю самых свирепых и отъявленных негодяев, он амнистирует Журдана, Майнвиля, Дюпра и Рафеля, беглых каторжников, тюремщиков, кондотьеров всех земель, носящих титул "отважных разбойников Авиньона", которые в течение восемнадцати месяцев грабили и разбойничали в Комтате²³³²; он останавливает почти закончившийся суд над мясниками из Гласьера; он терпит их возвращение в качестве победителей²³³³ и их установку собственным актом на места беглых магистратов, позволяя относиться к Авиньону как к завоеванному городу, и отныне он становится их добычей и их добычей. Это умышленное возвращение паразитов в социальное тело, а в этом лихорадочном организме не упускается из виду ничего, что могло бы усилить лихорадку. Самые анархические и пагубные максимы исходят, как миазмы, со скамей Ассамблеи. Сведение всего к абсолютному уровню принимается как принцип; "равенство прав, - говорит Ламарк²³³⁴, - можно поддерживать, лишь неуклонно стремясь к равенству состояний"; эта теория практически применяется со всех сторон, поскольку пролетариат грабит всех, кто владеет собственностью. - "Пусть общинные владения будут разделены между жителями окрестных деревень, - говорит Франсуа де Нант, - в обратном соотношении с их состоянием, и пусть тот, кто имеет наименьшее наследство, получит наибольшую долю при разделе".²³³⁵ Представьте себе эффект этого предложения, зачитанного вечером крестьянам, которые в этот самый момент претендуют на лес своего господина для своей коммуны. М. Корнель запрещает взимать в общественную казну какой-либо налог с заработной платы за ручной труд, поскольку

природа, а не общество, дает нам "право на жизнь" [2336](#). С другой стороны, он предоставляет общественной казне право забирать весь доход, поскольку именно общество, а не природа, учреждает общественные фонды; поэтому, по его мнению, бедное большинство должно быть освобождено от всех налогов, а все налоги должны падать на богатое меньшинство. Эта система хорошо подходит, а аргументы - для того, чтобы убедить неимущих или стесненных в средствах налогоплательщиков, а именно непримиримое большинство, в том, что его налоги справедливы и что оно не должно отказываться от уплаты налогов.

"При господстве свободы, - говорит президент Даверхоулт, [2337](#) - народ имеет право настаивать не только на средствах к существованию, но и на изобилии и счастье" [2338](#).

Соответственно, находясь в состоянии нищеты, они были преданы. "Вознесенный на высоту, достигнутую французским народом, - говорит другой президент, - он смотрит вниз на бури под своими ногами". [2339](#) Буря уже близко и разразилась над его головой. Война, как черная туча, поднимается над горизонтом, застилает небо, гремит и окутывает Францию, наполненную взрывчатыми веществами, кругом молний, и именно Ассамблея, совершив величайшую из своих ошибок, спускает засов на голову нации.

III.- Война.

Диспозиция иностранных держав - неприязнь короля.
Провокация жирондистов. Даты и причины
разрыва

Его можно было бы отклонить, проявив немного благоразумия. С одной стороны, и весьма справедливо, Франция жаловалась на скопление эмигрантов, которое император и курфюрсты терпели против нее на границе. Однако, во-первых, несколько тысяч джентльменов, без войск и запасов и почти без [денег](#) [2340](#), вряд ли стоило опасаться, и, кроме того, задолго до наступления решающего часа эти войска были рассеяны, причем сразу же императором в его собственных владениях, а через пятнадцать дней после этого курфюрстом Тревским в его [курфюршестве](#) [2341](#). -С другой стороны, согласно договорам, немецкие князья, владевшие поместьями в Эльзасе, предъявили претензии на феодальные права, отмененные в их французских владениях, и Сейм запретил им принимать предложенную компенсацию. Но, с точки зрения Сейма, не было ничего проще и привычнее, чем позволить переговорам затянуться, не подвергая иск риску или неудобствам, поскольку во время задержки истцы оставались с пустыми руками. Если теперь, за показными мотивами, искать реальные намерения, то можно с уверенностью сказать, что до января 1792 года намерения Австрии были мирными. Гранты, предоставленные графу д'Артуа в Пильницкой декларации, были всего лишь придворным окроплением святой водой, подобием иллюзорного обещания и предметом европейского соглашения о действиях, то есть заранее аннулированы неопределенной отсрочкой, а эта притворная лига государей сразу же "помещена политиками в класс августейших комедий

"2342." Император Леопольд и его премьер-министр Кауниц, отнюдь не взявшись за оружие против "Новой Франции" во имя старой Франции, были рады видеть конституцию завершенной и принятой королем; она "выводила их из неловкого положения" 2343, а заодно и Пруссию. В управлении правительствами политическая выгода является главным стимулом, и обеим державам потребовалось направить все свои силы в другую сторону, в Польшу. Одна - для замедления, другая - для ускорения раздела этой страны, и обе, когда раздел произойдет, чтобы получить достаточно для себя и не дать России получить слишком много. Государи Пруссии и Австрии, соответственно, не думали ни о спасении Людовика XVI, ни о возвращении эмигрантов, ни о завоевании французских провинций. Если от них и можно было ожидать чего-либо по причине личной неприязни, то вооруженного вмешательства можно было не опасаться - во Франции не король призывает к разрыву; он слишком хорошо знает, что опасности войны подвергнут смертельной опасности его самого и его иждивенцев. Как тайно, так и открыто, обращаясь к эмигрантам, он хочет вернуть их или удержать. В частной переписке он просит у европейских держав не физической, а моральной помощи, внешней поддержки конгресса, который позволит умеренным людям, сторонникам порядка, всем владельцам собственности поднять голову и сплотиться вокруг трона и законов против анархии. В министерской переписке принимаются все меры предосторожности, чтобы не спровоцировать или не дать кому-то спровоцировать взрыв. В критический момент дискуссии 2344 он умоляет депутатов через М. Делессара, своего министра иностранных дел, взвешивать свои слова и особенно не посылать требования, содержащие "мертвую линию". Он сопротивляется, насколько позволяет ему его пассивная натура, до последнего. Когда его вынуждают объявить войну, он заранее требует подписанного совета всех своих министров. Он не произносит роковых слов, пока его, "со слезами на глазах" и в самом тяжелом положении, не затаскивает Ассамблея, квалифицирующая любую осторожность как измену и только что отправившая мсье Делессара предстать перед верховным судом в Орлеане под страхом смертной казни.

Именно Собрание пускает искалеченный корабль в ревущие пучины неизвестного моря, без руля и с течью по всем швам. Только она одна сбрасывает трос, который удерживал его в порту и который иностранные державы не смели и не хотели оборвать. И здесь жирондисты являются лидерами и держат в руках топор; с последнего октября они схватились за него и наносят постоянные удары. 2345 Исключение составляют крайние якобинцы, Кутон, Колло д'Эрбуа, Дантон, Робеспьер, которые не встают на их сторону. Робеспьер, который вначале предлагал ограничить императора "кругом Попилиуса" 2346, опасается передачи слишком большой власти в руки короля и, усиливая недоверие, проповедует недоверие. 2346 Но огромная масса партии, руководимая шумным общественным мнением, побуждает робких идти впереди. О многих вещах, знание которых необходимо для успешного ведения столь сложного и деликатного дела, они ничего не знают. Они ничего не знают о кабинетах, судах, населении, договорах, прецедентах, своевременных формах и необходимом стиле. Их проводником и советником во внешних сношениях является Бриссо, чье превосходство основано на их невежестве и который, возвысившись до государственного деятеля, становится на несколько месяцев самой заметной фигурой в Европе. 2347 В какой бы степени европейское бедствие ни приписывалось какому-либо одному человеку, это бедствие должно быть приписано ему. Именно этот негодяй, родившийся в кондитерской, воспитанный в адвокатской конторе, бывший полицейский агент с жалованьем 150 франков в месяц, некогда состоявший в союзе со скандалистами и черными почтовиками, 2348 копейщик, сутяга и мешатель, который, с полуинформацией кочевника, обрывками газетных идей и читальных залов, 2349 добавляя к своим писательским каракулям и клубной декламации, вершит судьбы Франции и начинает войну в Европе, которой суждено погубить шесть миллионов жизней. На чердаке, где жена стирает его рубашки, он наслаждается

обличением правителей и 20 октября на [трибуне](#)²³⁵⁰ начинает с оскорбления тридцати иностранных государей. Такое острое, интенсивное наслаждение - это то, чем ежедневно питается новый фанатизм. Сама мадам Ролан с явным самодовольством наслаждается им, что видно из двух знаменитых писем, в которых она с надменным тоном поучает сначала короля, а затем папу.²³⁵¹ Бриссо, по сути, считает себя Людовиком XIV и прямо призывает якобинцев подражать надменным манерам Великого монарха.²³⁵² К бестактности злоумышленника и обидчивости парвеню можно добавить жесткость сектанта. Якобинцы, во имя абстрактных прав, отрицают исторические права; они навязывают сверху и силой ту истину, апостолами которой они являются, и позволяют себе любые провокации, которые они запрещают другим.

"Давайте расскажем Европе, - восклицает [Иснар](#)²³⁵³ , - что десять миллионов французов, вооруженных мечом, пером, разумом, красноречием, могут, если их спровоцировать, изменить лицо мира и заставить тиранов дрожать на своих глиняных тронах".

"Где есть трон, - говорит Эро де Сешель, - там есть и враг "[2354](#).

"Честный мир между тиранией и свободой, - говорит Бриссо, - невозможен. Наша Конституция - вечная анафема абсолютным монархам... Она подвергает их суду, она выносит им приговор; она как бы говорит каждому: завтра ты перестанешь быть или будешь королем только через народ... Война теперь - национальное благо, а отсутствие войны - единственное бедствие, которого следует бояться". [2355](#)

"Скажите королю, - говорит Генсонне, - что война необходима, что общественное мнение требует ее, что безопасность империи делает ее законом "[2356](#).

"Состояние, в котором мы находимся, - заключает Верньо, - это настоящее состояние разрушения, которое может привести нас к позору и смерти. Так что к оружию! К оружию! Граждане, свободные люди, защитите свою свободу, подтвердите надежды всего человечества... Не теряйте преимущества своего положения. Атакуйте теперь, когда есть все признаки полного успеха... Духи прошлых поколений, как мне кажется, стекаются в этот храм, чтобы во имя зла, которое им пришлось пережить из-за рабства, призвать вас защитить будущие поколения, чьи судьбы находятся в ваших руках! Да будет исполнена эта молитва! Станьте для будущего новым Провидением! Соедините себя с вечной справедливостью!"[2357](#)

Среди марсельских ораторов уже не осталось места для серьезной дискуссии. Бриссо, отвечая на претензии императора на владения князей в Эльзасии, отвечает, что "суверенитет народа не связан договорами тиранов".²³⁵⁸ Что касается собраний эмигрантов, то, уступив в этом вопросе, император уступит и в других.²³⁵⁹ Пусть он формально откажется от всех комбинаций против Франции.

"Я хочу войны 10 февраля, - говорит Бриссо, - если мы не получим его отречения".

Никаких объяснений; мы хотим удовлетворения; "требовать удовлетворения - значит отдавать императора на нашу милость".²³⁶⁰ Собрание, так жаждущее начать ссору, узурпирует право короля сделать первый шаг и официально объявляет войну, назначая дату.²³⁶¹ Теперь смерть брошена.

"Они хотят войны", - говорит император, - "и они ее получают".

Австрия немедленно заключает союз с Пруссией, которой, как и ей самой, угрожает революционная пропаганда.²³⁶² Забив тревогу, якобинцы, хозяева Собрания, добились

заклучения этого "чудовищного союза", и день ото дня эта тревога звучит все громче. Еще год, благодаря этой политике, и Франция будет иметь врагом всю Европу, а единственным другом - Алжирское регентство, чья внутренняя система правления примерно такая же, как и ее собственная.

IV.- Тайные мотивы лидеров.

Их контроль под угрозой из-за мира.- Недовольство богатых
недовольство богатых и культурных слоев населения.- Формирование и усиление партии
король и эта партия примирились.

За их карманьолами²³⁶³ мы можем разглядеть замысел, о котором они заявят позже.

"Нам всегда мешала конституция, - скажет Бриссо, - и ничто, кроме войны, не могло уничтожить конституцию "²³⁶⁴.

Дипломатические обиды, которые они выставляют напоказ, - это просто предлог; если они призывают к войне, то только для того, чтобы свергнуть раздражающий их правовой порядок вещей; их истинная цель - завоевание власти, вторая внутренняя революция, применение их системы и окончательное установление равенства. -За ними скрывается самый политичный и абсолютный из теоретиков, человек, "чье великое искусство состоит в том, чтобы достигать своих целей, не показывая себя, готовить других к дальновидным взглядам, о которых они не подозревают, и в том, чтобы мало говорить на публике и действовать втайне".²³⁶⁵ Этот человек - Съез, "руководитель всего, не желающий, кажется, руководить ничем".²³⁶⁶ Увлеченный, как Руссо, своими собственными спекуляциями, но беспринципный и дальновидный, как Маккиавелли, в выборе практических средств, он был, есть и будет в решающие моменты консультантом радикальной демократии.

"Его гордость не терпит превосходства. Он требует упразднить дворянство, потому что он не дворянин; поскольку он не обладает всем, он уничтожит все. Его основополагающая доктрина для укрепления революции заключается в том, что необходимо изменить религию и сменить династию".

При сохранении мира все это было невозможно; кроме того, восхождение партии было поставлено под угрозу. Целые классы, придерживавшиеся партии, когда она подняла восстание против привилегированных, откололись от нее теперь, когда восстание было направлено против них; среди мыслящих людей и среди тех, кто имел собственность, большинство испытывало отвращение к анархии, а также отвращение к ее пособникам. Многие администраторы, магистраты и чиновники, недавно избранные, громко жаловались на то, что их власть подчиняется толпе. Многие земледельцы, фабриканты и купцы молча возмущались тем, что плоды их труда и экономии отдаются на откуп грабителям и неимущим. Торговцам мукой в Этампе было трудно не осмеливаться высылать свою пшеницу, быть вынужденными снабжать покупателей по ночам, дрожать в собственных домах и знать, что,

выйдя на улицу, они рискуют [жизнью2367](#). Оптовым бакалейщикам в Париже было тяжело видеть, как в их склады вторгаются, как разбивают окна, как мешки с кофе и коробки с сахаром, оцененные по низкой цене, рассовывают и уносят старые каргами или берут безвозмездно мошенники, которые бегут и продают их на другом конце [улицы2368](#). Во всех местах семьям старой буржуазии, прежде видным людям в каждом городе и деревне, выдающимся в каждом искусстве, профессии или ремесле, солидным и обеспеченным людям, словом, большинству людей, имевших хорошую крышу над головой и хорошее пальто на спине, было тяжело терпеть незаконное господство толпы, возглавляемой несколькими сотнями или десятками ораторов и поджигателей. - Уже в начале 1792 года это недовольство было настолько велико, что о нем заявляли на трибуне и в прессе. [Иснар2369](#) выступал против "этого множества крупных собственников, этих пышных купцов, этих надменных, богатых особ, которые, выгодно расположившись в общественном амфитеатре, не желают, чтобы их места были изменены". Буржуазия, - писал [Петион2370](#), - этот многочисленный класс, свободный от всякого беспокойства, отделяет себя от народа; она считает себя выше его, ... он - единственный объект ее недоверия. Его повсюду преследует одна мысль, что революция - это война между теми, кто имеет, и теми, кто не имеет". Он воздерживается от участия в выборах, держится в стороне от патриотических клубов, требует восстановления порядка и законности, объединяет вокруг себя "множество консервативных, робких людей, для которых спокойствие - главная необходимость", и особенно, что еще более серьезно, обвиняет в беспорядках их истинных авторов. С подавляемым негодованием и массой неоспоримых доказательств Андре Шенье, человек чувства, выступает посреди молчаливой толпы и открыто срывает маску с якобинцев.[2371](#) Он выводит на чистую воду повседневный софизм, с помощью которого толпа, "несколько сотен бездельников, собравшихся в саду или в театре, нагло именуется народом". Он изображает те "три или четыре тысячи узурпаторов национального суверенитета, которых их ораторы и писатели ежедневно одурманивают более грубым фимиамом, чем любое преклонение перед худшим из деспотов"; те собрания, где "бесконечно малое число французов кажется большим, потому что они объединяются и кричат;", этот парижский клуб, из которого честные, трудолюбивые, умные люди один за другим выходили, чтобы уступить место интриганам в долгах, людям с запятнанной репутацией, лицемерам патриотизма, любителям пошуметь, загубленным талантам, испорченным интеллектам, изгоям всех видов и степеней, которые, не имея возможности вести собственные дела, возмещают себе ущерб, управляя делами общества. Он показывает, как вокруг центральной фабрики и ее двенадцатисот филиалов восстания, двенадцатисот аффилированных клубов, которые, "держа друг друга за руки, образуют своего рода электрическую цепь вокруг всей Франции" и дают ей толчок при каждом прикосновении из центра; их конфедерация, установленная и возведенная на престол, является не только государством в государстве, но скорее суверенным государством в вассальном государстве; призывая их административные органы к своей адвокатуры, судебные вердикты отменяя благодаря их вмешательству, частных лиц разыскивая, оценивая и осуждая благодаря их вердиктам. Все это представляет собой постоянную, систематическую защиту неповиновения и бунта, поскольку "под именем скопидомства и монополии торговля и промышленность описываются как проступки", собственность расшатывается, каждый богатый человек становится подозрительным, "талант и честность замалчиваются". Короче говоря, против общества составлен общественный заговор во имя самого общества, "в то время как священный символ свободы используется как печать", чтобы освободить от наказания нескольких тиранов. Такой протест выражал вслух то, что большинство французов бормотали про себя, и из месяца в месяц более серьезные эксцессы вызывали все большее осуждение.

"Анархия [существует](#)²³⁷² в такой степени, которую едва ли можно себе представить, - писал посол Соединенных Штатов. Ужас и страх, которые повсеместно внушают развратные ассоциации, таковы, что есть основания полагать, что огромная масса французского населения сочла бы благом даже деспотизм, если бы он сопровождался такой безопасностью для людей и имущества, которая наблюдается даже при самых худших правительствах Европы".

Другой наблюдатель, не менее [компетентный](#)²³⁷, заявляет:

"Я вижу, что, когда Людовик XVI окончательно пал духом, у него было больше сторонников во Франции, чем за год до этого, во время его бегства в Варенн".

Истинность этого, действительно, часто подтверждалась в конце 1791 и начале 1792 года различными [расследованиями](#)²³⁷⁴. "Восемнадцать тысяч офицеров всех классов, избранных конституционалистами, семьдесят одна администрация департамента из восьмидесяти двух, большинство [трибуналов](#)²³⁷⁵, все торговцы и промышленники, все начальники и большая часть Национальной гвардии Парижа", - словом, элита нации, а среди граждан вообще подавляющее большинство, живших изо дня в день, были за него, и за "правых" Собрания против "левых". Если бы внутренние проблемы не были осложнены внешними трудностями, мнение изменилось бы, и король ожидал этого. Принимая конституцию, он думал, что ее недостатки выявятся в ходе практического применения и приведут к реформе. Между тем он неукоснительно соблюдал Конституцию и, руководствуясь как интересами, так и совестью, досконально выполнял свою клятву. "Самое верное исполнение Конституции, - сказал он одному из своих министров, - это самый верный способ заставить нацию увидеть изменения, которые следует в ней произвести".²³⁷⁶ Иными словами, он полагался на опыт, и весьма вероятно, что если бы опыту ничто не мешало, его расчеты в конце концов сделали бы выбор между защитниками порядка и подстрекателями беспорядков. Он решил бы за магистратов против клубов, за полицию против бунтовщиков, за короля против толпы. Еще через год или два оно узнало бы, что восстановление исполнительной власти необходимо для обеспечения исполнения законов; что начальник полиции со связанными руками не может исполнять свои обязанности; что, несомненно, разумно отдавать ему приказы, но для того, чтобы он мог быть полезен в борьбе с дураками и глупцами, его руки должны быть сначала освобождены.

V.- Влияние войны на простой народ.

Ее тревоги и ярость.- Вторая революционная вспышка и ее особенности.-Союз жирондистов с мафией.-Красная шапочка и пики.-Всеобщая замена власти силой на власть закона.

С войной все наоборот: меняется аспект вещей, и альтернатива становится другой. Это уже не выбор между порядком и беспорядком, а между новым и старым режимом, ибо за иностранными противниками на границе стоят эмигранты. Беспорядок ужасен, особенно среди низших классов, которые в основном несли на себе всю тяжесть старого режима; среди миллионов людей, живущих в поте лица своего, ремесленников, мелких фермеров, метерей, поденщиков и солдат, а также контрабандистов соли и других товаров, браконьеров, бродяг, нищих и полунищих, которые, облагаемые налогами, грабежами и жестоким обращением на протяжении веков, вынуждены терпеть от отца к сыну нищету, угнетение и презрение. Они на собственном опыте знают разницу между их прежним и нынешним состоянием. Им достаточно опираться на личные знания, чтобы воскресить в своем воображении огромные королевские, церковные и сеньориальные налоги, прямой налог в восемьдесят один процент, судебных приставов, конфискации и земледельческую службу, инквизицию акцизников, инспекторов по соляному и винному налогу (*rats de cave*) и егерей, разорение диких птиц и голубей, поборы сборщика и его клерка, задержки и пристрастия в отправлении правосудия, грубость и жестокость полиции, пинки и подзатыльники констеблей, нищие несчастные, собранные как кучи грязи и нечистот, распущенность, скученность, грязь и голод в тюрьмах.²³⁷⁷ Им нужно просто открыть глаза, чтобы увидеть свое огромное избавление; все прямые и косвенные налоги за последние два года отменены или практически подавлены, пиво по два пенни за горшок, вино по шесть, голуби в их мясных сундуках, дичь на их вертелах, древесина национальных лесов на их чердаках, жандармерия робкая, полиция отсутствует, во многих местах урожай полностью принадлежит им, владелец не смеет требовать свою долю, судья избегает осуждения, констебль отказывается вручать им бумаги, привилегии восстановлены в их пользу, государственные власти уступают толпе и уступают их требованиям, остаются спокойными или безоружными перед лицом их проступков, их бесчинства оправдывают или терпят, их превосходный здравый смысл и глубокое чувство восхваляются в тысячах речей, пиджак и блуза считаются символами патриотизма, а превосходство в государстве провозглашается за *sans-culottes*²³⁷⁸ во имя их достоинств и их добродетелей. -А теперь им объявляют о низвержении всего этого, о союзе против них иностранных королей, об эмигрантах с оружием в руках, о неизбежном вторжении, о хорватах и пандурах в поле, о полчищах наемников и варваров, снова надвигающихся на них, чтобы заковать их в цепи.²³⁷⁹ ²³⁷⁹От мастерской до коттеджа прокатывается грозная вспышка гнева, сопровождаемая национальными песнями, обличающими козни тиранов и призывающими народ к оружию. Это вторая волна Революции, быстро нарастающая и ревущая, менее общая, чем первая, поскольку она несет с собой не больше, чем низший класс, но более высокая и гораздо более разрушительная.

Мало того, что масса, вырвавшаяся вперед, груба и неотесанна, ее одушевляет новое чувство, сила которого неисчислима, - плебейская гордость, гордость бедняка, подданного, который, внезапно возвысившись после долгих веков унижения, вкушает, далеко превосходя свои надежды и не стесняясь, прелести равенства, независимости и владычества. "Пятнадцать миллионов белых негров, - пишет Малле дю Пан,²³⁸⁰ хуже питающихся, более несчастных, чем жители Сен-Доминго, как и они, восставшие и освобожденные от всякой власти своим бунтом, привыкшие, как и они, за тридцать месяцев свободы, править всем, что осталось от их прежних хозяев, гордящиеся, как и они, восстановлением своей касты и ликующие в своих рогатых руках. Можно представить себе, как они приходят в ярость, услышав трубный звук, который пробуждает их, показывая на горизонте возвращающихся плантаторов, несущих с собой новые плети и более тяжелые

оковы? - Ничто не вызывает большего недоверия, чем подобные настроения в таких грудях - быстро встревоженных, готовых к удару, готовых к любому акту насилия, слепо доверяющих, с головой ушедших в свои дела, не только против реальных врагов снаружи, но сначала против воображаемых врагов внутри,²³⁸¹ но и против короля, министров, дворянства, священников, парламентариев, ортодоксальных католиков; против всех администраторов и магистратов, которые имеют неосторожность апеллировать к закону; против всех фабрикантов, купцов и владельцев собственности, которые осуждают беспорядки; против богачей, чей эгоизм удерживает их дома; против всех тех, кто хорошо обеспечен, воспитан и хорошо одет.

Все они под подозрением, потому что проиграли от нового режима или потому что не приняли его пути.^{2382 2382} Такова колоссальная скотина, которую жирондисты выводят на политическую арену. В течение шести месяцев они трясут перед ее глазами красными флагами, подстегивают ее, приводят в ярость и гонят вперед декретами и прокламациями,

- * против своих противников и против своих хранителей,
- * против дворян и духовенства,
- * против аристократов внутри Франции в соучастии с Кобленцем,
- * против "Австрийского комитета", пособника Австрии,
- * против короля, чью осторожность они превращают в предательство,
- * против всего правительства, которому они приписывают анархию, которую они возбуждают, и войну, зачинщиками которой они сами являются²³⁸³.

Перевозбужденный и перевернутый, пролетариат нуждается только в оружии и точке опоры. Жирондисты предоставляют и то, и другое. Благодаря поразительному совпадению, свидетельствующему о том, что план был согласован²³⁸⁴, они запускают три политических двигателя одновременно. Как раз в тот момент, когда своим преднамеренным сабельным бряцанием они сделали войну неизбежной, они изобрели народные знаки отличия и вооружили бедняков. В конце января 1792 года, почти в течение одной недели, они объявили Австрии свой ультиматум, используя установленный срок, приняли красную шерстяную шапочку и начали производство пик. Очевидно, что пики бесполезны в открытом поле против пушек и регулярной армии; поэтому они предназначены для использования внутри страны и в городах. Пусть национальный гвардеец, который может заплатить за свою форму, и активный гражданин, чьи три франка прямого налога дают ему привилегию, владеют своим оружием; стивидор, рыночный портье, жилец, пассивный гражданин, чья бедность не позволяет им голосовать, должны иметь свои пики, и в эти мятежные времена бюллетень не стоит хорошей пики, орудованной мускулистым оружием. - Мировой судья в мантии может выдать любую повестку, какую пожелает, но она будет засунута ему в глотку, и, чтобы он не сомневался в этом, его заставят узнать об этом заранее. "Революция началась с пик, пиками она и закончится".²³⁸⁵ "Ах, - говорят завсегдатаи сада Тюильри, - если бы у добрых патриотов с Марсова поля были такие пики, голубые кареты (гвардия Лафайета) не имели бы такой удачи!" - "Они должны быть использованы везде, где есть враги народа, вплоть до Шато, если таковые там найдутся!" Они преодолеют вето и добьются того, что Национальное собрание одобрит хорошие законы. Для этого фобур Сент-Антуан добровольно использует свои пики и, чтобы отметить их применение, жалуется, что "предпринимаются попытки заменить аристократию богатства всемогуществом наследственного ранга". Она требует "суровых мер против безрассудных лицемеров, которые с конституцией в руках

расправляются с народом". В нем заявляется, что "короли, министры и гражданские списки уйдут в прошлое, но права человека, национальный суверенитет и пики не исчезнут", и по приказу президента Национальное собрание благодарит петиционеров "за советы, к которым их побуждает их рвение".

Вожди Собрания и народ, вооруженный пиками, объединяются против богатых, против конституционалистов, против правительства, и отныне якобинские экстремисты маршируют бок о бок с жирондистами, оба примирились для атаки, но оставили за собой право на разногласия до победы.

"Цель [жирондистов](#)²³⁸⁶ - не республика по имени, а фактическая республика через сокращение гражданских списков до пяти миллионов, через урезание большинства королевских прерогатив, через смену династии, новый глава которой был бы чем-то вроде почетного президента республики, к которой они приставили бы исполнительный совет, назначенный Собранием, то есть самими собой". Что касается экстремистов-якобинцев, то у них мы не находим никаких принципов, кроме "строгого, абсолютного применения прав человека". С помощью такой хартии они стремятся менять законы и государственных служащих каждые шесть месяцев, распространить свой процесс нивелирования на все органы власти, на все юридические привилегии и на собственность. Единственный режим, которого они жаждут, - это демократия вздорного сброды... Самые гнусные орудия, профессиональные агитаторы, разбойники, фанатики, всякого рода негодяи, ожесточенные и вооруженные нищие, которые в диком беспорядке" маршируют для нападения на собственность и для "всеобщего грабежа", короче говоря, варвары города и страны, "которые формируют свою обычную армию и не покидают ее в бездействии ни на один день". - Под их всеобщей, согласованной и растущей узурпацией содержание власти полностью тает в руках законных властей; мало-помалу они сводятся к тщетным подделкам, в то время как от одного конца Франции до другого, задолго до окончательного краха, партия, как в провинциях, так и в Париже, подменяет, под предлогом общественной опасности, правительство силы правительством закона".

2301 ([возвращение](#))

["Меркюр де Франс", 24 сентября 1791 г. См. доклад М. Алкье (заседание 23 сентября)].

2302 ([возврат](#))

["Меркюр де Франс", 15 октября 1792 г. (договор с Англией был датирован 26 сентября 1786 г.). Там же, письмо мсье Уолша, начальника Ирландского колледжа, в муниципалитет Парижа. Те, кто использует кнуты, выходят из соседнего грот-шопа. Комиссар полиции, прибывший с национальной гвардией, "обращается к людям и обещает им удовлетворение", требуя от М. Уолша распустить всех, кто находится в часовне, не дожидаясь окончания мессы. Уолш ссылается на закон и договоры. Комиссар отвечает, что ничего не знает о договорах, а комендант национальной гвардии говорит тем, кто покидает часовню: "Во имя человеческой справедливости я приказываю вам следовать за мной в церковь Сент-Этьенн, или я оставлю вас народу"]].

2303 (возвращение)

["Французская революция", т. I. стр. 261, 263.-"Archives Nationales", F7, 3185 и 3186 (многочисленные документы о сельских волнениях в Эсне).- "Mercure de France", 5 и 26 ноября, 10 декабря 1791 г..- "Moniteur", X. 426 (22 ноября 1791 г.)].

2304 (возвращение)

["Moniteur", X. 449, 23 ноября 1791 г. (Официальный отчет экипажа "Амбуסקада" от 30 сентября). Капитан, М. д'Орлеан, находящийся на Ветреных островах, вынужден вернуться в Рошфор и задержан там на борту своего корабля: "Учитывая неопределенность его миссии и страх, что ему прикажут применить против братьев те же враждебные действия, за которые его уже осудили во всех клубах королевства, команда вынудила капитана вернуться во Францию"].

2305 (возвращение)

["Меркюр де Франс", 17 декабря, обращение колонистов к королю].

2306 (возврат)

[Moniteur, XIII. 200. Доклад Сотеро, 20 июля, о деле капрала Лебретона. (11 ноября 1791 г.)].

2307 (возврат)

[Сен-Уруж - первый тенор. Жюстина (садо-мазохистская книга де Сада) появляется в Пале-Рояле примерно в середине 1791 года. Там выставляют двух притворных дикарей, которые перед платной публикой возрождают обычаи Таити. ("Сувениры канцлера Паскье", изд. Plon, 1893)].

2308 (возврат)

["Меркюр де Франс", 5 ноября 1791 г. - Buchez et Roux, XII. 338. Доклад Петиона, мэра, 9 декабря 1791 г. "Все подразделения полиции находятся в состоянии полного запустения. Улицы грязны и завалены мусором; грабежи и всевозможные преступления возрастают до ужасающей степени". "Correspondance de M. de Staël" (рукопись), 22 января 1792 года. "Поскольку полиция почти бесполезна, свобода от наказаний, дополненная бедностью, приводит к беспорядкам"].

2309 (возврат)

["Moniteur", XI. 517 (заседание от 29 февраля 1792 г.). Речи де Ласепада и де Мюло].

2310 (обратно)

[Lacretelle, "Dix ans d'Epreuves". "Я не знаю более мрачного и удручающего момента, чем промежуток между отъездом Национального собрания 10 августа и отъездом 2 сентября"].

2311 (возвращение)

["Меркюр де Франс", 3 сентября 1791 г., статья Малле дю Пана].

2312 (обратно)

[Moniteur, XI. 317 (заседание от 6 февраля 1792 г.). Выступление министра М. Кахье. "Многие из эмигрантов принадлежат к классу, который раньше называли Третьим сословием. С их стороны нельзя предположить никаких причин для эмиграции, кроме религиозных тревог"].

2313 (возвращение)

[Указ от 9 ноября 1791 года. Первый указ, по-видимому, был направлен только против вооруженных сборищ на границе. Однако из дебатов мы видим, что он затрагивает всех эмигрантов. Декреты от 9 февраля и 30 марта 1792 года касаются всех без исключения" - "Correspondance de Mirabeau et du Comte de la Marck", III. 264 (письмо М. Пелленка от 12 ноября 1791 г.) "Декрет (против эмигрантов) был подготовлен в комитете; ожидалось, что эмигранты вернутся, но их боялись. Опасались, что дворяне, связанные с неприсягнувшими священниками в сельских округах, могут усилить сопротивление. Принятый указ казался наиболее подходящим для того, чтобы удержать эмигрантов за границей"].

2314 (возврат)

[Декрет от 1 февраля 1792 г. - Moniteur, XI. 412 (заседание 17 февраля). Речь Гупийо. "После декрета Национального собрания о паспортах эмиграция удвоилась". Люди, очевидно, бежали из Франции, как из тюрьмы].

2315 (возвращение)

[Декреты от 18 июня и 25 августа.]

2316 (возврат)

[Декрет от 19 июня.- Moniteur, XIII. 331. "Во исполнение закона... во вторник, 7 августа, на Вандомской площади в 2 часа будут сожжены: во-первых, 600, более или менее, папок с бумагами, составляющими последние генеалогические коллекции, титулы и свидетельства о дворянстве; во-вторых, около 200 папок, составляющих часть труда, состоящего из 263 томов, об ордене Святого Духа"].

2317 (возврат)

[Указ от 29 ноября 1791 года. (Этого декрета нет в коллекции Дювержье~) - Moniteur, XII. 59, 247 (заседания 5 и 28 апреля 1792 г.)].

2318 (возврат)

[В Якобинском клубе Лежандр предлагает гораздо более оперативную меру для избавления от священников. "В Бресте, - говорит он, - есть лодки, которые называются "Мари-Салоп" и устроены так, что, будучи нагружены грязью, они сами выходят из гавани. Давайте устроим

подобный порядок для священников; но вместо того, чтобы отправлять их из гавани, давайте отправим их в море и, если нужно, пустим ко дну". ("Journal de Amis de la Constitution", № 194, 15 мая 1792 г.)).

2319 (возврат)

["Moniteur", XII. 560 (указ от 3 июня)].

2320 (возврат)

[Декреты от 19 июля и 4 августа, дополненные декретами от 16 и 19 августа].

2321 (возврат)

[Moniteur, XII. 59, 61 (заседание от 3 апреля); X. 374 (заседание от 13 ноября; XII 230), (заседание от 26 апреля); последнее цитируемое предложение было произнесено Франсуа де Нантом].

2322 (возвращение)

["Moniteur", XI. 43 (заседание от 5 января, речь Иснара)].

2323 (возврат)

[Moniteur, XI. 356 (заседание от 10 февраля)].

2324 (возвращение)

[Moniteur, XI. 230 (заседание от 26 апреля)].

2325 (обратно)

[Когда я был ребенком, социалисты и т. д. заменили аристократию капиталистами, и сегодня, во Франции, когда капиталисты в значительной степени исчезли, многие беды вызваны "патронатом". (SR).]

2326 (возвращение)

["Moniteur" (заседание от 22 июня)].

2327 (возврат)

[Слова Бриссо ("Патриот Франсэ"), № 887.- Письмо, адресованное 5 января Брестскому клубу господами Кавалье и Малассисом, депутатами Национального собрания: "Что касается дела съера Лажайля, то, хотя мы и проявили бы к нему интерес, этот украшенный аристократ заслужил то, что получил... Мы не будем бездействовать, пока все эти предатели, эти лжесвидетели, которых мы так долго щадили, не будут истреблены" (Mercure de France, 4

февраля).- Это дело Жайе - одно из самых поучительных, и оно лучше всего подтверждается документами (Mercure de France, 10 декабря "Archives Nationales", F7, 3215, официальный отчет окружных администраторов и муниципальных чиновников Бреста, 27 ноября 1791 г. - Письмо М. де Мариньи, комиссара флота, в Брест, 28 ноября - Письма М. де ла Жайля и т.д. - М. де ла Жайль, посланный в Брест, чтобы принять командование над "Дюгай-Труэн", прибывает туда 27 ноября. Во время ужина в комнату входят двадцать человек и объявляют ему "от имени многих других", что его присутствие в Бресте создает неприятности, что он должен уехать и что "ему не позволят принять командование судном". Он отвечает, что покинет город, как только закончит свой ужин. За ним следует другая депутация, более многочисленная, чем первая, и настаивает на его немедленном отъезде; они выступают в качестве его эскорта. Он подчиняется, его ведут к городским воротам, и там эскорт покидает его. Толпа нападает на него, и "тело его покрыто ушибами". С большим трудом его спасают шесть храбрецов, один из которых - торговец свининой, посланный пустить ему кровь на месте". "Это восстание вызвано дополнительным собранием "Друзей конституции", которое состоялось накануне вечером в театре и на которое была приглашена публика". Месье де ла Жайль, надо сказать, не гордый аристократ, а здравомыслящий человек, в стиле героев Флориана и Беркена. Но, только что избитый до состояния студня, он пишет президенту "Друзей конституции", что, "если бы он мог влететь в лоно клуба, он бы с радостью сделал это, чтобы передать ему свои благодарные чувства. Он принял командование только по просьбе американцев в Париже и шести комиссаров, недавно прибывших из Сен-Доминго" - "Меркюр де Франс", 14 апреля, статья Малле дю Пана "Я тщетно просил закон отомстить убийцам месье де ла Жайе. Имена авторов этого нападения при свете дня, свидетелями которого могут быть тысячи людей, известны всем в Бресте. Приказ о возбуждении дела был отдан и начат, но исполнение приказа приостановлено. Более могущественные, чем закон, ходатаи, покровители убийц, запугивают или парализуют его служителей"]].

2328 (возвращение)

["Меркюр де Франс", 12 ноября (заседание от 31 октября 1792 г.)].

2329 (возврат)

[Декрет от 8 февраля и другие подобные ему, касающиеся деталей, как, например, декрет от 7 февраля].

2330 (обратно)

[9 апреля, в Якобинском клубе, президент Верньо приветствует и хвалит осужденных из Шато-Вье].

2331 (обратно)

[Мортимер-Терно, кн. I, т. I (особенно заседание 15 апреля)].

2332 (обратно)

[Комтат (или комтат Венаиссен) древняя область во Франции, находившаяся под папской властью с 1274 по 1791 г. (СР)].

2333 (обратно)

[Moniteur, XII. 335.- Декрет от 20 марта (триумфальное вступление Журдана и его соратников относится к следующему месяцу)].

2334 (возврат)

[Moniteur, XII. 730 (заседание от 23 июня)].

2335 (возврат)

[Moniteur, XII. 230 (заседание от 12 апреля)].

2336 (возвращение)

[Moniteur. XI. 6, (заседание от 6 марта)].

2337 (возвращение)

[Moniteur, XI. 123, (заседание от 14 января)].

2338 (возврат)

[150 лет спустя эти права были записаны в Международной декларации прав человека, принятой в Париже в 1948 году. (SR)].

2339 (возврат)

["Меркюр де Франс", 23 декабря (заседание от 23 декабря), с.98].

2340 (возврат)

[Moniteur, X. 178 (сессия от 20 октября 1791 г.). Информация, предоставленная депутатами департаментов Верхний и Нижний Рейн. Кох говорит: "Армии эмигрантов никогда не существовало, если не считать мелкого сблища, которое имело место в Эттенхайме, в нескольких лье от Страсбурга... (Этот отряд) расположился в палатках, но только потому, что ему не хватало казарм и домов" - М.-, наместник нижнего Рейна, говорит: "Эта армия в Эттенхайме состоит примерно из пяти или шести сотен плохо одетых, полуоплачиваемых людей, дезертиров всех наций, спящих в палатках, за неимением другого жилья, и вооруженных дубинками, за неимением огнестрельного оружия и дезертирующих каждый день, потому что денег становится все меньше. Вторая армия, в Вормсе, под командованием Конде, состоит из трехсот джентльменов и стольких же камердинеров и конюхов. Я должен добавить, что письма, которые доходят до меня из Страсбурга, содержащие выдержки из внутренней информации из Франкфорта, Мюнхена, Регенсбурга и Вены, сообщают о самых мирных намерениях различных дворов с момента получения уведомления о покорности короля". Число вооруженных эмигрантов увеличивается, но всегда остается очень небольшим (Moniteur, X. 678, письмо очевидца М. Делатуша от 10 декабря). "Я полагаю, что

число эмигрантов, рассеянных по территориям великого герцога Баденского, епископа Шпирского, курфюрстов и т. д., составляет едва ли 4 000 человек"].

2341 (возвращение)

["Moniteur", X. 418 (заседание от 15 ноября 1791 г.). Доклад министра Делессара. В августе император издал приказ запретить призыв в армию и выслать из страны всех французов, находящихся под подозрением; также в октябре выслать французов, которые составляли слишком многочисленную группу в Ат и Турнэ (сейчас в Бельгии) -Buche et Roux, XII. 395, требования короля, 14 декабря, -Ibid., XIII. 15, 16, 19, 52, полное удовлетворение, данное курфюрстом Тревским 1 января 1792 г., сообщенное Собранию 6 января; публикация распоряжений курфюрста в курфюршестве 3 января. Французский посланник сообщает, что они полностью выполнены, о чем сообщается Собранию 8, 16 и 19 января. - "Correspondance de Mirabeau et M. de la Marck", III.287. Письмо М. де Мерси-Аржанто от 9 января 1792 года. "Император обещал помощь курфюрсту, но с оговоркой, что для начала он должен уступить требованиям французов, поскольку в противном случае ему не будет оказана помощь в случае нападения"].

2342 (возвращение)

[Mallet du Pan, "Mémoires", I. 254 (февраль 1792 г.). - "Correspondance de Mirabeau et du M. de la Marck", III. 232 (записка мсье де Бакура). В самый день и в момент подписания договора в Пильнице, в одиннадцать часов вечера, император Леопольд писал своему премьер-министру М. де Кауницу, "что конвенция, которую он только что подписал, в действительности ни к чему его не обязывает; что она содержит лишь незначительные заявления, вымогаемые графом д'Артуа". В заключение он заверяет его, что "ни он сам, ни его правительство ни в коей мере не связаны этим документом"].

2343 (возвращение)

[Слова М. де Кауница, 4 сентября 1791 г. ("Recueil", Vivenot, I. 242)].

2344 (обратно)

["Moniteur", XI. 142 (заседание от 17 января). - Речь М. Делессара. - Обвинительный декрет против него 10 марта. - Объявление войны 20 апреля. - О реальных намерениях короля см. Malouet, "Malouet, Mémoires" II. 199-209; Лафайет, "Mémoires", I. 441 (прим. 3); Бертран де Моллеви́ль, "Mémoires", VI. 22; губернатор Моррис, II. 242, письмо от 23 октября 1792 г.].

2345 (возвращение)

["Moniteur", X. 172 (заседание от 20 октября 1791 г.). Речь Бриссо... Лафайет, I. 441. "Именно жирондисты в это время хотели войны любой ценой" -Malouet, II. 209. "Как впоследствии хвастался Бриссо, именно республиканская партия хотела войны и спровоцировала ее, оскорбив все державы"].

2346 (возвращение)

[Buche et Roux, XII. 402 (заседание Якобинского клуба, 28 ноября 1791 г.).]

2347 (обратно)

[Густав III, король Швеции, убитый Анкерстремом, говорит: "Я хотел бы знать, что скажет Бриссо"].

2348 (обратно)

[О предшественниках Бриссо см. Edmond Biré, "La Légende des Girondins". Лично Бриссо был честен и оставался бедным. Но он прошел через много грязи и носил на себе ее следы. Он содействовал распространению непристойной книги "Погибший в семье", а в 1783 году, получив 13 355 франков на основание лицея в Лондоне, не только не основал его, но и не смог вернуть деньги].

2349 (возврат)

["Moniteur", XI. 147. Речь Бриссо, 17 января. Примеры, у кого он заимствует авторитет: Карл XII., Людовик XIV., адмирал Блейк, Фридрих II. и т. д.].

2350 (обратно)

[Moniteur. X. 174. "Это венецианское правительство, которое есть не что иное, как фарс... Эти мелкие немецкие князьки, чья наглость в прошлом веке была подавлена деспотизмом... Женева, этот атом республики... Этот епископ Льежский, чье иго склоняет народ, который должен быть свободным... Я не решаюсь говорить о других князьях... Король Швеции, имеющий всего двадцать пять миллионов дохода и тратящий две трети из них на скудное жалование армии генералов и небольшого числа недовольных солдат... Что касается этой принцессы (Екатерины II), чья неприязнь к французской конституции хорошо известна, и которая выглядит примерно так же хорошо, как Елизавета, то она не может рассчитывать на больший успех, чем Елизавета в голландской революции". (В этом последнем отрывке Бриссо пытается показаться одновременно остроумным и начитанным)].

2351 (возвращение)

[Письмо Ролана королю, 10 июня 1792 г., и письмо исполнительного совета папе, 25 ноября 1792 г. Письмо мадам Ролан к Бриссо, 7 января 1791 года. "Коротко, прощайте. Жене Катона нет нужды развлекать себя комплиментами Бруту"].

2352 (возвращение)

[Buche et Roux, XII. 410 (заседание якобинского клуба, 10 декабря 1791 г.). "Людовик XIV объявляет войну Испании, потому что его посол был оскорблен испанским послом. А мы, свободные, могли бы колебаться хоть мгновение!"].

2353 (возвращение)

["Moniteur", X, 503 (заседание от 29 ноября). Ассамблея приказывает напечатать эту речь и распространить в департаментах].

2354 (возврат)

[Moniteur, X. 762 (сессия от 28 декабря).

2355 (возврат)

[Moniteur, XI. 147, 149 (заседание от 17 января); X. 759 (заседание от 28 декабря)] 2355 (возврат) ["Moniteur", X. 762 (заседание от 28 декабря)]. 10 декабря он уже заявил в Якобинском клубе: "Народ, завоевавший свободу после десяти веков рабства, нуждается в войне. Война необходима ему для консолидации". (Buche et Roux, XII. 410).- 17 января на трибуне он снова повторяет: "У меня есть только один страх, и он заключается в том, чтобы у нас не было войны"]].

2356 (возвращение)

[Moniteur, XI. 119 (заседание от 13 января). Речь Генсонне от имени дипломатического комитета, докладчиком которого он является].

2357 (возвращение)

[Moniteur, XI. 158 (заседание 18 января). Ассамблея приказывает напечатать эту речь].

2358 (возврат)

[Moniteur, XI. 760 (сессия от 28 декабря).

2359 (возвращение)

[Moniteur, XI. 149 (заседание 17 января). Речь Бриссо].

2360 (обратно)

[Moniteur, XI. 178 (заседание 20 января). Фоше предлагает следующий декрет: "Все фактически существующие частичные договоры объявляются недействительными. Национальное собрание заменяет их союзами с англичанами, англо-американцами, швейцарцами, поляками и голландцами, пока они будут свободны. Когда другие народы захотят получить наш союз, им достаточно будет завоевать свою свободу, чтобы получить его. Между тем это не помешает нам иметь с ними отношения, как с добродушными дикарями... Давайте займем города по соседству, которые слишком приближают к нам наших противников... Майенс, Кобленц и Вормс вполне достаточны" -Ibid., p.215 (заседание от 25 января). Один из членов, опираясь на авторитет Гелона, короля Сиракуз, предлагает дополнительную статью: "Мы заявляем, что не сложим оружия, пока не установим свободу всех народов". Эти глупости показывают умственное состояние партии якобинцев].

2361 ([возвращение](#))

[Декрет принят 25 января. Союз между Пруссией и Австрией заключается 7 февраля (De Bourgoing, "Histoire diplomatique de l'Europe pendant la Révolution Française", I. 457)].

2362 ([возвращение](#))

[Albert Sorel, "La Mission du Comte de Ségur à Berlin" (опубликовано в Temps, 15 октября 1878 г.). Депеша мсье де Сегюра мсье Делессару, 24 февраля 1792 г. "Граф Шулембург повторил мне, что у них нет никакого желания вмешиваться в нашу конституцию. Но, сказал он с необыкновенным оживлением, мы должны беречься от гангрены. Пруссия, пожалуй, та страна, которая должна бояться ее меньше всего; тем не менее, как бы ни был удален гангренозный член, лучше его отрезать, чем рисковать жизнью. Как можно рассчитывать на спокойствие, когда тысячи писателей каждый день... мэры, чиновники, оскорбляют королей и публикуют, что христианская религия всегда поддерживала деспотизм, что мы станем свободными, только уничтожив его, и что все князья должны быть истреблены, потому что все они тираны?"]

2363 ([возвращение](#))

[Популярная джига этих революционных времен, которую танцуют на улицах и площадях.]

2364 ([обратно](#))

[Buchez et Roux, XXV. 203 (заседание от 3 апреля 1793 года). Речь Бриссо.-Там же, XX. 127. "Всем республиканцам Франции от Бриссо", 24 октября 1792 года. "Объявляя войну, я имел в виду отмену королевской власти". В этой связи он ссылается на свою речь от 30 декабря 1791 года, где он говорит: "Я боюсь только одного, а именно того, чтобы нас не предали. Нам нужно предательство, ибо сильные дозы яда все еще существуют в сердце Франции, и необходимы сильные взрывы, чтобы очистить его"].

2365 ([возвращение](#))

[Малле дю Пан, "Mémoires", I. 260 (апрель, 1792) и I. 439 (июль, 1792)].

2366 ([обратно](#))

[Любой революционный лидер, от Ленина, Сталина до Андропова, может подтвердить преимущество тайных действий. (СР)].

2367 ([обратно](#))

["Французская революция", I. 262 и последующие страницы].

2368 ([обратно](#))

["Buchez et Roux", XIII. 92-99 (январь, 1792); (февраль).-Coral, "Lettres inédites", 33. (В один из

этих дней, из любопытства, он прошел до улицы Ломбардов). "Будучи свидетелем такой вопиющей несправедливости и возмущенный тем, что не смог схватить ни одного из воров, которые бегали по улице, нагруженные сахаром и кофе, чтобы снова их продать, я вдруг почувствовал лихорадочный озноб во всем теле". (Письмо не датировано. Редакторы предполагают, что это был 1791 год. Я скорее думаю, что это был 1792 год)].

2369 (возвращение)

["Moniteur", XI. 45 и 46 (заседание от 5 января). Следует прочесть всю речь Иснара].

2370 (возврат)

["Buche et Roux", XIII. 177. Письмо Петиона от 10 февраля].

2371 (обратно)

[Buche et Roux, XIII. 252. Письмо Андре Шенье, в "Journal de Paris", 26 февраля. Шмидт, "Tableaux de la Révolution Française", I. 76. Ответ Директории департамента Сены на циркуляр Ролана, 12 июня 1792 года. Здесь четко обозначен контраст между двумя классами. "Мы не прибегали к этим собраниям людей, в большинстве своем иностранцев, для выяснения мнения народа, среди врагов труда и покоя, стоящих сами по себе и не имеющих участия в общих интересах, уже склонных к пороку из-за праздности и предпочитающих риск беспорядков почетным ресурсам нищеты. Этот класс людей, всегда многочисленный в больших городах, - тот, чьи шумные речи заполняют улицы, площади и скверы столицы, тот, кто возбуждает смуту, тот, кто постоянно поощряет анархию и презрение к законам, тот, в общем, чей шум, далекий от отражения общественного мнения, указывает на крайние усилия, предпринятые для предотвращения выражения общественного мнения... Мы изучили мнение парижского народа среди тех полезных и трудолюбивых людей, которые горячо привязаны к государству на всех этапах своего существования через все предметы своей привязанности, среди владельцев собственности, земледельцев, торговцев и рабочих... Неизменная привязанность... к конституции, и главным образом к национальному суверенитету, к политическому равенству и конституционной монархии, которые являются ее важнейшими характеристиками и почти единодушным настроением"].

2372 (возвращение)

[Губернатор Моррис, письмо от 20 июня 1792 г.].

2373 (обратно)

["Сувениры" Паскье (Этьен-Деннис, герцог), канцлер Франции. в VI томах, Librairie Plon, Paris 1893. Том I. стр. 84].

2374 (обратно)

[Malouet, II. 203. "Каждое донесение, поступавшее из провинций, сообщало (королю и королеве) о заметном улучшении общественного мнения, которое становилось все более и более извращенным. То, что доходило до них, оставалось незатронутым, в то время как

мнения клубов, таверн и уличных перекрестков приобретали огромную силу, и близилось время, когда другой власти не должно было быть". Приведенные выше цифры принадлежат Малле дю Пану, "Mémoires", II. 120.]

2375 (возвращение)

["Moniteur", XII. 776 (заседание 28 июня). Речь М. Ламарка в окружном суде: "Инцивизм окружных судов в целом хорошо известен"]].

2376 (возвращение)

[Бертан де Моллевиль, "Mémoires", VI. 22.- Получив вышеупомянутые указания от короля, Бертран обращается к королеве, которая делает то же замечание: "Не кажется ли вам, что верность клятве - это единственный план, которого следует придерживаться?" "Да, мадам, безусловно". "Очень хорошо; будьте уверены, мы не дрогнем. Идемте, мсье Бертран, наберитесь мужества; я надеюсь, что благодаря твердости, терпению и тому, что из этого выйдет, еще не все потеряно"]].

2377 (возвращение)

[М. де Лавалетт, "Mémoires", I. 100.- Лавалетт в начале сентября 1792 года записывается в добровольцы и отправляется в путь вместе с двумя друзьями, неся на спине рюкзак, одетый в короткое платье и фуражную шапку. О настроениях крестьянства говорит следующее: В деревне изготовителей деревянных башмаков, расположенной недалеко от Вермантона (в окрестностях Осена), "за два дня до нашего прибытия епископ и два викария, уезжавшие в карете, были остановлены ими. Они порылись в машине, нашли несколько сотен франков и, чтобы не возвращать их, сочли за лучшее расправиться с их несчастными владельцами. Такое занятие показалось этим добрым людям более прибыльным, чем другое, и они стали следить за всеми путниками". Трех добровольцев останавливает маленький горбоносый чиновник и ведет в муниципалитет, что-то вроде рынка, где у них читают паспорта и собираются проверить рюкзаки. "Мы заблудились, когда д'Обонн, очень высокий, вскочил на стол... и начал залп ругательств и рыночного жаргона, который застал его слушателей врасплох. Вскоре он поднял свой стиль и заговорил в патриотических выражениях: свобода, суверенитет народа, с такой яростью и таким громким голосом, что внезапно произошла большая перемена и грянули аплодисменты. Но на этом безумец не остановился. Приказав Леклерку де ла Ронде вскочить на стол, он обратился к собравшимся: "Вы увидите, не являемся ли мы парижскими республиканцами. А теперь, сударь, произнесите ваш республиканский катехизис: "Что такое Бог? Что такое народ? И что такое король?" Его друг, с видом раскаяния и носовым тоном голоса, кривляясь, как арлекин, отвечает: "Бог - это материя, народ - это бедняки, а король - это лев, тигр, слон, который разрывает на куски, пожирает и раздавливает народ" - "Они больше не могли сдерживаться. Крики, вопли и энтузиазм были беспредельны. Они обхватывали актеров, обнимали их и уносили прочь. Каждый стремился утащить нас с собой домой, и мы пили все подряд"]].

2378 (возвращение)

[Читатель не раз встретит французское выражение sans-culottes в книге Тейна или любой другой книге о французской революции. Дворяне носили что-то вроде бриджей,

заканчивающихся под коленом, а плотные длинные чулки, пристегивающиеся к брюкам, обнажали икры. Мужская нога была таким же важным украшением для дворян, как и для женщин в XX веке. Бедняки, напротив, носили грубые длинные штаны, в основном без складок, часто без носков или обуви, летом босиком, а зимой в деревянных башмаках. (SR).]

2379 (возвращение)

[Песня "Veillons au salut de l'empire" относится к концу 1791 года. Марсельеза" была сочинена в апреле 1792 года].

2380 (возврат)

["Меркюр де Франс", 23 ноября 1791 г.].

2381 (обратно)

[Филипп де Сегюр, "Мемуары", I. (в Френе, деревне, расположенной примерно в семи лье от Парижа, через несколько дней после 2 сентября 1792 г.). "Группа этих демагогов преследовала одного крупного здешнего фермера, которого подозревали в роялизме и осуждали как монополиста, потому что он был богат. Эти безумцы схватили его и, без всякого другого суда, уже собирались покончить с ним, когда к ним подбежал мой отец. Он обратился к ним, да так удачно, что их ярость сменилась не менее преувеличенным энтузиазмом гуманизма. Окрыленные новым чувством, они заставили бедного фермера, все еще бледного и дрожащего, которого они только что собирались повесить на ветвях дерева, пить и танцевать вместе с ними вокруг дерева свободы"].

2382 (возвращение)

[Lacretelle, "Dix ans d'Epreuves", 78. "Жирондисты хотели создать римский народ из отбросов Ромула и, что еще хуже, из разбойников 5 октября"].

2383 (возврат)

[Эти страницы, должно быть, произвели сильное впечатление на Ленина, когда он читал их в Национальной библиотеке в Париже около 1907 года. (CP)].

2384 (обратно)

[Лафайет, I. 442. "Жирондисты искали в войне возможность с выгодой для себя атаковать конституционалистов 1791 года и их учреждения" - Бриссо (Обращение к моим избирателям). "Мы искали в войне возможность расставить ловушки для короля, разоблачить его недобросовестность и его отношения с принцами-эмигрантами" -Moniteur, (заседание 3 апреля 1793 г.). Речь Бриссо: "Я высказал якобинцам свое мнение и доказал им, что война - единственное средство раскрыть вероломство Людовика XVI. Событие оправдало мое мнение" -Buche et Roux, VIII. 60, 216, 217. Декрет Законодательного собрания датирован 25 января, первые деньги, собранные клубом на изготовление пик, - 31 января, а первая статья Бриссо о красном колпаке - 6 февраля].

2385 (возврат)

[Buche et Roux, XIII. 217 (предложение женщины, члена клуба л'Эвеше, 31 января 1792 г.).- Статьи в Gazette Universelle, 11 февраля, и в Patriote Français, 13 февраля.- Moniteur, XI. 576 (сессия от 6 марта).-Buche et Roux, XV. (заседание от 10 июня). Петиция 8000 национальных гвардейцев в Париже: "Эта фракция, которая разжигает народную месть... которая стремится поставить рабочие шапки в противоречие с военными касками, пику с ружьем, платье деревенщины с мундиром"].

2386 (возвращение)

[Малле дю Пан, "Mémoires", II 429 (заметка от июля 1792 г.).-Mercure de France, 10 марта 1792 г., статья Малле дю Пана].

ГЛАВА IV. ДЕПАРТАМЕНТЫ.

I.- Прованс в 1792 году.- Раннее господство якобинцев в Марселе.

Состав партии. - Клуб и муниципалитет.

-Изгнание полка "Эрнест".

Если вы хотите увидеть революционное дерево, когда оно впервые распустило свои листья, то вам следует искать его в департаменте Буш-дю-Рон. Нигде больше оно не появилось так рано, нигде местные условия и темперамент не были так хорошо приспособлены для его роста: "Знойное небо, избыточный климат, засушливая почва, скалы,... дикие реки, то проливные, то сухие, то переполненные", ослепляющая пыль, нервы, расстроенные постоянными северными порывами или периодическими порывами сирокко. Чувственная раса, холеричная и порывистая, без интеллектуального или морального балласта, в которой смесь кельта и латыни уничтожила гуманную сдержанность кельта и серьезную серьезность римлянина; "полные, жесткие, сильные и беспокойные люди" [2401](#) , и в то же время веселые, спонтанные, красноречивые, обманщики собственной напыщенности, внезапно увлекаемые потоком слов и поверхностного энтузиазма. Их главный город насчитывает 120 000 душ, в

котором коммерческие и морские риски способствуют новаторству и авантюризму; в котором вид внезапно приобретенных состояний, потраченных на чувственные удовольствия, постоянно подрывает всю стабильность характера; в котором политика, как и спекуляция, является лотереей, предлагающей свои призы смельчакам; Кроме того, это свободный порт и место встречи беззаконных кочевников, людей с дурной репутацией, не имеющих постоянной торговли²⁴⁰², негодяев и мошенников, которые, как выкорчеванные, разлагающиеся водоросли, дрейфуют от берега к берегу по всему кругу Средиземного моря; Настоящая раковина, наполненная отбросами двадцати развращенных и полуварварских цивилизаций, где скапливаются и перегнивают отбросы преступлений, выброшенные из тюрем Генуи, Пьемонта, Сицилии, да что там, всей Италии, Испании, Архипелага и Барбары^{3.2}. Неудивительно, что в такое время правление толпы должно установиться здесь раньше, чем в других местах.²⁴⁰³ - После многих взрывов это правление открывается 17 августа 1790 года смещением М. Льео, своего рода буржуа, умеренного Лафайета, который командует Национальной гвардией. Вокруг него объединяется большинство населения, все люди, "честные или нет, которым есть что терять".²⁴⁰⁴ После того как его изгнали, затем проскрибировали, затем посадили в тюрьму, они смиряются, и Марсель принадлежит низшему классу, 40 000 нищих и мошенников, возглавляемых клубом.

Чтобы лучше обеспечить свою империю, муниципалитет через месяц после изгнания мсье Льео объявил "активным" каждого гражданина, имеющего какое-либо ремесло или профессию²⁴⁰⁵; следствием этого стало то, что бродяги посещают собрания секций, нарушая конституционный закон. Следствием этого стало то, что владельцы собственности и коммерсанты удалились, что было разумно с их стороны, так как обычный демагогический механизм приводится в движение без промедления. "Каждая секция-собрание состоит из дюжины развратных духов, членов клуба, которые изгоняют честных людей, выставя дубины и штыки. Решения готовятся заранее в клубе, в согласии с муниципалитетом, и горе тому, кто откажется принять их на собрании! Они доходят до того, что угрожают гражданам, желающим высказать какие-либо замечания, немедленным погребением в подвалах под церквями".²⁴⁰⁶ Аргумент оказался неотразимым: "большинство честных людей так напуганы и так робки", что ни один из них не осмелится посетить эти собрания, если их не защитит общественная сила. "Более 80 000 жителей не спят спокойно", в то время как все политические права принадлежат "пяти или шести сотням лиц", юридически лишенных права голоса. За ними шествует вооруженный сброд, "орда разбойников без родины"²⁴⁰⁷, всегда готовая к грабежу, убийству и повешению. Перед ними шествуют местные власти, которые, избранные благодаря их влиянию, осуществляют управление под их руководством. Покровители и клиенты, члены клуба и его сателлиты, они образуют лигу, которая играет роль суверенного государства, едва ли признавая, даже на словах, власть центрального правительства²⁴⁰⁸. Декрет, которым Национальное собрание наделяет комиссаров всей полнотой власти для восстановления порядка, осуждается как плебейский; эти добросовестные и осторожные модераторы квалифицируются как "диктаторы"; они обличаются в циркулярных письмах во все муниципалитеты департамента и во все якобинские клубы по всему королевству;²⁴⁰⁹ клуб несколько склонен отправиться в Экс, чтобы отрубить им головы и отправить их в сундуке председателю Национального собрания с угрозой, что такое же наказание ожидает его самого и всех депутатов, если они не отменят свои недавние декреты. Через несколько дней после этого четыре секции составляют у нотариуса акт, в котором излагают меры, принятые ими для отправки из Марселя в Экс армии в 6 000 человек, чтобы избавиться от трех злоумышленников. Комиссары не смеют войти в Марсель, где "для них приготовлены гиббеты, а за их головы назначена цена". Это все, что они могут сделать, чтобы спасти от фракции М. Льео и его друзей, которые, обвиненные в государственной измене, заключенные в тюрьму без тени доказательств, с

которыми обращаются как с бешеными собаками, посаженные на [цепи2410](#) , запертые в уборных и норах и вынужденные пить собственную мочу из-за отсутствия воды, доведенные отчаянием до грани самоубийства, едва избежали убийства дюжину раз в зале суда и в [тюрьме2411](#). Против декрета Национального собрания, предписывающего их освобождение, муниципалитет подает заявления, придумывает задержки, сопротивляется и, наконец, пускает в ход свои обычные инструменты. Как раз в тот момент, когда заключенных собираются освободить, толпа "вооруженных людей без формы и офицеров", постоянно увеличивающаяся "за счет бродяг и иностранцев", собирается на возвышенности, возвышающейся над Дворцом правосудия, и готовится открыть огонь по месье Льео. Призванный объявить военное положение, муниципалитет отказывается, заявляя, что "всеобщее отвращение к обвиняемым слишком очевидно"; он требует, чтобы швейцарский полк вернулся в свои казармы, а заключенные остались на своих местах; единственное, что он им дает, это тайное разрешение на побег, как если бы они были виновны; они, соответственно, тайно и замаскированно [уходят2412](#). Швейцарский полк, не позволяющий магистратам нарушать закон, должен поплатиться за свою дерзость, и, поскольку он неподкупен, его решают изгнать из города. В течение четырех месяцев муниципалитет приумножает против него всевозможные [досады2413](#) , а 16 октября 1791 года якобинцы провоцируют в театре драку против его служащих. В ту же ночь возле театра на четверых из них нападают вооруженные бандиты; пост, на который они отступают, почти взят штурмом; их отводят в тюрьму для безопасности, и там они остаются еще пять дней после этого, "хотя их невиновность признана". Тем временем, чтобы обеспечить "общественное спокойствие", муниципалитет потребовал от командира поста немедленно заменить швейцарскую гвардию национальными гвардейцами на всех военных постах; последние уступают силе, а бесполезному полку, оскорбленному и запуганному, ничего не остается делать, как [разойтись2414](#). Сделав это, новый муниципалитет, еще более якобинский, чем [прежний2415](#) , отделяет Марсель от Франции, создает в городе мародерствующее республиканское правительство, организует экспедиции, собирает контрибуцию, заключает союзы и предпринимает вооруженное завоевание департамента.

II.- Экспедиция в Экс.

Марсельцы отправляют экспедицию в Экс.
Полк разоружен. Директория изгнана. Давление на новую Директорию.

Первым делом необходимо наложить руку на столицу округа, Экс, где стоит гарнизон швейцарского полка и где размещены высшие органы власти. Эта операция тем более необходима, что Директория департамента громко превозносит верность швейцарской гвардии и пользуется случаем напомнить марсельскому муниципалитету об уважении к закону. Подобный протест является оскорблением, и муниципалитет в надменном тоне призывает Директорию признать или отречься от своего письма: "Если вы его не писали, то это нечестный доклад, который мы обязаны проверить, а если писали, то это объявление

вами войны Марселю."2416 Директория в вежливых выражениях и с большой осмотрительностью подтверждает как свое право, так и свое высказывание, и замечает, что "список налогов Марселя за 1791 год еще не представлен"; что муниципалитет гораздо больше заботится о спасении государства, чем о выплате своих взносов, и, короче говоря, сохраняет свое порицание. -Если не гнутья, то придется ломаться, и 4 февраля 1792 года муниципалитет посылает Барбару, своего секретаря, в Париж, чтобы тот смягчил готовящиеся безобразия. В ночь с 25 на 26 число барабаны бьют общую тревогу, и три или четыре тысячи человек собираются и идут к Эксу с шестью пушками. В качестве меры предосторожности они делают вид, что у них нет командиров, ни капитанов, ни лейтенантов, ни даже капралов; по их словам, все равны, все добровольцы, каждый вызывается другим; таким образом, поскольку все ответственные, никто не ответственен.2417 Они достигают Экса в одиннадцать часов утра, находят ворота открытыми благодаря попустительству тех, кто в союзе с ними среди населения города и его окрестностей, и вызывают муниципалитет, чтобы сдать часовых. Тем временем их эмиссары объявили в соседних деревнях, что городу угрожает швейцарский полк; поэтому четыреста человек из Обаньи спешно прибывают туда, а с часу на час туда же устремляются национальные гвардейцы из окрестных деревень. Улицы полны вооруженных людей; раздаются крики, беспорядки усиливаются; муниципалитет, охваченный всеобщей паникой, теряет рассудок. Он боится ночной драки "между войсками линии, гражданами, национальными гвардейцами и вооруженными чужаками, причем никто не может узнать друг друга и понять, кто из них враг". Он отправляет назад отряд из трехсот пятидесяти швейцарских гвардейцев, который Директория приказала ему поддержать, и отправляет полк в свою каморку - при этом Директория обращается в бегство. Военные часовые всех видов разоружены, а марсельская толпа, используя свои преимущества, объявляет муниципалитету в два часа ночи, что, "разрешите или нет", она собирается немедленно атаковать казармы; в самом деле, устанавливаются пушки, раздается несколько выстрелов, убит часовой, и полк вынужден эвакуироваться из города, люди без оружия, а офицеры без шпаг. Оружие украдено, народ захватывает подозреваемого, фонарь снесен, петля наготове. Кайоль, цветочница, повешена. Муниципалитет с большим трудом спасает одного человека, уже поднятого на веревке на два фута от земли, и добивается для трех других "временного убежища" в тюрьме.

Отныне в штаб-квартире департамента нет власти, вернее, она перешла в другие руки. На место беглой Директории устанавливается другая, более сговорчивая. Из тридцати шести администраторов, составляющих Совет, на выборах присутствуют только двенадцать. Из девяти избранных только шесть соглашаются заседать, а на заседаниях часто можно встретить только троих, которые, чтобы нанять своих коллег, обязаны им платить.2418 Таким образом, несмотря на то, что их положение самое лучшее в департаменте, с ними обращаются хуже и они более несчастны, чем их слуги за его пределами. Делегаты клуба, рядом с которыми сидят муниципальные чиновники Марселя, обязывают их либо молчать, либо говорить то, что они им диктуют.2419 "Наши руки связаны, - пишет один из них, - мы полностью под игом" этих злоумышленников. "Мы дважды подряд видели, как более трехсот человек, многие из которых были с ружьями и пистолетами, входили в зал и угрожали нам смертью, если мы откажем им в том, что они просят. Мы видели, как разъяренные движенцы, почти все из Авиньона, поднимались на столы Директории, зазывали своих товарищей и подстрекали их к беспорядкам и преступлениям. "Вы должны выбирать между жизнью и смертью", - восклицали они, - "у вас есть всего четверть часа, чтобы сделать выбор". "Национальные гвардейцы через окна, оставленные открытыми из-за сильной жары, предлагали окружающим свои сабли и делали им знаки перерезать нам горло"... Таким образом, сокращенная и обученная, Директория стала просто инструментом в руках марсельских демагогов. Камуан, Бертен и Ребекки, худшие агитаторы и узурпаторы, правят

там бесконтрольно. Ребекки и Бертен, назначенные делегатами по делам в Арле, сами уполномочены вызывать оборонительные войска; они немедленно требуют их для атаки, на что Директория тщетно возражает; они заявляют ей, что "не находясь под ее инспекцией, она не имеет над ними власти; будучи независимыми от нее, они не должны получать от нее приказов и давать ей отчет о своем поведении". Тем хуже для Директории при попытке лишить их полномочий. Бертен сообщает своему вице-президенту, что если тот осмелится это сделать, то он отрубит ему голову. Они отвечают на замечания министра с величайшей дерзостью.²⁴²⁰ Превознося смелость этого удара, они готовят новый: их поход на Экс - лишь первая остановка в давно обдуманной кампании, которая предполагает овладение Арлем.

III.- Конституционалисты в Арле.

Марсельская экспедиция против Арля.

в городе и его окрестностях. Вторжение "Апта", клуба и добровольцев.
клуб и его добровольцы.

Ни один город не является для них более одиозным. В течение двух лет, ведомый или подталкиваемый своим мэром, месье д'Антонелем, он маршировал вместе с ними или тащился за ними по пятам. Д'Антонель, ультрареволюционер, неоднократно посещал и лично поощрял авиньонских бандитов. Чтобы снабдить их пушками и боеприпасами, он лишил Тур-Сен-Луи артиллерии, рискуя оставить устья Роны барбарийским пиратам.²⁴²¹ В сотрудничестве со своими союзниками из Комтата, Марсельского клуба и приспешниками из соседних районов он правил в Арле "с помощью террора". Триста человек, набранных в окрестностях Монетного двора, ремесленники или матросы с сильными руками и грубыми кистями, служат ему в качестве спутников. 6 июня 1791 года они по собственной инициативе изгоняют священников, укрывшихся в городе²⁴²².-Однако "собственники и порядочные люди", гораздо более многочисленные и долгое время крайне возмущенные, поднимают голову; двенадцать сотен из них собираются в церкви Сент-Онорат, клянутся поддерживать конституцию и общественный порядок "²⁴²³, а затем переходят в клуб (якобинский), где в качестве национальных гвардейцев и активных граждан и в соответствии с его уставом их массово принимают. В то же время, действуя в согласии с муниципалитетом, они реорганизуют Национальную гвардию и формируют новые роты, что позволяет покончить с бандой Минта, лишив фракцию всех ее сил. Отныне, без насилия и противоправных действий, большинство в клубе, как и в Национальной гвардии, составляют конституционные монархисты, а выборы в ноябре 1791 года отдают сторонникам порядка почти все административные должности в коммуне и округе. М. Лойс, врач и энергичный человек, избирается мэром вместо М. д'Антонеля; он известен как человек, способный подавить бунт, "держа в одной руке военное положение, а в другой - саблю". "Это уже слишком; поэтому марсельцы чувствуют себя вынужденными взять Арль под контроль, "чтобы искупить позор его основания".²⁴²⁴ В этой стране древних городов политическая вражда ожесточена старыми муниципальными обидами, подобными тем, что были у Фив против Платеи, у Рима против Вейи, у Флоренции против Пизы. Марсельские гвельфы ломали

голову над одной идеей - сокрушить гибеллинов из Арля. Уже на избирательном собрании в ноябре 1791 года президент М. д'Антонель предложил коммуна департамента взяться за оружие против этого антиякобинского [города2425](#). Шестьсот марсельских добровольцев немедленно отправились в путь, расположились в Салоне, захватили прокурора-синдика враждебного округа и отказались его отдать; это была передовая гвардия в 4000 человек, обещанная сорока или пятидесятью клубами [партии2426](#). Для того чтобы остановить их действия, необходимы приказы трех комиссаров, постановления Директории, еще не утратившие силу, королевские прокламации, декрет Учредительного собрания, твердость все еще верных войск и еще более твердая позиция арлезианцев, которые, подавив мятеж группы Монетного двора, отремонтировали свои валы, срубили мосты и встали на страже с заряженными [пушками2427](#). Но это лишь отсрочка. Теперь, когда комиссары ушли, а власть короля стала призрачной, когда последний верный полк разоружен, напуганная Директория перестроена и подчиняется, как раб, а Законодательное собрание повсеместно допускает притеснение конституционалистов якобинцами, можно безнаказанно начать новую якобинскую экспедицию против конституционалистов. Таким образом, 23 марта 1792 года марсельская армия в составе 4500 человек отправляется в поход с девятнадцатью пушками.

Напрасно комиссары соседних департаментов, посланные министром, докладывают им, что Арль покорился, что он сложил оружие, и что город теперь гарнизонирован войсками линии; марсельская армия требует вывода этого гарнизона; напрасно гарнизон уходит. Ребекки и его приверженцы отвечают, что "ничто не отвлечет их от их предприятия; они не могут подчиниться ничьему решению, кроме своего собственного, в отношении любой меры предосторожности, направленной на обеспечение безопасности южных департаментов"... Напрасно министр повторяет свои предписания и контрприказы. Директория отвечает вопиющей неправдой, заявляя, что она не в курсе дела и отказывается оказать правительству какую-либо помощь... Напрасно мсье де Витгенштейн, главнокомандующий на юге, предлагает Директории свои услуги для отражения захватчиков. Директория запрещает ему вводить свои войска на территорию департамента.[2428](#) Тем временем 29 марта марсельская армия пробивает своими пушками брешь в стенах беззащитного Арля; его укрепления разрушены, а с владельцев имущества взимается налог в размере 1 400 000 франков. Презрев декрет Национального собрания, бандиты с Монетного двора, грузчики, все низшее сословие снова берут в руки оружие и властвуют над разоруженным населением. Хотя "комиссар короля и большинство судей бежали, против отсутствующих учреждаются суды присяжных", состоящие из членов банды Монетного двора.[2429](#) Завоеватели сажают в тюрьмы, калечат и режут по своему усмотрению. Бесчисленное множество мирных людей сбивают с ног, избивают, тащат в тюрьму, многие из них смертельно ранены. Старый солдат, восьмидесяти лет от роду, три месяца назад ушедший на покой в свой загородный дом, умирает после двадцатидневного заключения в темнице от удара прикладом в живот; женщин подвергают порке. "Все граждане, заинтересованные в правопорядке", около пяти тысяч семей, эмигрировали; их дома в городе и в деревне разграблены, а в окрестных кварталах, вдоль дороги, ведущей из Арля в Марсель, негодяи, составляющие твердое ядро марсельской армии, бродят и упиваются, как в побежденной [стране2430](#).

Они прожорливо едят и пьют, врываются в шкафы, уносят белье и еду, крадут лошадей и ценности, крушат мебель, рвут книги и жгут бумаги.[2431](#) Все это - лишь достойное наказание аристократов. Более того, не более чем правильно, что патриоты должны быть вознаграждены за свои труды, и несколько ударов не будут лишними для обеспечения власти правой партии.[2431](#) Например, по ложному сообщению о нарушении порядка в Шато-Ренаре, Бертен и Ребекки высылают отряд людей, а муниципальный орган в форме, за которым следует Национальная гвардия, с музыкой и флагами, выходит навстречу и салютует

им. Не произнеся ни слова предупреждения, марсельцы обрушиваются на кортеж, срывают флаги, разоружают национальную гвардию, срывают погоны с плеч офицеров, тащат мэра за шарф на землю, преследуют советников со шпагой в руке, арестовывают мэра и прокурора-синдика, а ночью грабят четыре дома, все это под руководством трех якобинцев, обвиняемых в недавних преступлениях и проступках. Отныне в Шато-Ренаре будут дважды смотреть, прежде чем подвергать патриотов обвинению.²⁴³² В Вело "загородный дом покойного сеньора разграблен, и все унесено, вплоть до черепицы и оконных стекол". Отряд из двухсот человек "наводняет деревню, взимает контрибуцию и обременяет всех зажиточных граждан кабалами на значительные суммы". Камуан, марсельский староста, один из новых управляющих департамента, оказавшись поблизости, накладывает руку на все, что можно взять, и через несколько дней после этого в его ковровой сумке находят 30 000 франков. В каждом районе или маленьком городке клуб наживается на этих деяниях, чтобы удовлетворить свои амбиции, свою жадность и свою ненависть. Апт обращается к своим соседям, и тогда полторы тысячи национальных гвардейцев из Горда, Сен-Сатурнина, Гульса и Лакоста с тысячей женщин и детей, вооруженных дубинками и косами, однажды утром прибывают в город. На вопрос, по чьему приказу они пришли, они отвечают: "По приказу, который дал им их патриотизм". "Фанатики", или приверженцы присягнувших священников, "являются причиной их путешествия": поэтому они "хотят получить жилье только за счет фанатиков". Трехдневное занятие обходится последним и городу в 20 000 ливров.²⁴³³ Вначале они ломают все в церкви Реколле и замуровывают ее двери. Затем они изгоняют из города неприсягнувших церковников и разоружают их партизан. Аптский клуб, который является единственным органом власти, заседает три дня: "перед ним предстают окрестные муниципальные органы, извиняются за себя, протестуют против своей гражданственности и просят, чтобы к ним не присылали отряд". Отдельные лица посылаются для допроса"; несколько человек подвергаются проскрипции, среди них администраторы, члены суда и синдик-прокурор. Многие граждане бежали; город очищен, и такая же чистка проводится во многих местах в округе и за его пределами.²⁴³⁴ Это, действительно, привлекательное дело. Оно опустошает кошельки недоброжелателей и наполняет желудки патриотов; приятно, когда тебя хорошо развлекают, особенно за счет твоих противников; якобинец вполне доволен тем, что спасает страну, устраивая пиршества. Кроме того, ему приятно играть роль короля среди своих соседей, и они не только кормят его за то, что он оказывает им эту услугу, но и платят ему за это.²⁴³⁵ Все это оживляет, и экспедиция, которая является "субботой", заканчивается карнавалом. Из двух марсельских отрядов один, возвращенный в Экс, отправляется на "грандиозный патриотический пир", а затем танцует фанданго, из которых "главный возглавляют мэр и комендант"²⁴³⁶; другой в тот же день с еще большей пышностью и весельем вступает в Авиньон.

IV.- Авиньонские якобинцы.

Как они набирают рекрутов; их грабежи в графстве.

-Авиньонский муниципалитет в бегах или в тюрьме.

Лекуйе и резня в Глясьере.- Вступление убийц,

поддержанные их марсельскими союзниками. -Диктатура Якобина

в Воклюзе и Бюш-дю-Рон.

Нигде больше во Франции не было такого гнезда разбойников: не то чтобы великое несчастье могло породить более дикое восстание; напротив, до революции Комтат был страной изобилия. Здесь не было налогов, установленных папой; налоги были очень легкими и расходовались на месте. "На один или два пенни здесь можно было получить мясо, хлеб и вино".²⁴³⁷ Но под мягким и коррумпированным управлением итальянских легатов страна стала "безопасным убежищем для всех мошенников Франции, Италии и Генуи, которые за ничтожную сумму, уплаченную папским агентам, получали защиту и иммунитет". Сюда стекались контрабандисты и получатели краденого, чтобы прорваться через границы французской таможни. "Образовались банды грабителей и убийц, которых не смогли полностью искоренить энергичные меры парламентов Экса и Гренобля. Бездельники, распутники, профессиональные игроки в азартные игры"²⁴³⁸, содержанки, интриганы, тунеядцы и авантюристы смешались с людьми с клейменными плечами, ветеранами "порока и преступлений", "отщепенцами с тулонских и марсельских галер". Жестокость здесь скрыта в разврате, как змея, спрятавшаяся в собственной слизи, здесь достаточно лишь какого-то случайного события, и это дурное место превратится в смертельную ловушку.

Вожди якобинцев, Журналь, Ровер, два Дюпра, два Майнвиля и Лекуйе, легко набирают себе рекрутов в этой раковине... Они начинают, при поддержке городского и пригородного сброда, крестьян, враждебных октрою, бродяг, противящихся всякому порядку, носильщиков и водоносов, вооруженных косами, турниками и дубинками, с семи или восьми бунтов. Затем они изгоняют легата, заставляют Советы уйти в отставку, вешают начальников Национальной гвардии и консервативной партии²⁴³⁹ и завладевают муниципальными учреждениями. После этого их отряд увеличивается до размеров армии, которая, с лицензией в качестве знака отличия и грабежом в качестве жалованья, становится такой же, как у Тилли и Валленштейна, "настоящим бродячим Содомом, перед которым древний город замер бы в ужасе". Из 3000 мужчин в Авиньоне только 200 человек; остальные - французские дезертиры, контрабандисты, беглецы от правосудия, бродячие иностранцы, мародеры и преступники, которые, почуяв добычу, приходят издалека и даже из Парижа²⁴⁴⁰; вместе с ними идут принадлежащие им женщины, еще более низкие и кровожадные. Чтобы дать понять, что для них убийство и грабеж - порядок дня, они расправились со своим первым генералом Патриксом, виновным в освобождении пленника, и избрали на его место старого бродягу по имени Журдан, приговоренного к смерти судом в Валансе, но сбежавшего накануне казни и носившего прозвище Купе-тет, потому что, как говорят, он отрубил в Версале головы двум гвардейцам короля²⁴⁴¹. Под началом такого командира отряд увеличивается до пяти-шести тысяч человек, которые останавливают людей на улицах и насильно записывают их в армию; их называют Мандринами, что в переводе означает "суровый Мандрин"²⁴⁴², потому что их война ведется не только против государственных лиц и имущества, как это было у него, но и против владений, приличий и жизни частных лиц. Один только отряд за один раз вымогает в Кавайоне 25 000 франков, в Бауме - 12 000, в Обиньоне - 15 000, в Пиолине - 4 800, в то время как Комон облагается налогом в 2 000 франков в неделю. В Сарриане, где мэр дает им ключи, они грабят дома сверху донизу, увозят добычу на телегах, поджигают, насилуют и убивают со всеми изысками пыток, присущими многим гуронам. Восьмидесятилетнюю старуху, паралитика, расстреливают на расстоянии вытянутой руки и оставляют корчиться в крови посреди пламени. Ребенка пяти лет разрубают надвое, его мать обезглавливают, а сестру калечат; отрезают уши курице, водружают их ему на лоб, как кокарду, а затем перерезают ему горло вместе со свиньей, вырывают два сердца и танцуют вокруг них²⁴⁴³. После этого в течение пятидесяти дней

вокруг Карпентраса, который они тщетно осаждали, в полной мере проявляются неспровоцированные, жестокие инстинкты шоферов, проявившиеся позднее, древние каннибалистические желания, которые иногда вновь появляются у осужденных, и извращенная и чрезмерно растянутая чувственность, свойственная маньякам.

Увидев чудовище, которое он вскормил, Авиньон в тревоге издает вопли страдания.²⁴⁴⁴ Но зверь, почувствовав свою силу, обращается против своих прежних пособников, показывает зубы и требует свою ежедневную пищу. Разрушенный или нет, Авиньон должен предоставить свою норму. "В избирательном собрании Майнвиэль, младший, избранный выборщиком, хотя ему всего двадцать два года, достает из-за пояса два пистолета и расхаживает с угрожающим видом".²⁴⁴⁵ Дюпра, президент, чтобы лучше владеть своими коллегами, предлагает им покинуть Авиньон и отправиться в Сорг, на что они отвечают отказом; тогда он приказывает принести пушки, обещает заплатить тем, кто будет его сопровождать, тащит за собой робких, а остальных осуждает перед высшим национальным судом, членов которого он сам назначил. Двадцать из осужденных таким образом выборщиков осуждены и проскрибированы; Дюпра угрожает войти силой и казнить их на месте, и под его руководством армия Мандринов движется на Авиньон. Ее продвижение задерживают и в течение двух месяцев сдерживают два комиссара-посредника Франции; они сокращают ее численность, и она уже находится на грани расформирования, когда зверь снова смело хватается свою добычу, собираясь бежать. 21 августа Журдан со своим стадом злоумышленников овладевает дворцом. Муниципалитет изгнан, мэр переодетым бежит, секретарь Тиссо зарублен, четыре муниципальных чиновника и еще сорок человек брошены в тюрьму, несколько домов, принадлежащих беглецам и священникам, разграблены, и таким образом бандиты получают первые финансовые доходы.²⁴⁴⁶ Затем начинается большая фискальная операция, которая должна набить их карманы. Пять подставных лиц, выбранных Дюпра и его сообщниками, составляют, с Лекуйе в качестве секретаря, временный муниципальный орган, который, обложив город налогом в 300 000 франков и подавив монастыри, выставляет добычу из церквей на продажу. Колокола снимают, и целый день слышен стук молотков рабочих, разбивающих их на куски. Ящик с пластинами, бриллиантами и золотыми крестами, оставленный на хранение у директора Мон-де-Пьете, забирают и уносят в коммуну; распространяется сообщение, что ценности, заложенные бедняками, были украдены муниципалитетом, и что "грабители уже отправили восемнадцать сундуков, полных их". На это женщины, возмущенные голыми стенами церквей, вместе с рабочими, нуждающимися в работе и хлебе, все простонародье, приходят в ярость, собираются по собственному желанию в церкви Кордельеров, призывают Лекуйера предстать перед ними, стаскивают его с кафедры и расправляются с ним²⁴⁴⁷.

На этот раз разбойникам, кажется, пришел конец: весь город, население и лучшие слои, против них, а крестьяне в деревне расстреливают их, где бы они ни оказались. Террор, однако, заменяет численность, и, имея в запасе 350 наемных убийц-браво, крайние якобинцы берутся одолеть город с населением в 30 000 душ. Майнвиэль старший, таща за собой две пушки, прибывает с патрулем, стреляет наугад в уже полузаброшенную церковь и убивает двух человек. Дюпра собирает около тридцати горожан, заключенных им в тюрьму 31 августа, и, кроме них, около сорока ремесленников, принадлежащих к католическим братствам, носильщиков, пекарей, бондарей и поденщиков, двух крестьян, нищего, несколько женщин, схваченных бессистемно и по неопределенным доносам, одна из них - "за то, что она плохо отзывалась о мадам Майнвиэль". Журдан поставляет палачей; аптекарь Менде, шурин Дюпра, подливает им спиртное, а клерк Журнала, газетчик, велит "убить всех,

чтобы не осталось свидетелей". После этого, по повторному приказу Майнвиля, Журнала, Дюпра и Журдана, с осложнением уморительного [разврата2448](#) , резня развивается 16 октября и в последующие дни, в течение шестидесяти шести часов; жертвами стали несколько священников, трое детей, восьмидесятилетний старик, тринадцать женщин, две из которых были беременны, Всего шестьдесят один человек, которым перерезали горло или выбили его, а затем бросили друг на друга в яму Глетчер, мать - на тело младенца, сын - на тело отца, всех прикончили камнями, яму засыпали камнями и засыпали негашеной известью из-за запаха.[2449](#) Тем временем еще около ста человек, убитых на улицах, сбрасывают в канал Сорг; пятистам семьям удастся спастись. Изгнанные бандиты возвращаются в полном составе, а убийцы, стоящие во главе их, возведенные на трон убийством, организуют в интересах своей новой группы законную систему разбоя, от которой никто не [защищается2450](#).

Это друзья якобинцев из Арля и Марселя, уважаемые люди, к которым месье д'Антонель пришел обратиться в Авиньонском [соборе2451](#) . Это чистые патриоты, которые, с руками в каске и ногами в крови, застигнутые на месте преступления французской армией, с маской, сорванной в ходе тщательного расследования, повсеместно осужденные эмансипированными избирателями, а также сознательным приговором новых посреднических [комиссаров2452](#) , включены в амнистию, объявленную Законодательным собранием за месяц до их последнего преступления.-Но государи Буш-дю-Рон не рассматривают освобождение своих друзей и союзников как помилование: нечто большее, чем прощение и забвение, должно быть присуждено убийцам из Глясьера. 29 апреля 1792 года Ребекки и Бертен, победители Арля, входят в [Авиньон2453](#) вместе с кортежем, во главе которого находятся от тридцати до сорока главных убийц, которых Законодательное собрание само приказало отправить в тюрьму, Дюпра, Майнвиэль, Тумаль, Менде, затем Журдан в форме генерала, увенчанного лаврами и восседающего на белом коне, и, наконец, дамы Дюпра, Майнвиэль и Турнал, в щегольском стиле, стоящие на своего рода триумфальной колеснице; Во время шествия раздается возглас: "На этот раз Глясьер будет полон!" При их приближении разлетаются государственные чиновники; двенадцатьсот человек покидают город. Вскоре каждый террорист, под защитой марсельских штыков, возвращается на свой пост, как человек, стоящий во главе своего дома. Рафель, бывший судья, и его секретарь, оба с ордерами на арест, публично выступают, а родственникам несчастных жертв, убитых 16 октября, и свидетелям, выступавшим на суде, угрожают на улицах; Одного из них убивают, и Журдан, король департамента на целый год, во главе Национальной гвардии, а затем и полиции, начинает в больших масштабах то же самое, что в малых масштабах он делал при старом режиме, когда с дюжиной "вооруженных и конных" разбойников он бороздил шоссе, вскрывал ночью одинокие дома и в одном только замке украл 24 000 франков.

V.-Другие департаменты.

Единый процесс якобинского завоевания.
формирование якобинского государства.

Завоевание якобинцев происходит следующим образом: уже в апреле 1792 года, посредством актов насилия, почти равных тем, которые мы только что описали, оно распространяется более чем на двадцать департаментов и, в меньшей степени, на остальные шестьдесят.²⁴⁵⁴ Состав партий везде одинаков. На одной стороне - безответственные люди всех состояний,

"расточители, которые, проежая собственное наследство, не могут терпеть чужого, люди без собственности, для которых беспорядки - это дверь, открытая к богатству и государственным должностям, завистники, неблагодарные, чьи обязательства перед своими благодетелями революция отменяет, вспыльчивые, все те энтузиасты-новаторы, которые проповедуют разум с кинжалом в руке, бедные, жестокие и убогие представители низшего класса, которые, одержимые одной ведущей анархической идеей, одним примером неприкосновенности, при немом законе и шпаге в ножнах, побуждаются ко всему смелому.

На другой стороне - устойчивый, мирный класс, занимающийся своими делами, верхний и нижний средний класс по уму и духу,

"ослабленные привычкой к безопасности и богатству, удивляющиеся любому непредвиденному волнению и пытающиеся найти свой путь, изолированные друг от друга разнообразием интересов, противопоставляющие только такт и осторожность настойчивой дерзости вопреки законным средствам, неспособные ни решиться, ни бездействовать, озадаченные жертвами как раз в то время, когда враг собирается сделать невозможным их принесение в будущем, одним словом, противопоставляющие слабость и эгоизм освобожденным страстям, великую бедность и закоренелую безнравственность "²⁴⁵⁵.

Проблема конфликта везде одинакова. В каждом городе или кантоне агрессивный отряд беспринципных фанатиков и решительных авантюристов навязывает свою власть овечьему большинству, которое, привыкнув к регулярности старой цивилизации, не осмеливается ни нарушить порядок ради прекращения беспорядков, ни собраться в толпу, чтобы расправиться с другой толпой. Везде якобинский принцип один и тот же.

"Ваша система, - говорит им одна из департаментских [директорий](#)²⁴⁵⁶, - состоит в том, чтобы действовать невозмутимо во всех случаях, даже после того как установлена конституция и определены ограничения власти, как если бы империя всегда находилась в состоянии мятежа, как если бы вам была предоставлена диктатура, необходимая для спасения города, как если бы вы получили такую полную власть во имя общественной безопасности".

Везде тактика якобинцев одинакова. С самого начала они предполагают, что обладают монополией на патриотизм, и, жестоко уничтожая другие ассоциации, становятся единственным видимым органом общественного мнения. Их голос, соответственно, кажется голосом народа; их контроль устанавливается над законной властью; они занимают лидирующие позиции благодаря постоянным и непреодолимым проступкам; их преступления освящены освобождением от наказания.

"Среди чиновников и агентов, хороших или плохих, состоящих или не состоящих, только то управляет, что неприкосновенно". Теперь клуб, в течение долгого времени, слишком привык властвовать, досаждать, преследовать, мстить, чтобы любая местная администрация могла рассматривать его в ином свете, кроме как в качестве неприкосновенного [2457](#).

Они, соответственно, управляют, и их косвенное влияние быстро превращается в прямую власть.- Голосуя единолично или почти единолично на первичных собраниях, которые безлюдны или скованы, якобинцы легко выбирают муниципальный орган и офицеров Национальной гвардии.[2458](#) После этого, через мэра, который является их инструментом или сообщником, они имеют законное право пустить в ход или арестовать все вооруженные силы и пользуются им.- Два препятствия все еще стоят на их пути. С одной стороны, какой бы примирительной или робкой ни была Директория округа или департамента, избранная избирателями второй степени, она обычно содержит изрядную долю хорошо информированных людей, обеспеченных, заинтересованных в поддержании порядка и менее склонных, чем муниципалитет, мириться с грубыми нарушениями закона. Поэтому якобинцы доносят на него в Национальное собрание как на непатриотичный и антиреволюционный центр "буржуазной аристократии". Иногда, как в [Бресте2459](#), они позорно нарушают приказы, совершенно законные и правильные, часто повторяемые и строго формальные; затем, еще более позорно, они требуют от министра, чтобы тот, "поставленный перед жестокой альтернативой оскорбить иерархию власти или оставить в опасности содружество, колебался". Иногда, как в Аррасе, они незаконно навязываются на заседание Директории и так нагло избивают ее, что считают делом чести добиваться своего отстранения.[2460](#) Иногда, как в Фижаке, они вызывают к себе администратора, держат его три четверти часа, изымают его бумаги и обязывают его, под страхом чего-то худшего, покинуть город.[2461](#) Иногда, как в Аухе, они врываются в зал заседаний Директории, хватают администраторов за горло, бьют их кулаками и дубинками, тащат президента за волосы и, после долгих хлопот, даруют ему жизнь.[2462](#) С другой стороны, жандармерия и войска, привлеченные для подавления беспорядков, всегда стоят на пути тех, кто подстрекает бунтовщиков. Поэтому жандармерию вместе с войсками изгоняют, развращают и особенно очищают. В Кагоре они изгоняют сержанта жандармерии, "утверждая, что он общается только с аристократами".[2463](#) В Тулузе, не упоминая подполковника, жизни которого они угрожают анонимными письмами и обязывают покинуть город, они переводят весь корпус в другой округ под предлогом, что "его принципы противоречат Конституции".[2464](#) В Ауше и Ренне, из-за неповиновения, которое они вызывают среди людей, они требуют отставки от своих офицеров. В Перпиньяне, в результате разжигаемого ими бунта, они захватывают, избивают и тащат в тюрьму коменданта и штабных, которых они обвиняют "в желании обстрелять город пятью фунтами пороха".[2465](#) Тем временем с помощью жакерии, которую они распускают от Дордони до Авейрона, от Канталя до Пиренеев и Вара, под предлогом наказания родственников эмигрантов и пособников неприсягнувших священников, они создают собственную армию, состоящую из грабителей и обездоленных, которые, предвкушая подвиги грядущей революционной армии, свободно убивают, жгут, грабят, берут выкуп и охотятся на беззащитное стадо собственников всех классов и степеней.[2466](#)

В этой операции каждый клуб имеет своих соседей в качестве союзников, предлагая им или получая от них предложения людей и денег. Клуб Кана оказывает помощь ассоциации Байе в изгнании неприсягнувших священников и помогает патриотам этого места "избавить себя от тирании своих администраторов".[2467](#) Клуб Безансона объявляет три административных органа Страсбурга "недостойными доверия, которого они удостоились", и открыто вступает в союз со всеми клубами Верхнего и Нижнего Рейна, чтобы освободить якобинца, арестованного как подстрекатель мятежей.[2468](#) Депутаты Пюи-де-Дома и соседних

департаментов направляют в Клермон и создают там центральный клуб для руководства и пропаганды.²⁴⁶⁹ Депутаты Буш-дю-Рона договариваются с комиссарами департаментов Дром, Гар и Эро о наблюдении за испанской границей и посылают своих делегатов для ознакомления с состоянием укреплений Фигьера.²⁴⁷⁰ - К уголовным трибуналам не обращаются. В сорока департаментах они еще не созданы, в сорока трех других - трусят, молчат или не имеют денег и людей для исполнения своих [решений](#)²⁴⁷¹.

Такова основа якобинского государства, конфедерации двенадцати сотен олигархий, которые управляют своими клиентами-пролетариями, повинуюсь команде, отправленной из Парижа. Это полное, организованное, активное государство, со своим центральным правительством, своей активной силой, своим официальным журналом, своей регулярной перепиской, своей декларированной политикой, своей установленной властью, своими представительными и местными агентами; последние являются фактическими администраторами наряду с администрациями, которые упраздняются, или против администраций, которые подчиняются. - Напрасно последние министры, хорошие клерки и честные люди, пытаются выполнить свои обязанности; их предписания и увещевания - лишь макулатура.²⁴⁷² В отчаянии они уходят в отставку, заявляя, что,

"при таком ниспровержении всякого порядка,... при нынешней слабости общественных сил и при деградации установленных властей,... им невозможно поддерживать жизнь и энергию огромного тела, члены которого парализованы".

Когда корни дерева обнажены, его легко срубить; теперь, когда якобинцы их обрубили, достаточно одного толчка по стволу, чтобы дерево рухнуло на землю".

2401 ([возвращение](#))

[Де Ломени, "Мирабо", I. 11. (Письмо маркиза де Мирабо)].

2402 ([возврат](#))

["Archives Nationales", F7, 7171, No. 7915. Отчет о положении в Марселе, составленный Миоллисом, комиссаром Директории в этом департаменте, год В. Нивоза 15. "Очень много чужеземцев из Франции и Италии привлекает туда жажда наживы, любовь к удовольствиям, нехватка работы, желание спастись от последствий дурного поведения. .. Люди обоих полов и любого возраста, без привязанности к стране или родственным связям, без профессии, без взглядов, стесненные повседневными потребностями, которые умножаются развратными привычками, стремятся предаваться им без особых усилий, а средства для этого раньше находили в многочисленных ручных операциях торговли", сбившиеся с пути во время революции и впоследствии напуганные господствующей партией, привыкшие, к несчастью, в то время получать плату за участие в политических распрях, а теперь вынужденные жить на почти безвозмездных раздачах пищи, торговать мелким товаром, заниматься ремеслом, которое редко преподносит случай, - словом, мошенничать. Такова та часть населения Марселя, которую наблюдатель находит наиболее заметной; жаждущая нажиться на всем, что встречается, легко завоевываемая, активная в своих нуждах, стекающаяся повсюду и кажущаяся очень многочисленной... Патриот Эскалон получал двадцать пайков в день; журналист Фери - шесть и т. д... Гражданские чиновники и окружные комиссары по-прежнему в большинстве своем принадлежат к тому классу людей, которых

революция приучила жить без работы, делать бенефициарами нации тех, кто разделяет их принципы, и, наконец, получать пожертвования от игорных залов и борделей. Эти комиссары уведомляют своих протее, даже мошенников, когда ордера против них должны быть приведены в исполнение"]].

2403 (возврат)

[Blanc-Gilly, "Réveil d'alarme d'un député de Marseilles" (цитируется по "Мемуарам" Барбару, 40, 41). Блан-Жилли, должно быть, был знаком с этими персонажами, поскольку использовал их во время августовского бунта 1789 года, за который ему было предъявлено обвинение; см. Fabre "Histoire de Marseilles", II. 422.]

2404 (возвращение)

["Archives Nationales", F7, 3197. Корреспонденция господ Дебуржа, Гея и Лафитта, комиссаров, направленных в Прованс для восстановления порядка в соответствии с актом Национального собрания. Письмо от 10 мая 1791 года. Письмо от 10 мая. 1791 г. и далее].

2405 (возвращение)

[Мэр Мартен, по словам Жюста, был своего рода Петионом, слабым и тщеславным. Барбару, клерк муниципалитета, является главным оппонентом мсье Льетто.]

2406 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3197. Письма трех комиссаров, 13, 17, 18 апреля и 10 мая 1791 г.].

2407 (возврат)

[Blanc-Gilly, "Réveil d'Alarme". Там же: "Каждый раз, когда национальная гвардия выходила за городские стены, орда бездомных разбойников не преминула зайти им в тыл и несла опустошение, куда бы они ни шли"].

2408 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3197. Переписка трех комиссаров, письмо от 10 мая 1791 года. "Марсельский муниципалитет подчиняется только тем декретам, которые ему угодны, и в течение восемнадцати месяцев не внес ни цента в городскую казну" - прокламация от 13 апреля. Письма от 13 и 18 апреля].

2409 (возврат)

["Archives Nationales", письмо муниципальных чиновников Марселя министру, 11 июня 1791 г. Они требуют отзыва трех комиссаров, один из их аргументов следующий: "В Китае каждый мандарин, против которого возбуждено общественное мнение, смещается со своего места; его считают невежественным наставником, неспособным завоевать любовь детей к своему родителю"].

2410 (возврат)

["Archives Nationales", письмо комиссаров, 25 мая 1791 года. "Запись процессов в Эксе и Марселе показывает, что виновными были только обвинители и судьи" - петиция заключенных, 1 февраля. "Муниципалитет, отчаявшись в нашей невинности и не зная, как оправдать свое поведение, пытается перекупить свидетелей. Они открыто говорят, что лучше пожертвовать одним невинным человеком, чем опозорить целое тело. Таковы речи сьера Ребекки, ведущего, и мадам Эллиу, жены муниципального чиновника, в доме сьера Руссе"].

2411 (возвращение)

[Письмо М. Льето комиссарам, 11 и 18 мая 1791 года. "Если я не попал под кинжал убийцы, то своим сохранением я обязан вашим строгим приказам и хорошему поведению национальной гвардии и регулярных войск... Сегодня на слушании дела прокурор со стороны коммуны осмелился угрожать суду народным мнением и его мстительной яростью... Народ, возбужденный против нас и приведенный сюда, кричал: "Схватим Льето и поведем его туда силой, и если он не поднимется по ступеням, мы отрубим ему голову! Зал, ведущий к зданию суда, и лестница были заполнены босоногими бродягами" - Письмо Каброля, командира национальной гвардии, и муниципальных чиновников комиссарам, 21 мая. Этот пикет из пятидесяти человек на большой площади, не является ли он скорее причиной беспорядков, чем средством их предотвращения? Требование направить четырех национальных гвардейцев в тюрьму, чтобы они оставались там днем и ночью, - разве это не оскорбление гражданских солдат, в чьи обязанности входит следить за соблюдением законов, а не выполнять тюремные обязанности?"]

2412 (возврат)

[Письмо мсье д'Оливье, подполковника Эрнестского полка, 28 мая. Выдержки из бумаг секретаря муниципалитета, 28 мая (Барбару - секретарь). Письмо комиссий, 29 мая].

2413 (возврат)

[Письмо комиссаров, 29 июня].

2414 (возврат)

[Письмо М. Ларок-Дурдана, командующего флотом в Марселе, 18 октября 1791 г. (в связи с отъездом швейцарского полка)].

2415 (возвращение)

[Выборы состоялись 13 ноября 1791 года. Мартен, бывший мэр, проявил робость, и вместо него был избран Мурайль].

2416 (обратно)

["Archives Nationales". F 7 3197. Письмо (напечатанное) Директории военному министру, 4

января 1792 г. - Письмо муниципалитета Марселя Директории от 4 января и ответ Директории - Barbaroux, "Mémoires", 19. Здесь мы видим, какую роль сыграл Барбару в Марселе. Гваде играл аналогичную роль в Бордо. Этот ранний политический период очень важен для понимания жирондистов].

2417 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3195. Официальный отчет муниципалитета Экса (о событиях 26 февраля). Письмо М. Вилларди, президента директории, от 10 марта в Авиньоне (он едва избежал убийства в Эксе) - Там же, F7 3196. Отчет окружных администраторов Арля, 28 февраля (согласно частным письмам из Экса и Марселя).- Барбару, "Mémoires" (собрание Бервиля и Баррьера), 106. (Рассказ мсье Ваттевиля, майора Эрнестского полка. Там же, 108) (Донесение мсье де Барбентана, генерала-командующего). Эти два документа показывают либерализм, отсутствие энергичности и обычную нерешительность высших властей, особенно военных - Меркюр де Франс, 24 марта 1792 г. (письма из Экса)].

2418 (возвращение)

["Archives Nationales", F7, 3196. Депеши новой Директории министру, 24 марта и 4 апреля 1792 года. "С момента ухода Директории наше административное собрание состоит всего из шести членов, несмотря на наши неоднократные обращения к каждому члену Совета... Только три члена Совета согласны действовать вместе с нами; причина - недостаток денежных средств". Новая Директория, таким образом, принимает резолюцию о возмещении ущерба членам Совета. Это, правда, противоречит королевской прокламации от 15 января; но "эта прокламация была вырвана у короля, благодаря его твердой вере". Вы должны знать, что в свободной нации влияние гражданина на правительство не должно оцениваться по его состоянию; такой принцип ложен и разрушает равенство прав. Мы верим, что король согласится отменить свою прокламацию"]].

2419 (возвращение)

[Там же, Письма Борелли, вице-президента Директории, министру, 10, 17 и 30 апреля 1792 г. Письмо другого администратора от 10 марта. "Они абсолютно хотят, чтобы мы выступили в поход против Арля, и заставляют нас отдать приказ" -Там же, F7, 3195. Письма из Экса от 12 и 16 марта, адресованные М. Верде].

2420 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3195. Письмо администраторов Совета департамента министру от 10 марта: "Совет администрации удивлен, сударь, тем, какое впечатление произвел на вас город Марсель; он должен считаться патриотической опорой департамента... Если жители Парижа не дождались приказа разрушить Бастилию и начать Революцию, можете ли вы удивляться, что в этом огненном климате нетерпение добропорядочных граждан заставляет их ожидать законных распоряжений, и что они не могут подчиниться медленным формам правосудия, когда их личная безопасность и безопасность страны находятся под угрозой?"]].

2421 (возврат)

["Archives Nationales". F7, 3197. Депеши трех комиссаров, *passim*, и особенно депеши от 11 мая, 10 июня и 19 июня 1791 года (о делах в Арле). "Собственники долгое время подвергались притеснениям. Несколько фракций поддерживали террор над честными людьми, которые трепетали втайне"]].

2422 (возвращение)

[Там же, депеша комиссаров, 19 июня: "Один из банды Монетного двора заставляет публично распространять записки (адресованные не присягнувшим), в которых говорится следующее: "Если вы не "отвалите", вам придется иметь дело с бандой с Монетного двора"]].

2423 (возврат)

["Archives Nationales". F7, 3198. Рассказ (печатный) о том, что произошло в Арле 9 и 10 июня 1791 г. Депеша М. Рипера, королевского комиссара, 5 августа 1791 г. - F 7, 3197. Депеши трех комиссаров, 19 июня. "С тех пор многие фермерские рабочие принесли ту же клятву. Именно этот класс граждан наиболее страстно желает возвращения к порядку". "- Другие депеши того же содержания от 24 и 29 октября и 14 декабря 1791 г. Ср. "Французская революция", I. 301, 302].

2424 (возврат)

["Archives Nationales". F7, 3196. Депеша членов Директории Арля и муниципальных чиновников министру, 3 марта 1792 г. (с печатной диатрибой марсельского муниципалитета)].

2425 (возврат)

[Там же, F7, 3198. Депеши прокурора-синдика департамента министру, Экс, 14, 15, 20 и 23 сентября 1791 года. Избирательное собрание объявило себя постоянным, конституционные власти скованы и непризнаны - депеша членов военного бюро и переписка с министром, Арль, 17 сентября 1791 г.].

2426 (возврат)

[Там же, депеша коменданта марсельского отряда Директории департамента, 22 сентября 1791 г: "Я чувствую, что наши действия не совсем законны, но я счел благоразумным согласиться с общим желанием батальона"]].

2427 (возврат)

["Archives Nationales". Официальный отчет муниципальных чиновников Арля о восстании группы Монетного двора, 2 сентября 1791 г. - Депеши Рипера, королевского комиссара, 2 и 8 октября - Письмо М. д'Антонеля друзьям Конституции, 22 сентября: "Я не могу поверить в контрприказы, которыми нам угрожают. Такое решение в условиях нынешнего кризиса было

бы слишком бесчеловечным и опасным. Наши соратники, у которых хватило мужества посвятить себя новому закону, лишились бы хлеба и крова... Прокламация короля имеет все признаки поспешной подготовки и все признаки того, что она была заготовлена врасплох"]].

2428 (возвращение)

["Де Дампмартин" (очевидец), II. 60-70.- "Archives Nationales", F7, 3196.- Дешеша двух уполномоченных министру, Ним, 25 марта 1792 г.- Письмо М. Витгенштейна Директории Буш-дю-Рон, 4 апреля 1792 г.- Ответ и акт, принятый Директорией, 5 апреля.- Доклад Бертина и Ребекки администраторам департамента, 3 апреля.- Moniteur, XII. 379. Доклад министра внутренних дел Национальному собранию, 4 апреля].

2429 (возврат)

[Moniteur, XII. 408 (заседание 16 мая). Петиция М. Фоссена, депутата от Арля. "Archives Nationales", F7, 3196. Петиция арлезианцев министру, 28 июня. Дешеша М. Ломбара, временного королевского комиссара в Арле, 6 и 10 июля. "В течение трех месяцев те, кто носит маску патриотизма, не уважают ни людей, ни имущество"]].

2430 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3196. Письмо М. Борелли, вице-президента Директории, министру, Экс, 30 апреля 1792 г. "Курс, которого придерживаются сьер: Бертина и Ребекки, является причиной всех беспорядков, совершаемых в этих несчастных округах... Их единственная цель - взимать контрибуцию, как это было в Овре, чтобы обогатиться и привести в запустение Комтат-Венассон"]].

2431 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3196. Показания одного из сторожей сьера Койе, владельца дома в Мурьез-ле-Бо, 4 апреля.- Прошение Пейре, нотариуса в Маусане, 7 апреля.- Заявление Мэнсона, жителя Мурьез-ле-Бо, 27 марта.- Прошение Андрие, 30 марта.- Письмо муниципалитета Маусана, 4 апреля: "Они следят за благоприятной возможностью опустошить имущество, особенно загородные виллы."]

2432 (возврат)

["Archives Nationales", Заявление национальной гвардии, представленное администраторам округа Тараскон национальной гвардией Шато-Ренара, 6 апреля.-Петиция Жюлиата д'Эйгьер, администратора округа Тараскон, 2 апреля (в связи с реквизицией 30 000 франков Камуином у коммуны Эйгьер).-Письмо М. Борелли, 30 апреля. "Бертен и Ребекки открыто защищали позорного Камуана и выпустили его на свободу. "-Moniteur, XII. 408. Петиция мсье Фоссена, депутата от Арля].

2433 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3195. Дешеша М. Мерара, королевского комиссара в окружном суде Апта, Апт, 15 марта 1792 г. (с официальным отчетом муниципалитета Апта и дебатами округа

от 13 марта).- Письмо М. Гильбера, синдик-адвоката округа 5 марта... (Он скрылся.)- Депеши окружной Директории, 23 и 28 марта. "Не следует ни на минуту предполагать, что суд или судья де Пэ примут во внимание это обстоятельство. Один шаг в этом направлении через неделю принесет нам 10 000 человек"].

2434 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3195. Письмо окружного директора Апта, 28 марта. "26 марта 600 вооруженных людей, принадлежащих к коммуна Апт, Вьенс, Рустрель и т.д., направились в Сен-Мартен-де-Кастильон и под предлогом восстановления порядка облагали жителей налогом, размещаясь и питаясь за их счет" - экспедиции распространяются даже на соседние департаменты, одна из них 23 марта направились в Соль, близ Форкалькье, в Верхних Альпах].

2435 (возвращение)

[Там же, F7, 3195. По требованию нескольких солдат, отправившихся в Овен 22 марта 1792 года, администрация департамента принимает закон (сентябрь 1793 года) о выплате им по сорок пять франков компенсации. Таких людей насчитывается 1 916, что составляет 86 200 франков, "начисленных на товары и имущество частных лиц за авторов, пособников и виновников беспорядков, вызванных партией шифонистов в коммуне Арль". Муниципалитет Арьеса назначает пятьдесят одно лицо, которое выплачивает 86 200 ливров, плюс 2785 франков на обмен и 300 франков на расходы, связанные с пребыванием и задержками] - Петиция выкупленных, 21 ноября 1792 года.

2436 (возврат)

[Там же, F7, 3165. Официальный отчет Директории о событиях, произошедших в Эксе 27, 28 и 29 апреля 1792 г.].

2437 (обратно)

[Michelet, "Histoire de la Révolution Française", III.56 (по рассказам престарелых крестьян).- Mercure de France, April 30, 1791 (письмо жителя Комтата).-Все государственные сборы вместе взятые (октруа и проценты по долгу) не превышали 800 000 франков на 126 684 жителей. Напротив, объединившись с Францией, он должен был выплатить 3 793 000 франков.-Андре, "Histoire de la Révolution Avignonnaise", I. 61.-Комтат обладал представительными учреждениями, вооруженным общим собранием, состоявшим из трех епископов, избранного представителя дворянства и тринадцати консулов ведущих городов.- Меркюр де Франс, 15 октября 1791 г. (письмо жителя Комтата).-В Комтате не было ополчения; привилегии дворян были малозначительны. Никто не имел исключительного права охотиться или ловить рыбу, в то время как люди без собственности могли владеть оружием и охотиться где угодно].

2438 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3272. Письмо мсье Пеле де ла Лозера, префекта Воклюза, министру, год VIII. Жерминаль 30.-Там же, DXXIV. 3. Письмо М. Муло, одного из посредников,

министру, 10 октября 1791 года. "В какую страну вы меня послали! Это страна двуличия. Итальянизм пустил здесь глубокие корни, и я боюсь, что они очень живучи"]].

2439 (возвращение)

[Подробности этих событий можно найти у Андре и в "Истории Авиньонской революции" Сулье. Убийство семи их главных противников, джентльменов, священников и ремесленников, произошло 11 июня 1790 г. - "Archives Nationales", DXXIV. 3. Отправной точкой беспорядков стала враждебность янсениста Камю, депутата Учредительного собрания. В этом деле можно найти несколько писем, первое из которых датируется апрелем 1790 года, адресованных ему ведущими якобинцами из Авиньона - Майнвилем, Рафелем, Ришаром и другими, и среди прочих следующее (3 июля 1790 года): "Не оставляйте свою работу, умоляем вас. Вы, сударь, были первым, кто внушил нам желание быть свободными и потребовал нашего права на объединение с великодушной нацией, от которой мы были отделены обманом". Что касается политических средств и соблазнов, то они всегда одни и те же. Вот, например, письмо одного из протеже Камю в Авиньоне, адресованное ему 13 июля 1791 года: "Я только что получил от коммуны в пользование комнату во дворце, где я могу вести свои трактирные дела... Мое состояние основано на вашей доброте... какое расстояние между вами и мной!"]].

2440 (возврат)

["Archives Nationales", DXXIV. 3. Отчет о событиях 10 октября 1791 г. - Там же, F7, 3197. Письмо трех комиссаров муниципалитету Авиньона, 21 апреля, и министру, 14 мая 1791 г. "Депутаты Оранжа подтверждают, что в авиньонской армии было не менее 500 французских дезертиров. "- В тех же отчетах, 21 мая и 8 июня: "Нельзя допустить, чтобы зачисленные в армию разбойники основали на небольшой территории, окруженной со всех сторон Францией, самую опасную школу разбоя, которая когда-либо позорила или преследовала этот род человеческий. "- Письмо М. Вилларди, президента Директории Буш-дю-Рон 21 мая. "Более двух миллионов национальной собственности подвергается разграблению и полному уничтожению со стороны новых Мандринов, опустошающих эту несчастную страну. "- Письмо Мегле, сержанта рекрутского полка Ла-Марк, арестованного вместе с двумя своими товарищами. "Корпус Мандринов, арестовавший нас, отпустил нас на свободу... Нас арестовали, потому что мы отказались присоединиться к ним, и в ответ на наш отказ нам ежедневно угрожали виселицей"]].

2441 (возвращение)

[Mortimer-Ternaux, I. 379 (заметка о Журдане, автор Форе, депутат).- Barbaroux, "Mémoires" (Ed. Dauban), 392. "После смерти Патрикса нужно было выбрать генерала. Никто не хотел занимать это место в армии, которая только что продемонстрировала столь сильный недостаток дисциплины. Журдан поднялся и заявил, что, насколько ему известно, он готов принять эту должность. Ответа не последовало. Он выдвинул свою кандидатуру и спросил солдат, хотят ли они видеть его генералом. Пьяница может понравиться другим пьяницам; они заплодировали ему, и он был провозглашен"]].

2442 (возвращение)

[В честь известного разбойника в Дофине, по имени Мандрин.- Тр. Мандрин, (Луи) (Сент-Этьен-де-Сен-Жуар, Изер, 1724 - Валанс, 1755). Французский контрабандист, который после 1750 года действовал на огромной территории при поддержке населения; выслежен армией, пойман, приговорен к смерти, чтобы быть заживо разбитым на колесе. См. также объяснение Тейна в "Древних режимах" стр. 356 прим. (SR)].

2443 (возвращение)

[Cp. André, passim, и Soulier, passim.-Mercure de France, June 4, 1791.-"Archives Nationales", F7, 3197. Письмо мадам де Габриэлли, 14 марта 1791 года. (Ее дом разграблен 10 января, она и ее служанка спаслись по крыше.) - Отчет муниципальных чиновников Тараскона, 22 мая. "Войско, вошедшее в округ, грабит все, что попадает под руку" - письмо синдик-прокурора Оранжа, 22 мая. В прошлую среду один из них изнасиловал девочку десяти лет, направлявшуюся из Шатонеф в Куртенсон, и бедное дитя почти умерло". "- Депеша трех комиссаров министру, 21 мая. "Теперь людьми, заслуживающими доверия, полностью доказано, что мнимые патриоты, которые, как говорят, так славно действовали при Сарриане, являются каннибалами, одинаково оскверненными как в Авиньоне, так и в Карпантресе"].

2444 (возврат)

["Archives Nationales", письмо Директории Буш-дю-Рон, 21 мая 1791 г. Дебаты авиньонского муниципалитета, связанного с нотаблями и военным комитетом, 15 мая: "Огромные расходы, связанные с оплатой и питанием отрядов... принудительные взносы... Больше всего возмущает то, что те, на кого возложена эта обязанность, произвольно облагают налогом жителей, считая их плохими или хорошими патриотами... Муниципалитет, военный комитет и клуб друзей конституции осмелились выступить с протестом; запрет против них - это награда за их верность французской конституции".]

2445 (возврат)

[Письмо М. Буле, бывшего врача французских военных госпиталей и члена избирательного собрания, 21 мая].

2446 (обратно)

["Archives Nationales", DXXIV. 16-23, No.3. Повествование о том, что произошло вчера, 21 августа, в городе Авиньоне. Письма мэра, Ришара, и еще двух человек, 21 августа. Письмо президенту Национального собрания, 22 августа (с пятью подписями, от имени 200 семей, укрывшихся в Иль-де-ла-Бартелассе)].

2447 (возврат)

["Archives Nationales", DXXIV. 3.- Письмо мсье Лаверна для мсье Канонжа, смотрителя Мон-де-Пьете. (Избирательное собрание Воклюза и судья де Пэ запретили ему передавать эту шкатулку в другие руки.) - Письма М. Муло, посреднического комиссара, Жантильи-ле-Сорг, 14, 15, 16 октября 1791 г. - Письмо М. Лаверна, мэра, и муниципальных чиновников, Авиньон,

6 января 1792 г. - Изложение событий, произошедших в Авиньоне 16, 17 и 18 октября (без подписи, но написанное сразу же на месте) - Официальный доклад временных администраторов Авиньона, 16 октября.-Заверенная копия объявления, расклеенного в Авиньоне в разных местах в этот день, 16 октября (вероятно, написанного одной из женщин низшего сословия и показывающего, каково было народное чувство).-Письмо, написанное М. Муло, 13 октября, уже содержит эту фразу: "Наконец, даже если они отложат прекращение своих грабежей и разбоев, несчастье и несчастные все равно останутся"-Свидетельство Жозефа Сотона, кавалера платной гвардии Авиньона, 17 октября (очевидца событий в Кордельерах)].

2448 (возвращение)

[André. II.62. Показания ла Ратапиоля. Смерть девушки Айм и госпожи Ниэль и Крузе. Де Дампмартин, II. 2.]

2449 (возврат)

["Archives Nationales", DXXIV, 3. Отчет о событиях 16 октября: "Были убиты два присяжных священника, что доказывает, что контрреволюция не имеет к этому никакого отношения... Шесть муниципальных чиновников были убиты. Они были избраны в соответствии с условиями декрета; они были плодом народного волеизъявления в начале революции; они были, соответственно, патриотами" -Buche et Roux, XII. 420.- Официальный отчет Авиньонской коммуны о событиях 16 октября].

2450 (возврат)

["Archives Nationales", DXXIV. 3. Депеша гражданских комиссаров, уполномоченных Францией (господа Борегар, Лекесн и Шампион), министру 8 января 1792 года. (Длинное и восхитительное письмо, в котором демонстрируется различие между двумя партиями, подкрепленное фактами, в опровержение клеветы Дюпра. Угнетенная партия состоит не из роялистов, а из конституционалистов)].

2451 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3177. Депеши трех комиссаров, 27 апреля, 4, 18 и 21 мая].

2452 (возврат)

[Триста тридцать пять свидетелей дали показания во время процесса - De Dampmartin, I.266. Вступление французской армии в Авиньон, 16 ноября 1791 года: "Все богатые, за исключением очень небольшого числа, разбежались или погибли. Все лучшие дома были пусты или закрыты". 26 ноября 1791 года состоялись выборы нового муниципалитета. Из 2 287 активных граждан мэром Левье де Лаверн получил 2 227 голосов, а муниципальный чиновник, стоящий ниже всех в списке, - 1 800. Все они - конституционалисты и консерваторы].

2453 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3196. Официальный отчет Ожье и Фабра, администраторов Буш-дю-Рон, Авиньон, 11 мая 1792 г. -Moniteur, XII. 313. Отчет министра юстиции, 5 мая.-XII. 324. Петиция сорока жителей Авиньона, 7 мая.-XII 334. Официальный отчет Пине, комиссара Дромской области, отправленный в Авиньон.-XII. 354 Доклад месье Шассаньяка и другие бумаги, 10 мая.-XI. 741 Письмо гражданских комиссаров, а также авиньонского муниципалитета, 23 марта].

2454 (возврат)

["Французская революция", т. I. стр. 344-352, о шестой жакерии, повсеместно управляемой якобинцами. Две или три черты показывают ее дух и образ действий. ("Archives Nationales", F7, 3202. Письмо Директории округа Орильяк от 27 марта 1792 года, с официальными отчетами). "20 марта около сорока разбойников, называющих себя патриотами и друзьями конституции, заставляют честных и достойных, но очень бедных граждан в девяти или десяти домах Капель-Вискамп давать им деньги, обычно по пять франков на человека, а иногда по десять, двадцать и сорок франков". Другие сносят или грабят замки Руэск, Роде, Марколес и Витрак и тащат за собой муниципальных служащих. "Мы, мэр и муниципальные служащие прихода Витрак, провели вчера, 22 марта, собрание, следуя примеру соседних приходов по случаю разрушения замков. Во главе нашей национальной гвардии и гвардии Сальветата мы промаршировали к упомянутым замкам. Мы начали с поднятия национального флага и сноса... Национальная гвардия Буассе, не переставая есть и пить, вошла в замок и вела себя самым жестоким образом; все, что попадалось им на пути, будь то часы, зеркала, двери, шкафы и, наконец, документы, - все было разгромлено. Они даже отправили сорок человек в патриотическую деревню, расположенную поблизости. Они заставляли жителей каждого дома давать им деньги, а тем, кто отказывался, угрожали смертью". Кроме того, национальная гвардия Буассе унесла мебель из замка. - В конфликтах муниципалитетов с якобинскими экспедициями есть что-то бурлескное (письмо муниципальных чиновников Коттинеса Директории Сен-Луи, 26 марта). "Мы очень рады сообщить вам, что в нашем приходе собралась толпа, среди которой много жителей соседних приходов; и что они посетили дом сьера Тосси и потребовали сумму денег, размер которой нам неизвестен, и что они не уйдут без этой суммы, чтобы им было на что жить, эти люди собрались исключительно для поддержания конституции и придания большего блеска закону"]].

2455 (возвращение)

["Mercure de France", номера за 1 и 14 января 1792 г. (статьи Малле дю Пана).- "Archives Nationales", F7, 3185, 3186. Письмо президента округа Лаон (Эсна) министру от 8 февраля 1792 г.: "Что касается дворян и священников, то любое упоминание о них как о пытающихся посеять среди нас раздор указывает на желание посеять страх. Все, чего они просят, - это спокойствия и регулярной выплаты пенсий" -De Dampmartin, II. 63 (об эвакуации Арля, апрель 1792 года). При незаконном приближении марсельской армии месье де Дампмартен, военачальник, приказывает арлезианцам встать в шеренгу. Никто не выходит вперед. Жены прячут по ночам оружие своих мужей. Найдено всего сто добровольцев, чтобы действовать вместе с регулярными войсками].

2456 (возвращение)

["Archives Nationales", F7, 3224. Выступление мсье Сент-Амана, вице-президента Директории

Лот-и-Гаронна, перед мэром Тоннена, 20 апреля, и письмо генерального прокурора синдика министру мсье Ролану, 22 апреля: "Согласно принципам мэра Тоннена, всякое сопротивление ему аристократично; его доктрина гласит, что все владельцы собственности - аристократы. Вы можете легко понять, сэр, что он не один из них". Дюбуа, бывший бенедиктинец, а ныне протестантский священник. Акт Директории против муниципалитета Тоннеин, 13 апреля. Последний обращается в Законодательное собрание. Мэр и один из муниципальных советников выступают от его имени (19 мая) в зале заседаний Ассамблеи].

2457 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3198. Письмо М. Дебуржа, одного из трех комиссаров, посланных Национальным собранием и королем, 2 ноября 1791 г. (по поводу Марсельского клуба). "Этот клуб совсем недавно добился от Директории департамента, по самому презрительному обвинению, приказа, требующего от месье де Куанси, генерал-лейтенанта в Тулоне, выслать из Марселя восхитительный Эрнестский полк, и месье де Куанси уступил"].

2458 (возвращение)

[Например (Guillon de Montléon, "Mémoires pour servir à l'histoire de Lyon", I. 109), генералом, командующим национальной гвардией этого большого города в 1792 году, является Жюйяр, бедный шелкоткач из фобура Гранд-Кот, бывший солдат].

2459 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3215, дело Плабеннека (очень любопытное, показывающее тиранический дух якобинцев и добрый нрав католического крестьянства) - коммуна Бреста направляет против коммуны Плабеннека 400 человек, с двумя пушками и комиссарами, выбранными клубом - много документов, среди них: Петиция 150 активных граждан Бреста, 16 мая 1791 года. Дебаты генерального совета и коммуны Бреста, 17 мая. Письмо Директории округа, 17 мая (очень красноречивое). Дебаты муниципалитета Плабеннек, 20 мая. Письмо муниципалитета Бреста министру, 21 мая. Дебаты Директории департамента, 13 июня].

2460 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, II. 376 (заседание Директории департамента Па-дю-Кале, 4 июля 1792 г.). Петиция, подписанная 127 жителями Арраса, представлена Директории Робеспьером-младшим и Жоффруа. Администраторы рассматриваются как самозванцы, заговорщики и т. д., а президент, выслушав эти изысканные речи, говорит своим коллегам: "Господа, давайте сядем; мы можем отвечать на оскорбления как сидя, так и стоя"]].

2461 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3223. Письмо М. Валери, синдик-адвоката департамента, 4 апреля 1792 г.].

2462 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3220. Выписка из заседаний Директории департамента и письмо

королю, 28 января 1792 г. - Письмо М. Лафито, президента Директории, 30 января. (Толпа насчитывает от пяти до шестисот человек. Президент ранен в лоб ударом шпаги и вынужден покинуть город). 20 февраля, вслед за этим, депутат департамента осуждает Директорию как непатриотичную].

2463 (возвращение)

["Archives Nationales", F7, 3223. Письмо М. де Риолле, полковника жандармерии, 19 января 1792 г. - "Сто членов клуба "Друзья свободы" пришли и потребовали отставки бригадира. На следующий день, после заседания того же клуба, "четыреста человек отправляются в казармы, чтобы прогнать или уничтожить бригадира"].

2464 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3219. Письмо М. Сенфаля, Тулуза, 4 марта 1792 г. - Письмо департамента Директории, 14 марта].

2465 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3229. Письмо г-на де Нарбонна, министра, своему коллеге г-ну Кье, 3 февраля 1792 г. "Муниципалитет Ауша убедил офицеров и солдат 1-го батальона, что их начальники готовятся к отступлению" - то же самое с муниципалитетом и клубом наваррцев. "Все офицеры, кроме трех, вынуждены были уйти и подать прошения об отставке" -F7, 3225. То же, тому же, 8 марта. Муниципалитет Ренна приказывает арестовать полковника де Савиньяка и еще четырех офицеров. Меркюр де Франс, 18 февраля 1792 года. De Dampmartin, I. 230; II. 70 (дела Ландау, Лаутербурга и Авиньона)].

2466 (возврат)

["Французская революция", I. 344 и последующие страницы. К приведенным в этом томе фактам можно добавить множество других. "Archives Nationales", F7, 3219. Письмо М. Нейля, администратора Верхней Гаронны, 27 февраля 1792 года. "Конституционные священники и клуб кантона Монтестрюк предложили жителям, чтобы все пособники неprisягнувших священников и аристократов были выкуплены и обложены контрибуцией." -См. 7, 3193, (Aveyron), F7, 3271 (Tarn) и т.д.].

2467 (возвращение)

["Archives Nationales", F7, 3200. Письмо синдик-адвоката Байе от 14 мая 1792 г. и письмо Директории Байе от 21 мая. "Дубы должны быть школами патриотизма; они стали его ужасом. Если эта скандальная борьба против закона и законной власти не прекратится в ближайшее время, то свобода, конституция и гарантии для французского народа больше не будут существовать"].

2468 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3253. Письмо Директории Нижнего Рейна от 26 апреля 1792 г. и Дитриха, мэра Страсбурга, от 8 мая. (Страсбургский клуб публично призвал горожан взяться

за оружие, "чтобы решительно преследовать священников и администраторов".)- Письмо Безансонского клуба к М. Дитриху, 3 мая. "Если бы конституция зависела от патриотизма или вероломства нескольких магистратов в одном департаменте, как, например, в Бас-Рене, мы могли бы обратить на вас внимание, но тогда все свободные люди империи опустились бы до того, чтобы раздавить вас". Поэтому якобинские клубы Верхнего и Нижнего Рейна посылают трех депутатов в Парижский клуб"].

2469 (возвращение)

["Moniteur", XII. 558, 19 мая 1792 г. "Письмо, адресованное через патриотических журналистов всем клубам "Друзей Конституции" патриотическим центральным обществом, образованным в Клермон-Ферране". (такая же централизация существует между Лионом и Бордо)].

2470 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3198. Отчет комиссаров Бертина и Ребекки, 3 апреля 1792 г. См. Дюмурье, кн. II. гл. V. Нантский клуб хочет послать комиссаров для осмотра литейных заводов Иль-д'Индретта].

2471 (обратно)

["Moniteur", X. 420. Доклад М. Кье, министра внутренних дел, 18 февраля 1792 г. "Во всех департаментах свобода вероисповедания была в большей или меньшей степени нарушена... Те, кто обладает властью, предстают перед народными трибуналами как их враги". О радикальном и все возрастающем бесправии короля и его министров см. Moniteur, XI. 11 (31 декабря 1791 г.).- Письмо министра финансов.-XII. 200 (23 апреля 1792 г.), доклад министра внутренних дел.-XIII. 53 (4 июля 1792 г.), письмо министра юстиции].

2472 (возвращение)

[Mortimer-Ternaux, II. 369. Письмо Директории Басс-Пиреней, 25 июня 1792 г. - "Archives Nationales", F7, 3200. Письмо Директории Кальвадоса министру внутренних дел, 3 августа. "Мы не являемся агентами короля или его министров" -Moniteur, XIII. 103. Заявление министра М. де Жоли от имени своих коллег (заседание 10 июля 1792 г.)].

ГЛАВА V. ПАРИЖ.

I.- Давление Собрания на короля.

Его вето становится недействительным или обходится стороной; его министров оскорбляют

узурпации его жирондистского

Узурпации его жирондистского министерства.- Он устраняет их.- Готовится восстание.

До этого дерево было настолько расшатано, что уже шаталось у основания.- Как ни уменьшилась prerogative короля, якобинцы все еще продолжают оспаривать ее, лишая его даже тени. На первом же заседании они отказывают ему в титулах Сира и Величества; для них он не наследственный представитель французского народа в смысле конституции, а "высокопоставленный чиновник", то есть простой служащий, которому посчастливилось сидеть в столь же хорошем кресле рядом с председателем Собрания, которого они называют "президентом нации". "В то время как другие власти, - говорит Кондорсе, - могут действовать законно только тогда, когда они специально уполномочены на это позитивным законом" [2501](#); Ассамблея может делать все, что формально не запрещено ей законом, - иными словами, толковать конституцию, затем изменять ее, разбивать на куски и отменять. Поэтому, вопреки конституции, оно берет на себя развязывание войны, а в редких случаях, когда король применяет свое вето, отменяет ее или позволяет отменить. [2503](#) Напрасно он отвергает, как и имеет законное право, декреты, санкционирующие преследование неприсягнувших церковников, конфискующие имущество эмигрантов и устанавливающие лагерь вокруг Парижа. По предложению [депутатов-якобинцев](#) [2504](#) неприсяжные церковники интернируются, изгоняются или заключаются в тюрьму муниципалитетами и директориями; имения и усадьбы эмигрантов и их родственников без сопротивления покидаются жакериями; лагерь вокруг Парижа заменяется созывом федератов в Париж. Короче говоря, санкция монарха ускользает или обходится без нее. [2505](#) [2505](#) Что касается его министров, то "они всего лишь клерки Законодательного органа, надетые на королевский поводок". На полном заседании с ними плохо обращаются, их поносят, грубо оскорбляют, не просто как лакеев с плохим характером, но как известных преступников. Их допрашивают в зале заседаний, им запрещают покидать Париж до проверки их счетов; их бумаги перебирают; их самые осторожные выражения и самые достойные поступки считают преступными; против них провоцируют доносы; их подчиненных подстрекают к восстанию против них; [2506](#) назначают комитеты для наблюдения за ними и клеветы на них; Перед ними во всех отношениях ставится перспектива эшафота, против них, а также против их представителей выдвигаются обвинения или угрозы под самыми ничтожными предлогами, сопровождаемые таким жалким [передергиванием](#) [2507](#) и такой явной фальсификацией фактов и текстов, что Ассамблея, вынужденная прибегнуть к доказательствам, дважды отменяет свое поспешное решение и объявляет невинными тех, кого она осудила накануне вечером. [2508](#) Ничего не помогает, ни строгое исполнение закона, ни подчинение комитетам Собрания, ни смирение перед самим Собранием; "теперь они стараются обращаться с ним вежливо и избегают галер" [2509](#) - но этого недостаточно. Они должны стать якобинцами, иначе Орлеанский суд станет для них, как для месье Делессара, преддверием тюрьмы и гильотины. "Ужас и страх, - говорит Верньо, указывая пальцем на Тюильри, - в давние времена из этого знаменитого дворца часто выходили во имя деспотизма; пусть сегодня они вернутся к нему во имя закона" [2510](#).

Даже при министре-якобинце ужас и страх остаются навсегда. Ролан, Клавьер и Серван не только не защищают короля, но и выдают его, и под их покровительством и при их попустительстве он становится жертвой, подвергается преследованиям и очернению больше, чем когда-либо прежде. Их сторонники в Собрании поочередно клеветают на него, а Иснар предлагает против него самое наглое обращение.²⁵¹¹ Крики смерти раздаются перед его дворцом. Аббата или солдата безжалостно избивают и тащат в бассейн Тюильри. Один из артиллеристов гвардии поносит королеву, как рыбную бабу, и восклицает ей: "Как бы я был рад насадить вашу голову на конец моего штыка!"²⁵¹² Они полагали, что король будет усмирен под этим двойным давлением законодательного органа и улицы; они полагались на его привычную покорность или, по крайней мере, на его испытанную вялость; они думали, что превратили его в то, что когда-то требовал Кондорсе, - в машину для подписи²⁵¹³. Поэтому, не уведомив его, как если бы трон был вакантным, Серван по собственной инициативе предлагает Собранию разбить лагерь под Парижем²⁵¹⁴. Ролан, со своей стороны, зачитывает ему на полном заседании Совета высокомерную, педагогическую реверанс, тщательно изучая его чувства, сообщая ему о его обязанностях, призывая его принять новую "религию", санкционировать декрет против не поклявшихся епископов, т.е. осудить на нищенство, тюремное заключение и перевозку²⁵¹⁵ 70 000 священников и монахинь, виновных в ортодоксальности, и разрешить разбить лагерь вокруг Парижа, то есть отдать его трон, его персону и его семью на милость 20 000 безумцев, выбранных клубами и другими собраниями специально для того, чтобы причинить ему вред;²⁵¹⁶ короче говоря, отбросить сразу и совесть, и здравый смысл. -Как ни странно, королевская воля и на этот раз остается непреклонной; король не только отказывается, но и увольняет своих министров. Тем хуже для него, ибо он должен подписаться, чего бы это ни стоило; если он будет настаивать на том, чтобы оставаться на их пути, они пройдут по нему. Не потому, что он опасен и думает отказаться от своей законной неподвижности. До 10 августа, опасаясь действовать и не желая разжигать гражданскую войну, он отвергает все планы, ведущие к открытому разрыву. До самого последнего дня он подчиняется конституционному праву и общественному здравому смыслу, даже когда под угрозой оказывается его личная безопасность и безопасность его семьи. Прежде чем уволить Ролана и Сервана, он хочет представить яркое доказательство своих мирных намерений, санкционировав роспуск своей гвардии и разоружившись не только для нападения, но и для обороны; отныне он сидит дома и ждет мятежа, которым ему ежедневно угрожают; он смиряется со всем, кроме того, что достает меч; его позиция - это позиция христианина в амфитеатре.²⁵¹⁷ Однако предложение разбить лагерь под Парижем вызывает протест со стороны 8000 парижских национальных гвардейцев. Лафайет обличает Ассамблею в узурпации якобинцев; фракция видит, что ее правлению угрожает это пробуждение и объединение друзей порядка. Необходимо нанести удар. Он готовился уже месяц, и для того, чтобы возобновить дни 5 и 6 октября, недостатка в материалах нет.

II.- Плавающее и бедное население Парижа.

Настроение рабочих. - Влияние бедности и отсутствия работы.

Влияние якобинской проповеди.-Революционная

Революционная армия.-Качество ее рекрутов-Ее первый смотр.-Ее реальная эффективная сила.

В Париже всегда есть свое плавающее население. Сто тысяч нуждающихся, треть из них из департаментов, "нищие по расе", те, кого Ретиф де ла Бретонн уже видел 13 июля 1789 года проходящими мимо его дверей на улице Бьевр, направляясь к своим товарищам в предместье Сент-Антуан²⁵¹⁸, вместе с ними. [Антуана²⁵¹⁸](#), вместе с ними "эти страшные плотгоны", лоцманы и докеры, родившиеся и выросшие в лесах Ньера и Йонны, настоящие дикари, привыкшие орудовать киркой и топором, ведущие себя как каннибалы, когда представится [возможность²⁵¹⁹](#), и которые окажутся в первых рядах, когда наступят сентябрьские дни. Вместе с ними идут их спутницы - "женщины-баржи, которые, озлобленные трудом, живут только моментом" и которые тремя месяцами ранее грабили бакалейные лавки.²⁵²⁰ Все это "страшная толпа, которая, каждый раз, когда она поднимается, кажется, заявляет, что наступил последний день богатых и обеспеченных; завтра наша очередь, завтра мы будем спать на гагачьем пуху". Еще более тревожным является отношение постоянных рабочих, особенно в пригородах. И прежде всего, если хлеб не так дорог, как 5 октября, то бедствие еще хуже. Производство предметов роскоши застопорилось уже три года назад, и безработный ремесленник проедает свои небольшие сбережения. После разорения Сен-Доминго и разграбления бакалейных лавок колониальные товары стали дорогими; плотник, каменщик, слесарь, рыночный торговец больше не могут выпить свою раннюю чашку [кофе²⁵²¹](#), а каждое утро они ворчат при мысли, что их патриотизм будет вознагражден еще большими лишениями.

Но более всего они теперь якобинцы, и после почти трех лет проповеди догма народного суверенитета пустила глубокие корни в их пустых мозгах. "В этих группах, - пишет комиссар полиции, - Конституция считается бесполезной, и только народ является законом". Жители Парижа на публичной площади считают себя народом, *populus*, то, что мы называем универсальностью граждан".²⁵²² Бесполезно говорить им, что наряду с Парижем существует Франция. Дантон показал им, что столица "состоит из граждан, так или иначе принадлежащих к восьмидесяти трем департаментам; что она имеет больше шансов, чем любое другое место, оценить поведение министров; что она - первый дозорный нации", и они уверены в своей правоте.²⁵²³ Бесполезно говорить им, что существуют более информированные и более компетентные власти, чем они сами. Робеспьер уверяет их, что "в вопросах гения и общественного духа народ непогрешим, в то время как все остальные подвержены ошибкам"²⁵²⁴, и здесь они уверены в своих силах. В своих собственных глазах они являются законными, компетентными властями для всей Франции, и в течение трех лет единственной темой, которую их придворные из прессы, трибуны и клуба наперебой повторяют им, является выражение герцога де Виллера, сказанное Людовику XIV в детстве: "Смотри, мой господин, смотри на это великое королевство! Оно все для тебя, оно принадлежит тебе, ты его хозяин!" Несомненно, чтобы проглотить и переварить такую грубую иронию, люди должны быть полудурками или полужверями; но именно способность к самообману отличает их от разумной или пассивной толпы и превращает их в группу, чье превосходство непреодолимо. Убежденные в том, что уличная толпа имеет право на абсолютное правление и что нация выражает свой суверенитет через свои собрания, они одни собирают уличные толпы, они одни, в силу своего самомнения и отсутствия рассудительности, считают себя королями.

Такова новая власть, которая в первые месяцы 1792 года возникает рядом с законной властью. Она не предусмотрена Конституцией; тем не менее она существует и заявляет о

себе; она видима, и ее рекрутов можно [пересчитать](#)²⁵²⁵. 29 апреля, с согласия Ассамблеи и вопреки закону, три батальона из пригорода Св. Антуана, около 1500 [человек](#)²⁵²⁶, маршируют тремя колоннами в зал, одна из которых состоит из фузилеров, а две другие - из пикинеров, "их пики длиной от восьми до десяти футов", грозного вида и всех видов: "пики с лавровыми листьями, пики с листьями клевера, пики с лавровыми листьями, пики с листьями клевера, пики с поворотными шипами, пики с сердцами, пики со змеиными языками, пики с вилами, пики с кинжалами, пики с тремя зубцами, пики с боевыми топорами, пики с когтями, пики с серпами, копыта-пики, покрытые железными зубцами." На другом берегу Сены три батальона из предместья Сен-Марсель сформированы и вооружены таким же образом. Это составляет ядро еще 3 000 человек в других кварталах Парижа. Добавьте к этому в каждом из шестидесяти батальонов Национальной гвардии стрелков, почти все они кузнецы, слесари и конокрады, а также большинство жандармов, старых солдат, уволенных за неповиновение и склонных к беспорядкам, - всего армия около 9000 человек, не считая обычного сопровождения бродяг и просто бандитов; невежественных и жаждущих, но людей, которые делают свое дело, хорошо вооруженных, сформированных в роты, готовых к маршу и к удару. Наряду с говорящими властями у нас есть реальная сила, которая действует, ибо только она действует. Как раньше преторианская гвардия цезарей в Риме или турецкая гвардия халифов в Багдаде, отныне она - хозяйин столицы, а через столицу - нации.

III.- Ее лидеры.- Их комитет.- Методы возбуждения толпы.

Как войска, так и их лидеры. У быков должны быть погонщики, которые бы их вели, на одну степень превосходящие скотину, но только на одну, одетые, говорящие и действующие в соответствии со своим занятием, без неприязни или угрызений совести, от природы или по собственной воле закаленные, плодовитые в жокеях и в уловках бойни, сами принадлежащие к народу или делающие вид, что принадлежат к нему. Сантерр - пивовар с улицы Фобур-Сент-Антуан, командир батальона "Тружеников детства", высокий, крепкий, показной, со звенящими легкими, пожимающий руку каждому встречному на улице, а дома угощающий всех выпивкой, оплаченной герцогом Орлеанским. Лежандр - холерический мясник, который и в Конвенте сохраняет свои мясницкие черты. Есть три или четыре иностранных авантюриста, опытных во всех видах смертоносных операций, использующих саблю или штык без предупреждения, чтобы люди убрались с дороги. Первый из них, Ротондэ, - итальянец, преподаватель английского языка и профессиональный бунтовщик, который, будучи осужденным за убийство и грабеж, должен закончить свои дни в Пьемонте на виселице. Второй, Лазовский, - поляк, бывший денди, самодовольный пижон, который с рабской ловкостью становится самым наглым из голых санкюлотов; прежде наслаждавшийся синекурой, затем внезапно оказавшийся на улице и кричащий в клубах против своих защитников, которых он видит убранными; он избран капитаном стрелков батальона Сен-Марсель и должен быть одним из сентябрьских бойцов. Однако его салонный темперамент недостаточно строг для роли, которую он играет на улицах, и в конце года он умирает, съеденный лихорадкой и бренди. Третий - еще один главный убийца во время

сентябрьской резни. Фурнье, известный как Американец, бывший плантатор, который привез с собой из Сен-Доминго презрение к человеческой жизни; "с его синюшным и зловещим лицом, усами, тройным поясом пистолетов, грубым языком, клятвами, он похож на пирата". Рядом с ними мы встречаем маленького горбоносого адвоката по имени Кюиретт-Верьер, непрекращающегося оратора, который 6 октября 1789 года проехал по городу на большой белой лошади, а затем выступил в поддержку Марата, и эти два качества вместе с его фигурой Панча полностью утвердили его в народном воображении; грубые парни, устраивающие ночные собрания у Сантерра, нуждались в писателе, и он, вероятно, отвечал их требованиям. Это тайное общество может рассчитывать на других верных. Бриер, виноторговец, Николя, сапер из батальона "Труженики детства", Гонор, утверждающий, что он один из победителей Бастилии [2527](#), Россиньоль, старый солдат, а впоследствии подмастерье ювелира, который, возглавив резню в Ла Форс, становится импровизированным генералом и демонстрирует свою неспособность, разврат и воровство по всей Вандее. "Их еще больше", - не сомневается Гюгенен, разорившийся бывший адвокат, затем карабинер, затем дезертир, затем барьерный клерк, теперь служащий представителем Фобур-Сент-Оноре и, наконец, президентом сентябрьской коммуны; был также, несомненно, Сент-Урюг по прозвищу Пер-Адам. Huruge по прозвищу Père Adam, великий бармен Пале-Рояля, маркиз, скатившийся в сточную канаву, пьющий и одевающийся как простой носильщик, всегда расцветающий огромной дубиной, за которым следовала вся [шпана2528](#). Вот и все лидеры. Якобинцы из муниципалитета и Собрания ограничиваются тем, что попустительствуют этому предприятию и поощряют его. [2529](#) Лучше, чтобы восстание выглядело спонтанным. Жирондисты, Петион, Мануаль и сам Дантон, по причине осторожности или застенчивости, остаются на заднем плане - нет причин для их появления. Остальные, связанные с народом и затерянные в толпе, лучше подходят для того, чтобы сфабриковать историю, которая понравится их пастве. Эта история, адаптированная к интеллектуальным пределам, форме и активности толпы, одновременно проста и мрачна, как любят дети, или, скорее, мелодрама, взятая с чужой сцены, в которой добрые выступают на одной стороне, а злые - на другой, с людоедом или тираном в центре, каким-нибудь позорным предателем, который обязательно будет разоблачен в конце пьесы и наказан по заслугам, все это в грандиозных выражениях и, в качестве финала, завершается грандиозным хором. В сыром мозгу перевозбужденного рабочего политика находит дорогу только в виде грубоватых, многокрасочных образов, таких, как "Марсельеза", "Карманьола" и "Ча ира". Необходимый девиз адаптирован для его использования; через это неправильной формы увеличительное стекло самая любезная фигура предстает в дьявольском облике. Людовик XVI представлен здесь "как чудовище, использующее свою власть и сокровища, чтобы противостоять возрождению французов. Новый Карл IX, он желает навлечь на Францию смерть и опустошение. Уходи, жестокий человек, твоим преступлениям должен быть положен конец! Дамиенс был менее виновен, чем вы! Он был наказан самыми ужасными пытками за то, что пытался избавить Францию от чудовища, в то время как вам, совершившему попытку в двадцать пять миллионов раз больше, предоставлена полная неприкосновенность! [2530](#) Давайте растопчем ногами эту симулякру королевской власти! Трепещите, тираны, Скуавола еще среди вас!"

Все это произносится, декламируется или, скорее, выкрикивается, публично, при свете дня, под окнами короля, ораторами, сидящими на стульях, в то время как подобные провокации ежедневно исходят от комитета, созданного в заведении Сантерра, то в форме объявлений, вывешенных в фобургах, то в форме петиций, распространяемых в клубах и секциях, то в форме ходатайств, поднимаемых "среди групп в Тюильри, в Пале-Рояле, на площади де Грев и особенно на площади Бастилии". После 2 июня лидеры основали новый клуб в церкви "Тружеников детства", чтобы иметь свою специальную лабораторию и работать на

месте.²⁵³¹ Подобно платоновским демагогам, они понимают свое дело. Они узнали, какие крики заставляют популярное животное обратить внимание, что его оскорбляет, что его привлекает и по какой дороге его следует вести. Втянувшись и начав движение, он будет слепо идти вперед, подгоняемый собственным произвольным вдохновением и сокрушая своей массой все, что встретит на своем пути.

IV.- 20 июня.

Программа.- Сбор.- Шествие перед
Собрание.- Волнение в замке.- Король в
Король в присутствии народа.

Приманка была тщательно подобрана и хорошо представлена. Она принимает форму празднования годовщины клятвы на Теннис-корте. На террасе Фельянов будет посажено дерево Свободы, а "петиции, касающиеся обстоятельств", будут представлены в Собрании, а затем королю. В качестве меры предосторожности и для воздействия на недоброжелателей петиционеры снабжают себя оружием и выстраиваются вдоль подходов.²⁵³² Народное шествие - привлекательная вещь, а ведь здесь так много рабочих, которые не знают, чем занять свой пустой день! И, опять же, так приятно выступать в патриотической опере, когда многие, особенно женщины и дети, очень хотят увидеть месье и мадам Вето. Приглашены жители окрестных [пригородов](#)²⁵³³, бездомные бродяги и нищие, конечно же, присоединятся к празднику, а также многочисленная толпа парижских бездельников, бездельников, на которых можно положиться при любом зрелище, и любопытных, которые даже в наше время сотнями собираются на набережных, следя за собакой, случайно упавшей в реку. Все это образует тело, которое, не задумываясь, следует за головой.

В пять часов утра 20 июня в кварталах Сент-Антуан и Сент-Марсель уже формируются группы, состоящие из национальных гвардейцев, пикинеров, стрелков с пушками, людей, вооруженных саблями или дубинками, женщин и детей.²⁵³⁴ Но в мозгу рабочего класса идеи столь же живучи, сколь и недолговечны. Люди рассчитывают на гражданскую процессию и встают рано утром, чтобы принять в ней участие; пушка уже прицеплена, майское дерево поставлено на колеса, все готово к церемонии, все уходят в отпуск, и никто не настроен возвращаться домой. Кроме того, у них только добрые намерения. Они знают закон так же хорошо, как и городские власти; они "вооружены исключительно для того, чтобы он соблюдался и уважался". Наконец, другие вооруженные петиционеры уже подали прошения в Национальное собрание, и, поскольку один не хуже другого, "закон равен для всех", другие тоже должны быть допущены. В любом случае они тоже попросят разрешения у Национального собрания и пойдут напролом. Это последний и лучший аргумент из всех, и, чтобы доказать городским властям, что у них нет желания устраивать беспорядки, они просят их присоединиться к шествию и идти вместе с ними.

Тем временем проходит время. В толпе, раздраженной задержкой, самые нетерпеливые, самые грубые, самые склонные к насилию всегда ведут за собой остальных. В штабе [Валь-де-Граса](#)²⁵³⁵ пикинеры захватывают пушки и тащат их за собой; национальные гвардейцы пускают все на самотек; Сен-При и Леклерку, командующим офицерам, под угрозой смерти ничего не остается делать, как уступить с протестом. - То же самое происходит и на участке Монтрей; сопротивление четырех из шести офицеров батальона лишь дало полную власть

зачинщику восстания, и отныне Сантерр становится единственным лидером собравшейся толпы. Около половины одиннадцатого он покидает свою пивоварню и, сопровождаемый пушкой, флагом и грузовиком с тополем, становится во главе процессии, "состоящей примерно из пятнадцатисот человек, включая прохожих".²⁵³⁶ Однако, как снежный ком, отряд растет по мере продвижения, пока, достигнув Национального собрания, за Сантерром не оказывается от семи до восьми тысяч человек.²⁵³⁷ Гваде и Верньо предлагают представить петиционеров; их представитель, Гугенен, в напыщенной и угрожающей речи обличает министерство, короля, обвиняемых в Орлеане, депутатов "правых", требует "крови" и сообщает Собранию, что народ "решительно" готов взять закон в свои **руки**²⁵³⁸. Затем, под звуки барабанов и оркестров, толпа более часа дефилирует по залу под взглядами Сантерра и Сент-Уружа: то тут, то там проходят несколько отрядов Национальной гвардии, смешиваясь с толпой и теряясь в "движущемся лесу пик"; все остальные - чистый сброд, "отвратительные лица"²⁵³⁹, говорит депутат, на которых оставили свой след нищета и разгульная жизнь, оборванцы, люди "без пальто", в рукавах рубашек, вооруженные всевозможными способами, с долотами и сапожными ножами, насаженными на палки, один с пилой на шесте длиной в десять футов, женщины и дети, некоторые из них с саблями.²⁵⁴⁰ В середине этой процессии старая пара бриджей [culottes], которую несли на пике с девизом: Vivent les Sans-Culottes! и, на вилах, сердце теленка с надписью: Coeur d'aristocrate, оба знаковые эмблемы мрачного юмора, который воображение торговцев тряпьем или мясников могло бы придумать для политического карнавала.²⁵⁴¹ Парада недостаточно, они хотят еще и развлечься: проходя через зал, они поют ça ira и танцуют в перерывах. В то же время они демонстрируют свою гражданскую позицию, выкрикивая Vive les patriotes! A bas le Veto! Они братаются, проходя мимо, с хорошими депутатами "левых"; они насмеваются над "правыми" и потрясают кулаками; одному из них, известному своим высоким ростом, говорят, что его дела будут решены за него при первой же **возможности**²⁵⁴². Таким образом, они выставляют перед Собранием своих сообщников, каждый готов и хочет действовать, даже против самого Собрания.²⁵⁴² И все же, за исключением железных перил, которые толпа вытолкнула, и вторжения на террасу "Фельянов", не было совершено ни одного акта насилия. Население Парижа, за исключением тех случаев, когда оно в ярости, скорее, оживленно и любопытно, чем свирепо; кроме того, до сих пор никто не оказывал сопротивления. Толпа уже пресытилась криками и шествиями; многие из них зевают от скуки и **усталости**²⁵⁴³; в четыре часа они простояли на ногах десять или двенадцать часов. Людской поток, вытекающий из Ассамблеи и вливающийся в Каррузель, застоялся и, кажется, готов вернуться в свои обычные русла.²⁵⁴³ Это не то, что планировали лидеры. Сантерр, прибыв с Сент-Уружем, кричит своим людям: "Почему вы не вошли в замок? Вы должны войти - для этого мы сюда и пришли".²⁵⁴⁴ Лейтенант канониров Валь-де-Граса кричит: "Мы вскрыли Каррузель, мы должны вскрыть и замок! Это первый раз, когда артиллеристы Валь-де-Граса маршируют - они не j.... f.... Идите за мной, мои люди, на врага!"²⁵⁴⁵ - "Тем временем за воротами некоторые из муниципальных чиновников, выбранных Петионом из числа наиболее революционно настроенных членов совета, преодолевают сопротивление своими речами и командами. "В конце концов, - говорит один из них, по имени Муше, - право петиции священо". "Откройте ворота! - кричат Сержан и Буше-Рене, - никто не имеет права их закрывать. Каждый гражданин имеет право пройти через них!"²⁵⁴⁶ Пушкарь поднимает засов, ворота открываются, и двор заполняется в мгновение **ока**²⁵⁴⁷; толпа устремляется под арку и вверх по парадной лестнице с такой стремительностью, что пушка, которую несут на руках, достигает третьей комнаты на втором этаже, прежде чем остановится. Двери трещат под ударами топоров, и в большом зале Oeil de Boeuf толпа оказывается лицом к лицу с королем.

В таких обстоятельствах представители государственной власти, директории, муниципалитеты, военные вожди, а 6 октября и сам король - все они до сих пор уступали; они либо уступали, либо погибали. Сантерр, будучи уверенным в исходе дела, предпочел не принимать в нем никакого участия; он благоразумно сдержался, уклонился и позволил толпе оттеснить себя в зал совета, где укрылись королева, молодой дофин и дамы.²⁵⁴⁸ Там, благодаря своей высокой, корпулентной фигуре, он создал своего рода щит, чтобы предотвратить бесполезные и компрометирующие раны. Тем временем в Oeil de Boeuf он предоставил событиям идти своим чередом; в его отсутствие будет сделано все, что должно было быть сделано, и в этом он, кажется, справедливо просчитался. - С одной стороны, в оконной нише, король сидит на скамье, почти один, а перед ним, в качестве охраны, стоят четыре или пять национальных гвардейцев; С другой стороны, в апартаментах, - огромная толпа, ежечасно увеличивающаяся по мере того, как слух о вторжении распространяется в окрестностях, пятнадцать или двадцать тысяч человек, непомерное скопление, мехи, пронизанные вихрями, воющее море тел, давящих друг друга, из которых простой поток и отток расплющил бы о стены препятствия в десять раз сильнее, шум, достаточный, чтобы разбить оконные стекла, "страшные крики", проклятия и проклятия, "Долой М. Вето!" "Пусть Вето отправляется к дьяволу!" "Верните министров-патриотов!" "Он должен подписать; мы не уйдем, пока он не подпишет!"²⁵⁴⁹ И прежде всего Лежандр, более решительный, чем Сантерр, объявляет себя выразителем и доверенным лицом власти суверенного народа: "Сударь, - обращается он к королю, который, как он видит, делает жест удивления, - да, сударь, послушайте нас; вас заставляют слушать то, что мы говорим! Ты предатель! Ты всегда обманывал нас, обмани и сейчас! Но берегитесь, мера полна; народ устал от игры!" - "Сир, сир, - восклицает другой фанатик, - я прошу вас от имени ста тысяч окружающих нас существ отозвать министров-патриотов... Я требую санкции на декрет против священников и двадцати тысяч человек. Или санкция, или вы умрете!" - Но для исполнения угрозы не хватает совсем немного. Первые желающие уже под рукой, "с пиками", среди них "разбойник" с ржавым лезвием меча на конце шеста, "очень острым", который направляет его на короля. После этого попытка убийства многократно возобновляется, упрямо, тремя или четырьмя безумцами, решившими убить и подающими знаки к этому, один из которых, дряхлый, оборванный парень, поддерживает свое возбуждение "самыми грязными предложениями", второй, "так называемый покоритель Бастилии", бывший портшез Фулона и Бертье, а затем изгнанный из батальона, третий - рыночный торговец, который "более часа", вооружившись саблей, делает страшные попытки пробиться к королю.²⁵⁵⁰ Ничего не делается. Король остается непробиваемым при любых угрозах. Он берет руку гренадера, желающего ободрить его, и, положив ее себе на грудь, говорит ему: "Посмотрите, не бьется ли это сердце, взволнованное страхом".²⁵⁵¹ Лежандру и фанатикам, призывающим его к санкциям, он отвечает без малейшего волнения:

"Я никогда не отступал от Конституции..... Я буду делать то, что требует от меня Конституция..... Это вы нарушаете закон". -И в течение почти трех часов, оставаясь стоять, заблокированный на своей скамье,²⁵⁵² он упорствует в этом, не проявляя ни признаков слабости, ни гнева. Эта хладнокровная выправка наконец производит эффект, причем впечатление, которое она производит на зрителей, совсем не то, которое они ожидали. Совершенно ясно, что перед ними не тот монстр, которого им изображали, не мрачный, властный тиран, не дикий, хитрый Карл IX, которого они с шипением представляли на сцене. Они видят человека, несколько дородного, со спокойными, благожелательными чертами лица, которого, если бы не его синий пояс, они приняли бы за обычного, мирного буржуа.²⁵⁵³ Его министры, рядом с которыми стоят три или четыре человека в черных плащах, джентльмены и респектабельные служащие, - именно те, кем они кажутся. В другой нише окна стоит его сестра, мадам Елизавета, с ее милым и невинным лицом. Этот мнимый

тиран - такой же человек, как и все остальные; он говорит мягко, он утверждает, что закон на его стороне, и никто не говорит обратного; возможно, он ошибается меньше, чем о нем думают. Если бы он только стал патриотом! - Женщина в зале размахивает шпагой с кокардой на острие; король делает знак, ему вручают шпагу, которую он поднимает и, торопясь вместе с толпой, кричит: Vive la Nation! Это уже один хороший знак. На конце шеста в воздухе покачивается красная шапочка. Кто-то предлагает ее ему, и он надевает ее на голову; раздаются аплодисменты, крики Vive la Nation! Да здравствует свобода! и даже да здравствует король!

С этого момента самая большая опасность миновала. Но осаждающие не отказываются от осады. "Он чертовски хорошо сделал, - восклицают они, - что надел колпак, и если бы он этого не сделал, мы бы увидели, что из этого выйдет. И черт побери, если он не примет постановление против священников, и сделает это немедленно; мы будем возвращаться каждый день. Таким образом мы утомим его и заставим бояться нас. Жара все сильнее, усталость крайняя, король все меньше покидает город и все лучше защищен. Пять или шесть депутатов, три муниципальных чиновника, несколько офицеров Национальной гвардии сумели пробиться к нему. Сам Петион, расположившись на диване, забрасывает народ привычной лестью.²⁵⁵⁴ В это время Сантерр, понимая, что возможность упущена, принимает позу освободителя и кричит своим грубым голосом: "Я отвечаю за королевскую семью. Позвольте мне проследить за этим". Перед королем выстраивается шеренга национальных гвардейцев, и медленно, с трудом, подгоняемая мэром, толпа рассасывается, и к восьми часам вечера ее уже нет.

2501 (возвращение)

["Moniteur", X. 39 и последующие страницы (заседания 5 и 6 октября 1791 г.). Речи Шабо, Кутона, Лекиньо и Верньо - "Меркюр де Франс", 15 октября. Речь Робеспьера, 17 мая 1790 года. "Король - не представитель нации, а ее клерк" - см. Эрнест Гамель, "Жизнь Робеспьера"].

2502 (возвращение)

["Moniteur", XIII. 97 (заседание от 6 июля 1792 г.)].

2503 (возврат)

[Buche et Roux, XIII. 61, 28 января 1792 г. Король в своей обычной мягкой манере обращает внимание Собрания на совершаемую им узурпацию. "Принятая вами форма допускает важные замечания. Сегодня я не буду их высказывать; серьезность ситуации требует, чтобы я больше заботился о поддержании гармоничных настроений, чем о постоянном обсуждении своих прав"].

2504 (возвращение)

[Sauzay, II. 99. Письмо депутата Вернери директору департамента Дуб: "Директория департамента может всегда действовать с величайшей строгостью против подстрекателей и, за исключением статьи, касающейся их пенсии, следовать по пути, указанному в декрете.

Если исполнительная власть захочет помешать деятельности Директории... последняя может прибегнуть к помощи Национального собрания, которое, по всей вероятности, предоставит ей убежище от нападков министерства" - Moniteur, XII. 202 (заседание 23 апреля). Доклад Ролана, министра внутренних дел. Уже к этому моменту сорок два департамента выслали или интернировали неприсягнувших церковников].

2505 (возврат)

["Меркюр-де-Франс", 25 февраля.]

2506 (возврат)

[Moniteur, X. 440 (заседание от 22 ноября 1791 г.). Читаем письмо М. Саутона, директора Монетного двора в Париже, в котором он "жалуется на произвольный приказ министра внутренних дел явиться в По 25 числа этого месяца под страхом увольнения". Иснар поддерживает обвинение: "Месье Саутон, - говорит он, - здесь работает над весьма косвенным доносом на министра внутренних дел (Аплодисменты с галерей.) Если граждане, которые достаточно ревностно ведут войну со злоупотреблениями, будут отправлены обратно в свои департаменты, у нас никогда не будет доносов" (Аплодисменты возобновлены.): -Ibid., X, 504 (заседание от 29 ноября). Речь Иснара: "Наши министры должны знать, что мы не вполне удовлетворены поведением каждого из них, - многократные аплодисменты, - что отныне они должны выбирать между общественной благодарностью и возмездием закона, и что наше понимание слова "ответственность" - это смерть". (Аплодисменты возобновляются.)- Собрание приказывает напечатать эту речь и разослать по департаментам.- Ср. XII, 73, 138 и т.д.].

2507 (возвращение)

["Moniteur", XI. 603. (Заседание от 10 марта. Выступление Бриссо с целью добиться обвинительного декрета против М. Делессара, министра иностранных дел). М. Делессар - "вероломный человек", поскольку в одной из депеш он заявил, что "Конституция для подавляющего большинства нации стала своего рода религией, которую принимают с величайшим энтузиазмом". Бриссо осуждает эти два выражения как неадекватные и антипатриотические.-Ibid., XII. 438 (заседание 20 мая). Речь Гваде: "Ларивьер, судья-де-па, признал себя виновным в самых низменных и жестоких страстях, желая узурпировать власть, которую Конституция передала в руки Национального собрания" - Я не верю, что сам Лабардемон мог бы сочинить что-либо равное этим двум речам.- Ср. XII. 462 (заседание 23 мая). Речь Бриссо и Гонсонне об австрийском комитете. Слабость и нелепость их аргументов просто невероятна].

2508 (возврат)

["Дела министра Дюпор-Дютерра и посла в Вене мсье де Ноайля"].

2509 (обратно)

["Меркюр де Франс", 10 марта 1792 г.].

2510 (обратно)

[Moniteur, XI. 607 (заседание от 10 марта)].

2511 (возврат)

[Moniteur, XII.396 (заседание от 15 мая). Обращение Иснара послужило основой для знаменитого письма Ролана. - См. passim, заседания Собрания во время жирондистского правления, особенно 19 и 20 мая, 5 июня и т. д.].

2512 (возвращение)

[Дюмурье, "Мемуары", кн. III. гл. VI].

2513 (обратно)

["Письмо молодого механика", предлагающего создать конституционного короля, который "с помощью пружины получал бы из рук председателя Собрания список министров, назначенных большинством" (1791)].

2514 (возвращение)

[Серван, который был военным министром жирондистов, предложил позволить 20 000 фельдъегерей или провинциальных национальных гвардейцев обосноваться за пределами Парижа. (SR)].

2515 (возвращение)

[Вы встретите это зловещее выражение позже, когда правительство перестало убивать во Франции, а просто отправляло неугодных и мнимых или реальных противников за границу в лагеря смерти. Транспортировку использовали Сталин и Гитлер, только их истребление происходило в их собственных странах, а не за границей. (SR).]

2516 (возврат)

[Moniteur, XI. 426 (заседание от 19 мая). Выступление Ласурса: "Нельзя ли все устроить таким образом, чтобы иметь значительные силы достаточно близко к столице, чтобы устрашать и держать в бездействии фракции, интриганов, предателей, которые замышляют коварные планы в ее лоне, одновременно с маневрами внешних врагов?"]

2517 (возвращение)

[Малле дю Пан, "Mémoires". I. 303. Письмо Малуэ от 29 июня: "Король спокоен и совершенно смирился. 19-го числа он написал своему духовнику: "Приезжайте, сударь; никогда еще я не нуждался так сильно в ваших утешениях. Я покончил с людьми; теперь я должен обратить свой взор к небу. На завтра назначены печальные события. Я должен набраться мужества". "Письма Корея к протопсалту Смирнскому" (перевод М. де Куэ де Сент-Илер), 145, 1 мая:

"Двор в опасности с каждым мгновением. Не удивляйтесь, если когда-нибудь я напишу вам, что его несчастный король и его жена убиты"]].

2518 (возврат)

[Ретиф де ла Бретонн, "Парижские ночи", т. XVI. (анализ Лакруа в "Библиотеке Ретифа де ла Бретонна"). Ретиф - человек в Париже, который больше всех жил на улицах и больше всех общался с низшим классом].

2519 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3276. Письмо Директории Кламеси от 27 марта и официальный отчет гражданских комиссаров от 31 марта 1792 года о бунте плотогонов. Траку, их капитан, вооруженный дубиной длиной в десять футов, заставлял мирных людей идти с ним, угрожая сбить их с ног; он пытался отнять голову у Пейнье, клерка парижских торговцев древесиной. "Сегодня вечером у меня будет хороший ужин", - воскликнул он, - "или голова этого мерзавца Пейнье будет толстой, и я засуну ее в свой горшок!"]].

2520 (обратно)

["Письма Корая", 126. "Этот грабеж длится уже три дня, 22, 23 и 24 января, и с каждым часом мы ожидаем еще более ужасных беспорядков"]].

2521 (возвращение)

[Мерсье ("Парижский стол") еще до революции заметил эту привычку парижского рабочего, особенно среди низшего класса рабочих].

2522 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, 1.346 (письмо от 21 июня 1792 г.)].

2523 (возврат)

[Buchez et Roux, VIII. 25 (заседание Национального собрания, 10 ноября 1790 г.). Петиция, представленная Дантоном от имени сорока восьми секций Парижа].

2524 (возврат)

[Buchez et Roux, XIV. 268 (май 1792 г.). Статья Робеспьера против праздника, устроенного в честь Симонно, мэра Этампа, убитого во время беспорядков: "Симонно был виновен до того, как стал жертвой"]].

2525 (возвращение)

[Как можно забыть великого соблазителя масс Гитлера? В своей книге "Гитлер говорит" на странице 208 Раушнинг сообщает, что Гитлер сказал: "Верно, что массы не критичны, но не в

том смысле, как это представляют себе эти идиоты марксисты и реакционеры. У масс тоже есть критические способности, но они функционируют иначе, чем у частного человека. Массы подобны животным, они повинуются инстинктам. Они не приходят к выводам путем рассуждений. Мой успех в инициировании величайшего народного движения всех времен объясняется тем, что я никогда не делал ничего в нарушение жизненных законов и чувств массы. Эти чувства могут быть примитивными, но они обладают стойкостью и неразрушимостью природных качеств. То, что однажды было сильно прочувствовано в жизни масс, например продовольственные карточки или инфляция, уже никогда не будет изгнано из их крови. У масс простая система мышления и чувств, и все, что не укладывается в нее, их беспокоит. Только потому, что я принимаю во внимание их жизненные законы, я могу управлять ими"]].

2526 (возвращение)

["Moniteur", XII. 254.- Согласно королевскому альманаху 1792 года, парижская национальная гвардия состоит из 32 000 человек, разделенных на шестьдесят батальонов, к которым следует добавить батальоны пикинеров, стихийно организованные и состоящие, в первую очередь, из неактивных граждан; см. в "Парижских революциях", журнал Прюдомма, гравюры, изображающие подобное шествие].

2527 (возврат)

[Buche et Roux, XV. 122. Декларация Ларейни, солдата-добровольца из батальона Иль-Сен-Луи. К тем, кого он называет, я добавляю Гугена, поскольку 20 июня его обязанностью было зачитать петицию бунтовщиков; также Сен-Уружа, поскольку он возглавил толпу вместе с Сантерром. О Россиньоле см. Dauban, "La Demagogie à Paris", 369 (согласно рукописным воспоминаниям Мерсье дю Роше). Он прибывает в Фонтене 21 августа 1793 года с представителем Бурботта, Моморо, генеральным комиссаром, тремя адъютантами, Муленом, Гасаром, бывшим священником, Граммоном, бывшим актером и несколькими проститутками. "Самая красивая из них делила ложе с Бурботтом и Россиньоном". Они поселились в особняке, на который были наложены печати. "Печати были сорваны, а драгоценности, платья и женские наряды конфискованы в пользу генерала и его сторонников. Не было ничего, вплоть до посуды, что не стало бы добычей этих самозванных республиканцев"]].

2528 (возвращение)

[Mathon de la Varenne, "Histoire particulière des événements qui ont eu lieu en juin, juillet, août, et septembre, 1792," p. 23. (Он был лично знаком с Сент-Урюгом.) В 1778 году Сент-Урюг женился в Лионе на актрисе. Вернувшись в Париж, он узнал через полицию, что его жена - троллиха, и обращался с ней соответствующим образом. Разгневанная актриса навела справки о прошлой карьере Сент-Урюга и обнаружила два обвинения против него: одно - в ограблении и убийстве иностранного торговца, другое - в детоубийстве; она добилась его заключения в тюрьму с помощью письма-де-каше. Он находился в Шарантоне с 14 января 1781 года по декабрь 1784 года, когда его перевели в другую тюрьму, а затем сослали в его поместья, из которых он бежал в Англию. Он вернулся во Францию с началом революции].

2529 (возвращение)

[Что касается попустительства, см. Mortimer-Ternaux, I. 132 и следующие страницы.-Mallet du Pan, "Mémoires", I. 300. Письмо аббата де Прадта от 21 июня 1795 года. "О восстании было объявлено уже несколько дней назад... Накануне вечером 150 депутатов, среди которых было много якобинцев, ужинали за своим большим столом на Елисейских полях и раздавали подарки в виде вина и еды"]].

2530 (обратно)

["Moniteur", XII. 642 (заседание 12 июня 1792 г., рассказ депутата М. Дельфо).- Казнь Дамиена засвидетельствовали еще живые парижане, а "Карл IX" Мари Шенье был в это время самой популярной трагедией. "Французский народ, - пишет М. Фериер (I. 35), - уходил с представления, жаждущий мести и мучимый жаждой крови. В конце четвертого акта громогласный колокол возвещает о моменте расправы, и публика, затаив дыхание, вздыхая и стоная, яростно восклицает: молчи! молчи! как будто боясь, чтобы звук этого смертного колокола не взволновал сердце до самых его глубин."- "Революции Парижа", номер за 23 июня 1792 года. "Ораторы, под полным парусом, распределили между собой свои роли: один - против штабов, другой - против священников, третий - против судей, департамента, министров и особенно короля. "Есть и такие, и в этом мы согласны с месье Дельфо, которые передают меру и советуют убивать жестами, глазами и речью"]].

2531 (возвращение)

[Mortimer-Ternaux, I. 133.- Тот же расчет и та же рабочая мастерская в фобур Сен-Марсель (донесение Сен-Прикса, коменданта батальона Валь-де-Гранс). "Умы оставались спокойными, пока не открылся клуб у Порты Сен-Марсель; теперь они все взволнованы и разделены. Этот дубль, связанный с дублем Сантерра, призывает граждан идти завтра (20 июня) вооруженными к Национальному собранию и дворцу короля, невзирая на действия официальных властей"]].

2532 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, I. 136. Эту программу Лазовский и еще девять человек впервые представляют генеральному совету коммуны (16 июня). Генеральный совет отклоняет ее и ссылается на закон. "Просители, узнав об этом решении, громко заявляют, что оно не помешает им собраться с оружием в руках" (Buche et Roux, XV. 120, официальный отчет М. Бори).- Библиография документов, относящихся к 20 июня, приведена в Mortimer-Ternaux, I. 397 и последующих страницах. Основные документы содержатся в Мортимер-Терно, в "Парламентской истории" Буше и Ру и в "Ревю ретроспектива"]].

2533 (возврат)

["Correspondance de Mirabeau et M. de la Marck", III. 319. Письмо графа де Монморина от 21 июня 1792 года. "Парижских бандитов недостаточно, они пригласили этих из соседних деревень"]].

2534 (возврат)

[Доклады муниципальных чиновников Перрона (7 часов утра), Сержанта (8 часов), Муше, Гужара и Томаса (9 часов)].

2535 (возвращение)

[Донесение Сен-При, коменданта батальона Валь-де-Гранс (10 часов утра). Донесение Александра, командующего батальоном Сен-Марсель. "Весь батальон не был готов к маршу" - официальный отчет участка Монтрей. Бонно, командир заключает, что маршировать можно только под протестом и во избежание пролития крови].

2536 (возвращение)

[Показания Ларейрни, солдата-добровольца из батальона Иль-Сен-Луи].

2537 (возврат)

[Показания М. Витингхофа, генерал-лейтенанта. "Переписка Мирабо и М. де ла Марка". Письмо М. де Монморина, 21 июня. "В два часа собралось 8000 или 10 000 человек"].

2538 (возвращение)

["Moniteur", XII. 717. "Какое несчастье для свободных людей, передавших вам свои полномочия, оказаться поставленными перед жестокой необходимостью макать свои руки в кровь заговорщиков!" и т. д. - Характер лидеров проявляется в их стиле. Некомпетентный переписчик, составивший обращение, даже не знал значения слов. "Так хочет народ, и его голова имеет большее значение, чем голова коронованных деспотов. Эта голова - генеалогическое древо нации, и перед этой крепкой головой должен склониться слабый тростник!" Он уже пересказал басню "Дуб и камыш", ему известны имена Демосфена, Цицерона и Катилина. Кажется, что это сочинение школьного учителя, ставшего автором публичных писем за гроши за страницу].

2539 (возврат)

[Hua, "Mémoires", 134.]

2540 (обратно)

["Moniteur", XII. 718.]

2541 (возврат)

["Chronique des cinquante jours", автор Roederer, синдик-адвокат департамента].

2542 (обратно)

[Hua, 134.- Bourrienne, "Mémoires", I. 49. (Он был с Бонапартом в ресторане на улице Сент-

Оноре, недалеко от Пале-Рояля). "Выйдя на улицу, мы увидели, что со стороны рынка идет отряд, который Бонапарт оценил в 5-6 тысяч человек, все в лохмотьях и вооруженные самым странным образом, кричащие и выкрикивающие самые грубые провокации, и повернули в сторону Тюильри. Это была, безусловно, самая мерзкая и отвратительная толпа, которую только можно было найти в фобургах. "Пойдем за этим сбродом", - сказал мне Бонапарт". Они поднимаются на террасу на берегу реки. "Мне нелегко описать удивление и негодование, которые вызвали в нем эти сцены. Ему не нравилась такая слабость и терпение. *Che coglione!* - воскликнул он громким тоном. Как они могли допустить этих негодяев? Четыре или пять сотен из них должны были быть сметены пушками, а остальные все еще бежали бы!"

2543 (возвращение)

["Chronique des cinquante jours", by Roederer.-Deposition of Lareynie].

2544 (обратно)

[Показания Ларейни.]

2545 (обратно)

[Доклад Сен-Прикса.]

2546 (обратно)

[Доклад Муше. Показания Ларейни. (Вмешательство Сержанта и Буше-Рена оспаривается, но Радерер считает его весьма вероятным)].

2547 (возвращение)

[Месье Пинон, командующий 5-м легионом, и месье Ванно, командующий батальоном, попытались закрыть железные ворота арки, но их оттеснили назад и сказали: "Вы хотите, чтобы погибли тысячи, чтобы спасти одного человека?". Это знаменательное выражение можно услышать снова и снова во время революции, и оно объясняет успех восстаний. Александр, командующий батальоном Сен-Марсель, говорит в своем отчете: "Зачем оказывать сопротивление, которое не может принести никакой пользы обществу, которое может даже скомпрометировать его еще больше?..."].

2548 (возврат)

[Показания Ларейни. Отношение Сантерра здесь четко определено. У подножия лестницы в суде его останавливает группа граждан, которые угрожают "сделать его ответственным за любой причиненный вред" и говорят ему: "Вы один являетесь автором этого неконституционного собрания; это вы один увлекли за собой этих достойных людей. Вы - негодяй!" - Тон этих честных граждан, обращенный к сыеру Сантерру, заставил его побледнеть. Но, ободренный взглядом сыера Лежандра, он прибегнул к лицемерному ухищрению и, обратившись к отряду, сказал: "Господа, составьте протокол, официально заявив, что я отказываюсь войти в апартаменты короля". Единственным ответом толпы,

привыкшей понимать, что имел в виду Сантерр, было оттеснение группы честных граждан с дороги"]].

2549 (возвращение)

[Показания четырех членов национальной гвардии, Лекроснье, Госсе, Бидо и Гибульта; отчеты Аклока и де Лашнайе, командиров легиона; "Хроника последних дней" Рудерера; там же, стр.65: "Я должен заявить, что во время Конвента мясник Лежандр заявил Буасси д'Англасу, от которого я это узнал, что план состоял в том, чтобы убить короля" - Прюдомм, "Преступления революции", III.43. "Короля хотели убить. Мы слышали, как горожане, все в лохмотьях, говорили, что это очень жаль; он выглядит как хороший ублюдок"]].

2550 (возвращение)

[Мадам Кампан, "Mémoires", II. 212. "Месье Ванно, командир батальона, отвёл в сторону оружие, направленное на короля. Один из гренадеров Filles-Saint-Thomas отразил удар шпагой, направленный в ту же сторону с тем же намерением"]].

2551 (возврат)

[Декларация Лашнайе, командовавшего легионом - Moniteur, XII. 719 (вечернее заседание 20 июня). Речь М. Алоса, очевидца. (Король делает это дважды, используя примерно одни и те же слова, первый раз сразу после появления толпы, а второй раз, вероятно, после речи Верньо). Декларация Лашнайе, командующего легионом - Moniteur, XII. 719 (вечернее заседание 20 июня). Речь М. Алоса, очевидца. (Король делает это дважды, используя примерно одни и те же слова, первый раз сразу после появления толпы, а второй раз, вероятно, после речи Верньо)]].

2552 (возвращение)

[На гравюре в "Парижской революции" он изображен сидящим, отделенным от толпы пустым пространством; это фальшивка партии...].

2553 (возврат)

[Королева производит такое же впечатление. Прюдомм в своем дневнике называет ее "австрийской пантерой", и это слово хорошо выражает представление о ней в фавюрах. Проститутка останавливается перед ней и осыпает ее залпом проклятий. Королева отвечает: "Разве я когда-нибудь делала вам зло?" "Нет; но именно вы причиняете столько вреда нации". "Вас обманули", - отвечает королева. "Я вышла замуж за короля Франции. Я мать дофина. Я - француженка. Я никогда больше не увижу свою страну. Я никогда не буду ни счастлива, ни несчастна нигде, кроме Франции. Когда вы любили меня, я была счастлива". Проститутка разрыдалась. "Ах, мадам, простите меня! Я не знала вас. Я вижу, что вы были очень добры". Однако Сантерр, желая положить конец этим эмоциям, восклицает: "Девушка пьяна" - (Мадам Кампан, II. 214.- Репортаж Мандата, офицера легиона)]].

2554 (возвращение)

[Мортимер-Терно, I. 213. "Граждане, вы только что законно изложили свою волю наследственному представителю нации; вы сделали это с достоинством, с величием свободного народа! Нет сомнения, что ваши требования будут повторены восемьюдесятью тремя департаментами, а король не сможет удержаться от того, чтобы не согласиться с явной волей народа"]].

ГЛАВА VI. РОЖДЕНИЕ УЖАСНОЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ.

I.- Возмущение конституционалистов.

Причина их слабости. Жирондисты возобновляют атаку.

-Их двойной план.

Поскольку удар не попал в цель, его необходимо повторить. Это тем более необходимо, что фракция сбросила маску, и "честные люди" [2601](#) со всех сторон возмущены тем, что Конституция подчиняется произволу низшего класса. Почти все высшие административные органы, семьдесят пять [департаментов](#)[2602](#) присоединяются к письму Лафайета или поддерживают прокламацию, столь благородную и умеренную, в которой король, рассказывая о совершенном над ним насилии, со скорбной, непреклонной мягкостью отстаивает свои законные права. Многие города, большие и малые, благодарят его за твердость; адреса подписаны "знатными людьми этих мест" [2603](#), шевалье Сент-Луиса, бывшими чиновниками, судьями и окружными администраторами, врачами, нотариусами, адвокатами, регистраторами, почтмейстерами, фабрикантами, купцами, людьми оседлыми, словом, самыми видными и самыми уважаемыми людьми. В Париже аналогичная петиция, составленная двумя бывшими избирателями, содержит 247 страниц подписей, заверенных 99 нотариусами.[2604](#) Даже в Генеральном совете коммуны большинство высказалось за публичное осуждение мэра Петиона, прокурора синдиката Мануэля и полицейских администраторов Паниса, Сержанта, Вигера и Перрона.[2605](#) Вечером 20 июня совет департамента отдает распоряжение о проведении расследования; оно продолжается; оно настоятельно требует его продолжения; оно доказывает подлинными документами умышленное бездействие, лицемерное попустительство, двойную сделку прокурора-синдика и [мэра](#)[2606](#) ; оно отстраняет обоих от исполнения своих обязанностей и привлекает

их к суду, а также Сантерра и его сообщников. Наконец, Лафайет, добавляя к весомости своего мнения влияние своего присутствия, появляется в зале заседаний Национального собрания и требует "действенных" мер против узурпаций секты якобинцев, настаивая на том, чтобы зачинщики бунта 20 июня были наказаны "как виновные в национальном предательстве". В качестве последнего и еще более значимого симптома его действия одобряются в Собрании большинством более чем в сто [голосов](#)²⁶⁰⁷.

Все это должно быть подавлено и будет подавлено. Ибо на стороне конституционалистов, кем бы они ни были, будь то король, депутаты, министры, генералы, администраторы, знатные люди или национальные гвардейцы, воля к действию испаряется на словах; И причина в том, что они - цивилизованные существа, давно привыкшие к укладу обычного общества, заинтересованные от отца к сыну в соблюдении закона, смущенные мыслью о последствиях, расстроенные многогранными идеями, неспособные понять, что в том состоянии природы, к которому вернулась Франция, имеет значение только одна идея - идея человека, который, принимая объявленную войну, встречает наступление наступлением, заряжает оружие, спускается на улицу и сражается с дикими разрушителями человеческого общества.--Никто не приходит на помощь Лафайету, у которого одного хватило смелости выступить вперед; около ста человек собираются в назначенном им месте встречи на Елисейских полях. Они соглашаются на следующий день отправиться к клубу якобинцев и закрыть его при условии, что их число увеличится до трехсот человек; но на следующий день приходят только тридцать. Лафайет не может сделать ничего другого, как покинуть Париж и написать письмо с очередным протестом. Протесты, апелляции к конституции, закону, общественным интересам, здравому смыслу, хорошо обоснованные аргументы; эта сторона никогда не прибегнет ни к чему другому, кроме речей и бумаг; и в предстоящем конфликте слова будут бесполезны.--Представьте себе ссору двух мужчин, один из которых умело излагает свои доводы, а другой ограничивается лишь ругательствами; последний, встретив на своем пути огромного мастифа, приласкал его, заманил и повел за собой в качестве помощника. Для мастифа умные доводы - лишь бессодержательный звук; устремив жадные глаза на своего временного хозяина, он ждет только сигнала, чтобы броситься на противников, на которых он укажет. 20 июня он уже почти задушил одного из них и накрыл его своим рабом. 21 июня [2608 года](#) он снова готов к нападению. Он продолжает рычать в течение пятидесяти дней, сначала угрюмо, а затем с потрясающей энергией. 25 июня, 14 и 27 июля, 3 и 5 августа он снова делает рывок и сдерживается лишь с большим трудом.²⁶⁰⁹ Уже в один из случаев, 29 июля, его клыки были мокрыми от человеческой крови.²⁶¹⁰ При каждом повороте парламентских дебатов беззащитные конституционалисты видят перед собой эти раскрытые пасти; неудивительно, что он бросает этой собаке или позволяет бросать ей все декреты, требуемые жирондистами, как кость, которую она может грызть.- Уверенные в своих силах, жирондисты возобновляют атаку, и план их кампании кажется искусно подготовленным. Они вполне готовы сохранить короля на троне, но при условии, что он будет всего лишь марионеткой; что он отзовет министров-патриотов, позволит им назначить воспитателя Дофина, а Лафайет будет [смещен](#)²⁶¹¹ ; в противном случае Ассамблея примет акт о низложении короля и захватит исполнительную власть. Таково осквернение двумя вопросами, в которые они поставили Собрание и короля. Если король не согласится уйти через первую дверь, то Собрание, столь же невозмутимое, уйдет через вторую; в любом случае, как всемогущие министры покорного короля или как исполнительные делегаты покорного Собрания, жирондисты станут хозяевами Франции.

II.- Давление на короля.

Петион и Руководство доставлены в Отель-де-Виль.

Министерство вынуждено уйти в отставку.- Якобин ведет агитацию против короля.

Король.- Давление на Собрание.- Петиция Парижской

Коммуна.-Угрозы петиционеров и галереи.

-Сессия 8 августа.- Стратегия жирондистов сорвана двумя способами.

способами.

Они начинают с нападения на короля и пытаются заставить его уступить под влиянием страха. Они отменяют временное отстранение Петиона и Мануэля и возвращают их обоих на свои места в Отель-де-Виль. Отныне они будут править Парижем без ограничений и надзора; ибо Директория департамента ушла в отставку, и не существует вышестоящей власти, которая помешала бы им призывать или отдавать приказы по своему усмотрению вооруженным силам; они освобождены от всякого подчинения, равно как и от всякого контроля. Вот король Франции в надежных руках, в руках тех людей, которые 20 июня отказались погладить народную скотину, заявив, что она поступила правильно, что на ее стороне право и что она может начать все сначала. По их словам, дворец монарха принадлежит обществу; люди могут входить в него, как в кофейню; в любом случае, поскольку муниципалитет занят другими делами, от него нельзя ожидать, что он не пустит людей. "Неужели в Париже больше нечего охранять, кроме Тюильри и короля?" [2612- Другой](#) маневр состоит в том, чтобы сделать орудия короля бессильными. Какими бы благородными и невинными ни были новые министры, они никогда не появляются в Собрании, не подвергаясь улюлюканью трибун. Иснар, указывая пальцем на главного из них, восклицает: "Это предатель!" [2613](#) Каждое народное выступление вменяется им в вину, а Гваде заявляет, что, "как королевские советники, они несут ответственность за любые беспорядки", которые может вызвать двойное вето. [2614](#) Фракция не только объявляет их виновниками спровоцированного ею же насилия, но и требует их жизни за убийства, которые она совершает. "Франция должна знать, - говорит Верньо, - что впредь министры будут отвечать головой за любые беспорядки, предлогом для которых служит религия". "Кровь, только что пролитая в Бордо, - говорит Дюко, - может быть возложена на исполнительную власть" [2615](#) . [2615](#) Ла Соссюр предлагает "наказывать смертью" не только министра, который не спешит с исполнением указа, но и клерков, которые не выполняют его распоряжений. Смерть по любому поводу и для каждого, кто не принадлежит к секте. Под этим постоянным страхом министры дружно подаются в отставку, и король должен немедленно назначить других; между тем, чтобы усилить опасность их положения, Собрание постановляет, что впредь они будут "отвечать друг за друга". Очевидно, что они нацеливаются на короля через плечи его министра, в то время как жирондисты не оставляют попыток сделать управление страной для него невозможным. Король снова подписывает этот новый декрет; он отказывается протестовать; гонениям, которым он вынужден подвергаться, он противопоставляет только молчание, иногда простое, откровенное, добросердечное выражение, [2616](#) какую-то любезную, трогательную жалобу, которая кажется подавленным стоном. [2617](#) Но догматическое упрямство и нетерпеливое честолюбие умышленно глухи к самым горестным

звукам! Его искренность переходит в новую фальшь. Верньо, Бриссо, Торне, Кондорсе с трибуны обвиняют его в предательстве, требуют от Собрания права отстранить его от [должности](#)²⁶¹⁸ и дают сигнал своим якобинским помощникам. - По приглашению главного клуба провинциальные отделения приходят в восторг, а все остальные инструменты агитации революционной машины также приводятся в движение: собрания на площадях, убийственные объявления на стенах, подстрекательские резолюции в клубах, крики на трибунах, оскорбительные обращения и подстрекательские депутации в зале заседаний Национального [собрания](#)²⁶¹⁹. После того как эта система действует в течение месяца, жирондисты считают короля покоренным, и 26 июля Гваде, а затем Бриссо на трибуне делают ему последнее предложение и передают последний вызов.²⁶²⁰ Глубокое заблуждение! Он отказывается, как и 20 июня: "Министры-жирондисты, никогда!".

Поскольку он закрыл одну из двух дверей, они выйдут через другую, и, если жирондисты не могут править через него, они будут править без него. Петион, выступая от имени Коммуны, лично предлагает новый план, требуя отстранения от власти. "После принятия этой важной меры, - говорит он²⁶²¹, - поскольку доверие нации к нынешней династии весьма сомнительно, мы требуем, чтобы исполнительная власть была временно возложена на орган министров, несущих совместную ответственность, назначенных Национальным собранием, но, как предусматривает конституционный закон, не входящих в него, избранных открытым голосованием свободных граждан". Благодаря этому открытому голосованию избирательное право будет легко контролироваться. Это всего лишь еще один вымогаемый декрет, как и многие другие, большинство уже давно подвергается тому же давлению, что и король. "Если вы откажетесь выполнить наши пожелания, - уже сообщалось в плакате от 23 июня, - наши руки будут подняты, и мы расправимся со всеми предателями, где бы они ни оказались, даже среди вас самих".²⁶²² - "Придворные фавориты, - говорится в петиции от 6 августа, - занимают места среди вас. Пусть погибнет их неприкосновенность, если национальная воля должна всегда безропотно подчиняться этой смертоносной силе!"²⁶²² - В Собрании крики с галерей страшны; голоса тех, кто говорит против свержения, подавляются; улюлюканье так велико, что ораторов изгоняют с трибуны.²⁶²³ Иногда "правые" отказываются от обсуждения и покидают палату. Наглость галерей доходит до того, что часто почти все собрание ропщет, аплодируя; большинство, короче говоря, громко выражает гнев по поводу своего рабства.²⁶²⁴ - будьте осторожны! На трибунах и у подступов к зданию стоят федераты, люди, которые крепко держат его в руках. Они заставят его проголосовать за решающую меру, за обвинение Лафайета, за декрет, под которым должен пасть вооруженный защитник короля и конституции. Жирондисты, чтобы убедиться в этом, требуют созыва палаты; таким образом объявляются и печатаются имена, обозначая для населения противников меры, так что никто из них не уверен, что доберется до своих домов целым и невредимым. Однако Лафайет, либерал, демократ и роялист, преданный Революции так же, как и Закону, - именно тот человек, который, благодаря своему ограниченному уму, разрозненным политическим концепциям и благородству противоречивых чувств, лучше всего отражает нынешнее мнение Ассамблеи, равно как и мнение [Франции](#)²⁶²⁵. Более того, его популярность, его мужество и его армия - это последнее прибежище. Большинство чувствует, что, отказываясь от него, они сами отказываются от него, и голосами 400 против 224 оправдывает его.²⁶²⁵ И в этом случае стратегия жирондистов оказывается ошибочной. Власть ускользает от них во второй раз. Ни король, ни Собрание не согласились вернуть ее им, а они больше не могут оставлять ее висеть в воздухе, откладывать до удобного случая и заставлять ждать своих якобинских аколитов. Слабый поводок, сдерживающий революционную собаку, рвется в их руках; собака на свободе и на улице.

III.- Жирондисты работают на благо якобинцев.

Вооруженные силы отосланы или дезорганизованы.
созыв.- Брест и Марсель посылают людей.- Публичные заседания
административных органов.-Постоянство административных
-Перенос административных органов и секций.-Эффект этих двух
Центральное бюро Гостиного двора.-Происхождение
и образование революционной Коммуны.

Никогда еще работа не была выполнена лучше. Все меры, на которые они рассчитывали, чтобы вернуть власть, служили только для того, чтобы передать ее в руки толпы. С одной стороны, с помощью ряда законодательных актов и муниципальных постановлений они отменили или распустили армию, которая одна могла подавить или запугать их. 29 мая они уволили королевскую гвардию. 15 июля они приказали вывести из Парижа все регулярные войска. 16 июля²⁶²⁶ они отбирают "для формирования корпуса пехоты-жандармерии бывших французских гвардейцев, служивших в Революции до 1 июня 1789 года, офицеров, подпрапорщиков, стрелков и солдат, собравшихся вокруг флага свободы после 12 июля того же года", то есть корпус из признанных повстанцев и дезертиров. 6 июля во всех городах с населением 50 000 душ и более они распускают Национальную гвардию, увольняя ее личный состав, "аристократическую корпорацию", говорится в [петиции²⁶²⁷](#) , "своего рода современный феодал, состоящий из предателей, которые, похоже, разработали план, позволяющий направлять общественное мнение по своему усмотрению". В начале [августа²⁶²⁸](#) они наносят удар в самое сердце Национальной гвардии, подавляя специальные роты, гренадеров и шассеров, набранных среди зажиточных людей, - настоящую элиту, лишенную мундира, сведенную к равенству, потерянную в массе, а теперь, к тому же, обнаружившую, что ее ряды деградируют из-за примеси интерлоперов, федератов и людей, вооруженных пиками. И наконец, чтобы завершить эту мешанину, они приказывают, чтобы впредь дворцовая стража ежедневно состояла из граждан, взятых из шестидесяти [батальонов²⁶²⁹](#) , чтобы начальники не знали своих людей, а люди - своих начальников; чтобы никто не мог доверять ни своему начальнику, ни своему подчиненному, ни своему соседу, ни самому себе; чтобы все камни человеческой плотины были заранее расшатаны, а преграда рухнула при первом же натиске.-С другой стороны, они позаботились о том, чтобы обеспечить восстание боевой армией и передовым отрядом. Другой серией законодательных актов и муниципальных ордонансов они разрешили собрать федератов в Париже; выдали им жалованье и военные [жилища²⁶³⁰](#) ; позволили им организоваться под началом центрального комитета, заседающего в Якобинском клубе, и получать от него инструкции. Из этих новоприбывших две трети, настоящие солдаты и истинные патриоты, отправляются в лагерь в Суассоне и на границу; одна треть, однако, остается в [Париже²⁶³¹](#) , возможно, две тысячи бунтовщиков и политиков, которые, накормленные, накормленные, обученные и поселенные у якобинцев, становятся более якобинцами, чем их хозяева, и присоединяются к революционным батальонам, чтобы служить доброму делу своим [оружием²⁶³²](#).-Два отряда, прибывшие позже, остаются отдельными и только более грозными; оба отправляются из городов на морском побережье, где за четыре месяца до

этого "произошел двадцать один капитальный акт мятежа, все безнаказанные, и несколько по приговору морского жюри".[2633](#) Первый, численностью в 300 человек, прибывает из Бреста,

* где муниципалитет, такой же влюбленный, как в Марселе и Авиньоне, участвует в вооруженных экспедициях против своих соседей; где терпимо относятся к народным убийствам;

* где чуть не убили месье де ла Жайе;

* где голову месье де ла Патри насаживают на пику;

* где ветераны-бунтари составляют экипажи флота,

* где "оплачиваемые государством рабочие, клерки, мастера, унтер-офицеры, превращенные в агитаторов, политических ораторов, движителей и критиков администрации", просят лишь о том, чтобы им дали роли для исполнения на более заметной сцене.

Второй отряд, вызванный из Марселя жирондистами, Ребекки и [Барбару](#)[2634](#), состоит из 516 человек, бесстрашных, свирепых авантюристов, отовсюду, из Марселя или из-за границы, савойцев, итальянцев, испанцев, изгнанных из своей страны, почти все из самого низкого сословия или добывающих средства к существованию позорными промыслами, "наемные убийцы и их прихвостни из злых мест", привыкшие к крови, быстрые на удар, хорошие головорезы, отобранные из банд, шедших на Экс, Арль и Авиньон, пена из той пены, которая в течение трех лет в Комтате и в Буш-дю-Рон кипела над бесполезными барьерами закона.-В тот самый день, когда они достигли Парижа, они показали, на что [способны](#)[2635](#).

Приветствуемые с большой помпой якобинцами и Сантерром, они с определенной целью направляются на Елисейские поля, в таверну, рядом с рестораном, в котором обедали гренадеры "Филе Сен-Томе", банкиры, маклеры, ведущие люди, известные своей приверженностью к монархической конституции, как было объявлено за несколько дней до этого. Толпа, сформировавшая колонну для марсельского батальона, собирается перед рестораном, кричит, бросает грязь, а затем выпускает залп камней; гренадеры выхватывают сабли. Вскоре прямо перед ними раздается крик: à nous les Marseillais! В этот момент банда выпрыгивает из окон с истинно южным проворством, перебирается через канавы, обрушивается на гренадеров со своими саблями, убивает одного и ранит пятнадцать.

Наконец-то у партии появились боевые [люди](#)[2636](#), и их нужно держать в пределах досягаемости! Люди, которые делают такую хорошую работу и так быстро, должны быть хорошо размещены вблизи Тюильри. Поэтому мэр в ночь на 8 августа, не ставя в известность генерала, исключительно по собственной инициативе, приказывает им покинуть казармы на улице Бланш и расположиться с оружием и пушками в казармах, принадлежащих [Кордельерам](#)[2637](#).

Такова военная сила в руках якобинских масс; остается только передать в их руки и гражданскую власть, и, поскольку первый подарок такого рода был сделан им жирондистами, они не преминут сделать их вторыми.-1 июля они декретируют, что заседания административных органов отныне должны быть публичными; тем самым муниципалитеты, советы округов и департаментов, как и само Национальное собрание, отдаются под шумок, возмущения, угрозы, под власть своих аудиторий, которые в этих органах, как и в Национальном собрании, всегда будут [якобинскими](#)[2638](#). 11 июля, объявив страну в [опасности](#)[2639](#), они делают заседания постоянными, сначала административных органов, а затем сорока восьми участков Парижа, что означает сдачу административных

органов и сорока восьми участков Парижа якобинскому меньшинству, которое, благодаря своему рвению и постоянному присутствию, знает, как превратить себя в большинство.2639 Давайте проследим последствия этого и посмотрим, какой отбор происходит благодаря двойному декрету. Те, кто посещает эти собрания днем и ночью, не являются постоянными, занятыми людьми. Во-первых, они слишком заняты в своих счетных комнатах, магазинах и фабриках, чтобы терять столько времени. Во-вторых, они слишком благоразумны, слишком послушны и слишком честны, чтобы идти и властвовать над своими магистратами в Hôtel-de-ville или считать себя в своих различных секциях суверенным народом. Кроме того, им отвратительна вся эта возня. Наконец, улицы Парижа, особенно ночные, небезопасны; из-за того, что на улице так много политики, участились случаи порки и сбивания с ног. Поэтому долгое время они не посещают клубы, их не видно в галереях Национального собрания; их не увидишь ни на заседаниях муниципалитета, ни на собраниях секций. -Ничто, с другой стороны, не может быть более привлекательным для праздных выпивох в кафе, для оракулов в барах, бездельников и болтунов, живущих в меблированных [комнатах](#)2640, для паразитов и отказников в социальной армии, для всех, кто покинул социальные структуры и не может вернуться обратно, кто хочет разнести все в клочья и, за неимением личной карьеры, сделать ее на публике. Постоянные заседания, даже ночные, не слишком продолжительны ни для них, ни для ленивых федералов, ни для расстроенных интеллектов, ни для небольшого отряда настоящих фанатиков. Здесь они либо исполнители, либо клакеры - шум не оскорбляет их, потому что они его создают. Они подменяют друг друга, чтобы всегда быть наготове в достаточном количестве, или компенсируют недостаток узурпацией и жестокостью. Например, секция Театра Франсе, пренебрегая законом, устраняет различие между активными и пассивными гражданами, предоставляя всем жителям, находящимся в ее окружении, право присутствовать на ее собраниях и право голоса. Другие [секции](#)2641 допускают на свои заседания всех благожелательно настроенных зрителей, всех женщин, детей и кочевников, всех агитаторов и возбужденных, которые, как в Национальном собрании, аплодируют или улюлюкают по команде. В секциях, не склонных к милости анонимной публики, то же стадо бешеных персонажей шумит у дверей и оскорбляет проходящих через них избирателей. Благодаря этой странствующей толпе сотрудничающих с ними злоумышленников, якобинские экстремисты управляют секциями так же, как и Собранием; в секциях, как и в Собрании, они прогоняют или заставляют замолчать умеренных, и когда зал становится полупустым или немым, их предложение принимается. Разнесенное по окрестностям, это предложение даже уносят; через несколько дней оно совершает турне по Парижу и возвращается в Собрание как подлинное и единодушное выражение народной [воли](#)2642.

В настоящее время, чтобы обеспечить исполнение этой фальшивой воли, необходим центральный комитет, и Петион, мэр-жирондист, благодаря шедевру заблуждения, берется учредить, санкционировать и организовать этот комитет. 17 июля [2643 года](#) он учреждает в помещениях, принадлежащих Коммуне, "центральное бюро переписки между секциями". В это бюро должным образом избранный комиссар должен каждый день приносить акты, принятые его секцией, и уносить соответствующие акты остальных сорока семи секций. Естественно, эти избранные комиссары будут проводить собственные собрания, назначать председателя и секретаря и составлять официальные отчеты о своей работе в той же форме, что и настоящий муниципальный совет. Поскольку они избраны сегодня и имеют особый мандат, естественно, что они должны считать себя более легитимными, чем муниципальный совет, избранный за четыре или пять месяцев до них и имеющий весьма неопределенный мандат. Разместившись в ратуше Парижа (Hôtel-de-ville), всего в двух шагах от муниципального совета, они, естественно, пытаются занять его место; чтобы заменить его, им достаточно перейти на другую сторону коридора.

IV.- Тщетные попытки жирондистов подавить его.

Тревога якобинцев, их энтузиазм и программа.

Так, вынашиваемая жирондистами, возникает ужасная Парижская Коммуна 10 августа, 2 сентября 1792 года и 31 мая. 1793. Гадюка еще не успела покинуть свое гнездо, как начинает шипеть. За две недели до 10 августа²⁶⁴⁴ она начинает разворачиваться, и мудрые государственные деятели, которые так старательно укрывали и кормили ее, с ужасом смотрят на ее отвратительную, приплюснутую голову. Соответственно, они до последнего часа отступают от него и стараются, чтобы он их не укусил. 7 августа Петион сам посещает Робеспьера, чтобы рассказать ему об опасностях восстания и дать Собранию достаточно времени для обсуждения вопроса о свержении с престола. В тот же день Вергино и Гваде предлагают королю через посредство Тьерри, его камердинера, чтобы до тех пор, пока не будет обеспечен мир, правительство находилось под властью регентства. В ночь с 9 на 10 августа Петион издает настоятельный циркуляр, в котором призывает секции сохранять спокойствие²⁶⁴⁵.

Но уже слишком поздно. Пятьдесят дней волнений и тревог довели аберрации болезненного воображения до бреда. Второго августа толпа мужчин и женщин устремляется в зал заседаний Ассамблеи, восклицая: "Мсть! Мсть! Наших братьев отравляют!"²⁶⁴⁶ Установленный факт таков: в Суассоне, где в церкви готовили хлеб для солдат, в печи нашли несколько осколков битого стекла, на основании чего был пущен слух, что 170 добровольцев умерли, а 700 лежат в госпитале. Свирепый инстинкт заставляет людей видеть своих противников в их собственном облике и тем самым оправдывает их принятие тех мер, которые, по их представлениям, враги предприняли бы на их месте.²⁶⁴⁷ Комитет якобинских лидеров утверждает, что Двор собирается напасть, и, соответственно, придумал "не просто признаки этого, а самые безошибочные доказательства".²⁶⁴⁸ "Это троянский конь, - восклицает Панис, - мы пропали, если нам не удастся его обезглавить..... Бомба взрывается в ночь с 9 на 10 августа... Пятнадцать тысяч аристократов готовы расправиться со всеми патриотами". Патриоты, следовательно, приписывают себе право убивать аристократов. - В конце июня в секции "Minimes" "французский гвардеец уже решил убить короля", если тот будет упорствовать в своем вето. Когда президент секции захотел изгнать цареубийцу, тот остался, а президент был изгнан.²⁶⁴⁹ 14 июля, в день праздника Федерации, другой предшественник Лувеля и Фиески, снабженный тесаком, вступил в батальон, дежуривший у дворца, с той же целью; во время церемонии толпа разогрелась, и на мгновение король был обязан жизнью твердости своего эскорта. 27 июля в саду Тюильри д'Эспремений, старый Учредитель²⁶⁵⁰, избитый, изрезанный, с разорванной одеждой, преследуемый, как олень, через Пале-Рояль, падает, истекая кровью, на матрас у ворот Казначейства²⁶⁵¹. 29 июля, когда один из помощников Лафайета, мсье Бюро де Пюси, находится в баре дома, "в Пале-Рояле пытаются добиться предложения выставить его голову на конце пики"²⁶⁵² - при таком уровне ярости и страха жестокость и возбуждение не могут больше ждать. 4 августа²⁶⁵³ года секция Моконсейль заявляет "Собранию, муниципалитету и всем жителям Парижа, что она

больше не признает Людовика XVI королем французов". Ее председатель, мастер портновской мастерской, и секретарь, работающий на кожевенном рынке, подкрепляют свой манифест тремя строчками из трагедии, смутно всплывающими в их [памяти](#)²⁶⁵⁴, и называют бульвар Мадлен Сент-Оноре местом встречи в ближайшее воскресенье для всех благожелательно настроенных лиц. 6 августа Варле, почтовый служащий, от имени петиционеров Марсового поля доводит до сведения Собрания программу фракции:

1. свержение короля,
2. обвинение, арест и скорейшее осуждение Лафайета,
3. немедленный созыв первичных собраний,
4. всеобщее избирательное право,
5. увольнение всех штабных офицеров,
6. возобновление департаментских справочников,
7. отзыв всех послов,
8. подавление дипломатии,
9. и возвращение к естественному состоянию.

Теперь жирондисты могут медлить, вести переговоры, биться и спорить сколько угодно; их колебания не имеют другого эффекта, кроме как отеснить их на задний план, как вялых и робких. Благодаря им фракция (якобинцев) имеет теперь свои совещательные собрания, свою исполнительную власть, свой центральный орган управления, свою увеличенную, испытанную и готовую армию, и, насильственно или иным путем, ее программа будет выполнена.

V.- Вечер 8 августа.

Заседание 9 августа - Утро 10 августа - Собрание очищено.

Прежде всего необходимо заставить Собрание низложить короля. Уже несколько раз,²⁶⁵⁵ 26 июля и 4 августа, проходили тайные собрания, на которых незнакомые люди решали судьбу Франции и давали сигнал к восстанию. С большим трудом сдерживаясь, они согласились "потерпеть до 9 августа, до 11 часов вечера".²⁶⁵⁶ В этот день в Собрании должно состояться обсуждение вопроса о свержении с престола, и делаются расчеты на благоприятное голосование при такой позитивной угрозе; его нежелание должно уступить уверенности в военной оккупации. 8 августа, однако, Собрание большинством в две трети голосов отказывается предъявить обвинение великому врагу, Лафайету. Поэтому двойная

ампутация, необходимая для безопасности государства, должна начаться с уничтожения этого большинства.

В момент объявления оправдательного приговора Лафайету галереи, обычно столь громогласные, хранят "мрачное молчание".²⁶⁵⁷ Им приказано держать себя в резерве для выхода на улицы. Один за другим депутаты, голосовавшие за Лафайета, указывают на толпу у дверей, и раздаются крики: "Негодяи, ничтожества, предатели, живущие по гражданскому списку! Повесить их! Убейте их! Покончите с ними! В них бросают грязь, раствор, штукатурку, камни, их жестоко избивают. Месье Мезьер на улице Дофина схвачен за горло, женщина наносит ему удар, который он парирует. На улице Сент-Оноре несколько человек в красных колпаках окружают мсье Регно-Босерона и решают "вздернуть его на фонарь"; человек в пиджаке уже схватил его сзади и поднял, когда подоспели гренадеры Сент-Оппортуна и освободили его. На улице Сен-Луи мсье Дёзи, которого несколько раз ударили камнями по спине, дважды поднимает над головой саблю. В Пассаже Фельянов месье Дебуа избивают, у него крадут "табакерку, карманную книгу и трость". В кулуарах Собрания на месье Жирардена совершается покушение.²⁶⁵⁸ Восемь депутатов, кроме этих, преследуются и укрываются в караульном помещении Пале-Рояля. Вместе с ними туда входит федерал, и "там, сверкая глазами от ярости и стуча по столу, как безумный, он восклицает мсье Дюмолару, который является самым известным: "Если вам повезет, то вы будете убиты". "Если вам не повезет еще раз сунуть ногу в Собрание, я отрублю вам голову моей шпагой!". Что касается главного защитника Лафайета, М. Воблана, на него трижды нападают, но он достаточно осторожен, чтобы не возвращаться домой; однако несколько разъяренных людей врываются в его дом, крича, что "восемьдесят граждан погибли от их рук, и он - один из первых"; дюжина бандитов поднимается в его квартиру, обшаривает ее во всех углах, делает еще одну попытку найти его в соседних домах и, не сумев удержать его, пытается найти его семью; ему сообщают, что, если он вернется в свой дом, его ждет резня. -Вечером, на террасе Фойянса, другие депутаты подвергаются таким же нападениям; жандармерия тщетно пытается защитить их, а на "коменданта Национальной гвардии, покидающего свой пост, нападают и рубят его."²⁶⁵⁹ Тем временем некоторые якобинцы в кулуарах "обрекают большинство Собрания на уничтожение"; один из ораторов заявляет, что "народ имеет право составлять проскрипционные списки", и клуб, соответственно, решает напечатать и опубликовать имена всех депутатов, оправдавших Лафайета.²⁶⁶⁰ ²⁶⁶⁰Никогда еще физическое принуждение не проявлялось и не применялось с таким открытым бесстыдством.

На следующий день, 9 августа, у подходов к Собранию собираются вооруженные люди, сабли видны даже в коридорах.²⁶⁶¹ Галереи, более властные, чем когда-либо, ликуют и разражаются ироническими криками триумфа и одобрения каждый раз, когда на трибуне осуждаются нападения предыдущего вечера. Президент более двадцати раз призывает обидчиков к порядку, но его голос и звонок тонут в грохоте. Высказать свое мнение невозможно. Большинство представителей, подвергшихся жестокому обращению накануне вечером, пишут, что не вернутся, другие, присутствующие, заявляют, что не будут больше голосовать, "если не смогут быть уверены в свободе совести при обсуждении". При этих словах, выражающих тайные настроения "почти всего собрания" ²⁶⁶², "все члены "правых" и многие "левые" встают одновременно и восклицают: "Да, да; мы не будем больше дискутировать, если не получим свободы!" - Как обычно, однако, большинство сдается в тот момент, когда необходимо принять эффективные меры; его сердце сжимается, как это всегда бывало, когда его призывали действовать в порядке самообороны, а эти официальные заявления, одно за другим, скрывая от него серьезность опасности, еще глубже погружают его в собственную робость. На этом же заседании прокурор департамента сообщает, что

толпа готова, что 900 вооруженных людей только что вошли в Париж, что в полночь прозвучит набат, и что муниципалитет терпит или одобряет восстание. На этом же заседании министр юстиции объявляет, что "законы бессильны" и что правительство больше не несет ответственности. На этом же заседании мэр Петийон, почти признавая свое соучастие, появляется в зале заседаний и решительно заявляет, что не будет иметь ничего общего с общественными силами, поскольку "это означало бы вооружение одной группы граждан против другой".²⁶⁶³ **всякая** Очевидно, что поддержка отбита. Почувствовав, что его бросили, Национальное собрание сдается и в качестве последнего средства, с той степенью слабости или простоты, которая замечательно характеризует законодателей эпохи, принимает философское обращение к народу, "наставляя его, что делать при осуществлении своего суверенитета".

Как это было сделано, можно увидеть на следующее утро. В 7 часов якобинский депутат останавливается в такси перед дверью клуба Фельянов; вокруг него собирается толпа, и он называет свое имя - Дельмас. Толпа понимает, что это Дюма, известный конституционалист, и в ярости вытаскивает его из машины и сбивает с ног; если бы другие депутаты не подбежали и не заверили, что это патриот Дельмас из Тулузы, а не "предатель Матье Дюма", он был бы потерянным человеком.²⁶⁶⁴ Дюма не предпринимает никаких усилий, чтобы войти. На Вандомской площади он находит второе и не менее поучительное предупреждение. Какие-то жалкие люди, сопровождаемые обычным сбродом, несут на пиках несколько голов, вероятно, журналиста Суло и еще трех человек, убитых за четверть часа до этого; "мальчишки, совсем еще дети, играют с этими головами, подбрасывая их в воздух и ловя на концы своих палок" - нет сомнений, что депутатам "правых" и даже "центра" было бы неплохо вернуться домой и остаться там. На самом деле их больше не видно в Собрании.²⁶⁶⁵ Во второй половине дня из 630 членов, присутствовавших накануне вечером, 346 не отвечают на призыв, а еще около тридцати либо вышли из состава Собрания до этого, либо подали заявления об отставке.²⁶⁶⁶ Чистка завершена, подобно той, которой Кромвель в 1648 году подверг Долгий парламент. Отныне законодательный орган, сократившийся до 224 якобинцев или жирондистов, с 60 испуганными или сговорчивыми нейтралами, будет безропотно подчиняться приказам улицы. Дух этого органа изменился так же, как и его состав; теперь он не более чем подневольный инструмент в руках подстрекателей, которые изуродовали его и, овладев им в результате первого проступка, собираются использовать его для легализации других преступлений.

VI.- Ночи 9 и 10 августа.

Секции.- Комиссары секций в отеле "Hôtel-de Виль. Революционная Коммуна заменяет легальная Коммуна.

В ночь с 9 на 10 августа их правительство готовится к действию, оно создано так, как оно будет действовать, с помощью насилия и обмана... Напрасно они раздражали и обрабатывали секции в течение последних двух недель; они еще не покорились, только шесть из сорока восьми в настоящий час, одиннадцать часов вечера, были найдены достаточно возбужденными или очищенными, чтобы немедленно отправить своих комиссаров с полной властью в Отель-де-виль. Остальные последуют за ними, но большинство останется бездейственным или непокорным.²⁶⁶⁷ Поэтому необходимо

обмануть или заставить это большинство, и для этого темнота, поздний час, беспорядок, страх перед наступающим днем и неясность того, что делать, являются ценными вспомогательными средствами. Во многих [секциях2668](#) заседания уже отложены или опустели; в зале лишь несколько членов постоянного бюро, да несколько человек, возможно спящих, на почти пустых скамьях. Из повстанческих секций прибывает эмиссар с компанией надежных парней, принадлежащих к этому кварталу, и кричит: "Спасите страну! Спящие открывают глаза, потягиваются, поднимают руки и избирают кого попало, иногда незнакомцев и других неизвестных личностей, от которых на следующий день отрекутся на полном собрании секции. Не составляется никаких официальных протоколов, не проводится никаких голосований - все делается по наитию. В секции "Арсенал" шесть выборщиков выбирают трех человек из своего числа, чтобы те представляли 1 400 активных граждан. В других местах толпа землероек, ночных бродяг и бесчестных людей вторгается в помещение, прогоняет верующих в закон и порядок и получает все желаемые назначения.[2669](#) Другие участки соглашаются на выборы, но без согласия на выдачу доверенности. Некоторые делают явные оговорки, оговаривая, что их делегаты будут действовать в согласии с законным муниципалитетом, не доверяя будущему комитету и заранее заявляя, что не будут ему подчиняться. Некоторые избирают своих уполномоченных только для того, чтобы получить информацию и в то же время показать, что они искренне намерены пресечь все беспорядки.[2670](#) Наконец, по меньшей мере двадцать секций воздерживаются или не одобряют процедуру и не посылают делегатов - неважно, без них можно обойтись. В три часа утра 19 секций, а в семь часов - 24 или 25,[2671](#) так или иначе представлены в ратуше (Hôtel-de-ville), и это представительство образует центральный комитет. Как бы то ни было, ничто не мешает семидесяти или восьмидесяти подчиненным интриганам и десперадо, которые пробрались или протиснулись, называть себя полномочными делегатами и полномочными министрами всего населения [Парижа2672](#) и действовать соответствующим образом. -Едва они расположились под председательством Гюгена, с Таллиеном в качестве секретаря, как получили повестку о вызове "двадцати пяти вооруженных людей от каждой секции", пятисот крепких парней, для охраны и исполнительной власти... Против такой группы муниципальный совет, заседающий в противоположной палате, достаточно слаб. Более того, самые умеренные и твердые из его членов, специально отосланные, находятся в командировках в Собрании, во дворце и в разных кварталах Парижа, а его галереи забиты злодейски выглядящими людьми, поставленными там, чтобы вызвать беспорядки, и заседания проходят под угрозой смерти. Вот почему с наступлением ночи равновесие между двумя собраниями, одним законным, другим незаконным, стоящими друг против друга, как две стороны весов, исчезает. С одной стороны нарастают усталость, страх, уныние, дезертирство, а с другой - численность, дерзость, сила и узурпация. В конце концов, последняя вырывает у первой все действия, необходимые ей для того, чтобы начать восстание и сделать оборону невозможной. Около шести часов утра комитет вторжения от имени народа прекращает дело, приостанавливая деятельность законного совета, который он затем изгоняет и завладевает его креслами.

Первое действие новых суверенных правителей сразу же показывает, что они собираются делать. Месье де Мандат, командующий Национальной гвардией, вызванный в Отель-де-Виль, пришел, чтобы объяснить совету, как он распорядился своими войсками и какие отдал приказы. Его хватают, допрашивают по [очереди2673](#), низлагают, назначают вместо него Сантерра и, чтобы извлечь из его поимки всю возможную выгоду, приказывают ему вывести половину своих людей, расквартированных вокруг дворца. Прекрасно понимая, что ему грозит в этом воровском логове, он благородно отказывается; тут же его заключают в тюрьму и отправляют в аббатство "для большей безопасности". При этих знаменательных словах [Дантона2674](#) его убивают у дверей, когда он выходит, Россиньоль, один из аколитов

Дантона, выстрелом из пистолета на расстоянии вытянутой руки.- После трагедии наступает комедия. На неоднократные уговоры Петиона, который не хочет, чтобы его реквизировали против [бунтовщиков](#)²⁶⁷⁵, ему присылают охрану из 400 человек, заточая его в собственном доме, причем, очевидно, вопреки ему самому.

С одной стороны, защищенный предательством, а с другой - убийством, мятеж может теперь продолжаться в полной безопасности перед ужасным лицемером, торжественно жалующимся на свое добровольное пленение, и перед трупом с разбитым челом, лежащим на ступенях Отеля-де-Виль. На правом берегу реки батальоны Фобур-Сент-Антуан, на левом - Фобур-Сент-Марсель, бретонцы и марсельский оркестр идут вперед так же свободно, как на параде. Меры обороны сорваны убийством генерального командира и двуличием мэра; на охраняемых местах, на аркаде Сен-Жан, в проходах мостов, на набережных и во дворе Лувра сопротивления нет. Передовой отряд толпы, женщины, дети и мужчины, вооруженные тесками, дубинами и пиками, расположился на покинутой Каррузель, и ближе к восьми часам передовая колонна во главе с Вестерманом появляется перед дворцом.

VII.- 10 августа.

Войска короля.- Сопротивление прекращено.- Король в Национальном собрании.-Конфликт во дворце и разгон Швейцарская гвардия. Дворец эвакуирован по приказу короля.
-Резня... Порабощенная Ассамблея и ее декреты.

Если бы король хотел сражаться, он мог бы защитить себя, спастись и даже победить.²⁶⁷⁶ В Тюильри 950 швейцарских гвардейцев и 200 кавалеров были готовы умереть за него до последнего человека. Вокруг Тюильри две или три тысячи национальных гвардейцев, элита парижского населения, только что приветствовали его, когда он проходил мимо.²⁶⁷⁷ "Ура королю! Ура Людовику XVI! Он наш король, и мы не хотим другого, мы хотим только его! Долой бунтовщиков! Долой якобинцев! Мы будем защищать его до смерти! Пусть он встанет во главе нас! Ура нации, закону, конституции и королю, которые едины! Если артиллеристы молчали и казались [недоброжелательными](#)²⁶⁷⁸, нужно было просто внезапно разоружить их и передать их орудия верным людям. Четыре тысячи винтовок и одиннадцать артиллерийских орудий, защищенные стенами дворов и толстой кладкой дворца, были, конечно, достаточны против девяти или десяти тысяч якобинцев в Париже, в большинстве своем пикинеров, плохо руководимых импровизированными или мятежными батальонными [офицерами](#)²⁶⁷⁹, и, что еще хуже, под командованием их нового генерала Сантерра, который, всегда осторожный, держался в стороне, в Котле-де-Виль, вне опасности. Единственными стойкими людьми в Каррузеле были восемьсот человек из Бреста и Марселя; остальные представляли собой сброд, подобный тому, что был 14 июля, 5 октября и 20 июня;²⁶⁸⁰ дворец, говорит Наполеон Бонапарт, подвергся нападению самых мерзких канальев, профессиональных бунтовщиков, банды Майяра, банды Лазовского, Фурнье и Тереньи, всех убийц, действительно, предыдущей ночи и дня, и следующего дня, которые,

как доказало событие, рассеялись бы при первом выстреле из пушки.-Но, как у управляющих, так и у управляемых, всякое понятие о государстве было утрачено, первое через гуманность стало долгом, а второе через неповиновение возведено в право. В конце восемнадцатого века как в высшем, так и в среднем классе царил ужас перед [кровью2681](#) ; утонченные социальные устои в сочетании с идиллическим воображением смягчили воинственный нрав. Повсюду магистраты забывали, что поддержание общества и цивилизации - благо бесконечно более важное, чем жизнь кучки маньяков и злоумышленников; что главная цель правительства, как и полиции, - сохранение порядка силой; что жандарм - не филантроп; что, если на него нападают на посту, он должен использовать свою шпагу, и что, убирая ее в ножны из страха ранить обидчиков, он не выполняет свой долг.

На этот раз, опять же в суде Каррузеля, магистраты на месте, обнаружив, что "их ответственность невыносима", озабочены только тем, как "избежать пролития крови"; с сожалением, и об этом они заявляют войскам "дрожащим тоном", они объявляют военное [положение2682](#). Они "запрещают им атаковать", лишь "разрешая им отражать силу силой"; другими словами, они приказывают им выдерживать первый огонь; "вы не должны стрелять, пока по вам не откроют огонь". "Еще лучше, если они будут ходить от роты к роте, "открыто заявляя, что сопротивление такому большому и хорошо вооруженному собранию было бы глупостью, и что попытка сопротивления была бы очень большим несчастьем". "Я повторяю вам, - говорит Леру, - что оборона кажется мне безумием" - таким образом, в течение более часа, они поощряют Национальную гвардию. "Все, о чем я прошу, - снова говорит Леру, - это подождать еще немного. Я надеюсь, что мы убедим короля уступить Национальному собранию"... Все та же тактика: сдать крепость и генерала, а не стрелять по толпе. С этой целью они возвращаются к королю с Родерером во главе и возобновляют свои усилия: "Сир, - говорит Родерер, - время поджигает, и мы просим вас согласиться сопровождать нас"... Несколько мгновений, последних и самых торжественных в монархии, король [колеблется2683](#). Его здравый смысл, вероятно, позволил ему понять, что отступление - это отречение от престола; но его флегматичное понимание поначалу не в состоянии четко определить его последствия; кроме того, его оптимизм никогда не исследовал необъятность глупости народа, не прощупывал глубины человеческой злобы и недоброжелательности; он не может представить, что клевета может превратить его решимость не проливать кровь в желание проливать [ее2684](#). Кроме того, он связан своим прошлым, своей привычкой всегда уступать; своей решимостью, которую он декларировал и поддерживал в течение последних трех лет, никогда не вызывать гражданскую войну; своим упрямым гуманизмом и особенно своей религиозной доброй волей. Он систематически гасил в себе животный инстинкт сопротивления, ту вспышку гнева, которая вспыхивает в каждом из нас при несправедливых и жестоких агрессиях; христианин вытеснил короля; он больше не осознает, что долг обязывает его быть человеком меча, что, сдаваясь, он сдает государство, и что уступить, как ягненок, значит повести всех честных людей вместе с собой на бойню. "Пойдемте, - сказал он, поднимая правую руку, - мы дадим, раз уж это необходимо, еще одно доказательство нашего самопожертвования".[2685](#) В сопровождении своей семьи и министров он отправляется между двумя линиями национальных гвардейцев и швейцарской гвардии,[2686](#) достигает Собрания, которое высылает ему навстречу депутацию; войдя в палату, он говорит: "Я пришел сюда, чтобы предотвратить великое преступление. "- Действительно, никакого предлога для конфликта сейчас не существует. Штурм со стороны мятежников бесполезен, поскольку монарх со всеми принадлежащими ему и его правительству людьми покинул дворец. С другой стороны, гарнизон не хочет начинать бой; уменьшившись на 150 швейцарцев и почти всех гренадеров из Filles-Saint-Thomas, которые сопровождали короля в Собрание, он сводится к нескольким дворянам, 750 швейцарцам и примерно сотне

национальных гвардейцев; остальные, узнав, что король уходит, считают свои услуги оконченными и расходятся.²⁶⁸⁷ **все** Кажется, конечно в жертвоприношении королевской власти. Людовик XVI воображает, что Ассамблея, в худшем случае, отстранит его от исполнения своих обязанностей, и он вернется в Тюильри как частное лицо. Покидая дворец, он приказывает своему камердинеру продолжать службу до тех пор, пока он сам не вернется из Национального **собрани**²⁶⁸⁸.

Он не рассчитывал на экстренность, слепоту и беспорядки бунта. Под угрозой якобинских стрелков, оставшихся со своей артиллерией во внутренних дворах, привратники открывают ворота. Мятежники вбегают внутрь, братаются с артиллеристами, доходят до вестибюля, поднимаются по парадной лестнице и призывают швейцарцев сдаться.²⁶⁸⁹ **Те** не проявляют враждебного духа; многие из них, в знак хорошего настроения, выбрасывают из окон пачки патронов; некоторые даже доходят до того, что позволяют себя обхватить и увести. Однако полк, верный своему приказу, не поддается на силу.²⁶⁹⁰ "Мы швейцарцы, - отвечает сержант Блазер, - швейцарцы расстаются не с оружием, а с жизнью. Мы считаем, что не заслуживаем такого оскорбления. Если полк больше не нужен, пусть его распускают по закону. Но мы не оставим свой пост и не позволим отнять у нас оружие". В течение трех четвертей часа оба отряда стоят друг против друга на лестнице, почти смешавшись, один молча, другой возбужденно, бурно и активно, со всей пылкостью и отсутствием дисциплины, свойственной народному собранию, каждый повстанец стремится отдельно и по-своему развратить, запугать или обуздать швейцарских гвардейцев. Гранье из Марселя, стоящий во главе лестницы, держит двоих из них на расстоянии вытянутой руки, дружески пытаюсь спустить их вниз.²⁶⁹¹ У подножия лестницы толпа кричит и угрожает; более легкие люди, вооруженные лодочными крючьями, бьют гарпунами часовых за погоны и спускают четверых или пятерых, как множество рыб, под крики смеха.²⁶⁹² В этот момент раздается выстрел из пистолета; никто не может сказать, кто из них стрелял. Швейцарцы, стреляя сверху, очищают вестибюль и дворы, спускаются на площадь и захватывают пушку; повстанцы разбегаются и улетают за пределы досягаемости. Самые храбрые, однако, собираются за подъездами домов на Карусели, бросают патроны во дворы небольших зданий и поджигают их. Еще полчаса, под густым дымом от первого выстрела и горящих зданий, обе стороны ведут беспорядочный огонь, а швейцарцы, далеко не сдаваясь, едва ли потеряли несколько человек, когда прибывает гонец от короля, мсье д'Эрвильи, который от его имени приказывает прекратить стрельбу и вернуться в казармы.

Медленно и равномерно они выстраиваются в линию и удаляются по широкой аллее сада. Однако при виде этих иностранцев в красных мундирах, только что стрелявших по французам, пушки батальона, стоявшего на террасах, сами собой выстреливают, и швейцарская колонна разделяется на две части. Один корпус из 250 человек поворачивает направо, доходит до Ассамблеи, складывает оружие по приказу короля и укрывается в церкви Фельянов. Остальные уничтожаются при пересечении сада или перебиваются на площади Людовика XV конной жандармерией. Не дается ни одного квартала. Это война толпы, не цивилизованная, а примитивная, война варваров. В заброшенном дворце, куда повстанцы вошли через пять минут после ухода **гарнизона**²⁶⁹³, они убивают раненых, двух швейцарских хирургов, которые их **обслуживали**²⁶⁹⁴, швейцарцев, которые не сделали ни одного выстрела и которые на балконе со стороны сада "сбросили с себя патронные ящики, сабли, мундиры и шляпы и кричали: "Друзья, мы с вами, мы французы, мы принадлежим к нации!²⁶⁹⁵ Они убивают швейцарцев, вооруженных или безоружных, которые остаются на своих постах в квартирах. Они убивают швейцарских привратников в их будках. Они убивают всех на кухнях, от главного повара до мальчиков с кастрюлями.²⁶⁹⁶ Женщины едва спасаются. Мадам Кампан, стоящая на коленях, схваченная за спину, видит, что на нее вот-

вот обрушится поднятая сабля, когда голос с подножия лестницы окликает ее: "Что вы там делаете? Женщины не должны быть убиты!" "Вставай, шлюха, народ тебя простит!" - чтобы загладить свою вину, народ угощается и развлекается по полной программе во дворце, который теперь принадлежит ему. Некоторые честные люди, правда, несут в Национальное собрание деньги и ценности, но другие грабят и разрушают все, что могут.²⁶⁹⁷ Они разбивают зеркала, ломают мебель, выбрасывают часы из окна; они выкрикивают гимн Марселя, который один из национальных гвардейцев сопровождает на клавесине,²⁶⁹⁸ и спускаются в подвалы, где предаются разврату. "Более двух недель, - рассказывает очевидец²⁶⁹⁹, - мы ходили по осколкам бутылок". В саду, особенно в саду, "можно сказать, что они пытались вымостить дорожки битым стеклом"... На троне восседают портье в коронационных одеждах; троллька занимает ложе королевы; это карнавал, в котором разнузданные низменные и жестокие инстинкты находят много хорошего корма и обильный мусор. Беглецы возвращаются после победы и протыкают мертвых своими пиками. Красиво одетые проститутки дурачатся с голыми трупами.²⁶¹⁰⁰ И поскольку разрушители наслаждаются своей работой, они не склонны к тому, чтобы им мешали. Во дворе Каррузель, где горит 1800 футов здания, пожарные четыре раза пытаются потушить огонь; "в них стреляют и угрожают бросить в пламя"²⁶¹⁰¹, а в это время в зале заседаний Ассамблеи появляются петиционеры и угрожающим тоном заявляют, что Тюильри пылает и будет пылать до тех пор, пока свержение не станет законом.

Несчастливая Ассамблея, ставшая жирондистской в результате своего позднего калечения, тщетно пытается остановить падающий вниз ход событий и сохранить, как она только что поклялась, "установленные власти"²⁶¹⁰²; она пытается, по крайней мере, поместить Людовика XVI в Люксембургский дворец, назначить воспитателя для Дофина, временно сохранить министров на своих постах и спасти всех заключенных и тех, кто ходит по улицам. В равной степени плененное и почти такое же распростертое, как и сам король, Собрание служит лишь регистратором народной воли, и в то же утро стало доказательством того, какое значение придает его постановлениям вооруженное простонародье. В то же утро у дверей Собрания, пренебрегая его безопасным поведением, были совершены убийства; в восемь часов Суло и еще трое, вырванные из рук стражников, были зарублены под его окнами. Во второй половине дня от шестидесяти до восьмидесяти безоружных швейцарцев, все еще остававшихся в церкви Фейян, выводят, чтобы отправить в Отель-де-Виль, и расправляются с ними по дороге на площади де Грев. Другой отряд, направленный в секцию Руль, расправляется таким же образом.²⁶¹⁰³ Карле, возглавлявший жандармерию, вызван из Собрания и убит на Вандомской площади, а его голова пронесена на пике. Основатель старого монархического клуба, мсье де Клермон-Тоннерр, уже два года как отошедший от общественной жизни и спокойно проходивший по улицам, узнан, проташен по сточной канаве и изрублен на куски... После таких предупреждений (убийство и грабеж) Собрание может только подчиниться и, как обычно, скрыть свою покорность под благозвучными словами. Если диктаторский комитет, самозванный в Отель-де-Виль, все еще снисходит до того, чтобы поддерживать его жизнь, то это происходит благодаря новой [инвеституре](#)²⁶¹⁰⁴ и заявлению, что он не должен вмешиваться в его дела ни сейчас, ни в будущем. Пусть он ограничится своей функцией - исполнением постановлений, принятых фракцией. Соответственно, как плоды, падающие с дерева, которое энергично трясут, эти декреты один за другим падают в руки, которые их [ждут](#)²⁶¹⁰⁵

1. отстранение короля от власти,
2. созыв национального конвента,
3. избиратели и правомочные лица освобождаются от всех имущественных цензов,

4. выплата компенсации перемещенным избирателям,
5. оставление срока полномочий ассамблей на усмотрение [избирателей](#)²⁶¹⁰⁶.
6. удаление и арест покойных министров,
7. повторное назначение Сервана, Клавьера и Ролана,
8. Дантон на пост министра юстиции,
9. признание узурпировавшей власть Коммуны,
10. Сантерр утвержден в своем новом звании,
11. муниципалитеты наделены полномочиями заботиться о всеобщей безопасности,
12. арест подозрительных лиц поручен всем благонамеренным [гражданам](#)²⁶¹⁰⁷.
13. предписано посещать дома для обнаружения оружия и [боеприпасов](#)²⁶¹⁰⁸.
14. все парижские судьи должны быть переизбраны жителями, находящимися под их юрисдикцией,
15. всех офицеров жандармерии, подлежащих переизбранию их солдатами,²⁶¹⁰⁹
16. тридцать су в день для марсельских войск со дня их прибытия,
17. военный трибунал против швейцарцев,
18. трибунал для отправления правосудия над побежденными от 10 августа, а также ряд других декретов, имеющих еще более важное значение:
19. о приостановлении деятельности комиссаров, назначенных для обеспечения исполнения законов в гражданских и уголовных [судах](#)²⁶¹¹⁰
20. освобождение всех лиц, обвиненных или осужденных за неповиновение в армии, за преступления в печати и грабеж [зерна](#)²⁶¹¹¹
21. раздел общинных владений,²⁶¹¹²
22. конфискация и продажа имущества, принадлежащего эмигрантам,²⁶¹¹³
23. выселение их отцов, матерей, жен и детей во внутренние районы страны,
24. изгнание или перевозка неприсягнувших [церковников](#)²⁶¹¹⁴
25. установление легкого развода за два месяца и по требованию одной из сторон,²⁶¹¹⁵
словом, принимаются все меры, направленные на расстройство собственности, разрушение семьи, преследование совести, приостановление действия закона, извращение правосудия и реабилитацию преступлений. издаются законы, направленные на:
 - * судебной системы,
 - * полный контроль над государством,
 - * выбор членов будущего всемогущего Собрания,
 - * короче говоря, все правительство,

автократическому, жестокому меньшинству, которое, рискуя всем, чтобы захватить диктатуру, осмеливается все сделать, чтобы ее сохранить.[26116](#)

VIII.- Состояние Парижа в период междуцарствия.

Масса населения.

Якобинские лидеры.

Давайте на минуту остановимся, чтобы рассмотреть этот великий город и его новых правителей. Издали Париж кажется клубом из 700 000 фанатиков, воющих и совещающихся на площадях; вблизи же он не представляет собой ничего подобного. Слизь, поднявшись со дна, стала поверхностью и придала цвет потоку; но человеческий поток течет в своем обычном русле и под этой мутной внешностью остается примерно таким же, каким был раньше. Это город таких же людей, как мы, управляемых, занятых и любящих развлечения. Для подавляющего большинства, даже в революционные времена, личная жизнь, слишком сложная и поглощающая, оставляет лишь незначительный уголок для общественных дел. В силу рутины и необходимости производство, демонстрация товаров, продажа, покупка, ведение счетов, ремесла и профессии продолжают как обычно. Клерк идет в свою контору, рабочий - в свою мастерскую, ремесленник - в свою мастерскую, торговец - на свой склад, профессионал - в свой кабинет, чиновник - на свой [пост26117](#) ; они посвящают себя, прежде всего, своим занятиям, хлебу насущному, выполнению своих обязанностей, собственному продвижению, своим семьям и удовольствиям; чтобы обеспечить их, день не слишком длинный. Политика отвлекает их лишь ненадолго, и то скорее из любопытства, как пьеса, на которой аплодируют или шипят, не выходя на сцену. "Заявление о том, что страна в опасности, - говорят многие [очевидцы26118](#) , - не внесло никаких изменений в физиономию Парижа. Здесь те же развлечения, те же сплетни..... Театры, как обычно, полны. Винные магазины и места развлечений переполнены народом, национальными гвардейцами и солдатами..... Модный мир наслаждается своими вечеринками", - "На следующий день после декрета эффект от церемонии, столь искусно проведенной, оказался весьма незначительным. "Национальная гвардия в процессии, - пишет патристически настроенный [журналист26119](#) , - сначала проявляет равнодушие и даже скуку"; ее изнуряют ночные часы и патрули; они, вероятно, говорят друг другу, что, шествуя за нацию, не находят времени работать для себя". - Через несколько дней после этого манифест герцога Брауншвейгского "не производит никакой сенсации. Люди смеются над ним. С ним знакомы только газеты и их читатели... . Массы ничего о нем не знают. Никто не боится ни коалиции, ни иностранных войск".[26120](#) 10 августа, вне театра боевых действий, в Париже все спокойно. Люди ходят и болтают на улицах, как обычно. "[26121](#) 19 августа англичанин [Мур26122](#) с изумлением видит беспечную толпу, заполнившую Елисейские поля, различные развлечения, атмосферу праздника, бесчисленные маленькие магазинчики, в которых продаются прохладительные напитки, сопровождаемые песнями и музыкой, множество пантомим и марионеток. "Так ли счастливы эти люди, как кажется?" - спрашивает он француза, идущего рядом с ним. "Они веселы, как боги!" - "Как вы думаете, герцог Брауншвейгский вообще приходит им в голову?" -

"Месье, вы можете быть уверены, что герцог Брауншвейгский - последний человек, о котором они думают".

Такова беспечность или легкомыслие грубой, эгоистичной массы, в остальное время занятой и всегда пассивной при любом правительстве, каким бы оно ни было, - настоящее стадо овец, позволяющее правительству делать все, что ему заблагорассудится, если оно не мешает ему бродить и шалить по своему усмотрению. - Что касается здравомыслящих людей, любящих свою страну, то они доставляют меньше хлопот, ибо уходят или отправляются (в армию), часто по тысяче и даже по две тысячи в день, десять тысяч в последнюю неделю июля,²⁶¹²³ пятнадцать тысяч в первые две недели сентября,²⁶¹²⁴ в общей сложности, возможно, 40 000 добровольцев, предоставленных только столицей, которые, вместе со своими собратьями, пропорциональными по количеству, предоставленными департаментами, должны стать спасением Франции. - Благодаря этому отъезду достойных и этой пассивности паствы Париж принадлежит к фанатикам среди населения. "Это - санкюлоты, - писал патриот Паллуа, - отбросы и разбойники Парижа, и я славлюсь тем, что принадлежу к тому классу, который уничтожил так называемых честных людей".²⁶¹²⁵ - Три тысячи рабочих, - писал позднее жирондист Сулавье, - совершили революцию 10 августа, против королевства фельянов, большинства столицы и против Законодательного собрания."²⁶¹²⁶ Рабочие, поденщики и мелкие лавочники, не считая женщин, простых бродяг и обычных бандитов, составляют, по сути, одну двадцатую часть взрослого мужского населения города, около 9000 человек, рассеянных по всем районам Парижа, единственные, кто может голосовать и действовать среди всеобщего оцепенения и безразличия. - Например, на улице Сены мы видим семерых из них: Лакайля, владельца жаровни; Филиппа, "скотовода, который водит по улицам овец для больных", теперь президента секции, а вскоре станет одним из мясников Аббатства; Герар, "руанский речник, забросивший плавание по Сене и держащий ялик, на котором он переправляет людей по реке от Пон-дю-Лувра до набережной Мазарин", и еще четыре персонажа того же толка. Однако их энергия сменяет недостаток образования и численную неполноценность. Однажды Жерар, проходя мимо депутата мсье Хуа, говорит ему в порядке предупреждения: "Ты, большой негодяй, тебе повезло, что с тобой были другие люди. Если бы ты был один, я бы опрокинул свою лодку и с удовольствием утопил бы проклятого аристократа!" Это "матадоры квартала".²⁶¹²⁷ Их не беспокоит невежество, напротив, они гордятся грубостью и вульгарностью. Один из заурядных ораторов Фобур-Сент-Антуан, Гушон, дизайнер калиток, приходит в бар Ассамблеи "от имени людей 14 июля и 10 августа", чтобы прославить политическое правление грубых неспособных; по его словам, оно более просвещенное, чем правление культурных [людей](#)²⁶¹²⁸: "Эти великие гении, украшенные прекрасным титулом конституционалистов, вынуждены отдавать справедливость людям, которые никогда не изучали искусство управления нигде, кроме как в книге опыта..... Руководствуясь обычаями, а не принципами, эти умные люди в течение долгого времени занимались политическим равновесием вещей; мы нашли его, не ища его в сердце человека: Сформируйте правительство, которое поставит бедных выше их слабых ресурсов, а богатых - ниже их средств, и баланс будет идеальным". ²⁶¹²⁹

Это более чем ясно, их заявленная цель - полное уравнивание не только политических прав, но, опять-таки, особенно условий и состояний; они обещают себе "абсолютное равенство, реальное равенство" и, что еще лучше, "магистратуру и все правительственные полномочия"²⁶¹³⁰. Франция принадлежит им, если они достаточно смелы, чтобы овладеть ею. И, с другой стороны, если они упустят свою добычу, они чувствуют себя потерянными, ибо Брунсвикский [манифест](#)²⁶¹³¹, не произведший никакого впечатления на публику, остается глубоко запечатленным в их сознании. Они применяют его угрозы к себе, а их воображение,

как обычно, переводит их в конкретную легенду: [26132](#) все жители Парижа должны быть выведены на равнину Сен-Дени и там уничтожены; перед этим самые отъявленные патриоты будут отобраны вместе с сорока или пятьюдесятью базарными бабами и разбиты на колесе. Уже 11 августа прошел слух, что 800 человек покойной королевской гвардии готовы обрушиться на [Париж](#) [26133](#) ; в тот же день жилище Бомарше подвергается семичасовому [разгрому](#) [26134](#) ; стены пробиты, уборные обследованы, сад разрыт до самого камня. Тот же обыск повторяется в соседнем доме. Женщины особенно "разгневаны тем, что ничего не нашли", и хотят возобновить попытку, клянясь, что через десять минут обнаружат, где спрятаны вещи. Очевидно, кошмар оказывается слишком сильным для этих незлобивых умов. Они ломаются под тяжестью своего случайного царствования, их воспаленной гордости, экстравагантных желаний, сильных и молчаливых страхов, которые формируют в них тот болезненный и злой коктейль, который в демократии, как и в монархии, создает [Нерона](#) [26135](#).

Их вожди, еще более расстроенные, тщеславные и деспотичные, не стесняются сдерживать их, ибо наиболее примечательные из них развращены, действуя в одиночку или в качестве лидеров. Из трех глав старого муниципалитета Петиона мэр, фактически находящийся в полуотставке, но на словах пользующийся уважением, отстранен от дел и считается старой декорацией. Двое других продолжают действовать и занимать свои посты. [Мануэль](#) [26136](#), прокурор-синдик, сын носильщика, громкоголосый, бездарный богемный человек, выкрал из государственного хранилища личную переписку Мирабо, подделал ее и продал в своих интересах. Дантон, [26137](#) заместитель Мануэля, неверный в двух отношениях, получает деньги короля для предотвращения бунта и использует их для его разжигания. [26138](#) [26138](#) - [Другим](#) Варле, "этот необыкновенный оратор, вел такую распутную жизнь, что довел свою мать в печали до могилы; после этого он потратил все, что осталось, и вскоре не имел ничего "не хватало не только чести, но даже обычной честности. Карра, занимавший место в тайной Директории федератов и разработавший план восстания, был приговорен трибуналом Макона к двум годам тюремного заключения за кражу и [грабеж](#) [26139](#). Вестерманн, возглавлявший атакующую колонну, украл серебряное блюдо с гербом у Жана Кре, владельца ресторана на улице Пуль, и дважды был выслан из Парижа за мошенничество. [26140](#) Панис, глава Комитета надзора, [26141](#) в 1774 году был исключен из Министерства финансов, где его дядя был субкассиром, за грабеж. Его коллега, Серджент, присваивает себе "трое золотых часов, кольцо с агатом и другие драгоценности", оставленные ему на хранение. [26142](#) "Взлом печатей, ложные обвинения, нарушение доверия", растраты - привычные операции. В их руках должны исчезнуть груды серебряных тарелок и 1 100 000 франков золотом. [26143](#) Среди членов новой Коммуны Гюгенен, президент, клерк в барьерах, является наглым растратчиком. [26144](#) Россиньоль, ювелир-подмастерье, замешанный в убийстве, в данный момент подвергается судебному преследованию. [26145](#) Эбер, журналистский мешок для мусора, бывший контролер в театре, отстранен от работы в "Вариантах" за воровство. [26146](#) Среди людей действия Фурнье, американец, Лазовски и Майяр - не только убийцы, но и грабители, [26147](#) а рядом с ними появляется будущий генерал Парижской национальной гвардии Анрио, сначала домашний в семье адвоката, который выдал его за воровство, затем налоговый служащий, снова выданный за кражу, и, наконец, полицейский шпион, заключенный в тюрьму Бикетр за очередную кражу, и, наконец, офицер батальона и один из сентябрьских палачей. [26148](#) - Одновременно с бандитами и негодяями из своих нор выходят чудовищные маньяки. Де Сад, [26149](#) который прожил жизнь "Жюстины" до того, как написал ее, и которого Революция вызволила из Бастилии, является секретарем секции Вандомской площади. Марат, маньяк-убийца, после 23 августа становится официальным журналистом в "Отель-де-Виль",

политическим советником и сознанием новой Коммуны, и навязчивый план, который он проповедует в течение трех лет, сводится к мгновенной и прямой поголовной резне.

"Дайте мне, - говорит он [Барбару26150](#) , - двести неаполитанцев, вооруженных кинжалами, с платком на левой руке для дубинки, и я захвачу Францию и создам Революцию".

По его мнению, необходимо избавиться от 260 000 человек "по гуманным соображениям", поскольку, если этого не сделать, остальные не будут в безопасности.

"Национальное собрание еще может спасти Францию; пусть оно постановит, что все аристократы должны носить голубую ленту, и как только трое из них будут замечены в компании, пусть их повесят".

Другим способом было бы

"подстерегать на темных улицах и на углах роялистов и фельянов и перерезать им горло. Если среди ста человек будет убито десять патриотов, какое это имеет значение? Всего лишь девяносто на десять, что предотвращает ошибки. Ополчитесь на тех, кто владеет каретами, нанимает камердинеров, носит шелковые пальто или ходит в театры. Вы можете быть уверены, что это аристократы".

Якобинский пролетариат, очевидно, нашел подходящее для себя руководство. Они без труда найдут общий язык друг с другом. Чтобы эта спонтанная резня стала административной мерой, неграм из сточной канавы осталось только дожидаться приказа от негров из отеля де Виль.

2601 ([возвращение](#))

[Выражение Лафайета в его обращении к Собранию].

2602 ([возвращение](#))

[Лафайет, "Mémoires", I. 452.- Малуэ (II. 213) утверждает, что их было семьдесят].

2603 ([возврат](#))

[Ср. например, "Archives Nationales", A.F. II.116. Петиция 228 знатных людей Монтаржи].

2604 ([возврат](#))

[Петиция 20 000, так называемых, представленных господами Гийомом и Дюпоном де Немуром - См. Mortimer-Ternaux, I. 278.- Согласно Buchez et Roux, петиция содержит только 7 411 имен].

2605 ([возвращение](#))

[Mortimer-Ternaux, I.277.]

2606 (возврат)

[Moniteur, XIII. 89. Акт (7 июля) составлен с восхитительной точностью и силой. Если сравнить его с туманными, надутыми преувеличениями их противников, то кажется, что он измеряет интеллектуальное расстояние между двумя партиями].

2607 (возвращение)

[339 против 224-Roederer ("Chronique des cinquante jours", p.79). "Сильное течение мнений большинства жителей Парижа направлено в пользу короля" - К. Десмулен; "Тот класс мелких торговцев и лавочников, который больше боится революционеров, чем столько улан... "]

2608 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, I. 236. Письмо Родерера президенту Национального собрания, 25 июня. "Господин президент, имею честь сообщить Собранию, что вооруженная толпа движется к Шато"].

2609 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, I. 245, 246.-II. 81, 131, 148, 170].

2610 (обратно)

[Убийство месье Дюамеля, сублиейтенанта национальной гвардии.]

2611 (обратно)

[Письмо Верньо и Гваде к художнику Бозе (в "Mémoires de Dumouriez").- Roederer, "Chronique des cinquante jours", 295.-Bertrand de Molleville, "Mémoires", III. 29.]

2612 (возвращение)

["Moniteur", XIII. 155 (заседание от 16 июля).-Mortimer-Ternaux, II. 69. "Пользуясь вашей милостью, - говорит Мануэль, - все граждане имеют право посещать первого должностного лица государства... Жилище принца должно быть открытым, как церковь. Страх перед народом - это оскорбление народа. Если бы Людовик XVI обладал душой Марка Аврелия, он бы спустился в свои сады и попытался утешить сто тысяч существ, по поводу медлительности Революции... Никогда в Тюильри не было меньше воров, чем в этот день, ибо придворные разбежались... Красный колпак был честью для головы Людовика XVI и должен был стать его короной". В этот торжественный момент произошло братание короля с народом, а "на следующий день тот же король предал, оклеветал и опозорил народ!". Подтасовка Мануэля превосходит все, что можно себе представить. "После этого в панелях Лувра, в месте слияния гражданского списка, возникает еще один канал, который через тени внизу ведет в темницу Петиона... Департамент, нанося удар по муниципалитету, объясняет, как на банкете Закона он представляет Закон в виде крокодила и т. д."].

2613 (возврат)

[Moniteur, XIII. 93 (заседание 9 июля); -27 (заседание 2 июля)].

2614 (возврат)

[Moniteur, XII. 751 (заседание от 24 июня); XIII.33 (заседание от 3 июля)].

2615 (возвращение)

[Moniteur, XIII. 224 (заседание от 23 июля). В Бордо только что расправились с двумя священниками без присяги, а их головы пронесли по улицам на пиках. Дюко добавляет: "С тех пор как исполнительная власть наложила свое вето на законы, подавляющие фанатизм, народные казни начинают повторяться. Если суды не вершат правосудие и т. д."-Ibid., XIII. 301 (заседание от 31 июля)].

2616 (возвращение)

[Moniteur, XIII. 72 (заседание от 7 июля). Речь короля в Собрании после поцелуя Ламуретта. "Признаюсь вам, господин президент, что я очень ждал прибытия депутации, чтобы поспешить в Собрание"].

2617 (обратно)

["Moniteur", XIII. 313 (заседание от 3 августа). Декларация, зачитанная от имени короля, должна быть взвешена предложение за предложением; она с совершенной точностью подводит итог его поведению и заканчивается следующим образом: "Что такое личная опасность для короля, у которого хотят отнять любовь его народа? Вот что меня больше всего беспокоит. Возможно, настанет день, когда народ узнает, насколько я дорожу его благосостоянием, насколько это всегда было моей заботой и первой потребностью. Какие печали исчезнут при малейшем признаке его возвращения!"]

2618 (обратно)

["Moniteur", XIII. 33, 56 bis 85, 97 (заседания 3, 5, 6 и 9 июля)].

2619 (обратно)

[Moniteur, XIII. 26, 170, 273 (заседания 12, 17, 28 июля).-Mortimer-Ternaux, II. 122 (заседание 23 июля): Выступления муниципального совета Марселя, федератов, петиционеров Анжера, волонтеров Шаранты и т. д. "Наследственная монархия противоречит правам человека. Примите акт свержения, и Франция будет спасена... Будьте мужественны, пусть меч закона обрушится на лжесоветника и заговорщика! Лафайет - самый презренный, самый виновный,... самый позорный из убийц народа" и т. д.].

2620 (возврат)

[Мортимер-Терно, II. 126.- Бертран де Моллевиль, III. 294].

2621 (возврат)

[Moniteur, XIII. 325 (заседание от 3 августа)].

2622 (возврат)

[Moniteur, XII. 738; XII. 340].

2623 (возвращение)

[Moniteur, XIII. 170, 171, 187, 208, 335 (сессии 17, 18 и 23 июля и 5 августа)].

2624 (возврат)

[Moniteur, XIII. 187 (заседание от 18 июля). "Галереи аплодируют. Собрание ропщет."-208 (21 июля). "Ропот, крики и возгласы "Долой оратора!" с галерей. Президент пять раз призывает палату к порядку, но всегда безрезультатно."-224 (23 июля). "Галереи аплодируют; в Собрании слышен продолжительный ропот"]].

2625 (возвращение)

[Buzot, "Mémoires" (Ed. Dauban, 83 и 84). "Большинство французского народа жаждало королевской власти и конституции 1790 года... В Париже это стремление особенно определяло общий план, обсуждение его меньше всего боялись в особых разговорах и в частном обществе. Там было лишь несколько благородных, высокопоставленных людей, которые были достойны быть республиканцами... Остальные желали конституции 1791 года и говорили о республиканцах так, как говорят об очень честных маньяках"]].

2626 (возвращение)

[Дювержье, "Собрание законов и декретов", 29 мая 1792 г.; 15, 16 и 18 июля; 6-20 июля].

2627 (обратно)

[Moniteur, XIII. 25 (заседание от 1 июля). Петиция 150 активных граждан секции Бонн-Нувель].

2628 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, II. 194. Buchez et Roux, XVI. 253. Декрет об увольнении был принят только 12 августа, но после 31 июля муниципалитет потребовал его, и в последующие дни несколько якобинских гренадеров идут в Национальное собрание, топчут свои медвежьи шапки и надевают красную шапку свободы].

2629 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, II. 192 (действия муниципалитета от 5 августа)].

2630 (обратно)

[Декрет от 2 июля.]

2631 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, II. 129.-Buche et Roux, XV. 458. Согласно докладу военного министра, прочитанному 30 июля на вечернем заседании, 5314 департаментов федератов покинули Париж между 14 и 30 июля. Петион писал, что сбор федератов, находившихся в то время в Париже, составлял 2960 человек, "из которых 2032 готовились к отправке в лагерь в Суассоне".]

2632 (возвращение)

[Buche et Roux, XVI. 120, 133 (заседание якобинцев, 6 августа). Федераты "решили наблюдать за замком, каждый занял место в батальонах соответственно секциям, в которых они проживают, и многие присоединились к батальонам фобура Сент-Антуан"].

2633 (возврат)

["Меркюр де Франс", 14 апреля 1793 г. - "Революция", I. с. 332].

2634 (возврат)

[Barbaroux, "Mémoires", 37-40.-Lauront-Lautard, "Marseilles depuis 1789 jusqu'à 1815", I. 134. "Мэр Мурдей, который их набрал, "был, пожалуй, очень рад от них избавиться". О составе этой группы и о предыдущей роли Ребекки см. главу VI].

2635 (возвращение)

[Buche et Roux, XVI. 197 и последующие страницы.- Мортимер-Терно, II. 148 (гренадеры насчитывали только 166 человек).-Moniteur, XIII. 310 (заседание от 1 августа). Выступление гренадеров: "Они поклялись своей честью, что достали шпаги только после того, как им четверть часа угрожали, оскорбляли и унижали, пока они не были вынуждены защищать свою жизнь от отряда разбойников, вооруженных пистолетами, а некоторые из них - карабинами". "Чтение этого меморандума часто прерывается улюлюканьем с галерей, несмотря на приказ президента" - снова улюлюканье, когда они выходят из зала"].

2636 (возвращение)

[Отсутствие людей действия сильно смущало партию якобинцев. ("Correspondance de Mirabeau et du Comte de la Marck", II. 326.) Письмо М. де Монморина, 13 июля 1792 года. О настроении жителей Парижа, утомленных и измотанных "до предела". "Они не принимают ничью сторону, ни за, ни против короля... Они больше не возбуждаются ни с какой целью; беспорядки всецело фактические. Это настолько правильно, что они вынуждены привозить людей с Юга, чтобы поднять их". Почти все, кто форсировал ворота Тюильри, или, вернее, кто вошел в них 20 июня, были посторонними людьми или зрителями, собравшимися вместе при

виде такого количества пик, красных шапок и т. д. Труссы разбежались при малейшем признаке предъявления оружия, что и сделала часть национальной гвардии по прибытии депутации от Национального собрания; их руководители были вынуждены подбадривать их, говоря, что в них не будут стрелять"]].

2637 (возвращение)

["Buche et Roux", XVI. 447. "Chronique des cinquante jours", by Roederer].

2638 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, II. 378.-127 Якобинцы из Аппаса, возглавляемые Жоффруа и молодым Робеспьером, заявляют Директории, что намерены приходить на ее заседания и следить за ходом обсуждений. "Настало время, когда хозяин должен следить за своими агентами". Поэтому Директория уходит в отставку (4 июля 1792 года). - Там же, 462 (отчет Леру, муниципального чиновника). Парижский муниципальный совет в ночь с 9 на 10 августа заседает под угрозой смерти и яростными криками с галерей].

2639 (возврат)

["Собрание законов и декретов" Дювержье, 4 июля, 5-8, 11-12, 25-28.- Buche et Roux, XVI. 250. Секция Французского театра (президентом которой является Дантон, а секретарями - Шометт и Моморо) так интерпретирует заявление о том, что страна находится в опасности. "После объявления представителями народа о том, что страна находится в опасности, естественно, что сам народ должен вернуть себе суверенный контроль"]].

2640 (возврат)

[Schmidt, "Tableaux de la Révolution", I. 99-100. Доклад Ролану, 29 октября 1792 г.].

2641 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, II. 199.-Buche et Roux, XVI. 320.-Moniteur, XIII. 336 (заседание от 5 августа). Речь Колло д'Эрбуа].

2642 (возвращение)

[Moniteur, XI. 20, заседание от 4 февраля. На этом заседании Горгеро, докладчик комитета по законодательству, уже заявил: "Авторы этих многочисленных обращений, похоже, скорее приказывают, чем требуют... Это всегда одни и те же секции или одни и те же лица, которые обманывают вас, выдавая свое собственное ложное свидетельство за свидетельство столицы." - "Долой репортера! С галерей" - Там же, XIII. 93, заседание 11 июля. М. Гастелье: "Вам постоянно зачитывают обращения от имени народа, которые не являются даже голосом одной секции. Мы видели, как один и тот же человек приходит три раза в неделю, чтобы потребовать чего-то во имя суверенитета". (Крики "долой! долой!" на галереях). Там же, 208, заседание 21 июля. М. Дюмоляр: "Вы должны проводить различие между народом Парижа и этими подчиненными интриганами... этими привычными оракулами из кафе и скверов, чье двусмысленное существование уже давно привлекает внимание и требует надзора

полицей". (Долой оратора! ропот и улюлюканье в галереях).-Mortimer-Ternaux, II. 398. Протесты арсенальной секции, зачитанные Лавуазье (химиком): "Каприз узкого круга граждан (таким образом) становится желанием огромного населения"]].

2643 (возвращение)

[Buchez et Roux, XVI. 251.- Мортимер-Терно, II. 239 и 243. Сначала центральное бюро открывается в "здании Сент-Эсприт, во втором этаже, рядом с переходом, сообщающимся с общим жильем". Затем комиссары секции занимают другую комнату в Отель-де-Виль, почти вплотную примыкающую к тронному залу, где заседает муниципальный совет. В ночь с 9 на 10 августа оба совета заседают четыре часа одновременно в нескольких шагах друг от друга].

2644 (возврат)

[Робеспьер, "Седьмое письмо к своим избирателям", пишет: "Секции... уже более двух недель заняты подготовкой к последней революции"]].

2645 (возврат)

[Робеспьер, "Седьмое письмо к своим избирателям"-Malouet, II. 233, 234.-Roederer, "Chronique des cinquante jours"]].

2646 (возвращение)

["Moniteur", XIII. 318, 319. Петиция составлена, по-видимому, людьми, которые были вне себя. "Если бы мы не надеялись на вас, я не отвечал бы за те крайности, до которых довело бы нас отчаяние! Мы навлечем на себя все ужасы гражданской войны, если только сможем, умирая, утащить с собой нескольких наших трусливых убийц!" - Представители, надо заметить, высказываются в том же духе. Ла Соссюр восклицает: "Здесь члены, как и вы сами, требуют отпущения!" - Тьюрио: "Преступление чудовищно!"]].

2647 (возвращение)

[Тэн описывает основную черту человеческой натуры, которую мы видим снова и снова, независимо от того, нападали ли наши предки на маленькие, безобидные соседние народы, ведьм, ренегатов, евреев или религиозных людей другой веры.(SR)].

2648 (возврат)

[Buchez et Roux, XIX 93, заседание от 23 сентября 1792 года. Речь Паниса: "Многие достойные граждане хотели бы иметь судебные доказательства; но нас удовлетворяют политические доказательства" - В конце июля министр внутренних дел предложил Петиону послать двух муниципальных чиновников для осмотра Тюильри; но совет отказался это сделать, чтобы поддержать волнение].

2649 (возврат)

[Малле дю Пан, "Mémoires", 303. Письмо Малуэ, 29 июня.- Бертран де Моллевиля, "Mémoires", II. 301.- Хуа, 148.- Вебер, II. 208.- Мадам Кампан, "Mémoires", II. 188. Уже в конце 1791 года королю сообщили, что он может быть отравлен кондитером дворца, якобинцем. В течение трех или четырех месяцев хлеб и кондитерские изделия, которые он ел, тайно покупались в других местах. 14 июля 1792 года его сопровождающие, в связи с угрозами его жизни, надели на него нагрудник под пальто].

2650 (возвращение)

[член Учредительного собрания 1789 г. (SR).

2651 (обратно)

["Moniteur", VIII. 271, 278. Депутат, оправдывая своих обидчиков, утверждает, что д'Эспремсиль призывал народ войти в сад Тюильри. Нет необходимости говорить о том, что во время Учредительного собрания д'Эспремсиль был одним из самых заметных представителей крайних "правых". Герцог де Ге, "Мемуары", I. 18].

2652 (обратно)

[Лафайет, "Mémoires", I. 465.]

2653 (обратно)

[Moniteur, XIII. 327, -Mortimer-Ternaux, II. 176].

2654 (возврат)

[Moniteur, XIII. 340.- Стиль этих прошений весьма поучителен. Мы видим в них состояние ума и степень образованности просителей: иногда полубразованный писатель пытается рассуждать в духе Contrat Social; иногда школьник, изрекающий тирады Рейналя; а иногда угловатый сочинитель писем, собирающий вместе выражения, составляющие его костяк].

2655 (возврат)

[Carra, "Précis historique sur l'origine et les véritables auteurs de l'insurrection du 10 Août." - Barbaroux, "Mémoires, 49. Исполнительная директория, назначенная центральным комитетом конфедератов, провела свое первое заседание в винной лавке "Soleil d'or" на площади Бастилии; второе - в "Cadran bleu" на бульваре; третье - в комнате Антуана, который в то время жил в одном доме с Робеспьером. На этой последней встрече присутствовал Камиль Десмулен. Сантерр, Вестерманн, американец Фурнье и Лазовский были главными членами этой Директории. Другой план восстания был разработан 30 июля в винной лавке в Шарантоне Барбару, Ребекки, Пьером Байлем, Героном и американцем Фурнье. См. J. Claretie, "Camille Desmoulins", p. 192. Немного раньше 10 августа Десмулен писал: "Если Национальное собрание считает, что оно не может спасти страну, пусть тогда заявит, что, согласно Конституции и подобно римлянам, оно передает это в руки каждого гражданина.

Пусть немедленно прозвучит набат, соберется вся нация, и каждый человек, как в Риме, будет наделен полномочиями предать смерти всех известных заговорщиков!"].

2656 (возвращение)

[Mortimer-Ternaux, II. 182. Решение секции Квинзе-Вингт, 4 августа. 402-410. История секции Квинзе-Вингта].

2657 (возвращение)

[Moniteur. XIII. 367, заседание 8 августа. Там же, 369 и последующие страницы. Заседание 9 августа. Письма и речи оскорбленных депутатов].

2658 (возвращение)

["Moniteur", 371. Речь М. Жирардена: "Я убежден, что большинство тех, кто меня оскорблял, были иностранцами" - Там же, 370. Письмо М. Фрувьера: "Многие горожане, выходя из своих магазинов, восклицали: Как они могут так оскорблять депутатов? Бегите! Бегите!" - М. Жоливе, присутствовавший в тот вечер на заседании Якобинского клуба, утверждает, "что якобинские трибуны далеко не разделяли этого безумия". Он слышал, как "один человек в этих трибунах воскликнул, что предложение внести в список жилища депутатов возмутительно". Бесчисленные другие детали свидетельствуют о малочисленности и характере фракций.- Там же, 374. Речь Обер-Дюбасе: "Я видел людей, одетых в мундиры национальной гвардии, с лицами, выдающими все самое гнусное в злодеяниях". Среди федератов "очень много людей со злыми наклонностями"]].

2659 (обратно)

["Moniteur", XIII. 170 (письмо мсье де Жоли, министра юстиции).-Там же, 371, декларация мсье Жоливе.-Buche et Roux, XVI. 370 (заседание Якобинского клуба, 8 августа, вечером). Речь Гупийо].

2660 (возврат)

[Можно представить себе, с каким удовлетворением Ленин, должно быть, читал это описание, соглашаясь: "Да, открытое голосование при названном и установленном счете, вот как вождь лучше всего может управлять всяким собранием". (СР)].

2661 (обратно)

[Moniteur, XIII. 370.- Ср. там же, письмо М. Шапрона.- Там же, 372. Речь М. А. Воблана.- Мур, "Дневник во время пребывания во Франции", I. 25 (10 августа). Наглость людей на галереях была невыносимой. При чтении письма, в котором депутат писал, что ему угрожают обезглавливанием, раздался "громкий и всеобщий хохот со всех галерей": "Пятьдесят членов кричали одновременно; самая бурная ночь, свидетелем которой я когда-либо был в Палате общин, рядом с этим была сама невозмутимость"]].

2662 ([возврат](#))

["Moniteur", Ibid., p. 371.-Lafayette, I. 467. "9 августа, как видно из неизменных изданий "Логографа", Собрание, почти в полном составе, поднялось и заявило, что оно не свободно". Ibid., 478. "9 августа Собрание приняло декрет, объявляющий его несвободным. Этот декрет был разорван 10-го числа. Но нет сомнений, что он был принят"]].

2663 ([возврат](#))

["Moniteur", XIII. 370, 374, 375. Речь Родерера, письмо М. де Жоли и речь Петиона].

2664 ([обратно](#))

[Матье Дюма, "Mémoires", II. 461.]

2665 ([обратно](#))

["Chronique des cinquante jours", by Roederer.-Mortimer-Ternaux, II. 260.-Buche et Roux, XVI. 458.- К половине седьмого утра присутствовало всего от шестидесяти до восьмидесяти членов. (Свидетельство двух министров, покинувших Собрание)].

2666 ([возвращение](#))

[Mortimer-Ternaux, II. 205. На голосовании 12 июля, не считая членов, находящихся в отпуске или делегированных в другие места, а также умерших, которых не заменили, было уже двадцать семь человек, не ответивших на призыв, а после этой даты еще трое подали в отставку [Buche et Roux, XVII. 340 (заседание от 2 сентября 1792 г.). Эро де Сешель избран президентом 248 из 257 избирателей.- Хуа, 164 (после 10 августа). "Мы посещали заседания палаты, чтобы показать, что мы не отказались от них. Мы не принимали никакого участия в дискуссиях, а при голосовании, стоя или сидя, оставались на своих местах. Это был единственный протест, который мы могли выразить"]].

2667 ([возвращение](#))

[Mortimer-Ternaux, II. 229, 233, 417 и последующие страницы. М. Мортимер-Терно первым раскрывает с помощью документов и критического обсуждения формирование революционной коммуны. Шесть секций, о которых идет речь, - это Ломбард, Гравилье, Моконсейль, Гобелен, Театро-Франсе и Фобур Пуассоньер].

2668 ([возврат](#))

[Например, Ружские дети, Лувр, Обсерватория, Фонтен-Гренель, Фобур-Сен-Дени и Термы де Жюльена].

2669 ([возврат](#))

[Например, в секциях Монтрей, Попинкур и Рой-де-Сисиль...].

2670 (возвращение)

[Например, Понсо, Инвалиды, Сент-Женевьев].

2671 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, II. 240.]

2672 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, 446 (список комиссаров, занявших свои места до 9 часов утра). "Le Tableau général des Commissaires des 48 sections qui ont composé le conseil général de la Commune de Paris, le 10 Août, 1792", следует отметить, была опубликована только три или четыре месяца спустя, со всеми существенными фальсификациями. Его можно найти в Buchez et Roux, XVI. 450.- "Relation de l'abbé Sicard". "В то время множество негодяев после окончания общего собрания секций принимали акты от имени всего собрания и приводили их в исполнение, совершенно неизвестные ни тем, кто это делал, ни тем, кто стал несчастной жертвой этих процедур". (подтверждено документами)].

2673 (возвращение)

[Mortimer-Ternaux, II. 270, 273. (Официальный отчет о допросе Мандата содержит пять ложных показаний, либо пропущенных, либо замененных)].

2674 (возврат)

[Claretie, "Camille Desmoulins", p.467 (заметки Топино-Лебрена о суде над Дантоном). Дантон, выступая в суде, говорит: "Я ушел в час ночи. Я был в революционной коммуне и вынес смертный приговор Манде, который имел приказ открыть огонь по народу". Дантон в том же месте говорит: "Я планировал 10 августа". Совершенно точно, что с 1 до 7 часов утра (когда Мандат был убит) он был главным руководителем восставшей коммуны. Никто не был так силен, так властен, так хорошо физически оснащен для управления таким конвентным сообществом, как Дантон. Кроме того, среди новичков он был самым известным и обладал наибольшим влиянием благодаря своей должности заместителя прокурора синдика. Отсюда его престиж после победы и назначения на пост министра юстиции. Его иерархический начальник, прокурор-синдикалист Мануэль, который также присутствовал на заседании и подписался своим именем, показал себя, несомненно, жалким человеком, каким он и был, - аффектированным, сумасшедшим, нелепым болтуном. По этой причине ему позволили остаться синдик-прокурором в качестве инструмента и слуги.- Болье, "Эссе о французской революции", III. 454. "Россиньяль хвастался тем, что сам совершил это убийство"]].

2675 (возврат)

["Интересные пиесы для истории", Петион, 1793. "Я желал восстания, но дрожал от страха, что оно может не удался. Мое положение было критическим. Я должен был исполнять свой долг гражданина, не жертвуя при этом долгом магистрата; нужно было сохранить внешние черты, не отступая от форм. Планировалось заточить меня в моем собственном доме; но они забыли или отложили выполнение этого плана. Как вы думаете, кого неоднократно посылали настоять на исполнении этой меры? Я сам; да, я сам!"]].

2676 (обратно)

[В "Истории французской революции" Феррана и Ламарка, Cavaillés, Париж 1851, т. II. На стр. 225 мы можем прочитать следующую сноску: "Этим же вечером молодой лейтенант артиллерии наблюдал из окна дома на улице Эшель за приготовлениями, которые велись в замке Тюильри: это был Наполеон Бонапарт... Ну, право, спросил депутат Поцце ди Борго, его соотечественник, что вы думаете о происходящем? Сегодня вечером они будут атаковать замок. Как вы думаете, удастся ли людям добиться успеха? - Не знаю, - ответил будущий император, - но могу вас заверить, что если бы мне дали под командование два швейцарских батальона и сто хороших всадников, я бы отразил мятежников так, что навсегда избавил бы их от всякого желания возвращаться". (SR)]

2677 (возвращение)

[Наполеон в этот момент находился в Каррузеле, в доме брата Бурриена. "Мне было хорошо видно, - говорит он, - все, что происходило в течение дня... У короля было по крайней мере столько же войск для защиты, сколько у Конвента 13-го числа, в то время как враги последнего были гораздо грознее и лучше дисциплинированы. Большая часть национальной гвардии показала, что она благосклонна к королю; это должно быть справедливо по отношению к ней". (Возможно, некоторым читателям будет полезно узнать, что когда Наполеон упоминает 13-е Вендемарское сражение (5 октября 1795 года), ему, молодому офицеру, поручили защищать Конвент от роялистского восстания. Он проявил смекалку, вовремя раздобыл несколько пушек, зарядил их виноградной дробью, поставил перед парижской церковью Сен-Рош и полностью уничтожил превосходящие силы роялистов. SR.)]

2678 (возврат)

[Официальный отчет Леру. Со стороны сада, вдоль террасы у реки, а затем при возвращении было "несколько криков Vive le roi! многие за Vive la nation! Живи, господа холопы! Долой короля! Долой вето! Долой старую свинью! и т.д. Но я могу подтвердить, что все эти оскорбления были произнесены между Пон-Турнан и партером, и примерно дюжиной людей, среди которых было пять или шесть артиллеристов, следовавших за королем, как мухи следуют за животным, которое они хотят мучить"]].

2679 (возвращение)

[Mortimer-Ternaux, III. 223, 273 - Письмо Бонно, начальника батальона Сент-Маргерит: "Я не могу избежать марша во главе их под любым предлогом... Я никогда не нарушу Конституцию, если меня к этому не принудят" - Секция Гравилье и секция Фобур Пуассоньер обналичили своих офицеров и избрали других].

2680 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, IV. 342. Речь Фабра д'Эглантина в Якобинском клубе, 5 ноября 1792 г. "Пусть громко провозгласят, что это те же самые люди, которые захватили Тюильри, ворвались в тюрьмы Аббатства, Орлеана и Версаля"]].

2681 (возвращение)

[В этом отношении очень показателен бунт на Марсовом поле (17 июля 1791 г.), единственный, который был подавлен: "Поскольку ополченцы не стали, как обычно, опускать оружие на землю по команде толпы, эта последняя начала, по обычаю, забрасывать их камнями. Лишиться воскресного досуга, маршировать по улицам под палящим солнцем, а затем остаться стоять, как дураки, в праздничный день, чтобы их завалили кирпичами, было немного выше их терпения, поэтому, не дожидаясь приказа, они открыли огонь и убили дюжину или две оборванцев. Остальные храбрецы разбежались. Если бы ополченцы дождались приказа, их, полагаю, сбили бы с ног еще до того, как они его получили... Утром Лафайет был очень близок к тому, чтобы быть убитым; но пистолет не выстрелил у его груди. Убийца был немедленно схвачен, но его решили отпустить" (Гувернер Моррис, письмо от 20 июля 1791 года). Точно так же 29 августа 1792 года в Руане национальную гвардию, защищавшую Отель-де-Виль, более часа забрасывали камнями, многие были ранены. Магистраты идут на все уступки и пробуют все способы, мэр пять или шесть раз зачитывает закон о беспорядках. Наконец национальная гвардия, вынужденная вступить в дело, восклицает: "Если вы не позволите нам отразить силу силой, мы уйдем". Они открывают огонь, в результате чего четыре человека погибают и двое получают ранения, а толпа расходится. ("Archives Nationales", F7, 2265, официальный отчет муниципалитета Руана от 29 августа; обращения муниципалитета от 28 августа; письмо подполковника жандармерии от 30 августа и т. д.).

2682 (возврат)

[Официальный отчет Леру - "Хроника последних дней", автор Родерер - "Особые детали дня 10 августа", автор - парижский буржуа, очевидец (1822)].

2683 (возврат)

[Barbaroux, "Mémoires", 69. "Все предвещало победу двора, если бы король не покинул свой пост... Если бы он появился, если бы сел на коня, батальоны Парижа провозгласили бы за него"].

2684 (возвращение)

["Парижская революция", номер за 11 августа 1792 г. "10 августа 1792 года все еще ужаснее, чем 24 августа 1572 года, а Людовик XVI - большее чудовище, чем Карл IX. "Тысячи факелов были найдены в подвалах, очевидно, помещенных туда, чтобы сжечь Париж по сигналу этого современного Нерона". В номере за 18 августа: "Место для Людовика Нерона и Медичи Антуанетты - не в башнях Храма; их головы должны были упасть с гильотины в ночь на 10 августа". (Особые подробности плана короля по расправе над всеми депутатами-патриотами, запугиванию Парижа грандиозным грабежом и постоянной работой гильотины). "Этот коронованный людоед и его австрийская пантера"].

2685 (возвращение)

[Рассказ министра Жоли (написан через четыре дня после события). Король уезжает около половины восьмого. См. мадам Кампан, "Мемуары" и Moniteur, XIII. 378.]

2686 (возвращение)

["Революция в Париже", номер за 18 августа. По дороге один из санкюлотов выходит перед рядами и пытается помешать королю пройти. Офицер гвардии спорит с ним, после чего тот протягивает руку королю, восклицая: "Прикоснись к этой руке, мерзавец, и ты пожал руку честному человеку! Но я не намерен, чтобы ваша сука-жена отправилась с вами в Ассамблею; нам не нужна эта шлюха". "Людовик XVI, - говорит Прюдомм, - продолжал свой путь, ничуть не расстроенный этим благородным порывом" - я считаю это шедевром якобинской интерпретации].

2687 (обратно)

[Mortimer-Ternaux, II. 311, 325. У подножия лестницы король спросил Родерера: "Что будет с теми, кто остался наверху?" "Сир, - отвечает он, - они, кажется, одеты в обычную одежду. Тем, у кого есть шпаги, остается только снять их, последовать за вами и выйти в сад". Некоторые господа так и делают, и таким образом уходят, в то время как другие убегают в противоположную сторону через галерею Лувра].

2688 (обратно)

[Mathon de la Varenne, "Histoire particulière," etc., 108. (Свидетельство камердинера Лоримье де Шамильи, с которым Матон был заключен в тюрьму Ла Форс).

2689 (возврат)

[Де Лавалетт, "Мемуары", I. 81. "Мы нашли парадную лестницу, перегороженную чем-то вроде балки, которую защищали несколько швейцарских офицеров, вежливо оспаривавших ее проход с примерно пятьюдесятью безумцами, чьи странные одежды очень напоминали разбойников из наших мелодрам. Они были пьяны, а их грубый язык и странные ругательства указывали на город Марсель, который их изверг"].

2690 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, II. 314, 317 (допрос мсье де Дизбаха). "Им было приказано не стрелять, пока не будет дано слово, и не раньше, чем национальная гвардия покажет пример"].

2691 (возвращение)

[Buchez et Roux, XVI, 443. Рассказ Петиона - Пельтье, "История 10 августа"].

2692 (возврат)

[М. де Николе писал на следующий день, 11 августа: "Федераты открыли огонь первыми, за которым последовал резкий залп из окон замка". (Le Comte de Fersen et la cour de France. II. 347.)].

2693 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, II. 491. Об оставлении Тюильри свидетельствуют незначительные потери нападавших. (Список раненых Марсельского корпуса и убитых и раненых Брестского корпуса, составленный 16 октября 1792 г. - Ведомость о помощи, оказанной раненым парижанам, вдовам, сиротам и престарелым, октябрь 1792 г. и затем 1794 г.) - Всего 74 убитых и 54 тяжелораненых. Два корпуса, участвовавшие в самом жарком бою, были марсельским, потерявшим 22 убитых и 14 раненых, и бретонским, потерявшим 2 убитых и 5 раненых. Больше всего пострадали части Кинзе-Винт (4 убитых и 4 раненых), Фобур-Монмартр (3 убитых), Ломбардцы (4 раненых) и Гравилье (3 раненых). Из двадцати одной части, о которой сообщается, семь заявили, что не потеряли ни одного человека. Швейцарский полк, напротив, потерял 760 человек и 26 офицеров].

2694 (возвращение)

[Рассказ Наполеона.]

2695 (возврат)

[Рассказ Петрона.]

2696 (обратно)

["Революция в Париже" Прюдомма, XIII. 236 и 237.- Barbaroux, 73.- Madame Campan, II. 250].

2697 (возвращение)

[Mortimer-Ternaux, II. 258.-Moore, I. 59. Некоторые из разбойников убиты. Мур видел, как одного из них сбросили с парадной лестницы].

2698 (возвращение)

[Michelet, III. 289.]

2699 (обратно)

[Mercier, "Le Nouveau Paris", II. 108.- "Граф де Ферсен и суд Франции", II. 348. (Письмо Сент-Фуа, 11 августа). "Погреба были вскрыты, и более 10 000 бутылок вина, осколки которого я видел в суде, так опьянили людей, что я поспешил положить конец расследованию, неосмотрительно начатому в окружении 2000 сотрапезников с обнаженными шпагами, которыми они обращались очень небрежно"].

26100 (возврат)

["Рассказ Наполеона" - "Воспоминания Барбару"].

26101 (обратно)

[Moniteur, XIII. 387.-Mortimer-Ternaux, II. 340].

26102 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, II. 303. Слова президента Верньо о приеме Людовика XVI -Ibid. 340, 342, 350.]

26103 (обратно)

[Mortimer-Ternaux, 356, 357.]

26104 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, 337. Речь Гугена, президента Коммуны, в зале заседаний Национального собрания: "Народ, которым мы посланы к вам, поручил нам заявить вам, что он вновь вверяет вас своему доверию; но в то же время он поручает нам заявить вам, что, судя по чрезвычайным мерам, к которым его вынудила необходимость и сопротивление угнетению, он не имеет теперь иного авторитета, кроме французского народа, вашего и нашего государя, собравшегося на свои первичные собрания"].

26105 (возврат)

[Дювержье, "Собрание законов и декретов" (между 10 августа и 20 сентября)].

26106 (возврат)

[Duvergier, "Collection des lois et décrets", Aug. 11-12. "Национальное собрание, считая, что оно не имеет права подчинять суверенитет в формировании национального конвента императивным предписаниям,... предлагает гражданам соблюдать следующие правила"].

26107 (возврат)

[11 августа (статья 8)].

26108 (возврат)

[10-12 августа и 28 августа].

26109 (возврат)

[Там же, 10 авг. и 13 авг. Ср. Moniteur, XIII. 399 (заседание 12 авг.)].

26110 (возврат)

[Там же, 18 августа.]

26111 ([возврат](#))

[23 августа и 3 сентября. После 11 августа Собрание принимает декрет об освобождении Сент-Уружа и аннулировании ордера против Антуана].

26112 ([возврат](#))

[Там же, 14 августа.]

26113 ([возврат](#))

[Там же, 14 августа. Декрет о разделе имущества эмигрантов на участки от двух до четырех арпанов, чтобы "умножить мелких собственников" - там же, 2 сентября. Другие декреты против эмигрантов и их родственников, 14, 23, 30 августа, 5 и 9 сентября].

26114 ([возвращение](#))

[Там же, 26 августа. Другие декреты против церковников или имущества церкви, 17, 18, 19 августа и 9 и 19 сентября].

26115 ([возврат](#))

[Там же, 20 сент.]

26116 ([обратно](#))

[Представьте себе, какое впечатление эти последние строки могли произвести на любого пылкого, амбициозного и самонадеянного молодого человека, который, подобно Ленину в 1907 году, читал бы их в период между 1893 и 1962 годами - датой последнего английского переиздания некогда широко известной работы Тейна. Они подводили итог тому, что нужно было сделать и кто станет главными бенефициарами революции. Ленин, Гитлер, Муссолини и бесчисленное множество других молодых политиков, подающих надежды. Прочитайте ее еще раз и спросите себя, не было ли многое из этой программы более или менее тайно реализовано в большинстве западных стран после Второй мировой войны? (SR).]

26117 ([возврат](#))

[Malouet, II. 241.]

26118 ([возврат](#))

["Меркюр де Франс", 21 июля 1792 г.].

26119 ([возврат](#))

["Парижские революции", XIII. 137.]

26120 (возврат)

[Mallet du Pan. "Mémoires", I. 322. Письма к Малле дю Пану. 4 августа и последующие дни].

26121 (возврат)

[Buchez et Roux, XVI. 446. Рассказ Петиона.- Арно, "Souvenirs d'un sexagénaire", I. 342. (Очевидец 10 августа). "Резня простиралась немного дальше Каррузеля и не пересекала Сену. Повсюду я видел спокойное население, как будто ничего не произошло. Внутри города люди почти не выказывали удивления; в общественных садах продолжались танцы. В квартале Марэ, где я тогда жил, о происшествии только подозревали, как и в Сен-Жермене; говорили, что в Париже что-то происходит, и нетерпеливо искали вечернюю газету, чтобы узнать, что именно"].

26122 (возврат)

[Moore, I. 122.- То же самое можно наблюдать и в другие кризисы революции. 6 октября 1789 года (Sainte-Beuve, "Causeries du Lundi", XII. 461) Сенак де Мейлан на вечернем приеме слышит следующие разговоры: "Вы видели, как проезжал король?" - спрашивает один. "Нет, я был в театре". "А Моле играл?" - "Что касается меня, то я был вынужден остаться в Тюильри; у меня не было возможности выйти раньше девяти часов". "Вы видели, как проезжал король?" - "Я плохо видел, было темно". - Другой говорит: "Должно быть, он ехал из Версаля шесть часов". - Другие спокойно добавляют несколько деталей. - Продолжаем: "Не сыграете ли вы в вист?" - "Я сыграю после ужина, который уже готов". Раздается пушечный выстрел, затем несколько шепотков и мимолетный момент подавленности. Король покидает Отель-де-Виль. Они, должно быть, очень устали". Ужин принят, и слышны обрывки разговоров. Они играют в trente et quarante и, прогуливаясь, наблюдают за игрой и картами, ведут беседу: "Какое ужасное дело!", а некоторые говорят между собой коротко и негромко. Часы бьют два, и все уходят или ложатся спать - эти люди кажутся вам бесчувственными. Очень хорошо; среди них нет ни одного, кто не принял бы смерть у ног короля". 23 июня 1791 года, при известии об аресте короля в Варенне, "Булонский лес и Елисейские поля были заполнены людьми, легкомысленно беседующими о самых серьезных вещах, а молодые люди, как видно, произносили смертные приговоры во время своих забав с куртизанками". (Mercure de France, 9 июля 1791 года. Начинается с небольшого отрывка под названием "Дебит одного друга".) - См. гл. XI. о настроениях населения в мае и июне 1793 года].

26123 (возврат)

["Moniteur", XIII. 290 (29 июля) и 278 (30 июля)].

26124 (обратно)

["Archives Nationales", F7, 145. Письмо Сантерра министру внутренних дел от 16 сентября 1792 г. с ежедневным списком всех людей, покинувших Париж между 3 и 15 сентября, общим числом 18 635, из которых 15 504 - волонтеры. Другие письма от него же, указывающие на последующие отъезды: 17 сентября - 1071 человек; в последующие дни до 21 сентября - 243; 22-го - 150; до 26-го - 813; 1 октября - 113; 2-го и 3-го - 1088; 4-го - 1620; 16-го - 196 и т. д. - Я полагаю, что среди тех, кто уходит, некоторые проходят через Париж, прибывая из

провинций; это мешает точному подсчету числа парижских волонтеров. Месье де Лавалетт, сам волонтер, говорит о 60 000; но он не приводит доказательств этого].

26125 ([обратно](#))

[Mortimer-Ternaux, II. 362.]

26126 ([обратно](#))

[Soulavie, "Vie privée du Maréchal duc de Richelieu", IX. 384: "Невозможно понять, - говорит Лафайет ("Mémoires", I. 454), - как якобинское меньшинство и банда притворных марсельцев могли стать хозяевами Парижа, в то время как почти все 40 000 граждан, составлявших национальную гвардию, желали конституции"].

26127 ([возврат](#))

[Hua, 169.]

26128 ([обратно](#))

[Moniteur, XIII. 437. (заседание 16 августа, аплодисменты повторены, а речь приказано напечатать)].

26129 ([обратно](#))

[Эти слова должны заставить общество измениться, что приведет к выравниванию доходов путем пропорционального налогообложения и всевозможных пособий во всем промышленно развитом мире. Никто и представить себе не мог, какое огромное богатство будет создано эффективной промышленностью XX века. (SR).]

26130 ([возврат](#))

[Roederer, "oeuvres Complètes". VIII 477. "Клубные ораторы показывали Францию пролетариату как верную добычу, если он ею завладеет"].

26131 ([возврат](#))

[Этот манифест был составлен для герцога Брауншвейг-Люнебурга, генерала, командовавшего объединенными прусскими и австрийскими войсками, французским эмигрантом маркизом де Лимоном. В нем французам и особенно жителям Парижа угрожали неопределенные "жестокости войны", если они осмелятся оказать сопротивление или причинить вред королю и его семье. Он был подписан в Кобленце 25 августа 1792 года и опубликован в роялистских газетах в Париже 3 дня спустя.(SR)].

26132 ([возврат](#))

["Журнал Мура", I. 303-309.]

26133 (возврат)

["Archives Nationales", 474, 426. Раздел Гравилье, письмо комиссара Шарля Шемина к Сантерру и показания Илингрея, кавалериста национальной жандармерии, 11 августа].

26134 (возврат)

[Бомарше, "Сочинения", письмо от 12 августа 1792 г. Это очень интересное письмо показывает, как составляются толпы в эту эпоху. Небольшая шайка обычных разбойников и воров замышляет какое-нибудь предприятие, к которому добавляется испуганная, увлеченная толпа, которая может стать свирепой, но остается честной].

26135 (возвращение)

[Слова Гоббса, примененные Родерером к демократии 1792 года: "In democratia tot possent esse Nerones quot sunt oratores qui populo adulantur; simul et plures sunt in democratia, et quotidie novi suboriuntur"].

26136 (возвращение)

[Лукас де Монтиньи, "Mémoires de Mirabeau", II. 231 и последующие страницы.- Предисловие, приложенное Мануэлем к своему изданию (писем Мирабо), является шедевром глупости и наглости.- Peltier, "Histoire du 10 Aout", II. 205.- Мануэль "вышел из маленькой лавочки в Монтаржи и торговал непристойными трактатами в верхних этажах Парижа. Он завладел письмами Мирабо в ящиках государственного департамента и продал их за 2 000 крон". (Свидетельство Бокильона, судьи мира)].

26137 (возврат)

[Лафайет, "Mémoires", I. 467, 471. "За некоторое время до этих ужасных дней королева передала в руки Дантона 50 000 крон". "Двор в течение двух лет держал Дантона на жалованье, используя его в качестве шпиона якобинцев". "Переписка Мирабо и графа де ла Марка", III. 82. Письмо Мирабо от 10 марта 1791 года: "Дантон получил вчера 30 000 ливров".- Другие свидетельства, Бертран де Моллеви, I. 354, II. 288.- Бриссо, IV. 193.- Миот де Мелито, "Mémoires", I. 40, 42. Миот присутствовал при разговорах, которые происходили между Дантоном, Лежандром и т. д. за столом министра иностранных дел Дефоржа. "Дантон не скрывал своей любви к удовольствиям и деньгам и смеялся над всеми совестливыми и деликатными угрызаниями совести"; "Лежандр не мог достаточно похвалить Дантона, говоря о его талантах государственного деятеля; но он громко порицал его привычки и дорогие вкусы и никогда не присоединялся к нему ни в одной из его одиозных спекуляций"; противоположного тезиса придерживаются Робинэ и Бугеар в своих статьях о Дантоне. Его обсуждение потребовало бы слишком много места. Важные моменты сводятся к следующему: Дантон, работающий адвокатом в королевском совете в марте 1787 года, теряет около 10 000 франков на возврате своего долга. В брачном контракте от июня 1787 года он признает за собой 12 000 франков наследства в виде земель и домов, в то время как его жена приносит ему только 20 000 франков приданого. С 1787 по 1791 год он не мог много зарабатывать, постоянно посещая клуб Кордельеров и предаваясь политике; Лакретель видел его во время беспорядков 1788 года. После смерти он оставил около 85 000 франков в

национальном имуществе, купленном в 1791 году. Кроме того, он, вероятно, владел имуществом и ценностями на третьих лиц, которые сохранили их после его смерти. (Де Мартель, "Типы революционеров", 2-я часть, стр.139. Расследование Блаша в Шуази-сюр-Сен, где некий Фовель, похоже, был вымышленным именем Дантона.) - См. по этому вопросу "Адвокаты в советах короля" Эмиля Боса, стр.513-520. Согласно счетам, доказанным М. Босом, следует, что Дантон в конце 1791 года был в долгу на сумму 53 000 франков; это - дыра, остановленная судом. С другой стороны, Дантон до революции подписывается Дантоном даже в подлинных письмах, что является узурпацией дворянства и в то время подлежало наказанию галерами; двуличная неверность, о которой идет речь, должна была быть частой, так как их лидеры были кем угодно, только не чувствительными. 7 августа мадам Елизавета сообщает мсье де Монморену, что восстание не состоится, что в нем замешаны Петион и Сантерр и что они получили 750 000 франков, чтобы предотвратить его и привлечь марсельские войска на сторону короля (Malouet, II. 223).- Несомненно, Сантерр, используя деньги короля против короля, думал, что действует патриотично. Деньги лежат в основе любого бунта, чтобы платить за выпивку и стимулировать подчиненных агентов].

26138 (возврат)

[Buche et Roux, XXVIII. 92. Письмо Гадоля к Ролану, октябрь 1792 г., по рассказу одного из преподавателей колледжа д'Харкур, в который был помещен Варле].

26139 (возврат)

[Buche et Roux, XIII. 254.]

26140 (возврат)

["C. Desmoulins", by Claretie, 238 (в 1786 и в 1775 гг.). "Дознание все еще существует, к сожалению, оно убедительно."- Вестерманн был обвинен в этих деяниях в декабре 1792 года секцией лангобардов, "доказательства на руках".- Гувернер Моррис, столь хорошо информированный, пишет в Вашингтон 10 января 1793 года: Отступление короля Пруссии "стоило Вестерману около 10 000 фунтов... Совет... возбудил против него преследование за старые дела не более высокого ранга, чем мелкое воровство"]].

26141 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 4434 (документы комитета общей безопасности). Заметка о Панисе, с полными подробностями и ссылками на происшествия].

26142 (возврат)

["Парижские революции", № 177 (заседание генерального совета в Отель-де-Виль, 8 ноября 1792 г., отчет комитета наблюдения). "Сержан признает, за исключением одних часов, что он намеревался заплатить за эти предметы ту цену, которую они могли бы принести. Когда он это говорил, было замечено, что на пальце у него было кольцо с агатом, которое было заявлено"]].

26143 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, II. 638; III. 500 и последующие страницы; IV. 132.-См. II. 451.]

26144 (возвращение)

[Mortimer-Ternaux, II. 456.]

26145 (возврат)

[Buchez et Roux, XVI. 138, 140 (свидетельство Матона де ла Варенна, который занимался этим делом)].

26146 (возврат)

["Dictionnaire biographique", by Eymery (Leipsic, 1807), статья HÉBERT].

26147 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, III. 484, 601. Ср. письмо представителя Кавеньяка, Ibid., 399].

26148 (возврат)

["Dictionnaire biographique", статья HENRIOT.- Жизнь многих из этих подчиненных лидеров хорошо описана. Ср. "Станислас Майяр" А. Л. Сореля; "Патриот Паллой" В. Фурнеля].

26149 (возвращение)

[Granier de Cassagnac, "Histoire des Girondins", 409.- "Archives Nationales", F7 3196. Письма де Сада о разграблении его дома близ Апта, с подтверждающим документом и доказательствами его гражданственности; среди прочего петиция, составленная им от имени секции Пике и зачитанная в Конвенте II брюмера 25 года. "Законодатели, господство философии наконец-то уничтожило господство самозванства... Поклонение иудейскому рабу римлян не подходит для потомков Скуаволы. Всеобщее процветание, которое непременно проистекает из индивидуального счастья, распространится на самые отдаленные области вселенной, и повсюду страшная гидра ультрамонтанского суеверия, преследуемая объединенным светом разума и добродетели, не находя больше убежища в ненавистных притонах умирающей аристократии, погибнет на ее стороне в отчаянии от того, что наконец увидит на этой земле триумф философии!"]

26150 (возврат)

[Barbaroux, "Mémoires", 57, 59. Последние месяцы работы законодательного собрания].

КНИГА ТРЕТЬЯ. ВТОРОЙ ЭТАП ЗАВОЕВАНИЯ.

ГЛАВА I.

I.-Правительство банд во времена анархии.

Случай, когда анархия наступила недавно и внезапно.
банда, сменяющая павшее правительство, и ее
административные инструменты.

Худшей чертой анархии является не столько отсутствие свергнутого правительства, сколько появление новых правительств более низкого класса. В каждом государстве, которое распадается, образуются новые группы, чтобы завоевать и стать суверенными: так было в Галлии после падения Римской империи, также при последнем из преемников Карла Великого; такое же положение вещей существует сейчас (1875) в Румынии и в Мексике. Авантюристы, бандиты, развращенные или опустившиеся люди, социальные изгои, люди, обремененные долгами и потерявшие честь, бродяги, дезертиры, беспутные солдаты, прирожденные враги труда, подчинения и закона, объединяются, чтобы сломать изъеденные червями барьеры, которые все еще окружают овцеподобные массы; и поскольку они беспринципны, они убивают на всех случаях. На этом зиждется их власть; каждый по очереди правит в своей области, и их правительство, в соответствии со своими жестокими хозяевами, состоит в грабежах и убийствах; ничего другого от варваров и разбойников ожидать не приходится.

Но никогда они не бывают так опасны, как тогда, когда в недавно павшем великом государстве в результате внезапной революции центральная власть переходит в их руки; ведь тогда они считают себя законными наследниками разрушенного правительства и под этим именем берутся управлять содружеством. Во времена анархии правящая власть исходит не сверху, а снизу, и поэтому вожди, которые хотели бы оставаться таковыми, вынуждены следовать слепому побуждению своей [паствы3101](#). Таким образом, важная и доминирующая персона, тот, чьи идеи преобладают, истинный преемник Ришелье и

Людовика XIV. Здесь подчиненный якобинец, опора клуба, создатель движений, уличный бунтарь, Панис Сержан, Эбер, Варле, Анрио, Майяр, Фурнье, Лазовский или, еще ниже по шкале, марсельский "грубиян", фобурский стрелок, пьющий рыночный торговец, который разрабатывает свои политические концепции в перерывах между приступами [икоты3102](#). - Для информации у него есть циркулирующие по улицам слухи, которые говорят о предателе в каждом доме, а для подтверждения знаний - клубные лозунги, призывающие его к управлению огромной машиной. Механизм, столь обширный и сложный, целое собрание запутанных служб, разветвленных в бесчисленных канцеляриях, с таким количеством аппаратов особой важности, столь деликатных, что требуют постоянного приспособления к меняющимся обстоятельствам, дипломатия, финансы, правосудие, управление армией - все это превосходит его ограниченное понимание; нельзя заставить бутылку вместить объем [бочки3103](#). В его узком мозгу, извращенном и перевернутом несоразмерными представлениями, находит место только одна идея, соответствующая его грубым инстинктам и склонностям, - желание убивать своих врагов; а это также враги государства, открытые или скрытые, настоящие или будущие, вероятные или даже возможные. Он переносит эту дикость и недоумение в политику, и отсюда вытекает зло, порождаемое его правлением. Будучи простым разбойником, он убивал бы только для того, чтобы грабить, и его убийства были бы ограничены. Представляя государство, он устраивает массовые расправы, для которых у него всегда под рукой средства. Ведь он еще не успел разобрать старые административные орудия; во всяком случае, мелкие палочки, жандармы, тюремщики, служащие, бухгалтеры и счетоводы всегда на своих местах и под контролем. Арестованные не могут оказать никакого сопротивления; привыкшие к защите законов и к мирным временам, они никогда не рассчитывали на самозащиту и не могли представить себе, что кого-то можно так просто убить. Что касается массы, лишенной способности к каким-либо собственным усилиям в результате древней централизации, то она остается инертной и пассивной и позволяет всему идти своим чередом.[3104](#) [3104](#) Таким образом, в течение многих долгих дней подряд, без спешки и препятствий, с совершенно правильными официальными бумагами и в идеальном порядке, резня может осуществляться так же безнаказанно и так же методично, как уборка улиц или битье бездомных собак.

II.- Развитие идей убийств в партийной массе.

Утро после 10 августа. - Трибунал 17 августа.

-Похоронное празднество 27 августа -Тюремный заговор.

Проследим, как развивалась идея убийств в массе партии. Она лежит на самом дне революционного вероучения. Колло д'Эрбуа, спустя два месяца после этого, метко замечает в якобинской трибуне: "Второе сентября - это великая статья в кредо нашей свободы".[3105](#) Якобинцу свойственно считать себя законным государем и относиться к своим противникам не как к воюющим сторонам, а как к преступникам. Они виновны в государственной измене, они вне закона, их можно убивать в любое время и в любом месте, они заслуживают уничтожения, даже когда уже не способны или не могут причинить никакого вреда. 10

августа убивают швейцарских гвардейцев, которые не сделали ни одного выстрела и сдались, раненых, лежащих на земле, их хирургов, дворцовую прислугу; и что еще хуже, таких людей, как месье де Клермон-Тоннер, которые спокойно проходят по улице. Все это теперь называется в официальной фразеологии народным правосудием. - 11-го числа швейцарские гвардейцы, собранные в здании Фойянов, близки к расправе; толпа снаружи требует их голов;³¹⁰⁶ "она задумывает посетить все тюрьмы Парижа, чтобы вывести заключенных и совершить над ними быстрое правосудие." 12-го числа на рынках "различные группы низшего класса называют Петиона негодяем", потому что "он спас швейцарцев в Бурбонском дворце"; соответственно, "он и швейцарцы должны быть повешены сегодня же". "Атака была начата не ими; приказ подать сигнал пришел из дворца; это дворец осаждал нацию, а не нация осаждала дворец" ³¹⁰⁷. ³¹⁰⁷ Победенные - "убийцы народа", пойманные на месте преступления; 14 августа федераты требуют военного трибунала, "чтобы отомстить за смерть своих товарищей". ³¹⁰⁸ И даже военный трибунал не дает ответа. "Недостаточно понести наказание за преступления, совершенные 10 августа, но месть народа должна распространиться на всех заговорщиков"; на "Лафайета, которого, вероятно, не было в Париже, но который мог быть там"; на всех министров, генералов, судей и других должностных лиц, виновных в поддержании законного порядка везде, где он поддерживался, и в непризнании якобинского правительства до его появления. Пусть они предстанут не перед обычными судами, которым нельзя доверять, поскольку они принадлежат к отжившему режиму, а перед специально организованным трибуналом, своего рода "chambre ardente" ³¹⁰⁹, избранным секциями, то есть якобинским меньшинством. Эти импровизированные судьи должны выносить решение по приговору, без апелляции; не должно быть никаких предварительных осмотров, никаких промежутков времени между арестом и казнью, никаких затягивающих и защитных формальностей. И самое главное, Собрание должно поторопиться с принятием декрета; "иначе, - сообщает ему делегат от Коммуны³¹¹⁰, - в полночь зазвонят в набат и поднимется всеобщая тревога, ибо народ устал ждать возмездия. Берегитесь, чтобы они сами не совершили правосудие! - Мгновение спустя - новые угрозы, и уже с более поздним сроком. "Если присяжные не будут готовы действовать через два-три часа, Париж постигнут большие несчастья".

Даже если новый трибунал, созданный на месте, действует быстро, гильотинируя трех невинных людей за пять дней, он действует недостаточно быстро. 23 августа одна из секций в ярости заявляет Коммуне, что народ, "утомленный и возмущенный" столькими задержками, намерен силой открыть тюрьмы и расправиться с заключенными.³¹¹¹ - не Секции только изводят судей, но и заставляют обвиняемых явиться к ним: депутация от Коммуны и федератов обращается к Ассамблее с призывом "перевести преступников из Орлеана в Париж, чтобы они понесли наказание за свои чудовищные преступления". "Иначе, - говорит оратор, - мы не ответим за месть народа" ³¹¹². И еще более настоятельно:

"Вы слышали и знаете, что восстание - это священный долг", священный долг перед всеми и против всех: перед Собранием, если оно откажет, и перед трибуналом, если он оправдает. Они бросаются на свою добычу вопреки всем законодательным и судебным формальностям, как коршун на паутину паука, и ничто не может оторвать их от их твердых идей. При оправдании месье Люса де Монморина³¹¹³ валовая публика, приняв его за своего кузена, бывшего министра Людовика XVI, разразилась ропотом. Президент пытается принудить к молчанию, что усиливает шум, и месье де Монморену угрожает опасность. На это президент, обнаружив побочный вопрос, объявляет, что один из присяжных является родственником обвиняемого, и что в таком случае необходимо созвать новое жюри и провести новый суд; что этот вопрос будет расследован, а тем временем заключенный будет возвращен в тюрьму Консьержери. После этого он берет господина де Монморина за руку и выводит его из зала

суда, под крики публики и не без риска для себя; во внешнем дворе солдат Национальной гвардии наносит ему удар саблей, а на следующий день суд вынужден разрешить восьми делегатам из публики пойти и своими глазами убедиться, что господин де Монморин действительно находится в тюрьме.

В момент вынесения оправдательного приговора звучит трагическая реплика:

"Сегодня вы его освободите, а через две недели он перережет нам глотки!".

Страх, очевидно, является дополнением к ненависти. Якобинский сброд смутно осознает свою малочисленность, свою узурпацию, свою опасность, которая возрастает пропорционально по мере приближения Брунсвика. Они чувствуют, что живут над миной, и если мина взорвется! Поскольку они считают своих противников негодьями, они чувствуют, что способны на грязный трюк, на заговор, на резню. Поскольку сами они никогда не вели себя иначе, они не могут представить себе ничего другого. По неизбежной инверсии мышления они вменяют другим убийственные намерения, смутно вырисовывающиеся в темных глубинах их собственного взбудораженного мозга. 27 августа, после похоронной процессии, устроенной Сержентом специально для возбуждения народного негодования, их подозрения, одновременно конкретные и направляемые, начинают приобретать форму уверенности. Десять "памятных" [знамен3114](#), каждое из которых несло добровольца на лошади, пронесли перед глазами всех длинный список массовых убийств, совершенных "двором и его агентами":

1. резня в Нанси,
2. резня в Ниме,
3. резня в Монтобане,
4. резня в Авиньоне,
5. резня в Ла-Шапель,
6. резня в Карпентрасе,
7. резня на Марсовом поле и т.д.

Перед лицом таких зрелищ о сомнениях и опасениях не может быть и речи. Для женщин в галереях, для завсегдатаев клубов, для пикинеров в предместьях отныне не подлежит сомнению, что аристократы - привычные убийцы.

А с другой стороны - другой знак, не менее тревожный: "Эта похабная церемония, которая должна была бы поочередно вызывать и размышления, и возмущение,... в целом не произвела такого эффекта". Национальные гвардейцы в форме, которые пришли, "очевидно, чтобы компенсировать неявку в день действия", не вели себя с гражданским приличием, а, напротив, напускали на себя "вид невнимательности и даже шумного веселья"; они пришли из любопытства, как многие парижские зрители, и были гораздо многочисленнее, чем санкюлоты со своими [пиками3115](#). Последние могли бы посчитать себя и ясно увидеть, что они составляют лишь меньшинство, причем очень незначительное, и что их ярость не находит отклика. Организаторы и их прихлебатели - единственные, кто призывает к скорейшему вынесению приговоров и смертной казни. Иностранец, хороший наблюдатель, расспрашивающий владельцев магазинов, у которых он делает покупки, знакомых торговцев и компании, которые он находит в кофейнях, пишет, что он никогда "не видел никаких симптомов кровожадного нрава, кроме как в галереях Национального собрания и в

Якобинском клубе", но тогда галереи полны платных "аплодирующих", особенно "женщин, которые более шумные и стоят дешевле, чем мужчины". В Якобинском клубе собрались "лидеры, которые боятся разворота или у которых есть обида, которую нужно [удовлетворить3116](#)": таким образом, единственные возмутители спокойствия - это лидеры и население предместий.- Затерянные в толпе огромного города, перед лицом национальной гвардии, все еще вооруженной и в три раза превосходящей их по численности, перед лицом равнодушной или недовольной буржуазии, патриоты встревожены. В этом состоянии тревоги разгоряченное ожиданием воображение невольно рождает фантазии, страстно принимаемые за истину. Теперь нужен лишь случай, чтобы внести последний штрих в легенду, зародыш которой невольно вырос в их сознании.

1 сентября бедного возчика Жана [Жюльена3117](#), приговоренного к двенадцати годам каторги, выставили на столб. Через два часа он приходит в ярость, вероятно, из-за насмешек прохожих. С грубостью, свойственной людям его типа, он выплеснул свою бессильную ярость в оскорблениях, расстегнул пуговицы и выставил себя на всеобщее обозрение, естественно, выбрав выражения, которые показались бы наиболее оскорбительными для смотрящих на него людей:

"Ура королю! Ура королю! Ура Лафайету! К черту нацию!"

Вполне естественно, что он не заметил, как его разорвали на куски. Его сразу же отвели в тюрьму Консьержери и на месте приговорили к гильотинированию в кратчайшие сроки за то, что он был подстрекателем к мятежу в связи с заговором 10 августа. Так заявил трибунал, который не делает заявлений без доказательств. Жан Жюльен, несомненно, признался; что же он рассказал? На следующий день, подобно урожаю ядовитых грибов, выросших за одну ночь, эта история получила всеобщее признание. "Жан Жюльен заявил, что все парижские тюрьмы думают так же, как и он, что скоро наступят прекрасные времена, что заключенные вооружены и что, как только добровольцы освободятся, их пустят по всему Парижу. "[3118](#) Улицы полны встревоженных лиц. "Одни говорят, что Верден был предан, как Лонгви. Другие качали головами и говорили, что бояться надо предателей внутри Парижа, а не объявленных врагов на границе".[3119](#) На следующий день история разрастается: "В Париже и на окраинах спрятаны роялистские офицеры и солдаты. Они собираются открыть тюрьмы, вооружить заключенных, освободить короля и его семью, предать смерти патриотов в Париже, а также жен и детей тех, кто служит в армии... Разве не естественно для мужчины заботиться о безопасности своих жен и детей и использовать единственное эффективное средство, чтобы остановить кинжал убийцы? "[3120](#) Ад рабочего класса разгорелся, теперь дело за исполнителями народного бунта - раздуть и направить пламя.

III. Террор - их спасение.

Возникновение убийственной идеи среди лидеров.
ситуация... Власть, которую они захватывают... Грабеж...
Террор - их спасение.

Они уже давно раздувают пламя. Уже 11 августа новая Коммуна в своей [прокламации](#)³¹²¹ объявила, что "виновные должны погибнуть на эшафоте", а ее угрожающие депутаты заставили Национальное собрание немедленно учредить кровавый трибунал. Приведенный к власти грубой силой, он должен погибнуть, если не сохранит себя, а это можно сделать только с помощью террора... Давайте сделаем паузу и рассмотрим эту необычную ситуацию. Около ста незнакомцев, делегированных партией, которая считает или утверждает, что является делегатом от народа, свергли одну из двух великих держав государства, искалечили и поработили другую, и теперь правят в столице с населением 700 000 душ по милости восьми или десяти тысяч фанатиков и головорезов. Никогда еще радикальные перемены не поднимали людей с такой низкой точки и не возносили так высоко! Самые низкие газетные писаки, гроши из сточных канав, оракулы в барах, не прошедшие обряд монахи и священники, отбросы литературной гильдии, адвокатуры и духовенства, плотники, токари, бакалейщики, слесари, сапожники, простые рабочие, многие вообще без профессии, бродячие политики и [публичные](#)³¹²² драчуны, которые, подобно продавцам фальшивок, последние три года спекулировали на народном легковереии. Среди них было немало людей с дурной репутацией, сомнительной честности или доказанной нечестности, которые в молодости вели беспутную жизнь. Они до сих пор запятнаны старой грязью, своими пороками они были выведены за рамки полезного труда, изгнаны из низших слоев общества даже в запретные профессии, измучены рискованными прыжками, с совестью, искаженной, как мускулы танцора на канате. Если бы не Революция, они бы до сих пор корчились в родной грязи, ожидая тюрьмы или принудительных работ, к которым они были предназначены. Можно ли представить себе их растущее опьянение, когда они пьют глубокие глотки из бездонной чаши абсолютной власти? Ведь это абсолютная власть, которую они требуют и которой они пользуются.³¹²³ Поднятые специальной делегацией над обычными властями, они мирятся с ними только как с подчиненными и не терпят среди них никого, кто мог бы стать их соперником. Таким образом, они сводят законодательный орган лишь к функции редактора и глашатая своих декретов; они заставили выборщиков нового департамента "отречься от своего звания", ограничиться начислением налогов, в то время как они ежедневно накладывают свои невежественные руки на все остальные службы, на финансы, армию, снабжение, администрацию, правосудие, рискуя сломать административные колеса или прервать их действие.

В один день они вызывают к себе военного министра или, за неимением такового, его главного секретаря; в другой день они держат под арестом в течение двух часов всю массу чиновников его департамента под предлогом обнаружения подозреваемого [печатника](#)³¹²⁴. В одно время они накладывают печати на фонды, предназначенные для чрезвычайных расходов; в другое - ликвидируют комиссию по поставкам; в третье - вмешиваются в ход правосудия, чтобы либо отягчить разбирательство, либо помешать исполнению вынесенных приговоров.³¹²⁵ Нет ни одного принципа, ни одного закона, ни одного постановления, ни одного приговора, ни одного государственного человека или учреждения, которые не подвергались бы риску их произвола.³¹²⁴ И, наложив руку на власть, они поступают так же с деньгами. Они не только вымогают у Собрания 850 000 франков в месяц, с задолженностью от 1 января 1792 года, всего более шести миллионов, чтобы покрыть расходы своей военной полиции, что означает оплату их [бандитов](#)³¹²⁶, но и, "обложившись муниципальным шарфом", захватывают "в общественных учреждениях, принадлежащих нации, всю мебель и все, что представляет наибольшую ценность". "Только в одном здании они забирают стоимость в 100 000 крон "[3127](#)". В другом месте, в руках казначея гражданского списка, они присваивают себе шкатулку с драгоценностями, другие ценные вещи и 340 000 [франков](#)³¹²⁸. Их комиссары привозят из Шантильи три повозки, запряженные тремя лошадьми, "нагруженные трофеями господина де Конде", и берут на себя обязательство "вывезти

содержимое домов эмигрантов".³¹²⁹ Они конфискуют в парижских церквях "распятия, музыкальные подставки, колокола, перила и все предметы из бронзы и железа, люстры, кубки, вазы, ковчеги, статуи, все изделия из пластин", а также "алтари и ризницы"³¹³⁰, и мы можем представить себе огромную добычу; чтобы увезти серебряные тарелки, принадлежащие одной церкви Мадлен-де-ла-Виль, требовался автомобиль, запряженный четверкой лошадей. Теперь они пользуются всеми этими деньгами, так свободно захваченными, так же свободно, как и самой властью. Один набивает карманы в Тюильри без малейшего беспокойства; другой, в Гарде-Мёбле, рыщет по секретаршам и уносит шкаф с его содержимым.³¹³¹ Мы уже видели, что в хранилищах Коммуны "большинство печатей сломано", что исчезли огромные суммы в пластинах, драгоценностях, золотой и серебряной монете. Будущие расследования и отчеты предъявят Комитету надзора обвинения в "присвоении, растрате и хищениях", короче говоря, в "массе нарушений и злоупотреблений доверием". Когда человек является королем, он легко принимает государственный денежный ящик за ящик, в котором хранит собственные деньги.

К сожалению, это полное обладание государственной властью и государственными средствами держится лишь на тонкой ниточке. Если изгнанное и возмущенное большинство осмелится, как впоследствии в Лионе, Марселе и Тулоне, вернуться в собрания секций и отозвать фальшивый мандат, который они присвоили себе обманом и силой, и в этом случае они снова станут, по суверенной воле народа и в силу своего собственного поступка, теми, кем они на самом деле являются, узурпаторами, вымогателями и грабителями, то для них не остается никакого среднего пути между диктатурой и галерами. - При такой альтернативе разум, если только он не чрезвычайно уравновешен, теряет равновесие; им нетрудно обмануть себя мыслью, что государство находится под угрозой в их лице, и, постулируя правило, что им дозволено все, даже резня. Разве не Базире заявил на трибуне, что против врагов нации "все средства справедливо оправданы"? Разве другой депутат, Жан Дебри, не предложил сформировать корпус из 1200 добровольцев, которые "пожертвуют собой", как в свое время убийцы Старика Горы, чтобы "нападать на тиранов, рука об руку, индивидуально", а также на генералов?³¹³² Разве мы не видели, как Мерлен де Тионвиль настаивал на том, что "жены и дети эмигрантов должны быть заложниками" и объявлены ответственными, или, другими словами, готовыми к расправе, если их родственники продолжают свои нападения?³¹³³

Это все, что остается сделать, поскольку все остальные меры оказались недостаточными... Напрасно Коммуна постановила арестовать журналистов, принадлежащих к противоположной партии, и распределила их печатные станки среди патриотически настроенных **типографий**³¹³⁴. Напрасно она объявила членов клуба Сент-Шапель, национальных гвардейцев, присягнувших на верность Лафайету, подписантов петиции в 8000 и 20 000 человек лишенными права на любую службу.³¹³⁵ Напрасно она умножила визиты в дома, даже в резиденцию и кареты венецианского посла. Напрасно, подвергая оскорбительным и многократным экзаменам, он держит за решеткой, под улюлюканье и предсмертные крики своих трибун, самых почтенных и самых прославленных людей, Лавуазье, Дюпона де Немура, выдающегося хирурга Дезо, самых безобидных и самых изысканных дам, мадам де Турзель, мадемуазель де Турзель и принцессу де Ламбалль.³¹³⁶ Напрасно, после обильных арестов в течение двадцати дней, он охватывает весь Париж одной сетью для ночного **обыска**³¹³⁷, во время которого,

1. шлагбаумы закрыты и охраняются с удвоенной силой,
2. на набережных выставляются часовые, а на Сене - лодки, чтобы предотвратить побег по воде,

3. город заранее делится на участки, и для каждого участка составляется список подозреваемых лиц,
4. движение транспортных средств прекращается,
5. каждому жителю приказано оставаться дома,
6. после шести часов вечера воцаряется тишина смерти, а затем,
7. на каждой улице патруль из шестидесяти пикинеров, семьсот отрядов санкюлотов, все работают одновременно и со свойственной им жестокостью,
8. двери взламывают свайными молотками,
9. шкафы взламывают слесари,
10. стены простукивают каменщики,
11. подвалы обыскиваются вплоть до подкопа под землю,
12. изымаются бумаги,
13. конфискуется оружие,
14. три тысячи человек арестовываются и уводятся; [3138](#) священники, старики, немощные, больные.

Действие длится с десяти вечера до пяти утра, как в городе, взятом штурмом; крики женщин, с которыми грубо обращаются, вопли пленных, которых заставляют маршировать, клятвы стражников, ругань и пьянство у каждой лавки; никогда не было такого всеобщего, методичного исполнения, так хорошо рассчитанного на подавление всякой склонности к сопротивлению в тишине всеобщего оцепенения.

И все же в этот самый момент находятся те, кто добросовестно действует в секциях и в Собрании, и кто восстает против того, что находится под властью таких господ. Депутация от секции ломбардцев и от кукурузного рынка приходят в Собрание и протестуют против узурпаций Коммуны. [3139](#) Шудье, монтаньяр, обличает ее вопиющую коррупцию. Камбон, суровый финансист, больше не согласится с тем, чтобы его счета подделывали вороватые мошенники. [3140](#) Собрание, наконец, кажется, оправилось. Она предоставляет свою защиту журналисту Жерею, против которого новые паши выписали ордер; она вызывает в свою коллегия подписавших ордер и приказывает им впредь ограничиваться точными рамками закона, который они преступают. Еще лучше, если он распускает Совет, в который вмешался, и заменяет его девяносто шестью делегатами, которые должны быть избраны секциями через двадцать четыре часа. И, что еще лучше, он предписывает в течение двух дней дать отчет об изъятых предметах и вернуть все золотые и серебряные изделия в казну. Поверженные и вызванные для раздачи своей добычи, самодержцы из Отель-де-Виль тщетно приходят на следующий день в действующее [Собрание](#) [3141](#), чтобы добиться от него отмены своих декретов; Собрание, несмотря на их угрозы и угрозы их сателлитов, стоит на своем - тем хуже для упрямец; если они не склонны обращать внимание на вспышку сабли, они почувствуют ее острие и острие. Коммуна, по предложению Мануэля, решает, что, пока сохраняется общественная опасность, она будет оставаться на месте; она принимает обращение Робеспьера "восстановить суверенную власть народа", что означает заполнить улицы вооруженными [бандами](#) [3142](#); она собирает своих разбойников, отдавая им в собственность все, что они украли 10 августа. [3143](#) Заседание, затянувшееся до ночи,

заканчивается только в час ночи. Наступило воскресенье, и нельзя терять времени, так как через несколько часов секции, в соответствии с декретом Национального собрания и по примеру секции Храма накануне вечером, могут отозвать притворных представителей в Отель-де-Виль. Чтобы остаться в гостинице и быть избранными на съезд, от вождей требуются решительные действия, и они требуют этого в тот же день.

IV.-Дата решения этого вопроса.-Актеры и их роли.

Марат.-Дантон.-Коммуна.-Ее соратники.-Гармония
диспозиции и готовность к действию.

С 23 августа их решение принято.³¹⁴⁴ Они разработали в своих умах план расправы, и каждый, мало-помалу, спонтанно, в соответствии со своими способностями, берет на себя ту роль, которая ему подходит или которая ему отведена.

Марат, главный среди них, является инициатором и проповедником операции, которая для него совершенно естественна. Это воплощение его политической системы: диктатор или трибун, имеющий полную власть убивать и не имеющий никакой другой власти, кроме этой; хороший мастер палачей, ответственный и "связанный по рукам и ногам"; такова его программа правления с 14 июля 1789 года, и он не краснеет при этом: "тем хуже для тех, кто не вровень с ним!"³¹⁴⁵ Он с самого начала оценил характер Революции не гениально, а сочувственно, сам будучи столь же односторонним и чудовищным; обезумевший от подозрительности и охваченный манией убийства в течение последних трех лет, сведенный к одной идее вследствие умственного оскудения - убийству, утративший способность даже к рассуждениям самого низкого порядка, самый бедный из журналистов, если не считать пикейщиков и биллингсгейтских продавщиц, настолько однообразный в своих постоянных пароксизмах, что регулярное чтение его журнала напоминает выслушивание хриплых воплей из камер сумасшедшего дома.³¹⁴⁶ С 19 августа он подстрекает людей к нападению на тюрьмы. "Самый мудрый и лучший путь, - говорит он, - это отправиться вооруженным в аббатство, вытащить оттуда предателей, особенно швейцарских офицеров и их сообщников, и предать их мечу. Какая глупость - устраивать над ними суд! Это уже сделано. Вы расправились с солдатами, зачем же щадить офицеров, в десять раз более виновных?" А еще через два дня его мозг кипит фантазиями палача, настаивающего на том, что "солдаты заслужили тысячу смертей. Что касается офицеров, то их следует расстрелять, как Луи Капета и его орудия Манежа".³¹⁴⁷ На основании этого Коммуна принимает его в качестве своего официального редактора, выделяет ему трибуну в зале собраний, поручает ему докладывать о своих действиях и вскоре вводит его в свой наблюдательный или исполнительный комитет.

Фанатик такого рода, однако, не годится ни на что, кроме как на роль глашатая или подстрекателя; в лучшем случае он может оказаться в числе подчиненных руководителей.³¹⁴⁸ Вождь этого предприятия Дантон - представитель другого вида и другого роста, настоящий вождь людей: Благодаря своей прошлой карьере и фактическому

положению, благодаря своему народному цинизму, манерам и языку, благодаря своей способности брать на себя инициативу и командовать, благодаря своей чрезмерной телесной и интеллектуальной энергичности, благодаря своему физическому превосходству, обусловленному его пылкой, всепоглощающей волей, он хорошо рассчитан на свой ужасный пост. -Он один из Коммуны стал министром, и некому, кроме него, укрыть нарушения Коммуны под защитой или под пассивностью центральной власти. -Он один из Коммуны и из министерства способен пробивать себе дорогу и согласовывать действия в мешанине революционного хаоса; как в советах министерства, которым он управляет, так и в прежние времена он управлял в Hôtel-de ville. В постоянном шуме бессвязных [дискуссий](#)³¹⁴, в перерывах между "предложениями ex abrupto, среди криков, ругани, уходов и приходов просителей", он овладевает своими новыми коллегами своим "звонящим голосом, жестами атлета, страшными угрозами", берет на себя их обязанности, диктует им, что и кого он выбирает, "привозит уже составленные комиссии", берет все в свои руки, "делает предложения, аресты, прокламации, выдает брeve", вытягивает миллионы из государственной казны, потчует своих псов в Кордельерах и Коммуне: "одному 20 000 франков, другому 10 000" "за Революцию и за их патриотизм" - таков краткий отчет о его делах. Таким образом, стая голодных "драчунов" и хватких интриганов, вся полезная сила секций и клубов - в его руках. Во главе такого стада во времена анархии стоит сильный человек. Действительно, в августе и сентябре Дантон был королем, и впоследствии он вполне может сказать о 2 сентября, как и о 10 августа: "Это сделал я!"³¹⁵⁰.

Не то чтобы он был мстителен или кровожаден: напротив, обладая темпераментом мясника, он имеет сердце человека, и, рискуя скомпрометировать себя, вопреки воле Марата и Робеспьера, он, в конце концов, спасет своих политических противников, Дюпора, Бриссо и жирондистов, старую партию "правых".³¹⁵¹ Не то чтобы он был ослеплен страхом, враждой или теорией; неистовый, как клубист, он обладает ясным зрением политика; он не обманывается благозвучными фразами, которые произносит, он знает цену нанятым им [мошенникам](#)³¹⁵²; у него нет иллюзий относительно людей или вещей, относительно других людей или относительно самого себя; Если он убивает, то с полным сознанием того, что он делает, своей партии, ситуации, революции, а грубые выражения, которые в тоне своего бычьего голоса он бросает на ходу, являются лишь ярким выражением точной истины: "Мы - сброд! Мы выходим из сточных канав!" При нормальных принципах человечества "мы скоро должны вернуться в них. Мы можем править только через страх!"³¹⁵³ "Парижане - это столько ж... ф...; между ними и эмигрантами должна течь река крови"³¹⁵⁴. Прозвучавший набат - это не сигнал тревоги, а обвинение врагов страны... Что необходимо для их победы? Смелость, смелость, всегда смелость! ³¹⁵⁵ Я привез сюда свою мать, которой семьдесят лет; я послал за своими детьми, и они приехали вчера вечером. Прежде чем пруссаки войдут в Париж, я хочу, чтобы моя семья умерла вместе со мной. Пусть будет пущено в ход двадцать тысяч факелов, и Париж мгновенно превратится в пепел!"³¹⁵⁶ "Мы должны удержаться в Париже во что бы то ни стало. Республиканцы находятся в крайнем меньшинстве, и, сражаясь, мы можем полагаться только на них. Остальная Франция предана королевской власти. Роялисты должны быть в ужасе!"³¹⁵⁷ Именно он 28 августа добивается от Собрания большого домашнего визита, с помощью которого Коммуна заполняет тюрьмы. Именно он 2 сентября, чтобы парализовать сопротивление честных людей, вводит смертную казнь для тех, кто "прямо или косвенно, каким бы то ни было образом откажется исполнять или вмешиваться в изданные приказы или в меры исполнительной власти". Именно он в этот день сообщает журналисту Прюдомму о мнимом тюремном заговоре, а на второй день посылает своего секретаря Камиля Десмулена сфальсифицировать отчет о массовых [убийствах](#)³¹⁵⁸, именно он 3 сентября в канцелярии министра юстиции, перед офицерами батальонов и начальниками служб, перед Лакруа, председателем Собрания, и Петионом,

мэром Парижа, перед Клавьером, Серваном, Монжем, Лебренем и всем Исполнительным советом, кроме Ролана, одним махом низвел главных людей правительства до положения пассивных соучастников, ответив человеку с чувствами, поднявшемуся, чтобы остановить резню: "Сидите - это было необходимо!"³¹⁵⁹ Именно он в тот же день рассылает циркуляр за своей подписью, в котором Комитет по надзору объявляет о резне и призывает "своих братьев по департаментам" последовать примеру [Парижа](#)³¹⁶⁰. Именно он, 10 сентября, "не как министр юстиции, а как министр народа", должен поздравить и поблагодарить версальских [убийц](#)³¹⁶¹. После 10 августа через Бийо-Варенна, своего бывшего секретаря, через Фабра д'Эглантина, своего хранителя печати, через Тальена, секретаря Коммуны и своего самого верного приспешника, он присутствует на всех заседаниях в Отель-де-Виль и в последний час заботится о том, чтобы ввести в состав Комитета надзора одного из своих людей, главного клерка [Дефоржа](#)³¹⁶². Жатвенная машина не только была построена под его наблюдением и с его одобрения, но и, когда ее приводят в движение, он держит рукоятку, чтобы направлять косу.

Он прав; если бы он иногда не нажимал на тормоз, машина разлетелась бы на куски от собственного действия. Введенный в Комитет в качестве профессора политического кровопускания, Марат, упорно следуя своей твердой идее, режет глубоко, гораздо ниже намеченной черты; ордера на арест уже выписаны на тридцать депутатов, бумаги Бриссо перерыты, дом Ролана окружен, а Дюпор, схваченный в соседнем департаменте, низложен на бойне. Последнего спасают с величайшим трудом; приходится нанести множество ударов, прежде чем его удастся вырвать из рук схватившего его маньяка. С таким хирургом, как Марат, и с такими медиками, как четыре-пять сотен лидеров Коммуны и секций, не нужно направлять нож; ампутация будет обширной, это уже предрешено. Их имена говорят сами за себя: в Коммуне - прокурор-синдикалист Манюэль, два его заместителя Эбер и Бийо - Варенн, Гюгенен, Люйе, М.-Ж. Шенье, Аудуан, Леонард Бурдон, Була и Трушон, президенты, сменявшие друг друга. В коммуне и секциях - Панис, Сержан, Тальен, Россиньоль, Шометт, Фабр д'Эглантин, Паше, Гассенфратц, сапожник Симон и печатник Моморо. Из Национальной гвардии - генерал-аншеф Сантерр и командир батальона Анрио, а ниже - общее стадо районных демагогов, побочных пинков Дантона, Эбера или Робеспьера, гильотинированных впоследствии вместе со своими руководителями, - словом, цветки будущих террористов.³¹⁶³ [Сегодня](#) они делают свои первые шаги в крови, каждый со своей позицией и своими мотивами:

* Шенье, осужденный как член клуба Сент-Шапель, находящийся в опасности, потому что он в числе [подозреваемых](#)³¹⁶⁴.

* Мануэль, бедный, возбудимый, сбитый с толку, увлеченный и впоследствии содрогающийся при виде своей собственной работы;

* Сантерр, прекрасный осмотрительный деятель, который 2 сентября под предлогом наблюдения за багажом забирается на сиденье стоящего на улице ландау, где остается на несколько часов, чтобы не выполнять свой долг генерального командира;³¹⁶⁵

* Панис, председатель Комитета по надзору, хороший подчиненный, его прирожденный ученик и подхалим, поклонник Робеспьера, которого он предлагает на пост диктатора, а также Марата, которого он превозносит как пророка;³¹⁶⁶

* Анрио, Эбер и Россиньоль, простые злодеи в мундирах и шарфах;

* Колло д'Эрбуа, поэт-сценограф, чье театральное воображение наслаждается сочетанием мелодраматических ужасов;³¹⁶⁷

* Бийо-Варенн, бывший монах-оратор, вспыльчивый и мрачный, такой же хладнокровный перед убийством, как инквизитор на авто-да-фе;

наконец, хитрый Робеспьер, подталкивающий других, не беря на себя никаких обязательств, никогда не подписывающийся своим именем, не отдающий никаких приказов, много томящийся, всегда советующий, показывающий себя повсюду, готовящийся царствовать и вдруг, в последний момент, набрасывающийся, как кошка, на добычу и пытающийся расправиться со своими соперниками, [жирондистами](#)[3168](#).

До сих пор расправа или расправа над мятежниками всегда происходила на улице; теперь - в местах заключения, магистратами и чиновниками, по журналам изолятора, после удостоверения личности и по приговорам, оплачиваемыми палачами, во имя общественной безопасности, методично и хладнокровно, почти с той же регулярностью, что и впоследствии, при "революционном правительстве". Сентябрь, действительно, - это начало, итог и образец; они будут делать это не иначе и не лучше, чем в лучшие дни гильотины. Только, поскольку они еще плохо снабжены инструментами, они вынуждены использовать пики вместо гильотины, и, поскольку приличия еще не совсем исчезли, вожди скрываются за маневрами. Тем не менее, мы можем их выследить, взять на мушку, и у нас есть их подписи; они планировали, командовали и проводили операцию". 30 августа Коммуна постановила, что секции должны судить обвиняемых, а 2 сентября пять доверенных секций отвечают ей решением, что обвиняемые должны быть убиты.[3169](#) В тот же день, 2 сентября, Марат занимает свое место в Комитете надзора. В тот же день, 2 сентября, Панис и Сержан подписывают поручения "своих товарищей", Майяра и помощников, для аббатства и "приказывают им судить", то есть убивать [заклученных](#)[370](#). В тот же и последующие дни в Ла-Форс три члена Коммуны, Эбер, Моннез и Россиньоль, по очереди председательствуют на суде убийц.[3171](#) В тот же день приходит комиссар Комитета надзора и требует дюжину человек из секции "Сан-Кулот" для помощи в расправе над священниками Сен-Фирмина.[3172](#) В тот же день комиссар Коммуны посещает различные тюрьмы во время резни и находит, что "во всех них дела идут хорошо "[3173](#). В тот же день, в пять часов дня, Бийо-Варенн, заместитель прокурора Коммуны, "в своем хорошо известном пальто цвета пурпура и черном перруке", проходя над трупами, говорит мясникам Аббатства: "Сограждане, вы умерщвляете своих врагов, вы выполняете свой долг". Он возвращается ночью, высоко оценивает их работу и подтверждает обещание "оговоренного жалованья". На следующий день в полдень он снова возвращается, поздравляет их более тепло, выдает каждому по двадцать франков и призывает их продолжать.[3174](#) Тем временем Сантерр, вызванный Роланом в штаб генерального штаба, лицемерно сожалеет о своей добровольной неспособности и упорно не отдает приказов, без которых Национальная гвардия не может двигаться.[3175](#) В секциях председатели, Шенье, Сейра, Була, Моморо, Колло д'Эрбуа, отправляют или увозят свои жертвы под пиками. В Коммуне Генеральный совет голосует за 12 000 франков, которые должны быть взяты у убитых, чтобы покрыть расходы на операцию.[3176](#) В Комитете надзора Марат рассылает депеши, чтобы распространить убийства по департаментам. Очевидно, что руководители и их подчиненные единомышленны, каждый на своем посту и в своей службе; благодаря спонтанному сотрудничеству всей партии, приказ сверху отвечает импульсу снизу; [3177](#) оба объединяются в общем убийственном настроении, причем работа выполняется тем точнее, чем легче ее выполнить. Тюремщики получили приказ открыть двери тюрем и не проявляют никакого беспокойства. Излишней предосторожностью у заключенных отобрали ножи и вилки.[3178](#) Один за другим, когда назовут их имена, они выйдут, как воны на бойню, а для выполнения работы будет достаточно примерно двадцати мясников на каждую тюрьму, от двух до трехсот человек в целом,[3179](#).

V. Унижение и оцепенение.

Общие работники.- Их количество.- Их состояние.- Их чувства.- Влияние убийства на убийц.- Их деградация, бесчувствие.

Новобранцы состоят из двух типов людей, и именно на их грубые мозги мы должны обратить особое внимание при воздействии революционной догмы.

Во-первых, это федераты Юга, похотливые парни, бывшие солдаты или старые бандиты, дезертиры, богема и негодяи из всех стран и из всех источников, которые, закончив свою работу в Марселе и Авиньоне, приехали в Париж, чтобы начать все сначала. "Triple nom de Dieu!" - восклицает один из них, - "Я проехал сто восемьдесят лье не для того, чтобы удержать себя от насаживания ста восьмидесяти голов на конец моей пики!"³¹⁸⁰ Соответственно, они образуют в себе особое, постоянное, резидентное тело, не позволяющее никому отвлечь их от принятого занятия. "Они глухи к возбуждениям фальшивого патриотизма"³¹⁸¹; их не собираются отправлять на границу. Их место - в столице; они поклялись "защищать свободу"; ни до, ни после сентября не заставят их отклониться от этой цели. Когда, набрав денег во всех казначействах и под всеми предложениями, они, наконец, соглашаются покинуть Париж, то только при условии, что вернутся в Марсель. Их операции ограничиваются внутренними районами Франции и направлены только против политических противников. Но их рвение на этом поприще только возрастает; именно их отряд первым делом уводит двадцать четыре священника из ратуши, а по дороге начинает расправу над ними своими руками³¹⁸².

Затем идут "разъяренные" парижского пролетариата, немногие из них - клерки или лавочники, большинство - ремесленники всех профессий: слесари, каменщики, мясники, колесники, портные, сапожники, извозчики, особенно докеры, работающие в порту, рыночные грузчики, и, прежде всего, подмастерья и ученики всех видов, короче говоря, рабочие, находящиеся на нижней ступени социальной *лестницы*³¹⁸³. Среди них мы находим хищных зверей, убийц по инстинкту или простых грабителей.³¹⁸⁴ Другие, подобно одному из учеников аббата Сикара, которого он любит и почитает, признаются, что они никогда не двигаются, кроме как под принуждением.³¹⁸⁵ Другие - простые машины, позволяющие управлять собой: например, местный экспедитор, хороший человек, но который, затащив за собой, напоив спиртным, а затем доведя до безумия, убивает двадцать священников ради своей доли и умирает в конце месяца, все еще пьяный, не в силах спать, с пеной у рта и дрожа всеми конечностями.³¹⁸⁶ И, наконец, немногие, кто с добрыми намерениями увлекается кровавым вихрем и, пораженный благодатью Революции, обращается в религию убийства. Один из них, некий Грапен, уполномоченный своей секцией спасти двух заключенных, садится рядом с Майяром, заседает в суде в течение шестидесяти трех часов и требует от него свидетельства.³¹⁸⁷ Большинство же

придерживается тех же взглядов, что и повар, который после взятия Бастилии, оказавшись на месте и отрубив голову мсье де Лонэ, считает это "патриотическим" поступком и полагает себя достойным "медали за уничтожение чудовища". Эти люди - не обычные преступники, а доброжелательные люди, живущие поблизости, которые, видя, что в их районе создается общественная [служба318](#), выходят из своих домов, чтобы помочь; степень их порядочности примерно такая же, какую мы находим в наши дни среди людей того же положения в жизни.

Вначале, особенно на первых порах, никто не думает набивать свои карманы. В тюрьму Аббатства они приходят с почестями и кладут на стол в комнате гражданского комитета кошельки и драгоценности умерших.[3189](#) Если они и присваивают себе что-то, то только обувь, чтобы прикрыть голые ноги, и то только после того, как спросят разрешения. Что касается оплаты, то всякая черновая работа заслуживает ее, и, кроме того, между ними и их вербовщиками ответ очевиден. Не имея ничего, кроме собственных рук, они не могут работать бесплатно,[3190](#) и, поскольку работа тяжелая, им следует платить в двойном размере. Им требуется шесть франков в день, а также питание и столько вина, сколько они захотят. Один только буфетчик снабдил людей в Аббатстве 346 пинтами [вина3191](#): когда они непрерывно работают день и ночь, выполняя работу, подобную той, что выполняют чистильщики канализации и шахтеры, ничто другое не может поддержать их мужество - питание и жалование должны оплачиваться народом; работа выполняется для народа, и, естественно, при вмешательстве формальностей они выходят из себя и бегут к Ролану, к городскому казначею, в комитеты секций, в Комитет по [надзору3192](#), ропща, угрожая и показывая свои окровавленные пики. Это свидетельство того, что они хорошо выполнили свою работу. Они хвастаются ею перед Петионом, внушают ему, как "справедливы и внимательны" они [были3193](#), своей проницательностью, временем, потраченным на работу, столько-то дней и столько-то часов; они просят только то, что им "причитается"; когда казначей, заплатив им, требует их имена, они называют их без малейшего колебания. Те, кто сопровождает уволенного заключенного, каменщики, парикмахеры, федераты, не требуют никакого вознаграждения, кроме "чего-нибудь выпить"; "мы занимаемся этим делом не ради денег, - говорят они, - вот ваш друг, он обещал нам стакан бренди, который мы возьмем и вернемся к своей работе".[3194](#) За пределами своего дела они обладают экспансивным радушием и готовой чувствительностью парижского рабочего. В аббатстве один из [федератов3195](#), узнав, что заключенные двадцать шесть часов просидели без воды, хотел "истребить" ключника за его халатность и сделал бы это, если бы "сами заключенные не вступились за него". При оправдании заключенного стражники, мясники, все с восторгом обнимают его; Вебера приветствуют снова и снова на протяжении более ста ярдов; они веселятся до упаду. Каждый хочет сопровождать заключенного; в кабину Матона де ла Варенна вторгаются; "они усаживаются на водительское сиденье, на двери, сверху и сзади".[3196](#) Некоторые даже проявляют странные приступы такта. Двое мясников, все еще покрытых кровью, которые ведут шевалье де Бертрана домой, настаивают на том, чтобы подняться с ним по лестнице и наблюдать за радостью его семьи; после ужасной работы им необходима разрядка нежных чувств. Войдя в дом, они незаметно ждут в гостиной, пока дамы не приготовятся; счастье, свидетелями которого они являются, растапливает их; они остаются некоторое время, отказываются от денег, выражают свою благодарность и уходят.[3197](#) Еще более необычными являются пережитки врожденной вежливости.

Рыночный торговец, желая обнять освобожденного заключенного, сначала спрашивает его разрешения. Старые "ведьмы", только что хлопавшие в ладоши при резне, "яростно" останавливают стражников, торопящих Вебера в белых шелковых чулках по лужам крови: "Эй, стража, берегись, ты заставляешь месье ходить по канаве!"³¹⁹⁸ Короче говоря, они демонстрируют постоянные качества своей расы и класса; они кажутся ни выше, ни ниже среднего уровня своих собратьев, Большинство из них, вероятно, никогда бы не совершили ничего чудовищного, если бы строгая полиция, подобная той, что поддерживает порядок в обычное время, держала их в их магазинах или дома, в их жилищах или в их краях.

Но в своих собственных глазах они такие же короли; "суверенитет передан в их руки"³¹⁹⁹, их власть неограниченна; кто сомневается в этом, тот предатель и подлежит наказанию; его нужно убрать с дороги; а в королевские советники они берут маньяков и негодяев, которые по мании величия или расчету проповедуют им все это: совсем как негритянский король, окруженный белыми работоторговцами, которые побуждают его к набегам, и черными колдунами, которые побуждают его к резне. Как может такой человек с такими проводниками, и на таком посту, быть заторможен формальностями правосудия или различиями справедливости? Равенство и справедливость - это развитые продукты цивилизации, а он - всего лишь политический дикарь. Напрасно невинные призывают к его милосердию!

"Послушайте, гражданин,³¹¹⁰⁰ вы тоже хотите усыпить нас? Предположим, что эти проклятые прусские и австрийские нищие были бы в Париже, стали бы они выбирать виновных? Не будут ли они бить направо и налево, как это делали швейцарцы 10 августа? Хорошо, я не умею произносить речи, но я никого не усыпляю. Я говорю, что я отец семейства - у меня жена и пятеро детей, которых я хочу оставить здесь, чтобы о них позаботилась секция, пока я пойду сражаться с врагом. Но я не намерен, чтобы, пока меня не будет, эти негодяи здесь, в тюрьме, и другие негодяи, которые придут и выпустят их, перерезали глотки моей жене и детям. У меня трое мальчиков, которые, я надеюсь, когда-нибудь будут полезнее для своей страны, чем эти негодяи, которых вы хотите спасти. Как бы то ни было, все, что можно сделать, - это выпустить их, дать им оружие, и мы будем сражаться с ними на равных. Умру ли я здесь или на границе, негодяи убьют меня все равно, и я дорого продам свою жизнь. Но, независимо от того, сделаю это я или кто-то другой, тюрьма должна быть очищена от этих проклятых нищих, вот так, сейчас же!" При этих словах раздается общий крик: "Он прав! Никакой пощады! Пустите нас внутрь!"

Все, на что соглашается толпа, - это импровизированный трибунал, чтение журнала тюремщика и быстрое вынесение приговора; осуждение и резня должны последовать, согласно знаменитой Коммуне, что упрощает дело... Есть и другое упрощение, еще более грозное, - осуждение и резня по категориям. Достаточно любого титула: швейцарец, священник, офицер или слуга короля, "черви" в гражданском списке; где бы ни обнаружилось множество священников или швейцарцев, не стоит устраивать суд, можно перерезать им глотки - сведенные к этому, операции адаптируются к операторам; руки нового государя столь же сильны, сколь слаб его разум, и, в результате неизбежной адаптации, он низводит свою работу до уровня своих способностей.

Его работа, в свою очередь, деградирует и извращает его. Ни один человек, а тем более человек из народа, умиротворенный старой цивилизацией, не может безнаказанно стать одним махом и государем, и палачом. Напрасно он настраивается против осужденных и сыпет оскорблениями, чтобы усилить свою ярость³¹¹¹; он смутно сознает, что совершает великое преступление, и его душа, как у Макбета, "полна скорпионов". Страшно напрягаясь,

он ожесточается против врожденных, наследственных импульсов человечности; они сопротивляются, а он приходит в ярость, и, чтобы заглушить их, у него нет другого выхода, кроме как "питаться ужасами" [31102](#), добавляя убийство к убийству. Ибо убийство, особенно в том виде, в каком он его практикует, то есть с обнаженным мечом на беззащитных людей, вносит в его животную и нравственную машину две необычайные и несоразмерные эмоции, которые расстраивают ее: с одной стороны, ощущение всемогущества, осуществляемого бесконтрольно, беспрепятственно, без опасности, над человеческой жизнью, над пульсирующей [плотью](#) [31103](#), а с другой - интерес к кровавой и разнообразной смерти, сопровождаемый все новой серией искажений и восклицаний; [31104](#) раньше, в римском цирке, от него нельзя было оторваться; увидев зрелище однажды, зритель всегда возвращался, чтобы увидеть его снова. Сейчас каждый тюремный суд - это цирк, и еще хуже то, что зрители - это тоже актеры; таким образом, для них две огненные жидкости смешиваются в одной. К моральному опьянению добавляется физическое, вино в изобилии, гульба при каждой паузе, веселье над трупами; и мы видим, как из этого противоестественного существа вырастает демон Данте, одновременно жестокий и утонченный, не просто разрушитель, но и палач, подстрекатель и исчислитель страданий, сияющий и радующийся тому злу, которое он совершает.

Они веселы; они танцуют вокруг каждого нового трупа и поют [карманьолу](#) [31105](#); они вызывают жителей квартала, "чтобы развлечь их" и чтобы они могли получить свою долю "прекрасного праздника". [31106](#) Скамейки расставлены для "джентльменов" и для "дам": последние, с большим любопытством, дополнительно желают спокойно созерцать уже убитых "аристократов"; следовательно, требуются светильники, и один кладется на грудь каждого трупа. [31106](#) Тем временем бойня продолжается и доводится до совершенства. Мясник из [аббатства](#) [31107](#) жалуется, что "аристократы умирают слишком быстро и что удовольствие получают только те, кто наносит удар первым"; отныне их будут бить только спинками мечей и заставлять бегать между двумя рядами своих мясников, как солдаты раньше бегали в перчатках. Если среди них окажется известный человек, решено более тщательно следить за продлением мучений. В Ла-Форсе федераты, пришедшие за месье де Рульерсом, клянутся "страшными клятвами, что отрубят голову любому, кто посмеет прекратить его страдания ударом своей пики"; первым делом его раздевают догола, а затем в течение получаса плоскими лезвиями сабель режут и режут, пока не потечет кровь и не будет "содрана кожа до кишок". - Все чудовищные инстинкты, скованные в глубине человеческого сердца, не только жестокость с обнаженными [клыками](#) [31108](#), но и самые низменные желания, объединяются в ярости против женщин, чья благородная или позорная слава делает их заметными; против мадам де Ламбаль, подруги королевы; против мадам Десрю, вдовы знаменитого отравителя; против цветочницы из Пале-Рояля, которая за два года до этого в приступе ревности изувечила своего любовника, французского гвардейца. Жестокость здесь сочетается с развратом, чтобы добавить унижение к пыткам, а жизнь нарушается через посягательство на скромность. В мадам де Ламбаль, убитой слишком быстро, распутные мясники смогли возмутить только труп, но для вдовы, [31109](#) а особенно для цветочницы, они возрождают, как множество неро, огненный круг ирокезов. [31110](#) От ирокеза до каннибала пропасть невелика, и некоторые из них перепрыгивают через нее. В Аббатстве старый солдат по имени Дамиенс вонзает свою саблю в бок генерал-адъютанта ла Лё, просовывает руку в отверстие, вырывает сердце "и подносит его ко рту, как будто хочет съесть"; "кровь, - говорит очевидец, - вытекала у него изо рта и образовывала нечто вроде усов" [31111](#). В Ла Форс мадам де Ламбаль разделяют. То, что сделал Шарло, парикмахер, который нес ее голову, я описывать не буду. Я лишь констатирую, что другой негодяй на улице Сент-Антуан вырвал ее сердце и "съел его" [31112](#).

Они убивают и пьют, пьют и снова убивают. Наступает усталость и оцепенение. Один из них, ученик колесника, за свою долю отправил шестнадцать человек; другой "так усердно трудился над этим товаром, что оставил в нем лезвие своей сабли"; "Я устал, - говорит один из федератов, - за два часа, раздирая конечности направо и налево, больше, чем любой каменщик, который два дня штукатурил стену".[31113](#) Первое возбуждение прошло, и теперь они действуют автоматически.[31114](#) Некоторые из них засыпают, растянувшись на скамьях. Другие, прижавшись друг к другу, отсыпаются от паров вина, уложенного на один бок. Выхлоп от резни настолько силен, что председатель гражданского комитета падает в обморок в своем [кресле](#)[31115](#), дым таверны смешивается с дымом костехранилища. Тяжелое, тупое состояние оцепенения постепенно овладевает их затуманенными мозгами, последние проблески разума гаснут один за другим, как дымные огоньки на уже остывшей груди лежащих вокруг них трупов. Сквозь оцепенение, распространяющееся по лицам мясников и каннибалов, мы видим лицо идиота. Это революционный идиот, в котором исчезли все понятия, кроме двух, двух фиксированных, рудиментарных и механических идей, одна из которых - разрушение, а другая - общественная безопасность. В его пустой голове нет других идей, и они сливаются воедино благодаря непреодолимому притяжению, а эффект от их контакта можно себе представить. "Есть ли еще чем заняться?" - спрашивает один из этих мясников в пустынном дворе. "Если больше нечем заняться, - отвечает пара женщин у ворот, - придется что-нибудь придумать" [31116](#), и, естественно, это делается.

Поскольку тюрьмы должны быть очищены, то лучше очистить их все, и сделать это сразу. После швейцарцев, священников, аристократов и "белокожих джентльменов" остаются каторжники и те, кто содержится в тюрьмах по обычным каналам правосудия, грабители, убийцы, приговоренные к галеры в Консьержери, в Шатле и на Тур-Сен-Бернар, клейменные женщины, бродяги, старые нищие и мальчики, заключенные в Бикетр и Сальпетриер. Они ни на что не годятся, их приходится [кормить](#)[31117](#), и, вероятно, они вынашивают злые замыслы. В Сальпетриере, например, жена отравителя Десрюса, несомненно, как и он сам, "хитрая, злая и способная на все"; она, должно быть, в ярости от того, что сидит в тюрьме; если бы она могла, она бы подожгла Париж; она должна была это сказать; она это [сказала](#)[31118](#) - еще один взмах метлы. На этот раз, поскольку работа более скверная, метла орудует более скверными руками; среди тех, кто схватился за ручку, есть завсегдатаи тюрем. Мясники в тюрьме Аббатства, особенно под конец, уже совершали кражи;[31119](#) здесь же, в тюрьмах Шатле и Консьержери, они уносят "все, что кажется им подходящим", вплоть до одежды покойников, тюремных простыней и покрывал, даже небольшие сбережения тюремщиков, и, кроме того, они привлекают своих дружков. "Из 36 освобожденных заключенных многие были убийцами и грабителями, убийцы присоединили их к своей группе. Было также 75 женщин, заключенных частично за воровство, которые обещали верно служить своим освободителям". Позже, действительно, они станут в клубах якобинцев и кордельеров трикотажницами, которые заполнят их трибуны.[31120](#) В тюрьме Сальпетриер "все сутенеры Парижа, бывшие шпионы, ... распутники, негодяи Франции и всей Европы, заранее готовятся к операции", и изнасилования чередуются с резней.[31121](#) До сих пор, по крайней мере, резня была приправлена грабежом, грубой едой и питьем; в Бисетре, однако, это грубая резня, плотоядный инстинкт удовлетворяется сам по себе. Среди других заключенных - 43 подростка самого низкого класса, от 17 до 19 лет, помещенные сюда для исправления родителями или теми, с кем они [связаны](#)[31122](#); достаточно взглянуть на них, чтобы понять, что это настоящие парижские отщепенцы, ученики порока и несчастья, будущие рекруты для правящей банды, на которых она и обрушивается, забивая их дубинками до смерти. В этом возрасте жизнь цепкая, и, поскольку нет жизни сложнее, чем взять ее, требуются дополнительные усилия, чтобы избавиться от нее. "В том углу, - рассказывал один тюремщик, - они сделали гору из своих тел. На следующий день, когда их должны были

хоронить, от этого зрелища разрывалось сердце. Один из них выглядел так, словно спал, как один из ангелов Божьих, но остальные были ужасно изуродованы".[31123](#) [Здесь](#) человек опустился ниже самого себя, в низшие слои животного царства, ниже волка; ведь волки не душат своих детенышей.

VI. Якобинская резня.

Влияние расправы на общество: всеобщее уныние и распад общества.

в Париже.- Сентябрьские люди, поддержанные в Коммуна и выборы в Конвент.

Шесть дней и пять ночей непрекращающейся резни.[31124](#) 171 убийство в аббатстве, 169 в Ла Форс, 223 в Шатле, 328 в Консьержери, 73 в Тур-Сен-Бернар, 120 в Кармелитах, 79 в Сен-Фирмен, 170 в Бикетре, 35 в Сальпетриер; среди убитых [31125](#) человек, 250 священников, 3 епископа или архиепископа, генералы, магистраты, один бывший министр, одна королевская принцесса, принадлежащая к лучшим фамилиям Франции, и, с другой стороны, один негр, несколько женщин из рабочего класса, дети, каторжники и бедные старики: Какой человек сейчас, маленький или большой, не чувствует себя в опасности? И тем более, что группа стала больше. Фурнье, Лазовский и Бекар, вожди грабителей и убийц, возвращаются из Орлеана с пятнадцатью сотнями головорезов.[31126](#) По дороге они убивают мсье де Бриссака, мсье де Лессара и еще 42 человека, обвиненных в государственной измене, которых они вырвали из рук своих судей, а затем, в виде излишка, "по примеру Парижа", двадцать одного заключенного, взятого из версальских тюрем. В Париже министр юстиции благодарит их, Коммуна поздравляет, а секции пируют и обнимают их.[31127](#) - [может ли](#) кто-нибудь сомневаться в том, что они были готовы начать все сначала? Можно ли сделать хоть шаг в Париже или за его пределами, не подвергаясь их притеснениям и не сталкиваясь с их деспотизмом? Стоит выехать из города, как у шлагбаумов и на непрерывно заседающих секционных комитетах выставляются часовые их вида. Малуэ, которого ведут к Рулю,[31128](#) видит перед собой столпотворение фанатиков, не менее сотни человек в одной комнате, подозреваемых, доносов на них, коллаборационистов, сопровождающих, длинный зеленый стол в центре, покрытый шпагами и кинжалами, вокруг него комитет, "двадцать патриотов с засученными рукавами рубашек, одни с пистолетами, другие с ручками", подписывающие ордера на арест, "ссорящиеся и угрожающие друг другу, все говорят разом и кричат: Предатель! Заговорщик! В тюрьму его! Гильотинировать его!", а за ними толпа зрителей, толкущихся, кричащих и жестикулирующих", как дикие звери, прижатые друг к другу в одной клетке, показывающие зубы и пытающиеся наброситься друг на друга. "Один из самых возбужденных, размахивая саблей, чтобы нанести удар противнику, остановился, увидев меня, и воскликнул: "Вот Малуэ!" Другой, однако, меньше занятый мной, чем своим врагом, воспользовался случаем и ударом своей дубинки сбил его с ног". Малуэ был близок к тому, чтобы побриться; в Париже

бегство происходит благодаря подобным случайностям; если оставаться в городе, то его одолевают тоскливые страхи,

1. торопливый шаг отрядов людей на каждой улице, ведущих подозреваемых в тюрьму или в комитет;
2. вокруг каждой тюрьмы толпы людей, пришедших "посмотреть на бедствия";
3. во дворе Абайе крик аукциониста, продающего одежду мертвецов;
4. грохот телег по мостовой, увозящих 1 300 трупов;
5. песни женщин, запряженных в повозки, отбивающих время на обнаженных телах.[31129](#)

Есть ли человек, который после одной из таких встреч не видел бы себя в воображении перед зеленым столом секционного комитета, после этого - в тюрьме с саблями над головой, а затем в телеге посреди кровавой кучи?

Мужество меркнет перед подобным видением. Все журналы одобряют, паллиатируют или молчат; никто не смеет оказать сопротивление.[31130](#) Имущество, как и жизнь, принадлежит тому, кто хочет их взять. У шлагбаумов, на рынках, на бульваре Храма воры, украшенные трехцветной лентой, останавливают проходящих мимо людей, отбирают все, что те несут, и под предлогом, что драгоценности должны быть возложены на алтари патриотизма, отбирают кошельки, часы, кольца и другие предметы, причем так грубо, что у женщин, которые недостаточно проворны, разрываются мочки ушей при отстегивании [серег](#)[31131](#). Другие, расположившись в подвалах Тюильри, продают вино и масло нации ради собственной выгоды. Другие, которым за восемь дней до этого народ дал свободу, замышляют еще большее дело, проникая в Гарде-мюбель и похищая бриллианты на сумму в тридцать [миллионов](#)[31132](#).

Как человек, которого бьют молотком по голове, Париж, упав на землю, пускает все на самотек; авторы резни полностью достигли своей цели. Фракция прочно удерживает власть и будет ее удерживать. Ни в Законодательном собрании, ни в Конвенте цели жирондистов не увенчаются успехом в борьбе с ее упорной узурпацией. Она доказала на ярком примере, что способна на все, и кичится этим; она все еще вооружена, она стоит наготове и анонимна на своей убийственной основе, с ее быстрыми способами действия, с ее собственной группой фанатичных агентов и брадобреев, с Майяром и Фурнье, с ее пушками и пиками. Все, что не живет внутри него, живет только благодаря его благосклонности изо дня в день, благодаря его доброй воле. Все это знают. Собрание больше не думает о том, чтобы вытеснить людей, которые отвечают на декреты об изгнании резней; речь больше не идет о том, чтобы проверять их счета или держать их в рамках закона. Их диктатура не оспаривается, и их очищение продолжается. От четырех до пятисот новых заключенных, арестованных в течение одиннадцати дней по приказу муниципалитета, секций и тех или иных отдельных якобинцев, теснятся в камерах, еще залитых кровью, и распространяется информация, что 20 сентября тюрьмы будут опустошены в результате второй [резни](#)[3113](#).-Пусть Конвент, если ему заблагорассудится, с помпой провозгласит себя сувереном и издает декреты - без разницы; регулярное или нерегулярное, правительство все равно марширует в руках тех, кто держит меч.[31134](#) Якобинцы, благодаря внезапному террору, сохранили свою незаконную власть; благодаря продлению террора они собираются установить свою законную власть. Принудительное голосование приведет их к власти в Отель-де-Виль, в трибуналах, в Национальной гвардии, в секциях и в различных администрациях, в то время как они уже избрали в Конвент Марата, Дантона, Фабр д'Эглантин, Камиль Десмулен, Манюэль, Бийо-

Варенн, Панис, Сержан, Колло д'Эрбуа, Робеспьер, Лежандр, Оселен, Фрерон, Давид, Робер, Лавикуртери, словом, зачинщики, руководители и соучастники кровавой бойни.³¹¹³⁵ Ничто, что могло бы принудить или фальсифицировать голосование, не допускается.³¹¹³⁶ Прежде всего, избирательному собранию навязывается присутствие народа, и с этой целью оно переносится в большой зал якобинского клуба, под давлением якобинских галерей. В качестве второй меры предосторожности от голосования отстраняют всех противников, всех конституционалистов, всех бывших членов монархического клуба, фельянов и клуба Сент-Шапель, фельянов и клуба Сент-Шапель, всех подписавших петицию в 20 000 или 8 000 человек, а если секции протестуют против этого, их протест отклоняется на том основании, что он является плодом "интриги". Наконец, при каждом голосовании голос каждого избирателя выкрикивается, что заранее гарантирует правильное голосование, причем предупреждения, которые он получил, весьма недвусмысленны.³¹¹³⁷ 2 сентября, во время первого заседания избирательного органа, проходившего во дворце епископа, марсельцы, находившиеся в 500 ярдах от него, пришли и забрали двадцать четыре священника из ратуши, а по дороге изрубили их на куски на Пон-Нёфе. Весь вечер и всю ночь агенты муниципалитета продолжали свою работу в аббатстве, у кармелитов и в Ла Форс, а 3 сентября, когда избирательное собрание перешло в клуб якобинцев, оно прошло по Пон-о-Шанж между двумя рядами трупов, которые убийцы привезли туда из тюрем Шатле и Консьержери.

3101 (возвращение)

[Тьерри, сын Хлодвига, не желая участвовать в экспедиции своих братьев в Бургундию, сказал своим людям: "Если ты не хочешь идти в Бургундию со своими братьями, мы оставим тебя и пойдем за ними вместо тебя". Клотер, другой из его сыновей, настроенный заключить мир с саксами, "разгневанные франки набрасываются на него, поносят его и угрожают убить, если он откажется сопровождать их. Тогда он сам встает во главе их"].

3102 (возвращение)

[Социальное положение и степень культуры часто обозначаются орфографически - Гранье де Кассаньяк, II. 480. Бекар, командующий экспедицией, которая привезла пленных из Орлеана, подписывает себя: "Bécard, commandant congointement aveque M. Fournier generale. "Archives Nationales", F7, 4426. Письмо Шемина, комиссара участка Гравилье, Сантерру, 11 августа 1792 года. "Мой Шарль Шемин, комиссар... обращается к месье Сантерру, генералу парижской трупы, который назвал Хингрея кавалером национальной жандармерии. Я сказал, что в течение дня 11 ау ау ау с одним домом, прикрепленным к курсу в Экурисе; я сказал, что 800 человек дома, а также люди из боковой охраны короля, которые находятся в Париже, должны быть уверены в том, что донair секуров не будет изменен, и подписать со мной настоящее письмо"]].

3103 (возвращение)

[19 марта 1871 года я встретил на улице Варенн человека с двумя пистолетами на плече, который участвовал в разграблении Школы государственного деятеля и возвращался домой. Я сказал ему: "Но это гражданская война, и вы пустите пруссаков в Париж". "Я предпочел бы пруссаков, а не Тьера. Тьер - пруссак изнутри!"]].

3104 ([возвращение](#))

[Сегодня, через 115 лет после написания этих слов, мы видим, как по стопам якобинцев идут другие: Ленин, Сталин, Гитлер, Пол Пот, Мао Цзэдун и т. д. Дворян, буржуа, евреев и прочих неугодных методично сажали. Овцеподобное большинство не читало Тейна и не извлекло пользы из его предупреждений, в то время как большинство великих тиранов учились у него или на описанных им событиях (SR.)].

3105 ([возврат](#))

["Moniteur", 14 ноября 1792 г.].

3106 ([возврат](#))

["Archives Nationales", F7, 4426. Письмо полицейских администраторов, 11 августа. Декларация Делоне, 12 августа].

3107 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XVII. 59 (заседание 12 августа) Речь Леприера в зале заседаний].

3108 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XVII. 47.-Mortimer-Ternaux, III. 31. Речь Робеспьера в зале заседаний Собрания от имени коммуны, 15 августа].

3109 ([возвращение](#))

[Бриссо в своем докладе о петиции Робеспьера. Имена главных избранных судей показывают ее характер: Фукье-Тинвиль, Оселен, Коффиналь].

3110 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XVII.91 (17 августа).

3111 ([возврат](#))

[Утверждает Петион в своей речи (Moniteur, 10 ноября 1792 г.)].

3112 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XVII. 116 (заседание 23 августа)].

3113 ([возврат](#))

[Mortimer-Ternaux, III. 461.-Moore, I. 273 (31 августа)].

3114 ([возврат](#))

[Buche et Roux, XVII. 267 (статья Прюдомма в "Парижских революциях")].

3115 ([возврат](#))

["Les Révolutions de Paris", Ibid., "Там было несколько санкюлотов с пиками; но их значительно превосходило множество мундиров различных батальонов" - Мур, 31 августа: "В настоящее время жители фюльке Сент-Антуан и Сен-Марсо - это все, что можно почувствовать от суверенного народа в Париже"].

3116 ([возвращение](#))

["Еще", 26 августа.]

3117 ([обратно](#))

[Mortimer-Ternaux, III. 471. Обвинение против Жан-Жюльена. Ссылаясь на М. Мортимера-Терно, мы делаем это потому, что, как истинный критик, он цитирует подлинные и часто не отредактированные документы].

3118 ([возврат](#))

["Rétif de la Bretonne", "Les Nuits de Paris", 11 вечер, p. 372].

3119 ([обратно](#))

[Moore, Sept. 2.]

3120 ([возвращение](#))

[Moore, Sept. 3.-Buche et Roux, XVI. 159 (рассказ Талльена). Официальный отчет Парижской коммуны, 4 сентября (в сборнике Барьера и Бервиля, том под названием "Mémoires sur les journées de Septembre"). Коммуна принимает и расширяет басню, вероятно, придуманную ею самой. Прюдомм хорошо говорит, что история о тюремном заговоре, так скандально распространявшаяся во времена Террора, впервые появляется 2 сентября. То же самое сообщение распространилось по сельским округам. В Генневилье один крестьянин, сокрушаясь о массовых убийствах, сказал Малуэ: "Это тоже ужасно, что аристократы хотят убить весь народ, взорвав город" (Malouet, II. 244)].

3121 ([возврат](#))

[Официальные отчеты коммуны, 11 августа].

3122 (обратно)

[Mortimer-Ternaux, II. 446. Список комиссаров секций, заседавших в гостинице де Виль 10 августа до 9 часов утра].

3123 (возврат)

[Официальные отчеты коммуны, 21 августа. "Считая, что для обеспечения общественной безопасности и свободы Генеральному совету коммуны необходимы все полномочия, делегированные ему народом, в то время, когда он был вынужден возобновить осуществление своих прав", направляет депутацию в Национальное собрание, чтобы настоять на том, чтобы "новый департамент был преобразован, чисто и просто, в управление налоговых комиссаров" - Mortimer-Ternaux, III. 25. Речь Робеспьера от имени Коммуны: "После того как народ спас страну, после того как он декретировал Национальный конвент, чтобы заменить вас, что вам остается делать, кроме как удовлетворять его желания?... Народ, вынужденный сам позаботиться о своем спасении, позаботился об этом через своих делегатов... Необходимо, чтобы те, кого он сам избрал своими магистратами, пользовались полномочиями, подобающими суверену"]].

3124 (возвращение)

[Официальные отчеты коммуны, 10 августа.- Mortimer-Ternaux, III. 155. Письмо министра Сервана, 30 августа.-Там же, 149.-Там же, 148. Комиссия по снабжению была распущена Коммуной, Ролан, министр внутренних дел, просит Собрание действовать незамедлительно, так как "он больше не будет отвечать за снабжение Парижа"]].

3125 (возвращение)

[Официальные отчеты Коммуны, 21 августа. Резолюция, требующая, чтобы на судебных процессах по делам о преступлениях против нации лица, выступающие на стороне обвиняемых, получали свидетельство о своей честности, выданное их собранием, и чтобы беседы между ними и обвиняемыми были публичными; там же, 17 августа, резолюция о приостановке казни двух убийц мэра Симонно, приговоренных к смерти трибуналом Сены-и-Уазы].

3126 (возврат)

[Мортимер-Терно, III. 11. Декрет от 11 августа].

3127 (обратно)

[Prudhomme, "Révolutions de Paris" (номер за 22 сентября). Доклад Ролана Национальному собранию (16 сентября, в 9 часов утра)].

3128 (возврат)

[Мадам Ролан, "Mémoires", II. 414 (изд. Barrière et Berville). Сообщение Ролана от 29 октября. Захват, о котором идет речь, произошел 27 августа].

3129 (возврат)

["Mémoires sur les journées de Septembre" (Ed. Barrière et Berville, pp. 307-322). Список сумм, выплаченных казначеем коммуны. О продолжении грабежа см. отчет Ролана от 29 октября о деньгах, тарелках и ассигнациях, взятых из госпиталя Сенлиса (13 сентября), об опустошении отеля де Коиньи, продаже мебели в отеле д'Эгмон и т. д.].

3130 (возврат)

[Официальные отчеты коммуны, 17 и 20 августа; список сумм, выплаченных казначеем коммуны, с. 321; 28 августа "Сен-Рош в серебре поднесен к барной стойке Национального собрания"].

3131 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, III. 150, 161, 511.- Доклад Ролана, 29 октября. Р. 414].

3132 (возврат)

[Moniteur. 514, 542 (заседания 23 и 26 августа)].

3133 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, III. 99 (заседания 15 и 23 августа). "Procès-verbaux de la Commune", 18 августа, резолюция о получении закона, разрешающего коммуне "собирать вместе с женами и детьми эмигрантов в местах безопасности и использовать для этой цели бывшие монастыри"].

3134 (возврат)

["Procès-verbaux de la Commune", Aug. 12.-Ibid., Aug. 18. Не найдя журналиста М. Жоффруа, коммуна "принимает постановление о наложении печатей на жилище мадам Жоффруа и о ее аресте до тех пор, пока ее муж не явится, чтобы освободить ее"].

3135 (возврат)

["Procès-verbaux de la Commune". 17 и 18 августа. Еще одна резолюция, снова требующая от Национального собрания список подписавших для публикации].

3136 (возврат)

["Procès-verbaux de la Commune", Aug. 18, 19, 20.- 20 августа Коммуна вызывает к себе и допрашивает венецианского посла. "Некий гражданин требует, чтобы его выслушали против посла, и заявляет, что на его имя из Парижа выехало несколько карет. Имя этого гражданина - Шевалье, помощник конокрада... Совет постановляет с почтением отнестись к показаниям, приведенным в обвинении". О тоне этих допросов читайте Вебера ("Mémoires", II. 245), который рассказывает о своем собственном].

3137 (обратно)

[Buche et Roux, XVII. 215. Рассказ Пельтье.- Несмотря на распоряжение Национального собрания, дело повторяется на следующий день и длится с 19 по 31 августа, вечером.- Мур, 31 августа. Здесь хорошо показано тупое, овечье тщеславие буржуа, зачисленного в жандармы к санкюлотам. Сторож отеля "Мёрис", где остановились Мур и лорд Лодердейл, накануне вечером был на страже и в погоне: "Он много рассказывал об усталости, которой подвергался, и немного намекал на опасности, которым подвергался во время этой суровой службы. Когда его спросили, был ли он успешен в поисках подозреваемых, он ответил: "Да, милорд, бесконечно; наш батальон арестовал четырех священников". Он не мог бы выглядеть более возвышенно, если бы взял герцога Брауншвейгского"]].

3138 (возврат)

[По словам Редерера, число арестованных составило от 5 000 до 6 000 человек].

3139 (обратно)

[Mortimer-Ternaux, III. 147, 148, Aug. 28 and 29.-Ibid., 176. Другие части жалуются на Коммуну с некоторой горечью.-Buche et Roux, XVII. 358.- "Procès-verbaux de la Commune", Sept. 1. "Секция Храма присылает депутацию, которая заявляет, что в силу декрета Национального собрания она снимает с себя полномочия, возложенные на избранных ею комиссаров Генерального совета"]].

3140 (возвращение)

[Mortimer-Ternaux, III. 154 (заседание 30 августа)].

3141 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, III. 171 (заседание 31 августа).-Там же, 208.- На следующий день, 1 сентября, по наущению Дантона, Тюрё получает от Национального собрания двусмысленный декрет, который, похоже, позволяет членам коммуны сохранить свои места, по крайней мере, временно, в Отель-де-Виль].

3142 (возвращение)

["Procès-verbaux de la Commune", Sept. 1.]

3143 (обратно)

["Протесты против Коммуны", 1 сентября. "Решено, что все вещи, попавшие в руки граждан, боровшихся за свободу и равенство 10 августа, должны оставаться в их распоряжении; поэтому мсье Талльен, генеральный секретарь, уполномочен вернуть золотые часы мсье Леконту, жандарму"]].

3144 (возврат)

[На эту дату указывают четыре обстоятельства, одновременные и полностью согласующиеся друг с другом: 1. 23 августа Генеральный совет постановляет "устроить в палате трибуну для журналиста (М. Марата), в обязанности которого будет входить ведение журнала с изложением принятых актов и того, что происходит в коммуне" ("Procès-verbaux de la Commune", Aug.23) 2. В тот же день "по предложению одного из членов, с целью отделить заключенных-лесссионеров от заключенных больницы медсестер и других заключенных той же марки в различных тюрьмах, совет принял эту меру" (Granier de Cassagnac, II. 100). 3. В тот же день коммуна аплодирует депутатам одной из секций, которые "в жарких выражениях" обличают перед ней медлительность правосудия и заявляют ей, что народ "замурует" заключенных в своих тюрьмах (Moniteur, 10 ноября 1793 г., рассказ Петиона). В тот же день он направляет депутацию в Собрание, чтобы распорядиться о переводе орлеанских узников в Париж (Buche et Roux, XVII. 116). На следующий день, несмотря на запреты Ассамблеи, он посылает Фурнье и его отряд в Орлеан (Mortimer-Ternaux, III. 364), причем каждый заранее знает, что Фурнье поручено убить их по дороге. (Balleydier, "Histoire politique et militaire du peuple de Lyon", I.79. Письмо Лаусселя, датированное Парижем, 28 августа): "Наши добровольцы уже два или три дня находятся в Орлеане, чтобы доставить сюда заключенных антиреволюционеров, с которыми там обращаются слишком хорошо". В день отъезда Фурнье (24 августа) Мур замечает в Пале-Рояле и в Тюильри "большее, чем обычно, количество ораторов из народа, нанятых для того, чтобы внушить народу ужас перед монархией"].

3145 (возврат)

["Moniteur", 25 сентября 1792 г., речь Марата в Конвенте].

3146 (обратно)

[См. два его журнала, "L'Ami du peuple" и "Journal de la République Française", особенно за июль и октябрь 1792 г. Номер за 16 августа озаглавлен: "Развитие гнусного заговора двора с целью уничтожить всех патриотов огнем и мечом"; номер за 19 августа: "Позорные призывные отцы Цирка, предающие народ и пытающиеся отсрочить осуждение изменников до прибытия Моттье, идут со своей армией на Париж, чтобы уничтожить всех патриотов!"; номер за 21 августа: "Гнилые члены Собрания, вероломные сообщники Моттье, готовящиеся к бегству... Отцы-призывники, убийцы патриотов в Нанси, на Марсовом поле, в Тюильри и т. д." - обо всем этом ежедневно по утрам кричали те, кто разносил эти журналы по улицам].

3147 (возврат)

["Ami du Peuple", 19 и 21 августа.]

3148 (обратно)

["Lettres autographes de Madame Roland", опубликованные мадам Банкаль де Иссар, 9 сентября. "Дантон руководит всеми; Робеспьер - его марионетка; Марат держит его факел и кинжал"].

3149 (возврат)

[Madame Roland "Mémoires", II. 19 (примечание Ролана).- Там же, 21, 23, 24. Монж говорит: "Дантон хочет этого; если я откажусь, он донесет на меня в Коммуну и в Кордельеры, и меня повесят". Поручение Фурнье в Орлеан было в полном порядке, Ролан, вероятно, подписал его без предупреждения, как и поручения комиссаров, отправленных в департаменты исполнительным советом (см. Mortimer-Ternaux, III. 368.)].

3150 (возврат)

[Человек, который передает мне следующее, получил его от короля, Луи Филиппа, который в то время был офицером в корпусе Келлермана: Вечером после битвы при Вальми молодой офицер был послан в Париж, чтобы сообщить новости. По прибытии (22 или 23 сентября 1792 года) он узнает, что его снимают с должности и назначают губернатором Страсбурга. Он отправляется в дом Сервана, военного министра, и поначалу его не пускают. Серван нездоров и лежит в постели, а министры находятся в его комнате. Молодой человек заявляет, что пришел из армии и везет депеши. Его впускают, и он обнаруживает Сервана в постели с различными лицами, окружающими его, и объявляет о победе... Его расспрашивают, и он рассказывает подробности... Затем он жалуется, что его сместили, и, заявив, что он слишком молод, чтобы командовать с авторитетом в Страсбурге, просит восстановить его в армии в поле. "Невозможно", - отвечает Серван, - "ваше место отдано другому". Тогда один из присутствующих, с необычным выражением лица и грубым голосом, отводит его в сторону и говорит ему: "Серван - дурак! Приходи ко мне завтра, и я улажу это дело". "Кто вы?" "Я Дантон, министр юстиции". На следующий день он приходит к Дантону, который говорит ему: "Все в порядке; вы получите свою должность обратно, но не под началом Келлермана, а под началом Дюмурежа; вы довольны?" Молодой человек, обрадованный, благодарит его. Дантон продолжает: "Позвольте мне дать вам один совет, прежде чем вы уйдете: У вас есть талант, и вы добьетесь успеха. Но избавьтесь от одного недостатка. Вы слишком много говорите. Вы находитесь в Париже двадцать четыре часа, а уже неоднократно критиковали сентябрьское дело. Я это знаю, мне об этом сообщили". "Но это была резня; как можно не назвать ее ужасной?" "Это сделал я, - отвечает Дантон, - все парижане - сплошные "ж-ф-ф". Между ними и эмигрантами должна была пролиться река крови. Вы слишком молоды, чтобы понимать такие вещи. Возвращайтесь в армию; в наши дни это единственное место для такого молодого человека, как вы, и вашего звания. У вас есть будущее; но помните об этом - держите язык за зубами!"]

3151 (возвращение)

[Хуа, 167... Рассказ его гостя, врача Ламбри, близкого друга Дантона, ультрафанатика и члена комитета, в котором поднимался вопрос о том, следует ли также убрать с дороги членов "Правых". "Дантон энергично отверг это кровавое предложение. Все знают, - сказал он, - что я не уклоняюсь от преступного деяния, когда это необходимо; но я не желаю совершать бесполезное деяние"]

3152 (возвращение)

[Mortimer-Ternaux, IV. 437. Дантон восклицает по поводу вспыльчивых комиссаров, посланных им в департамент: "Эх! Черт возьми, неужели вы полагаете, что мы пошлем к вам молодых дам?"]

3153 (возвращение)

[Филипп де Сегюр, "Мемуары", I.12. Дантон в разговоре с отцом через несколько недель после 2 сентября].

3154 (возврат)

[См. выше, рассказ о короле Луи Филиппе].

3155 (обратно)

[Buchez et Roux, xvii. 347. Слова Дантона в Национальном собрании, 2 сентября, чуть раньше двух часов дня, как раз в тот момент, когда набат и пушки подали условленный сигнал тревоги. Уже 31 августа Тайлен, его верный союзник, заявил Национальному собранию: "Мы арестовали священников, которые доставляют столько хлопот. Они находятся в заключении в определенном доме, и через несколько дней земля свободы будет очищена от их присутствия"].

3156 (возвращение)

[Meillan, "Mémoires", 325 (Ed. Barrière et Berville). Речь Фабра д'Эглантина в Якобинском клубе, разосланная по членам клуба, 1 мая 1793 г.].

3157 (возврат)

[Robinet, "Procès des Dantonistes", 39, 45 (слова Дантона в комитете по общей обороне).- Madame Roland, "Mémoires", II. 30. 2 сентября Гранпре, которому было приказано доложить министру внутренних дел о состоянии тюрем, поджидает Дантона, когда тот выходит из совета, и рассказывает ему о своих опасениях. "Дантон, раздраженный этим описанием, восклицает в своей ревушей манере, подбирая слово к действию. "Мне плевать на заключенных! Пусть они сами о себе позаботятся! И он продолжил свой путь в гневе. Это произошло во втором предбаннике, в присутствии двадцати человек" -Arnault, II. 101. Около сентябрьской резни "Дантон, в присутствии одного из моих друзей, ответил кому-то, кто призывал его использовать свою власть, чтобы остановить пролитие крови: "Не пора ли народу отомстить?". "]

3158 (возвращение)

[Prudhomme, "Crimes de la Révolution", iv. 90. 2 сентября, по сигналу тревоги, поданному набатом и пушками, Прюдомм обращается к Дантону в его доме за информацией. Дантон рассказывает ему все, как было, и добавляет: "Народ, который теперь пробудился и знает, что делать, хочет сам вершить правосудие над мерзкими заключенными" - входит Камилла Десмулен: "Послушайте, - говорит Дантон, - Прюдомм пришел спросить, что будет сделано?" - "Разве вы не говорили ему, что невинных не будут смешивать с виновными? Все, кого требуют их секции, будут выданы". 4-го числа Десмулен приходит в редакцию журнала и говорит редакторам: "Ну что ж, все прошло в самом лучшем порядке. Народ даже освободил многих аристократов, против которых не было прямых доказательств. Я надеюсь, что вы

изложите все это в точности, потому что "Journal des Révolutions" - это компас общественного мнения"]].

3159 (возврат)

[Prudhomme, "Crimes de la Révolution", IV. 123. Согласно показаниям Теофиля Мандара, заместителя председателя секции, свидетеля и действующего лица этой сцены; он разрешает Прюдомму упоминать его имя. - После этого, в соседней комнате, Мандар предлагает Петиону и Робеспьеру явиться на следующий день в Собрание и выразить протест против расправы; если необходимо, Собрание может назначить руководителя на один день. "Не делайте этого, - отвечает Робеспьер, - Бриссо будет диктатором". Петион ничего не говорит. "Министры были совершенно согласны с тем, чтобы резня продолжалась"]].

3160 (возврат)

["Мадам Ролан", II. 37.- "Анжер и департамент Мэн-и-Луар с 1787 по 1830 год", автор Блордье Ланглуа. К циркуляру прилагалось печатное обращение с заголовком *Compte rendu au peuple souverain*, "подписанное министром юстиции и с печатью министра на упаковке" и адресованное якобинским клубам департаментов, чтобы они тоже проповедовали резню].

3161 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, III. 391, 398.- Предупрежденный Алкье, председателем уголовного суда Версаля, об опасности, которой подвергались орлеанские узники, Дантон ответил: "Что это для вас? Это дело вас не касается. Занимайтесь своими делами и не лезьте не в свое дело!" - "Но, месье, по закону заключенные должны быть защищены" - "Какое вам дело? Некоторые из них - великие преступники, и никто еще не знает, как отнесется к ним народ и как далеко заведет их негодование". Алкье хотел продолжить разговор, но Дантон отвернулся от него].

3162 (возвращение)

[Mortimer-Ternaux, III. 217].

3163 (обратно)

[Мадам Ролан, "Письма с автографами и т. д.", 5 сентября 1792 г. "Мы находимся здесь под ножами Марата и Робеспьера. Эти люди стремятся возбудить народ и настроить его против Национального собрания и Совета. Они организовали Звездную палату, у них есть небольшая армия на жаловании, которой помогает то, что они нашли или украли во дворце и в других местах, или припасы, купленные Дантоном, который под прикрытием рук является вождем этой орды" - Дюсоль, "Mémoires", 441. "На следующий день (3 сентября) я отправился на встречу с одним из самых известных деятелей этой эпохи. "Вы знаете, - сказал я ему, - что происходит?" - "Очень хорошо; но молчите, это скоро закончится. Нужно еще немного крови". Я видел других, которые объясняли все гораздо определеннее. "-Mortimer-Ternaux, II. 445.]

3164 (возвращение)

[Мадам Ролан, "Письма с автографами и т. д.", 5 сентября 1792 г. "Мы находимся здесь под ножами Марата и Робеспьера. Эти люди стремятся возбудить народ и настроить его против Национального собрания и Совета. Они организовали Звездную палату, у них есть небольшая армия на жаловании, которой помогает то, что они нашли или украли во дворце и в других местах, или припасы, купленные Дантоном, который под прикрытием рук является вождем этой орды" - Дюсоль, "Mémoires", 441. "На следующий день (3 сентября) я отправился на встречу с одним из самых известных деятелей этой эпохи. "Вы знаете, - сказал я ему, - что происходит?" - "Очень хорошо; но молчите, это скоро закончится. Нужно еще немного крови". Я видел других, которые объясняли все гораздо определеннее. "-Mortimer-Ternaux, II. 445.]

3165 (обратно)

[Мадам де Сталь, "Рассуждения о французской революции", 3-я часть, гл. X].

3166 (возврат)

[Prudhomme, "Les Révolutions de Paris" (номер за 22 сентября). На одном из последних заседаний Коммуны "мсье Панис говорил о Марате как о пророке, еще одном Симеонистите. Марат, - сказал он, - шесть недель просидел в темнице на одном бедре". - Barbaroux, 64].

3167 (обратно)

[Weber, II. 348. Колло подробно, "с хладнокровным весельем", останавливается на убийстве мадам де Ламбаль и на тех мерзостях, которым подвергся ее труп. "Со вздохом сожаления он добавил, что если бы с ним посоветовались, он бы приказал подать голову мадам де Ламбаль накрытым блюдом к ужину королевы"]].

3168 (возвращение)

[О роли Робеспьера и его постоянном присутствии в Коммуне см. Granier de Cassagnac, II. 55.- Мортимер-Терно, III. 205. Речь Робеспьера в Коммуне, 1 сентября: "Никто не осмеливается назвать имена предателей. Что ж, я называю их имена ради безопасности народа: Я обличаю либертицида Бриссо, жирондистов, плутовскую комиссию Двадцати одного в Национальном собрании; я обличаю их за то, что они продали Францию Брюнсвику и заранее получили вознаграждение за свой подлый поступок". 2 сентября он повторяет свой донос, и, соответственно, в этот день комитет по надзору выписывает ордера на тридцать депутатов, а также на Бриссо и Ролана (Mortimer-Ternaux, III. 216, 247)].

3169 (возвращение)

["Procès-verbaux de la Commune", Aug. 30.-Mortimer-Ternaux, III. 217 (резолуции секций Пуассоньер и Люксембург).- Гранье де Кассаньяк, II. 104 (присоединение секций Моконсейль, Лувр и Кинзе-Вингт)].

3170 (возвращение)

[Granier de Cassagnac, II. 156.]

3171 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, III. 265.- Гранье де Кассаньяк, XII. 402. (Остальные пять судей также были членами коммуны)].

3172 (возврат)

[Гранье де Кассаньяк, II. 313. Реестр Генеральной ассамблеи санкюлотов, раздел, 2 сентября - "Mémoires sur les journées de Septembre", 151 (декларация Журдана)].

3173 (возвращение)

["Mémoires sur les journées de Septembre", рассказ аббата Сикара, 111].

3174 (возврат)

["Buche et Roux", XVIII. 109, 178. ("La vérité tout entière", by Méhée, Jr.) - Рассказ аббата Сикара, 132, 134].

3175 (возврат)

[Granier de Cassagnac, II. 92, 93.- О присутствии и соучастии Сантерра. Там же, 89-99].

3176 (обратно)

[Мортимер-Терно, III. 277 и 299 (3 сентября).- Гранье де Кассаньяк, II. 257. Комиссар секции Четырех Народов в своем отчете сообщает, что "секция разрешила им оплатить расходы по этому делу" - Декларация Журдана, 151.- Лавалетт, "Mémoires", I. 91. Инициатива коммуны подтверждается следующей деталью: "Ближе к пяти часам (2 сентября) городские чиновники верхом на лошадях, с флагом, проехали по улицам с криками: "К оружию! К оружию! Они добавляли: "Враг наступает, вы все погибли, город будет сожжен и отдан на разграбление. Не бойтесь предателей и заговорщиков, стоящих за вашими спинами. Они в руках патриотов, и прежде чем вы уйдете, на них обрушится гром национального правосудия!" - Buche et Roux, XXVIII. 105. Письмо шевалье Сен-Дизье, члена первого комитета по надзору, 10 сентября. "Марат, Дюплен, Фрерон и т. д., как правило, не делают ничего большего в своем надзоре за событиями, кроме как мстят частным лицам... Марат открыто заявляет, что для успеха революции необходимо еще снести 40 000 голов"].

3177 (возврат)

[Buche et Roux, XVIII. 146. "Воскресение", Матон де ла Варенн. "Накануне вечером полупьяные женщины публично говорили на террасе Фейянов: "Завтра наступит день, когда их души будут вывернуты наизнанку в тюрьмах""].

3178 (возврат)

[*"Mémoires sur les journées de Septembre. Mon agonie"*, автор Journiac de Saint-Méard.-Madame de la Fausse-Landry, 72. 29 августа она получила разрешение присоединиться к своему дяде в тюрьме: "Месье Сержан и другие говорили мне, что я поступаю неосмотрительно; что тюрьмы небезопасны"].

3179 (возвращение)

[Granier de Cassagnas, -II. 27. По словам Роша Маркандье, их число "не превышало 300". По словам Луве, их было "200, а возможно, и не так много". По словам Бриссо, резню устроили около "сотни неизвестных разбойников". 6 сентября в Ла-Форс (Ibid., 75) Петион находит всего около дюжины палачей. По словам мадам Ролан (II. 35), "в аббатстве не было и пятнадцати". Лавалетт в первый же день находит в тюрьме Ла Форс всего около пятидесяти убийц].

3180 (возврат)

[Mathon de la Varenne, ibid., 137.]

3181 (возврат)

[Buche et Roux, XVII. 183 (заседание Якобинского клуба, 27 августа). Речь федерата из Тарна - Мортимера-Терно, III. 126.]

3182 (возвращение)

[Sicard, 80.-Méhée, 187.-Weber, II. 279.-См. в "Журнале Сен-Меара" его разговор с провансальцем.-Rétif de la Bretonne, "Les Nuits de Paris", 375. "Около двух часов ночи (3 сентября) я услышал, как под моим окном прошел отряд каннибалов, ни у одного из которых не было парижского акцента; все они были чужаками"].

3183 (возвращение)

[Гранье де Кассаньяк, II. 164, 502.- Мортимер-Терно, III. 530.- Оценщиками Майяра в аббатстве были часовщик, живший на улице Чилдебер, торговец фруктами на улице Мазарин, содержатель публичного дома на улице Четырех Сен-Жерменов, подмастерье-шляпник на улице Сент-Маргерит и еще двое, чьи занятия не упоминаются.- О составе трибунала в Ла Форс см. Journiac de Saint-Méard, 120, и Weber, II. 261].

3184 (возвращение)

[Granier de Cassagnas, II. 507 (о Дамьене), 513 (о Л'эмперере); Meillan, 388 (о Лафоре и его жене, торговцах старой одеждой на набережной Лувра, которые 31 мая готовятся к повторному удару, рассчитывая на этот раз разграбить пятьдесят домов)].

3185 (возвращение)

[Sicard, 98].

3186 (возврат)

[De Ferrières (Ed. Berville et Barrière), III. 486.- Rétif de la Bretonne, 381. В конце улицы Балетов только что был убит заключенный, а следующий проскользнул через перила и сбежал.

"Человек, не принадлежащий к мясникам, но один из тех бездумных машин, которых здесь так много, вложил свою пику и остановил его... Беднягу схватили преследователи и расправились с ним. Пикировщик хладнокровно сказал нам: "Я не мог знать, что они хотели его убить""].

3187 (возврат)

[Гранье де Кассаньяк, II. 511.]

3188 (обратно)

[Судьи и убийцы в аббатстве, обнаруженные в ходе процесса IV года, почти все жили по соседству, на улицах Дофин, де Невер, Гегено, де Бюсси, Чилдебер, Таранн, де л'Эгою, дю Вье Коломбье, де л'Эшоде-Сен-Бенуа, дю Четыре-Сен-Жермен и т. д.].

3189 (возвращение)

[Sicard, 86, 87, 101.- Jourdan, 123. "Председатель комитета по надзору ответил мне, что это были очень честные люди; что накануне или вечером один из них, в рубашке и деревянных башмаках, предстал перед их комитетом весь в крови, принес с собой в шляпе двадцать пять луидоров золотом, которые он нашел у убитого им человека."- Еще один пример честности можно найти в "Procès-verbaux du conseil-général de la Commune de Versailles", 367, 371.- На следующий день, 3 сентября, начинаются грабежи и продолжаются все чаще].

3190 (возвращение)

[Méhée, 179. "Поверите ли вы, что я заработал всего двадцать четыре франка?" - сказал мальчик из булочной, вооруженный дубинкой. Я убил больше сорока за свою долю"].

3191 (возврат)

[Гранье де Кассаньяк. II. 153.- См. там же, 202-209, подробности о еде рабочих и о более изысканной трапезе Майяра и его помощников].

3192 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, III. 175-176.- Гранье де Кассаньяк. II. 84.--Журдан, 222.--Мехе, 179. "В полночь они вернулись, ругаясь, проклиная и пенясь от ярости, угрожая перерезать глотки членам комитета, если им немедленно не заплатят"].

3193 (возвращение)

[Мортимер-Терно, III. 320. Речь Петиона по поводу обвинений, выдвинутых против Робеспьера].

3194 (обратно)

[Mathon de la Varenne, 156.- Journiac de Saint-Méard, 129.-Moore, 267.]

3195 (возврат)

[Journiac de Saint-Méard, 115.]

3196 (возврат)

[Weber, II. 265.-Journiac de Saint-Méard, 129.-Mathon de la Varenne, 155].

3197 (возврат)

[Moore, 267.-Cf. Malouet, II. 240. Вечером 1 сентября Малуэ был у своей невестки; в полночь к ней пришли гости; она упала в обморок, услышав, как патруль поднимается по лестнице. "Я умолял их не входить в гостиную, чтобы не беспокоить бедную страдальцу. Вид женщины в обмороке и приятной наружности подействовал на них, и они тут же удалились, оставив меня с ней наедине" - Болье, "Эссе", I. 108. (О двух аббатских мясниках, которых он встречает в доме Журниака-де-Сен-Меара и которые болтают с ним, выдавая ему конспиративную бумагу): "Что меня поразило, так это то, что сквозь их свирепость я уловил великодушные чувства, чувства людей, готовых защитить любого, чье дело они приняли"].

3198 (возврат)

[Вебер, II. 265, 348.]

3199 (обратно)

[Sicard, 101. Бийо-Варенн, обращаясь к убитым - Там же, 75. "Больше власти, - ответил один из членов комитета по надзору, - о чем вы думаете? Дать вам большую власть - значит ограничить ту, которой вы уже обладаете. Разве вы забыли, что вы - суверены? Что суверенитет народа доверен вам и что вы сейчас полностью осуществляете его?"]

31100 (обратно)

[Méhée, 171.]

31101 (возврат)

[Sicard, 81. Вначале марсельцы сами не хотели наносить удары обезоруженным и восклицали, обращаясь к толпе: "Вот, возьмите наши мечи и пики и убейте чудовищ!"].

31102 (возврат)

["Макбет" Шекспира: "Я ужинал ужасами"].

31103 (обратно)

[Понаблюдайте, как дети топят собаку или убивают змею. Жизнестойкость раздражает их, как будто это восстание против их деспотизма, в результате чего они становятся еще более жестокими по отношению к своей жертве].

31104 (возвращение)

[Можно вспомнить эффект боев быков, а также непреодолимое очарование, которое испытал Сент-Огюстен, впервые услышав предсмертный крик гладиатора в амфитеатре].

31105 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, III. 131. Суд над сентябрьскими актерами; подведение судьей итогов. "Третий и сорок шестой свидетели заявили, что видели, как Моннез (член коммуны) уходил и приходил из ла Форс, выражал свой восторг по поводу только что произошедших печальных событий, вел себя в связи с этим весьма безнравственно, добавив, что в его присутствии играли на скрипке и что его коллега танцевал" - Sicard, 88].

31106 (возврат)

[Sicard, 87, 91. Это выражение виноторговца, который хотел бы заполучить обычай убийц.- Гранье де Кассаньяк, II. 197-200. Найдены оригиналы счетов за вино, солому и свет].

31107 (возврат)

[Sicard, 91.-Maton de la Varenne, 150.]

31108 (возврат)

[Матон де ла Варенн, 154. Один человек из предместья сказал ему (Матон - адвокат): "Хорошо, месье Тонкокожий; я угощусь стаканом вашей крови"].

31109 (возвращение)

[Rétif de la Bretonne, "Les Nuits de Paris", 9-я ночь, р.388. "Она ужасно кричала, а разбойники развлекались своими позорными действиями. Ее тело даже после смерти не было освобождено. Эти люди слышали, что она была красива"].

31110 (возвращение)

[Prudhomme, "Les Révolutions de Paris", номер за 8 сентября 1792 года. "Народ подчинил цветочницу из Пале-Рояля закону возмездия" - Гранье де Кассаньяк, II. 329. Согласно бюллетеню революционного трибунала, номер за 3 сентября.-Mortimer-Ternaux, III. 291.

Показания смотрителя тюрьмы Консьержери.-Buche et Roux, XVII.198. "Histoire des hommes de proi", by Roch Marcandier].

31111 (возврат)

[Mortimer-Ternaux III, 257. Суд над сентябрьскими убийцами; показания Русселя.- Ib., 628].

31112 (возврат)

[Показания женщины Милле, там же, 63.- Вебер, II. 350.- Рош Маркандье, 197, 198.- Ретиф де ла Бретонн, 381].

31113 (возврат)

["Отложение женщины Милле", там же, 63.-Weber, II. 350.-Рош Маркандье, 197, 198.-Ретиф де ла Бретонн, 381].

31114 (возвращение)

[Об этом механическом и убийственном действии см: Dusaulx, "Mémoires", 440. Он обращается к прохожим в пользу заключенных, и, пораженные его словами, они протягивают к нему руки. "Но перед этим палачи били меня по щекам остриями своих пик, с которых свисали куски плоти. Другие хотели отрубить мне голову, что и было бы сделано, если бы два жандарма не удержали их"].

31115 (обратно)

[Jourdan, 219.]

31116 (возвращение)

[Méhée, 179.]

31117 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, III. 558. Та же идея встречается среди федератов и парижан, составлявших компанию "Эгалите", которая привезла орлеанских пленников в Версаль, а затем убила их. Они объясняют свое поведение тем, что "надеялись положить конец чрезмерным расходам, которым подвергалась французская империя из-за длительного содержания заговорщиков под стражей"].

31118 (возврат)

["Ретиф де ла Бретонн", 388.]

31119 (возврат)

[Méhée, 177.]

31120 (возврат)

[Prudhomme, "Les Crimes de la Révolution." III. 272].

31121 (возврат)

[Rétif de la Bretonne, 388. В Сальпетриере было два вида женщин: те, кого связывали, и молодые девушки, которых приводили в тюрьму. Отсюда две альтернативы].

31122 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, III. 295. См. список имен, возрастов и занятий].

31123 (обратно)

[Barthélemy Maurice, "Histoire politique and anecdotique des prisons de la Seine", 329.]

31124 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, III. 295. См. список имен, возрастов и занятий].

31125 (возврат)

[Энциклопедия "QUID" (ROBERT LAFONT, PARIS 1998) сообщает нам, что число жертв, убитых "холодным оружием и дубинками" и т.д., составляет 1395 человек. Общее число французских жертв революции составляет от 600 000 до 800 000 человек. (SR)]

31126 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, III. 399, 592, 602-606. "Procès-verbal des 8, 9, 10 Septembre, extrait des registres de la municipalité de Versailles." (В "Mémoires sur les journées de Septembre"), p. 358 и последующие страницы.-Granier de Cassagnac, II. 483. Подвиг Бонне при Орлеане, на который указал Фурнье, 1 сентября. Фурнье отвечает: "Во имя Бога, мне нельзя приказывать; когда кровавым нищим отрубят головы, суд может состояться позже!"].

31127 (возврат)

[Рош Маркандье, 210. Речь Лазовского перед секцией Финистера, фавор Сен-Марсо. Лазовский, кроме того, освободил убийц мэра Этампа и положил их кандалы на стол бюро].

31128 (возврат)

[Malouet, II. 243 (2 сентября).- Moniteur, XIII. 48 (заседание от 27 сентября 1792 г.). Из речи Паниса мы видим, что аналогичные сцены происходили в комитете по надзору. "Представьте себе нашу ситуацию. Мы были окружены гражданами, раздраженными вероломством суда. Нам сказали: "Вот аристократ, который собирается бежать; вы должны остановить его, или вы сами предатели! На нас наставили пистолеты, и мы оказались вынуждены подписать

ордера, причем не столько ради собственной безопасности, сколько ради безопасности тех, на кого доносили"]].

31129 (возврат)

[Granier de Cassagnac, II. 258.-Prudhomme, "Les Crimes de la Révolution", III. 272.- Мортимер-Терно, III. 631.- Де Ферьер, III. 391.- (Процитированное выражение было записано Ретифом де ла Бретонном)].

31130 (возврат)

["Вот как это надо делать", - должен был подумать любой анархист или подающий надежды революционер, прочитав яркое описание Тейна: "Не давайте буржуа читать это, это может напугать их и усложнить нашу задачу". (SR).]

31131 (возврат)

["Moniteur", XIII. 698, 698 (номера за 15 и 16 сентября). Там же, Письмо Роланда, 701; Петиона, 711.-Buche et Roux, XVIII. 33. 34.- В журнале Прюдомма есть гравюра на эту тему (14 сентября): "Англичанин, допущенный в коллегия адвокатов, доносит в Национальное собрание об ограблении, совершенном в доме, занимаемом им в Шайо, двумя судебными приставами и их спутниками. Ограбление состояло из двенадцати луидоров, пяти гиней, пяти тысяч фунтов в ассигнациях и нескольких других предметов". Суды, перед которыми он предстал, не осмелились принять его дело к рассмотрению (Buche et Roux, XVII. P. 1, Sept. 18)].

31132 (возврат)

[Buche et Roux, XVII. 461.- Prudhomme, "Les Révolutions de Paris", номер за 22 сентября 1792 г.].

31133 (возврат)

["Moniteur", XIII. 711 (заседание от 16 сентября). Письмо Ролана в Национальное собрание.- Buche et Roux, XVIII. 42.-Moniteur, XIII. 731 (заседание 17 сентября). Речь Петиона: "Вчера были разговоры о том, чтобы снова посетить тюрьмы, и особенно Консьержери"]].

31134 (возврат)

[Возможно, Мао прочитал это и позже придумал свой знаменитый лозунг "вся политическая власть исходит из стволов пушек". (SR)].

31135 (возврат)

["Archives Nationales", II. 58 - 76. Официальные отчеты парижского избирательного собрания.- Робеспьер избран двенадцатым (5 сентября), затем Дантон и Колло д'Эрбуа (6 сентября), затем Манюэль и Бийо-Варенн (7 сентября), следующий К. Десмулен (8 сентября), Марат (9 сентября) и т.д.-Mortimer-Ternaux, IV. 35 (закон, принятый коммуной по инициативе

Робеспьера для регулирования избирательных операций).-Луве, "Мемуары". Луве в избирательном собрании просит, чтобы его выслушали по кандидатуре Марата, но безуспешно. "Когда я выходил, меня окружили те люди с большими дубинками и саблями, которые всегда сопровождали будущего диктатора, телохранители Робеспьера. Они угрожали мне и говорили в очень кратких выражениях: "Скоро наступит ваш черед. Это свобода того собрания, на котором человек объявляет свой голос под направленным на него кинжалом"]].

31136 (возврат)

[Читая это, все социалисты, коммунисты и прочие потенциальные манипуляторы демократией должны были и будут принять к сведению. Как только скрытая комбинация сумеет инвестировать все различные, теоретически оппонирующие, партии своими людьми, теперь может возникнуть вечный контроль скрытой мафии. (SR).]

31137 (возврат)

[Такие процедуры создали прецедент для 200 лет "управляемой демократии" во многих профсоюзах и в других местах. (SR).]

ГЛАВА II. ДЕПАРТАМЕНТЫ.

ЭПИДЕМИЧЕСКИЙ И ЗАРАЗНЫЙ ХАРАКТЕР РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОЛЕЗНИ.

В отделах мы сотнями перечисляем такие дни, как 20 июня, 10 августа, 2 сентября. У тела есть свои эпидемии, свои заразные болезни, у ума - то же самое, и революционная болезнь - одна из них. Она появляется по всей стране в одно и то же время; каждый зараженный пункт заражает другие. В каждом городе, в каждом районе клуб является очагом воспаления, который дезорганизует здоровые части; и пример каждого дезорганизованного очага распространяется вдаль, как заразный дым.³²⁰¹ Везде одна и та же лихорадка, бред и конвульсии свидетельствуют о наличии одного и того же вируса. Этот вирус - якобинская догма. В силу якобинской догмы воровство, узурпация, убийство принимают облик политической философии, и самые тяжкие преступления против личности, против общественной или частной собственности становятся законными, ибо они являются действиями законной верховной власти, власти, которая стоит на страже общественного благосостояния.

I. Суверенитет народа.

Его принцип - якобинская догма о суверенитете народа.

-Новое право официально провозглашено. -Публичное заявление о новом режиме.- Его цель, его противники, его

его цель, его противники, его методы.- Его распространение из Парижа в провинции.

То, что каждая якобинская группа должна быть наделена местной диктатурой в своем кантоне, является, по мнению якобинцев, естественным правом. Это становится писанным законом с того дня, когда Национальное собрание объявляет страну в опасности. "С этого дня, - говорится в их самом читаемом [журнале](#)³²⁰², - и в силу самого факта этого заявления, народ Франции становится собранным и восставшим. Они вернули себе суверенную власть". Их магистраты, их депутаты, все установленные власти возвращаются в небытие, в свое основное состояние. А вы, временные и отменяемые представители, "вы всего лишь председательствуете за народ; вам ничего не остается, как собирать его голоса и с должной торжественностью объявлять результаты, когда они будут поданы". Национальное собрание одобряет восстание, признает Коммуну, остается на заднем плане, отрекается от престола, насколько это возможно, и лишь временно занимает свой пост, чтобы место не оставалось вакантным. Он воздерживается от осуществления власти, даже для того, чтобы обеспечить себе преемников; он лишь "приглашает" французский народ организовать национальный конвент; он признает, что "не имеет права подчинять осуществление суверенной власти обязательным правилам"; он делает не более, чем "указывает гражданам" правила выборов, "к которым он приглашает их присоединиться". Между тем он подчиняется воле суверенного народа, так называемого; он не смеет сопротивляться его преступлениям; он вмешивается в дела убийц только уговорами... Более того, он разрешает им либо министерской подписью, либо контрподписью начать свою работу в другом месте. Ролан подписал поручение Фурнье в Орлеан; Дантон разослал циркуляр Марата по всей Франции. Для реорганизации департаментов совет министров посылает самых разъяренных членов Коммуны и партии, Шометта, Фрерона, Вестермана, Аудуэна, Гугена, Моморо, Кутона, [Бийо-Варенна](#)³²⁰⁴ и других, еще более запятнанных и жестоких, которые проповедуют чистейшую якобинскую доктрину. "Они открыто [заявляют](#)³²⁰⁵, что законов больше не существует; что раз народ суверенен, то каждый сам себе хозяин; что каждая фракция нации может принимать такие меры, какие ей выгодны, во имя безопасности страны; что они имеют право облагать налогом кукурузу, конфисковывать ее на полях рабочих, отрубать головы крестьянам, которые отказываются везти свое зерно на рынок." В Лизье аграрное право проповедуют Фуфур и Моморо. В Дуэ другие проповедники из Парижа говорят народному клубу: "Готовьте эшафоты; пусть стены города будут украшены виселицами, и вешайте на них всех, кто не принимает наши мнения" - нет ничего более логичного, более соответствующего их принципам. Журналы, выводя их последствия, объясняют народу, как он должен использовать свой восстановленный суверенитет.³²⁰⁶ "При нынешних обстоятельствах общность имущества - закон; все принадлежит всем". Кроме того, "необходимо уравнивание состояний, выравнивание, которое отменит порочный принцип господства богатых над бедными". Эта реформа тем более актуальна, что "у народа, настоящего суверенного народа, почти столько же врагов, сколько у собственников, крупных купцов, финансистов и богачей". Во времена революции мы должны рассматривать всех, кто имеет больше, чем достаточно,

как тайных или явных врагов народного правительства". Поэтому "пусть жители каждой коммуны, прежде чем покинуть свои дома" для отправки в армию, "помещают всех тех, кого подозревают в нелюбви к свободе, в безопасное место и под охрану закона; пусть их держат взаперти до окончания войны; пусть их охраняют пиками", и пусть каждый из их опекунов получает по тридцать су в день.

* Что касается партизан павшего правительства, членов Парижской директории, "во главе которых стоят Редерер и Блондель"

* что касается генералов-офицеров, "во главе которых стоят Лафайет и д'Эффри".

* что касается "критически настроенных депутатов Учредительного собрания, во главе которых стоят Барнав и Ламет"

* как для фельяновских депутатов Законодательного собрания, "с Рамондом и Жокуром во главе" [3207](#)

* как для "всех тех, кто согласился запятнать свои руки прибылью от гражданского списка"

* что касается "40 000 наемных убийц, собравшихся во дворце в ночь с 9 на 10 августа,

все они (говорят якобинцы) - неистовые чудовища, которых следует задушить до последнего. Люди! Вы поднялись на ноги; стойте твердо, пока ни один из этих заговорщиков не останется в живых. Ваша гуманность требует, чтобы вы хоть раз показали себя неумолимыми. Наведите ужас на нечестивцев. Запреты, которые мы налагаем на вас как долг, - это священный гнев вашей страны".

Невозможно ошибиться: это набат, звучащий против всех властей предержащих, против всего социального превосходства, против священников и дворян, собственников, капиталистов, лидеров бизнеса и промышленности; он звучит, короче говоря, против всей элиты Франции, будь то старого или недавнего происхождения. Парижские якобинцы своими журналами, своими примерами, своими миссионерами подают сигнал; а в провинциях родственные им духи, проникнутые теми же принципами, только и ждут призыва, чтобы броситься вперед.

II.- В некоторых департаментах она утверждается заранее.

Пример тому - Вар.

Во многих [департаментах3208](#) они предвосхищают призыв. В Вар, например, грабежи и проскрипции начинаются с мая месяца. По обычаю, они сначала захватывают замки и монастыри, хотя они стали национальным достоянием, причем в качестве причины этого одно время называли то, что администрация "слишком медленно приводит в исполнение

приговор в отношении эмигрантов", а другое - что "замок, стоящий на возвышенности, тяготит жителей" ³²⁰⁹.³²⁰⁹ Едва ли во Франции найдется деревня, в которой не было бы двух десятков несчастных, всегда готовых набить свои карманы, - именно столько воров основательно разграбили замок Монтару, унеся "мебель, продукты, одежду, даже кувшины и бутылки из погреба". Та же банда орудует в замке Турнон; сожжен замок Салерн, снесен замок Флагоз, разрушен канал Кабрис; затем монастырь Монтрие, замки Грасс, Кане, Регюсс, Броваз и многие другие, все опустошены, и опустошения совершаются "ежедневно"... Подавить этот разбойничий разгул в стране невозможно. Царящая догма, ослабляющая власть в руках магистратов, и клубы, "которые покрывают департамент", распространили повсюду брожение анархии. "Администраторы, судьи, муниципальные служащие, все, кто наделен какой-либо властью и кто имеет смелость использовать ее, чтобы заставить уважать закон, один за другим осуждаются общественным мнением как враги конституции и свободы; потому что, говорят люди, они говорят только о законе, как будто они не знают, что воля народа создает закон, и что мы - народ" ³²¹⁰. Это настоящий принцип; здесь, как и в Париже, он немедленно порождает свои последствия. "Во многих из этих клубов не обсуждается ничего, кроме разграбления поместий и отрубания голов аристократам. А кто же обозначается этим позорным титулом? В городах - крупные торговцы и богатые собственники; в стране - те, кого мы называем буржуа; везде - все мирные граждане, друзья порядка, желающие под сенью защищающего закона наслаждаться благами конституции". Ярость их обличений была такова, что в одном из этих клубов добрый и храбрый крестьянин был осужден как аристократ; весь его аристократизм заключался в том, что он сказал тем, кто разграбил замок своего сеньора, о котором уже говорилось, что они не смогут спокойно наслаждаться плодами своего преступления." - Вот она, якобинская программа Парижа, а именно: разделение французов на два класса, разорение одного, деспотизм другого; уничтожение зажиточных, организованных и честных людей под диктовку тех, кто таковыми не является.

Здесь, как и в Париже, программа осуществляется шаг за шагом. В Боссе, недалеко от Тулона, человек по имени Видадь, капитан Национальной гвардии, "дважды отпущенный на свободу в силу двух последовательных амнистий" ³²¹¹, карает смертью не только сопротивление, но даже ропот. Два старика, один из них нотариус, другой токарь, пожаловавшись на него прокурору, бьют общую тревогу, на улице собирается толпа вооруженных людей, жалобщиков бьют дубинками, изрешечивают шарами, а тела бросают в яму. Многие из их друзей ранены, другие обращены в бегство; семь домов разграблены, а муниципалитет, "либо ошеломленный, либо в соучастии", не вмешивается, пока все не закончится. Нет никакой возможности преследовать виновных; старшина присяжных, который в сопровождении тысячи человек отправляется на дознание, не может получить никаких показаний. Муниципальные служащие притворяются, что ничего не слышали, ни общей тревоги, ни выстрелов под их окнами. Другие свидетели не говорят ни слова; но они объявляют, sotto voce, причину своего молчания. Если бы они дали показания, то "были бы уверены, что их убьют, как только войска уйдут". Старшина присяжных сам подвергается угрозам; пробыв в зале три четверти часа, он находит благоразумным покинуть город. После этого клубы Боссе и окрестностей, набравшись смелости от бессилия закона, раздражаются зажигательными предложениями: "Объявлено, что после отступления войск будут разграблены еще девятнадцать домов; предлагается обезглавить всех аристократов, то есть всех землевладельцев в стране". Многие бежали, но их бегство не удовлетворяет клубы. Видадь приказывает жителям Боссе, укрывшимся в Тулоне, немедленно вернуться, иначе их дома будут разрушены, и в тот же день, в порядке предупреждения, несколько домов в Боссе, в том числе дом нотариуса, либо снесены, либо разграблены сверху донизу; все городское отребье в работе, "полупьяные мужчины и женщины", и, поскольку их цель -

грабить и пить, они хотели бы начать снова в главном городе кантона.-Клуб, соответственно, заявил, что "Тулон скоро увидит новый Святой Варфоломей"; у него есть союзники, и приготовления сделаны; каждый клуб в маленьких городах окрестностей предоставит людей, в то время как все будут маршировать под руководством тулонского клуба. В Тулоне, как и в Боссе, муниципалитет пустит все на самотек, а разбирательства, на которые жалуются прокурор и администраторы округов и департаментов, будут применены к ним. Они могут посылать отчеты в Париж, доносить на патриотов в Национальное собрание и королю, если захотят; клуб ответит на их писанину актами. Их черед наступает. В Тулоне также находят фонари и сабли, и фракция убивает их за то, что они подали жалобы на убийц.

III.- Каждая якобинская группировка становится диктатором в своем районе.

Сент-Африк в период междуцарствия.

По тому, что он осмелился сделать, когда правительство еще стояло на ногах, мы можем предположить, что он будет делать в период междуцарствия. Факты, как и всегда, дают наилучшую картину, и, чтобы получить представление о новом государе, мы должны сначала понаблюдать за ним на ограниченной сцене.

Получив известие от 10 августа, якобинцы Сент-Африка, небольшого городка на [Авейроне](#)³²¹², также взялись за спасение страны, и с этой целью, как и их собратья в других районах округа, они организовали "Исполнительную власть". Это старинное учреждение, особенно на юге; оно процветало в течение восемнадцати месяцев от Лиона до Монпелье, от Агена до Нима; но после междуцарствия его состояние еще более процветает; оно состоит из тайного общества, цель которого состоит в практическом выполнении движений и распоряжений клуба.³²¹³ Обычно они работают по ночам, в масках или ссутуленных шляпах, с длинными волосами, спадающими на лицо. Список их имен, каждое с номером напротив, хранится на месте собрания общества. Треугольный клуб, украшенный красной лентой, служит им и оружием, и значком; с этим клубом каждый член "может идти куда угодно" и делать то, что кажется ему хорошим. В Сент-Африке их насчитывается около восьмидесяти человек, к которым следует причислить и негодяев, составляющих седьмую роту Тарна, остановившуюся в городе; их зачисление в группу достигается тем, что они постоянно "проповедуют им грабежи" и уверяют, что содержимое окрестных замков принадлежит [им](#)³²¹⁴.-Не то чтобы замки вызывали опасения; большинство из них пустуют; ни в Сент-Африке, ни в окрестностях люди старого режима не образуют партии; в течение многих месяцев ортодоксальные священники и дворяне были вынуждены бежать, а теперь бегут и зажиточные люди. Население, однако, католическое; многие лавочники, ремесленники и крестьяне недовольны, и теперь задача состоит в том, чтобы заставить этих отстающих идти в ногу: во-первых, они приказывают женщинам всех сословий, работницам и служанкам, посещать мессу, совершаемую присяжным куратором, ибо в противном случае они будут ознакомлены с дубиной.-Во-вторых, всех подозреваемых разоряют; ночью они

неожиданно входят в их дома и, кроме оружия, забирают провизию и деньги. К одному бакалейщику, упорствующему в своей вялости, приходят во второй раз; семь или восемь человек в один из вечеров выламывают его дверь деревянной палкой; он укрывается на крыше, не решается спуститься вниз до рассвета следующего дня и обнаруживает, что все в его магазине либо украдено, либо разбито вдребезги.³²¹⁵ В третью очередь, происходит "наказание недоброжелателей". В девять часов вечера отряд стучится в дверь сапожника, которому не доверяют; дверь открывает его подмастерье; входят шесть человек, и один из них, показывая бумагу, говорит бедняге:

"Я пришел по поручению исполнительной власти, которой ты приговорен к избиению".

"За что?"

"Если ты не сделал ничего дурного, то ты об этом думаешь"³²¹⁶.

И вот его избивают в присутствии семьи. Многих других, подобных ему, хватают и жестоко избивают в их собственных помещениях. Что касается расходов на операцию, то они должны покрываться злонамеренными. Поэтому они облагаются налогом в зависимости от рода занятий: тот или иной кожевник или торговец скотом должен заплатить 36 франков, другой, шляпник, - 72 франка; в противном случае "их примут этой же ночью в девять часов". Никто не освобождается от уплаты, если он не входит в эту группу. Бедные старики, у которых нет ничего, кроме пятифранкового ассигната, вынуждены отдавать и его; у жены подсобного рабочего, чьи сбережения составляют семь су с половиной, они отбирают всю эту сумму, восклицая: "Этого хватит на три кружки вина".³²¹⁷ Когда денег нет, они берут товар в натуральном виде; они быстро разбираются с погребами, пчелиными ульями, швейными машинами и птичниками. Они едят, пьют и ломаются, от души предаваясь этому не только в городе, но и в соседних деревнях. Один отряд отправляется в Бруск и действует так энергично, что мэр и синдик-прокурор разбегаются по полям и не смеют вернуться в течение нескольких дней.³²¹⁸ В Версоле разграблено жилище присяжного куратора, а в Лапейре - присяжного викария; деньги украдены, бочки опустошены. В доме куратора Дуира "уничтожают мебель, одежду, шкафы и оконные створки"; пируют на его вине и содержимом шкафа, выбрасывают то, что не смогли съесть, а затем отправляются на поиски куратора и его брата, бывшего картузианца, крича, что "им нужно отрубить головы, а из остальных тел сделать колбасное мясо!". Некоторые из них, чуть более проницательные, чем другие, находят выгоду; например, некий Бургуйер, солдат линии, захватил виноградник, принадлежащий старой даме, вдове врача и бывшего мэра³²¹⁹; он собрал урожай, "публично, среди бела дня", для своей выгоды, и предупредил владелицу, что убьет ее, если она подаст на него жалобу, а поскольку она, вероятно, на него пожаловалась, он обязал ее, именем исполнительной власти, выплатить ему пятьдесят крон ущерба. -Что касается обычных якобинских бандитов, то их наградой, помимо еды и питья, является совершенная разнузданность. Во все дома вторгаются в одиннадцать часов вечера. Пока отец бежит или муж кричит под дубиной, один из злодеев становится у входа с саблей в руках, а жена или дочь остается на милость остальных; они хватают ее за шею и удерживают.³²²⁰ Напрасно она кричит о помощи. "Никто в Сент-Африке не смеет выйти ночью на улицу"; никто не приходит, и на следующий день судья-де-па не решается принять жалобу, потому что "сам боится". - Согласно этому, 23 сентября муниципальные служащие и городской писарь, совершавшие обход, были почти забиты до смерти дубинками и камнями; 10 октября еще один муниципальный служащий был оставлен мертвым; за две недели до этого лейтенант добровольцев, мсье Мазьер, "пытаясь выполнить свой долг, был убит в своей постели своими же людьми". Естественно, никто не смеет проронить ни слова, и, после двух месяцев такого порядка вещей, можно предположить, что на муниципальных выборах 21 октября

избиратели будут послушны. В любом случае, в качестве меры предосторожности, их уведомляют за восемь дней до выборов, согласно закону; в качестве дополнительной меры предосторожности им сообщают, что если они не проголосуют за исполнительную власть, то им придется обойтись треугольной [дубиной](#)³²²¹. Поэтому большинство из них воздерживается; в городе, где проживает более 600 активных граждан, 40 голосов дают большинство; Бургуньон и Саррус, два вождя исполнительной власти, избираются, один мэром, другой синдиком-адвокатом, и отныне власть, которую они захватили силой, передается им по закону.

IV.-Ординарная практика якобинской диктатуры.

Стационарные роты клубов - их состав.

-Их руководители.

Это примерно тот тип правительства, который возникает в каждой коммуне Франции после 10 августа; клуб правит, но форма и процессы его диктатуры различны, в зависимости от обстоятельств. Иногда он действует непосредственно через исполнительную банду или через возбужденную толпу; иногда он действует косвенно через избранное им избирательное собрание или через муниципалитет, который является его сообщником. Если администрации якобинские, она управляет через них. Если они пассивны, она управляет вместе с ними. Если они неподатливы, она их чистит,³²²² или разбивает,³²²³ и, чтобы усмирить их, прибегает не только к ударам, но даже к [убийствам](#)³²²⁴ и резне.³²²⁵ Между резней и угрозами встречаются все посредники, революционная печать везде накладывается на неравенство помощи.

Во многих местах достаточно угроз. В регионах, где нравы людей спокойны и где нет сопротивления, бессмысленно прибегать к нападению и побоям. Что толку убивать в таком городе, как Аррас, например, где в день гражданской присяги президент департамента, благоразумный миллионер, ходит по улицам рука об руку с тетушкой Дюшен, продающей печенье в подвале, где в дни выборов горожане из трусости выбирают кандидатов от клуба под предлогом, что "негодяи и нищие" должны быть отправлены в Париж, чтобы очистить от них город!³²²⁶ Это было бы потерей труда - бить людей, которые так хорошо унижаются.³²²⁷ Фракция довольствуется тем, что клеймит их, как мускусных проклятых, сажает их в загоны, держит на поводке и досаждаст им.³²²⁸ Она вывешивает у входа в караульное помещение список жителей, связанных с эмигрантами; она наносит визиты в дома; она составляет выдуманный список подозреваемых, в который заносятся все богатые. Он оскорбляет и разоружает их, ограничивает их пределами города, запрещает им выходить за его пределы даже пешком, приказывает им ежедневно являться в комитет общественной безопасности, приговаривает их к уплате налогов за год в течение двадцати четырех часов, срывает печати с их писем, конфискует, сносит и продает их семейные могилы на кладбищах. Все это в порядке вещей, как и религиозные преследования,

* с вторжением в частные часовни, где служится месса,

- * с ударами дубинками и кулаками, которыми одаривают священника,
- * с обязательством православных родителей крестить своих детей у раскольничьего куратора,
- * изгнанием монахинь и
- * с преследованием, заключением в тюрьму и транспортировкой неподкупных церковников.

Но если господство клуба не всегда бывает кровавым, то приговоры - это всегда приговор вооруженного человека, который, приставив ружье к плечу, целится в путников, остановленных им на дороге. Как правило, они падают на колени, нежатся в своих кошельках, и выстрела не происходит. Но ружье все же взведено, и, чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на сморщенную руку, сжимающую курок. Мы вспоминаем те стаи бандитов, которые заволокли страну при древнем режиме;³²²⁹ двойное кольцо контрабандистов и приемщиков, охватываемое двенадцатью сотнями лиг внутренних акцизов, браконьеров, изобилующих на четырехстах лигах охраняемых капитанств, дезертиров, столь многочисленных, что за восемь лет их число достигло шестидесяти тысяч, нищих, которыми были переполнены тюрьмы, тысячи воров и бродяг, заволокли дороги, добычу полиции, которую революция выпустила на свободу и вооружила, и которая, в свою очередь, из добычи стала охотником на дичь. В течение трех лет эти вооруженные до зубов бродяги служили костяком местных жакерий; в настоящее время они составляют персонал всеобщей жакерии. В Ниме³²³⁰ главой исполнительной власти является "танцмейстер". Два главных демагога Тулузы - сапожник и актер, играющий камердинеров.³²³¹ В Тулоне³²³² клуб, более абсолютный, чем любой азиатский деспот, набирается из нищих, матросов, портовых рабочих, солдат, "бродячих торговцев", а его президент Сильвестр, присланный из Парижа, - преступник самого низкого пошиба. В Реймсе³²³³ главным руководителем является священник без сана, женатый на монахине, которому помогает пекарь, старый солдат, едва не оказавшийся повешенным. В других местах³²³⁴ это какой-нибудь дезертир, судимый за грабеж; здесь - повар или трактирщик, там - бывший лакей. Оракул Лиона - бывший коммерческий путешественник, подражатель Марата, по имени Шалье, чей убийственный бред осложнен болезненным мистицизмом. Аколиты Шалье - цирюльник, парикмахер, торговец старой одеждой, производитель горчицы и уксуса, суконщик, шелкодел, марлевый мастер, в то время как близится время, когда власть перейдет в еще более жалкие руки "отбросов женского населения", которые при поддержке "нескольких хулиганов" изберут "женщин-комиссаров", обложат продовольствием и в течение трех дней будут грабить склады.³²³⁵ В Авиньоне хозяйничают бандиты из Глясьера. Арль находится под игом своих носильщиков и барсеточников. Марсель принадлежит "банде несчастных, порожденных домами разврата, не признающих ни законов, ни магистратов и управляющих городом посредством террора"³²³⁶. Неудивительно, что такие люди, наделенные такой властью, используют ее в соответствии со своей природой, и что междоусобица, которое является их правлением, распространяет по Франции круг опустошений, грабежей и убийств.

V.- Роты путешествующих волонтеров.

Качество рекрутов, выборы офицеров, грабежи и убийства.
и убийства.

Обычно у стационарной группы членов клуба есть вспомогательная группа того же вида, которая кочует по городу. Я имею в виду добровольцев, которые внушают больше страха и причиняют больше вреда, потому что они маршируют сплошным строем и вооружены.³²³⁷ Как и их собратья в обычных слоях общества, многие из них - городские и деревенские бродяги; большинство из них, живущих из рук в рот, привлечены жалованьем в пятнадцать су в день; они стали солдатами из-за отсутствия работы и хлеба.³²³⁸ Кроме того, каждая коммуна, призванная в армию, "набирала в городах все, что попадалось под руку, всяких отщепенцев, слоняющихся по углам улиц, людей, не имеющих никакой погони, а в деревне - жалких и бродяг всех мастей; почти всех заставляли идти в армию деньгами или жребием", и, вероятно, различные администрации думали, что "таким образом они очистят Францию".³²³⁹ К несчастным, "купленным коммунарами", добавляются другие люди того же сорта, которых богачи нанимают в качестве замены своим сыновьям³²⁴⁰. Таким образом, они ковыряются в социальной свалке и получают по дешевке естественных и predetermined узников исправительных домов, богаделен и больниц, совершенно не обращая внимания на качество, даже физическое, "увечных и слепых", деформированных и дефективных, "одних слишком старых, других слишком молодых и слабых, чтобы выдержать тяготы войны, третьих настолько маленьких, что они стоят на фут ниже своих пушек", большое количество мальчиков шестнадцати, четырнадцати и тринадцати лет; Короче говоря, урод великих городов, каким мы его видим сейчас, низкорослый, тщедушный, от природы дерзкий и мятежный.³²⁴¹ "Треть из них признается негодной к службе" по достижении границы.³²⁴² Но, еще не достигнув границы, они ведут себя в дороге как "пираты". Остальные, с более крепкими телами и лучшими сердцами, становятся, под воздействием постоянной опасности, хорошими солдатами в конце года. Однако за это время они творят не меньший хаос, поскольку, если они менее склонны к разбою, то более фанатичны. Нет ничего более деликатного, чем военная организация, поскольку она представляет собой силу, а человек всегда склонен злоупотреблять силой; чтобы любая свободная рота солдат оставалась неприкосновенной в гражданском обществе, она должна быть сдержана самыми сильными ограничителями, которых ни внутри, ни снаружи не было у волонтеров 1792 года.³²⁴³

Ремесленники, крестьяне, мелкая буржуазия, молодые энтузиасты, стимулированные господствующей доктриной, они все еще гораздо более якобинцы, чем патриоты; догма народного суверенитета, как пьянящее вино, вскружила их неопытные мозги; они полностью убеждены, что "судьба сражаться с врагами республики - это честь, которая позволяет им требовать и осмеливаться на все."³²⁴⁴ Самый ничтожный из них считает себя выше закона, "как прежде конде"³²⁴⁵, и он становится королем в малом масштабе, самозванным, самодержавным судьей и мстителем за обиды, сторонником патриотов и бичом аристократов, распорядителем жизней и имущества, без промедления и формальностей принимая на себя обязанность завершить революцию на месте в каждом городе, через который он проезжает. "Создав своих начальников, они имеют для него не больше значения, чем все творения человека"; офицеров не только не слушаются, но даже не уважают, "и это происходит оттого, что они прибегают к аналогиям, не принимая во внимание военный талант или моральное превосходство".³²⁴⁶ В силу естественных последствий системы выборов все ранги попали в руки демагогов и пустословов.

"Интриганы, болтуны и особенно большие пьяницы одержали верх над способными людьми"³²⁴⁷.

Кроме того, чтобы сохранить свою популярность, новый офицер идет в бар и пьет со своими людьми³²⁴⁸, и он должен показать себя более якобинцем, чем они, из чего следует, что, не довольствуясь терпимостью к их излишествах, он провоцирует их. - Таким образом, после марта 1792 года и даже раньше³²⁴⁹ мы видим, что волонтеры ведут себя во Франции, как в завоеванной стране. Иногда они наносят визиты в дома и разбивают все на куски в доме, который посещают. Иногда они заставляют перекрещивать младенцев куратора-традиционалиста и стреляют в отца-традиционалиста. Здесь они по собственной воле производят аресты; там они объединяются с мятежниками и останавливают суда с зерном; в другом месте они заставляют муниципалитет взимать налог на хлеб; еще дальше они сжигают или грабят замки, и если мэр случайно сообщает им, что замок теперь принадлежит нации, а не эмигранту, они отвечают "толчками" и угрожают перерезать ему горло³²⁵⁰. С приближением 10 августа призрак власти, который все еще иногда навязывался им, полностью исчезает, и "они ничем не рискуют, убивая" того, кто им не нравится.³²⁵¹ Раздраженные опасностями, с которыми им предстоит столкнуться на границе, они начинают войну во внутренних районах. Предварительно, в качестве меры предосторожности, они убивают по дороге вероятных аристократов, а с офицерами, дворянами и священниками, которых они встречают на пути, обращаются хуже, чем со своими союзниками по клубу. Ведь, с одной стороны, находясь всего лишь на марше, они в гораздо большей безопасности от наказания, чем местные убийцы; через неделю, потерявшись в армии, их не будут искать в лагере, и они могут убивать в полной безопасности. С другой стороны, поскольку они чужаки и приезжие, они не могут, как местные жители, опознать человека. Поэтому из-за имени, одежды, квалификации, слухов в кофейне или внешности, каким бы почтенным и безобидным ни был человек, они убивают его не потому, что знают его, а потому, что не знают".

VI.- Путешествие по Франции в кабинете министра внутренних дел.

От Каркассона до Бордо.- От Бордо до Кана.- Север и восток.-Шалон-сюр-Марн - Лион.-Комтат и Прованс.-Тон и реакция якобинской
тон и реакция якобинской администрации - программа партии.

Войдем в кабинет Ролана, министра внутренних дел, через две недели после открытия Конвента, и представим себе, как он вечером в миниатюре рассматривает картину состояния управляемой им страны. Его секретари разложили на столе корреспонденцию за последние несколько недель, расставив ее в надлежащем порядке; его ответы кратко отмечены на полях; перед ним карта Франции, и, положив палец на южную часть, он перемещает его вдоль великой магистрали через всю страну. На каждом этапе он возвращается к папке с письмами и, минуя бесчисленные сообщения о насилии, уделяет внимание лишь великим

революционным подвигам.³²⁵² Мадам Ролан, как я представляю, работает вместе с мужем, и эта пара, сидя вдвоем под лампой, размышляет над поступками свирепого зверя, которого они выпустили на свободу в провинциях так же, как и в Париже.

Сначала их взоры обращаются к южной оконечности Франции. Там,³²⁵³ на канале Дё-Мер, у Каркассона, население захватило три лодки с зерном, потребовало провизии, затем снижения цен на хлеб, затем ружей и пушек из магазина и, наконец, голов администраторов; генерал-инспектор был ранен топором, а синдик-адвокат департамента, м. Министр прослеживает взглядом дорогу из Каркассона в Бордо, справа и слева он находит следы крови. В *Кастре*³²⁵⁴ распространяется сообщение о том, что торговец зерном пытается поднять цену, после чего собирается толпа, и, чтобы спасти торговца, его помещают в караульное помещение. Добровольцы, однако, силой открывают караулку и выбрасывают его из окна первого этажа; затем они добивают его "ударами дубин и гирь", волокут его тело по улице и бросают в реку.³²⁵⁵ Накануне вечером в Клэйраке мсье Лартиг-Ланга, неprisягнувший священник, преследуемый по улице толпой мужчин и женщин, которые хотели снять с него рясу и посадить на осла, с большим трудом нашел убежище в своем загородном доме. За ним приходят, но возвращают его на общественную набережную и там убивают. Несколько смельчаков, вмешавшихся в происходящее, обвинили в инцивизме и жестоко с ними расправились. Репрессии невозможны; департамент пишет министру, что "в данный момент было бы нелепо продолжать это дело". Ролан знает это на собственном опыте. Письма в его руках показывают ему, что здесь, как и в Париже, убийство порождает убийство. Месье д'Алеспе, джентльмен, только что был убит в Нераке; "все уважаемые граждане образовали вокруг него вал из своих тел", но сброд взял верх, и убийцы, "благодаря своей безвестности", скрылись... Палец министра останавливается на Бордо. Там празднества в честь федерации были отмечены тройным убийством.³²⁵⁶ Чтобы не упустить этот опасный момент, месье де Лангуаран, генеральный викарий архиепископства, удалился на пол-лиги в сторону, в деревню Кодеран, в резиденцию священника-осьмилетнего возраста, который, как и он сам, никогда не вмешивался в государственные дела. 15 июля национальные гвардейцы деревни, возбужденные речами предыдущей ночи, пришли в резиденцию, чтобы забрать их, а заодно и третьего священника, живущего по соседству. Обвинить их не в чем; ни муниципальные чиновники, ни судьи, к которым их привели, не могут не признать их невиновными. В качестве последнего средства их везут в Бордо, к директору департамента. Но уже стемнело, и разбушевавшаяся толпа, не выдержав, нападает на них. Восьмидесятилетний священник "получает столько ударов, что не может прийти в себя"; аббата дю Пюи сбивают с ног и тащат за веревку, привязанную к его ногам; месье де Лангуараку отрубают голову, несут ее на пике, несут в дом и представляют служанке, которой говорят, что "ее хозяин не придет домой к ужину". Мучения священников продолжаются с пяти часов утра до семи часов вечера, и муниципальные власти были должным образом уведомлены, но они не могут выйти на улицу, чтобы оказать помощь: они слишком серьезно заняты возведением столба свободы.

Маршрут из Бордо в Кан. Палец министра поворачивает на север и останавливается в Лиможе. День после федерации здесь отмечается так же, как и в Бордо.³²⁵⁷ Неприсягнувшего священника, аббата Шаброля, на которого напала банда мужчин и женщин, ведут сначала в караульное помещение, а затем в жилище судьи де Пэ; для его защиты выписывается ордер на арест, и он находится под охраной четырех кавалеров в одной из комнат. Но жители не довольствуются этим. Напрасно муниципальные чиновники вызывают к нему, напрасно жандармы встают между ним и заключенным; он бросается на них и разгоняет их. Тем временем в окна бьют залпы камней, входная дверь поддается ударам топоров; около тридцати злодеев взбираются на окна и спускают священника вниз, как тюк с

товаром. В нескольких ярдах от него, "избиваемый дубинками и другими орудиями", он испускает последний вздох, его голова "разбита" двадцатью смертельными ранами.³²⁵⁸ Дальше, в сторону Орлеана, Ролан читает следующие депеши, взятые из досье по Луаре:³²⁵⁸ "Анархия достигла своего апогея, - пишет один из округов Директории департамента; - нет больше признания никакой власти; администраторы округа и муниципалитетов оскорблены, и бессильны обеспечить уважение..... Преобладают угрозы расправы, разрушения домов и сдачи их на разграбление; планируется снести все замки. Муниципальные власти Ашера вместе со многими жителями отправились в Уисон и Шосси, где все разбито, разгромлено и унесено. 16 сентября шестеро вооруженных людей пришли в дом господина де Водэя и заставили его вернуть сумму в 300 франков за неустойку, якобы уплаченную ими. Нас уведомили, что сегодня в Ашере с той же целью навестят месье Дедели. Месье де Лори подвергся аналогичной угрозе... Наконец, все эти люди говорят, что они не хотят больше никаких местных администраций и трибуналов, что закон находится в их собственных руках, и они будут его исполнять. В этой экстремальной ситуации мы выбрали единственно безопасный путь - молча принять все нанесенные нам оскорбления. Мы не обращались к вам за защитой, так как прекрасно понимаем, в каком затруднительном положении вы находитесь". Лучшая часть Национальной гвардии, действительно, была разоружена в уездных городах, и больше не осталось вооруженной силы для подавления беспорядков. Поэтому в тот же день³²⁵⁹ население, увеличившееся за счет притока "чужаков" и обычных кочевников, вешает инспектора по кукурузе, насаживает его голову на конец пики, протаскивает его тело по улицам, грабит пять домов и сжигает мебель муниципального чиновника перед его собственной дверью. После этого послушный муниципалитет отпускает арестованных бунтовщиков на свободу и снижает цену на хлеб на одну шестую часть. Выше по течению Луары депеши из Орна и Кальвадоса дополняют картину. "Наш район, - пишет лейтенант жандармерии³²⁶⁰, - стал жертвой разбойников... Около тридцати негодяев только что разграбили замок Дампьер. К нам постоянно обращаются с просьбами о людях", которые мы не можем удовлетворить, "потому что призыв общий со всех сторон". Подробности любопытны, и здесь, несмотря на осведомленность министра о злодеяниях народа, он не может не отметить одно вымогательство нового вида. "Жители деревень³²⁶¹ собираются вместе, отправляются в различные замки, захватывают жен и детей своих владельцев и держат их в качестве залога под обещания возмещения, которые они заставляют последних подписать, не только за феодальные налоги, но и за расходы, к которым эти налоги могли привести", сначала при настоящем владельце, а затем при его предшественниках; тем временем они поселяются в помещениях, требуют оплаты за свое время, опустошают постройки и продают мебель.-Все это сопровождается обычной резней. Директория департамента Орн сообщает министру³²⁶², что "бывший дворянин был убит (убийство) в кантоне Сепф, бывший кюре в городе Беллеме, неприсягнувший священник в кантоне Путанж, бывший капуцин на территории Аленсона". В тот же день в Кане прокурор-синдикалист Кальвадоса месье Байе, человек с безупречными заслугами, заключенный в тюрьму местными якобинцами, только что был застрелен на улице и заколот штыком, в то время как Национальное собрание принимало декрет, провозглашающий его невиновность и предписывающий выпустить его на свободу³²⁶³.

Восточный маршрут.³²⁶⁴ В Руане, перед Отелем-де-Виль, национальные гвардейцы, простояв более часа, наконец, дают залп и убивают четырех человек; по всему департаменту совершаются насилия, связанные с зерном, пшеницу крадут или уносят силой;³²⁶⁴ но Ролан вынужден ограничивать себя; он может отмечать только политические беспорядки. Кроме того, он вынужден торопиться, ведь повсюду происходят убийства. В дополнение к беспорядкам в армии и столице³²⁶⁵ каждый департамент в окрестностях Парижа или у границы дает свою порцию убийств. Они происходят в Жизоре на Эвре, в Шантильи и

Клермоне на Уазе, в Сент-Аманде в Па-де-Кале, в Камбре на Севере, в Ретеле и Шарлевиле в Арденнах, в Реймсе и в Шалоне на Марне, в Труа на Обе, в Мо на Сене-и-Марне и в Версале на [Сене-и-Уазе3266](#).-Ролан, как я полагаю, не открывает эту папку, и не зря: он слишком хорошо знает, как были убиты в Версале мсье де Бриссак, мсье Делессар и другие шестьдесят три человека; именно он подписал комиссию Фурнье, командира убийц. В этот самый момент он вынужден вести переписку с этим негодяем, посылать ему свидетельства о "рвении и патриотизме" и назначить ему, сверх его грабежей, 30 000 франков на покрытие расходов по [операции3267](#).-Но среди этих депеш есть и такие, которые он не может пропустить, если хочет знать, до чего низведен его авторитет, с каким презрением относятся ко всякой власти, как пользуется своей властью гражданский или военный сброд, с какой стремительностью он распоряжается самыми прославленными и самыми полезными жизнями, особенно тех, кто был или сейчас находится у власти, причем министр, возможно, говорит себе, что его очередь наступит следующей.

Давайте рассмотрим случай с месье де ла Рошфуко. Филантроп с юных лет, либерал, вошедший в Учредительное собрание, избранный президентом Парижского департамента, один из самых стойких, самых щедрых и самых уважаемых патриотов от первого до последнего, - кто больше заслуживает того, чтобы его пощадили? Арестованный в [Жизоре3268](#) по приказу Парижской коммуны, он вышел из гостиницы в сопровождении парижского комиссара, в окружении муниципального совета, двенадцати жандармов и ста национальных гвардейцев; за ним шла его мать, восьмидесяти лет от роду, жена ехала в карете; можно было не опасаться побега. Но для подозреваемого смерть вернее тюрьмы; триста добровольцев из департаментов Орн и Сарта, направлявшихся через Жизор, собрались и закричали: "Мы должны получить его голову - ничто нас не остановит!" Камень попадает месье де ла Рошфуко в висок; он падает, его эскорт распадается, и они добивают его дубинками и саблями, а муниципальный совет "едва успевает отогнать карету с дамами"... Соответственно, национальное правосудие в руках добровольцев имеет свои внезапные вспышки, свои эксцессы, свои реакции, эффекта от которых не стоит ждать. Например, в [Камбрее3269](#) подразделение пешей жандармерии только что покинуло город, и тут им приходит в голову, что они забыли "очистить тюрьму". Они возвращаются, хватают зрителя, отводят его в Hôtel-de-ville, изучают тюремный реестр, освобождают тех, чьи преступления кажутся им оправданными, и выдают им паспорта. С другой стороны, он убивает бывшего королевского прокурора, в адресах которого обнаруживаются запятнанные "аристократические принципы", непопулярного подполковника и подозреваемого капитана... Каким бы незначительным или необоснованным ни было подозрение, тем хуже для офицера, на которого оно падает! В [Шарлевиле3270](#), когда два груза оружия прошли через одни ворота, а не через другие, чтобы избежать плохой дороги, мсье Жюшери, инспектор оружейного производства и комендант местечка, был объявлен предателем волонтерами и толпой, вырван из рук муниципальных чиновников, повален на землю дубинками, забит и заколот. Его голову, насаженную на пику, проносят через Шарлевиль, затем в Мезьер, где ее бросают в реку, протекающую между двумя городами. Тело остается, и муниципалитет приказывает похоронить его; но оно недостойно погребения; убийцы забирают его и бросают в воду, чтобы оно соединилось с головой. Тем временем жизни муниципальных служащих висят на волоске. Одного схватили за горло, другого свалили со стула и угрожают повесить, на него направили пистолет, избивают и пинают, а затем придумывают план "отрубить им головы и разграбить их дома".

Тот, кто распоряжается жизнью, в действительности распоряжается и имуществом. Роланду достаточно пролистать два-три отчета, чтобы увидеть, как патриотизм служит прикрытием для жестокой распушенности и алчности. В Куси, в департаменте [Эсн3271](#), крестьяне

семнадцати приходов, собравшиеся для того, чтобы пополнить свой военный контингент, с громким криком бросаются к двум домам, принадлежащим мсье де Фоссе, бывшему депутату Учредительного собрания, и двум самым лучшим в городе; один из них занимал еще Генрих IV. Некоторые из муниципальных служащих, пытающихся вмешаться, оказываются почти разрубленными на куски, а весь муниципалитет обращается в бегство. Месье де Фоссе с двумя дочерьми удается спрятаться в укромном уголке в окрестностях, затем в маленьком домике, предложенном им гуманным садовником, и наконец, после больших трудностей, они достигают Суассона. От двух его домов "не осталось ничего, кроме стен. Окна, наличники, двери, обшивка - все разбито"; двадцать тысяч франков ассигнаций в портфеле уничтожены или унесены; свидетельства о праве собственности на имущество не найдены, а ущерб оценивается в 200 000 франков. Грабеж продолжался с семи часов утра до семи часов вечера и, как это всегда бывает, закончился праздником. Грабители, войдя в подвалы, выпили "два бочонка вина и два бочонка бренди; тридцать или сорок человек остались мертвецами пьяными, и их унесли с большим трудом". Ни судебного преследования, ни расследования; новый мэр, который через месяц после этого решается осудить этот поступок, просит министра не называть его имени, поскольку, по его словам, "агитаторы в Генеральном совете Коммуны угрожают страшными последствиями тому, кто узнает, что он писал вам". [3272 - Такова](#) постоянная угроза, под которой живут дворяне, даже если они ветераны на службе свободы; Ролан, прежде всего в своих делах, находит душераздирающие письма, адресованные непосредственно ему, как последнее средство защиты. В начале 1789 года мсье де Гуи д'Арс [3273](#) первым приложил перо к бумаге, отстаивая народные права. Будучи депутатом от дворянства в Учредительном собрании, он первым встал на сторону Третьего государства; когда либеральное дворянское меньшинство заняло свои места в зале Коммуны, он уже пробыл там восемь дней и в течение тридцати месяцев "неизменно занимал сторону "левых"". Старший генерал-майор, получивший от Законодательного собрания приказ подавить выступление 6000 повстанцев в Нуайоне, "десять дней держал в кармане строгий приказ"; он терпел их оскорбления; он рисковал жизнью, "чтобы спасти своих заблуждающихся сограждан, и ему посчастливилось не пролить ни капли крови". Измученный столькими трудами и усилиями, почти умирающий, выписанный в деревню врачами, "он посвятил свои доходы облегчению бедности"; он посадил на своем участке первое дерево свободы, которое было воздвигнуто; он снабжал добровольцев одеждой и оружием; "вместо пятой части он уступил треть своего дохода при принудительной системе налогообложения". Его дети живут с ним в поместье, которое принадлежит семье уже четыреста лет, а крестьяне называют его "своим отцом". Никто не мог бы вести более спокойное или, более того, более достойное существование. Но, будучи дворянином, он попадает под подозрение, и делегат Парижской коммуны доносит на него в Компьень, что в его доме хранятся две пушки и пятьсот пятьдесят мушкетов. Немедленно наносится визит в дом. Восемьсот человек, пехота и кавалерия, появляются перед замком д'Арс в боевом порядке. Он встречает их у дверей и вручает им ключи. После шестичасового обыска они находят двенадцать фаустпатронов и тринадцать ржавых пистолетов, которые он уже задекларировал. Разочарованные гости ворчат, ломаются, едят и пьют на сумму в 2000 крон. [3274](#) Тем не менее, побуждаемые своими лидерами, они наконец удаляются. Но у месье де Гуи 60 000 франков в аренде, и он мог бы принести столько пользы нации, если бы эмигрировал; это нужно сделать, изгнав его, и, кроме того, во время его изгнания они могут набить свои карманы. В течение восьми дней этот вопрос обсуждается в Компьенском клубе, в барах, в казармах, а на девятый день из города выходят 150 добровольцев, объявляющих, что они собираются убить господина де Гуи и всех, кто ему принадлежит. Узнав об этом, он уезжает со своей семьей, оставив двери своего дома открытыми. В течение пяти часов происходит всеобщий грабеж; толпа пьет дорогие вина,

крадет тарелки, требует лошадей, чтобы увезти добычу, и обещает скоро вернуться и забрать голову хозяина. На следующее утро, в четыре часа, происходит новое вторжение, новый грабеж, на этот раз последний; слуги бегут под огнем мушкетов, а господин де Гуи, по просьбе жителей деревни, чьи виноградники опустошены, вынужден покинуть эту часть страны.[3275](#) Нет необходимости перечислять все эти события. В Гуденвиле, в доме господина де Сен-Мориса, в Нуантеле, в поместье герцога де Бурбона, в Шантيلي, в поместье принца де Конде, в доме господина де Фитц-Джеймса и т. д. де Фиц-Джеймса и в других местах некий Готье, "комендант парижского отряда дознавателей, наделенный полномочиями Комитета по надзору", совершает свой патриотический обход, и Ролан заранее знает, в чем он заключается, а именно: в драконьей [игре](#)[3276](#) по обычной форме в поместьях всех дворян, отсутствующих или присутствующих.[3277](#)

Любимая дичь по-прежнему находится в среде духовенства, за которым охотятся более усердно, чем за дворянами; Роланд, на которого возложена обязанность поддерживать общественный порядок, задается вопросом, как можно защитить жизнь безвредных священников, которых ему рекомендует закон. В Труа, в доме месье Фардо, старого куратора-нонконформиста, обнаруживается алтарь, украшенный священными сосудами, и месье Фардо, арестованный, отказывается принести гражданскую присягу. Его вырывают из тюрьмы и приказывают кричать "Да здравствует нация!", но он снова отказывается. Тогда волонтер, взяв топор у булочника, отрубает ему голову, и эту голову, омытую в реке, несут в Отель-де-Виль.[3278](#) В Мо бригада парижской жандармерии убивает семь священников и, как дополнение, шесть обычных преступников, находящихся в заключении.[3279](#) В Реймсе парижские добровольцы сначала расправляются с почтмейстером и его клерком, которые попали под подозрение из-за запаха жженой бумаги, исходившего из их дымохода, а затем с месье де Монтрозье, старым отставным офицером, что и открывает охоту. Затем они набрасываются на двух церковников с пиками и саблями, которых их егеря привезли из деревни, затем на бывшего куратора Сен-Жана и Рилли; их трупы разрубая на части, шествуют по улицам и сжигают в костре; одного из раненых священников, аббата Александра, бросают еще живым.[3280](#) Ролан узнает людей сентября, которые, обнажив окровавленные пики, пришли к нему домой требовать жалованья; где бы ни проходила группа, она объявляет "от имени народа" о своей "полномочной власти распространять пример столицы". Теперь, когда декретом от 26 августа 40 000 неприсягнувших священников приговариваются к тому, чтобы через неделю покинуть свои департаменты, а через две недели - Францию, будет ли им позволено уехать? Восемь тысяч из них в Руане, повинувшись декрету, зафрахтовали транспорты, которым буйное население обоих берегов Сены мешает уехать. Роланд видит в своих депешах, что в Руане, как и в других местах, они толпятся у муниципалитетов, требуя [паспорта](#)[3281](#), но им часто отказывают. Еще лучше в Труа, в Мо, в Лионе, в Доле и во многих других городах делается то же самое, что и в Париже; их заключают в отдельные дома или в тюрьмы, по крайней мере, временно, "из опасения, что они могут собраться под немецким орлом"; так что, будучи объявлены мятежниками и изменниками вопреки себе, они могут оставаться в своих загонах, подвергаясь ударам ножа. Поскольку вывоз специй запрещен, тех, кто раздобыл необходимую монету, грабят на границе, а другие, которые бегут со всех ног, преследуемые, как кабаны, или сбитые, как зайцы, спасаются, как епископ Барраль, от штыков или как аббат Гийон, от сабель, если их не сбивают, как аббата Пешера, ударами ружейных [стволов](#)[3282](#).

Скоро рассвет. Папки слишком многочисленны и велики; Роланд обнаруживает, что из восьмидесяти трех он может осмотреть только пятьдесят; он должен поспешить дальше; оставив восток, он снова обращает свой взор на юг - и с этой стороны его ждут странные зрелища. 2 сентября в [Шалон-сюр-Марн](#)[3283](#) месье Шанлер, осьмнадцатилетний и глухой,

возвращается с молитвенником под мышкой из торгового центра, куда он ежедневно прибегал для чтения молитв. Несколько парижских добровольцев, которые встречают его, видя, что он выглядит как верующий, приказывают ему кричать: "Да здравствует Свобода". Не понимая их, он ничего не отвечает. Тогда они хватают его за уши и, недостаточно быстро маршируя, тащат за собой; его старые уши поддаются, и, возбужденные видом крови, они отрезают ему уши и нос, и так, капая кровью, бедный старик добирается до отеля де Виль. При виде этого нотариус, поставленный там в качестве часового и являющийся человеком с чувством юмора, в ужасе убегает, а остальные национальные гвардейцы спешат закрыть железные ворота. Парижане, все еще таща за собой своего пленника, отправляются в район, а затем в бюро департамента "для обличения аристократов"; по дороге они продолжают наносить удары шатающемуся старику, который падает; затем они обезглавливают его, насаживают части его тела на пики и выставляют их напоказ. Тем временем в этом же городе двадцать два дворянина, в Боне - сорок священников и дворян, в Дижоне - восемьдесят три главы семейств, запертые по подозрению без доказательств и экспертизы и содержащиеся за свой счет два месяца под пиками, каждое утро спрашивают себя, намерены ли жители и добровольцы, выкрикивающие по улицам предсмертные крики, освободить их таким же образом, как в Париже.³²⁸⁴ Достаточно пустяка, чтобы спровоцировать убийство. 19 августа в Осере во время марша Национальной гвардии трое граждан, приняв гражданскую присягу, "покинули строй", а когда их позвали обратно, "чтобы заставить встать", один, то ли от нетерпения, то ли от плохого настроения, "ответил неприличным жестом". Население, приняв это за оскорбление, тут же бросается на них и, отбросив в сторону муниципалитет и национальную гвардию, ранит одного и убивает двух других.³²⁸⁵ Через две недели в том же городе расправляются с несколькими молодыми церковниками, причем "труп одного из них три дня пролежал на навозной куче, родственникам не позволили его похоронить". Примерно в тот же день в деревне, где делают сабо, в пяти лье от Autun, четыре церковника с паспортами, среди которых епископ и два его гранд-викария, были арестованы, затем осмотрены, ограблены и убиты крестьянами. -Под Аутуном, особенно в районе Роанн, крестьяне сжигают арендные ведомости национального имущества; добровольцы выкупают владельцев; и те и другие, отдельно друг от друга или вместе, предаются "всяким излишествам и всяким беззакониям против тех, кого они подозревают в инквизиции под предлогом религиозных взглядов"³²⁸⁶.³²⁸⁶ Как бы ни был озабочен или расстроен ум Ролана философскими обобщениями, которыми он наполнен, он давно осмотрел мануфактуры в этой стране; название каждого места ему знакомо; предметы и формы на этот раз четко определены его засушливым воображением, и он начинает видеть вещи насквозь и не ограничиваться одними словами.

Мадам Ролан упирается в Лион, так хорошо знакомый ей два года назад; она приходит в восторг от "четверной аристократии города, мелких дворян, священников, крупных торговцев и служителей закона; словом, тех, кого раньше называли честными людьми, согласно наглости древнего режима".³²⁸⁷ Теперь она может найти там аристократию другого рода, аристократию сточной канавы. Следуя примеру Парижа, лионские клубисты во главе с Шарлье устроили грандиозную резню злонамеренных или подозреваемых Другой главарь, Додье, составил поименный список из двухсот аристократов, которые должны быть повешены; 9 сентября женщины с пиками, маньяки предместий, банды "неизвестных", собранные центральным клубом³²⁸⁸, берутся очистить тюрьмы. Если резня не сравнится с парижской, то только потому, что национальная гвардия, более энергичная, вмешивается как раз в тот момент, когда парижский эмиссар Сен-Шарль зачитывает список имен в тюрьме Роанна, уже взятый из тюремного реестра. Восемь офицеров Королевско-Полоньского полка, стоявшего гарнизоном в Аухе, некоторые из которых служили по двадцать и тридцать лет, были вынуждены подать в отставку из-за неповиновения своих

людей; но, по настоящему желанию военного министра, они патриотично остались на своих постах и за двадцать дней утомительного марша провели свой полк от Ауха до Лиона. Через три дня после их прибытия, схваченные ночью в своих постелях, доставленные в Пьер-Энсиз, заброшенные по дороге камнями, содержащиеся в тайном заключении, подвергаемые частым и длительным допросам, все это лишь подчеркивает их заслуги и их невиновность. Их забирает из тюрьмы толпа якобинцев; из восьми человек семерых убивают на улице, а вместе с ними и четырех священников, при этом убийцы демонстрируют свою работу еще более нагло, чем в Париже. Всю ночь они шествуют с головами убитых на концах пик; они несут их на площадь Терро в кофейни; они кладут их на столы и насмешливо предлагают им пиво; затем они зажигают факелы, входят в театр Селестена и, маршируя по сцене со своими трофеями, смешивают настоящую и шуточную трагедию... Эпизод гротескен и ужасен. В самом низу папки Ролан находит письмо от своего коллеги [Дантона](#)³²⁸⁹, который умоляет его освободить офицеров, убитых три месяца назад, "ибо, - пишет Дантон, - если против них не будет найдено никаких обвинений, было бы вопиющей несправедливостью держать их дольше в кандалах". Клерк Ролана делает минутку на письме Дантона: "Дело закрыто". При этом я представляю, как супруги молча смотрят друг на друга. Мадам Ролан, возможно, помнит, что в начале Революции она сама требовала головы, особенно "две прославленные головы", и надеялась, что "Национальное собрание" официально предаст их суду или что какой-нибудь великодушный Деций ["3290"](#) посвятит себя тому, чтобы "свалить их".³²⁹¹ Ее мольбы были услышаны. Суд начинается в обычном порядке, и Деций, на которого она ссылалась, повсюду встречается во Франции.

Остается юго-восточный угол, тот самый Прованс, который Барбару описал ему как последнее пристанище философии и свободы. Роланд проводит пальцем по Роне, и на обоих берегах он находит обычные характерные проступки. На правом берегу, в Кантале и в Гарде, "защитники страны" набивают свои карманы за счет налогоплательщиков, назначенных ими [самими](#)³²⁹²; эта принудительная подписка называется "добровольным даром". "Бедные рабочие в Нисме облагались 50 франками, другие - 200, 300, 900, 1000, под страхом разорения и плохого обращения". В деревне близ Тараскона добровольцы, возвращаясь к старинным разбойничьим приемам, размахивают саблём над головой матери, угрожают задушить тетку в ее постели, держат ребенка над глубоким колодезем и таким образом вымогают у фермера или владельца даже 4 000 или 5 000 франков. Как правило, крестьянин молчит, так как в случае жалобы ему обязательно сожгут постройки и вырубят оливковые деревья.³²⁹³ На левом берегу, в Изере, подполковник Спенделер, захваченный жителями Туллина, был убит, а затем повешен за ноги на дереве у [дороги](#)³²⁹⁴ в ;Дроме волонтеры Гарда захватили тюрьму в Монтелимарте и зарубили саблей невиновного [человека](#)³²⁹⁵; в Воклюзе грабежи носят всеобщий и постоянный характер. Имея в своих руках все государственные должности, и только они одни приняты в Национальную гвардию, старые разбойники Авиньона, с муниципалитетом в качестве своего сообщника, прочесывают город и совершают набеги на деревню; в городе 450 000 франков "добровольных подарков" передаются убийцам из Глясьера друзьями и родственниками убитых;-в стране с богатых земледельцев взимается выкуп в 1000 и 10 000 франков, не говоря уже об оргиях завоевания и удовольствиях деспотов, насильственно полученных деньгах в честь бесчисленных деревень свободы, банкетах стоимостью в пять или шестьсот франков, оплачиваемых из вымогаемых средств, пиршествах всякого рода и безудержном хаосе на захваченных [фермах](#)³²⁹⁶; словом, пьяная сила злоупотребления развлекается жестокостью и гордится своей жестокостью.

Следуя за этой длинной чередой убийств и грабежей, министр достигает Марселя, и я представляю себе, как он останавливается в этом городе, несколько ошеломленный. Не то

чтобы он был поражен широким распространением убийств; несомненно, он получал информацию о них из Экса, Обань, Апта, Бриньоля и Эйгера, а в Марселе их происходит целая серия: одно в июле, два в августе и два в [сентябре3297](#) ; но к этому он должен был привыкнуть. Здесь его беспокоит то, что национальные узы распадаются; он видит, как отделяются департаменты, формируются новые, отдельные, независимые, полные правительства на основе народного [суверенитета3298](#) ; публично и официально они сохраняют средства, собранные для центрального правительства, для местных нужд; они вводят наказания против жителей, ищущих убежища во Франции; они организуют трибуналы, взимают налоги, собирают войска и предпринимают военные [экспедиции3299](#). Собравшись вместе, чтобы избрать представителей в Конвент, выборщики Буш-дю-Рон были, кроме того, настроены установить во всем департаменте "господство свободы и равенства", и для этого, по словам одного из них, они нашли "армию из 1200 героев, чтобы очистить районы, в которых буржуазная аристократия все еще поднимает свою дерзкую, неосмотрительную голову". Таким образом, в Сонесе, Нове, Сен-Реми, Майяне, Эйраге, Гравесоне, Эйгере, на территории, включающей округа Тараскон, Арль и Салон, эти двенадцать сотен героев получают право наживать на жителях по своему усмотрению, а остальные расходы на экспедицию должны нести "подозреваемые граждане".[32100](#) Эти экспедиции затягиваются на шесть недель и более; одна из них отправляется за пределы департамента, в Моноск, в Басс-Альпах, и Моноск, обязанный выплатить 104 000 франков своим "спасителям и отцам" в качестве компенсации за дорожные расходы, пишет министру, что отныне он не может больше выполнять его требования.

Что это за импровизированные государи, учредившие разбойничьи шайки? Ролану остается лишь расспросить своего друга Барбару, их президента и исполнителя их указов. "Девятьсот человек, - пишет сам Барбару, - в целом малообразованных, нетерпеливо слушающих консерваторов и отдающих все внимание шипучим, хитрым в распространении клеветы, мелким подозрительным умам, несколько честных, но непросвещенных людей, несколько просвещенных, но трусливых; многие из них патриоты, но без рассудка, без философии"; Короче говоря, якобинский клуб, причем якобинский до такой степени, что "зал разразился [аплодисментами32101](#) при получении известия о сентябрьской резне"; в первых рядах - "толпа людей, жаждущих должностей и денег, вечных доносчиков, выдумывающих неприятности или преувеличивающих их, чтобы получить для себя выгодные комиссионные"[32102](#); иными словами, обычная свора голодных appetitов в полном разгуле. Чтобы по-настоящему узнать их, Роланду достаточно изучить последнее досье, досье соседних департаментов, и рассмотреть их коллег в Варе. В этом великом обломке разума и честности, называемом якобинской революцией, еще плавают на поверхности несколько бродячих ублюдков; многие из администраций департаментов состоят из либералов, друзей порядка, умных людей, честных и твердых защитников закона. Такой была и Директория Вар.[32103](#) Чтобы избавиться от нее, тулонские якобинцы устроили засаду, достойную Борджиа и Оливеретто XVI века.[32104](#) 28 июля, в первой половине дня, Сильвестр, президент клуба, раздал своим надежным людям в предместьях и пурлие города огромный мешок красных шапок, а сам расставил свои отряды в удобных местах. Тем временем муниципальный орган, его сообщники, официально представляются в бюро департамента и приглашают администраторов присоединиться к ним в общении с народом. Администраторы, ничего не подозревая, сопровождают их, каждый под руку с муниципальным чиновником или делегатом клуба. Едва они достигают площади, как на нее со всех сторон устремляется отряд красных шапочек, затаившихся в ожидании. Синдик-прокурор, вице-президент департамента и еще два администратора схвачены, изрублены и повешены; еще один, М. Дебо, которому удается бежать, скрывается, ночью взбирается на валы, ломает бедро и лежит на земле; наутро его обнаруживают; группа под предводительством портового

рабочего Жассо и Лемайля, называющего себя "городским палачом", поднимает его, везет в тачке и вешает на первом фонарном столбе. Другие банды таким же образом отправляют прокурора, районного управляющего и купца, а затем, распространяясь по стране, грабят и убивают в деревенских домах... Напрасно комендант местечка, мсье Думербийон, умоляет муниципалитет объявить военное положение. Он не только отказывается, но и приказывает ему вернуть половину своих войск в казармы. В качестве компенсации он освобождает нескольких солдат, осужденных на галеры, и всех, кто был заключен в тюрьму за неповиновение. Отныне всякая тень дисциплины исчезает, и в следующем месяце убийства множатся. Месье де Поссель, управляющий флотом, похищен из своего жилища, и веревка обмотана вокруг его шеи; его вовремя спасает бомбардир, секретарь клуба. Месье Сенис, пойманный в своем загородном доме, повешен на площади Вьё Пале. Капитан флота Дезидери, куратор Ла Валетт и месье де Сакки де Туре обезглавлены в предместье, а их бусы привезены в город на концах трех шестов. Месье де Флоте д'Аржансон, вице-адмирал, человек огромного роста, столь серьезного вида и столь строгий, что его прозвали "Père Eternel", вероломно заманивают к входу в Арсенал, где он видит уже опускающийся фонарь; он хватает пистолет, защищается, уступает числу, и после того, как его режут саблями, его вешают. Месье де Рошмор, генерал-майор морской пехоты, также заколот саблей и повешен таким же образом; главная артерия в шее, перерезанная ударом сабли, вытекает из трупа и образует лужу на мостовой; Барри, один из палачей, оmyвает в ней руки и окропляет прохожих, как бы даруя им благословение. - Барри, Лемайль, Жассо, Сильвестр и другие главные убийцы, новые короли Тулона, достаточно похожи на парижских. Добавьте к ним некоего Фигона, который дает аудиенции в своей мансарде, выправляет социальное неравенство, заставляет дочерей крупных фермеров выходить замуж за бедных республиканцев, а богатых юношей - за [проституток32105](#) и, взяв списки, предоставленные клубом или соседними муниципалитетами, выкупает всех вписанных в них зажиточных и богатых особ. Чтобы портрет группы был полным, следует отметить, что 23 августа она попыталась освободить 1800 каторжников; последние, не понимая, что они нужны для политических союзников, не осмелились выйти на свободу, или, по крайней мере, надежная часть национальной гвардии прибыла вовремя, чтобы снова надеть на них цепи. Но на этом ее усилия заканчиваются, и более года государственная власть остается в руках якобинской фракции, которая в том, что касается общественного порядка, не обладает даже моралью каторжника.

Не раз в ходе этого долгого обзора министр, должно быть, краснел от стыда; ведь на выговоры, которые он посылал этим апатичным администрациям, они отвечали, приводя в пример себя:

"Вы хотите, чтобы мы заявили прокурору о произвольных арестах; а вы заявили о тех, кто виновен в подобных и еще более тяжких преступлениях, совершенных в столице?" [32106](#)

Со всех сторон доносились крики угнетенных, обращенные к "министру-патриоту, заклятому врагу анархии", к "доброму и неподкупному министру внутренних дел, единственный упрек которого - здравый смысл его жены", а он мог ответить лишь пустыми фразами и соболезнованиями:

"Выразить сожаление по поводу событий, столь тягостных для провинции; все администрации действительно полезны, когда они предотвращают зло; очень печально, что приходится прибегать к таким средствам, и рекомендовать им более активный надзор" [32107](#).

"Выразить сожаление и найти утешение в замечаниях, сделанных в письме", в котором сообщается о четырех убийствах, но обращается внимание на то, что "жертвы, которые были уничтожены, являются контрреволюционерами" [32108](#).

Ролан ведет письменные диалоги с деревенскими муниципалитетами, дает уроки конституционного права общинам горшечников. [32109](#) Но на этой территории он терпит поражение от своих собственных принципов, в то время как чистые якобинцы читают ему урок в свою очередь; они также в состоянии вывести последствия своего собственного вероучения.

"Брат и друг, сударь, - пишут жители Руана, - чтобы не быть всегда у ног муниципалитета, мы объявили себя постоянными, совещательными секциями Коммуны" [32110](#).

Пусть так называемые официальные власти, формалисты и педанты Исполнительного совета и министра внутренних дел, дважды подумают, прежде чем осуждать осуществление народного суверенитета. Этот суверен повышает голос и загоняет своих клерков обратно в их норы; грабежи и убийства - все это справедливо.

"Неужели вы забыли, что после бури, как вы сами заявляли в разгар шторма, именно нация спасает себя? Что ж, сударь, именно это мы и [сделали32111](#). Что! Когда вся Франция гремела долгожданным воззванием об отмене тирании, вы желали, чтобы предатели, стремившиеся восстановить ее, избежали публичного преследования! Боже мой, в каком веке мы находим таких министров!"

Произвольные налоги, штрафы, конфискации, революционные экспедиции, кочевые гарнизоны, грабежи - что можно найти во всем этом?

"Мы не претендуем на то, что это законные методы; но, приближаясь к природе, мы спрашиваем, какую цель преследуют угнетенные, вызывая к справедливости. Неужели для того, чтобы отстать и тщетно добиваться справедливого урегулирования, которое становится мимолетным благодаря судебным формам? Исправьте эти злоупотребления или не жалуйтесь на то, что суверенный народ подавляет их заранее..... Вы, сударь, имея столько поводов для этого, хорошо бы вспомнить свои оскорбления и искупить нанесенные вами обиды, прежде чем нам случится предать их гласности"... "Гражданин министр, люди льстят вам; вам слишком часто говорят, что вы добродетельны; как только это доставляет вам удовольствие, вы перестаете быть таковым..... Отбросьте проницательных разбойников, которые вас окружают, слушайте народ и помните, что гражданин министр - всего лишь исполнитель суверенной воли народа".

Каким бы узким ни был кругозор Ролана, он должен в конце концов понять, что бесчисленные грабежи и убийства, которые он только что отметил, - это не бездумное извержение, не мимолетный кризис бреда, а манифест победившей партии, начало установленной системы правления. При этой системе, пишут марсельские якобинцы,

"сегодня, в нашем счастливом краю, хорошие правят плохими и составляют партию, которая не допускает никакого заражения; все порочное скрылось или было истреблено". Программа очень точна, и действия формируют ее комментарий. Это программа, которую фракция в течение всего междоусобия открыто излагает перед избирателями.

3201 (возвращение)

["Гильон де Монлеон", I. 122. Письмо Лаусселя, датированное Парижем 28 августа 1792 года, к лионским якобинцам: "Скажите мне, сколько голов было отрублено дома. Было бы позорно позволить нашим врагам скрыться". (1792).]

3202 (возврат)

["Парижские революции", Прюдомм, том XIII. стр. 59-63 (14 июля, 3 декрета от 10 и 11 августа 1792 г.)].

3204 (возвращение)

[Прюдомм, номер от 15 сентября, с. 483.- Мортимер-Терно, IV. 430.]

3205 (возврат)

[Mortimer-Ternaux. IV. II. Донесение Фоше, 6 ноября 1792 г. - Ib., IV. 91, 142. Разговор мсье Фокедея, управляющего департаментом Севера, и мсье Бейли, депутата от Сены-и-Марны].

3206 (возврат)

[Прюдомм, номер от 1 сентября 1792 г., с. 375, 381, 385: номер от 22 сентября, с. 528-530, - Ср. Guillon de Montléon, I. 144. Вот некоторые из принципов, провозглашенных лидерами якобинцев из Лиона, Шалье, Лаусселем, Кюссе, Руйо и др. "Пришло время, когда это пророчество должно исполниться: Богатые будут поставлены на место бедных, а бедные - на место богатых."- "Если им оставить половину их имущества, богатые все равно будут счастливы."- "Если трудовой народ Лиона лишен работы и хлеба, он может воспользоваться этими бедствиями, чтобы помочь себе богатством в том квартале, где они его найдут."- "Никто, кто находится рядом с мешком пшеницы, не может умереть от голода. Желаете ли вы получить слово, за которое можно купить все, что вам нужно? Убейся! Или погибни!"]

3207 (возвращение)

["Прюдомм", номер за 28 августа 1792 г., стр. 284-287].

3208 (обратно)

[Ср. "Французская революция", I.346. В десяти департаментах седьмой жаклер продолжает шестой без перерыва. Среди прочих примеров можно привести письмо администраторов Тарна от 18 июня 1792 года ("Archives Nationales", F7, 3271). "Многочисленные банды захватили как город (Кастр), так и деревню. Они силой врываются в дома горожан, ломали мебель на куски и грабили все, что попадало им в руки. Девушки и женщины подвергались позорному обращению. Уполномоченные, присланные округом и муниципалитетом для защиты мира, подвергались оскорблениям и угрозам. Грабежи возобновлялись, дом гражданина подвергался насилию". Администраторы добавляют: "Во многих местах прогресс, достигнутый конституцией, был отмечен быстрой и многочисленной эмиграцией ее противников"]

3209 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3272. Письмо администраторов Вара, 27 мая 1792 г. Письмо министра Дюрантона, 28 мая Письмо комиссии, составляющей директорию, 31 октября].

3210 (возврат)

["Archives Nationales", Письмо администраторов Вар, май. 27.- Это изречение - краткое выражение революционного духа; оно постоянно повторяется.- См. герцога де Монпансье, "Mémoires", p. 11. В Эксе один из его охранников сказал санкюлотам, которые врывались в комнату, где он находился: "Граждане, по какому приказу вы сюда вошли? И почему вы заставили стражу стоять у двери?". Один из них ответил: "По приказу народа. Разве вы не знаете, что народ - суверен?"].

3211 (обратно)

["Archives Nationales", письмо прокурора от 23 мая. Письма администраторов департамента от 22 и 27 мая (о событиях 13 мая в Боссе)].

3212 (возврат)

["Archives Nationales", F7 3193 и 3194. Предыдущие подробности можно найти в этих файлах. Этот департамент - один из тех, в которых седьмой жаклер является всего лишь продолжением шестого.- Ср. F7, 3193. Письмо королевского комиссара в Мильо, 5 мая 1791 года. "Ситуация ухудшается; административные органы по-прежнему бессильны и лишены ресурсов. Большинство их членов по-прежнему не в состоянии приступить к исполнению своих обязанностей, а фракции, которые все еще правят, умножают свои эксцессы во всех направлениях. В деревне, недалеко от города, сожжен еще один дом; другой взломан, уничтожена мебель и часть столового сервиза, двери и окна выбиты и разбиты; несколько домов посещено под предлогом, что в них спрятано оружие или порох; все, что найдено у частных лиц и торговцев, не принадлежащих к фракционной партии, унесено; бурные крики, ночные сборища, заговоры с целью грабежа или поджога; беспорядки, вызванные продажей зерна, обыски под этим предлогом в частных амбарах, принудительное снижение цен; сорок луидоров, отобранных у одной дамы, удалившейся в деревню, найденные в ее сундуке, который был взломан и который, как говорят, должен был находиться в ассигнациях. Полиция и муниципальные чиновники, являющиеся свидетелями этих безобразий, иногда вынуждены санкционировать их своим присутствием; они не осмеливаются ни пресечь их, ни наказать известных их авторов. Таково краткое изложение беспорядков, совершенных менее чем за восемь дней" - специально для Сент-Африка. Ср. F7, 3194, письмо, среди прочего, администратора департамента от 29 марта 1792 года].

3213 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3193. Выписка из реестров секретаря судебного департамента Сент-Африк и отчет комиссаров департамента, 10 ноября 1792 г., с показаниями свидетелей, документ объемом 115 страниц].

3214 (возврат)

[Показания Алексиса Бро, волонтера, и еще трех человек].

3215 (возврат)

[Показания Понса, торговца. После такого разорения он вынужден обратиться с петицией к исполнительной власти, прося разрешения остаться в городе].

3216 (возврат)

[Показания Капдене, сапожника.]

3217 (обратно)

[Показания Маргариты Гальзенг, жены мельника Гибала, Пьера Канака и других].

3218 (возврат)

[Показания Мартена, прокурора-синдика коммуны Бруск; Осселя, куратора Версоля; Мартиаля Осселя, викария Лапейра и других].

3219 (возврат)

[Показания Анны Туртулон].

3220 (возврат)

[Показания Жанны Туффон, Марианны Терраль, Маргариты Томас, Мартина синдик-адвоката коммуны Бруск, Виро, Брасье и других. Детали слишком специфичны, чтобы их можно было процитировать].

3221 (возврат)

[Показания Мурсоля, торговца шерстью; Луи Гранда, управляющего округом, и других].

3222 (обратно)

[Например, в Лиможе, 16 августа; см. Louis Guibert, "le Parti Girondin dans la Haute-Vienne", p. 14].

3223 (возвращение)

[Paris, "Histoire de Joseph Lebon", I. 60. Восстановление муниципалитета Аппаса. Жозеф Лебон провозглашен мэром 16 сентября].

3224 ([обратно](#))

[Например, в Кане и Каркассоне].

3225 ([возвращение](#))

[Например, в Тулоне.]

3226 ([возврат](#))

["Un séjour en France", 19, 29. ("Письма остро слова о Французской революции", перевод Н. Taine.1872)].

3227 ([возврат](#))

[Там же, с. 38: 2М. де М-, прослуживший тридцать лет, отдал свое оружие мальчишке, который обращался с ним с величайшей наглостью].

3228 ([возврат](#))

[Париж, там же, с. 55 и следующие страницы.- Альберт Бабо, "История Труа", I. 503-515.- Сосей, III. гл. I.]

3229 ([возвращение](#))

["Древний режим", 381, 391, 392].

3230 ([возврат](#))

["Archives Nationales", F7, 3217. Письмо Кастанье, старого жандарма, 21 августа 1792 г.].

3231 ([возврат](#))

["Archives Nationales", F7, 3219. Письмо М. Алкье первому консулу, Плювиоза 18, год VIII].

3232 ([возврат](#))

[Lauvergne, "Histoire du Var", p. 104].

3233 ([возврат](#))

[Mortimer-Ternaux, III. 325, 327.]

3234 ([возврат](#))

["Archives-Nationales", F7, 3271. Письмо министра юстиции с официальными отчетами муниципалитета Рабастенс. "Судья-де-па из Рабастенса подвергся оскорблениям, прекратив разбирательство, начатое против старого дезертира, возглавлявшего муниципалитет и

судимого за грабеж. Они угрожали зарезать судью, если он возобновит процесс. Многочисленные шайки бродяг заволокли страну, грабя и отдавая на выкуп всех владельцев имущества... Народ возглавил муниципальный чиновник, конституционный куратор и брат сьера Турнала, одного из авторов бедствий, опустошивших Комтат". (5 марта 1792 г.)).

3235 (возвращение)

["Гийон де Монлеон", I. 84, 109, 139, 155, 158, 464. - Там же, стр.441, подробности о Шалье от его компаньона Шассаньона.- "Archives Nationales", F7, 3255. Письмо Лаусселя, 22 сентября 1792 г.].

3236 (возврат)

[Barbaroux, "Mémoires", 85. Барбару - очевидец, так как он только что вернулся в Марсель и собирался председательствовать на избирательном собрании Буш-дю-Рон].

3237 (возвращение)

[C. Rousset, "Les Volontaires", p. 67.- В своем отчете от 27 июня 1792 года Альбер Дюбайе оценивает число добровольцев в 84 000 человек].

3238 (возврат)

[C. Rousset, "Les Volontaires", 101. Письмо Келлермана, 23 августа 1792 г. - "Un séjour en France", I. 347 и последующие страницы - "Archives Nationales", F7, 3214. Письмо жителя Ножан-ле-Ротру (Эвр). "Из 8000 жителей половина нуждается в помощи, и две трети из них находятся в плачевном состоянии, у них едва хватает соломы, чтобы спать" (3 декабря 1792 г.).- В своем отчете от 27 июня 1792 г. Альбер Дюбайе оценивает число добровольцев в 84 000 человек].

3239 (возвращение)

[C. Rousset, "Les Volontaires", 106 (письмо генерала Бирона, 23 августа 1792 г.).-226, письмо Везу, майора, 24 июля 1793 г.].

3240 (возвращение)

[C. Rousset, "Les Volontaires", 144 (Письмо администратора округа Мулен генералу Кюстину, 27 января 1793 г.).- "Un séjour en France", p.27: "Мне жаль видеть, что большинство добровольцев, собирающихся вступить в армию, - старики или совсем юные мальчишки."-C. Rousset, Ibid., 74, 108, 226 (письмо Бирона, 7 ноября 1792 г.); 105 (письмо командира форта Луи, 7 августа); 127 (письмо капитана Мотме). Третий 2-го батальона Верхней Саоны состоит из детей 13 и 14 лет].

3241 (возвращение)

["Moniteur", XIII. 742 (21 сентября). Маршал Люкнер и его адъютанты чуть не погибли от рук

парижских волонтеров. "Archives Nationales", BB, 16703. Письмо Лабарриера адъютанту генерала Флерса, Антверпен, 19 марта 1793 года. О массовом дезертирстве жандармов из армии Дюмурье, которые возвращаются в Париж].

3242 (возвращение)

[Ср. "L'armée et la garde nationale", Baron Poisson, III. 475. "После объявления военных действий (апрель 1792 года) контингент волонтеров был определен в 200 000 человек. Эта вторая попытка не привела ни к чему, кроме путаницы и беспорядка в войсках. Из-за бесхарактерности добровольческих войск невозможно было продолжать войну в Бельгии, что позволило противнику пересечь границу" - Гувернер Моррис, столь хорошо информированный, уже писал под датой 27 декабря 1791 года: "Национальные гвардейцы, которые записались в добровольцы, во многих случаях являются теми развращенными отбросами переросшего населения, от которых очищаются большие города и которые, не имея конституции, способной поддерживать усталость... войны, имеют все пороки и все болезни, которые могут сделать их бичом своих друзей и посмешищем своих врагов" - Buchez et Roux, XXVI. 177. План администраторов Эро, представленный Конвенту 27 апреля 1793 года. "Состав призыва не должен быть скрыт. Большинство из тех, из кого он состоит, не являются добровольцами; это не граждане всех классов общества, которые, подчиняясь призыву на выборах, добровольно приняли решение идти защищать Республику. Большая часть рекрутов - это запасные, которые, благодаря привлечению большой суммы, решили покинуть свои дома"].

3243 (возврат)

[К. Руссе, 47. Письмо директории Соммы, 26 февраля 1792 г.].

3244 (обратно)

["Archives Nationales", F 7, 3270. Дебаты генерального совета коммуны Руа, 8 октября 1792 г. (в связи с насилием, совершенным двумя подразделениями парижской жандармерии во время их проезда 7 и 8 октября)].

3245 (возврат)

[Moore, I. 338 (Sept. 8, 1792).- (Кондеи были гордыми принцами из ветви королевского дома Бурбонов. (SR).]

3246 (возврат)

[C Rousset, 189 (Письмо военного министра, датированное Дюнкерком, 29 апреля 1793 г.).- Archives Nationales," BB, 16, 703. (Штаб парижской национальной гвардии, генерал-майор, приказ дня, письмо гражданина Ферата, командующего в Остенде, военному министру, 19 марта 1793 г.): "С тех пор как в Остенде появились жандармы, там каждый день происходят одни беспорядки. Они нападают на офицеров и волонтеров, позволяют себе срывать погоны и говорят только о том, что рубят и режут, и заявляют, что не признают никаких начальников, что они равны со всеми и будут делать все, что им заблагорассудится. Тех, кому приказано их арестовать, преследуют и нападают на них с саблями и пистолетами].

3247 (возвращение)

[С. Rousset, 20 (Письмо генерала Вимпфена от 30 декабря 1791 г.) - "Сувениры" генерала Пеллепорта, стр.7 и 8].

3248 (возврат)

[С. Rousset, 45 (Отчет генерала Вимпфена, 20 января 1792 г.).- Письмо генерала Бирона, 23 августа 1792 г.].

3249 (возврат)

[С. Rousset, 47, 48.- "Archives Nationales", F7, 3249. Официальный отчет муниципалитета Сен-Максанса, 21 января 1792 г. - F 7, 3275. Официальный отчет муниципалитета Шательро, 27 декабря 1791 г. -F7, 3285 и 3286-F7, 3213. Письмо Сервана, военного министра, Ролану, 12 июня 1792 года: "Я часто получаю, как и вы, и министр юстиции, жалобы на национальных волонтеров. Они ежедневно совершают самые предосудительные преступления в местах, где они расквартированы и через которые они проходят по пути к месту назначения" -Там же, письмо Дюрантона, министра юстиции, 5 мая: "Эти происшествия повторяются, при более или менее отягчающих обстоятельствах, во всех департаментах"].

3250 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3193. Официальный отчет комиссаров департамента Авейрон, 4 апреля 1792 года. "Среди мародеров и поджигателей замков Привсак, Вореиль, Пешин и других, подвергавшихся опасности, было несколько рекрутов, которые уже отправились в Родез, чтобы присоединиться к своим полкам". От замка Привесак не осталось ничего, кроме груды развалин. Дома в деревне "до отказа набиты разграбленными вещами, а жители поделили между собой животных владельцев" -Comte de Seilhac, "Scènes et portraits de la Révolution dans le bas Limousin", P.305. Разграбление замков Сен-Жеаль и Сейльяк 12 апреля 1792 года 3-м батальоном ла Коррез, под командованием Бельгарда, бывшего домашнего слуги в этом замке].

3251 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3270. Дебаты генерального совета коммуны Ройе, 8 октября 1792 г. (прохождение двух подразделений парижских жандармов). "Жители и муниципальные служащие поочередно становились объектом их наглости и жестокости, им постоянно угрожали в случае отказа отрубить голову, и, видя, что упомянутые жандармы, особенно артиллеристы, с обнаженными саблями в руках, постоянно угрожали. Особенно возмутительно обращались с гражданином мэром, которого эти стрелки... заставили его танцевать на площади Армии, куда они прибегли со скрипками и где оставались до полуночи, грубо толкали и тащили его, обращались с ним как с аристократом, хлопали по его голове красным колпаком, постоянно угрожая отрезать его и всех аристократов в городе, что они поклялись исполнить на следующий день, открыто заявляя, особенно двое или трое из них, что они расправились с парижскими пленными 2 сентября и что расправа им ничего не стоит."]

3252 (возвращение)

[В этих папках иногда встречаются резюме, составленные в порядке датировки или местонахождения и аналогичные тем, которые мы собираемся представить читателю. Я придерживаюсь того же курса, что и секретарь, в соответствии с методичными привычками Ролана].

3253 (возврат)

[17 августа 1792 г. (Moniteur, XIII, 383, отчет М. Эммери)].

3254 (обратно)

["Archives Nationales", F7, 3271. Письмо администраторов Тарна, 21 июля].

3255 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3234. Отчет муниципальных чиновников Клерака, 20 июля. Письмо синдик-прокурора Лот-и-Гаронна, 16 сентября].

3256 (возврат)

["Меркюр де Франс", номер за 28 июля (письма из Бордо)].

3257 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3275. Письмо администраторов Верхней Вьенны, 28 июля (с официальными отчетами)].

3258 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3223. Письмо директории округа Нёвиль администраторам департамента, 18 сентября].

3259 (возврат)

["Archives Nationales", отчет администраторов департамента и генерального совета коммуны Орлеан, 16 и 17 сентября (разоружение было осуществлено декретами от 26 августа и 2 сентября)].

3260 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3249. Письмо лейтенанта жандармерии Дампьера, 23 сентября (с официальным отчетом от 19 сентября)].

3261 (возврат)

["Archives Nationales", черновик письма Ролана, 4 октября, и другие письма того же рода. Письмо муниципальных чиновников Рэя, 24 сентября. Письмо М. Дездуи, владельца, 30 сентября. Письмо постоянного совета Эгле, 1 октября, и т.д.].

3262 (возврат)

["Archives Nationales", Письмо администраторов департамента Орн, 7 сентября].

3263 (обратно)

["Mortimer-Ternaux", III. 337 (6 сентября)].

3264 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3265. Письмо генерал-лейтенанта жандармерии, 30 августа.- Официальный отчет муниципалитета Руана о беспорядках 29 августа.- Письма управляющих департаментами, 18 сентября и 11 октября.- То же письмо, 13 октября и т.д.- Письмо Давида, культиватора и управляющего департамента 11 октября].

3265 (возврат)

[Альбер Бабеан, "Письма депутата муниципалитета Труа в армию Дюмурье", стр. 8. (Сент-Менехульд, 7 сентября 1792 г.): "Наши войска горят желанием встретить врага. Резня, о которой сообщают, что она произошла в Париже, не обескураживает их; напротив, они рады узнать, что от подозрительных лиц во внутренних районах избавились"].

3266 (возвращение)

[Moore, I.338 (Sept. 4). В Клермоне убит торговец рыбой, убитый за оскорбление бретонских волонтеров.- 401 (7 сентября), сын почтмейстера в Сент-Аманде убит по подозрению в связях с врагом.- "Archives Nationales", F7; 3249. Письмо окружных администраторов Сенлиса, 31 октября (15 августа). В Шантильи убит месье Пижан в окружении 1200 человек.-С. Rousset, p.84 (21 сентября), подполковник Имоннье убит в Шалон-сюр-Марн.-Mortimer-Ternaux, IV. 172. Четыре прусских дезертира убиты в Ретеле, 5 октября, парижскими волонтерами].

3267 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, III. 378, 594 и последующие страницы].

3268 (обратно)

[Lacretelle, "Dix années d'épreuves", p. 58. Описание Лианкура - "Archives Nationales", F7, 3249. Письмо администраторов департамента Эвр, 11 сентября (с официальным отчетом муниципалитета Жизорса, 4 сентября). 550.]

3269 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 4394. Письмо Ролана в конвент, 31 октября (с копией документов, присланных департаментом Север о событиях 10 и 11 октября)].

3270 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3191. Официальный отчет муниципалитета Шарлевиль; 4 сентября, и письмо от 6 сентября.-Moniteur, XIII. 742, номер за 21 сентября 1792 г. (письмо от 17 сентября, О парижских волонтерах армии маршала Люкнера). "Вчера вечером парижские волонтеры снова угрожали несколькими головами, в том числе головами маршала и его помощников. Он пригрозил вернуть некоторых дезертиров в их полки. На это люди воскликнули, что старого режима больше не существует, что с братьями нельзя так обращаться и что генерал должен быть арестован. Некоторые из них уже схватили уздечку лошади"].

3271 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3185. Документы, относящиеся к делу мсье де Фоссе. (Грабеж произошел 4 сентября)].

3272 (возврат)

[Письмо Гулара, мэра Куси, 4 октября; письмо Осселина, нотариуса, 7 ноября. "Угрозы поджечь два оставшихся фермерских дома месье де Фоссе". Письмо месье де Фоссе от 28 января 1793 года. Он заявляет, что не подавал никаких жалоб, и если кто-то сделал это за него, то он очень недоволен. "Иск может подвергнуть меня величайшей опасности, поскольку я знаю состояние общественного мнения в Куси, а также то, что виновные сделали и сделают, чтобы повлиять на умы людей в семнадцати коммунах, затронутых опустошением"]].

3273 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3249 письмо М. де Гуи к Ролану, 21 сентября. (Восхитительное письмо, которое, если его полностью скопировать, покажет характер дворянина 1789 года. Много сердечности, много иллюзий и многословия). Первое нападение было совершено 4 сентября, второе - 13-го].

3274 (возвращение)

[Большинство домашних визитов заканчиваются аналогичными повреждениями. Например, ("Archives Nationales", F7, 3265, письмо администраторов Сены-Инферьера, 18 сентября 1792 г.). Посещение замка Каттевиль, 7 сентября, национальной гвардией района. "Национальные гвардейцы напиваются, ломают мебель на куски и производят многократные залпы по окнам и зеркалам; замок полностью разрушен". Муниципальные служащие, попытавшиеся вмешаться, едва не погибли].

3275 (возврат)

[Письмо заканчивается следующим: "Нет, никогда я не покину французскую землю!". Его гильотинируют в Париже, 5 термидора II года, как соучастника мнимого тюремного заговора].

3276 (возвращение)

[Набег на протестантов при Людовике XIV (СР).

3277 (обратно)

["Archives Nationales", Письмо администраторов Уазы, 12 и 15 сентября; письмо прокурора департамента, 23 сентября; письмо администраторов, 20 сентября (о Шантильи). "Огромные сокровища этого домена разграблены". В лесу Хэз и в парке, принадлежащем месье де Фиц-Джеймсу, который теперь является национальной собственностью, "лучшие деревья продаются на месте, срубаются и увозятся" -F7, 3268, письмо смотрителя национальных доменов в Рамбуйе, 31 октября. Леса опустошены "на сумму более 100 000 крон с 10 августа". "Агитаторы, проповедующие свободу гражданам в сельской местности, сами возбуждают беспорядки, которые угрожают стране. Они провоцируют требование раздела имущества со всеми сопутствующими угрозами"].

3278 (возврат)

["Альбер Бабо", I.504 (20 августа)].

3279 (возврат)

[Мортимер-Терно, III. 322 (4 сентября).

3280 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, III.325.- "Archives Nationales", F7, 3239. Официальный отчет муниципалитета Реймса, 6 сентября].

3281 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 4394. Переписка министров в 1792 и 1793 годах. Списки, представленные Роланом конвенту со стороны различных округов и департаментов, содержащие имена священников, требующих паспортов для выезда за границу, тех, кто выехал без паспортов, а также больных или престарелых священников в департаментских приютах].

3282 (возврат)

[Albert Babeau, I. 515-517. Гийон де Монлеон, I. 120. В Лионе после 10 августа неприсягнувшие скрываются; муниципалитет предлагает им паспорта; многие, кто приходит за ними, попадают в тюрьму; другие получают паспорт с отметкой, которая служит для их распознавания на дороге и возбуждает против них ярость волонтеров. "Большинство солдат

наполнили воздух криками "Смерть королям и священникам!" - Саузе, III. гл. IX., и особенно с. 193: "Месье Пешё, бежавший по дороге из Бельфора в Порентруй, был замечен капитаном волонтеров, ехавшим по той же дороге с другими офицерами; взяв ружье, он прицелился в месье Пешё и выстрелил в него"].

3283 (возврат)

["Histoire de Chalons-sur-Marne et de ses monuments", by L. Barbat, pp. 420, 425].

3284 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3207. Письмо директории Кот-д'Ор, 28 августа и 26 сентября. Обращение муниципалитета Боне, 2 сентября. Письмо мсье Жана Салье, окт. 9: "Позвольте мне призвать вас к справедливости и заинтересовать вас в интересах моего брата, меня и пяти слуг, которые 14 сентября прошлого года по приказу муниципалитета Ла-Рош-ан-Бресси, где мы живем уже три года, были арестованы национальной гвардией Солье и, сначала заключенные в тюрьму здесь, в этом городе, 18-го числа были переведены в Семюр, без объяснения причин, и где мы тщетно требовали суда от дирекции округа, которая, не проведя никакого расследования, отправила нас 25-го числа, за большие деньги, в Дижон, где департамент снова заключил нас в тюрьму, не объяснив, как и прежде, никаких причин." В справочнике департамента написано: "Коммуны городов и деревень арестовывают подозреваемых ими лиц и, вместо того чтобы позаботиться о них самим, отправляют их в округ" - подобные произвольные заключения множатся в конце 1792 и начале 1793 года. Комиссары конвента арестовывают в Седане 55 человек за один день; в Нанси - 104 за три недели; в Аррасе - более 1000 за два месяца; в Юре - 4000 за два месяца. В Лонс-ле-Сольнье в тюрьму сажают всех дворян с их прислугой, в Эксе - всех без исключения жителей одного квартала. (De Sybel, II. 305.)].

3285 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3276. Письма администраторов Йонны от 20 и 21 августа - Там же, F7, 3255. Письмо комиссара Боннемана, 22 сентября. - Mortimer-Ternaux, III. 338. - Лавалетт, "Mémoires", I. 100].

3286 (возвращение)

["Archives Nationales", F7, 3,255. Письмо окружного администратора Роанны, 18 августа. Четырнадцать добровольцев кантона Неронда отправляются в Шеневу, особняк, принадлежащий месье Дюлье, предполагаемому эмигранту. Под страхом смерти они требуют у хранителя средств дома 200 франков, которые он им выдает. 1 сентября. "Каждый день репрессивные средства не действуют. Судьи, к которым обращаются с жалобами, не смеют ни докладывать о них, ни судить граждан, вызывающих страх. Свидетели не осмеливаются давать показания из страха подвергнуться жестокому обращению или разграблению со стороны преступников" - письмо от 22 августа. Официальное сообщение муниципалитета Чарлиу от 9 сентября об уничтожении книг земельного кадастра. "Мы ответили, что, не имея сил, чтобы противостоять им, поскольку они сами являются силой, мы воздержимся" - письмо офицера жандармерии, 9 сентября и т.д.].

3287 (возврат)

["Письма с автографами мадам Ролан", опубликованные мадам Банкал де Иссарт, стр. 5 (2 июня 1790 г.)].

3288 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3245.- Письмо мэра и муниципальных чиновников Лиона, 2 августа.- Письмо заместителя прокурора коммуны, 29 августа.- Копия письма Додье, 27 августа. (Ролан отвечает ему с недоумением и говорит, что должно быть судебное преследование.)-Официальный отчет от 9 сентября и письмо муниципалитета, 11 сентября.- Меморандум офицеров Королевско-Полоньского полка, 7 сентября.-Письмо мсье Периньи, тестя одного из убитых офицеров, 19 сентября.-Mortimer-Ternaux, III. 342.- Гийон де Монлеон, I. 124.- Бальедер, "История лионского народа", 91].

3289 (возврат)

["Archives Nationales", письмо Дантона, 3 октября].

3290 (обратно)

[Деций, римский император с 248 по 251 год, известный тем, что преследовал христиан. Он не мог смириться с их отказом присоединиться к общинным корпоративным языческим праздникам. Он настоял на том, чтобы они сделали это, и, как только они это сделали, была выдана грамота о жертвоприношении (libellus). (SR).]

3291 (возврат)

["Этюд о мадам Ролан", Дюбан, 82. Письмо мадам Ролан к Боску, 26 июля 1798 года. "Вы занимаетесь муниципалитетом и позволяете головам сбежать, чтобы придумать новые ужасы. Вы просто дети; ваш энтузиазм - всего лишь костер из соломы! Если Национальное собрание не рассмотрит дело двух прославленных голов в обычной форме или какой-нибудь великодушный Деций не свалит их, вы все пропали"... Там же, 17 мая 1790 года: "Наши сельские округа очень недовольны декретом о феодальных привилегиях... Необходима реформа, в ходе которой должно быть сожжено больше замков. Это не было бы серьезным злом, если бы не существовала опасность того, что враги Революции воспользуются этими недовольствами, чтобы ослабить доверие народа к Национальному собранию" - 27 сентября 1790 года. "Худшая партия имеет успех; забывают, что восстание - самая священная обязанность, когда страна в опасности" - 24 января 1791 года. "Мудрый человек закрывает глаза на обиды или слабости частного лица; но гражданин не должен проявлять милосердия даже к своему отцу, когда на карту поставлено общественное благосостояние"].

3292 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3202. Отчет комиссара, члена директории Канталя, 24 октября. 16 октября в Chaudesaigues добровольцы выламывают дверь и убивают одного из своих товарищей, выступающего против них, которого комиссар пытается спасти. Мэр города, одетый в форму, ведет их к жилищам аристократов, призывая их к грабежу; они силой проникают в несколько домов и забирают вино. На следующий день в Сен-Урсизе они

врываюся в дом бывшего куратора, опустошают или грабят его и "продают его мебель разным людям в округе". Такого же обращения удостоиваются мэр сеньор Виссье и дама Лавалетт; их погреба вскрывают, бочки с вином выносят на площадь, и пьют из крана. После этого "добровольцы отправляются отрядами в соседние приходы и заставляют жителей отдать им деньги или вещи". Комиссар и муниципальные служащие Сент-Урсица, пытавшиеся выступить посредниками, были почти убиты и спаслись только благодаря усилиям отряда регулярной кавалерии. Что касается якобинского мэра Шодесажа, то вполне естественно, что он проповедовал мародерство; при продаже имущества монахинь "он не пускал всех покупателей, и вещи доставались ему почти за бесценок"]].

3293 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3217. Письмо Кастанье, старого жандарма, Ним, 21 августа. Письмо М. Гриоле, прокурора-синдика Гарда, 8 сентября: "Прошу вас, сударь, считать это письмо конфиденциальным; молю вас не компрометировать меня. "- Письмо М. Жилия, судьи-де-па в Роккеморе, 31 октября (с официальными отчетами)].

3294 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3227. Письмо муниципальных служащих Туллинса, 8 сентября].

3295 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3190. Письмо Дантона, 9 октября. Меморандум мсье Казимира Одиффре (с подтверждающими его документами). Его сына по ошибке посадили в тюрьму вместо другого Одиффре, принадлежащего к Комту; он был зарублен саблей в тюрьме 25 августа. Отчет хирурга от 17 октября: "У раненого еще две раны на голове, одна на левой щеке, правая нога парализована; с ним так грубо обращались, перевозя его из тюрьмы в тюрьму, что у него образовался нарыв на запястье; если его там держать, он скоро умрет"]].

3296 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3195. Письмо мсье Амьеля, президента бюро примирения, 28 октября; письмо жителя Авиньона, 7 октября; другие письма без подписей; письмо мсье Жилия, судьи де Пэ, 23 января 1793 г.].

3297 (возврат)

[Fabre, "Histoire de Marseilles", II. 478 и последующие страницы. "Archives Nationales", F7, 3195. Письмо министра юстиции мсье де Жоли (с подтверждающими документами), 6 августа.- Официальные отчеты марсельского муниципалитета, 21, 22, 23 июля.- Официальный отчет муниципалитета Экса, 24 августа.- Письмо прокурора-синдика департамента (с письмом муниципалитета Обань), 22 сентября и т.д., в котором мсье Журдан, министерский чиновник, обвиняется в "аристократизме". К нему приставлена охрана. Около полуночи охранника одолевают, его уводят, а затем убивают, несмотря на уговоры жены и сына. Письмо муниципалитета заканчивается следующим: "Их причитания пронзили наши сердца. Но, увы, кто может противостоять французскому народу, когда он возбужден? Мы остаемся, господа, очень сердечно вашими, муниципальные служащие Обань"]].

3298 (возврат)

[К этой стадии революции, по-видимому, стремятся тайные коммунистические революционеры, организующие распад прежде мощных независимых государств, таких как Германия, Югославия, Индия и т. д. (СР)].

3299 (возврат)

[Moniteur, XIII. 560. Закон, принятый администраторами Буш-дю-Рон 3 августа, "запрещающий специальным сборщикам впредь платить налоги из национального казначейства" - Там же, 744. Доклад Ролана. Департамент Вар, созвав в Авиньоне совещание комиссаров для обеспечения обороны этих областей, говорит министру: "Этот шаг, подрывающий всякое правительство, сводит на нет общие постановления исполнительной власти". - "Archives Nationales", F7, 3195. Обсуждение трех административных органов, собравшихся в Марселе, 5 ноября 1792 г. - Петиция Ансельма, гражданина Авиньона, проживающего в Париже, 14 декабря - Отчет о деле Сен-Реми и т.д.].

32100 (возврат)

["Archives Nationales", CII. I. 32. Официальный отчет избирательного собрания Буш-дю-Рон, 4 сентября. "Для покрытия этих расходов синдик-адвокат округа Тараскон уполномочен задействовать фонды публичного реестра и продавца доходных марок, а также сборщика прямых налогов. Расходы на эту экспедицию будут возложены на антиреволюционных агитаторов, которые сделали ее необходимой. Поэтому необходимо составить список и направить его в Национальное собрание. Комиссары будут уполномочены отстранять от работы районные администрации, муниципальных служащих и вообще всех государственных служащих, которые своим подстрекательством или неправильным поведением поставили под угрозу общественное благо. Они могут даже арестовывать их, а также подозреваемых граждан. Они будут следить за тем, чтобы закон о разоружении подозреваемых граждан и изгнании священников исполнялся неукоснительно" - Там же, F7, 3195. Письмо Трюшема, комиссара департамента, 15 ноября.- Меморандум общины Эйгьер и письмо муниципалитета Эйгьер, 13 сентября.- Письмо М. Жобера, секретаря Салонского народного клуба, 22 октября: "Департамент Буш-дю-Рон вот уже месяц как опустошен комиссиями. ...Деспотизм одного упразднен, и теперь мы пошатываемся под гораздо более обременительным игом толпы деспотов". Положение департамента в сентябре и октябре 1792 года (с подтверждающими документами)].

32101 (возврат)

[Barbaroux, "Mémoires", 89.]

32102 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3196.- Письма и прошение гражданина де Садеса, ноябрь 1792 года, 17 февраля 1793 года, и Вентоза 8, год III.: "Ближе к середине сентября 1792 года (по старому стилю), несколько марсельских разбойников ворвались в мой дом около Апта. Не довольствуясь тем, что вынесли шесть грузов мебели... они разбили зеркала и деревянные изделия". Ущерб оценивается в 80 000 франков. Отчет исполнительного совета в

соответствии с официальным заявлением муниципалитета Кост. 27 сентября Монбрион, комиссар администрации Буш-дю-Рон, посылает двух гонцов за мебелью в Апт. Прибыв в Апт, Монбрион и его коллега Бержье разгружают машины, складывают наиболее ценные вещи в одну телегу, которую присваивают себе, и уезжают на ней на некоторое расстояние, скрывшись из виду, заплатив водителю из собственного кармана: "Нет никаких сомнений в безрассудстве Монбриона и Бержье, администраторов и комиссаров администрации департамента" - де Сад, автор "Жюстины", оправдывает свой известный цивилизный характер и ультрареволюционные петиции, составленные им от имени секции пиктов].

32103 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3272. Читайте в этом деле всю переписку директории и прокурора].

32104 (возврат)

[Обсуждение в коммуне Тулона. 28 июля и последующие дни; заседание трех административных органов, 10 сентября - Lauvergne, "Histoire du department du Var", 104-137].

32105 (возврат)

["Mémoires" канцлера Паскье. Vol. I. p. 106. Librairie Plon, Paris 1893 - Паскье и его жена остановились в Пикардии, их привез в Париж член коммуны, маленький, коротконогий парень, бывший кафедральным письмоводителем в своей приходской церкви, пропитанный доктринами того времени и решительный уравнитель. В деревне Сараллес они прошли мимо дома месье де Ливри, богача с доходом в 50 000 франков, и любовника Сонье, оперного танцора. "Он хороший парень, - восклицает опекун Паскье: "Мы только что заставили его жениться. Послушайте, - говорим мы ему, - пора положить конец такому поведению! Долой предрассудки! Маркизы и танцовщицы должны жениться друг на друге. Он сделал ее своей женой, и хорошо, что сделал; иначе с ним давно бы покончили или посадили в клетку за Люксембургскими стенами". В другом месте, проезжая мимо разрушающегося замка, бывший председатель цитирует Руссо: "На месте каждого падающего замка возвышается двадцать коттеджей". В его голове хранились подобные фразы и тирады, произносимые им в зависимости от случая. Этот человек может считаться прекрасным образцом среднего якобинца].

32106 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3,207. Письмо администраторов Кот-д'Ор министру, 6 октября 1792 г.].

32107 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3195. Письмо администраторов Буш-дю-Рон, 29 октября, и ответ министра на полях].

32108 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3249. Письмо администраторов Орны, 7 сентября, и ответ министра, отмеченный на полях].

32109 (возврат)

["Archives Nationales", F', 3,249. Переписка с муниципалитетом Сен-Фирмен (Уаза). Письмо Ролана от 3 декабря: "Я прочитал письмо, адресованное мне 25 числа прошлого месяца, и не могу скрыть от вас, как больно мне находить в нем принципы, столь разрушающие все узы подчинения, существующие между органами власти, принципы столь ошибочные, что если бы коммуны приняли их, то любая форма правления стала бы невозможной и все общество распалось бы. Действительно, могла ли коммуна Сен-Фирмен убедить себя в том, что она является сувереном, как говорится в письме, и забыли ли граждане, входящие в нее, что сувереном является вся нация, а не сорок четыре тысячи ее частей? Что Сен-Фирмен - лишь часть ее, вносящая свою лепту в наделение депутатов Национального конвента, администраторов департаментов и округов полномочиями действовать в интересах коммуны, но которая, как только изберет своих собственных администраторов и агентов, уже не сможет отменить дарованные ей полномочия без полного нарушения порядка? И т. д." - Следует процитировать все документы, относящиеся к этому делу; нет ничего более поучительного или смехотворного, и особенно стиль секретаря Сен-Фирмина: "Мы призываем вас помнить, что администраторы округа Сенлиса стремятся играть роль сирен, которые пытались очаровать Улисса"]].

32110 (возврат)

[Письмо центрального бюро секций Руана, 30 августа].

32111 (обратно)

["Archives Nationales", F7, 3195. Письмо трех административных органов и комиссаров секций Марселя, 15 ноября 1792 г. Письмо курфюрстов Буш-дю-Рона, 28 ноября (формы вежливости в конце этих писем опущены, несомненно, намеренно). Роланд отвечает (31 декабря): "Всецело восхищаясь гражданственностью храбрых марсельцев,... я не вполне согласен с вами в вопросе осуществления народного суверенитета". В конце он сообщает, что все их письма с ответами были переданы депутатам Буш-дю-Рон, и что последние согласны с ним и уладят дела].

ГЛАВА III.

I.- Второй этап якобинского завоевания.

Важность и многочисленность вакантных должностей.

Вторая стадия якобинского завоевания [будет](#)³³⁰¹ после 10 августа и в течение следующих трех месяцев расширять и умножать все вакансии от верха до низа иерархии, чтобы заполнить их своими людьми. -Во-первых, фракция (партия) устанавливает на вершинах государственной власти представителей, которые представляют только ее саму, семьсот сорок девять всемогущих депутатов, в Конвенте, который, не ограниченный ни побочными полномочиями, ни ранее установленной конституцией, распоряжается по своему усмотрению имуществом, жизнью и совестью всего французского народа. -Тогда, посредством этого едва установленного конвента, он декретирует полное [обновление](#)³³⁰² всех административных и судебных органов, советов и директорий департаментов, советов и коммунальных муниципалитетов, гражданских, уголовных и торговых трибуналов, судей и их помощников в низших судах, заместителей судей, национальных комиссаров гражданских судов, с секретарями и судебными исполнителями, принадлежащими к различным трибуналам и администрациям.³³⁰³ Тем же ударом отменяется обязательность адвокатской практики, так что первый желающий, если он принадлежит к клубу (партии), может стать судьей, не умея писать и даже не умея читать.³³⁰⁴ - [Незадолго](#) до этого личный состав Национальной гвардии во всех городах с населением свыше пятидесяти тысяч душ, а затем во всех пограничных городах, снова прошел через сито выборов.³³⁰⁵ Подобным образом офицеры жандармерии в Париже и по всей Франции снова подвергаются выборам своих людей. Наконец, все почтмейстеры и контролеры почтовых отделений должны быть избраны.³³⁰⁵ Еще лучше, что ниже или наряду с выборными должностными лицами эта административная чистка касается всех неизбираемых функционеров и служащих, как бы незначительна ни была их служба, как бы слабо и косвенно ни были связаны их должности с политическими вопросами. Это объясняется тем, что получатели налогов и заседатели, директора и другие агенты рек и лесов, инженеры, нотариусы, адвокаты, клерки и писцы, принадлежащие к административной ветви власти, подлежат увольнению, если не получают от своего муниципалитета сертификат гражданственности. В Труа из пятнадцати нотариусов отказано четверем,³³⁰⁶ что оставляет четыре места, которые должны быть заполнены их якобинскими клерками. В [Париже](#)³³⁰⁷ "все честные люди, все образованные клерки" изгнаны из военно-морских канцелярий; военное министерство превращается в "притон, где все дежурные носят красные колпаки, где все друг друга обманывают, даже министр, где четыреста служащих, среди которых много женщин, щеголяют в самом грязном платье, проявляют самый холодный цинизм, ничего не делают и со всех сторон воруют". - Под обличением клубов метла применяется даже в самом низу иерархической шкалы, даже к секретарям сельских советов, к посыльным и звонарям в городах, к тюремщикам и швейцарам, к бисерникам и дьячкам, к лесничим, полеводам и другим представителям этого [класса](#)³³⁰⁸. Все эти люди должны быть или казаться якобинцами; в противном случае их место ускользает от них, ибо всегда найдется кто-то, кто захочет его получить, претендовать на него и занять его.³³⁰⁸ За пределами служащих чистка достигает поставщиков и подрядчиков; даже здесь есть верные, которых нужно обеспечить, и нигде эта приманка не

является такой важной. Государство, даже в обычные времена, всегда является крупнейшим потребителем, а в данный момент оно ежемесячно тратит двести миллионов дополнительно только на войну. Какую рыбу можно поймать в таких взволнованных водах! 3309-Все эти выгодные заказы, как и все эти оплачиваемые должности, находятся в распоряжении якобинцев, и они пользуются случаем; они - законный владелец, который возвращается домой после долгого отсутствия и по своему усмотрению отдает или забирает свой обычай, в то время как он делает чистую уборку в своем собственном доме.-Только административная и судебная службы насчитывают 1 300 000 мест, все должности в казначействе, в управлении общественных работ, в управлении народного образования и в церкви; все должности в национальной гвардии и в армии, от главнокомандующего до барабанщика; вся центральная и местная власть с вытекающим отсюда огромным покровительством. Никогда еще столь богатые трофеи не были доступны широкой публике одним махом. Жребий будет разыгран, очевидно, путем голосования; но очевидно, что якобинцы не намерены уступать свою добычу опасностям свободного голосования; они намерены сохранить ее так, как они ее получили, - силой, и не оставят камня на камне, чтобы контролировать выборы.

II.- Выборы.

Молодые и бедные приглашаются к избирательной урне.

Консерваторы, если они будут кандидатами.- Их вожди отсутствуют самих себя.-Пропорция отсутствующих на первичных собраниях.

Они начинают с того, что прокладывают себе дорогу.3310 Новый декрет сразу же отменил слабое и последнее законное требование беспристрастности, честности и компетентности избирателя и кандидата, имеющего право голоса. Больше нет дискриминации между активными и пассивными гражданами; больше нет разницы между избирательным налогом избирателя первой степени и избирателя второй степени: никакой квалификации избирательного налога. Все французы, за исключением домашней прислуги, к которой относятся с недоверием, полагая, что она находится под влиянием работодателя, могут голосовать в первичных собраниях, и теперь не в двадцать пять лет, а в двадцать один год, что приводит на избирательные участки две самые революционные группы, с одной стороны, молодежь, а с другой - бедняков, причем последних в наше время безработицы, дефицита и нищеты огромное количество, в общей сложности два с половиной миллиона, а возможно, и три миллиона новых избирателей.-В Безансоне число зарегистрированных избирателей удвоилось3311.-Таким образом, обычные клиенты якобинцев допускаются в избирательные границы, из которых они до сих пор были исключены3312, и, чтобы обеспечить их приезд, их лидеры решают, что каждый избиратель, вынужденный путешествовать, "получает двадцать су с пробегом", кроме того, "три франка на суточные во время его пребывания"3313.

Привлекая своих сторонников, они отталкивали своих противников. Политический бандитизм, с помощью которого они господствуют над Францией и наводят на нее ужас, уже позаботился об этом. Множество произвольных арестов и безнаказанных убийств являются предупреждением для всех кандидатов, не принадлежащих к их партии; и я говорю не о дворянах или друзьях старого режима, которые бежали или находятся в тюрьме, а о конституционалистах и фельянах. Любое предвыборное предприятие с их стороны было бы безумием, почти самоубийством. Соответственно, никто из них не привлекает к себе внимания. Если в списке появляется какой-нибудь возмутительный умеренный, например Дюран де Майян, то только потому, что революционеры приняли его, не зная его, и потому, что он клянется, что ненавидит королевскую власть.³³¹⁴ Другие, более честные, не хотят надевать народную ливрею и прибегать к клубному покровительству, поэтому они старательно держатся в стороне; они слишком хорошо знают, что в противном случае их головы будут нанизаны на пики, а их дома - разграблены. В самый момент подачи голосов домены нескольких депутатов оказываются разграбленными только потому, что "в сравнительных списках семи поименных вызовов", присланных якобинцами в департаменты из Парижа, их имена оказались [справа](#)³³¹⁵.-Конституционалистов Законодательного собрания держат в столице, отказывая им в паспортах, чтобы они не могли вернуться в провинции и получить голоса, публично заявив правду о недавней революции.-Также все консервативные журналы подавляются, заставляются молчать или становятся отступниками.-Сейчас, когда у человека нет ни возможности высказаться, ни кандидата, который мог бы стать его представителем, какой смысл голосовать? Тем более что первичные собрания - это места беспорядка и [насилия](#)³³¹⁶, куда во многих местах допускаются только [патриоты](#)³³¹⁷, а консерватора "оскорбляют и подавляют числом", и если он высказывает свое мнение, то подвергается опасности, а если молчит, то рискует навлечь на себя доносы, угрозы и удары. Держаться на заднем плане, оставаться в стороне, избегать внимания и стремиться быть забытым - таково правило при паше, и особенно когда этот паша - толпа. Отсюда абсентеизм большинства; вокруг избирательной урны - огромная пустота. В Париже на выборах мэра и муниципальных чиновников голосование в октябре, ноябре и декабре собирает только 14 000 из 160 000 зарегистрированных избирателей, позже - 10 000, а еще позже - только 7 000.³³¹⁸ В Безансоне на 7 000 зарегистрированных избирателей приходится менее 600; такая же пропорция наблюдается и в других городах, например, в Труа. Точно так же в сельских кантонах, к востоку от Дуба и к западу от Луары-Инфьерьер, лишь десятая часть избирателей осмеливается воспользоваться своим правом голоса.³³¹⁹ Избирательный источник настолько истощен, настолько часто нарушается и настолько засорен, что почти пересох: в этих первичных собраниях, которые прямо или косвенно делегируют все государственные полномочия и которые, по выражению общей воли, должны быть полными, не хватает шести миллионов трехсот тысяч избирателей из семи миллионов.³³²⁰

III.- Состав и тон вторичных собраний.

Исключение "фельяновских" выборщиков.- Давление на других избирателей.-Лица, избранные консерваторами, обязаны

уйти в отставку.- Выборы католиков отменены.- Признание
Якобинское меньшинство.-Выборы их людей признаны
действительными.-Общественное мнение, не согласное с официальными
выборами.

В результате этой ожидаемой чистки собрания первой степени оказываются по большей части якобинскими; следовательно, назначенные ими выборщики второй степени тоже по большей части якобинские; во многих департаментах их собрание становится самым анархичным, самым бурным и самым узурпаторским из всех клубов. Здесь только крики, доносы, присяги, зажигательные движения, аплодисменты, которые разносят все вопросы, яростные речи парижских комиссаров, делегатов от местного клуба, проходящих федератов и женщин, требующих оружия.³³²¹ Собрание в Па-де-Кале освобождает и аплодирует женщине, заключенной в тюрьму за то, что она била в барабан в толпе. Парижское собрание братается с версальскими бойцами и убийцами мэра Этампа. Собрание Буш-дю-Рон вручает сертификат добродетели убийце из Глясьера Журдану. Собрание Сены-и-Марны аплодирует предложению бросить пушку, в которой могла бы быть голова Людовика XVI, в качестве ядра для стрельбы по врагу.³³²² Неудивительно, что избирательный орган, лишенный самоуважения, не должен ничего уважать и заниматься членовредительством под предлогом очищения.³³²² Цель деспотического большинства состояла в том, чтобы сразу, без всяких споров, воцариться на своей собственной власти и изгнать всех оскорбительных избирателей. В Париже, в Эсне, в Верхней Луаре, в Иль-и-Вилене, в Мэн-и-Луаре оно исключает как недостойных членов старых фельянов и монархических клубов, а также подписантов конституционалистских протестов. В Эро он отменяет выборы в кантоне Сервиан, потому что избранные, по его словам, являются "сумасшедшими аристократами". В Орне он прогоняет старого конституционалиста Гупиля де Префельна, потому что тот голосовал за пересмотр, а также его зятя, потому что он его зять. В Буш-дю-Рон, где кантон Сеньон, по ошибке или по обычаю, поклялся "поддерживать конституцию королевства", он отстраняет этих ретроградных избранников, возбуждает дело против "совершенного преступления" и посылает войска против Новеса, потому что избиратель Новеса, правосудие, обличенное и подвергающееся опасности, сбежал из избирательного логова... После очищения лиц он переходит к очищению чувств. В Париже и по меньшей мере в девяти [департаментах](#)³³²³, презрев закон, подавляется тайное голосование, последнее убежище робких консерваторов, и навязывается каждому избирателю устное публичное голосование, громкое и ясное, по его имени; то есть, если он не проголосует, как положено, ему грозит [виселица](#)³³²⁴. В Париже выборы проходят посреди зверств, под пиками мясников и подстрекаемых ими подстрекателей. В Мо и Реймсе заседающие выборщики были слышны под крики убитых священников. В Реймсе мясники сами приказали избирательному собранию избрать своих кандидатов - Друэ, знаменитого почтмейстера, и Армонвиля, подвыпившего шерстобита, после чего половина собрания удалась, а были избраны два кандидата убийц. В Лионе, через два дня после резни, командир якобинцев пишет министру: "Вчерашняя катастрофа обратила аристократов в бегство и обеспечила нам большинство в Лионе".³³²⁵ Из всеобщего избирательного права, подвергнутого столь тщательному отсеиванию, столь сильному давлению, нагретого и очищенного в революционной аламбике, те, кто им управляет, получают все, что им нужно, - концентрированный экстракт, квинтэссенцию якобинского духа.

И все же, если этот экстракт не кажется им достаточно сильным, где бы они ни властвовали, они выбрасывают его и начинают все сначала. В [Париже](#)³³²⁶ новый Совет Коммуны с помощью очистительного и избыточного голосования изгоняет своих неустойчивых членов,

а д'Ормессон, избранный мэр от умеренных, подвергается стольким угрозам, что на пороге своего вступления в должность подает в отставку. В [Лионе3327](#) другой умеренный, Нивьер-Шоль, дважды избранный и получивший 9 000 голосов из 11 000, дважды вынужден оставить свое место; после него врач Жилибер, который, поддерживаемый теми же избирателями, собирается получить большинство, внезапно схвачен и брошен в тюрьму; даже в тюрьме он избран; клубисты заключают его туда еще строже и не выпускают даже после вымогательства его отставки. -В других сельских кантонах, например, во [Франш-Конте3328](#) , многие выборы отменяются, когда избранный оказывается католиком. Якобинское меньшинство часто отделяется, собирается в таверне, выбирает своего мэра или мирового судью, и действительность его избрания гарантируется, потому что он патриот; тем хуже для большинства, чьи более многочисленные голоса признаются недействительными, потому что их подали "фанатики"... Ответ на всеобщее избирательное право, к которому так апеллируют, не может быть иным, чем тот, который для него сформулирован. Неоспоримые факты должны показать, в какой степени эта реакция является вынужденной или извращенной, какая дистанция существует между официальным выбором и общественным мнением, как выборы придают противоположный смысл народным настроениям. Департаменты Дё-Севр, Мэн-и-Луар, Вандея, Луара-Инферьер, Морбиан и Финистер посылают в Конвент только антикатолических республиканцев, в то время как эти же департаменты должны стать неисчерпаемым рассадником великого католического и роялистского восстания. Трое из четырех депутатов представляют Лозер, где шесть месяцев спустя тридцать тысяч крестьян пройдут под королевским белым знаменем. Шесть реджистов из девяти депутатов представляют Вандею, которая восстанет от одного ее конца до другого во имя [короля3329](#).

IV.- Состав Национального конвента.

Количество монтаньяров в начале работы.- Мнения и настроения депутатов равнины.- Жиронда.- Преобладание жирондистов в Конвенте.- Их интеллектуальный интеллектуальный характер.- Их принципы.- План их Конституция.- Их фанатизм.- Их искренность, культура и вкусы.-Как они отличаются от чистых якобинцев.-Как они понимают народный суверенитет.- Их положения относительно в отношении инициативы отдельных лиц и групп. Слабость философской мысли и парламентской слабость философской мысли и парламентской власти во времена анархии.

Каким бы мощным ни было предвыборное давление, машина для голосования не дала ожидаемых результатов. На момент открытия сессии из 749 депутатов только около [пятидесяти3330](#) одобрили Коммуну, причем почти все они были избраны в тех местах, где, как в Реймсе и Париже, террор держал избирателя за горло, "под дубинками, топорами, кинжалами и дубинками мясников "[3331](#). Но там, где физические впечатления от убийства не

были столь ощутимыми и впечатляющими, некоторое чувство приличия предотвратило слишком вопиющие выборы. Склонность голосовать за известные имена не могла быть полностью подавлена; семьдесят семь бывших членов Учредительного собрания и сто восемьдесят шесть членов предыдущего Законодательного собрания вошли в состав Конвента, и практические знания, которые многие из них имеют о делах правительства, позволили им кое-что понять. Короче говоря, совесть шестисот пятидесяти депутатов извращена лишь отчасти.

Все они, несомненно, убежденные республиканцы, враги традиций, апостолы разума, обученные дедуктивной политике; только при таких условиях они могли быть избраны. Предполагается, что каждый кандидат должен обладать якобинской верой или, по крайней мере, произносить революционное кредо. Поэтому на первом заседании Конвент единогласно, с ликованием и энтузиазмом, голосует за отмену королевской власти, а через три месяца подавляющим большинством голосов объявляет Людовика XVI...,

"виновным в заговоре против свободы нации и в посягательстве на общее благосостояние государства" [3332](#).

Тем не менее, социальные привычки все еще существуют под влиянием политических предрассудков. Человек, который родился и долгое время живет в старом обществе, только благодаря этому несет на себе его отпечаток; обычаи, которым он следует, выкристаллизовались в нем в виде чувств: если это общество хорошо регламентировано и цивилизовано, он невольно пришел к уважению собственности и человеческой жизни, и в большинстве случаев это уважение пустило очень глубокие корни. Теория, даже если она принята, не может полностью уничтожить это уважение; лишь в редких случаях она успешна, когда сталкивается с грубыми и дефективными натурами; Чтобы полностью закрепиться, необходимо, чтобы она обрушилась на разрозненных наследников прежних пагубных appetitов, на безнадежно деградирующие души, в которых дремлют страсти более раннего времени; только тогда ее злобность проявляется в полной мере, ибо она пробуждает свирепые или грабительские инстинкты варвара, налетчика, инквизитора и паши. Напротив, у огромного числа людей, что бы они ни делали, честность и гуманность всегда остаются сильными мотивами. Почти все эти законодатели, происходящие из среднего класса, в основе своей, независимо от сиюминутных заблуждений, являются теми, кем они всегда были до сих пор, адвокатами, поверенными, купцами, священниками или врачами древнего режима, и теми, кем они станут впоследствии, послушными администраторами или ревностными чиновниками наполеоновской [империи333](#), то есть обычными цивилизованными людьми XVIII и XIX веков, достаточно честными в частной жизни, чтобы иметь желание быть такими же в общественной жизни.-Отсюда их ужас перед анархией, [Маратом3334](#) и сентябрьскими мясниками и грабителями. Через три дня после своего собрания они "почти единогласно" голосуют за подготовку закона "против подстрекателей к убийствам и покушениям". "Почти единогласно" они хотят создать гвардию, набранную в 83 департаментах, против вооруженных банд Парижа и Коммуны. Первым президентом "почти полным большинством голосов" избирается Петиция. Ролан, только что прочитавший им свой доклад, встречен "громкими" аплодисментами почти всего Собрания. Короче говоря, они выступают за идеальную республику против настоящих разбойников. Этим объясняется их расположение вокруг тех честных и искренних депутатов, которые в двух предыдущих собраниях или рядом с ними были самыми умелыми защитниками принципов и человечности, вокруг Бузо, Ланжуина, Петиции, Рабо-Сен-Этьена; вокруг Бриссо, Верньо, Гваде, Генсонне, Иснара и Кондорсе; вокруг Ролана, Луве, Барбару и пятисот депутатов

"Равнины" [3335](#), шедших единым строем под предводительством 180 жирондистов, которые теперь составляют "Правых". [3336](#)

Эти последние, республиканцы, наиболее искренни и обладают наибольшей верой; они давно стали таковыми, после долгих размышлений, изучения и по принципу. Почти все они - начитанные образованные люди, рассуждающие, философы, ученики Дидро или Руссо, убежденные в том, что абсолютная истина открыта их мастерами, основательно пропитанные "Энциклопедией" [3337](#) или "Социальным договором", так же как пуритане в свое время Библией [3338](#). В возрасте, когда ум созревает и с нежностью цепляется за общие идеи [3339](#), они приняли теорию и нацелились на реконструкцию общества в соответствии с абстрактными принципами. В соответствии с этим они принялись за работу как чистые логики, неукоснительно применяя поверхностную и ложную систему анализа, бывшую тогда в моде. [3340](#) Они сформировали для себя представление о человеке в целом, одинаковом во все времена и эпохи, экстракт или минимум человека; они обдумали несколько тысяч или миллионов этих абстрактных смертных, возвели их воображаемые воли в первобытные права и составили в предвкушении химерический договор, который должен регулировать их невозможный союз. Не должно быть больше никаких привилегий, никакой наследственности, никаких квалификаций; все должны быть выборщиками, все иметь право голоса и все быть равными членами суверенитета; все полномочия должны быть краткосрочными и предоставляться путем выборов; должно быть только одно собрание, избираемое и полностью обновляемое ежегодно, один исполнительный совет, избираемый и обновляемый наполовину ежегодно, национальное казначейство, избираемое и обновляемое на одну треть ежегодно; Все местные администрации и трибуналы должны быть выборными; референдум для народа, избирательный орган, наделенный инициативой, постоянное обращение к суверенитету, который, всегда советуясь и всегда действуя, проявит свою волю не только выбором своих мандатов, но и "порицанием", которое он будет применять к законам - такова Конституция, которую они сами для себя создают. [3341](#)

"Английская конституция, - говорит Кондорсе, - создана для богатых, американская - для зажиточных граждан; французская конституция должна быть создана для всех людей" - по этой причине она является единственно законной; всякое учреждение, отклоняющееся от нее, противоречит естественным правам и, следовательно, должно быть только уничтожено - вот что делали жирондисты на законодательных сессиях; мы знаем, как они, вооруженные иллюзиями [3342](#) своей новой философии и торжествуя благодаря жесткому, поспешному и опрометчивому разуму, * преследовали католическую совесть.

- * преследовали католическую совесть,
- * нарушали феодальную собственность,
- * посягали на законную власть короля,
- * преследовали остатки древнего режима,
- * терпели преступления, совершаемые толпами,
- * даже вверг Францию в европейскую войну,
- * вооружал даже нищих,

* привел к свержению всех правительств.

В том, что касается его утопии, жирондист - сектант, и он не знает угрызений совести.

* Его мало волнует, что девять из десяти выборщиков не голосуют: он считает себя полномочным представителем всех десяти.

* Его мало волнует, поддерживает ли подавляющее большинство французов Конституцию 1791 года; его дело - навязать им свою.

* Его мало волнует, являются ли его бывшие противники - король, эмигранты, не присягнувшие церковники - людьми благородными или, по крайней мере, заслуживающими оправдания; он начнет против них любое жесткое судебное разбирательство, высылку, конфискацию, гражданскую смерть и физическую [смерть3343](#).

В своих собственных глазах он - судья, и эта должность дарована ему по вечному праву. Ни одно человеческое увлечение не является столь пагубным для человека, как увлечение абсолютным правом; ничто лучше не рассчитано на разрушение в нем наследственного накопления нравственных представлений.³³⁴³ Однако в узких рамках своего вероучения жирондисты искренни и последовательны. Они владеют своими формулами; они умеют выводить из них следствия; они верят в них так же, как геодезист в свои теоремы, а богослов в статьи своей веры; они стремятся применить их, разработать конституцию, создать регулярное правительство, выйти из варварского состояния, положить конец уличным дракам, грабежам, убийствам, господству грубой силы и обнаженного оружия.

Беспорядок, движущая сила, столь отвратительная для них как для логиков, еще более отвратительна для них как для культурных, воспитанных людей. У них есть представление о том, что должно быть,³³⁴⁴ о том, как должно быть, и их вкусы даже изысканны. Они не знакомы с грубыми манерами Дантона, его грубым языком, его клятвами, его низкими связями с народом и не хотят подражать им. Они не пошли, подобно Робеспьеру, жить к мастеру-столяру, чтобы жить с ним и есть с его семьей. В отличие от Паше, военного министра, никто из них не "считает за честь" "спуститься пообедать со своим носильщиком" и послать своих дочерей в клуб, чтобы они по-братски поцеловали пьяных [якобинцев3345](#). В доме мадам Ролан есть салон, хотя он чопорный и педантичный; Барбару посылает стихи маркизе, которая после 2 июня сбегает с ним в Кан.³³⁴⁶ Кондорсе живет в высшем обществе, а его жена, бывшая канонисса, обладает прелестями, покоем, образованностью и элегантностью опытной женщины. Люди такого типа не могут терпеть рядом с собой неумелую и грубую диктатуру вооруженного сброда. Для обеспечения государственной казны они требуют регулярных налогов, а не тиранических конфискаций.³³⁴⁷ Для подавления злодеев они предлагают "наказание, а не изгнание".³³⁴⁸ Во всех государственных процессах они выступают против нерегулярных судов и стремятся сохранить для обвиняемых некоторые из обычных гарантий.³³⁴⁹ При объявлении короля виновным они не решаются вынести смертный приговор и пытаются облегчить свою ответственность, обращаясь к народу. Строка "законы, а не кровь", вызвавшая ажиотаж в одной из пьес того времени, в двух словах выражает их политические идеи. И, естественно, закон, особенно республиканский, является законом для всех; как только он принят, никто, ни гражданин, ни город, ни партия, не может отказаться подчиняться ему, не будучи преступником. Чудовищно, что один город присвоил себе привилегию управлять нацией; Париж, как и другие департаменты, должен быть сведен к своей восьмой трети влияния. Чудовищно, что в столице с населением в 700 000 душ пять или шесть тысяч радикальных якобинцев должны угнетать секции и единолично избирать своих кандидатов; в секциях и на избирательных участках все граждане, по крайней мере все республиканцы, должны

пользоваться равным и свободным правом голоса. Чудовищно, что принцип народного суверенитета используется для прикрытия нападков на народный суверенитет, что под предлогом спасения государства первый встречный может убивать кого хочет, что под предлогом сопротивления угнетению каждая толпа должна иметь "право" свергнуть правительство - следовательно, это воинствующее "право" должно быть умиротворено, заключено в законные рамки и подвергнуто установленному [процессу](#)³³⁵⁰. Если кто-либо желает принять закон, реформу или общественную меру, пусть изложит это на бумаге за своей подписью и подписью пятидесяти других граждан того же первичного собрания; затем это предложение должно быть представлено его собственному первичному собранию; затем, если оно получит большинство голосов, первичным собраниям его округа; затем, в случае большинства, в первичные собрания его департамента; затем, в случае большинства, во все первичные собрания нации, так что после повторного вердикта тех же самых собраний, с которыми дважды советовались, Законодательный орган, уступая большинству первичных голосов, может распуститься, и на его место встанет новый Законодательный орган, в котором все старые члены будут объявлены неправомочными. - Это окончательное выражение и главная идея теории. Кондорсе, ее искусный конструктор, превзошел самого себя. Невозможно разработать на бумаге более изобретательный или сложный механизм. Жирондисты в заключительной статье этой безупречной конституции полагают, что нашли способ усыпить зверя и позволить суверенному народу в полной мере заявить о своих правах.

Как будто с помощью какой-то конституции, а особенно с помощью этой, можно заглушить зверя! Как будто оно в настроении повернуть шею, позволяя им надеть на него намордник! Робеспьер, выступая от имени якобинцев, выдвигает положение, радикально противоположное тому, что было разработано [Кондорсе](#)³³⁵¹:

"Подчинение "права на сопротивление угнетению" юридическим формальностям - это высшая степень тирании... Когда правительство нарушает права народа, всеобщее восстание народа, а также отдельных его частей - самая священная обязанность".

Однако политическая ортодоксия, тщательная аргументация и ораторский талант не являются оружием против этого вечно бормочущего мятежа.

"Наши философы, - говорит один хороший наблюдатель,³³⁵² - хотят достичь своих целей путем убеждения; это равносильно тому, чтобы сказать, что сражения могут быть выиграны красноречием, прекрасными речами и планами конституции. По их мнению, очень скоро... достаточно будет взять с собой в бой вместо пушек полные экземпляры Маккиавелли, Руссо и Монтескье, причем им и в голову не придет, что эти авторы, как и их произведения, никогда не были и не будут дураками, если их выставить против головореза, вооруженного хорошей шпагой".

Парламентский пейзаж исчез; все вернулось к естественному состоянию, то есть к состоянию войны, и теперь речь идет не о дебатах, а о грубой силе. Быть правым, убеждать конвенцию, добиваться большинства, принимать декреты было бы уместно в обычное время, при правительстве, обеспеченном вооруженными силами и регулярной администрацией, посредством которой с вершин государственной власти декреты большинства нисходят через покорных функционеров к сочувствующему и послушному населению. Но во времена анархии, и прежде всего в Париже, в логове Коммуны, каким оно стало 10 августа и 2 сентября, все это не имеет никакого значения.

V.- Якобинцы в одиночку формируют суверенный народ.

Мнение в Париже.- Большинство населения конституционный.- Новый режим непопулярен.- Нехватка и нехватка и дороговизна продовольствия.-препятствование католическим обычаям.- всеобщее и растущее недовольство.-Отвращение или безразличие к жирондистов.-Политическая отставка большинства.-Современные современные обычаи несовместимы с чистой демократией.- Люди с собственностью люди с достатком, промышленники и торговцы, держатся в стороне.
-Распушенность, робость и слабость консерваторов.
-Только якобинцы составляют суверенный народ.

И это не имеет никакого значения, потому что, во-первых, в этом великом городе Париже жирондисты изолированы и не имеют группы ревностных сторонников, на которых можно было бы положиться. Ибо, если значительное большинство выступает против своих противников, это не в их пользу, поскольку в глубине души они остаются "конституционалистами".³³⁵³ "Я бы стал хозяином Парижа, - говорит один профессиональный наблюдатель, - за десять дней, не нанеся ни одного удара, если бы у меня было всего шесть тысяч человек и один из конюхов Лафайета, чтобы командовать ими". Лафайет, действительно, с момента ухода или сокрытия роялистов представляет собой старое, непоколебимое и внутреннее мнение столицы. Париж подчиняется жирондистам, равно как и монтаньярам, как узурпаторам; масса публики относится к ним с неприязнью, и не только буржуазия, но и большинство народа ненавидит установленное правительство.

Работы мало, а еда дорогая; бренди подорожало втрое; на рынок в Пуасси привозят всего четыреста быков вместо семи или восьми тысяч; мясники заявляют, что на следующей неделе в Париже не будет мяса, кроме как для больных.³³⁵⁴ Чтобы получить небольшую порцию хлеба, нужно простоять пять или шесть часов в очереди у булочных, и,³³⁵⁵ как обычно, рабочие и домохозяйки вменяют все это в вину правительству. Это правительство, которое так плохо обеспечивает их нужды, еще больше оскорбляет их в самых глубоких чувствах, в самых дорогих для них привычках, в их вере и богослужении. Простой народ, даже в Париже, в это время все еще очень религиозен, гораздо более религиозен, чем в наши дни. Когда священник, несущий Святыню, проходит по улице, толпа "собирается со всех сторон, мужчины, женщины и дети, молодые и старые, и падают на колени в знак поклонения".³³⁵⁶ В день, когда мощи святого Лё несут в процессии по улице Сен-Мартен, "все становятся на колени; я не видел ни одного человека, - говорит внимательный наблюдатель, - который не снял бы шляпу". У караульного помещения участка Моконсейль вся рота подала оружие". В то же время "горожане, живущие вокруг рынков, переговаривались между собой, чтобы узнать, нельзя ли как-нибудь украсить дома гобеленами".³³⁵⁷ На следующей неделе они вынуждают революционный комитет **Сент-Эсташа**³³⁵⁸ разрешить еще одно шествие, и снова каждый преклоняет колено: "все одобрили церемонию, никто, насколько я слышал, не высказал никаких возражений". Это поразительная картина..... Я видел раскаяние, видел параллель, которую каждый вынужден

проводить между настоящим положением вещей и прежним. Я видел, какие лишения пришлось пережить народу из-за утраты того, что раньше было самым впечатляющим из всех церковных церемоний. Люди всех сословий и возрастов были глубоко затронуты и смиренны, и у многих на глазах были слезы". В этом отношении жирондисты, будучи философами, более иконоборческие, более нетерпимые, чем кто-либо другой, и нет никаких оснований предпочитать их своим противникам. В сущности, правительство, созданное в результате недавней избирательной комедии для большей части парижан, не имеет никакого авторитета, кроме самого факта своего существования; люди мирятся с ним, потому что другого нет, полностью признавая его [ничтожность](#)³³⁵⁹; это правительство чужаков, интервентов, бездельников, задиристых, слабых и жестоких людей. Конвенту нечем зацепиться ни за народ, ни за буржуазный класс, и по мере того, как он все быстрее сползает с революционного холма, он один за другим разрывает узы, которыми он еще связан с нерешительными.

За восемь месяцев правления Конвентом общественное мнение было полностью отчуждено. "Почти все, у кого есть собственность любого рода, консервативны" ³³⁶⁰, и все консерваторы выступают против него. "Жандармы открыто выступают против революции, вплоть до революционного трибунала, решения которого они громко осуждают. Все старые солдаты с отвращением относятся к существующему порядку вещей".³³⁶¹ Добровольцы, "вернувшиеся из армии, злятся на то, что король умер, и за это они готовы перебить всех якобинцев".³³⁶² Ни одна не партия в Конвенте избежала этого всеобщего недовольства и растущего отвращения. "Если бы вопрос о гильотинировании членов Конвента можно было поставить на открытое голосование, он был бы решен против них большинством в 19-20%"³³⁶³, что, собственно, и составляет примерно ту долю избирателей, которые из-за страха или отвращения не приходят на избирательные участки. Пусть "правые" или "левые" Конвента побеждают или терпят поражение, это их дело; широкая публика не вступает в дискуссии о своих победителях, и ей уже нет дела ни до Жиронды, ни до "Горы". Его старые обиды всегда возрождаются "против Верньо, Гваде и компании" ³³⁶⁴; он не любит их, не доверяет им и позволит их разгромить, не помогая им. Разгневанные могут изгнать Тридцать два, если захотят, и посадить их под замок. "Аристократия (под которой подразумеваются владельцы собственности, купцы, банкиры, богачи и зажиточные люди) ничего так не желает, как видеть их гильотинированными".³³⁶⁵ Даже низшая аристократия (под которой подразумеваются мелкие торговцы и старосты) интересуется их судьбой не больше, чем если бы они были сбежавшими дикими зверями.... снова поймали и посадили в клетки".³³⁶⁶ "Гваде, Петийон, Бриссо не нашли бы в Париже и тридцати человек, которые приняли бы их участие или даже сделали бы первый шаг к их спасению".³³⁶⁷

Помимо всего прочего, не имеет значения, есть ли у большинства какие-либо предпочтения; его симпатии, если они есть, никогда не будут иными, кроме платонических. Оно больше не имеет никакого значения ни для одного из лагерей, оно ушло с поля боя, оно теперь просто ставка в конфликте, добыча и трофей победителя. Ибо, не умея или не желая подчиняться навязанной ему политической системе, он сам себя обрекает на полное бессилие. Эта система - прямое правление народа народом, со всеми вытекающими отсюда последствиями, постоянными собраниями секций, дебатами в клубах на публике, шумом на галереях, движениями под открытым небом, толпами и манифестациями на улицах; нет ничего менее привлекательного и более невыполнимого для цивилизованных и занятых людей. В наших современных сообществах работа, семья и общение поглощают почти все наше время; следовательно, такая система подходит только праздным и грубым изгоям, которые чувствуют себя там как дома; остальные отказываются входить в среду, специально созданную для одиночек, сирот, некавалифицированных людей, живущих в ночлежках,

сквернословящих, лишенных обоняния, обладающих даром болтливости, крепкими руками, крепкой шкурой, твердым задом, умеющих суетиться, и которым удары заменяют [аргументы3368](#). - После сентябрьской резни и открытия заграждений множество владельцев и лиц, живущих на их доходы, не только подозреваемых, но и тех, кто считал, что может стать таковыми, бежали из Парижа, и в последующие месяцы эмиграция растет вместе с опасностью. К декабрю, по слухам, составляются списки бывших фельянов; "нас уверяют, что за последние восемь дней столицу покинули более четырнадцать тысяч человек". [3369](#) По сообщению самого [министра3370](#), "многие, кто независим по состоянию и положению, покидают город, где ежедневно говорят о возобновлении проскрипций". "На лучших улицах растет трава, - пишет один из депутатов, - а в уединенных виллах фобура Сен-Жермен царит могильная тишина" [3369](#). Что касается оставшихся консерваторов, то они ограничиваются частной жизнью, из чего следует, что в политическом балансе присутствующие имеют не больше значения, чем отсутствующие. На муниципальных выборах в октябре, ноябре и декабре из 160 000 зарегистрированных избирателей сначала 144 000, затем 150 000 и, наконец, 153 000 не приходят на избирательные участки; они, конечно, и по гораздо более веской причине, не появляются на собраниях своих секций. Обычно из трех-четырёх тысяч граждан присутствуют только пятьдесят-шестьдесят; одно из них, называемое генеральным собранием, которое выражает волю народа Конвенту, состоит из двадцати пяти избирателей. [3371](#) Итак, что же делать здравомыслящему человеку, другу порядка, в этих притонах фанатиков? Он остается дома, как в бурные дни; он позволяет словесному ливню израсходовать себя, не заботясь о том, чтобы быть выплеснутым в сточную канаву глупостей, которые несут в себе грязь этого района.

Если он вообще выходит из дома, то, как и в прежние времена, отправляется на прогулку, чтобы удовлетворить вкусы, которые были у него при старом режиме, вкусы болтливого, любопытного соглядатая и дружелюбного гуляки, парижанина, находящегося в безопасности в своем хорошо управляемом городе. "Вчера вечером, - пишет человек, предчувствующий грядущее воцарение террора, - я занял место посреди правой аллеи Елисейских [полей3372](#); она была заполнена - кем бы вы думали? Поверите ли, умеренные, аристократы, владельцы собственности и очень красивые женщины, элегантно одетые, ищущие ласки весеннего ветерка! Это было очаровательное зрелище. Все были веселы и улыбались. Лишь я один не был таким... Я поспешно удалился и, проходя через сад Тюильри, увидел повторение того, что видел раньше: сорок тысяч богатых людей, разбросанных тут и там, почти столько же, сколько вмещает Париж" - это, очевидно, овцы, готовые к бойне. Они больше не думают об обороне, они отказались от своих постов в пользу санкюлотов, "они отказываются от всех гражданских и военных функций" [3373](#), они избегают службы в Национальной гвардии и вместо этого платят своим заместителям. Короче говоря, они выходят из игры, в которую в 1789 году они хотели играть, не понимая ее, и в которой с конца 1791 года они постоянно обжигали пальцы. Карты можно передать другим, тем более что карты грязные и игроки бросают их друг другу в лицо; что касается их самих, то они - зрители, у них нет других стремлений: "Оставьте им их прежние [удовольствия3374](#), оставьте им удовольствие ездить и приходить по всему королевству; но не заставляйте их участвовать в войне. Обложите их самыми тяжелыми налогами, и они не будут жаловаться; никто даже не узнает об их существовании, в то время как самый серьезный вопрос, который тревожит их в задумчивости, - можно ли развлекать себя так же при республиканской форме правления, как и при древнем режиме?" Возможно, они надеются скрыться под покровом безразличного нейтралитета. Вероятно ли, что победитель, кем бы он ни был, будет считать врагами людей, которые заранее смирились с его правлением? "Вчера утром один [щеголь3375](#) рядом со мной заметил: "Они не отнимут у меня оружия, потому что у меня его никогда не было". Увы, - ответил я ему, - не хвастайтесь этим, потому что в Париже можно

найти сорок тысяч простаков, которые сказали бы то же самое, и, действительно, это совсем не в пользу Парижа" - такова слепота или самодовольство городского жителя, который, всегда живя под хорошей полицией, не желает менять свои привычки и не понимает, что пришло время превратиться в боевого человека.

Промышленники, торговцы и люди, живущие на свой доход, еще менее склонны, чем независимый джентльмен, бросать свои личные дела ради общественных. Его бизнес не будет ждать его, если он ограничится своим офисом, магазином или счетной палатой. Например, "виноторговцы³³⁷⁶ - почти все аристократы в этом смысле слова в данный период", но "никогда их продажи не были так велики, как во время народных восстаний и в революционные дни". Отсюда и невозможность получить их услуги в те дни. "Их видят в помещении очень активными, с тремя или четырьмя помощниками", и они остаются глухи к любым призывам. "Как мы можем уйти, когда у нас такой хороший обычай? Люди должны иметь возможность удовлетворять свои потребности. Кто будет их обслуживать, если я и официанты уедем?" - Есть и другие причины их слабости. Все чины в Национальной гвардии и все места в муниципалитете отданы якобинским экстремистам, у них нет вождей: жирондисты не в состоянии их сплотить, а министр Гарат не желает их нанимать. Более того, они разделены между собой, никто не доверяет другому, "чтобы добиться чего-либо, необходимо связать их вместе".³³⁷⁷ К тому же воспоминания о сентябре тяготят их дух, как кошмарный сон... Все это превращает людей в робкое стадо, готовое разбежаться при малейшей тревоге. "В секции Contrat Social, - говорит офицер Национальной гвардии, - треть тех, кто способен защитить секцию, уехала в деревню; другая треть прячется по домам, а третья треть не решается ничего предпринять".³³⁷⁸ "Если из пятидесяти тысяч умеренных вы сможете собрать три тысячи, я буду очень удивлен. А если из этих трех тысяч найдется только пятьсот человек, которые согласны и имеют достаточно мужества, чтобы выразить свое мнение, я буду еще более поражен. Последние, например, должны ожидать сентенций!"³³⁷⁹ Это они знают, а потому молчат и сгибаются под игом. "Что, в самом деле, сделает большинство секций, когда будет доказано, что дюжина бешеных маньяков во главе секции сан-кюлотов обращает в бегство остальные сорок семь секций Парижа?"³³⁸⁰ Через это дезертирство государства и самих себя они сдают заранее, и в этом великом городе, как прежде в древних Афинах и Риме, мы видим наряду с огромным количеством подданных, не имеющих никаких прав, маленькую деспотическую олигархию, которая сама по себе составляет суверенный народ.³³⁸⁰

VI.- Состав партии.

Ее численность и качество снижаются.

Рассеянные рабочие.- Пригородный сброд.- Бандиты и бандиты и чернокнижники.- Проститутки.- Сентябрьские актеры.

Не то чтобы это меньшинство увеличилось с 10 августа, скорее наоборот: 19 ноября 1792 года его кандидат на пост мэра Парижа Люлье получает всего 4896 [голосов](#)³³⁸¹. 18 июня 1793 года кандидат на пост командующего Национальной гвардией Анрио получает всего 4573 голоса; чтобы обеспечить его избрание, необходимо дважды отменить выборы, ввести открытое голосование и освободить избирателей от предъявления секционных билетов, что позволит доверенным лицам голосовать последовательно в других кварталах и, очевидно, удвоит их число, позволив каждому голосовать два или три [раза](#)³³⁸². Если собрать все вместе, то в Париже не наберется и шести тысяч якобинцев, все они санкюлоты и сторонники "Горы".³³⁸³ Обычно в собрании секции их насчитывается "десять или пятнадцать", самое большее "тридцать или сорок", "организованных в постоянное тираническое правление"... "Остальные слушают и механически поднимают руки"... "Три-четыре сотни визионеров, чья преданность столь же откровенна, сколь и глупа, и еще две-три сотни тех, кому результат последней революции не принес тех мест и почестей, на которые они слишком явно рассчитывали", составляют весь штат партии; "это глашатаи секций и групп, единственные, кто явно объявил себя противником порядка, апостолы новой смуты, ободренные или разоренные люди, которым нужны беспорядки для поддержания жизни", а под ними - поезд Марата, мерзкие женщины, никчемные жалкие людишки и "платные крикуны по три франка в день".³³⁸⁴

К этому следует добавить, что качество фракционеров еще более снижено, чем их количество. Множество честных людей, мелких торговцев, виноторговцев, хозяев лавок, клерков, которые 10 августа были против суда, теперь выступают против Коммуны.³³⁸⁵ Сентябрьское дело, вероятно, вызвало у них отвращение, и они не были настроены возобновлять резню. Например, рабочий по имени Гоншон, обычный представитель фобура Сент-Антуан, человек честный, искренний и бескорыстный, поддерживает Ролана, и очень скоро в Лионе, видя своими глазами, как обстоят дела, он должен лояльно поддержать восстание умеренных против [маратистов](#)³³⁸⁶. "Респектабельный класс искусства, - говорят наблюдатели, - постепенно покидает фракцию и присоединяется к здравомыслящей партии".³³⁸⁷ "Теперь, когда водовозы, носильщики и им подобные громче всех бушуют в секциях, всем становится ясно, что гангрена отвращения охватила продавцов фруктов, портных, сапожников, владельцев баров" и других представителей этого класса.³³⁸⁸ Постепенно "мясники обоих классов, высокого и низкого, аристократизируются". -Так же "женщины на рынках, за исключением немногих, которым платят и чьи мужья - якобинцы, проклинают и ругаются, разъяряются, бесятся и бушуют". "Сегодня утром, - говорит один торговец, - их было четыре или пять; они больше не настаивают на том, чтобы их называли *citoyennes*; они заявляют, что "плюют на республику"³³⁸⁹. Единственные оставшиеся патриотки - представительницы самого низкого класса, гарпии, грабящие магазины не только из зависти, но и по необходимости, "лодочницы, озлобленные тяжелым [трудом](#)³³⁹⁰....завидуют жене бакалейщика, одетой лучше, чем она сама, как та завидовала женам адвоката и советника, как те завидовали женам финансиста и дворянина. Женщина из народа думает, что она не может сделать слишком много, чтобы опустить жену бакалейщика до своего уровня".

Таким образом, фракция, сократившаяся до ничтожных размеров благодаря уходу из нее довольно честных рекрутов, теперь состоит не из кого иного, как из отбросов населения: сначала это "подчиненные рабочие, которые смотрят на крах своих работодателей с определенным удовлетворением", затем мелкие лавочники, торговцы старой одеждой, штукатуры, "те, кто предлагает подержанные пальто для продажи на окраинах рынка, повара четвертого разряда, которые на кладбище Невинных, продают мясо и бобы под вершушками зонтов"³³⁹¹, далее - домашние, довольные тем, что теперь они хозяева своих господ,

кухонные помощники, конюхи, лакеи, дворники, всевозможные камердинеры, которые, презирая закон, голосовали на [выборах3392](#), а в Якобинском клубе образовали группу "глупых людей", довольных тем, "что они универсальные географы, потому что один или два раза ездили на почтовых", и что они политики, "потому что читали "Четыре сына Аймона". Но в этой грязи, выливающейся и растекающейся среди бела дня, именно обычные отбросы больших городов образуют самый грубый поток, изгои всех профессий и специальностей, рассеянные рабочие всех мастей, нерегулярные и мародерствующие войска социальной армии, класс, который, "выписавшись из Ла-Питье, делает карьеру беспорядка и заканчивает ее в Бикере". [3394](#) "Из Ла-Питье в Бикере" - хорошо известная народная пословица. Люди этого типа лишены всяких принципов. Если у них есть пятьдесят франков, они живут на пятьдесят, а если у них есть только пять, они живут на пять; тратя все, они всегда остаются не у дел и ничего не экономят. Это тот самый класс, который взял [Бастилию3395](#), поднялся 10 августа и т. д. Это тот же самый класс, который заполнил галереи в Собрании всевозможными персонажами, заполняя группы", и за все это время он не сделал ни малейшей работы. Следовательно, "жена, у которой есть часы, кольца, перстни, любые драгоценности, сначала относит их в ломбард, где их в конце концов продают. В этот период многие из этих людей становятся должниками мясника, булочника, виноторговца и т. д.; им уже никто не доверяет. Они перестали любить своих жен, а их дети плачут, требуя еды, в то время как отец находится в Якобинском клубе или в Тюильри. Многие из них оставили свое положение и торговлю", а "по лености" или по сознанию "своей неспособности"... "они с какой-то грустью хотели бы, чтобы это ремесло снова ожило". Мнение политического сплетника, платного клакёра более приятно, и таково мнение всех бездельников, созданных по сигналу горна на работу в лагерях вокруг Парижа... [Здесь3396](#) восьмью тысячам человек платят по сорок су в день, "чтобы ничего не делать"; "рабочие приходят в восемь, девять и десять часов утра. Если они остаются после переключки... они просто таскают несколько тачек с грязью. Другие весь день играют в карты, и большинство из них уходит в три-четыре часа, после обеда. На вопрос инспекторов об этом они отвечают, что у них недостаточно сил для поддержания дисциплины, и они не желают, чтобы им перерезали горло". После этого, когда Конвенция принимает решение о сдельной оплате труда, притворные рабочие отступают к своему равенству, напоминают, что они восстали 10 августа, и желают расправиться с комиссарами. Только 2 ноября их окончательно увольняют с пособием в три су за лигу пробега для департаментов. Однако в Париже остается достаточное количество людей, чтобы неизмеримо увеличить отряд трутней, которые, привыкнув потреблять запасы меда, считают, что имеют право получать от общества плату за жужжание вокруг государства.

В качестве арьергарда у них "сброд парижских предместий, который стекается при каждом ударе барабана, потому что надеется что-то заработать" [3397](#). В качестве передового отряда у них "разбойники", а в первых рядах - "все парижские грабители, которых фракция записала в свою партию, чтобы использовать в случае необходимости"; вторые ряды состоят из "нескольких бывших домохозяев, забияк из игорных домов и домов дурной славы, всех представителей самого низкого сословия". "Гражданки, - говорит Анрио, обращаясь к проституткам Пале-Рояля, которых он собрал в его саду, - гражданки, вы добрые республиканки?" "Да, генерал, да!" "Нет ли у вас, случайно, в апартаментах какого-нибудь непримиримого священника, какого-нибудь австрийца, какого-нибудь пруссака?" "Фи, фи! У нас нет никого, кроме санкюлотов!" [3399](#) Наряду с ними воры и проститутки из Шатле и Консьержери, отпущенные на свободу и затем завербованные сентябрьскими бойцами под командованием старой карга по имени Роза [Лакомб33100](#), составляли обычную публику Конвента; в важные дни их можно насчитать семь или восемьсот, иногда две тысячи, стоящих у входа и на галереях с девяти часов [утра33101](#). Мужчины и женщины, "этот

антиобщественный паразит "33102", ползает по заседаниям Собрании, Коммуны, Якобинского клуба, революционного трибунала, секций, и можно представить, какие физиономии он предлагает взору. "Кажется, - говорит один депутат33103, - будто каждая раковина в Париже и других больших городах была прочесана, чтобы найти все самое мерзкое, самое отвратительное и самое заразительное..... Уродливые, трупные черты лица, черные или бронзовые, увенчанные пучками сальных волос, с глазами, утопленными наполовину в голову..... Они изрыгали своим тошнотворным дыханием самые грубые оскорбления, сопровождая их резкими криками, как у плотоядных животных". Среди них можно выделить "сентябрьских убийц, которых, - говорит наблюдатель33104, знающий их, - я могу сравнить лишь с ленивыми тиграми, лижущими лапы, рычащими и пытающимися найти еще несколько капель только что пролитой крови в ожидании новой порции". Далеко не прячась, они выставляют себя напоказ. Один из них, Пти-Мамен, сын трактирщика из Бордо и бывший солдат, "с бледным, морщинистым лицом, острыми глазами и смелым характером, со скимитаром на боку и пистолетами на поясе", прогуливается по Пале-Роялю33105 "в сопровождении или на расстоянии за другими такого же вида" и "принимает участие в каждом разговоре". "Это я, - говорит он, - разорвал Ламбалль и вырвал ее сердце..... Мне остается только сожалеть, что бойня была такой короткой. Но мы устроим ее снова. Подождите всего две недели!" И после этого он с вызовом называет свое собственное имя. - Другой, не нуждающийся в том, чтобы называть свое известное имя, Майяр, председатель резни в Аббатстве, имеет штаб-квартиру в кафе "Кретьен"33106 по улице Фавар, откуда, потягивая бренди, "он рассылает своих усатых людей, шестьдесят восемь головорезов, ужас окрестностей"; мы видим их в кофейнях и в фойе театров, "выхватывающих свои огромные сабли" и говорящих простым людям: "Я господин такой-то и такой-то; если вы посмотрите на меня с презрением, я вас прирежу!" Еще несколько месяцев, и под командованием одного из помощников Анрио отряд этой банды будет грабить и тостовать (chauffer) крестьян в окружении Корбейля и Мо.33107 Между тем, даже в Париже они произносят тосты, грабят и насилуют по торжественным случаям. 25 и 26 февраля 1793 года33108 они грабят оптовые и розничные бакалейные лавки, "кроме тех, что принадлежат якобинцам", на улице Ломбардов, улице Синь-Диамантов, улице Борепэр, улице Монмартр, на острове Сен-Луи, на Порт-о-Бле, перед Отелем-де-Виль, на улице Сен-Жак, словом, двенадцать сотен таких лавок, причем не только предметы первой необходимости, мыло и свечи, но и сахар, бренди, корица, ваниль, индиго и чай. "На улице Бурдонне несколько человек вышли с буханками сахара, за которые они не заплатили и которые перепродали". Праздник был устроен заранее, как и 5 октября 1789 года; среди женщин замечено "несколько переодетых мужчин, которые даже не позаботились о том, чтобы побриться", и во многих местах, благодаря неразберихе, они от души предаются этому. С ногами в огне или с пистолетом у головы хозяин дома вынужден отдавать им "золото, деньги, ассигнации и драгоценности", радуясь, что его жену и дочерей не насилуют на его глазах, как в городе, взятом штурмом.

VII. Якобинские вожди.

Состав правителей, характер и масштабы их политические взгляды М. Соле.

Таковы политики, которые в последние месяцы 1792 года управляют Парижем, а через Париж - всей Францией, пятью тысячами грубиянов и чернокнижников с двумя тысячами шлюх, то есть примерно тем числом, которое хорошая полиция могла бы изгнать из города, если бы нужно было устроить столице [чистку33109](#) ; они тоже были убеждены в своих правах, тем более пылкие в своей революционной вере, что это вероучение превращает их пороки в добродетели, а их проступки - в общественные [заслуги33110](#). Они - настоящий суверенный народ, поэтому мы должны попытаться разгадать их сокровенные мысли. Если мы действительно хотим постичь события прошлого, мы должны разглядеть спонтанные чувства, движущие ими в связи с судом над королем, поражением Нервиндена, дезертирством Дюмурье, восстанием в Вандее, обвинением Марата, арестом Эбера и каждой из опасностей, которые в свою очередь обрушиваются на их головы. Ведь это не заимствованные эмоции, они не спускаются сверху, они не надежная армия дисциплинированных солдат, а подозрительное скопление временных приверженцев. Чтобы командовать ими, нужно им подчиняться, а их вожди всегда остаются их орудием. Каким бы популярным и прочным ни казался вождь, он остается им лишь на короткое время, все время подчиняясь их одобрению как рупор их страстей и податель их appetитов.[33111](#) Таким был Петион в июле 1792 года, таким стал Марат с сентябрьских дней. "Одним Маратом больше или меньше (что мы скоро увидим) не изменит хода событий".[33112](#)- "Но останется один,[33113](#) например, Шометт; одного будет достаточно, чтобы вести за собой орду", потому что именно орда ведет за собой. "Ее привязанность всегда будет присуждаться тому, кто проявит склонность следовать за ней ближе всех в ее бесчинствах, нисколько не заботясь о ее прежних лидерах... Его симпатии к Марату и Робеспьеру не столь велики, как к тем, кто воскликнет: "Давайте убивать, давайте грабить!". Пусть лидер дня перестанет следовать течению дня, и он будет раздавлен как препятствие или отброшен как обломок... Судите сами, готовы ли они запутаться в паутине, которую жирондисты поставили на их пути. Вместо метафизической конституции, с которой их сталкивают жирондисты, у них в голове есть готовая, простая до мелочей, приспособленная к их возможностям и инстинктам. Читатель вспомнит одного из их вождей, с которым мы уже встречались, - мсье Соле, "крепкий, крепкий, крепкий". Сауле, "тучного, низкорослого старика, всю жизнь пьяницу, в прошлом обойщика, затем торговца шарлатанством в виде четырехпенсовых коробок с палаческим жиром для лечения болей в [пояснице33114](#) , затем начальника клаки в галереях Учредительного собрания, изгнанного за грубость, восстановленного при Законодательном собрании, и под покровительством придворного конюха получил место у дверей Собрания, чтобы устроить патриотическую кофейню, затем получил шестьсот франков в качестве вознаграждения, был обеспечен национальными кварталами, назначен инспектором трибун, регулятором общественного мнения, а теперь "один из сумасшедших на Кукурузном рынке". Такой человек - типичный, средний образец своей партии, не только по образованию, характеру и поведению, но, опять же, по амбициям, принципам, логике и успеху. "Он поклялся, что сделает свое состояние, и сделал это. Он постоянно кричал, что дворяне и священники должны быть уничтожены, и у нас больше нет ни тех, ни других. Он постоянно кричал против гражданского списка, и гражданский список был подавлен. Наконец, поселившись в доме Людовика XVI, он сказал ему в лицо, что его голова должна быть срублена, и голова Людовика XVI пала". Вот, вкратце, история и портрет всех остальных; неудивительно, что подлинные якобинцы видят Революцию так же, как и мсье Соле,[33115](#)

* когда для них единственная законная конституция - это окончательное утверждение их всемогущества;

* когда они называют порядком и справедливостью тот безграничный деспотизм, который они осуществляют над собственностью и жизнью;

* когда их инстинкт, такой же узкий и жестокий, как у турецкого бея, включает в себя только крайние и разрушительные меры, аресты, депортации, конфискации, казни, и все это делается с поднятой головой, с восторгом, словно патриотический долг, по праву морального священства, от имени народа, либо прямо и бурно своими собственными руками, либо косвенно и законно руками своих послушных представителей.

Таков итог их политической системы, от которой их ничто не оторвет, ибо они прикованы к ней всем весом и всеми силами, характеризующими их безнравственность, невежество и глупость. Через лицемерный блеск обязательных парадов их единственная идея навязывается оратору, чтобы он произносил ее в тирадах, законодателю, чтобы он вводил ее в декреты, администратору, чтобы он применял ее на практике, и от начала своей кампании и до окончательной победы они допускают только одно изменение, и это изменение ничтожно. В сентябре 1792 года они заявляют в своих актах:

"Те, чьи мнения расходятся с нашими, будут убиты, а их золото, драгоценности и карманные книги будут принадлежать нам".

В ноябре 1793 года они должны заявить во время официального вступления в должность революционного правительства:

"те, чьи мнения расходятся с нашими, будут гильотинированы, а мы станем их наследниками"[33116](#).

Между этой программой, которую поддерживает якобинское население, и программой жирондистов, которую поддерживает большинство в Конвенте, между Конституцией Кондорсе и краткими статьями М. Сауле, легко понять, что возобладает. "Эти парижские мошенники, - говорит один из жирондистов, - принимают нас за своих камердинеров!"[33117](#) Пусть камердинер противоречит своему хозяину, и он непременно потеряет свое место. С первого же дня, когда Конвент в полном составе отправился по улицам, чтобы начать свои заседания, некоторые знаковые выражения позволили ему понять, в какие руки он попал:

"Зачем столько людей приезжает сюда управлять Францией, - сказал один из прохожих, - разве мало их в Париже?"[33118](#)

3301 (возвращение)

[Любому презрительному западному читателю на заметку! Доказательством любого якобинского, социалистического или коммунистического захвата власти, тайного или открытого, является захват ими важных постов в политике, судебной системе, СМИ и администрации. Они могут делать это годами, расставляя убежденных или контролируемых мужчин и женщин сначала на факультетах, затем на карьерных постах, чтобы через 30 лет иметь своих людей на всех ведущих постах; или они могут сделать это сразу, как якобинцы во Франции, Ленин в России или Сталин на завоеванных территориях после Второй мировой войны. (SR).]

3302 (возврат)

[Duvergier, "Collection des lois et décrets", декреты от 22 сентября и 19 октября 1792 года. Избирательные собрания и клубы во многих местах уже приступили к возобновлению своими собственными силами декрета, делающего их назначения действительными].

3303 (возвращение)

[Необходимость повсеместного размещения якобинцев хорошо показана в следующем письме: "Пожалуйста, отметьте крестиком на полях листа присяжных вашего округа тех якобинцев, которых можно будет внести в список 200 на следующий квартал. Нам нужны патриоты". (Письмо генерального прокурора Дубса от 23 декабря 1792 г. Sauzay, III. 220.)].

3304 (возврат)

[Pétion, "Mémoires" (Ed. Dauban), p. 118: "Судья, сопровождавший меня, был очень разговорчив, но не знал ни слова по-французски. Он рассказал мне, что до того, как стать судьей, он был камнерезом и занял этот пост из патриотических побуждений. Он хотел составить заявление и дать мне охрану из двух жандармов; он не знал, как это сделать, и я продиктовал ему, что нужно сказать; но мое терпение сильно истощилось из-за его невероятно медленного письма"].

3305 (возврат)

[Декреты от 6 июля, 15 и 20 августа, 26 сентября 1792 г.].

3306 (возврат)

[Декрет от 1 ноября 1792 г. - Альберт Бабо, II. 14, 39, 40].

3307 (возврат)

[Dumouriez, III. 309, 355.-Миот де Мелито, "Mémoires", I.31, 33.-Гувернер Моррис, письмо от 14 февраля 1793 г.: "Состояние дезорганизации представляется непоправимым. Продажность такова, что если нет предателей, то это потому, что у врага нет здравого смысла"].

3308 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3268. Письмо муниципальных чиновников Рамбуйе от 3 октября 1792 года. Они осуждают петицию якобинцев города, которые стремятся лишить места сорок лесничих, почти все с семьями, "за то, что они когда-то были на службе у короля-обманщика" -Arnault ("Souvenirs d'un sexagénaire"), II. 15. Он отказывается от небольшого места, которое он занимал в мануфактуре, потому что, по его словам, "самое незначительное место, которое он искал, оказалось подвержено всякого рода доносам"].

3309 (обратно)

[Dumouriez, III. 339.- Meillan, "Mémoires", 27. "Через восемь дней после своего назначения на пост военного министра Бернонвиль признался мне, что ему предлагали суммы в 500 000 франков, чтобы он занялся растратами". Он пытается вычистить от паразитов вороватых служащих, и его тут же осуждает Марат.- Барбару, "Мемуары" (изд. Дюбана). (Письмо от 5 февраля 1793 г.) "Я застал министра внутренних дел в слезах из-за упрямства Вьельца, который хотел, чтобы он нарушил закон от 12 октября 1791 г. (о продвижении по службе)". Вьельц пробыл на службе всего четыре месяца, а не пять лет, как того требовал закон, и министр не решился сделать врагом человека, имеющего столь большое влияние в клубах. Buchez et Roux, XXVIII.19 ("Публикация писем, относящихся к 31 мая", в Кан, Бергоинг, 28 июня 1793 года): "Мой друг узнал, что это место было отдано другому, который заплатил депутату 50 луидоров. Места в бюро, армиях, управлениях и комиссиях оцениваются в 9 000. Депутаты Горы имеют исключительное право распоряжаться ими и устанавливают на них свою цену, причем ставки почти открыто объявляются". В следующем году их число значительно увеличивается (Mallet du Pan, II.56, март 1794 г.). "Только в столице число государственных служащих достигает 35 000 человек"].

3310 (возврат)

[Декрет от 11, 12 августа 1792 г.].

3311 (возврат)

[Sauzay, III. 45. Число увеличивается с 3 200 до 7 000].

3312 (возврат)

[Durand-Maillane, "Mémoires", p. 30: "Эта процедура превратила французский пролетариат, не обладавший ни собственностью, ни упорством, в доминирующую партию на избирательных собраниях..... Различные клубы, созданные во Франции, (были) тогда хозяевами выборов". В Буш-дю-Рон "400 марсельских выборщиков, шестая часть которых не имела дохода в одну серебряную марку, деспотично контролировали наше избирательное собрание. Против них не было подано ни одного голоса... Избирались только те, кого назначал Барбару"].

3313 (возвращение)

[Декрет от 11 августа 12 г., "Archives Nationales", CII. 58-76. Официальный отчет избирательного собрания Роны-и-Луары, состоявшегося в Сент-Этьене. Избиратели Сент-Этьена требуют такого же вознаграждения, как и другие, учитывая, что они уделяли свое время одинаково. Предоставлено]

3314 (возврат)

["Archives Nationales", CII. 1 - 32. Официальный отчет избирательного собрания Буш-дю-Рон, речь Дюран-Майяна: "Могу ли я в Национальном конвенте вести себя иначе, чем я вел себя по отношению к бывшему Людовику XVI, который после своего бегства 22 июня показался

мне недостойным трона? Могу ли я поступить иначе, чем отвращаясь от королевской власти, после стольких наших царственных преступлений?"]

3315 (обратно)

["Moniteur", XIII. 623, заседание 8 сентября, речь Ларивьера - "Archives Nationales", CII., 1 - 83. (В официальных отчетах часто упоминается об отправке этого сравнительного списка, и якобинцы, которые его отправляют, просят Избирательное собрание немедленно его прочесть)].

3316 (возврат)

[Rétif de la Bretonne, "Les Nuits de Paris", Night X. p. 301: "Как только первичные собрания были созданы, заговорщики приступили к работе, были выдвинуты выборщики, и благодаря порочной системе, принятой в секциях, в результате шумихи было получено большинство голосов." - См. Schmidt, "Tableaux de la Révolution Française", I. 98. Письмо Дамура, вице-президента секции Театра Франции, 29 октября. "Un Séjour en France", p.29: "В этом департаменте (Па-де-Кале) уже начались первичные собрания. Мы случайно зашли в церковь, где застали молодого Робеспьера, томящего публику, столь же малочисленную, сколь и респектабельную. Они бурно аплодировали, как бы компенсируя свои другие недостатки"]].

3317 (обратно)

[Альберт Бабо, I. 518. В Труа, 26 августа, революционеры в большинстве секций постановили, что родственники эмигрантов, назначенные заложниками и подписавшие роялистские адреса, не имеют права голоса: "Суверенный народ в своем первичном собрании может принимать в свои члены только чистокровных граждан, против которых нет ни малейшего упрека" (резолюция секции Мадлен).-Sauzay, III. 47, 49 и последующие страницы. В Куинси, 26 августа, Лут, работающий на печах Шатели, вместе с сотней своих людей, вооруженных дубинками, не подпускает к урне избирателей коммуны Курсель, "подозреваемых в инсинуациях". "Archives Nationales", F7, 3217. Письма Жилия, судьи кантона Рокмор (Гард), от 31 октября 1792 года и 23 января 1793 года, о процедуре выборов, применяемой в этом кантоне: Дютур, президент клуба, покинул свое кресло, чтобы поддержать предложение о "фонарях" для сварливых и всех лжепатриотов... 4 ноября "он заставил внести взносы, угрожая отрубить головы и разрушить дома". Другой, Магер, "одобрил предложение об установке виселицы при условии, что она не будет размещена перед его окнами, и открыто заявил в клубе, что если люди будут следовать закону, то никогда не совершат ничего, о чем бы помнили". Он был избран членом директории департамента. Третий, Фурнье, "писал, что подарки, которые граждане делали для спасения своей жизни, были добровольными". Он становится членом совета департамента. "Миролюбивые граждане складывают свою мебель в безопасные места, чтобы отправиться в бегство... Во Франции нет безопасности; эпитета "аристократ", "фельян", "умеренный", прикрепленного к имени самого честного гражданина, достаточно, чтобы сделать его объектом разграбления и подвергнуть риску потери жизни... Я настаиваю на том, чтобы считать ложную идею, распространенную в отношении народного суверенитета, главной причиной существующей анархии"]].

3318 (возврат)

[Schmidt, "Pariser Zustände", I. 50 и следующие страницы.-Mortimer-Ternaux, V. 95. 109, 117, 129. (Бюллетень от 4 октября, 14 137 избирателей; 22 октября, 14 006; 19 ноября, 10 223, 6 декабря, 7062)].

3319 (возврат)

[Sauzay, III. 45, 46, 221.-Albert Babeau, I. 517.-Lallié, "Le district de Machecoul", 225.-См. выше историю выборов в Сент-Африке: из более чем 600 зарегистрированных избирателей мэры и синдик-адвокат были избраны сорока голосами.-Плебисцит сентября 1795 года по конституции III года призывает только 958,000 избирателей. Отвращение к голосованию существует до сих пор. "В девяноста случаях из ста на вопрос: "Гражданин, как прошло избирательное собрание в вашем кантоне?" - они отвечают (на языке патуа): "Я, гражданин? Почему я должен туда идти? Им очень трудно ужиться вместе". Или: "А вы? Приедут лишь немногие; честные люди останутся дома!". (Мейсснер, "Путешествие в Париж", конец 1795 г.)].

3320 (возвращение)

[Сталин легко нашел средство. Он обязал всех голосовать и сфальсифицировал подсчет голосов так, что 99 % теперь проголосовали за него и его людей. (СР)].

3321 (возврат)

["Archives Nationales", CII. 1-76, passim, особенно официальные отчеты собраний Буш-дю-Рон, Эро и Парижа. Речь Барбару в избирательном собрании Буш-дю-Рона: "Братья и друзья, свобода погибнет, если вы не выберете в Национальный конвент людей, чьи сердца наполнены ненавистью к королевской власти... Моя душа - душа свободного человека; с четвертого года жизни она питается ненавистью к королям. Я избавляю Францию от этой отвратительной расы или умру в этой попытке. Прежде чем покинуть вас, я подпишу свой смертный приговор, укажу, что я люблю больше всего, покажу вам все свое имущество, положу на стол кинжал, который пронзит мое сердце, если хоть на мгновение я окажусь неверным делом народа!" (заседание 3 сентября).- Guillon de Montléon, I, 135].

3322 (возвращение)

[Durand-Maillane, I.33. В избирательном собрании Буш-дю-Рон "было желание убить выборщика, подозреваемого в аристократизме"].

3323 (возвращение)

[Mortimer-Ternaux, IV. 52. "Archives Nationales", CII. I - 32.- Официальный отчет выборщиков1 Ассамблеи Буш-дю-Рон. Речь Пьера Байля, 3 сентября: "Несвободен тот, кто пытается скрыть свою совесть под сенью голосования. Римляне открыто избирали своих трибунов... Кто из нас отвергнет столь мудрую меру? Галереи Национального собрания сыграли не меньшую роль в развитии революции, чем штыки патриотов". - В Сене-и-Марне Собрание сначала приняло решение о тайном голосовании; по просьбе парижских комиссаров Ронсена и Лакруа оно отменяет свое решение и принимает голосование вслух и по вызову"].

3324 (возвращение)

[Barbaroux, "Mémoires", 379: "Однажды, когда мы перешли к выборам, раздались бурные крики: "Это антиреволюционер из Арля, повесить его!". Арлезиец действительно был арестован на площади, доставлен в Собрание, и они опускали фонарь, чтобы прогнать его"].

3325 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, III. 338.- De Sybel, "Histoire de l'Europe pendant la Révolution Française" (перевод Dosquet), I. 525. (Корреспонденция армии Юга, письмо Шарля де Гессе, командующего регулярными войсками в Лионе)].

3326 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, V.101, 122 и следующие страницы].

3327 (возврат)

[Guillon de Montléon, I. 172, 196 и следующие страницы].

3328 (возврат)

[Sauzay, III. 220 и следующие страницы] - Альберт Бабо, II. 15. В Труа два мэра, избранные поочередно, отказываются. На третьем голосовании в этом городе с населением от 32 000 до 35 000 душ избранный мэр получает 400 голосов из 555].

3329 (возврат)

["Moniteur", XV. 184-233 (переключка тех, кто голосовал за смерть Людовика XVI)] 3329 (возвращение) [Dumouriez, II. 73 (Дюмуре достигает Парижа 2 февраля 1793 года, после посещения берегов Дюнкерка и Антверпена): "По всей Пикардии, Артуа и приморской Фландрии Дюмуре застал народ в смятении из-за трагического конца Людовика XVI. Он заметил, что само имя якобинца возбуждало не только страх, но и ужас"].

3330 (возврат)

[Эта цифра, столь важная, подтверждается следующими отрывками:- Moniteur, заседание от 39 декабря 1792 года. Речь Бирото: "Пятьдесят членов против 690... Около двадцати бывших дворян, пятнадцать или двадцать священников и дюжина сентябрьских судей (хотят одержать верх над) 700 депутатами."-Там же, 851 (26 декабря, по поводу предложения отложить суд над королем): "Около пятидесяти голосов, энергично: "Нет! Нет!"-Там же, 865, (27 декабря, бурная речь Лекинио, аплодируемая крайними "левыми" и галереями; президент призывает их к порядку): "Аплодисменты продолжают около пятидесяти членов крайних "левых". "-Mortimer-Ternaux, VI. 557. (Обращение Талльена к парижанам, 23 декабря, против изгнания герцога Орлеанского): "Завтра, под тщетным предлогом очередной меры общей безопасности, будут изгнаны 60 или 80 членов, которые в силу своей мужественной и несгибаемой верности принципам оскорбляют фракцию Бриссотина" -Moniteur, XV. 74 (6

января). Робеспьер, обращаясь к Ролану, произносит это выражение: "развратные министры". "Крики о порядке! Вотум порицания! К аббату: "Неужели с честным министром, которого уважает вся Франция, - говорит один из членов, - можно так обращаться?" - Крики смеха приветствуют это восклицание со стороны примерно шестидесяти членов" - Там же, XV. 114. (11 января). Обличение партии анархистов Бузотом. Гарнье отвечает ему: "Вы клевете на Париж; вы проповедуете гражданскую войну!" "Да! Да! восклицают около шестидесяти членов" - Buchez et Roux, XXIV. 368 (26 февраля). Вопрос в том, будет ли Марат обвинен. "Ропот от крайней левой, около дюжины членов шумно требуют порядка дня"]].

3331 (возврат)

[Mercier, "Le nouveau Paris", II. 200].

3332 (обратно)

[Buchez et Roux, XIX. 17. XXVIII. 168.- Король объявлен виновным 683 голосами; 37 воздержались от голосования, как судьи; из этих 37 26, либо как частные лица, либо как законодатели, объявили короля виновным. Никто из остальных 11 не объявляет его невиновным].

3333 (возвращение)

["Dictionnaire biographique", by Eymery, 1807 (4 vols). Положение конвенционалистов, переживших революцию, можно определить следующим образом. Большинство из них станут судьями по гражданским или уголовным делам, префектами, комиссарами полиции, начальниками бюро, служащими почтовых отделений, регистраторами, коллекционерами, инспекторами и т. д. Ниже приведена пропорция рецидивов среди тех, кто занял этот пост: Из 23 префектов 21 проголосовал за смерть короля; 42 из 43 магистратов проголосовали за это, причем 43-й был болен во время вынесения приговора. Из 5 сенаторов за его смерть проголосовали 4, а из 16 депутатов - 14. Из 36 других чиновников разного рода 35 проголосовали за смерть. Среди остальных царубийц мы снова находим 2 государственных советников, 4 дипломатических агентов и консулов, 2 генералов, 2 генерал-приемников, 1 генерального комиссара полиции, 1 министра в кабинете короля Жозефа, министра полиции и архиканцлера империи].

3334 (возвращение)

[Buchez et Roux, XIX, 97, заседание от 25 сентября 1792 года. Марат заявляет: "В этом собрании у меня много личных врагов". "Все! Все!" - восклицает все собрание, возмущенно поднимаясь" - Ibid., XIX. 9, 49, 63, 338.]

3335 (обратно)

["Правый" и "Левый" обозначают только правое и левое крылья полукруга зала, в котором собирается Собрание. Равнина и гора относятся к тому же Собранию, но здесь к тем, кто сидит на нижних или верхних скамьях.(SR)].

3336 (возвращение)

[Meillan, "Mémoires", 20.- Buchez et Roux, XXVI. Заседание от 15 апреля 1793 года. Денонсация двадцати двух жирондистов парижскими секциями: Руайе-Фонфред сожалеет, "что его имя не внесено в этот почетный список". "И все мы - все! Все!" - восклицают три четверти Собрания, поднимаясь со своих мест"].

3337 (возвращение)

[Философ Дени Дидро (1713-84) в значительной степени ответственен за 28-томную "Энциклопедию" (1751-729), вобравшую в себя новейшие знания и прогрессивные идеи и способствовавшую распространению идей Просвещения во Франции и в других частях Европы. (Энциклопедия Гиннеса)].

3338 (возврат)

["Archives Nationales", A.F. 45. Письмо Томаса Пейна Дантону, 6 мая 1792 г. (на английском языке). "Я не знаю лучших людей и лучших патриотов". Это письмо, по сравнению с речами или публикациями того времени, производит необыкновенное впечатление благодаря своему практическому здравому смыслу. Этот англо-американец, каким бы радикалом он ни был, в своих политических дискуссиях опирается только на опыт и пример].

3339 (возвращение)

[Ср. мемуары Бузо, Барбару, Луве, мадам Ролан и т. д.].

3340 (обратно)

[И по какой-то непонятной причине все еще в моде в конце XX века. (SR)].

3341 (обратно)

[Buchez et Roux, XXIV. 102. (План, составленный Кондорсе и представленный от имени Комитета по конституции 15 и 16 апреля 1793 года). Кондорсе добавляет к этому свой собственный доклад, выдержки из которого он публикует в "Парижской хронике"].

3342 (возврат)

[Buchez et Roux, XXIV. 102. Реферат Кондорсе содержит следующее необычное предложение: "Во всех свободных странах не без основания опасаются влияния народных масс; но дайте всем людям одинаковые права, и народных масс не будет"].

3343 (возвращение)

[Ср. Edmond Biré. "La Légende des Girondins", о роли жирондистов во всех этих одиозных мерах].

3344 (возврат)

[Эти черты хорошо выражены в обвинениях народной партии против них, выдвинутых Фабром д'Эглантином. Maillan, "Mémoires", 323. (Речь Фабра д'Эглантина в Якобинском клубе в связи с обращением Коммуны, требовавшей изгнания Двадцати двух). "Вы часто придирались к народу; вы даже иногда пытались льстить ему; но в этой лести была та аристократическая холодность и неприязнь, которая никого не могла обмануть. В ваших словах и поступках всегда чувствовались черты буржуазного патриция; вы никогда не хотели смешиваться с народом. Вот ваша доктрина в нескольких словах: после того, как народ послужил революции, он должен вернуться в пыль, быть никому не нужным и позволить, чтобы им руководили те, кто знает больше, чем он, и кто готов взять на себя труд руководить им. Вы, Бриссо, и особенно вы, Петион, приняли нас формально, надменно и сдержанно. Вы протягиваете нам один палец, но никогда не хватаетесь за всю руку. Вы даже не отказали себе в этом остром удовольствии честолобцев - наглости и презрении"]].

3345 (возвращение)

[Buzot, "Mémoires", 78.]

3346 (обратно)

[Edmond Biré, "La légende des Girondins". (Отредактированные фрагменты мемуаров Петиона и Барбару, процитированные Вателем в "Шарлотте Кордей и жирондистах", III. 472, 478.)]

3347 (возврат)

["Buche et Roux", XXVI. Финансовый план, предложенный департаментом Эро, принятый Камбоном и отвергнутый жирондистами].

3348 (обратно)

["Buche et Roux", XXV. Речь Верньо (10 апреля), с. 376, 377, 378. "Делается попытка совершить Революцию с помощью террора. Я бы совершил ее через любовь"]].

3349 (возвращение)

[Maillan, 22.]

3350 (обратно)

[Buche et Roux, XXIV. 109. План конституции, представленный Кондорсе. Декларация прав, статья 32. "В каждом свободном правительстве способ сопротивления различным актам угнетения должен быть урегулирован законом" - Там же, 136. Раздел VIII. Конституция "О цензуре законов"]].

3351 (возвращение)

[Buche et Roux, 93. Заседание Якобинского клуба, 21 апреля 1793 г.].

3352 (возврат)

[Schmidt, "Tableaux de la révolution Française", II.4 (доклад Дютара, 6 июня 1793 г.)] 3352 (возврат) - Умственные черты якобинцев образуют контраст и полностью проявляются в следующих речах: "Мы желаем деспотически народной конституции". (Обращение Парижского якобинского клуба к клубам департаментов, 7 января 1793 г.) -Buchez et Roux, XXIII. 288-Ibid., 274. (Речь Легроса в Якобинском клубе, 1 января.) "Патриотов не считают, они идут на вес... Один патриот на весах весит больше, чем 100 000 аристократов. Один якобинец весит больше, чем 10 000 фельянов. Один республиканец весит больше, чем 100 000 монархистов. Один патриот Горы весит больше, чем 100 000 Бриссотингов. Отсюда я делаю вывод, что съезд не должен быть остановлен большим числом голосов против смертного приговора Людовику XVI, (и что) даже (если) меньшинство нации желает смерти Капета." - "Аплодисменты". (Я вынужден исправить последнее предложение, так как иначе оно было бы непонятным)].

3353 (возврат)

[Vuzot, "Mémoires", 33: "Большинство французского народа жаждало королевской власти и конституции 1790 года. Это было самое сильное чувство, и особенно в Париже. Этот народ является республиканским только потому, что ему угрожает гильотина. Все его желания, все его надежды склоняются к конституции 1791 года" - Schmidt, I. 232 (Дютар, 16 мая). Дютар, старый защитник и друг Гарата, один из тех редких людей, которые видят факты за словами; ясномыслящий, энергичный, деятельный, изобилующий практическими советами и заслуживающий лучшего начальника, чем Гарат].

3354 (возвращение)

[Schmidt, ibid., I. 173, 179 (1 мая 1793 г.)].

3355 (обратно)

["La Démagogie à en Paris en 1793", p.152. Dauban ("Diurnal de Beaulieu", April 17).- "Archives Nationales", AF II. 45 (отчет полиции, 20 мая). "Дешевизна поставок - главная причина волнений и жалоб" (Ib., 24 мая). "Спокойствие, которое сейчас, кажется, царит в Париже, скоро будет нарушено, если цены на предметы первой необходимости не снизятся в ближайшее время" (Там же, 25 мая). "Жалобы на дорогие продукты питания растут с каждым днем, и это обстоятельство выглядит так, будто оно может стать одним из мотивов грядущих событий"]].

3356 (обратно)

["Шмидт", I. 198 (Дютар, 9 мая).

3357 (возврат)

[Schmidt, I. 350; II. 6 (Дютар, 30 мая, 7 и 8 июня)].

3358 (возврат)

[Durand-Maillane, 100: "Жирондистская партия была еще более нечестивой, чем Робеспьер."- Депутат потребовал, чтобы в преамбуле конституции было упомянуто Верховное существо, Верньо ответил на это: "Нам не больше дела до нимфы Нумы, чем до голубя Магомета; разума достаточно, чтобы дать Франции хорошую конституцию" -Buche et Roux, XIII. 444. Робеспьер говорит о смерти императора Леопольда как о ударе Провидения, Гваде отвечает, что не видит "никакого смысла в этой идее", и обвиняет Робеспьера в "стремлении вернуть народ в рабство суеверия" -Там же, XXVI. 63 (заседание от 19 апреля 1793 года). Речь Верньо против статьи IX Декларации прав, которая гласит, что "все люди свободны исповедовать то, что им угодно". Эта статья, говорит Верньо, "является результатом деспотизма и суеверия, под властью которых мы так долго томились" - Салле: "Я прошу Конвент разработать статью, по которой каждый гражданин, независимо от его формы вероисповедания, обязуется подчиняться закону" - Ланжуине, который часто причислял себя к жирондистам, является католиком и убежденным галликанцем].

3359 (возврат)

[Schmidt, I. 347 (Дютару, 30 мая). "Что я вижу сейчас? Недовольный народ, ненавидящий Конвент, всех его администраторов и реальное положение вещей в целом"].

3360 (возвращение)

[Шмидт, I. 278. (Дютару, 23 мая).

3361 (обратно)

[Schmidt, I. 216 (Dutard, May 13).

3362 (возвращение)

[Schmidt, I. 240 (Dutard, May 17)].

3363 (возвращение)

[Schmidt, I. 217 (Dutard, May 13)].

3364 (возвращение)

[Schmidt, I. 163 (Dutard, 30 апреля).

3365 (возвращение)

[Schmidt, II. 377 (Дютар, 13 июня). Ср. там же, II. 80. (Дютар, 21 июня): "Если бы гильотинирование Тридцати двух подлежало поименному голосованию, а голосование было бы тайным, я заявляю вам, что ни один уважаемый человек не поспешил бы приехать из страны, чтобы отдать свой голос, и что никто из тех, кто сейчас находится в Париже, не отказался бы отправиться в свою секцию"].

3366 (обратно)

[Schmidt, II. 35 (Дютар, 13 июня). О смысле этих двух слов, низшая аристократия, см. все отчеты Дютара и других наблюдателей, работавших у Гарата].

3367 (возвращение)

[Schmidt, II. 37 (Дютар, 13 июня).

3368 (возврат)

[Шмидт, I. 328 (Перьеру, 28 мая): "Интеллигентные люди и собственники покидали собрания секций и передавали их другим, поскольку это были места, где кулак рабочего одерживал верх над языком оратора" - Moniteur. XV. 114 (заседание 11 января, речь Бузота). "В этом городе нет ни одного человека, владеющего чем-либо, который не боялся бы оскорблений и ударов в своей секции, если он осмелится поднять голос против правящей власти... Постоянные собрания Парижа состоят из небольшого числа людей, которым удастся держать других граждан на расстоянии" - Шмидт, I. 235 (Дютару, 28 мая): "Другим планом было бы обучение молодых людей пользованию посохом. Нужно быть санкюлотом, нужно жить с санкюлотами, чтобы понять ценность подобных мер. Ничто не вызывает у сан-кулота такого страха, как дубинка. В последнее время несколько молодых людей носили их в брюках, и все вздрагивали, когда они проходили мимо. Хотелось бы, чтобы эта мода стала всеобщей"].

3369 (обратно)

["Moniteur", XV. 95 (Письмо Шарля Виллетта, депутата)].

3370 (обратно)

[Moniteur, XV. 179 (Письмо Ролана, 11 января 1793 г.)].

3371 (возврат)

[Moniteur, XV. 66, заседание 5 января, речь мэра Парижа; (Шамбон)-Ib., XV 114, заседание 14 января, речь Бузота;-Ib., XV. 136, заседание 13 января. Речь депутации федератов; -Buche et Roux, XXVIII. 91 (письмо Гадоля к Ролану, октябрь 1792 г.).-XXI. 417 (20 декабря, статья Марата): "Скука и отвращение опустошили собрания" - Шмидт, II, 69 (Дютар, 18 июня)].

3372 (возвращение)

[Schmidt, I. 203. (Дютар, 10 мая). На гравюрах, опубликованных в ранний период революции и при директории, эта сцена прекрасно изображена (Cabinet des estampes, Paris)].

3373 (возврат)

["Moniteur", XV. 67 (заседание от 5 января 1793 г.). Речь мэра Парижа].

3374 (возвращение)

[Schmidt, I. 378 (Blanc, June 12).

3375 (возвращение)

[Schmidt, II. 5 (Dutard, 5 июня)].

3376 (возврат)

[Шмидт, II. (Дютар, 11 июня)-Там же, II. (Дютар, 8 июня): "Я хотел бы посетить с вами, - если это возможно, - 3000 или 4000 виноторговцев и столь же многочисленные закусовые в Париже; вы найдете 15 000 клерков, которые у них постоянно заняты. Если мы затем отправимся в конторы 114 нотариусов, то снова обнаружим две трети этих господ в фуражках и красных туфельках, также очень занятых. Затем мы могли бы снова отправиться в 200 или 300 типографий, где нашли бы 4000 или 5000 редакторов, композиторов, клерков и носильщиков - все они консервативны, потому что больше не зарабатывают так, как раньше; а некоторые - потому что нажили состояние". Несовместимость современной жизни и прямого демократического правления поражает на каждом шагу, поскольку современная жизнь протекает в других условиях, чем те, которые характеризовали жизнь в древние времена. Для современной жизни такими условиями являются: величина государств, разделение труда, подавление рабства и требования личного комфорта и благосостояния. Ни жирондисты, ни монтаньяры, стремившиеся возродить афинский и спартанский уклад, не понимали прямо противоположных условий, на которых процветали Афины и Спарта"].

3377 (возвращение)

[Schmidt, I. 207 (Dutard, 10 мая).

3378 (обратно)

[Schmidt, II. 79 (Dutard, 19 июня).

3379 (возвращение)

[Schmidt, II.70 (Dutard, 10 июня)].

3380 (обратно)

[Ленин, должно быть, почувствовал воодушевление, прочитав эти строки, которые могли только усилить его презрение к "капиталистам" и буржуазии. (СР).]

3381 (обратно)

[Mortimer-Ternaux, V. 101.]

3382 (обратно)

[Meillan, 54.- Раффе, конкурент Анрио и осужденный как аристократ, сначала имел больше всего голосов, 4 953 против 4 578. На последнем голосовании из примерно 15 000 голосов у него осталось 5 900 против 9 087 за Анрио.- Мортимер-Терно, VIII. 31: "Выборщики должны были голосовать по тридцать человек за раз. Все, кто осмелился отдать свой голос Раффе, были отмечены в списке красным крестом, за которым следовал эпитет "антиреволюционер"]].

3383 (возврат)

[Шмидт, II. 37 (Дютар, 13 июня): "У Марата и других есть партия от 4 000 до 6 000 человек, которые готовы на все, чтобы спасти их" - Meillan, 155 (показания, взятые Комиссией двенадцати): Лафорет заявил, что было 6 000 санкюлотов для расправы с депутатами, вызывающими возражения, по первому сигналу" -Schmidt, II, 87 (Дютар, 24 июня): "Я знаю, что во всем Париже нет 3 000 решительных революционеров"]].

3384 (возвращение)

["Moniteur", XV. 114, заседание от 11 января, речь Бузота.- Там же, 136, заседание от 13 января, речь федератов Финистерре.- Буше и Ру, XXVIII. 80, 81, 87, 91, 93 (письмо Гадоля к Ролану, октябрь 1792 г.).-Schmidt, I. 207 (Дютар, 10 мая 1793 г.)].

3385 (возвращение)

[Schmidt, II. 37 (Dutard, 10 мая 1793 г.)].

3386 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, IV. 269 (петиция, представленная Гоншоном.)-"Archives Nationales", AF, II 43. Письма Гоншона министру Гарату, (31 мая, 1 июня, 3 июня 1793 г.). Они очень странные и наивные. Он обращается к министру Гарату: "Гражданин Гарра"]].

3387 (возврат)

[Schmidt, I, 254 (Дютару, 19 мая).-Moniteur, XIV. 522 (Письмо, адресованное Ролану № за 21 ноября 1792 г.): "Секции (состоят из) или, по крайней мере, посещаются, девятнадцать-двадцатая часть из них, самым низким классом, как по манерам, так и по информации"]].

3388 (возврат)

[Schmidt, II. 39 (Dutard, 13 июня)]].

3389 (обратно)

[Schmidt, II.87 (Dutard, 14 июня). Выражение этих рыбных женщин еще грубее].

3390 (возврат)

[Rétif de la Bretonne ("Bibliographie de ses oeuvres, par Jacob", 287). (О разграблении магазинов, 25 и 26 февраля 1793 г.)].

3391 (возвращение)

[Schmidt, II. 61; I. 265 (Дютар, 21 мая и 17 июня)].

3392 (возврат)

[Schmidt, I.96 (письмо гражданина Лаушу президенту Конвента, 11 октября 1792 г.).-II. 37 (Дютар, 13 июня). Заявление жены парикмахера: "Это мерзкая публика, слуги. Некоторые из них приходят сюда каждый день. Они болтают и говорят всякие ужасные вещи о своих хозяевах. Они все одинаковы. Никто не может быть более сумасшедшим, чем они. Я знал, что некоторые из них получили льготы от своих хозяев, а с другими, которые были, до сих пор обращаются ласково; но ничто их не останавливало"]].

3393 (возвращение)

[Schmidt, I. 246 (Dutard, 18 мая).- Grégoire, "Mémoires", I. 387. Умственный и моральный упадок партии хорошо виден в новом составе Якобинского клуба после сентября 1792 года: "Я вернулся туда, - пишет Грегуар в сентябре 1792 года (после годичного отсутствия), - и нашел его неузнаваемым; там нельзя было высказать никаких мнений, кроме мнений парижской секции... Я больше туда не ступала нога; (это было) развратное питейное заведение" -Buche et Roux, XXVI. 214 (заседание 30 апреля 1793 года, речь Бузо). "Вот этот некогда знаменитый клуб. Но там осталось тридцать его основателей; вы не найдете там никого, кроме людей, погрязших в долгах и преступлениях"]].

3394 (возвращение)

[Schmidt, I. 189 (Dutard, 6 мая).

3395 (обратно)

[Ср. Ретиф де ла Бретонн, "Парижские ночи", т. XVI. (12 июля 1789 г.). В этот день Ретиф находится в Пале-Руа1, где "с 13 июня проходили многочисленные собрания и выдвигались предложения... Я нашел там не кого иного, как жестоких парней с острыми глазами, готовящихся скорее к грабежу, чем к свободе"]].

3396 (возвращение)

["Mortimer-Ternaux", V.226 и последующие страницы (обращение секции sans-culottes, 25 сентября). "Archives Nationales", F7, 146 (обращение секции Roule, 23 сентября). Относительно угрожающего тона тех, кто работал в лагере, петиционеры добавляют: "Таков был язык цехов в 1789 и 1790 годах"]].

3397 (возврат)

[Schmidt, II.12 (Дютар, 7 июня): "В течение нескольких дней я видел, как люди из Нейи, Версаля и Сен-Жермена останавливались здесь, привлеченные запахом"].

3398 (возврат)

[Schmidt, I.254 (Dutard, 19 мая).- В это время в Париже кишат грабители; мэ́р Шамбон в своем докладе Конвенту сам это признает (Moniteur, XV. 67, заседание от 5 января 1793 г.)].

3399 (возврат)

[De Concourt, "La Société Française pendant 'a Révolution". (По материалам "Courrier de l'Egalité", Jul. 1793)].

33100 (возврат)

[Buzot, 72.]

33101 (возврат)

[Мур, 10 ноября 1792 г. (согласно статье в "Chronique de Paris"). В день, когда Робеспьер произносил свои "извинения", "в галереях находилось от семи до восьмисот женщин и не более двухсот мужчин". Робеспьер - это священник, у которого есть своя паства почитателей" - Мортимер-Терно, VII. 562 (письмо депутата Мишеля, 20 мая 1793 года): "Две или три тысячи женщин, организованных и обученных Братским обществом, заседающим в Якобинском клубе, начали свои беспорядки, которые продолжались до 6 часов, когда палата удалась. Большинство из этих существ - проститутки"].

33102 (возвращение)

[Выражение Гадоля в его письме к Ролану.]

33103 (обратно)

[Buzot, 57.]

33104 (возврат)

[Buchez et Roux, XXVIII. 80 (Письмо Гадоля к Роланду)].

33105 (возврат)

[Beaulieu, "Essais", I. 108 (очевидец).-Schmidt, II. 15. Донесение Перьера, 8 июня].

33106 (обратно)

[Beaulieu, "Essais", I. 100. "Майяр умер, его желудок был разъеден бренди" (15 апреля 1794

г.). Александр Сорель, "Станислас Майяр", с. 32-42. Доклад Фабра д'Эглантина о Майяре, 17 декабря 1793 года. На основании декрета о привлечении его к ответственности вместе с Ронсеном и Венсаном, Майяр публикует свои извинения, из которых видно, что он уже действовал на улице Фавар до 31 мая. "Я один из членов того собрания истинных патриотов и горжусь этим, ибо именно там была зажжена искра того священного восстания 31 мая"].

33107 (возврат)

[Alexandre Sorel, там же (донос Лекуантра об этом обстоятельстве, 14 декабря 1793 г., сопровождаемый официальными отчетами судей) - "Archives Nationales", F7, 3268 (письмо директории Корбейля министру, с официальным отчетом, 28 ноября 1792 г.). 26 ноября восемь или десять вооруженных людей, пеших и конных, вошли в дом фермера по имени Рюэль в коммуне Лиссе. Они нанесли ему два удара саблями, затем надели ему на голову мешок, били по лицу, мучили его и чуть не задушили его жену и двух служанок, чтобы заставить его отдать деньги. Извозчика ранили из пистолета в плечо и дважды ударили саблей; руки в помещении были связаны и скованы, как у многих скотов. Наконец разбойники ушли, унеся с собой серебряную тарелку, часы, кольца, шнурки, два пистолета и т. д.].

33108 (обратно)

[Moniteur, XV. 565.-Buche et Roux, XXIV. 335 и последующие страницы; - Ретиф де ла Бретонн, "Парижские ночи", VIII. 460. (очевидец). Последние из этих подробностей приведены им].

33109 (возвращение)

[Ср. Ed. Fleury, "Baboeuf"; pp.139 и 150. По поразительному совпадению, в 1796 году состав партии остается тем же. Бабоф оценивает своих сторонников в Париже в "4 000 революционеров, 1 500 членов бывших властей и 1 000 буржуазных стрелков", а также солдат, заключенных и полицейских. Он также набрал большое количество проституток. К нему приходят рабочие, которые притворяются, что участвовали в революции и готовы повторить ее, если это будет сделано "для убийства этих богатых негодяев, монополистов, торговцев, доносчиков и панашей в Люксембурге". (Письмо агента секции Бонн-Нувель, 13 апреля 1796 г.)].

33110 (возврат)

[Пропорция, состав и дух партии везде одинаковы, особенно в Лионе (Гийон де Монлеон, "Мемуары", и Баллейдье, "История лионского народа", passim); в Тулоне (Лавернь, "История департамента Вар"); в Марселе, Бордо, Тулузе, Страсбурге, Безансоне и т. д.-В Бордо (Riouffe, "Mémoires", 23) "она состояла исключительно из бродяг, савойцев, бискайцев, даже немцев, ...маклеров и водовозов, которые стали настолько влиятельными, что арестовывали богатых, и настолько обеспеченными, что путешествовали по почте", - добавляет Риуфф: "Когда я прочитал этот отрывок в Консьержери, люди со всех концов республики в один голос воскликнули: "Это то же самое во всех коммунах!" - См. Дюран-Майян, "Мемуары", 67: "Этот народ, квалифицированный таким образом, с тех пор, как была подавлена серебряная марка, был самым порочным и самым развращенным в сообществе" - Дюмурье, II. 51. "Якобинцы, взятые в большинстве своем из самой низменной и самой жестокой части

нации, неспособной предоставить достаточно достойных людей на должности, низвели должности до своего уровня... Это пьяные, варварские гелоты, занявшие место спартанцев". Признаком их прихода стало изгнание либералов и рафинированных 1789 года. ("Archives Nationales", F7, 4434, No.6. Письмо Ришара в комитет общественной безопасности, Ventôse 3, год II.). Во время проконсульства Бодо в Тулузе "почти все патриоты 1789 года были исключены из основанного ими народного клуба; в него было принято огромное количество людей, чей патриотизм простирался лишь до 10 августа 1792 года, если вообще простирался до 31 мая прошлого года. Установлен факт, что из более чем 1000 человек, входящих сейчас в клуб, нет и пятидесяти, чей патриотизм восходит к началу Революции"].

33111 (возвращение)

[Любому трибуну, принимающему на себя командование толпой грубиянов, полезно ознакомиться с анализом Тейна. Можно подумать, что Гитлер читал Тейна у кого-то, кто учился на его мудрости, подобно дьяволу, прочитавшему Библию. См. стр. 208, "Секрет управления массами", в книге Раушнинга "Гитлер говорит". (SR).]

33112 (возврат)

[Roederer, "Chronique des cinquante jours".]

33113 (возврат)

[Schmidt, I. 246 (Dutard, 18 мая)].

33114 (возврат)

[Schmidt, I. 215 (Dutard, 25 мая)].

33115 (возврат)

[Buchez et Roux, XXV. 156 (выдержка из "Патриот Франсез", 30 марта 1793 г.). Речь Шасле в Якобинском клубе, 27 марта: "Мы объявили нашим согражданам в стране, что с помощью военного налога бедные могут быть накормлены богатыми, и что они найдут в кошельках этих эгоистов средства к существованию". Ibid., 269. Речь Розы Лакомб: "Давайте позаботимся об аристократах; давайте заставим их встретить врагов, которых Дюмурье ведет против Парижа. Дадим им понять, что если они окажутся предателями, то их женам и детям перережут горло, а их дома мы сожжем. Я не хочу, чтобы патриоты покидали город; я хочу, чтобы они охраняли Париж. А если нас будут бить, то первый, кто замешкается с факелом, пусть будет заколот сразу. Я хочу, чтобы все владельцы собственности, которые захватили все и возбудили народный гнев, сами убили тиранов или были убиты". Аплодисменты - 3 апреля.: - Там же, 302 (в Конвенте, 8 апреля): "Марат требует, чтобы 100 000 родственников и друзей эмигрантов были захвачены в качестве заложников для обеспечения безопасности комиссаров в руках врага."-См. Balleydier, 117, 122. В Лионе, 26 января 1793 года, Шалье обращается к центральному клубу: "Санкюлоты, ликуйте! Кровь королевского тигра пролилась на глазах у его логова! Но полная справедливость еще не восторжествовала над народом. Среди вас еще есть 500 человек, заслуживающих участи тирана!" - 5 февраля он предлагает создать революционный трибунал, чтобы судить арестованных революционным способом. "Это

единственный способ принудить к революции королевских и аристократических фракционеров, единственный рациональный способ отомстить за суверенитет храбрых санкюлотов, которые принадлежат только нам", -- добавляет Гиденс, национальный комиссар: "Пусть лучше 25 000 000 французов погибнут сто раз, чем одна единственная неделимая республика!"]].

33116 (возврат)

["Малле дю Пан", последнее выражение.]

33117 (обратно)

[Buzot, 64.]

33118 (возврат)

[Michelet, IV. 6 (согласно устному заявлению Дауну).-Buche et Roux, 101 (Письмо Луве к Ролану): "В момент представления петиции против вооруженной силы (департаментской) так называемыми комиссарами 48 участков Парижа, я слышал, как Сантерр громким тоном сказал окружающим примерно следующее: "Вы видите, что эти депутаты не готовы к Революции... Все это происходит на расстоянии пятидесяти, ста, двухсот лье; они не понимают ни слова из того, что вы говорите!"]].

ГЛАВА IV. ШАТКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, ЗАПЕРТОГО В ПРЕДЕЛАХ МЕСТНОЙ ЮРИСДИКЦИИ.

"Гражданин Дантон, - писал депутат Томас [Пейн3401](#) , - опасность разрыва между Парижем и департаментами возрастает с каждым днем. Департаменты посылают своих депутатов в Париж не для того, чтобы их оскорбляли, и каждое оскорбление, нанесенное им, является оскорблением для департамента, который их избрал. Я вижу только один эффективный план, чтобы предотвратить этот разрыв, а именно: поместить резиденцию Конвента и будущих ассамблей на расстоянии от Парижа..... Во время Американской революции я убедился в огромных неудобствах, которые возникали из-за того, что правительство Конгресса находилось в пределах какой-либо муниципальной юрисдикции. Сначала Конгресс разместился в Филадельфии и, прожив там четыре года, счел необходимым покинуть ее. Затем он переехал в штат Джерси. После этого он переехал в Нью-Йорк. Он снова переехал из Нью-Йорка в Филадельфию, и, испытав в каждом из этих мест огромные неудобства, связанные с правительством внутри правительства, он разработал проект строительства города, не входящего в пределы какой-либо муниципальной юрисдикции, для будущей резиденции Конгресса. В каждом из тех мест, где проживал Конгресс, муниципальные

власти частным образом или публично противостояли власти Конгресса, и жители каждого из этих мест ожидали от Конгресса большего внимания, чем их равная доля с другими штатами. То же самое происходит сейчас во Франции, но в еще большем избытке".

Дантон все это знал, и у него достаточно ясного ума, чтобы осознать опасность; но борозда проложена, прочерчена, причем им самим. С 10 августа Париж удерживает Францию, а горстка революционеров тиранит Париж.³⁴⁰²

I.- Преимущества якобинцев.

Их влияние в собраниях секций.- Сохранение, переизбрание и завершение Коммуны.- Ее новые вожди, Шометт, Эбер и Паш. -Новый состав Национальной гвардии.
-Якобинцы избирают офицеров и субофицеров.
оплачиваемая группа грубиянов... -Общественные и тайные фонды партии.

Благодаря составу и проведению собраний секций, первоначальный источник власти остается якобинским и приобретает все более темный оттенок; соответственно, избирательные процессы, которые при законодательном органе привели к созданию узурпировавшей власть Коммуны 10 августа, увековечиваются и усугубляются при Конвенте.³⁴⁰³ Почти во всех секциях³⁴⁰⁴ именно санкюлоты занимают кресла, устраивают дела в палате, расставляют часовых и обеспечивают цензоров и ревизоров. Пять или шесть шпионов, знакомых с секцией и получающих сорок су в день, остаются во время сессии и готовы взяться за любое дело. Эти же люди передают приказы от одного комитета по надзору к другому,... так что если санкюлоты одной секции недостаточно сильны, они могут позвать тех, кто находится в соседней секции" - в таких собраниях выборы решаются заранее, и мы видим, как фракция насильно удерживает в своих руках или получает силой каждую выборную должность. Совету Коммуны, несмотря на враждебные настроения Законодательного собрания и Конвента, сначала удается продержаться четыре месяца; затем, в декабре³⁴⁰⁵ года, когда он наконец вынужден распасться, он вновь появляется благодаря разрешению избирателей, усиленный и дополненный своим собственным классом, с тремя вождями, прокурором-синдиком, депутатом и мэром, все трое - авторы или пособники сентябрьской резни; с Шометтом, Анаксагором, так называемым, который был когда-то кают-компанией, потом клерком, вечно в долгах, ветреный и склонный к пьянству; с Эбером, которого называют "Пер Дюшен", что говорит о нем примерно все, что нужно; Паше, подчиненный, безвкусный интриган с гладким лицом, который, благодаря своему простодушию и кажущейся значимости, дослужился до главы военного министерства, где использовал все свои ресурсы для грабежа, и который, родившись в ночлежке привратника, возвращается туда, по своей ли воле или склонности, чтобы поужинать.-Якобинцы, получив в свои руки гражданскую власть, захватили и власть военную. Сразу же после 10 августа³⁴⁰⁶ Национальная гвардия реорганизуется и распределяется на столько батальонов, сколько секций, каждый батальон становится "секцией в оружии"; по этому мы можем судить о ее

составе и о том, какого рода отъявленных негодяев они выбирают в качестве офицеров и унтер-офицеров. "Звание Национальной гвардии, - пишет один из депутатов, - больше не может быть присвоено той кучке пикинеров и запасных, смешанных с несколькими буржуа, которые с 10 августа несут военную службу в Париже". Действительно, на бумаге записано 110 000 имен; когда их вызывают в важных случаях, все, кто зарегистрирован, могут откликнуться, если не разоружены, но в целом почти все остаются дома и платят *sans-culotte*, чтобы тот нес караул вместо них. Фактически, для повседневной службы в каждом участке имеется только наемный резерв, около ста человек, всегда одни и те же лица. Таким образом, в Париже насчитывается четыре или пять тысяч грубиянов, среди которых можно выделить отряды, уже виденные в сентябре: Майяр с 68 людьми в аббатстве, Готье с 40 людьми в Шантильи, Одуэн, сапер кармелитов" с 350 людьми в предместьях Парижа, Фурнье, Лазовский с 1500 людьми в Орлеане и Версале.³⁴⁰⁷ Что касается жалованья этих и их гражданских помощников, то фракция не беспокоится об этом; ведь вместе с властью она захватила и деньги. Не говоря уже о сентябрьских **поборах**³⁴⁰⁸, не считая прибыльных должностей, которыми она располагает, - четыреста из них распределяет один только Паше, а еще четыреста - **Шометт**³⁴⁰⁹, - Коммуна имеет 850 000 франков в месяц для своей военной полиции. Другие кровотоечения в казначействе приводят к тому, что еще больше государственных денег перетекает в карманы его клиентов. Один миллион в месяц идет на поддержку праздных рабочих, которые под дудочки и барабаны собрались в лагерь вокруг Парижа. Пять миллионов франков защищают мелких торговцев столицы от обесценивания кредитных сертификатов. Двенадцать тысяч франков в день снижают цену на хлеб для парижской бедноты.³⁴¹⁰ К этим регулярно выделяемым субсидиям добавляются средства, которые отвлекаются или вымогаются. С одной стороны, в Военном министерстве Паше, его сообщник до того, как стать мэром, организует постоянный поток растрат и хищений; за три месяца ему удается добиться дефицита в 130 000 000, "без ваучеров".³⁴¹¹ С другой стороны, герцог Орлеанский, ставший Филиппом-Эгалите, которого тащат за собой люди, когда-то находившиеся на его содержании, с веревкой на шее и почти задушенные, вынужден выплачивать больше, чем когда-либо, вплоть до самых глубин своего кошелька; чтобы спасти свою жизнь, он соглашается голосовать за смерть короля, кроме того, соглашаясь на другие **жертвы**³⁴¹²; вероятно, что большая часть его 74 000 000 долга на момент смерти вызвана всем этим. - Таким образом, обладая гражданскими и военными должностями, оружием и деньгами, фракция, хозяин Парижа, не имеет ничего другого, кроме как овладеть изолированным Конвентом, в который она вкладывает деньги со всех **сторон**³⁴¹³.

II.- Ее парламентские рекруты.

Их характеры и умы. - Сен-Жюст. - Насилие со стороны меньшинства в Конвенте. - Давление галерей.
- Люди на улицах.

Благодаря выборам, передовой отряд якобинцев, состоящий из пятидесяти депутатов, уже размещен там; а благодаря своей притягательности для возбудимых и деспотичных натур,

для жестоких темпераментов, узких, разобщенных умов, слабого воображения, сомнительной честности и старой религиозной или социальной вражды, ему удается удвоить это число в конце шести [месяцев](#)³⁴¹⁴. На скамьях крайних "левых", вокруг Робеспьера, Дантона и Марата, первоначального ядра сентябрьской фракции, сидят люди их марки, во-первых, продажные, как Шабо, Тальен и Баррас, жалкие, как Фуше, Гуффрау и Жавог, безумные энтузиасты, как Давид, дикие маньяки, как Каррье, ничтожные простаки, как Жозеф Лебон, обычные фанатики, как Левассер, Бобо, Жанбон-Сен-Андре, Ромме и Лебас. Добавьте также, и особенно, будущих представителей железной руки, неотесанных, авторитарных и узколобых, отличных солдат для политического ополчения, Бурботта, Дюкенуа, Рюбеля и Бентаболя, "кучу невежественных ублюдков, - говорил Дантон,³⁴¹⁵ - без всякого здравого смысла, патриотичных только в пьяном виде. Марат - просто болтун. Лежандр не годится ни на что, кроме как резать мясо. Остальные годятся лишь на то, чтобы голосовать сидя или стоя, но они хладнокровны и широкоплечи". Из среды этих энергичных ничтожеств поднимается молодой монстр со спокойными, красивыми чертами лица, Сен-Жюст. Это своего рода дородный Силла, 25 лет от роду, новичок, который сразу же вырывается из рядов и, совершая злодеяния, занимает видное [положение](#)³⁴¹⁶. За шесть лет до этого он начал жизнь с домашнего ограбления; навестив мать, он ночью ушел из дома, прихватив тарелку и драгоценности, которые растратил, живя в ночлежном доме на улице Фроменто, в центре парижской [проституции](#)³⁴¹⁷; на основании этого и по требованию друзей его на полгода закрывают в исправительном доме. Вернувшись в свое жилище, он занялся написанием непристойной поэмы в стиле La Pucelle, а затем, в приступе ярости, похожем на спазм, с головой окунулся в Революцию. Он обладал "кровью, прокаленной учебой", колоссальной гордыней, неумной совестью, напыщенным, мрачным воображением, преследуемым кровавыми воспоминаниями о Риме и Спарте, интеллектом, настолько искаженным и извращенным, что чувствовал себя комфортно только среди чрезмерных парадоксов, бесстыдной софистики и разрушительной [лжи](#)³⁴¹⁸. Все эти опасные ингредиенты, которые, смешавшись в горниле подавленных, сконцентрированных амбиций, долго и молча кипели в нем, привели к постоянному неповиновению, решительной черствости, автоматической жесткости и к резюмирующей политике утопического диктатора и истребителя. -Очевидно, что такое меньшинство не подчинится парламентским правилам и, вместо того чтобы уступить большинству, внесет в дебаты шум и шипение, оскорбления, угрозы и потасовки с кинжалами, пистолетами, саблями и даже "blunder busses" настоящего боя.

"Мерзкие интриганы, клеветники, негодяи, чудовища, убийцы, чернокнижники, дураки и свиньи" - таковы обычные выражения, в которых они обращаются друг к другу, и это наименьшее из их бесчинств.³⁴¹⁹ На некоторых заседаниях президента трижды заставляют надеть шляпу и, наконец, разбивают его колокол. Его оскорбляют, заставляют покинуть свое место и требуют, чтобы "он был удален". Базире пытается вырвать у него "из рук" представленную им декларацию. Бурдон из департамента Уаза кричит ему, что если он "осмелится прочесть ее, то убьет его".³⁴²⁰ Палата "превратилась в арену гладиаторов". "Иногда вся "Гора" срывается со своих скамей слева, тогда как такая же людская волна скатывается со скамей справа; те и другие сталкиваются в центре комнаты среди яростных криков и воплей; в одной из таких стычек один из "Горы" выхватывает пистолет, а жирондист Дюперре - шпагу"³⁴²². После середины декабря видные представители "правых", постоянно преследуемые, подвергаемые угрозам и оскорблениям, вынужденные "каждую ночь быть на улице, вынуждены носить оружие для самозащиты"³⁴²³, а после казни короля "почти все" приносят его на заседания Конвента. В любой день они могут ожидать финального нападения, и они не намерены умирать без защиты: в ночь на 9 марта, узнав, что их всего сорок три, они соглашаются броситься всем телом "при первом

же враждебном движении на своих противников и убить как можно больше", прежде чем погнаться³⁴²⁴.

Это отчаянный, но единственный выход. Ведь помимо безумцев, принадлежащих к Конвенту, против них действуют безумцы на галереях, а это тоже сентябрьские убийцы. Самый мерзкий якобинский сброд намеренно занимает позицию рядом с ними, сначала в старой Школе верховой езды, а затем в новом зале в Тюильри. Они видят над собой и в кругу вокруг себя вышколенных противников, восемь или девятьсот голов, собранных "в большой галерее внизу, под глубоким и безмолвным сводом", и, кроме того, по бокам, еще тысячу или пятнадцать сотен, две огромные трибуны, полностью заполненные.³⁴²⁵ Галереи Учредительного и Законодательного собраний по сравнению с этими были спокойны. Нет ничего более позорного для Конвента, пишет иностранный зритель³⁴²⁶, чем наглость публики. Один из регламентов запрещает, правда, любые знаки одобрения или неодобрения, "но его нарушают каждый день, и никто никогда не наказан за этот проступок". Большинство напрасно выражает свое возмущение этой "шайкой наемных грубиянов", которые преследуют и угнетают его, и в то же время, когда оно высказывает свои жалобы, оно терпит и мирится с этим. "Борьба страшная, - пишет один из депутатов³⁴²⁷, - крики, ропот, топот, вопли... С галерей сыпались самые нецензурные оскорбления". "Уже давно, - говорит другой, - никто не может говорить здесь, не получив разрешения"³⁴²⁸. В тот день, когда Бузот получает слово, чтобы выступить против Марата, "они впадают в ярость, кричат, топают ногами и угрожают"³⁴²⁹; каждый раз, когда Бузот пытается начать, его голос тонет в шуме, а сам он остается на трибуне полчаса, не закончив ни одного предложения. Особенно во время созыва палаты крики напоминают крики возбужденной толпы на испанском бою быков, с горящими глазами и вздымающейся грудью наблюдающей за поединком между быком и пикадорами; каждый раз, когда депутат голосует против смерти короля или за обращение к народу, раздаются "вопли каннибалов", и "нескончаемые вопли" каждый раз, когда кто-то голосует за обвинительный акт против Марата. "Я заявляю, - говорят депутаты на трибуне, - что я здесь не свободен; я заявляю, что меня заставляют вести дебаты под ножом".³⁴³⁰ Шарлю Виллету при входе говорят, что "если он не проголосует за смерть короля, его ждет расправа"... И это не пустые угрозы. 10 марта, в ожидании обещанного бунта, "трибуны, должным образом проинформированные,... уже зарядили свои пистолеты"³⁴³¹.³⁴³¹ В мае нанятые для этой цели оборванные женщины под названием "Дамы братства" образовали клуб, ежедневно рано утром выходили с оружием в руках в коридоры Конвента; они вырывали все билеты, выданные мужчинам или женщинам не из их группы; они захватывали все места, показывали пистолеты и кинжалы и заявляли, что "нужно снести восемнадцать сотен голов, чтобы все пошло как надо".

За этими двумя первыми рядами нападающих находится третий, гораздо более компактный, более страшный, потому что неопределенный и неясный, а именно: неопределенная толпа, образующая анархическую группу, рассеянная по всему Парижу и всегда готовая повторить 10 августа и 2 сентября против упрямого большинства. Подстрекательские предложения и требования беспорядков непрерывно поступают из Коммуны, из клубов якобинцев, кордельеров и л'Эвеше, из собраний секций и групп, размещенных в Тюильри и на улицах. "Вчера, - пишет председатель секции Тюильри³⁴³³, - в один и тот же момент в разных местах Парижа, на улице Бак, в квартале Марэ, в церкви Сент-Эташ, во Дворце Революции, на террасе Фейян, негодяи проповедовали грабежи и убийства". На следующий день, опять на террасе Фейян, то есть прямо под окнами Конвента, "они призывают к убийству Лувеля за то, что он осудил Робеспьера". "Министр Ролан пишет: "Я не слышу ничего, кроме заговоров и планов убийства". Три недели спустя, в течение нескольких дней, "в Париже объявлено восстание"³⁴³⁴; министра предупреждают, что "будут стрелять сигнальные орудия", и

заранее указывают головы, на которые обрушится этот постоянно бормочущий мятеж. В следующем месяце, несмотря на недавно принятый точный закон, "избирательное собрание печатает и распространяет бесплатно список членов клубов Фельяна и Сент-Шапель; оно также распоряжается напечатать и распространить список восьми тысяч и двадцати тысяч, а также клубов 1789 года и Монтегю".³⁴³⁵ В январе "лоточники разносят по улицам список аристократов и роялистов, проголосовавших за обращение к народу".³⁴³⁶ На плакатах некоторых из них выделяют по именам; Тибо, епископ Канталя, читая на стене относящийся к нему плакат, слышит, как кто-то рядом с ним произносит: "Хотел бы я знать этого епископа Кантальского; я бы сделал для него хлеб безвкусным". Грубияны указывают на некоторых депутатов, покидающих Собрание, и восклицают: "Вот кого надо резать!" Из недели в неделю признаки мятежа растут и множатся, как вспышки молний в надвигающейся буре. 1 января "прошел слух, что шлагбаумы будут закрываться на ночь, и что снова начнутся посещения домов".³⁴³⁷ 7 января, по предложению секции Гравилье, Коммуна требует от военного министра 132 пушки, хранящиеся в Сен-Дени, чтобы разделить их между секциями. 15 января та же секция предлагает остальным сорока семи назначить, как и 10 августа, специальных комиссаров, которые будут собираться в Эвеше и следить за общественной безопасностью. В тот же день, чтобы не дать Конвенту понять цель этих действий, на трибунах открыто заявляют, что пушки, доставленные в Париж, "предназначены для другого 10 августа против этого тела". В тот же день пришлось прибегнуть к военной силе, чтобы не допустить бандитов в тюрьмы "для возобновления резни". 28 января Пале-Рояль, курорт любителей развлечений, окружен Сантерром в восемь часов вечера, и "около шести тысяч человек, уличенных в отсутствии свидетельства о гражданстве", арестованы по решению их секции.³⁴³⁸ Не только молния сверкает, но уже и болт падает в отдельных местах. 31 декабря человек по фамилии Лувен, которого Марат ранее называл агентом Лафайета, был убит на улице Фобур-Сент-Антуан, и его труп протащили по улицам в морг. 25 февраля по наущению Марата, при попустительстве или с санкции Коммуны, разграблены бакалейные лавки. 9 марта типография Горсаса разграблена двумястами человек, вооруженных саблями и пистолетами. Вечером того же дня и на следующее утро беспорядки распространяются на сам Конвент; "комитет Якобинского клуба призывает все парижские секции к оружию, чтобы "избавиться" от аппелирующих депутатов и министров; клуб Кордельеров просит парижские власти "взять суверенитет в свои руки и посадить вероломных депутатов под арест"; Фурнье, Варле и Шампион просят Коммуну "объявить себя мятежной и закрыть заслоны"; все подступы к Конвенту заняты "диктаторами резни", [Петион](#)³⁴³⁹ и Бернонвиль узнаны при проходе, преследуются и подвергаются смертельной опасности, а на террасе Фейянов собираются разъяренные толпы, "чтобы вынести народный приговор", "отрубить головы" и "отправить их в департаменты". "К счастью, идет дождь, который всегда остужает народную пылкость. Кервелеган, депутат от Финистера, спасаясь, находит возможность послать на другой конец фобура Сен-Марсо батальон добровольцев из Бреста, прибывших за несколько дней до этого и сохранивших верность; они приходят вовремя и спасают Конвент - так большинство живет под тройным давлением "Горы", галерей и внешнего населения, и из месяца в месяц, особенно после 10 марта, это давление становится все сильнее и сильнее.

III. Физический страх и моральная трусость.

Дезертирство среди большинства. -Эффект физического страха.
-Эффект моральной трусости.-Эффект политической необходимости.
-Внутренняя слабость жирондистов.-Совпадения в принципах монтаньяров.

Месяц за месяцем большинство сдается под этим давлением. Некоторых просто одолевает физический страх. На суде над королем, во время третьего созыва палаты, когда депутаты на верхних скамьях один за другим голосовали за его смерть, депутат рядом с Дауну "самым энергичным образом продемонстрировал свое неодобрение этого". Когда подошла его очередь, "галереи, которые, несомненно, заметили его позицию", разразились такими яростными угрозами, что в течение нескольких минут его голос не был слышен; "в конце концов тишина была восстановлена, и он проголосовал за смерть".³⁴⁴⁰ Другие, как Дюран-Майян, "предупрежденные Робеспьером, что самая сильная партия - самая безопасная", говорят себе, "что благоразумно и необходимо не раздражать народ в его неистовстве", решают "держаться в стороне, защищенные своим молчанием и ничтожеством".³⁴⁴¹ Среди пятисот депутатов Равнины многие принадлежат к этому типу. Их начинают называть "болотными лягушками". Через полгода они сами превращаются в безмолвных зрителей или, скорее, в марионеток-убийц, "чьи сердца, сжавшиеся от страха, поднимаются в горле"³⁴⁴² каждый раз, когда Робеспьер смотрит на них. Задолго до падения жирондистов, "удрученные нынешним положением вещей и не находя более вдохновения в своем сердце", их лица уже обнаруживают "бледность страха или покорность отчаяния"³⁴⁴³. Камбасерес укрывается в своем Комитете по законодательству³⁴⁴⁴. Баррер, рожденный камердинером и готовый на все, ставит свой южный способ ведения дел на службу вероятному большинству, вплоть до того, что посвящает свою жестокую риторику служению доминирующему меньшинству. Сийес, проголосовав за смерть, хранит упрямое молчание, как из отвращения, так и из благоразумия:

"Какое значение имеет мой бокал вина в этом потоке выпивки?"³⁴⁴⁵

Многие, даже среди жирондистов, прибегают к софистике, чтобы придать своим уступкам цвет в собственных глазах. Некоторые из них "думают, что пользуются определенной популярностью, и боятся, что она будет подорвана".³⁴⁴⁶ Опять же, они выдвигают предлог о необходимости сохранить свое влияние для важных случаев. Иногда они пытаются сказать, или говорят это из лучших побуждений: "Пусть они (экстравагантные) продолжают, они узнают друг друга и израсходуют себя".³⁴⁴⁶ Часто мотивы, о которых говорится, носят скандальный или гротескный характер. По мнению Барбару, необходимо проголосовать за немедленную казнь, потому что это лучший способ оправдать Жиронду и заткнуть рты их якобинским клеветникам.³⁴⁴⁷ По мнению Берлье, необходимо проголосовать за смерть, ибо зачем голосовать за изгнание? Людовика XVI разорвут на куски еще до того, как он достигнет границы.³⁴⁴⁸ Накануне вынесения приговора Верньо говорит мсье де Сегюру: "Я голосую за смерть? Это оскорбление - считать меня способным на столь позорный поступок!" И "он излагает ужасающую неправоту такого курса, его бесполезность и даже опасность". "Я скорее останусь один при своем мнении, чем проголосую за смерть!"³⁴⁴⁹ На следующий день, проголосовав за смерть, он оправдывается тем, что "не считал нужным ставить жизнь одного человека на чашу весов против общественного благосостояния".³⁴⁵⁰ Пятнадцать или двадцать депутатов под влиянием его примера проголосовали так же, как он, и этого

оказалось достаточно, чтобы переломить большинство.³⁴⁵¹ Та же слабость обнаруживается и в другие решающие моменты. Обвиненный в разоблачении заговора 10 марта, Верньо приписывает его аристократам и признается Луве, что "не хотел называть настоящих заговорщиков, боясь раззадорить буйных людей, и без того доведенных до крайности".³⁴⁵² Правда в том, что жирондисты, как ранее конституционалисты, слишком цивилизованы для своих противников и подчиняются силе из-за отсутствия решимости применить ее самим.

"Положить конец фракции, - говорит один из них,³⁴⁵³ - можно, только перерезав ей горло, что, пожалуй, не составит труда. Весь Париж так же устал от ее ига, как и мы, и если бы у нас была хоть какая-то симпатия к мятежам или знание того, как с ними обращаться, мы могли бы вскоре сбросить их. Но как мы можем заставить людей принимать столь необходимые жестокие меры, когда они критикуют своих противников за то, что те их принимают? И все же они спасли бы страну". Следовательно, неспособные к действию, способные только говорить, сводящиеся к протестам, к преграждению пути революционным декретам, к воззваниям к департаменту против Парижа, они стоят как препятствие для всех практических людей, которые от души вовлечены в самую гущу событий. - "Нет сомнения, что Карно так же честен, как и они, так честен, как только может быть честен фанатичный зритель".³⁴⁵⁴ Камбон, несомненно, с такой же честностью, как и Ролан, так же громко выступал против 2 сентября, Коммуны и анархии.³⁴⁵⁵ Но Карно и Камбону, проводящим ночи, один за составлением бюджета, другой за изучением военных карт, требуется, прежде всего, правительство, которое обеспечит их деньгами и солдатами, а значит, беспринципный и единомышленный Конвент; то есть, если нет другой возможности, Конвент по принуждению, то есть Конвент, очищенный от неприятных, несогласных [ораторов](#)³⁴⁵⁶, иначе говоря, диктатура парижского пролетариата. После 15 декабря 1792 года Камбон полностью соглашается с этим и даже возводит диктатуру пролетариата в европейскую систему. С этого [времени](#)³⁴⁵⁷ он проповедует всеобщее *sans-culotterie*, форму правления, при которой бедные будут править, а богатые - платить, короче говоря, восстановление привилегий в обратном смысле. Позднее выражение Съеса, которое уже сбылось: проблема больше не в том, как применить принципы Революции, а в спасении ее людей. Столкнувшись с этим все более и более мучительным императивом, многие из не определившихся депутатов плывут по течению, позволяя монтаньярам идти своим путем и отделяться от жирондистов.

И, что еще хуже, жирондисты, помимо всех этих отступлений, не верны себе. Они не только не знают, как провести линию, как сформировать себя в компактное тело: не только "сама идея коллективного действия отталкивает, каждый член желает сохранить свою независимость. и действовать так, как он считает нужным"³⁴⁵⁸, вносить предложения, не советуясь с другими, и голосовать, как того требует случай, против своей партии, но, благодаря своему абстрактному принципу, они согласны со своими противниками, и на роковом склоне, где их еще удерживают благородные и гуманные инстинкты, эта общая догма, как скрытый груз, заставляет их опускаться все ниже и ниже, даже в бездонную яму, где государство, по формуле Жана Жака, всемогущее, философское, антикатолическое, антихристианское, деспотическое, уравнилельное, нетерпимое и пропагандистское, захватывает образование, уравнивает состояния, преследует Церковь, угнетает совесть, подавляет личность и военной силой навязывает свои структуры за рубежом.³⁴⁵⁹ В принципе, если не считать якобинского избытка жестокости и осадков, жирондисты, исходя из тех же принципов, что и якобинская "Гора", идут к той же цели вместе с ними. Отсюда и влияние на них идеологических предрассудков, ослабляющих их моральные установки. Втайне, в их сердцах, революционные желания сплетаются с желаниями их врагов, и, во многих случаях, заставляют их предавать самих себя.³⁴⁶⁰ Благодаря этим средствам и многочисленным слабостям, с одной стороны, большинство уменьшается, чтобы

представить только 279 голосов против 228.³⁴⁶⁰ И, с другой стороны, из-за частых неудач, оно сдает осаждающим один за другим все командные пункты общественной цитадели. Теперь при первом же нападении не остается ничего другого, как бежать или молить о пощаде.

IV. Победа якобинцев над жирондистским большинством.

Основные декреты жирондистского большинства - оружие и средства
Оружие и средства нападения, переданные им своим противникам.

Конвент в принципе проголосовал за создание военной департаментской гвардии, но из-за противодействия монтаньяров ему не удастся претворить этот принцип в жизнь. - В течение шести месяцев он защищен, а 10 марта спасен благодаря стихийной помощи провинциальных федератов, но, далеко не организовав эти временные вспомогательные силы в постоянный корпус верных защитников, он позволяет им быть рассеянными или разброшенными Паше и якобинцами. - Он часто принимает декреты о наказании пособников сентябрьского преступления, но, по их угрожающему ходатайству, судебные процессы откладываются на неопределенное время.³⁴⁶¹ - Он призвал к себе Фурнье, Лазовского, Деффье и других лидеров, которые 10 марта были готовы выбросить его из окон, но, после их дерзких извинений, он отправляет их оправданными, свободными и готовыми начать все сначала.³⁴⁶² В военном министерстве он поочередно воспитывает двух хитрых якобинцев, Паше и Бушотта, которые должны непрерывно работать против него. В министерстве внутренних дел он допускает падение своей самой твердой опоры, Ролана, и назначает на его место Гарата, идеолога, чей ум, состоящий из блестящих обобщений, с характером, состоящим из противоречивых наклонностей, рассыпается в умолчаниях, в лжи и в полупредательстве, под бременем своих слишком обременительных обязанностей. - Он голосует за убийство короля, которое ставит непреодолимый барьер крови между ним и всеми честными людьми; он ввергает нацию в войну за [принципы](#)³⁴⁶³ и возбуждает европейскую лигу против Франции, которая, перенося опасности, вытекающие из сентябрьского преступления, на границу, навсегда закрепляет сентябрьский режим во внутренних районах страны; он заранее создает самые гнусные орудия грядущего царствования террора,

* декретом о создании революционного трибунала с Фукье-Тинвилем в качестве прокурора и обязательством каждого присяжного произносить свой вердикт вслух;³⁴⁶⁴

* через декрет, приговаривающий каждого эмигранта к гражданской смерти и конфискации его имущества "любого пола", даже простого беглеца, даже вернувшегося в течение шести [месяцев](#)³⁴⁶⁵

* через декрет, который "объявил вне закона аристократов и врагов Революции";³⁴⁶⁶

- * через декрет, который в каждой коммуне устанавливал налог на богатство коммуны, чтобы привести цену хлеба в соответствие с заработной платой;[3467](#)
- * через декрет, согласно которому каждый мешок зерна подлежит декларированию и максимизации (контроль цен);[3468](#)
- * через декрет, который присуждает шесть лет каторги за любую торговлю валютой;[3469](#)
- * через декрет о принудительном займе миллиарда, вымогаемом у богатых;[3470](#)
- * через декрет о создании в каждом городе оплачиваемой армии санкюлотов "для удержания аристократов под пиками "[3471](#) и, наконец,
- * через декрет, учреждающий Комитет общественной безопасности,[3472](#) создающий центральный мотор, который будет приводить в движение эти острые косы и косить состояния и жизни с величайшей быстротой.

К этим двигателям всеобщего разрушения он добавляет еще один, специальный, действующий против него самого. Она не только снабжает своих соперников по Коммуне миллионами, необходимыми им для оплаты своих оркестров; не только предоставляет различным [секциям3473](#) в виде займа сотни тысяч франков, необходимых для удовлетворения жажды их крикунов; но и в конце марта, как раз в тот момент, когда ей удастся избежать первого якобинского вторжения, она предусматривает избрание каждой секцией Комитета надзора, уполномоченного посещать жилища и разоружать подозреваемых;[3474](#) он разрешает этому комитету производить аресты и взимать особые налоги; для облегчения его деятельности он предписывает прикреплять к входу список обитателей каждого дома, разборчиво "с указанием имен, фамилий, возраста и профессий "[3475](#) , копия которого должна оставаться в комитете и который подлежит его контролю.

Чтобы покончить с этим делом, он подчиняется сам себе; и, "невзирая на неприкосновенность представителя французской нации "[3476](#) , он постановляет, что в случае политического доноса его собственные члены могут быть привлечены к суду.

V. Якобинское насилие над народом.

Комитеты надзора после 28 марта 1793 г. Режим
возрожденный в августе и сентябре 1792 г. - Разоружение.

- Сертификаты гражданственности. -Принудительный призыв в армию.
- Использование собранных сумм.-Тщетное сопротивление населения.
- Неубедительное сопротивление населения.
- Насилие и победа якобинцев в собраниях секций.

"Я, кажется, слышал, как вы, - пишет один язвительный [наблюдатель3477](#) , - обращались к фракции (якобинцев) в таких выражениях:

"Послушайте, у нас есть средства, но мы не намерены использовать их против вас; было бы несправедливо нападать на вас безоружными". Государственная власть исходит из двух источников - законной власти и вооруженной силы. Мы немедленно создадим комитеты по надзору, руководителей которых вы назначите, потому что с помощью такого кнута вы сможете выпороть каждого честного человека в Париже и таким образом регулировать общественное мнение. Мы сделаем больше, чем это, потому что наша жертва еще не завершена; мы готовы подарить вам наши вооруженные силы с правом разоружать всех, кого вы можете заподозрить. Что касается нас, то мы готовы отдать даже наши перочинные [ножи3478](#) и остаться в стороне, довольствуясь своими достоинствами и талантами... Но имейте в виду, что вы собираетесь делать. Если вы окажетесь настолько неблагодарны, что посягнете на наши святыни, мы найдем мстителей в департаментах".

"Какую пользу принесут вам департаменты, пущенные в ход друг против друга, после того как вы уйдете с дороги?" (таков был воображаемый ответ якобинцев!).

Ни одно резюме не могло быть более точным, ни одно предсказание не имело более точного основания. Отныне, в силу собственных декретов Конвента, в руках якобинцев не только вся исполнительная власть, как это принято в цивилизованных странах, но и дискреционная власть античного тирана или современного паши, та произвольная, сильная рука, которая, выделив человека, обрушивается на него и отнимает у него оружие, свободу и деньги. После 28 марта мы видим в Париже возобновление системы, которая, будучи введена 10 августа, была завершена 2 сентября. Утром барабаны бьют по оружию; в полдень шлагбаумы закрываются, мосты и переходы охраняются, часовые стоят на углах улиц; никому не разрешается "выходить за пределы своего участка" или циркулировать внутри него без предъявления свидетельства о гражданстве; дома инвестируются, множество людей [арестовывается3479](#), и в течение последующих месяцев эта операция проводится под руководством Комитета по надзору. Этот комитет почти во всех секциях "состоит из sans-culottes", не из отцов семейств, людей рассудительных и опытных, давно живущих в квартале, а из "чужаков или молодых людей, пытающихся стать кем-то" [3480](#), честолюбивых недотеп, невежественных сорвиголов, деспотичных злоумышленников, свирепых, обидчивых и неопытных инквизиторов".

Первое - разоружение подозреваемых. "Достаточно, чтобы на любого гражданина был подан донос и чтобы дело было доведено до сведения Комитета" [3481](#); или чтобы его свидетельство о гражданском состоянии было менее чем месячной [давности3482](#), чтобы делегат в сопровождении десяти вооруженных людей обыскал его дом. В одной только секции Реюньона в первый день разоружили 57 человек, осужденных за "подстрекательские действия или высказывания против Республики", причем не только адвокатов, нотариусов, архитекторов и других видных деятелей, но и мелких торговцев и лавочников, шляпников, красильщиков, слесарей, механиков, позолотчиков и владельцев баров. Одна секция, вопреки закону, добавляет к ним в блоке тех, кто подписал восьмидесяти тысячную и двадцатидесяти тысячную петиции. "Благодаря таким схемам, - говорит один из [наблюдателей3483](#), - все оружие Парижа, насчитывающее более ста тысяч, переходит в руки фракции. Ни одного не остается для ее противников, даже в оружейных магазинах; ибо, согласно постановлению Коммуны, никто не может приобрести оружие без сертификата, выданного Комитетом по надзору за секцией. [3484](#) С другой стороны, благодаря праву выдавать или отказывать в сертификатах цивилизованности, каждый Комитет, по своему усмотрению, устанавливает барьеры по своему усмотрению во всех направлениях, общественных или частных, для каждого жителя в пределах его границ. Ни один человек, не получивший [свидетельства3485](#), не может иметь проездной паспорт, хотя бы и торговец; ни один государственный служащий,

ни один чиновник администрации, адвокат или нотариус не может без него удержаться на своем месте; никто не может выехать из Парижа или вернуться поздно вечером. Если кто-то выходит прогуляться, есть опасность быть арестованным и доставленным между двумя солдатами в комитет секции; если кто-то остается дома, есть шанс быть проверенным как укрыватель священников или дворян. Любой парижанин, открыв утром окно, может обнаружить, что его дом окружен ротой карманьолов, если у него нет в кармане необходимого [свидетельства](#)³⁴⁸⁶. В глазах якобинского комитета цивилизованность проявляется только в якобинстве, и мы можем себе представить, охотно ли этот патент выдается противникам или даже слабонервным; какие экзамены им придется пройти; на какие вопросы они должны будут отвечать; сколько уходов и приходов, упрасиваний, явок и ожиданий будет навязано им; с каким упорством он будет вызывать промедление и с каким удовлетворением будет отклонен. Бюзот четыре раза являлся в Комитет четырех наций, чтобы получить свидетельство для своего дома, и так и не смог его [получить](#)³⁴⁸⁷. Существует еще одно, более эффективное средство сдерживания недоброжелателей: комитет каждой секции, при содействии члена [Коммуны](#)³⁴⁸⁸, определяет двенадцать тысяч человек, призванных для экспедиции в Вандею, и выбирает их по именам, одного за другим, по мере возможности; в результате этого Париж очищается от двенадцати тысяч анти-якобинцев и успокаиваются собрания секций, где оппозиция часто бывает нежелательной. Для этого комитет выбирает в первую очередь и отдает предпочтение клеркам адвокатов и нотариусов, служащим банковских домов, администрации и купцам, неженатым во всех конторах и счетных палатах, словом, всем холостякам среднего класса Парижа, которых насчитывается более двадцати пяти тысяч.³⁴⁸⁹ Постановление предусматривает, что из двух человек должен быть взят один, несомненно, имеющий самую низкую репутацию в комитете; эта процедура заставит остальных замолчать и не позволит им высказываться в своих секциях.³⁴⁹⁰

Пока одна рука сжимает ошейник, другая роется в кармане. Комитет надзора каждой секции, которому всегда помогает член Коммуны,³⁴⁹¹ определяет всех людей, находящихся в легком положении, оценивает их доходы по своему усмотрению или согласно общему отчету и посылает им предписание выплатить определенную сумму пропорционально их излишкам и в соответствии с прогрессивным налогом. Пособие, которым освобождается глава семьи, составляет 1500 франков в год, кроме того, 1000 франков на жену и 1000 франков на каждого ребенка; если излишек превышает 15 000 или 20 000 франков, его облагают 5000 франков; если превышает 40 000 или 50 000 франков, его облагают 20 000; ни в коем случае излишек не может превышать 30 000 франков; все сверх этой суммы поступает в доход государства. Первую треть этого внезапного взноса в государственные фонды необходимо внести в течение сорока восьми часов, вторую - в течение двух недель, а оставшуюся треть - в течение месяца, причем под угрозой серьезных штрафов. Если налог окажется завышенным, если доход неопределенным или мнимым, если поступления еще не пришли, если нет готовых денег, если, как у Франсуа, управляющего оперой, у человека "нет ничего, кроме долгов", тем хуже. "В случае отказа, - пишет раздел "Бон-Консейль", - его личное и недвижимое имущество будет продано революционным комитетом, а его личность объявлена подозрительной".³⁴⁹² [Даже](#) это - всего лишь рассрочка по счету:

"В настоящий момент Комитет не желает требовать больше, чем часть ваших излишков", а остальное будет взято позже. Банкрот [Десфье](#)³⁴⁹³ уже оценил на трибуне якобинского клуба состояние ста богатейших нотариусов и финансистов Парижа в 640 000 000 франков; муниципалитет послал список их имен в секции, чтобы его дополнили; если у них отнять только одну десятую часть, это составит 64 000 000, которые "большие губки", тщательно отжатые, выбросят гораздо большую сумму.

"Самый богатый из французов, - говорит Робеспьер, - не должен иметь более 3 000 франков в год" [3494](#).

Взносов "этих господ" достаточно, чтобы вооружить санкюлотов, "вознаградить ремесленников за их участие в собраниях секции и поддержать безработных рабочих" [3495](#). Уже благодаря суверенной власти суммарных реквизиций все портится; каретные лошади конфискуются в конюшнях, автомобили, принадлежащие пожилым дамам, в основном вдовам, и последние берлины и элегантные кареты, еще остававшиеся в Париже, изымаются из ливрейных [конюшен](#) [3496](#).

Используя такие полномочия, секция максимально использует старую, глубоко укоренившуюся вражду бедных к [богатым](#) [3497](#); она обеспечивает твердую лояльность нуждающихся и бродяг; благодаря энергичным рукам своих активных клиентов, она полностью преодолевает слабое, преходящее, плохо продуманное сопротивление, которое Национальный конвент и парижское население все еще оказывают ее власти.

13 апреля Марату, обвиненному за три месяца до этого и с каждым днем становившемуся все смелее в своем раздолбайстве, наконец предъявляют обвинение по декрету разгневанного [большинства](#) [3498](#); 24-го он предстает перед революционным трибуналом. Но революционный трибунал, как и другие недавно организованные учреждения, состоит из чистых якобинцев, и, кроме того, партия приняла свои меры предосторожности. Марата в зал суда сопровождают "муниципальные комиссары, посланники от различных секций, делегаты от всех патриотических клубов"; кроме них, "множество добрых патриотов" заранее заполняют зал; "рано утром другие залы Дворца правосудия, коридоры, суды и прилегающие улицы" переполнены "санкюлотами, готовыми отомстить за любое оскорбление, которое может быть совершено над их любимым защитником" [3499](#). [3499](#) Естественно, чрезмерно тщеславный, он выступает не как обвиняемый, а "как апостол и мученик". Его осыпают аплодисментами, единогласно оправдывают, увенчивают лаврами, с триумфом несут в Конвент, где он гремит песней победы, а жирондистское большинство вынуждено терпеть его присутствие в ожидании изгнания. [3499](#) Столь же бессильны, как и умеренные в Законодательном собрании, умеренные на улице, которые восстанавливают свои силы только для того, чтобы снова быть поверженными на землю. 4 и 5 мая пять или шесть сотен молодых людей, хорошо одетых и без оружия, собрались на Елисейских полях и у Люксембурга, чтобы выразить протест против постановления Коммуны, призывающего их в экспедицию в Вандею; [34100](#) они кричат: "Да здравствует Республика! Да здравствует закон! Долой анархистов! Отправьте Марата, Дантона и Робеспьера к дьяволу!". Естественно, платная охрана Сантерра разгоняет эти молодые искры; около тысячи человек арестованы, а остальные впредь будут следить за тем, чтобы не устраивать открытых демонстраций на улицах. -И снова, за неимением лучшего занятия, мы видим, как они часто возвращаются на собрания секций, особенно в начале мая; они оказываются в большинстве и вступают в дискуссии против якобинской тирании; в секции Бон-Консей, а также в секциях Марселя и Юнита улюлюкают в адрес Люлье, угрожают Марату и осуждают Шометта. [34101](#) -Но это только вспышки на сковородке; чтобы прочно стоять во главе этих постоянных собраний, умеренные, как и санкюлоты, должны были постоянно присутствовать на них и каждый вечер пускать в ход кулаки. К сожалению, молодые люди 1793 года еще не достигли того болезненного опыта, той непримиримой ненависти, той атлетической грубости, которые должны были поддержать их в 1795 году. "После одного вечера, во время которого сиденья повсюду были сломаны" [34102](#) на спинах участников, они падают духом и никогда не приходят в себя; профессиональные грубияны в конце двух недель одерживают победу по всей линии. [34103](#) [34103](#) Чтобы лучше подавить сопротивление, грубияны образуют между

собой особую лигу и ходят от секции к секции, чтобы оказывать друг другу помощь. Под видом депутации, под предлогом предотвращения беспорядков, отряд крепких парней, посланный соседней секцией, прибывает на собрание и внезапно превращает меньшинство в большинство, или контролирует голосование силой шума. Иногда, в поздний час, когда зал почти пуст, они объявляют себя общим собранием, и около двадцати или тридцати человек отменяют дискуссии дня. В другое время, имея в своем распоряжении полицию, они призывают на помощь вооруженные силы и заставляют несговорчивых бежать. А когда для обеспечения полной тишины необходимы примеры, пятнадцать или двадцать человек, собравшихся в полное собрание, вместе с пятью или шестью, составляющими Комитет надзора, выдают ордера на арест наиболее видных своих противников. Вице-президент секции "Bon-Conseil" и судья-де-па из секции "Unité" узнают в тюрьме, что опасно представлять в Конвенте обращение против анархистов или подписывать дебаты против Шометта.³⁴¹⁰⁴ К концу мая в собраниях секций никто не смеет открыть рот против якобинского предложения; часто даже нет никого, кроме якобинцев; например, в Гравилье они изгнали всех, кто не принадлежал к их группе, и отныне ни один "интриган" ³⁴¹⁰⁵ не имеет неосторожности явиться туда.-Став суверенным народом, собравшимся в Совет, с полным правом

- * разоружить,
- * ставить на учет,
- * смещать,
- * облагать налогами,
- * отправлять в армию и
- * сажают в тюрьму всех, кто вызывает у них недовольство,

Теперь, имея за спиной и в качестве проводников муниципалитет, они могут обратить против него вооружение, полученное от Конвента, напасть на жирондистов в их последнем убежище и овладеть единственным фортом, который еще не сдан.

VI. Якобинская тактика.

Тактика якобинцев, направленная на сдерживание Конвента.

15 апреля против жирондистов.

подписей.- Конвент объявляет петицию

клеветнической.-Комиссия Двенадцати и арест

Эбер.- Планы расправы.- Вмешательство лидеров горцев.

лидеров.

Чтобы покорить последний бастион жирондистов, им достаточно одновременно во всех секциях сделать то, что они делали отдельно в каждой секции: подменив себя, обманом и

силой, верным народом, они способны создать перед Конвентом фантом народного неодобрения... Из муниципалитета, заседающего в Отель-де-Виль, и из конвент, созданного в Эвеке, посылаются эмиссары, которые в одно и то же время в каждой секции Парижа представляют одно и то же официальное сообщение в письменном виде.³⁴¹⁰⁶ "Вот петиция для подписей." - "Прочтите ее." - "Но это излишне, она уже принята большинством секций." - Эта ложь принимается некоторыми, и несколько человек добросовестно подписываются, не читая ее. Другие читают и отказываются подписывать; третьи снова читают и переходят к порядку дня. Что происходит? Заговорщики и главари остаются до тех пор, пока все совестливые граждане не уйдут; тогда они, хозяева дебатов, решают, что петиция должна быть подписана, и ставят свои подписи. На следующий день, когда граждане приходят в секцию, петиция вручается им, чтобы они назвали свои имена, и против них разворачиваются дебаты предыдущего вечера. Если они высказывают какие-либо замечания, их встречают этими грозными словами:

Подпишите, или никакого сертификата гражданственности!

И, как бы одобряя эту угрозу, несколько секций, которыми руководят те, кто составляет списки проскрипций, решают, что свидетельства гражданственности должны быть возобновлены, а в новых отказано тем, кто отказывается подписать петицию. Они не останавливаются на достигнутом; на улицах выставляются люди, вооруженные пиками, чтобы заставить подписаться тех, кто проходит мимо".³⁴¹⁰⁷ На чашу весов публично брошен весь груз муниципальной власти. "Комиссары Коммуны, сопровождаемые муниципальными секретарями, со столами, чернильницами, бумагой и регистрами, прогуливаются по Парижу в сопровождении барабанов и отрядов ополченцев". Время от времени они делают "торжественный привал", произносят речи против Бриссо, Верньо, Гваде, а затем "требуют и получают подписи".³⁴¹⁰⁸ ... Выпрошенная и доставленная в Конвент мэром, от имени генерального совета Коммуны и тридцати пяти секций, властная петиция объявляет двадцать два жирондиста предателями и нагло требует их изгнания.-На другой день выясняется, что аналогичный вызов, поданный от имени сорока восьми секций, санкционирован только тринадцатью или четырнадцатью.³⁴¹⁰⁹-Иногда политический парад еще более неосторожен. Мнимые депутаты фобура Сент-Антуан выступают перед Конвентом и заявляют о революционной программе. "Если вы не примете ее, - говорят они, - мы объявим себя в состоянии восстания; у дверей стоят 40 000 человек".³⁴¹¹⁰ На самом деле "около пятидесяти бандитов, мало известных во Фобуре", во главе с бывшим обойщиком, ныне комиссаром полиции, "собрали на своем пути" все, что смогли найти в мастерских "и в магазинах", и толпа собралась на Вандомской площади, не зная, что от них требуют.³⁴¹¹¹-Эти фиктивные беспорядки, однако, полезны: они показывают Конвенту его хозяина и подготавливают почву для более эффективного вторжения. В день, когда Марат был оправдан, вся его канализация, мужчины и женщины, пришла вместе с ним; под предлогом парада перед Конвентом они вторглись в зал, разбросали себя по скамьям и ступеням и, поддерживаемые галереями, вновь установили на трибуне, под бурные аплодисменты и шум, обычного поборника мятежа, грабежей и **убийств**³⁴¹¹².-И все же, каким бы энергичным и настойчивым ни было давление, Конвент, уступивший по стольким пунктам, не соглашается изувечить себя. Он объявляет петицию, поданную против "двадцати двух", клеветнической; учреждает специальную комиссию из двенадцати членов для поиска в бумагах Коммуны и секций юридических доказательств заговора, открыто и неуклонно поддерживаемого якобинцами против национального представительства; мэр Паше вызывается в палату адвокатов; выдаются ордера на арест Эбера, Добсена и Варле. Поскольку народные манифестации не достигли цели, а Конвент, вместо того чтобы подчиниться, бунтует, ничего не остается, как применить силу.

"С 10 марта, - пишет Верньо в трибуне, [34113](#) - против вас открыто и непрерывно разжигается убийство". "Это ужасное время, - говорит один из наблюдателей, - сильно напоминающее то, которое предшествовало 2 сентября". [34114](#) В тот же вечер в клубе якобинцев один из членов предлагает "истребить негодяев до отъезда". "Я изучил Конвент, - говорит он [34115](#) , - он состоит отчасти из негодяев, которых следует наказать. Все сторонники Дюмурье и других заговорщиков должны быть убраны с дороги; стреляйте из сигнальной пушки и закрывайте заслоны!" На следующий день днем "все стены Парижа покрыты плакатами", призывающими парижан "поспешить и перерезать глотки государственным деятелям" [34116](#)- "Мы должны что-то сделать, чтобы положить этому конец!" - лозунг сан-кюлотов.- На следующей неделе в Якобинском клубе, как и в других местах, "немедленное восстание - это порядок дня..... То, что мы раньше называли священным энтузиазмом свободы и патриотизма, теперь превратилось в ярость возбужденного населения, которое уже нельзя регулировать или дисциплинировать иначе, как силой. Нет ни одного из этих негодяев, который не согласился бы на контрреволюцию, если бы им позволили раздавить и заклеить самых известных [консерваторов](#) [34117](#) ... Отсюда вывод: в тот день, час, в ту минуту, когда фракция сочтет, что может с пользой и без риска пустить в ход всех парижских [разбойников](#) [34118](#) , восстание, несомненно, произойдет". Уже сейчас план резни рассматривается низшим классом фанатиков в мэрии, Эвеке и Якобинском [клубе](#) [34119](#).

Будет выбран какой-нибудь уединенный дом с тремя комнатами на первом этаже и небольшим двором в задней части; двадцать два жирондиста будут схвачены ночью и приведены на эту заранее устроенную бойню; каждого по очереди проведут в последнюю комнату, где его убьют и бросят тело в яму, вырытую посреди двора, а затем все покроют негашеной известью; предполагается, что они эмигрировали, и, чтобы установить этот факт, будут напечатаны фальшивые корреспонденции. [34120](#) Член Комитета по делам муниципальной полиции заявляет, что план осуществим:

"Мы их сентенизируем (убьем) - не мы сами, а люди, которые готовы, и которым за это хорошо заплатят".

Монтаньяры, представленные Леонардом Бурдоном и Лежандром, не возражают. Последний лишь замечает, что жирондистов не следует хватать в Конвенте; вне Конвента "они - негодяи, смерть которых спасет Республику", и поступок их законен; он хотел бы, чтобы "вместе с ними погибли все негодяи с "черной" стороны без вмешательства". Вместо 22 депутатов некоторые требуют 30 или 32, а некоторые - 300; можно добавить подозреваемого из каждого округа, а десять или дюжина проскрипционных списков уже составлены. Путем чистой зачистки, произведенной в ту же ночь, в тот же час, их можно будет отвести к кармелитам, близ Люксембурга, и, "если там не хватит места", в Бикетр; здесь "они исчезнут с поверхности земного шара". [34121](#) Некоторые лидеры хотели доверить очищение Парижа пронизательности народного инстинкта. "В свободных и несвязных фразах" они обращаются к народу: "Пробудитесь и действуйте в соответствии со своими склонностями, поскольку мои указания могут лишь испугать тех, кого вы должны поразить, и тем самым позволить им спастись!" Варле, напротив, предлагает план общественной безопасности, очень полный и четкий, в пятнадцати статьях:

"Смести депутатов "Равнины" и других депутатов Учредительного и Законодательного собраний, всех дворян, священников, мелочников и т.д.; истребить всю эту расу, и Бурбонов тоже, полностью подавив министров".

Эбер, со своей стороны, ссылаясь на жирондистов, пишет в своей газете, что "наступает последний час их смерти" и что, "когда их грязная кровь будет пролита, аристократические

драчуны вернутся в свои норы, как и 10 августа". "Естественно, профессиональные бойцы оповещены. Некий Лафорет, торговец старой одеждой на набережной дю Лувр, который вместе со своей женой уже отличился 2 сентября, считает, что "в Париже 6000 санкюлотов, готовых по первому знаку расправиться со всеми опасными депутатами, и восемь тысяч петиционеров", несомненно, тех, кто в нескольких секциях подписал обращения к Конвенту против Коммуны.-Другой "сентябрист" [34122](#) , командующий батальоном Жарден-дез-Плант, Анрио, встретив банду людей, работающих на пристани, восклицает своим грубым голосом:

"Доброе утро, мои славные ребята, вы нам скоро понадобятся, и для лучшей работы. Вам не придется возить дрова в тележках - вам придется возить трупы".

"Ну ладно, - отвечает один из рабочих, полупьяный, - сделаем все, как 2 сентября. Мы заработаем на этом пенни".

Чейнард, слесарь и машинист монетного двора, изготавливает кинжалы, и женщины трибунов уже снабжены двумя сотнями таких кинжалов".

Наконец, 29 мая Эбер предлагает в клубе [якобинцев34123](#) "наброситься на Комиссию двенадцати", а другой якобинец заявляет, что "те, кто узурпировал диктаторскую власть", подразумевая под этим жирондистов, "объявлены вне закона".

Все это крайности, неуклюжие действия, бесполезные и опасные, или, по крайней мере, преждевременные, и вожди "Горы", Дантон, Робеспьер и сам Марат, более информированные и менее недалёковидные, прекрасно понимают, что жестокое убийство вызовет отвращение у и без того полувозбужденных [департаментов34124](#). Законодательный механизм нужно не разрушать, а использовать; он должен быть использован против самого себя, чтобы нанести необходимый ущерб; таким образом, на расстоянии операция будет выглядеть законной и, украшенная обычными высокопарными речами, будет навязываться провинциальному уму.[34125](#) С 3 апреля Робеспьер, в клубе якобинцев, всегда осмотрительный и внимательный, заранее ограничил и определил предстоящее восстание. "Пусть все добропорядочные граждане, - говорит он, - соберутся в своих секциях, придут и заставят нас посадить под арест нелояльных депутатов". Ничто не может быть более умеренным, а если говорить о принципах, то ничто не может быть более правильным. Народ всегда оставляет за собой право сотрудничать со своими мандатами, и это право он ежедневно реализует на галереях. Проявляя крайнюю осторожность, которая хорошо характеризует этого [человека34126](#) , Робеспьер отказывается от дальнейшего вмешательства. "Я не в состоянии советовать народу, какие шаги предпринять для его спасения. Это не дано одному человеку. Я, измученный четырьмя годами революции и душераздирающим зрелищем торжества тирании, не могу быть таким благосклонным..... Я, измученный медленной лихорадкой, и прежде всего лихорадкой патриотизма. Как я уже сказал, в настоящий момент для меня не остается другого долга". Более того, он призывает муниципалитет "объединиться с народом и заключить с ним тесный союз". Иными словами, удар должна нанести Коммуна, "Гора" должна казаться не причастной к этому. Но "она посвящена в тайну" [34127](#) ; ее вожди дергают за провода, которые приводят в движение жестоких плясунов на общественных эстакадах Отель-де-Виль. Дантон и Лакруа пишут в бюро Комитета "общественной безопасности" наглую повестку, которую прокурор Коммуны должен зачитать Конвенту 31 мая, и в течение семи дней кризиса Дантон, Робеспьер и Марат являются советниками, режиссерами и модераторами всех процессов, руководят, подталкивают или сдерживают своих истуканов восстания в рамках этой программы.

VII. Центральный якобинский комитет у власти.

27-й день мая. - Центральный революционный комитет.

-Муниципальный орган, смещенный, а затем восстановленный, командующий генерал.

Это трагикомическая драма в трех актах, каждый из которых завершается переворотом, всегда одинаковым и всегда предвиденным. Лежандр, один из главных художников сцены, позаботился о том, чтобы заранее объявить,

"Если так будет продолжаться, - сказал он в клубе "Кордельеры" [34128](#), - если "Гора" будет и дальше молчать, я позову народ и скажу, чтобы галереи спустились и приняли участие в обсуждении вместе с нами".

Сначала, 27 мая, в связи с арестом Эбера и его спутников, "Гора", поддерживаемая галереями, приходит в ярость.[34129](#) Напрасно большинство снова и снова демонстрирует свое численное превосходство. "Мы будем сопротивляться, - говорит Дантон, - пока нам помогает сотня истинных граждан". "Президент, - восклицает Марат, обращаясь к Иснару, - вы тиран! Презренный тиран!" - "Я требую, - говорит Кутон, - чтобы президенту был объявлен импичмент!" - "Прочь с президентом в аббатство!" "Гора" решает, что он не может председательствовать; она поднимается со скамей и бросается на него, кричит "смерть ему", охрипшими голосами заставляет его покинуть кресло от усталости и изнеможения. Таким же образом изгоняют его преемника, Фонфреда, и заканчивают тем, что сажают в кресло Эро-Сешеля, одного из своих сообщников. -Тем временем у входа в Конвент "нарушены правила"; толпа вооруженных людей "расползлась по переходам и загрозила подходы"; депутаты Мейян, Шиappe и Лидон при попытке уйти арестованы, причем Лидон остановлен "острием сабли у своей груди" [34130](#), а лидеры внутри поощряют, защищают и оправдывают своих верных помощников на улице. -Марат, со свойственной ему дерзостью, узнав, что Раффе, комендант, очищает проходы, приходит к нему "с пистолетом в руке и сажает его под арест" [34131](#) на том основании, что народ и его священные права на петиции и просителей должны быть уважены. Пять или шесть сотен человек, почти все они вооружены [34132](#), в течение трех часов стоят у дверей зала; в последний момент прибывают еще два отряда, посланные секциями Гравилье и Круа-Руж, и приносят им последний афлюкс. Укрепленные таким образом, они пружинной преодолевают отведенные им скамьи, распространяются по залу и смешиваются с депутатами, которые еще остаются на своих местах. Уже за полночь; многие представители, измученные усталостью и отвращением, ушли; Петийон, Ласурс и некоторые другие, желающие попасть внутрь, "не могут пробиться сквозь угрожающую толпу". Чтобы компенсировать себя и заменить отсутствующих, петиционеры, считая себя представителями Франции, голосуют "Горой", а якобинский президент, отнюдь не отказывая им, сам приглашает их "отбросить все препятствия, вредящие благу народа..." В этой жестикулирующей толпе, в полумраке дымящихся ламп, среди шума галерей трудно расслышать, какое предложение ставится на голосование; нелегко разглядеть, кто встает или садится, и тут принимаются или кажутся принятыми два декрета: один освобождает Эбера и его сообщников, а другой отменяет комиссию двенадцати.[34133](#) Вскоре гонцы, ожидавшие решения, выбегают и несут радостную весть в Отель-де-Виль, а Коммуна празднует свой триумф взрывом аплодисментов.

Однако на следующее утро, несмотря на ужасы созыва палаты и ярость "Горы", большинство в качестве защитного удара отменяет декрет, которым оно было разоружено, а новый декрет сохраняет полномочия двенадцати; операция, соответственно, должна быть проведена

заново, но не вся; Ибо Эбер и другие заключенные остаются на свободе, а большинство, которое, руководствуясь чувством приличия или инстинктом самосохранения, снова выставило часовых на аванпостах, соглашается, то ли по слабости, то ли в надежде на примирение, оставить заключенных на свободе. В результате им досталась худшая часть боя. Их противники, соответственно, воодушевлены и сразу же возобновляют атаку, причем их тактика, очень простая, та, что уже доказала свой успех 10 августа.

Теперь речь идет о том, чтобы противопоставить производным и временным правам правительства высшие и неотъемлемые права народа, а также заменить законную власть, которая по своей природе ограничена, революционной властью, которая по своей сути абсолютна. С этой целью секция Сити под председательством Майяра, "сентябриста", предлагает остальным сорока семи секциям избрать по два комиссара с "неограниченными полномочиями". В тридцати трех секциях, очищенных, запуганных или покинутых, якобинцы в одиночку или почти в [одиночку34134](#) избирают самых решительных из своей группы, особенно чужаков и негодяев, всего шестьдесят шесть комиссаров, которые вечером 29-го собираются в Эвеше и выбирают из своей среды девять человек для формирования, под председательством Добсена, центрального и революционного исполнительного комитета. Эти девять человек совершенно [неизвестны34135](#); все они - безвестные [подчиненные34136](#), просто марионетки и манекены; через восемь дней, по окончании их работы, когда в них уже не будет нужды, они будут выведены за кулисы. А пока они выдают себя за мандатариев народного государя, наделенных всей полнотой власти во всех направлениях, поскольку он делегировал им свое всемогущество, и единственной властью, поскольку их инвестирующая является самой последней; под этой санкцией они расхаживают по сцене, подобно сверхштатным лицам в Опере, одетым в пурпур и золото, представляя конклав кардиналов или Сейм Священной империи. Никогда еще политическая драма не превращалась в такой наглый фарс! 31-го числа, в половине шестого утра, Добсен и его громилы являются в Генеральный совет Коммуны, предъявляют свои полномочия и заявляют о своем низложении. Совет с назидательным благодушием принимает решение и покидает департамент. С не менее благодарной готовностью Добсен вызывает его обратно, восстанавливает его во всех его функциях от имени народа и заявляет, что он заслуживает уважения страны.[34137](#) В то же время другой демагог, Варле, совершает ту же церемонию с Советом департамента, и оба органа, освященные новым крещением, присоединяются к шестидесяти шести комиссарам, чтобы разделить диктатуру.[34137](#) Что может быть более законным? Конвенту было бы ошибочно выступить против:

"Он был избран лишь для того, чтобы осудить тирана и разработать конституцию; суверенный народ не наделил его никакими другими [полномочиями34138](#); соответственно, другие акты, его ордера на арест - это просто узурпация и деспотизм". Кроме того, Париж представляет Францию лучше, чем она сама, ибо Париж - это "экстракт всех департаментов, зеркало мнений" ["34139](#), передовой отряд патриотизма. "Вспомните 10 [августа34140](#); до этого времени мнения в Республике разделились; но едва вы нанесли решающий удар, как все затихли. Не бойтесь департаментов; с помощью небольшого террора и нескольких инструкций мы обратим все умы в нашу пользу". Ворчуны упорно требуют созыва первичных собраний. "Разве 10 августа не было необходимо? Разве тогда департаменты не поддержали то, что сделал Париж? Они сделают это и на этот раз. Именно Париж спас их" ["34141](#).

Итак, новое правительство ставит Анрио, надежного человека и одного из сентябрьских убийц, во главе вооруженных сил; затем, нарушив закон, объявленный смертным преступлением, оно приказывает стрелять из сигнальной пушки; затем, с другой стороны, оно бьет общий призыв к оружию, звучит набат и закрывает шлагбаумы; Начальники

почтовых отделений арестовываются, письма перехватываются и вскрываются; отдается приказ разоружить подозреваемых и передать их оружие патриотам; "гражданам с небольшими средствами, находящимся под оружием, выдается сорок су в день".³⁴¹⁴² Накануне вечером надежным людям квартала непременно сообщается об этом; соответственно, рано утром Комитет надзора уже выбирает из якобинских секций "наиболее нуждающиеся роты, чтобы вооружить тех, кто наиболее достоин бороться за свободу", а все оружие раздается "добрым республиканским рабочим".³⁴¹⁴³ - С каждым часом, с каждым днем мы видим, как в непримиримых секциях вся власть переходит на сторону силы; в секциях Финистера, Бутте-де-Мулен, Ломбардской, Братства и [Марэ](#)³⁴¹⁴⁴ воодушевленные сан-кулоты получают перевес, сводят на нет совещания умеренных, а после полудня их делегаты идут и приносят присягу в Отель-де-Виль.

Тем временем Коммуна, таща за собой видимость народного единодушия, осаждает Конвент многочисленными и угрожающими петициями. Как и 27 мая, петиционеры вторгаются в зал и "по-братски смешиваются с членами "Левой"". Вскоре, по предложению Левассера, "Гора", "уверенная в том, что ее место хорошо охраняется", покидает зал и переходит к "правым".³⁴¹⁴⁵ В свою очередь, "правые" отказываются участвовать в обсуждении; Верньо требует, чтобы "Собрание присоединилось к вооруженным силам на площади и взяло себя под их защиту"; он и его друзья покидают зал, и обезглавленное большинство возвращается к своему обычному нерешительному курсу. Вокруг него царит шум и гам. В зале шум "Горы", петиционеров и галереи похож на постоянный рев бури. Снаружи, на улицах, вероятно, столкнулись двадцать или тридцать тысяч человек;³⁴¹⁴⁶ батальон Бутт-де-Мулена с отрядами, присланными соседними секциями, закрепился в Пале-Рояле, и Анрио, распространяя сообщение, что богатые секции центра вывесили белую кокарду, посылает против него сан-кулотов из фэббуров Сент-Антуан и Сен-Марсо; с обеих сторон направлены пушки. - Заряженные пушки не должны быть разряжены, сигнал гражданской войны не должен быть дан; просто необходимо "предотвратить последствия движения, которое может быть только губительным для свободы"³⁴¹⁴⁷, и важно обеспечить общественный порядок. Большинство, соответственно, считает, что оно поступает мужественно, отказывая Коммуне в аресте Двадцати двух и министров Лебрена и Клавьера; в обмен на это оно соглашается подавить свою комиссию Двенадцати; оно подтверждает акт Коммуны, который позволяет рабочим под оружием получать сорок су в день; объявляет свободу входа на свои трибуны и, поблагодарив все секции, как защищавшие, так и нападавшие на нее, сохраняет национальную гвардию на постоянной основе, объявляет всеобщую федерацию на 10 августа следующего года и отправляется брататься с батальонами в Пале-Рояле, которые были настроены друг против друга клеветой Коммуны и которые, исправленные в последний момент, теперь обнимаются, вместо того чтобы перерезать друг другу глотки.

На этот раз преимущество снова на стороне Коммуны. Не только многие из ее требований были преобразованы в декреты, но, опять же, ее революционный баптизм остается в полной силе; ее исполнительный комитет молчаливо признан, новое правительство выполняет свои функции, его узурпации одобрены, его генерал, Анрио, сохраняет командование всеми вооруженными силами, и все его диктаторские меры осуществляются без помех и препятствий. "Ваша победа одержана лишь наполовину, - пишет Эбер в своем "Пер Дюшене", - все эти ублюдки-интриганы еще живы!" Вечером 31 мая Коммуна выдает ордера на арест министров Клавьера и Лебрена, а также Ролана и его жены. В тот же вечер и в течение всего следующего дня и ночи, а также на следующий день комитеты надзора сорока восьми секций, согласно инструкциям из [Hôtel-de-ville](#)³⁴¹⁴⁸, изучают списки своих [кварталов](#)³⁴¹⁴⁹, вносят в них новые имена и посылают комиссаров разоружить и арестовать подозреваемых. Аресту подлежит тот, кто выступал против революционных комитетов, или не

одобрял штурм 31 мая, или не проявил себя открыто 10 августа, или голосовал не на той стороне в старом Законодательном собрании. Это всеобщая, одновременная облава; на всех улицах мы видим только людей, которых хватают и под конвоем отправляют в тюрьму или в секционный комитет. Прежде всего арестовываются "антипатриотические" журналисты, у них конфискуются все оттиски их журналов, а сам журнал подавляется; типографии Горсаса разграбляются, на его прессы накладываются [печати34150](#), а сам Прюдомм запирается. В секциях Контрат-Сосьяль, Братство, Марэ и Марсель все сопротивление преодолевается, и Коммуна получает свободу, насколько это возможно на улице, для возобновления атаки на Конвент. В каждой секции были составлены "списки рабочих-санкюлотов", и им было выдано по шесть франков на голову, выплачиваемых Конвентом в качестве компенсации за их временное отстранение от [работы34151](#); это премия, предлагаемая избирателям, и поскольку ничто не может быть более действенным, чем наличные деньги, Паше обеспечивает средства, отвлекая 150 000 франков, предназначенных для колонистов в Сан-Доминго; весь день 2 июня доверенные люди ходят среди рядов, раздавая пятифранковые [ассигнации34152](#). Каждый батальон сопровождают автомобили, груженные припасами, чтобы держать людей под [ружьем34153](#); желудок требует наполнения, а пинта вина прекрасно укрепляет патриотические чувства. Анрио приказал вернуть из Курбеуа батальоны добровольцев, которые за несколько дней до этого были набраны для Ла Вандеи, [34154](#) криворуких авантюристов и мародеров, впоследствии известных как "герои 500 франков". Кроме них, под его началом находятся гусары Розенталя, немецкие ветераны, которые не понимают французского языка и останутся глухи к любому законному вызову. Наконец, он окружает Конвент кругом отборных санкюлотов, особенно артиллеристов, лучших из якобинцев, [34155](#) которые тащат с собой самый грозный парк артиллерии, 163 пушки, с решетками и углем для подогрева шаров. Таким образом, Тюильри окружен бандами грубиянов и фанатиков; Национальная гвардия, в пять-шесть раз превосходящая их по [численности34156](#), выведенная "для придания видимости народного движения действиям пяти-шести тысяч бандитов", не может прийти на помощь Конвенту, поскольку размещена в недоступном месте, за поднятым Пон-Турнан и за деревянной оградой, отделяющей Каррузель от дворца. Оставаясь на своем месте по приказу, служа лишь неподвижной декорацией, используемой против него самого без его [ведома34157](#), он не может сделать ничего другого, как предоставить действовать фракционерам, которые служат его передовым охранением. Комендант поста со своими офицерами был заключен в тюрьму "людьми с усами", вооруженными саблями и пистолетами; законная стража была заменена чрезвычайным караулом, [34158](#) а депутаты - пленниками. Если кто-то из них вынужден выйти на минутку, то это происходит под присмотром четырех стрелков, "которые проводят его, подождают и вернут обратно" [34159](#); в других, пытающихся выглянуть в окна, целятся; в почтенного Дюссолькса попадают, а Буасси д'Англас, схваченный за горло, возвращается с разорванными в клочья фрактом и рубашкой. Шесть часов по часам Конвент находится под арестом, и когда был принят декрет, предписывающий удалить вооруженные силы, стоящие перед ним, Анрио отвечает офицеру, который сообщает ему об этом: "Передайте вашему проклятому президенту, что он и его Ассамблея могут отправляться в ад. Если через час он не сдаст Двадцать два, я отправлю его туда!" [34160](#)

В зале большинство, покинутое своими признанными проводниками и любимыми выразителями, с каждым часом становится все более слабым. Бриссо, Петион, Гваде, Генсонне, Бузо, Салль, Гранженев и другие, две трети из двадцати двух, которых не пускают друзья, остаются дома. [34161](#) Верньо, который пришел, молчит, а затем уходит; "Гора", вероятно, получив выгоду от его отсутствия, позволяет ему отключиться. Четверо других жирондистов, оставшихся в Собрании до конца, Иснар, Дюссоль, Лотенас и Фоше, соглашаются уйти в отставку; когда генералы отдают свои шпаги, солдаты вскоре

складывают оружие. Один только Ланжуайне, который не жирондист, а католик и бретонец, говорит как мужчина против этого возмутительного нападения на представителей нации. Они бросаются на него и нападают на него на трибуне; мясник Лежандр, имитируя "удар тесака", кричит ему: "Спускайся, или я тебя повалю! Группа монтаньяров бросается на помощь Лежандру, и один из них приставляет пистолет к его горлу;³⁴¹⁶² он цепляется за трибуну и тщетно борется, так как окружающие его люди теряют мужество.³⁴¹⁶³ В этот момент Баррер, отличающийся умением действовать, предлагает Конвенту прервать заседание и провести его "среди вооруженных сил, которые обеспечат ему защиту".³⁴¹⁶³ Все остальное не помогает, большинство пользуется этой последней каплей. Оно поднимается в полном составе, несмотря на шум в галереях, спускается по большой лестнице и направляется к входу в Карусель. Там президент монтаньяров, Эро-Сешель, зачитывает декрет Анрио, предписывающий ему уйти, и официально и корректно призывает его к выступлению обычным способом. Но многие монтаньяры последовали за большинством и пришли поддержать восстание; Дантон берет Анрио за руку и говорит ему низким голосом: "Продолжайте, не бойтесь; мы хотим показать, что Собрание свободно, будьте тверды".³⁴¹⁶⁴ При этом высокий одетый гавкающий человек возвращает себе уверенность, и хриплым голосом обращается к президенту: "Эро, народ пришел сюда не для того, чтобы слушать громкие слова. Вы хороший патриот... Обещаете ли вы, что двадцать два будут сданы через двадцать четыре часа?" - "Нет." - "Тогда я не несу ответственности. К оружию, канониры, готовьте пушки!" Канониры берут зажженные спички, "кавалерия выхватывает сабли, а пехота целится в депутатов".³⁴¹⁶⁵ Вынужденный отступить с этой стороны, несчастный Конвент поворачивает налево, проходит через арку, идет по широкой аллее через сад и продвигается к Пон-Турнан, чтобы найти выход. Выхода нет; мост поднят, и повсюду непроницаемый барьер из пик и штыков; крики "Да здравствует Монтань! Да здравствует Марат! На гильотину вместе с Бриссо, Верньо, Гваде и Генсонне! Прочь дурную кровь!" приветствуют депутатов со всех сторон, а Конвент, подобно стаду овец, тщетно поворачивается в своем загоне. В этот момент, чтобы заставить их вернуться в стадо, Марат, как лающая собака, подбегает так быстро, как только позволяют его короткие ноги, за ним следует его отряд оборванных демоналистов, и восклицает: "Пусть все верные депутаты вернуться на свои посты!" Склонив головы, они механически возвращаются в зал; он тут же закрывается, и они снова оказываются в заточении. Чтобы помочь им в обсуждении, толпа благожелательно настроенных людей входит вместе с ними. Чтобы следить за ними и торопить события, санкюлоты с примкнутыми штыками жестикулируют и угрожают им с галерей. Снаружи и изнутри необходимостью железной рукой схватила их и держит. Наступает мертвая тишина. Кутон, парализованный, пытается встать; друзья несут его на руках к трибуне; близкий друг Робеспьера, он - серьезная и важная персона; он садится и мягким тоном произносит: "Граждане, все члены Конвента должны теперь убедиться в своей свободе..... Вы теперь знаете, что нет никаких ограничений для ваших обсуждений "³⁴¹⁶⁶.

Комедия подошла к концу. Даже у Мольера нет ничего подобного. Сентиментальный калека на трибуне заканчивает свое выступление требованием посадить под арест "двадцать два", "двенадцать" и министров Клавьера и Лебрена. Никто не возражает против этого предложения³⁴¹⁶⁷, "потому что начинает ощущаться физическая необходимость, и собрание проникается ужасом". Некоторые говорят себе: "Ну, в конце концов, тем, кого проscribeируют, будет лучше дома, где они будут в безопасности..... Лучше смириться с меньшим злом, чем столкнуться с большим". Другой восклицает: "Лучше не голосовать, чем предать свое доверие". Залп найден, все совести легко. Две трети членов Ассамблеи заявляют, что больше не будут принимать участия в дискуссиях, держатся в стороне и остаются на своих местах при каждом голосовании. За исключением примерно пятидесяти членов "Правых", которые встают на сторону жирондистов, "Гора", силы которой

увеличиваются за счет мятежников и дилетантов, братски сидящих в ее среде, одна голосует за и в конце концов принимает декрет... Теперь, когда Конвент изуродовал себя; он сбит с толку и вот-вот превратится в машину управления на службе клики; якобинское завоевание завершено, и в руках победителей начнутся грандиозные операции гильотины.

VIII. Права или не права моя страна.

Характер новых правителей - почему Франция приняла их.

Давайте понаблюдаем за ними в этот решающий момент. Сомневаюсь, что в какой-либо стране и в какую-либо эпоху когда-либо наблюдался подобный контраст. -Через ряд очищений в обратном смысле фракция сократилась до своих отбросов; от огромной волны 1789 года не осталось ничего, кроме ее пены и слизи; остальные были отброшены или отошли в сторону; сначала высшее сословие, духовенство, дворяне и парламентарии; затем средний класс торговцев, фабрикантов и буржуа; и, наконец, лучшие представители низшего класса, мелкие собственники, [фермеры34168](#) и мастера-рабочие - словом, выдающиеся люди в любом занятии, профессии, состоянии или роде занятий, те, кто обладает капиталом, доходом, состоянием, респектабельностью, общественным уважением, образованием, умственной и нравственной культурой. Партия июня 1793 года состоит не более чем из ненадежных рабочих, городских и деревенских бродяг, обитателей [приютов34169](#), шлюх из сточных канав, деградировавших и опасных [личностей34170](#), декласса, развращенных, извращенцев, маньяков всех мастей. В Париже, откуда они командуют остальной Францией, их отряд, составляющий незначительное меньшинство, набирается из тех отбросов человечества, которыми кишат все столицы, среди эпилептического и скверного сброда, который, наследуя порочную кровь и еще более ухудшая ее своими проступками, привносит в цивилизацию вырождение, имбецильность и инфантильность расшатанных темпераментов, ретроградных инстинктов и деформированных [мозгов34171](#). О том, что она делала с государственной властью, рассказывают три или четыре современных свидетеля; мы видим ее лицом к лицу, в ней самой и в ее вождях, мы созерцаем истинную природу людей действия и предприимчивости, которые возглавили последнюю атаку и которые представляют ее наилучшим образом.

Со 2 июня "почти половина депутатов Конвента воздерживается от участия в его заседаниях; более ста пятидесяти даже скрылись или [исчезли34172](#)"; немые, беглецы, заключенные и осужденные - все это было сделано партией. Вечером 2 июня ее заклятый друг, ее совесть, мерзкое чудовище, шарлатан, мономан и убийца, регулярно каждое утро вливающий в ее лоно свой политический яд, Марат, наконец, получил полномочия, которых он жаждал последние четыре года, как Марий и Силла, как Октавий, Антоний и Лепид; полномочия добавлять или исключать имена из проскрипционных списков:

"во время чтения он указывал отмены или дополнения, секретарь вычеркивал или добавлял имена по своему усмотрению, без каких-либо консультаций с собранием "[34173](#).

3 июня в Гостинице-де-Виль, в зале Рейн, арестованные Петитон и Гваде воочию видят этот Центральный комитет, который только что начал восстание и который благодаря своей исключительной делегации возвышается над всеми другими установленными властями.

"Они [храпели34174](#), одни растянулись на скамьях, другие опирались локтями на столы, одни были босые, другие обуты в башмаки, похожие на тапочки; почти все были грязны и плохо одеты; их одежда была расстегнута, волосы нечесаны, лица страшны; на поясах пистолеты, сабли, шарфы превращены в наплечные ремни. На полу валялись бутылки, куски хлеба, куски мяса и костей, и от них исходил гнилостный запах".

Это похоже на гобелен с изображением поля боя средних веков. Во главе группы здесь стоит не Шометт, у которого есть юридические [проблемы34175](#), не Паш, хитроумно прикрывающийся маской швейцарской мокроты, а Эбер, еще один Марат, но более жестокий и развращенный, который пользуется возможностью "подбросить еще угля в топку своего "Пера Дюшена", срывая 600 000 экземпляров, получая 135 000 франков за количество, отправленное в армии, и семьдесят пять процентов от [контракта34176](#). На улице активная часть сторонников состоит из двух групп, военной и гражданской, причем первая состоит из грубиянов, которые вскоре должны составить революционную армию. "Эта армия,[34177](#) считающаяся недавним учреждением, на самом деле существует с 1789 года. Агенты герцога Орлеанского образовали ее первое ядро. Она росла, организовывалась, имела назначенных офицеров, пункты сбора, приказы дня и своеобразный сленг..... Все революции совершались с его помощью; он придавал импульс народному насилию везде, где оно не проявлялось в массовом порядке. 12 июля 1789 года она заставила публично вынести бюст Неккера и закрыть театры; 5 октября она погнала народ к Версалю; 20 апреля 1791 года она вызвала арест короля во дворе Тюильри... Возглавляемый Вестерманом и Фурнье, он был центральным батальоном в атаке 10 августа 1792 года; он участвовал в сентябрьской резне; он защищал маратистов 31 мая 1793 года... Его состав соответствует его подвигам и функциям. В нем собраны самые решительные негодяи, разбойники Авиньона, отбросы Марселя, Брабанта, Льежа, Швейцарии и берегов Генуи". Путем тщательного [отбора34178](#) он должен быть проверен, усилен, усугублен и превращен в законный корпус янычар с тройным жалованьем; когда он "пополнится праздными парикмахерами, безработными лакеями, конструкторами безумных схем и другими негодьями, не способными зарабатывать себе на жизнь честным путем", он обеспечит отряды, необходимые для гарнизонов Бордо, Лиона, Дижона и Нанта, оставив "десять тысяч этих мамелюков для удержания столицы".

Гражданские сторонники состоят, во-первых, из тех, кто ходит по секциям и собирается получать 40 су за посещение каждого собрания; во-вторых, из отряда фигурантов, которые в других общественных местах должны представлять народ, - около 1000 крикунов и клакеров, "две трети из которых - женщины". "Пока я был свободен, - говорит Болье,[34179](#) - я внимательно наблюдал за их передвижениями. Это был постоянно работающий волшебный фонарь. Они ходили в Конвент и обратно в Революционный трибунал, а оттуда в Якобинский клуб или в Коммуну, которая проводила свои заседания в вечернее время..... У них почти не было времени на свои естественные потребности; их часто видели обедающими и ужинающими на своих постах, когда предстояло какое-то действие или важное убийство. Анрио, главнокомандующий обеих орд, был в свое время мошенником, затем полицейским информатором, затем заключенным в тюрьму в Бикетре за грабеж, а затем одним из сентябрьских убийц. Его военная выправка и популярность объясняются тем, что он расхаживал по улицам в генеральском мундире и участвовал в представлениях, где разыгрывались шутовские представления; он представляет собой тип мошенника, вечно

пьяного или пропитанного бренди. Тупица, с белым голосом, немигающими глазами и лицом, искаженным нервными подергиваниями, он обладает всеми внешними признаками своей профессии. Когда он говорит, он кричит, как больной цингой; голос у него гробовой, и когда он замолкает, черты его лица приходят в покой только после многократных волнений; он трижды моргает, после чего его лицо восстанавливает равновесие "[34180](#).

Марат, Эбер и Анрио, маньяк, вор и грубиян. Если бы не кинжал Шарлотты Кордей,[34181](#) вероятно, что эта троица, хозяин прессы и вооруженной силы, при поддержке Жака Ру, Леклерка, Винсента, Ронсена и других безумцев из трущоб, отстранила бы Дантона, подавила Робеспьера и управляла Францией. Таковы советники, фавориты и лидеры правящего революционного класса; если бы не знать, что должно произойти в течение следующих четырнадцати месяцев, можно было бы составить представление о его правительстве, исходя из качеств этих людей.

И все же, каким бы ни было это правительство, Франция принимает его или подчиняется ему. В самом деле, Лион, Марсель, Тулон, Ним, Бордо, Кан и другие города, чувствуя нож у своего [горла34182](#), с ужасом отворачиваются от удара. Они восстают против своих местных якобинцев, но это не более чем инстинктивное движение. Они не думают ни о создании государств внутри государства, как это делает "Гора", ни об узурпации центральной власти, как это делает "Гора" на самом деле. Лион кричит: "Да здравствует Республика, единая и неделимая", с почетом принимает комиссаров Конвента, пропускает колонны с оружием и лошадьми, предназначенные для армии Альп. Чтобы поднять там восстание, нужны безумные требования парижского деспотизма, как и жестокое упорство религиозных преследований, чтобы сделать мятежной провинцию Вандея. Без длительного гнета, отягощающего совесть, и постоянной опасности для жизни ни один город или провинция не предприняли бы попытки отделения. Даже при таком правительстве инквизиторов и мясников ни одна община, кроме Лиона и Вандеи, не предпринимает никаких последовательных усилий, чтобы разорвать государство, выйти из него и жить самостоятельно. Национальный сноп был слишком крепко связан светской централизацией. Своя страна существует; и когда она в опасности, когда вооруженный чужак нападает на границу, человек следует за знаменосцем, кем бы он ни был - узурпатором, авантюристом, черноработчим или головорезом, - при условии, что он идет в строю и держит знамя твердой рукой.[34183](#) Сорвать с него это знамя, оспорить его претенциозное право, изгнать его и заменить другим - значит полностью разрушить общее благо. Храбрые люди жертвуют своим собственным отвращением ради общего блага; чтобы служить Франции, они служат ее недостойному правительству. В военном комитете инженерные и штабные офицеры, отдающие свои дни изучению военных карт, не думают ни о чем другом, кроме как о том, чтобы досконально знать их; один из них, д'Аркон, "руководил снятием осады Дюнкерка и блокадой Мобёжа "[34184](#) ; никто не превосходит его в проницательности, в практических знаниях, в быстроте восприятия и в воображении; это дух пламени, мозг, уплотненный ресурсами. Я говорю о нем, - говорит Малле дю Пан, - на основании близкого знакомства в течение десяти лет. Он не больше революционер, чем я". [Карно34185](#) делает даже больше: он отдает свою честь, когда вместе со своими коллегами по Комитету общественной безопасности, Бийо-Варенном, Кутоном, Сен-Жюстом, Робеспьером, ставит свое имя под декретами, которые являются убийствами. Подобная преданность приводит в армии сотни тысяч рекрутов, [буржуа34186](#) и крестьян, от волонтеров 1791 года до левизионов 1793 года; и последние сражаются не только за Францию, но и, более того, за Революцию. Ибо теперь, когда шпага извлечена, взаимное и растущее отчаяние оставляет на поле боя только крайние партии. С 10 августа, а особенно с 21 января, речь уже не идет о том, как поступить с древним режимом, как отсечь его мертвые части или его беспокойные шипы, как

приспособить его к современным требованиям, как установить гражданское равенство, ограниченную монархию, парламентское правительство. Вопрос в том, как избежать завоевания вооруженной силой, чтобы предотвратить военные казни [Брауншвейга34187](#), месть запрещенных эмигрантов, восстановление и усугубление старого феодального и фискального порядка вещей. В силу своих традиций и опыта масса сельского населения ненавидит этот древний порядок, причем со всей накопившейся ненавистью, которую вызвало непрерывное и светское разорение. Независимо от затрат, сельские массы никогда больше не потерпят ни сборщика налогов среди них, ни акцизника в подвале, ни фискала на границе. Для них древний режим - не более чем все это; и, по сути, они не платят налогов, или почти не платят, с начала революции. В этом вопросе народная мысль непоколебима, позитивна, неизменна; и как только в отдаленном будущем они увидят возможность восстановления хвоста, десятины и сеньориальных прав, они выберут свою сторону; они будут сражаться до смерти. Что касается ремесленников и мелких буржуа, то их подстегивает великолепная перспектива карьеры, перед которой открыты двери, беспредельного продвижения по службе, повышения по заслугам; более того, их иллюзии все еще целы.

В лагере, перед лицом врага, те благородные идеалы, которые в руках парижских демагогов превратились в кровавых блудниц, остаются чистыми и девственными в умах солдат и их офицеров. Свобода, равенство, права человека, господство разума - все эти туманные и возвышенные образы двигались перед их глазами, когда они взбирались на уступ Жеммапса под шквалом гранатовых выстрелов или когда они с голыми ногами зимовали среди снегов Вогезов. Эти идеи, спустившись с небес на землю, не были опозорены и искажены под их ногами, они не видели, как в их руках они превращаются в страшные карикатуры. Эти люди - не столпы клубов, не драчуны в секциях, не инквизиторы комитета, не наемные доносчики, не поставщики на эшафот. Кроме революционера-сабаки, возвращенные на землю опасностью и осознавшие неравенство талантов и необходимость дисциплины, они делают работу людей; они страдают, они постыются, они встречают пули, они сознают свое великодушие и свои жертвы; они герои и смотрят на себя как на освободителей.[34188](#) Они гордятся этим. По словам одного проникательного [наблюдателя34189](#), знавшего их выживших,

"многие из них считали, что только французы были разумными существами. ...В наших глазах люди в остальной Европе, которые боролись за сохранение своих цепей, были лишь жалкими имбецилами или рабами, продавшимися деспотам, которые нападали на нас. Питт и Кобург казались нам вождями этих рыцарей и олицетворением всего вероломства и глупости в мире... В 1794 году все наши самые серьезные чувства были сосредоточены в этой идее: быть полезными своей стране; все остальное, одежда, еда, продвижение по службе, были бедными эфемерными деталями. Поскольку общества не существовало, для нас не существовало такого понятия, как социальный успех, этот ведущий элемент характера нашей нации. Единственными нашими собраниями были национальные праздники, трогательные церемонии, которые питали в нас любовь к нашей стране. На улицах наши глаза наполнялись слезами, когда мы видели надпись в честь молодого барабанщика Барры... Эти чувства были единственной религией, которая у нас была "[34190](#).

Но это была религия. Когда сердце нации так высоко, она освободит себя, несмотря на своих правителей, какими бы ни были их крайности, какими бы ни были их преступления; ибо нация искупает их глупости своим мужеством; она скрывает их преступления под своими великими достижениями".

3401 (возвращение)

["Archives Nationales", AF II, 45, 6 мая 1793 г. (на английском языке)].

3402 (возврат)

["Мур", II. 185 (20 октября). "Очевидно, что теоретически все департаменты Франции могут иметь равную долю в правительстве, но на самом деле один департамент Париж обладает всей полнотой власти". Под давлением толпы Париж принимает закон для Конвента и для всей Франции.-Там же, II. 534 (во время суда над королем). "Все департаменты Франции, включая Париж, в действительности часто вынуждены подчиняться шумной тирании наемных трибунов, которые узурпируют имя и функции суверенного народа и, тайно направляемые несколькими демагогами, управляют этой несчастной нацией". Ср. там же, II (13 ноября)].

3403 (возвращение)

[Schmidt, I. 96. Письмо Лаушу президенту Конвента от 11 октября 1792 г.: "Секция 1792 г. по собственному почину постановила 5 числа этого месяца, что все лица, находящиеся на низшей службе, могут быть допущены к голосованию в наших первичных собраниях... Было бы хорошо, если бы Национальный конвент убедил жителей Парижа, что не они одни составляют всю республику. Какой бы абсурдной ни была эта идея, она с каждым днем набирает силу" -Там же, письмо Дамура, вице-президента секции Пантеона, 29 октября: "Парижский гражданин... сказал, что, когда закон противоречит общему мнению, на него не следует обращать внимания... Эти нарушители общественного спокойствия, желающие монополизировать все места, как в муниципалитете, так и в других местах, сами являются причиной величайших беспорядков"].

3404 (возвращение)

[Schmidt, I. 223 (отчет Дютара, 14 мая)].

3405 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, VI. 117; VII. 59 (голосование 2 и 4 декабря). На большинстве этих и следующих выборов число избирателей составляет лишь одну двадцатую часть от числа зарегистрированных. Шометт избран в своей секции 53 голосами; Эбер - 56; Генси, мастер-купер, - 34; Лешенар, портной, - 39; Дус, строитель, - 24. 15 февраля 1793 года Паш избран мэром, получив 11 881 голос из 160 000 зарегистрированных].

3406 (возврат)

[Buche et Roux, XVII. 101. (Декрет от 19 августа 1792 г.).-Mortimer-Ternaux, IV. 223.- Болье, "Эссе", III. 454. "Национальная гвардия прекратила свое существование после 10 августа" - Buzot, 454.-Schmidt, I. 533 (Dutard, 29 мая). "Несомненно, что вооруженные силы Парижа не существуют"].

3407 (возвращение)

[Beaulieu, Ibid., IV. 6.- "Archives Nationales", F7, 3249 (Уаза).- Письма администраторов Уазы, 24 августа, 12 и 20 сентября 1792 года. Письма администраторов округа Клермон, 14 сентября и т.д.].

3408 (возврат)

[Ср. выше, гл. IX.- "Archives Nationales", F7, 3249. Письмо администраторов округа Сенлис, 31 октября 1792 года. Два администратора больницы Сенлиса были арестованы парижскими комиссарами и доставлены "в притворный Комитет общественной безопасности в Париже со всем, что у них было в виде денег, драгоценностей и ассигнаций". Те же комиссары уводят двух сестер милосердия из госпиталя со всей серебряной посудой, находившейся в заведении; сестер отпускают, но посуду не возвращают.-Buche et Roux, XXVI. 209 (Патриот Франсе). Сессия от 30 апреля 1793 года, окончательный отчет комиссии, назначенной для проверки счетов старого Комитета по надзору: "Панис и Сержан осуждены за взлом печатей"... "67 580 франков, найденных в домициле Септениля, исчезли, равно как и многие ценные вещи"].

3409 (возвращение)

["Шмидт", I, 270.]

3410 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, IV. 221 - 229, 242 - 260; VI. 43 - 52].

3411 (возврат)

[De Sybel, "Histoire de l'Europe pendant la Révolution Française", II 76.-Madame Roland, II.152. "Было невозможно не только разобраться в счетах, но и представить, куда делись 130 000 000... В день своей отставки он сделал шестьдесят назначений... от своего зятя, который, будучи викарием, стал директором с окладом в 19 000 франков, до своего парикмахера, молодого козла отпущения девятнадцати лет, которого он сделал военным комиссаром"... "Было доказано, что он полностью оплачивал полки, которые фактически были сокращены до нескольких человек" -Meillan, 20. "Фракция стала хозяином Парижа благодаря наемным разбойникам, которым помогали миллионы, предоставленные в ее распоряжение муниципалитетом под предлогом обеспечения поставок"].

3412 (возврат)

[См. в "Мемуарах мадам Эллиот" подробности этого голосования - Beaulieu, I.445. "Я видел на углах улиц плакат, подписанный Маратом, в котором говорилось, что он потребовал от герцога Орлеанского 15 000 франков в качестве компенсации за то, что тот для него сделал". Гувернер Моррис, I. 260 (письмо от 21 декабря 1792 года). Галереи заставляют Конвент отменить свой декрет об изгнании Бурбонов. 22 декабря секции подают петицию в том же смысле, а в пригородах происходит своего рода бунт в пользу Филиппа-Эгалите].

3413 (возврат)

[Schmidt, I. 246 (Дютар, 13 мая). "Конвент не может насчитать во всем Париже тридцать человек, готовых встать на его сторону"].

3414 (возврат)

[Buchez et Roux, XXV. 463. По созыву палат, 13 апреля 1793 года, девяносто два депутата голосуют за Марата].

3415 (обратно)

[Prudhomme, "Crimes de la Révolution", V. 133. Разговор с Дантоном, декабрь 1792 г. -De Barante, III.123. Тот же разговор, вероятно, после другой словесной традиции - я вынужден заменить менее грубые выражения на те, что приведены в цитате].

3416 (возвращение)

[Он выступает первым от имени "Горы" на суде над королем и сразу же становится президентом Якобинского клуба. Показательна его речь против Людовика XVI. "Людовик - это еще один Катилина". Он должен быть казнен, сначала как предатель, взятый на месте преступления, а затем как король; то есть как естественный враг и дикий зверь, взятый в сети"].

3417 (возвращение)

[Ватель, "Шарлотта Кордей и жирондисты", I. Предисловие, CXLI. (со всеми документами, письмами мадам де Сен-Жюст, допросом 6 октября 1786 года и т. д.) Похищенные вещи состояли из шести кусков тарелки, прекрасного кольца, пистолетов с золотой оправой, пачек серебряных кружев и т. д. - Юноша заявляет, что он "собирается поступить в гвардейский полк графа д'Артуа, пока он не станет достаточно взрослым, чтобы поступить в гвардию короля". У него также была мысль поступить в Ораторию].

3418 (возвращение)

[Ср. его речь против короля, его доклад о Дантоне, о жирондистах и т. д. Если читатель хочет понять характер Сен-Жюста, ему достаточно прочесть его письмо д'Обињи от 20 июля 1792 года: "С тех пор как я приехал сюда, я охвачен республиканской яростью, которая истощает меня... К сожалению, я не могу остаться в Париже. Я чувствую в себе что-то, что говорит мне, что я буду плыть по волнам этого века... Мерзавцы, вы не оценили меня! Моя слава еще вспыхнет и отбросит вашу в тень. Несчастные, вы называете меня вором, негодяем, потому что я не могу дать вам денег. Вырвите мое сердце из моего тела и съешьте его, и вы станете тем, кем вы не являетесь сейчас - великими!"]

3419 (возвращение)

[Buchez et Roux, XXIV. 296, 363; XXV. 323; XXVII. 144, 145.- Moniteur, XIV 80 (термины, использованные Дантоном, Давидом, Лежандром и Маратом)].

3420 (возвращение)

[Moniteur, XV. 74.-Buche et Roux, XXVII. 254, 257, заседания 6 января и 27 мая].

3421 (возврат)

[Moniteur, XIV. 851. (Заседание от 26 декабря 1792 г. Речь Жюльена)].

3422 (возврат)

[Moniteur, XIV. 768 (заседание от 16 декабря). Президент говорит: "Я трижды призывал Калона к порядку, и трижды он сопротивлялся. "Верные заявляют, что "большинство Собрания находится под игом мятежного меньшинства" -Ibid, XIV. 851, 853, 865 (сессии 26 и 27 декабря).-Buche et Roux, XXV. 396 (сессия 11 апреля)].

3423 (возвращение)

[Louvet, 72].

3424 (возврат)

[Meillan, 24: "Некоторое время мы все были вооружены саблями, пистолетами и мушкетонами" -Moore, II. 235 (октябрь 1792 г.). Некоторые депутаты уже в то время носили трости и карманные пистолеты].

3425 (возврат)

[Dauban, "La Demagogie en 1793", p.101. Описание зала Прюдоммом с иллюстрациями - Там же, 199. Письмо Бриссо своим избирателям: "Разбойники и шалопаи нашли дорогу в новый зал". Согласно Прюдомму, галереи вмещают 1400 человек, а согласно Дюлору, 20 000 или 3 000].

3426 (возвращение)

[Moore, I.44 (10 октября) и II. 534].

3427 (возврат)

[Moniteur. XIV. 795. Речь Ланжуинаиса, 19 декабря 1792 г.].

3428 (обратно)

[Buche et Roux, XX. 5, 396. Речь Дюперре, заседание 11 апреля 1793 г.].

3429 (возврат)

[Dauban, 143. Письмо Валазе, 14 апреля. См. Moniteur, XIV. 746, заседание от 14 декабря; там же, 800, заседание от 20 декабря; там же, 853, заседание от 26 декабря].

3430 (возвращение)

[Речь Саллеса.- Ланжуине также говорит: "Кажется, что здесь, в свободном Конвенте, можно рассуждать; но это только под кинжалом и пушками фракций."- Moniteur. XV. 180, заседание от 16 января. Речь Н-, депутата, на ее произнесении настаивал Шарль Вилетт].

3431 (возврат)

[Meillan, 24-32 "Archives Nationales", AF, II.45. Полицейские отчеты, 16, 18, 19 мая. "Есть опасения, что в первый же день произойдет кровавая сцена" -Buche et Roux, XXVII. 125. Отчет инспектора зала Конвента Гамона].

3433 (обратно)

[Moniteur, XIV. 362 (1 ноября 1792 г.).-Там же, 387, заседание от 4 ноября. Речь Ройера и Горсаса.-Там же, 382. Письмо Ролана, 5 ноября].

3434 (возвращение)

["Moniteur", XIV. 699. Письмо Ролана, 28 ноября].

3435 (обратно)

[Moniteur, XIV. 697, номер за 11 декабря].

3436 (возврат)

[Moniteur, XV. 180, заседание от 16 янв. Речи Легарди, Гюга и Тибо.- Мейян, 14: "Затем была проведена линия разделения между двумя сторонами Собрания. Несколько депутатов, которых фракция хотела убрать с дороги, проголосовали за смерть (короля). Почти все они оказались в списке тех, кто выступал за обращение к народу, что было предпочтительным основанием. Нас тогда называли апеллянтами"].

3437 (возвращение)

["Moniteur", XV. 8. Речь Рабо-Сен-Итьена.- Buche et Roux, XXIII 24. Мортимер-Терно, V. 418.- Moniteur, XV.180, заседание от 16 января.-Buche et Roux, XXIV. 292.-Moniteur, XV. 182. Письмо мэра Парижа, 16 января.-Там же, 179. Письмо Ролана, 16 января.-Buche et Roux, XXIV. 448. Отчет Сантерра].

3438 (возвращение)

[Buche et Roux, XXV. 23-26.-Mortimer-Ternaux, VI. 184 (Манифест центрального комитета, 9

марта, 2 часа ночи).-Там же. 193. Рассказ Фурнье в зале заседаний Конвента, 12 марта.- Доклад мэра Парижа, 10 марта.- Доклад министра юстиции, 13 марта.- Meillan, 24.- Louvet, 72, 74].

3439 (возврат)

[Петион, "Мемуары", 106 (изд. Дюбана): "Сколько раз я слышал: "Негодяй, мы получим твою голову!". И я не сомневаюсь, что они часто планировали мое убийство"]].

3440 (возвращение)

[Taillandier, "Documents biographiques", on Daunou (Narrative by Daunou), p. 38.-Doulcet de Pontécoulant, "Mémoires", I. 139: "Именно тогда "Гора" использовала все средства запугивания, которые она так хорошо умела пускать в ход, заполнив галереи своими сателлитами, которые выкрикивали друг другу имя каждого депутата, когда он подходил к столу президента, чтобы отдать свой голос, и злобно кричали на каждого, кто не голосовал за немедленную и безоговорочную смерть".-Карно, "Мемуары", I.293. Карно голосовал за смерть короля; однако впоследствии он признался, что "Людовик XVI был бы спасен, если бы Конвент не проводил свои обсуждения под кинжалом"]].

3441 (возвращение)

[Дюран-Майян, 35, 38, 57.]

3442 (возврат)

[Выражение Дюссолькса в его "Фрагментах, служащих для истории Конвента"]].

3443 (обратно)

[Мадам Ролан, "Mémoires", ed. Barrière et Berville, II. 52.- (Примечание Ролана.)]

3444 (возврат)

["Moniteur", XV, 187. Камбасерес голосует: "Людовик понес наказание, предусмотренное уголовным кодексом против заговорщиков... Казнь должна быть отложена до прекращения военных действий. В случае вторжения на территорию Франции врагов республики, декрет должен быть приведен в исполнение". О Баррере см. разгромную статью Маколея в "Биографических очерках"]].

3445 (возвращение)

[Sainte-Beuve, "Causeries du Lundi", V. 209. ("Sièyes", согласно его неопубликованным рукописям)]].

3446 ([обратно](#))

["Мадам Ролан", II.56. Примечание Ролана].

3447 ([обратно](#))

[Mortimer-Ternaux, V. 476.]

3448 ([возврат](#))

[Mortimer-Ternaux, V. 513.]

3449 ([возврат](#))

[Граф де Сегюр, "Мемуары", I. 13.]

3450 ([вернуться](#))

[Харман де ла Мёз (член Конвента), "Анекдоты, связанные с революцией", 83, 85].

3451 ([обратно](#))

[Meissner, 148, "Voyage à Paris" (последние месяцы 1795 года). Свидетельство цареубийцы Одрейна].

3452 ([возврат](#))

[Louvet, 775.]

3453 ([возвращение](#))

[Meillan, 16.]

3454 ([возврат](#))

[Замечание М. Гиро ("Mémoires"), II. 73.]

3455 ([обратно](#))

[Moniteur, XIV. 432, заседание от 10 ноября 1792 года. Речь Камбона: "Вот причина, по которой я всегда буду ненавидеть 2 сентября; ибо я никогда не одобряю убийств". В той же речи он оправдывает жирондистов перед любым упреком в федерализме].

3456 ([возврат](#))

["Le Maréchal Davoust", автор - мадам де Боквилль. Письмо Даву, офицера батальона, 2 июня 1793 года: "Мы одушевлены духом Лепеллетье, и это все, что нужно сказать о наших взглядах и о том, что мы будем делать в предстоящем кризисе, в котором, возможно, какая-нибудь

фракция попытается вновь ввергнуть нас в гражданскую войну между департаментами и Парижем. Вероломное красноречие... консервативного Тартюфа"]].

3457 (обратно)

["Moniteur", XIV. 738. Доклад Камбона, 15 декабря. "О том, как французские генералы должны действовать в странах, занятых армиями республики". Этот важный документ является настоящим манифестом Революции.- Buchez et Roux, XXVII 140, заседание 20 мая, и XXVI. 177, заседание от 27 апреля, речь Камбона: "Департамент Эро говорит тому или иному лицу: "Вы богаты; ваши мнения вызывают у нас расходы... Я хочу прикрепить вас к Революции вопреки вам самим. Вы одолжите свое состояние республике, а когда установится свобода, республика вернет вам ваш капитал". "Я хотел бы, чтобы, следуя примеру департамента Эро, Конвент организовал гражданский заем в один миллиард, который должны предоставить эгоисты и равнодушные". Декрет от 20 мая "принят почти единогласно. Принудительный заем в один миллиард должен быть сделан на состоятельных граждан"]].

3458 (обратно)

[Meillan. 100.]

3459 (обратно)

[Речь Дюко, 20 марта. "Мы должны выбирать между внутренним образованием и свободой. До тех пор, пока бедные и богатые не сблизятся посредством общего образования, напрасно ваши законы будут провозглашать священное равенство!" - Рабо-Сен-Этьен: "В каждом городе будет возведен национальный храм, в котором каждое воскресенье его муниципальные служащие будут давать моральные наставления собравшимся гражданам. Эти наставления будут взяты из книг, одобренных законодательным органом, и сопровождаться гимнами, также одобренными законодательным органом. Катехизис, столь же простой, сколь и краткий, составленный законодательным органом, будет преподаваться, и каждый мальчик будет знать его наизусть."- О настроениях жирондистов в отношении христианства см. главы V и XI настоящего тома.- О средствах уравнивания состояний см. статьи Рабо-Сент-Этьена (Buchez et Roux, XXIII. 467).-Там же, XXIV. 475 (7-11 марта) декрет об отмене права завещания.- Кондорсе в своей "Таблице прогресса человеческого естества" называет выравнивание условий целью общества.- О пропаганде за границей читайте доклад Камбона (15 декабря). Этот доклад принимается почти единогласно, и Бюзот усугубляет его, добавляя поправку].

3460 (возвращение)

[Buchez et Roux, XXVII. 287, заседание от 28 мая, голосование по вопросу о сохранении Комиссии двенадцати].

3461 (возврат)

[Moniteur. XV. 395, сессия от 8 февраля 1793 г.].

3462 ([возврат](#))

[Декреты от 13 и 14 марта.]

3463 ([возврат](#))

[Moore, II. 44 (октябрь 1792 г.). Дантон заявляет на трибуне, что "Конвент должен стать комитетом по обучению королей всей вселенной". На что Мур замечает, что это равносильно объявлению войны всей Европе, кроме Швейцарии.- Малле дю Пан, "Considerations sur la Revolution de France", p.37: "В письме, которое случай донес до моего сведения, Бриссо писал одному из своих генерал-министров в конце прошлого года: "Четыре четверти Европы должны быть подожжены; в этом наше спасение""]].

3464 ([возвращение](#))

[Дювержье, "Собрание законов и декретов". Декрет от 10-12 марта. Раздел I. статьи 4, 12, 13; раздел II. статьи 2, 3. Добавьте к этому декрет от 29-31 марта, устанавливающий смертную казнь для того, кто сочинит или напечатает документы, благоприятствующие восстановлению королевской власти].

3465 ([возврат](#))

[Там же, указ от 28 марта - 5 апреля (ст. 6). Ср. указы от 18-22 марта и 23-24 апреля].

3466 ([возвращение](#))

[Указ от 27-30 марта.]

3467 ([возврат](#))

[Указ от 5-7 апреля.]

3468 ([возврат](#))

[Указ от 4 мая. (Закон, устанавливающий наивысшую цену, по которой должно продаваться зерно. TR.)]

3469 ([возврат](#))

[Указ от 11-16 апреля (о снижении стоимости законной валюты.-TR)].

3470 ([возврат](#))

[Указ от 20-25 мая.]

3471 (возврат)

[Декрет от 5-7 апреля. Слова, использованные Дантоном в ходе дебатов].

3472 (возврат)

[Декрет от 5-11 апреля.]

3473 (возврат)

[Декреты от 13, 16, 22, 23, 24, 25, 26 и 29 мая, 1 июня].

3474 (возвращение)

[Указы от 21-23 марта и 26-30 марта.]

3475 (возврат)

[Указы от 29-31 марта.]

3476 (возвращение)

[Указы от 1-5 апреля.]

3477 (возврат)

[Шмидт, I. 232. Доклад Дютара, 10 мая].

3478 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 2401 - 2505. Записи дебатов секций в Париже. Многие из них начинаются 28 марта 1793 года и содержат обсуждения революционных комитетов; например, F7, 2475, секция пикейных или Вандомской площади. Из официальных отчетов от 28 марта и последующих дней мы видим, что у подозреваемых было отобрано все оружие, даже самое маленькое, все виды шпаг, включая парадные шпаги со стальными или серебряными рукоятками].

3479 (возврат)

[Buchez et Roux, XXV. 157.- "Archives Nationales", F7, 2494, секция Реюньона, официальный отчет, 28 марта].

3480 (возврат)

[Schmidt, I. 223 (Дютару, 14 мая).- Там же, 224. "Если Конвенция позволит комитетам по надзору осуществлять свои полномочия, я не дам им и восьми дней" - Мейян, 111: "Почти все агитаторы секции были незнакомцами" - "Archives Nationales", F7, 3294 и 3297, записи дебатов в комитетах по надзору, принадлежащих секциям Реюньона и "Права человека".

Качество ума и образованность указывают на орфографию. Например: "Le dit jour et an que déçus." - "Orloger." - "Lecture d'une lettertre du comité de surté général de la convention qui invite le comité à se transporter de suites chez le citoyen Louis Féline rue Baubourg, à leffets de faire perquisition chez lui et dans tout ces papiers, et que ceux qui paraîtrens suspect lon y metes les selés."].

3481 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3294. Секция Реюньона, официальный отчет. 28 марта].

3482 (обратно)

["Buche et Roux", XXV. 168. Ордонанс коммуны, 27 марта].

3483 (обратно)

[Schmidt, I.223. Доклад Дютара, 14 мая].

3484 (возврат)

[Buche et Roux, XXV. 167. Ордонанс от 27 мая. XXXVII. 151. Ордонанс от 20 мая].

3485 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3294. См. в частности, официальные отчеты за апрель месяц: Buche et Roux, XXV. 149, и XXVI. 342. (Ордонансы Коммуны от 27 марта и 2 мая)].

3486 (возврат)

[Buche et Roux, XXVI. 402 (статья из "Патриот Франсез" от 8 мая). "Аресты в последнее время участились до ужасающих размеров. Мэрия переполнена заключенными. Никто не имеет ни малейшего представления о том, с какой наглостью и грубостью обращаются с гражданами. Убийство и Сен-Бартоломей - это все, о чем говорят." - Мейян, 55. Пусть кто-нибудь в каком-нибудь собрании или клубе выскажет мнение, не совпадающее с мнением муниципалитета, и на следующую ночь его обязательно арестуют". - Гувернер Моррис, 29 марта 1793 года. "Вчера я был арестован на улице и препровожден в участок Бутте-де-Мулен... Вчера ко мне домой пришли вооруженные люди. "Ответ министра Лебрена, 3 апреля. "Посещение домов было общей мерой, от которой не был освобожден ни один дом в Париже"]].

3487 (возврат)

["Buche et Roux", XXVI. 384. Речь Бузо, заседание 8 мая].

3488 (обратно)

[Buche et Roux, XXVI. 332. Ордонанс коммуны от 1 мая].

3489 ([обратно](#))

[Шмидт, I. 216. Доклад Дютара, 13 мая].

3490 ([обратно](#))

[Шмидт, I.301. "В наших кварталах лучшие слои населения все еще боятся тюрьмы или разоружения. Никто не говорит свободно." - Лионские революционеры делают тот же расчет ("Archives Nationales", AF, II. 43). Письмо, адресованное представителям народа администраторами департамента Рона, 4 июня 1793 года. Революционный комитет "определил в Ла Вандею тех граждан, которые были наиболее обеспечены, или тех, кого он ненавидел, в то время как условный призыв в армию с привилегией остаться в департаменте был предоставлен только тем, кто выступал за дезорганизацию" - см. Guillon de Montléon, I. 235].

3491 ([возвращение](#))

[Buchez et Roux, XXVI. 399. Декрет Коммуны от 3 мая о принудительном займе двенадцати миллионов, статья 6. "Революционные комитеты будут рассматривать списки распределения просто как руководство к действию, не считая их основой для действий" - статья 14. "Личное и недвижимое имущество лиц, не подчинившихся патриотическому призыву, будет конфисковано и продано по иску революционных комитетов, а их лица объявлены подозрительными"].

3492 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XXVII. 17 ("Патриот Франсе", номер за 14 мая). Франкур облагается налогом в 3600 франков. Тот же процесс в Лионе (Balleydier, 174, и Guillon de Montléon, I. 238). Утвержденный комиссарами конвента налог составил шесть миллионов. Революционный комитет взимал тридцать и сорок миллионов, выплачиваемых через двадцать четыре часа по ордерам без задержки (13 и 14 мая). Многие лица облагаются налогом в размере от 80 000 до 100 000 франков, причем текст реквизиций иронически передает враждебный дух].

3493 ([возврат](#))

["Buchez et Roux", XXVI. 463, заседание Якобинского клуба, 11 мая].

3494 ([возврат](#))

[Meillan, 17.]

3495 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XXVI. 463, заседание Якобинского клуба, 11 мая. Речь Гассенфраца.- Там же, 455, заседание якобинского клуба, 10 мая, речь Робеспьера. "Богатые - все антиреволюционеры; только нищие и народ могут спасти страну" -Там же. N-: "Революционные батальоны должны содержаться в департаменте за счет богатых, которые трусы" -Там же, XXVII. 317. Петиция фобура Сент-Антуан, 11 мая.- Schmidt, I. 315 (отчет Дютара, 13 мая). "В фобургах нет вербовки, потому что люди там знают, что здесь они

нужнее, чем в Вандее. Они позволяют богатым уходить и сражаться. Они наблюдают за происходящим здесь и не доверяют никому, кроме себя, охранять Париж"].

3496 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 2494. Секция Реюньона, официальные отчеты от 15 и 16 мая.- Buchez et Roux, XXV. 167, ордонанс коммуны от 27 марта].

3497 (возврат)

[Schmidt, I.327. Отчет Перьера, 28 мая. "Сама наша группа, казалось, не руководствуется ничем, кроме ненависти бедных к богатым. Нужно быть тупым наблюдателем, чтобы не увидеть по тысяче признаков, что эти два естественных врага стоят в боевом строю, ожидая только сигнала или возможности"]].

3498 (возврат)

[Buchez et Roux, XXV. 460. Бумаги, изученные обвинителями, - это номера журнала Марата от 5 января и 25 февраля. Статья, вызвавшая декрет, - его "Обращение к Национальному конвенту", стр. 446 и 450].

3499 (возврат)

[Buchez et Roux, XXVI. 149; Нарратив Марата, 114. Бюллетень революционного трибунала, сессия Конвента].

34100 (возврат)

[Buchez et Roux, XXVI. 358, статья в "Chronique de Paris"; 358, статья Марата.- Schmidt, I. 184. Донесение Дютара, 5 мая.- Париж, "Histoire de Joseph Lebon", I. 81. Письмо Робеспьера-младшего, 7 мая].

34101 (возврат)

[Buchez et Roux, XXV. 240 и 246. Протест секции Почты, избирательного органа секций Арсенала, Марэ, Гравелье и Арсиса. (Конвент, заседание 2 апреля; Коммуна, заседание 2 апреля).-XXVI. 358 Протесты секций Бон-Консей и Юните (5 мая).-XXVII. 71. Поражение анархистов в секции Бутте-де-Мулен. "Очень многие секции открыто демонстрируют решимость покончить с анархией". (Patriote Français, 15 мая).- Там же, 137. Протесты "Пантеон Франсез", "Пикес", "Мейль" и некоторых других секций ("Патриот Франсез", 19 мая).- Там же, 175. Протест секции "Fraternité" (заседание Конвента, 23 мая)].

34102 (возврат)

[Шмидт, И. 189. Дютару, 6 мая].

34103 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, VII. 218. Официальный отчет о воссоединении двух секций лангобардов и бон-конселье (12 апреля), "в котором обе указанные секции обещают и клянутся в союзе, помощи, братстве и взаимопомощи в случае, если аристократия будет настроена уничтожить свободу." Вследствие этого, - говорится в разделе Бон-Консейля, - многие граждане секции Ломбардов, справедливо встревоженные беспорядками, вызванными злонамеренными людьми, пришли и предложили свою помощь" - Присоединение секции Les Amis de la Patrie. 138. (Статья в "Patriote Français" от 19 мая): "Этот разбой называется собранием объединенных секций." - Там же, 236, 26 мая, заседание коммуны. "Депутаты секций Монтрей, Кинз-Винт и "За права человека" пришли на помощь патриотам Арсенала; аристократы обратились в бегство, оставив за собой шляпы" - Schmidt, I. 213, 313 (Дютар, 13 и 27 мая). Жестокое обращение с умеренными в кварталах Бон-Консей и Арсенал; "удары стульями, несколько человек ранены, одного капитана унесли на скамейке; прыгуны из водосточных труб и унылые лавочники убрались, оставив санкюлотов хозяевами поля" - Meillan, 111. - Buchez et Roux, XXVII. 237, заседание Якобинского клуба, 26 мая. "В секции Бутт-де-Мулен патриоты, обнаружив, что их нет, захватили кресла и вытеснили аристократов"].

34104 (возвращение)

[Buchez et Roux, 78, XXVII. О судье де Пэ Ру, унесенном ночью и заключенном в тюрьму. Апрель 16. - Мортимер-Терно, III. 220, о вице-президенте Санье, 10 мая. - Буше и Ру, XXVII. 231, 26 мая, о пяти гражданах секции "Unité", арестованных революционным комитетом секции "за то, что они выступили против Робеспьера и Марата"].

34105 (возврат)

[Buchez et Roux, XXVII. 154. Речь Леонарда Бурдона перед якобинцами, 20 мая].

34106 (возврат)

[Buchez et Roux, XXVI. 3. Обращение, составленное комиссарами 48 секций, одобренное 35 секциями, а также коммуной, и представленное Конвенту 15 апреля. - Другие предшествовали ему, как пробные шары. - Там же, XXV. 319. Петиция Бон-Консейля, 8 апреля. - XXV. 320. Петиция секции Галло-Бле, 10 апреля].

34107 (возврат)

[Buchez et Roux, XXVI. 83. Речь Верньо в Конвенте, заседание 20 апреля. "Эти факты приняты. Никто не может их опровергнуть. Более 10 000 свидетелей подтвердят их." - То же самое происходит в Лионе 13 января 1792 года, против петиции с воззванием к народу (Guillon de Montléon, I. 145, 155). В официальном отчете якобинцев утверждается, что петиция собрала 40 215 подписей. "Сначала петицию подписали около 200 клубистов, которые выдавали себя за народ... Они распространили среди народа сообщение, что все, кто не подпишет обращение, будут занесены в черный список или запрещены. Поэтому на всех площадях ставили столы, хватали за руки всех, кто приходил, и заставляли подписать". Поскольку такой подход не принес результатов, они заставляли детей десяти лет, женщин и невежественных деревенщин записывать свое имя". Им сказали, что цель - снизить цену на хлеб. "Клянусь вам, что это обращение - дело рук не более ста человек; подавляющее большинство жителей

Лиона желает воспользоваться своим собственным суверенитетом на суде Людовика".
[Письмо Давида Лионского президенту конвента, 16 января.)].

34108 ([возврат](#))

["Фрагмент" Ланжуина (в воспоминаниях Дюран-Майяна, стр. 297)].

34109 ([возврат](#))

[Meillan, 113.]

34110 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XXVI. 3!9 (12 мая).- Meillan, 113].

34111 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XVI. 327. Узнав об этом, толпа прислала новых депутатов, причем последние по отношению к остальным заявили: "Мы их не признаем"].

34112 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XXVI. 143].

34113 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XXVII. 175, 23 мая].

34114 ([возврат](#))

[Schmidt, I. 212. Отчет Дютара, 13 мая - I. 218. "Заговор действительно готовится, и многие головы выделены". (Террассон, 13 мая.)].

34115 ([возврат](#))

["Buchez et Roux", XXVII 9. Речь Гваде в Конвенте, 14 мая].

34116 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XXVII. 2. Patriote Français, 13 мая].

34117 ([возврат](#))

[Шмидт, I 242. Доклад Дютара, 18 мая, также 245].

34118 (возврат)

[Шмидт, I 254. Отчет Дютара, 19 мая].

34119 (обратно)

[Bergoeing, Chatry, Dubosq, "Pièces recueillies par la Commission des Douze et publiées à Caen." 28 июня 1793 года (в "Mémoires" Meillan, pp. 176-198). Попытки убийства уже имели место. "Ланжюине едва не был убит. Многие депутаты подвергались оскорблениям и угрозам. Вооруженные силы объединяются со злоумышленниками; соответственно, у нас нет средств для подавления". (Mortimer-Ternaux, VII.562, письмо депутата Мишеля своим избирателям, 20 мая)].

34120 (возврат)

[Bergoeing, "Pièces, etc."-Meillan, pp. 39 и 40.- Все показания сделаны очевидцами. Предложения о резне были сделаны на собраниях в ратуше 19, 20 и 21 мая и в клубе Кордельеров 22 и 23 мая].

34121 (возврат)

[Якобинцы в Лионе замышляют то же самое (Guilion de Montléon, 248). Шалье говорит клубу: "Нам не мешает иметь 300 отмеченных голов. Возьмите членов департамента, председателей и секретарей секций, и давайте сделаем из них связку для гильотины; мы омоем руки в их крови". После этого, в ночь на 28 мая, революционный муниципалитет захватывает арсенал и устанавливает пушки на Отель-де-Виль. Лионские секции, более энергичные, чем парижские, берутся за оружие и после страшного боя овладевают Отелем-де-Виль. Моральная разница между двумя партиями очень заметна в письмах Гоншона. ("Archives Nationales", AF, II. 43. Письма Гоншона к Гарату от 31 мая, 1 и 3 июня). "Поддерживайте мужество Конвента. Ему не нужно бояться. Жители Лиона покрыли себя славой. Они проявили величайшее мужество в каждой схватке, происходившей в разных кварталах города, и величайшее великодушие к своим врагам, которые вели себя самым злодейским образом". Муниципалитет прислал флаг перемирия, притворившись, что ведет переговоры, а затем вероломно открыл огонь из своих пушек по колоннам секций и сбросил раненых в реку. Жители Лиона, на которых так часто клеветают, первыми показали пример истинно республиканского характера. Найдите мне, если сможете, подобный пример в истории революций: победить и при этом не пролить ни капли крови!" Они ухаживали за ранеными и проводили подписку для вдов и сирот погибших без различия партий. Ср. Lauvergue, "Histoire du Var", 175. То же самое происходит в Тулоне (восстание умеренных, 12 и 13 июля 1793 года). В Тулоне, как и в Лионе, после победы не было убийств; только регулярные судебные процессы и казнь двух или трех убийц, преступления которых были юридически доказаны].

34122 (возврат)

[Шмидт, I. 335. Донесение Перриера, 29 мая].

34123 (обратно)

[Bergoeing, "Pièces, etc.", p. 195.-Buche et Roux, XXVII 296].

34124 (возврат)

[Восстание в Лионе произошло 29 мая. 2 июня в Конвенте было объявлено, что повстанческая армия Лозера, численностью более 30 000 человек, взяла Марвежольс и собирается взять Менде (Buche et Roux XXVII. 387); угрожающее обращение из Бордо (14 мая) и от тридцати двух секций в Марселе (25 мая) против якобинцев (Buche et Roux, XXVII. 3. 214); см. Robinet в "Le procès des Dantonistes", 303, 305].

34125 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, VII 38.]

34126 (возврат)

[Buche et Roux, XXVII. 297, заседание якобинцев, 29 мая].

34127 (возврат)

[Barrère, "Mémoires", II. 91, 94. Каким бы лживым ни был Баррер, здесь его свидетельство можно принять. Я не вижу причин, почему он должен говорить то, что не соответствует действительности; он был хорошо информирован, так как принадлежал к Комитету общественной безопасности. Кроме того, его заявления о соучастии Горы и роли Дантона подтверждаются всей массой фактов.-Buche et Roux, XXVIII. 200 (речь Дантона в Конвенте, 13 июня). "Без канона 31 мая, без восстания заговорщики одержали бы победу; они дали бы нам закон. Пусть преступление этого восстания ляжет на наши головы! Это восстание - я сам требовал его!... Я требую заявления Конвента, что без восстания 31 мая свободы больше не будет!" - Там же, 220. Речь Леклерка в клубе Кордельеров, 27 июня: "Разве не Лежандр прервал наши мудрые меры, столь часто предпринимаемые для уничтожения наших врагов? Именно он и Дантон своим преступным сопротивлением привели нас к умеренности 31 мая. Лежандр и Дантон - это люди, которые противостояли революционным шагам, предпринятым нами в те великие дни, чтобы уничтожить всех аристократов в Париже!"].

34128 (возврат)

[Шмидт, I. 244. Донесение Дютара, 18 мая].

34129 (обратно)

[Buche et Roux, XXVII. 253 и последующие страницы, заседание 27 мая.- Мортимер-Терно, VII. 294.- Buche et Roux, XXVIII. 9 ("Précis rapide" Горсака)].

34130 (возврат)

[Buche et Roux, XXVII. 258. Meillan, 43].

34131 (возврат)

[Buche et Roux, XXVII. 259 (слова Раффе)].

34132 (возврат)

[Meillan, 44.-Buche et Roux, XXVII. 267, 280].

34133 (возвращение)

[Meillan, 44. Поставленный напротив президента, в десяти шагах от него, с постоянно устремленными на него глазами, потому что в ужасном грохоте, позорившем Собрание, у нас не было другого компаса, по которому можно было бы ориентироваться, я могу засвидетельствовать, что не видел и не слышал декрета, поставленного на голосование." - Buche et Roux, XXVII. 278. Речь Осселина на заседании 28 мая: "Сегодня утром я представил декрет в том виде, в каком он был составлен, секретарям для подписи. Один из них, прочитав его, заметил мне, что последняя статья не была декретирована, но что предыдущие статьи были декретированы" - Mortimer-Ternaux, VII. 562. Письмо депутата Мишеля. 29 мая. "Стража была приставлена, а святилище закона вложено примерно с четырех до десяти часов, так что никто не мог покинуть зал даже для самых неотложных целей".]

34134 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, VII. 308. Выдержка из официальных отчетов патриотического клуба Бутте-Мулен, 30 мая. "Принимая во внимание, что большинство секции, известной своим инцивизмом и антиреволюционным духом, откажется от этих выборов или изберет комиссаров, не пользующихся доверием патриотов"... патриотический клуб берет на себя обязанность избрать двух требуемых комиссаров].

34135 (возврат)

[Дюран-Майян, 297. "Фрагмент", автор Ланжуайнис. "Семь незнакомцев, семь агентов со стороны, Десфье, Проли, Перейра, Дюбюиссон, Гусман, два брата Фрей и т. д., были созданы коммуной в качестве повстанческого комитета". Большинство из них - мерзкие люди, как и Варле, Добсен, Гассенфратц, Русселен, Десфье, Гусман и т. д.].

34136 (возврат)

[Buche et Roux, XXVIII. 156. "Мы, члены революционной комиссии, граждане Клеманс из секции Бон-Консей; Дюнуи из секции Сан-Кулот; Бонин из секции Ле-Марше, Овре из секции Мон-Блан; Сеги из секции Бутте-де-Мулен; Муассар из Гренель; Бери из кантона Исси; Русселен из секции Уните; Маршан из секции Мон-Блан; Греспен из секции Гравилье". Они уходят в отставку 6 июня. Комиссия, состоявшая сначала из девяти членов, в итоге состоит из одиннадцати (Buche et Roux, XXVII. 316, официальные отчеты коммуны. 31 мая.), затем из 25 (речь Паше в Комитете общественной безопасности, 1 июня.)].

34137 ([возврат](#))

[Buche et Roux XXVII. 306. Официальные отчеты коммуны от 31 мая - Там же, 316. Мортимер-Терно, VII. 319.]

34138 ([возвращение](#))

[Buche et Roux, XXVII. 274 Речь Гассенфратца в Якобинском клубе, 27 мая].

34139 ([обратно](#))

[Buche et Roux, XXVII. 346 (речь Люилье в Конвенте, 31 мая)].

34140 ([возврат](#))

[Buche et Roux, XXVII. 302, заседание Конвента, 30 мая. Слова, произнесенные Гассенфратцем, Варле и Шабо и осужденные Ланжуайне].

34141 ([возврат](#))

[Мадам Ролан, "Обращение к беспристрастной почте". Разговор мадам Ролан вечером 31 мая на площади Каррузель с артиллеристом].

34142 ([возврат](#))

[Buche et Roux, 307-323. Официальные отчеты коммуны, 31 мая].

34143 ([возврат](#))

["Archives Nationales", F7, 2494, реестр революционного комитета секции Реюньон, официальный отчет от 31 мая, 6 часов утра].

34144 ([возврат](#))

["Buche et Roux", XXVII. 335, заседание Конвента, 31 мая. Петиция, представленная комиссарами от имени сорока восьми секций; их полномочия показывают, что они изначально не уполномочены более чем двадцатью шестью секциями].

34145 ([возврат](#))

[Buche et Roux, 347, 348. Mortimer-Ternaux, VII. 350 (третья депеша делегатов из Отель-де-Вилля, присутствовавших на заседании): "Национальное собрание не могло принять вышеупомянутые важные меры... пока возмутители спокойствия, известные под именем "правых", не сочли за справедливость понять, что они недостойны принимать в них участие; они покинули собрание, после бурной жестикуляции и проклятий, к которым, как вы знаете, они склонны"].

34146 (возвращение)

[Dauban, "La Demagogie en 1793." Дневник Болье, 31 мая.- Декларация Анрио, Жерминаль 4, год III.- Буше и Ру, XXVIII. 351]

34147 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, VII. 565. Письмо депутата Луазо, 5 июня].

34148 (возврат)

[Buchez et Roux, XXVII. 352 - 360, 368 - 377. Официальные отчеты коммуны, 1 и 2 июня. Прокламация революционного комитета, 1 июня. "Ваши делегаты приказали арестовать всех подозрительных лиц, скрывающихся в парижских кварталах. Этот арест проводится во всех кварталах"].

34149 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 2494. Секция Реюньона, официальный отчет, 1 июня. Там же, 2 июня. Гражданин Робен арестован 2 июня "за проявление в Национальном собрании мнений, противоречащих суверенитету народа". В тот же день депутация коммуны в сопровождении одного депутата и двух барабанщиков распространяет по территории секции прокламацию, "имеющую тенденцию (tendances) довести до сведения народа, что страна будет спасена, если будет мужественно ожидать (en attendant) декрета, который должен быть издан, чтобы предатели (les traîtres) не могли больше заседать в сенате" - Там же, 4 июня. Комитет решает, что он пополнит свое число новыми членами, но они будут взяты только от всех "хороших sans-culottes; ни нотариус, ни клерк нотариуса, ни адвокаты, ни их клерки, ни банкиры, ни богатый помещик" не могут быть допущены, если они не предоставят доказательств безусловной гражданственности с 1789 г. -Cf. F7, 2497 (секция "Права человека"), F7, 2484 (секция "Галле-о-бле"), сходство в орфографии и в их актах; реестр секции "Пикес" (F7, 2475) - один из самых интересных; здесь можно найти подробности появления министров перед ним; комиссия, рассматривающая их, даже не пишет правильно их имена: "Клавьер" часто пишется как "Клавер", а "Гойер" - как "Гойер"].

34150 (возврат)

["Buchez et Roux", XXVIII. 19.]

34151 (возврат)

[Buchez et Roux, XXVII.357. Официальные отчеты коммуны, 1 июня].

34152 (возврат)

[Meillan, 307.- "Фрагмент" Лануайна.- "Дневник" Болье, 2 июня.- Buchez et Roux, XXVII. 399 (речь Барера)].

34153 (возвращение)

[Buchez et Roux, XXVII. 357. Официальные отчеты коммуны, 1 июня].

34154 (возврат)

[Meillan, 53, 58, 307. Buchez et Roux, XXVIII. 14 (предисловие, автор Gordas)].

34155 (возврат)

[Buchez et Roux, XXVII 359. Официальные отчеты коммуны, 1 июня. "Один из членов Совета заявил, что, когда он отправился в секцию Борепэр, его приняли не очень хорошо; что председатель этой секции разговаривал с ним нелюбезно и принял его за мнимого муниципалиста; что ему угрожали тюрьмой, и что своей свободой он обязан исключительно храбрым гражданам секции Сан-Кулот и стрелкам секции Борепэр, которые пошли с ним."- Приготовление к инвеституре началось 1 июня. ("Archives Nationales", F7, 2497, официальные отчеты секции "Права человека", 1 июня). Приказ Анрио коменданту секции направить "400 человек и роту канониров с 2 пушками в Карузель на протяжении пласа Тюильри Революции"]].

34156 (возврат)

["Ланжуине заявляет о 100 000 человек, Мейян - о 50 000; депутаты Соммы говорят о 60 000, но без каких-либо доказательств. Судя по различным признакам, я должен назвать гораздо меньшее число, ввиду разоружения и отсутствующих: скажем, 30 000 человек, столько же, сколько было 31 мая"]].

34157 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, VII. 566. Письмо депутата Луазо: "Я прошел через весь один батальон; все люди сказали, что не знают, почему было сделано движение, что только их офицеры знают". (1 июня.)]

34158 (возврат)

[Buchez et Roux, XXVII. 400. Заседание Конвента, 2 июня, --XXVIII. 43 (доклад Саладина)].

34159 (возврат)

[Mortimer-Ternaux, VII. 392. Официальный отчет Якобинского клуба, 2 июня "Депутаты были так окружены, что не могли выйти даже для особых целей" -Ibid., 568 Письмо депутата Луазо].

34160 (возврат)

[Buchez et Roux, XXVIII. 44. Донесение Саладина.- Мейян, 237.- Мортимер-Терно, VII. 547. Декларация депутатов Соммы].

34161 ([возврат](#))

[Meillan, 52.-Pétion, "Mémoires", 109 (Edition Dauban).-Lanjuinais ("Фрагмент") - "Почти все те, кого называют жирондистами, сочли за лучшее остаться в стороне".-Письмо Верньо от 3 июня (в Republican Français, 5 июня 1793). "Я покинул Собрание вчера между 1 и 2 часами"].

34162 ([возврат](#))

[Ланжюине, "Фрагмент", 299].

34163 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XXVII. 400.]

34164 ([возврат](#))

[Robinet, "Le Procès de Danton", 169. Слова Дантона (согласно записям присяжного заседателя Топино-Лебрена)].

34165 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XXVII. 44. Доклад Саладина.- Мейян, 59.- Ланжуайне, 308, 310].

34166 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XXVII. 401].

34167 ([возврат](#))

[Mortimer-Ternaux, VII. 569. Письмо депутата Луазо.-Meillan, 62].

34168 ([возврат](#))

[Buchez et Roux, XXVI. 341. Речь Шасле в Конвенте, 2 мая: "Фермеры... почти все аристократы"].

34169 ([возврат](#))

["Работные дома" см. Тейн: "Заметки об Англии" стр. 214: "Это английский принцип, что неимущие, отказавшись от своей свободы, имеют право на поддержку. Общество оплачивает расходы, но закрывает их и заставляет работать. Поскольку такое состояние им противно, они избегают работного дома, насколько это возможно". Подобные учреждения существовали во Франции до революции. (SR).]

34170 ([возврат](#))

[Съез (цитируется по Barante, "Histoire de la Convention", III. 169) так описывает это: "Фальшивомонетки, самый смертельный враг, который когда-либо был у французского

народа, беспрестанно блокировали подходы к Конвенту... При входе или выходе из Конвента изумленному зрителю казалось, что внезапно произошло новое нашествие варварских орд, новое нашествие прожорливых, кровожадных гарпий, слетающих сюда, чтобы схватить революцию, как будто она была естественной добычей их вида"]].

34171 ([возврат](#))

[Gouverneur Morris, II. 241. Письмо от 23 октября 1792 года. "Население - то, что, слава Богу, неизвестно в Америке" - он часто настаивает на этой важной характеристике Французской революции. Об этом постоянно присутствующем классе см. точную и полную работу доктора Ломброза "L'Uomo delinquente", подкрепленную фактами].

34172 ([возврат](#))

["Мортимер-Терно", VII. Письмо депутата Лапланя, 6 июля].

34173 ([возврат](#))

[Meillan, 51.-Buche et Roux, XXVII. 356. Официальный отчет Коммуны, заседание 1 июня. Во второй половине дня Марат приходит в коммуну, изводит совет и придает восстанию последний импульс. Очевидно, что он был главным действующим лицом в оба эти дня (1 и 2 июня)].

34174 ([возвращение](#))

["Петион", 116.]

34175 ([обратно](#))

[Schmidt, I. 370.-Mortimer-Ternaux, VII. 391. Письмо Маршана, члена Центрального комитета. "Я видел, как Шометт делал все возможное, чтобы помешать этой славной революции,... восклицал, проливал слезы и рвал на себе волосы" -Buche et Roux, XXVIII. 46. По словам Саладина, Шометт дошел до того, что потребовал ареста Эбера].

34176 ([возврат](#))

[Mortimer-Ternaux, VII. 300.- Cp. "Le vieux Cordelier", C. Desmoulins, No. 5].

34177 ([возврат](#))

[Mallet du Pan, II. 52. (8 марта 1794 г.).- Титулярным генералом революционной армии был Ронсен. "До Революции он был писакой, зарабатывавшим себе на жизнь и репутацию, работая в бульварных лавках... Однажды один человек донес ему, что его сотрудники "ведут себя очень дурно, тиранятся самым возмутительным образом в театрах и везде, бьют женщин и рвут на куски их чепцы. Ваши люди совершают изнасилования, грабежи и резню". На что он ответил: "Ну и что же мне делать? Я знаю, что они такие же грубияны, как и вы; но именно такие люди нужны мне для моей революционной армии. Найдите мне честных

людей, если сможете, которые займутся этим делом"" (Prudhomme, "Crimes de la Révolution", V. 130.)).

34178 (возврат)

["Buche et Roux", XXIX. 152.]

34179 (возврат)

[Beaulieu, "Essais sur la Révolution", V. 200.]

34180 (возврат)

[Schmidt, II. 85. Отчет Дютара от 24 июня (о просмотре предыдущего вечера) "Некий ремесленник низкого класса, который, как мне показалось, был солдатом... По-видимому, он общался только с беспорядочными людьми; я уверен, что его нашли бы любителем азартных игр, вина, женщин и всего того, что свидетельствует о дурном характере"].

34181 (возвращение)

[Шарлотта де Кордей д'Армон, 1768-1793 гг. Молодая француженка, ударившая ножом Марата в его ванной. Приверженка Революции, она считала Марата ответственным за ликвидацию жирондистов и установление террора. Была гильотинирована. (SR.)]

34182 (возврат)

[Lauvergne, "Histoire de la Révolution dans le département du Var", 176. В Тулоне "дух контрреволюции был не чем иным, как чувством самосохранения". То же самое было и в Лионе. (Nolhac, "Souvenir de trois années de la Révolution à Lyon", p. 14.)].

34183 (возврат)

[Gouverneur Morris, II. 395. Письмо от 21 января 1794 года. "Если признать, что утверждали лица, которые в состоянии знать правду и глубоко заинтересованы в доказательстве обратного, то несомненной истиной является то, что девяносто девять сотых противятся всем идеям расчленения и будут бороться, чтобы предотвратить его"].

34184 (возврат)

["Mallet du Pan", II. 44.]

34185 (обратно)

[Карно, Лазар, Николя, 1753-1823, военный инженер и математик, член комитета общественной безопасности, занимался организацией армий республики и их наступательной тактикой. (SR.)]

34186 ([возврат](#))

[Среди прочих документов, следующее письмо покажет качество этих рекрутов, особенно рекрутов 1791 года, которые были гораздо лучшими людьми. (Письмо от муниципальных чиновников Дората, 28 декабря 1792 г., "Archives Nationales", F7, 3275). "Коммуна Дорат состоит из трех классов граждан: Самый богатый класс, состоящий из лиц, утвердившихся в предрассудках старого режима, был разоружен. Второй, состоящий из обеспеченных людей, занимает административные должности. Именно против них направлена ярость буйных; но те из них, кто мог оказать сопротивление, уехали сражаться с врагом за границу. Третий класс, самый многочисленный, состоит частично из мятежников, частично из рабочих, которые, не смея участвовать в восстании, довольствуются тем, что хотят получить налог на зерно" -Туллонжон, "История Франции после революции", IV. 94. "Не унижайте нацию, приписывая ей низменные мотивы и подневольный страх. Напротив, каждый чувствовал в себе возвышенный инстинкт заботы об общественном благе" - Гувьон Сен-Сир, "Мемуары", I. 56: Молодой человек постыдился бы оставаться дома, когда независимость нации была под угрозой. Каждый бросал учебу или профессию].

34187 ([возврат](#))

[Гувьон-Сен-Сир, 26. "Манифест Брауншвейга приписывает Франции более ста батальонов, которые в течение трех недель были подняты, вооружены и выведены в поле"].

34188 ([возврат](#))

[В отношении этих настроений см. Гувьон Сен-Сир, "Мемуары", и Фервель, "Кампании Французской революции в восточных Пиренеях"].

34189 ([возврат](#))

[Stendhal, Memoires sur Napoléon.]

34190 ([вернуться](#))

[Gouvion-Saint-Cyr, "Memoires", p.43. "Патриотизм компенсировал все; он один дал нам победу; он удовлетворял наши самые насущные потребности"].